

Начало балканской драмы. (Политическое обозрѣніе).

Въ ту минуту, когда пишутся эти строки, четыре балканскихъ государства заключили между собою союз, извели общую мобилизацію, а въ ту минуту, когда эти строки попадутъ на глаза читателю, быть-можетъ, полуостровъ будетъ уже со всѣхъ концовъ охваченъ орошенъ цѣлыми морями крови. Событія идутъ такъ, такъ неожиданно развертываются въ міровой драмы, казалось, такъ легко было предотвратить кровавую развязку спора. Какія ультимативныя требованія ставя поднявшія противъ нея оружія-маленькія христіанскія Оны требуютъ только одного—коренной реформы въ у

обязательствъ ни
Въ теченіе 30 м
Виде

Н. ШВАЛЬЕ
(М. Т. - А. С.)

КОЛО БОЛГАРСКОЙ ВОЙНЫ

Двадцать и сорокъ девять любительскихъ
фотографій, А. Пилленко.

Правда о войнѣ на Балканахъ.

Записки военного корреспондента.

Н.С. Гусев

БОЛГАРИЯ, СЕРБИЯ и РУССКОЕ ОБЩЕСТВО ВО ВРЕМЯ БАЛКАНСКИХЪ ВОЙН 1912-1913 гг.

Александръ I, Князь Болгаріи.

Фердинандъ,
царь Болгаріи.

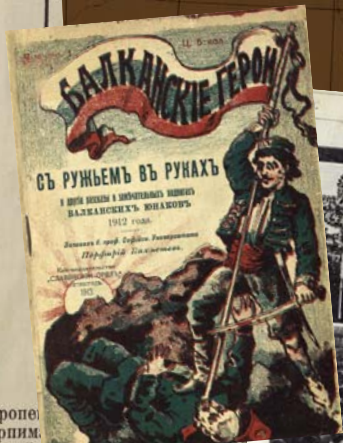
Король сербскій
Николай I.

Сербскій король
Петръ I.

Георгій I,
король Греціи.

У храма Воскресенія въ Москвѣ.

европейское государство, обязано заботиться и великія державы Европы, которыя не имѣютъ права передъ лицомъ цивилизаціи терпѣть въ своей семьѣ

натура...
умѣть понимать и чувство

Н.С. Гусев

БОЛГАРИЯ,
СЕРБИЯ
и РУССКОЕ
ОБЩЕСТВО
ВО ВРЕМЯ
БАЛКАНСКИХ
ВОЙН
1912–1913 гг.

«ИНДРИК»

Москва 2020

УДК 94(497.1-2):323/324

ББК 63.3(4)

Г 96

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского фонда фундаментальных исследований
(проект № 20-19-00132, не подлежит продаже)

Ответственный редактор:
кандидат исторических наук А.А. Силкин

Рецензенты:
доктор исторических наук Т.В. Волокитина,
доктор исторических наук Я.В. Вишняков

Гусев Н.С.

Болгария, Сербия и русское общество во время
Балканских войн 1912–1913 гг. М.: Индрик, 2020. – 520 с.

ISBN 978-5-91674-592-4

DOI 10.31168/91674-592-4

Балканские войны 1912–1913 гг. являются узловым моментом в истории полуострова в XX в. и в истории славянской идеи. В книге рассматривается место, которое заняли Болгария и Сербия в жизни русского общества во время Балканских войн 1912–1913 гг., показаны действия этих стран по формированию нужных им настроений для достижения наибольших территориальных приобретений. На основе публикаций того времени реконструируется сложившийся образ Болгарии и Сербии, предпринимается попытка восстановить реальную картину жизни этих государств кануна Первой мировой войны и ее особенности, понять своеобразие вестернизации «по-балкански».

Для специалистов по истории Балкан, русской общественной жизни начала XX в., а также широкого круга читателей, интересующихся прошлым России, балканских народов и славянской идеи.

© Гусев Н.С., Текст, 2020

© Оформление, Издательство «Индрик», 2020

*Светлой памяти
Андрея Леонидовича Шемякина
(1960–2018)*

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	9
Предисловие	9
К вопросу об определениях и подходе	11
Обзор источников. Русские очевидцы Балканских войн	20
Обзор научной литературы	45
 ГЛАВА I. ПЕРВАЯ БАЛКАНСКАЯ ВОЙНА И РУССКОЕ ОБЩЕСТВО	 89
Реакция русского общества на начало Первой балканской войны	89
Пестрая мозаика отношения разных слоев и политических сил к войне на Балканах	126
Причины симпатий к Балканскому союзу	146
 ГЛАВА II. БОРЬБА БОЛГАР И СЕРБОВ ЗА РУССКИЕ СИМПАТИИ В 1912–1913 гг.	 165
Почему София и Белград боролись за поддержку со стороны русского общества	165
Создание «нужного» представление войны на Балканах	177
Жестокие «чужие» и гуманные «свои»	178
Справедливая война, требуемая народом	190
Борьба за территориальные приобретения при помощи русского общества	205
Сербское наступление: желание выхода к Адриатике, едва не приведшее к европейской войне	208

Черногорское наступление: давление через уличные манифестации	240
Битва за Македонию	258
Диспозиция	261
«Сражение»	287
Имело ли смысл это давление?	318

ГЛАВА III. БОЛГАРИЯ И СЕРБИЯ В ВОСПРИЯТИИ РУССКОГО ОБЩЕСТВА .....

327

Военно-политическое руководство обеих стран глазами русских	327
Город как зеркало государства	358
Нравы и характеры народов	367
Победоносные армии и их порядки	373
Реакция болгар и сербов на объявление Первой балканской войны	404
Мотивы поведения болгар и сербов в ходе Балканских войн	414

ГЛАВА IV. ВТОРАЯ БАЛКАНСКАЯ ВОЙНА – СМЕНА НАСТРОЕНИЙ РУССКОГО ОБЩЕСТВА .....

447

ЗАКЛЮЧЕНИЕ	463
ИСТОЧНИКИ И ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА	471
ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ	511

ВВЕДЕНИЕ

Предисловие 9

К вопросу
об определениях и подходе 11

Обзор источников.
Русские очевидцы
Балканских войн 20

Обзор научной литературы 45

ВВЕДЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Прошло более ста лет с окончания Балканских войн 1912–1913 гг., но их последствия сказываются до сих пор. В результате вооруженного столкновения лета 1913 г. Вардарская Македония оказалась в составе Сербии, что привело Болгарию в стан ее противников, а вместе с тем и противников России (СССР) в обеих мировых войнах. Влияние Балканских войн 1912–1913 гг. можно заметить и в событиях, связанных с распадом СФРЮ, и в Косовском кризисе.

Россия традиционно имела особое отношение к славянским государствам Балкан. «Дежурное» чувство этноконфессионального родства, романтическое восприятие сербов и болгар сохраняются у русских и поныне. В то же время отсутствует реальное знание этих народов: представления о них часто ограничены набором стереотипов и штампов, практически неизменных с XIX в. При этом по-прежнему существуют настроения, согласно которым балканские государства, в частности Болгария и Сербия, самым своим существованием обязаны России. В связи с чем имеет место непонимание (или нежелание понять) действий Белграда и Софии, когда они идут вразрез с интересами Москвы, попытки объяснить это наличием в болгарском и сербском руководстве марионеток и агентов, действующих в интересах других государств и противостоящих основной массе населения.

Балканские войны 1912–1913 гг. являются важным этапом в развитии взаимоотношений России и южнославянских народов. Первая из них стала последним моментом, когда все еще теплилась идея славянской взаимности, сохранялись надежды на единение родственных народов, вторая же — доказала несостоятельность подобных настроений.

В последовавших мировых войнах славянские народы находились по обе стороны линии фронта.

Во время Первой балканской войны русское общество испытывало восторг и радость от сбывающихся надежд. Молодые балканские государства поднялись на борьбу против Турции, и это показалось экзаменом на их зрелость и самостоятельность. На Балканы отправились русские корреспонденты, чтобы воочию наблюдать этот знаменательный процесс и рассказать о нем обществу. Внимание уделялось в основном двум крупнейшим государствам полуострова – Болгарии и Сербии, причем первой из них ощутимо больше. Это объясняется не только размерами стран, но и их географическим положением. Для современников было очевидным, что, как выразился писатель Вас. И. Немирович-Данченко, «разрешится освободительная война между Адрианополем и Чатаджой»¹ – решающие события в борьбе с Османской империей развернутся на восточном театре действий, а не в Македонии. Потому, даже несмотря на преимущество Сербии в созданных для представителей печати условиях, они стремились на восток. В итоге присутствие болгар в публикациях оказалось значительнее по своим масштабам. Подтверждение тому – иллюстративный материал на страницах печати. Например, в исследуемое время в журнале «Нива» появилось три изображения, связанных с турецкой армией, три – с греческой, по одному – с армиями Черногории и Сербии и тринадцать иллюстраций, касающихся болгарской армии. Такой дисбаланс в соотношении источников относительно этих стран вынужденно переносится и в настоящую книгу.

Пасторальная идиллия осени 1912 г. весной следующего года сменилась разочарованием от сначала информационной, а затем и вооруженной борьбы славян между собой. Оценки кардинально изменились, что свидетельствует

---

¹ Немирович-Данченко Вас. И. Собр. соч. Т. XIV. СПб., 1913. С. 23.

о субъективности восприятия балканских славян. Вдобавок создаваемая картина во многом определялась тем, как корреспонденты подавали информацию. Однако они редко могли избавиться от стереотипов в изображении болгар и сербов. Данный факт позволяет проследить этот набор штампов. Но одновременно журналисты смотрели на происходящее со стороны, их взгляд подмечал те детали, которые местному населению могли казаться извечными, само собой разумеющимися, а потому и не важными для упоминания. По этим причинам с высоты сегодняшнего дня важно оценить адекватность восприятия русским обществом балканских государств, а также попытаться понять, почему они поднялись сначала на одну, а затем и на вторую войну.

Для достижения же данной цели необходимо ответить на три вопроса, определяющих структуру данной книги.

Какова была степень интереса русского общества к Балканским войнам 1912–1913 гг., как на нее влияли события на полуострове и разница в социальном и экономическом статусе населения?

Как, при помощи кого и с каким успехом Болгария и Сербия пытались оказывать давление на официальный Петербург, стараясь манипулировать общественным мнением?

Какими Болгария и Сербия, их жители представляли в глазах русского общества?

К ВОПРОСУ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИЯХ И ПОДХОДЕ

Прежде всего стоит указать, что же понимается под русским обществом. «Русское» – в данном случае не этническое определение, а характеристика, основанная на общности языка и культуры, отождествлении самого человека с данным социумом и шире – цивилизацией. В том его максимально широком виде, как указанное определение могли понимать в конце XIX – начале XX в., когда оно не обязывало

ни к православию, ни к лояльности властям, ни уж тем более к соответствующей крови².

На «обществе» и «общественном мнении» стоит остановиться подробнее. Традиционно, изучая эти понятия по отношению к эпохе до массового распространения радио и телевидения, авторы ограничиваются анализом прессы, которую и преподносят в качестве выразителя настроений масс. Но в таком случае общество ограничивается лишь читающей публикой, и, судя по выборке изданий в большинстве работ исследователей, публикой, читающей газеты Петербурга и Москвы. В действительности же пресса далеко не всегда отражала полноту оценок, к тому же довольно свободная русская периодическая печать того времени предоставляет нам столь широкую палитру оценок, что невозможно определить, какие из них преобладали. В связи с этим мы не согласны с отождествлением мнения общества и мнения печати (в англоязычной традиции *public opinion* и *published opinion*), хотя, бесспорно, они находятся в тесной взаимосвязи, влияют друг на друга. «Не всегда опубликованное мнение становится общественным, но без лидерства этой формы элитарного мнения новое общественное мнение не сможет реализоваться»³, – справедливо утверждала немецкий социолог Э. Нозль-Нойман.

И в этой связи мнение печати становилось средством манипуляции и изменения общественного мнения, в том числе инструментом в руках противоборствующих группировок – групп давления, говоря языком политологии, чему посвящена вторая глава книги. Одним из методов работы группы давления является воздействие на общественное мнение с прицелом на то, что оно начнет оказывать давление на собственное

---

² Об эволюции данного термина см.: Иванов А.А. Вызов национализма: лозунг «Россия для русских» в дореволюционной общественной мысли. СПб., 2016. С. 102–122.

³ Нозль-Нойман Э. Общественное мнение. Открытие спирали молчания / пер. с нем. М., 1996. С. 377.

правительство. Хотя Российскую империю кануна Первой мировой войны сложно назвать государством, в котором общество определяло политику напрямую, руководство страны тем не менее было вынуждено прислушиваться к своим подданным.

Однако и внутри самого социума воздействию пропаганды все поддавались в разной степени. Так, американский социолог Дж. Цаллер на примере эффекта предвыборных обещаний разделил общество по качеству восприятия пропаганды на три категории. Первая менее подвержена воздействию чужой точки зрения, поскольку заинтересованность вопросом сопровождается достаточным знанием и способностью к критическому осмыслению. Вторая, средне осведомленная часть публики «подвержена влиянию в наибольшей степени: она уделяет достаточно внимания политике, чтобы узнавать о предвыборных обещаниях кандидата, но обладает недостаточными когнитивными ресурсами, чтобы сопротивляться пропаганде». Третья группа населения никак не реагирует на воздействие, поскольку лишена интереса к теме⁴. Таким образом, целью групп давления были не специалисты по Балканам и не рабочие, их интересовала читающая интеллигенция, но недостаточно разбирающаяся в реалиях региона и нюансах международных отношений.

Общественное мнение сложно для изучения, в особенности если речь идет об обществе, канувшем в Лету. Понимая под обществом совокупность вступающих в коммуникативный обмен индивидов, которые влияют на социум и сами находятся под его влиянием, мы получаем возможность решить поставленную задачу. В таком случае следует изучить мнение каждого представителя общества, для чего необходимо использовать все возможные источники, попытаться найти каждую часть этой мозаики. Хотя заявлять о решении

---

⁴ Цаллер Дж. Происхождение и природа общественного мнения / пер. с англ. М., 2004. С. 59.

задачи во всей полноте, как минимум, утопично, требуется оставить пустыми в мозаике лишь те части, без которых общая картина не изменится.

Стоит упомянуть об определенной сложности изучения образов в общественном сознании, особенно в переломные моменты, какими являлись Балканские войны. Человек подсознательно старается избежать изоляции и потому склонен умалчивать о своей точке зрения, если она расходится с доминирующей в обществе. Указанный феномен Э. Ноэль-Нойман назвала спиралью молчания и описала ее следующим образом: «Кто видит, что его мнение находит все большую поддержку, тот высказывается прилюдно, забывая об осторожности. Кто видит, что его позиция теряет свою опору – поддержку других, – погружается в молчание»⁵.

Под общественным мнением, на наш взгляд, стоит понимать совокупность точек зрения, в которой необходимо разделять суждения на различные потоки и направления. В силу отсутствия такого инструмента, как социологический опрос, мы вынуждены следовать в большинстве вопросов за высказанным мнением. Однако здесь важно подчеркнуть, что и печать обязана учитывать настроения общества, идти в чем-то у него на поводу. В итоге исследуемый предмет замыкается в некий уроборос, где в бесконечном взаимовлиянии складывается картина мира глазами социума.

И она, как представляется, не может быть тождественна реальности. Это связано с тем, что действительность, как луч света через многогранную призму, несколько раз преломляется, доходя до нас. Событие происходит. Его увидел индивид – первое преломление, поскольку он видел то, что смог или хотел увидеть. Далее он осмысливает полученную информацию – второе преломление. На этих двух этапах картина искажается наиболее значительно. Отправившиеся на Балканы представители прессы не были некими идеальными как мате-

---

⁵ Ноэль-Нойман Э. Указ. соч. С. 381–382.

матическая модель корреспондентами, а обладали общими для всех людей свойствами восприятия, искажавшими картину. К таковым относятся избирательность восприятия (внимание обращается не на все сразу, а на отдельные проявления материальной или духовной культуры), глобализация (рассмотрение черт в целостной системе, что приводит к их искажению) и проективность (проекция особенностей своей культуры на иную, что влечет за собой видение не реальной, а желаемой картины)⁶.

Последняя наиболее важно, поскольку избавиться от стереотипов могли далеко не все. «В огромном шумном многоцветии внешнего мира мы вычленим то, что уже было определено нашей культурой»⁷, – писал в начале XX в. американский социолог У. Липпман. Он связывал это с экономией усилий: «Ведь попытка увидеть все вещи заново и в подробностях, а не как типы и способы обобщения утомительна, а если вы очень заняты, то она практически обречена на провал»⁸. Добавим, что корреспонденты на Балканах пребывали далеко не в кабинетных условиях, располагающих к вдумчивым размышлениям. Постоянное передвижение, бытовая неустроенность, война и холера приводили к подавлению мыслительных способностей. Отправляясь на Балканы, представители печати уже несли в себе сформировавшиеся стереотипы – мало кто из них знал жителей полуострова, понимал специфику региона. В таких случаях, утверждал У. Липпман, появляется привычка «втискивать в узкие рамки стереотипа то, что в него может быть втиснуто, и отбрасывать то, что в него не помещается»⁹. По словам отечественных исследователей

---

⁶ Россия и Запад. Формирование внешнеполитических стереотипов в сознании российского общества первой половины XX века. М., 1998. С. 3.

⁷ Липпман У. Общественное мнение / пер. с англ. М., 2004. С. 97.

⁸ Там же. С. 103.

⁹ Там же. С. 126.

А.С. и Е.С. Сенявских, в случаях, когда увиденное противоречит стереотипу, большинство предпочитает этого не замечать, сохраняя свои взгляды неизменными¹⁰. Причем в нашем случае это касалось не только восприятия болгар и сербов, но и социально-политических реалий Болгарии и Сербии. Увидев маркеры какого-то явления, в большинстве случаев представители печати моментально писали о его наличии (например, демократии), игнорируя очевидные противоречия или искажения образца, нередко при этом по-разному относясь к подобным явлениям.

После таких преломлений наступает черед третьего: автор передает информацию такой, какой ему хочется или какой он может ее передать в силу ограничений языка, морали, цензуры или еще чего-либо. И это в случае изучения нами свидетельств очевидцев событий. Если же они опубликованы в газете, с ними ознакомился следующий индивид, отразил в своем дневнике, то количество преломлений общественного мнения по дороге к исследователю увеличивается пропорционально.

В то же время обращение к сведениям русских наблюдателей имеет ощутимый научный потенциал¹¹. Благодаря им можно заглянуть за фасад официальной статистики, законодательства и прочего, поскольку очевидцы видели реальную жизнь, а не ее образ на бумаге, зачастую даже не подозревая, что идут вразрез или в полном согласии с официальной точкой зрения. Человеку не свойственно замечать явления привычные и само собой разумеющиеся. Однако он способен их

---

¹⁰ Сенявский А.С., Сенявская Е.С. Историческая имагология и проблема формирования «образа врага» (на материалах российской истории XX в.) // Вестник РУДН. Серия: История России. 2006. № 2 (6). С. 58.

¹¹ Подробнее о наших взглядах на это см.: Гусев Н.С. Южные славяне в начале XX века: перспективы и сложности научного подхода // Славяноведение. 2019. № 1.

увидеть на контрасте, сопоставляя с уже имеющимся представлением о феномене. Это же отмечал отечественный филолог и культуролог Ю.М. Лотман, указывая, что норма для носителя культуры «не только очевидна, но и порой незаметна», «иностранцу же странной и достойной описания кажется сама норма жизни, обычное “правильное” поведение»¹².

Большое значение имеет тот факт, что в данном случае мы говорим именно о текстах русских, а не европейских очевидцев. Для последних проще было представить образ жизни африканских племен, нежели балканских народов. Как заметил словенский антрополог и культуролог Б. Езерник, «Запад в целом никогда не был готов видеть Балканы такими, какими они являлись в действительности»¹³. Русские авторы оказываются для исследователя более полезными в силу ряда причин.

К началу XX в. многие путешественники и ученые побывали на Балканах, не один солдат в ходе русско-турецких войн посетил полуостров, многократно регион описывался в печати. К тому же сербы, болгары, черногорцы были не в диковинку в России, где учились, работали или жили.

Соответствие действительности в русских описаниях намного выше не только в силу более тесного знакомства с южными славянами. Как подчеркивал российский историк А.Л. Шемякин, «русский взгляд», основанный на конфессиональной близости и схожести ценностей, проникал глубже, чем «европейский», которому было присуще постоянное осознание собственного превосходства¹⁴. И это замечали

---

¹² Лотман Ю.М. История и типология русской культуры. СПб., 2002. С. 677.

¹³ Езерник Б. Дикая Европа: Балканы глазами западных путешественников / пер. со словен. М., 2017. С. 9.

¹⁴ Шемякин А.Л. Post scriptum // Человек на Балканах: Особенности «новой» южнославянской государственности: Болгария, Сербия, Черногория, Королевство СХС в 1878–1920 гг. / отв. ред. А.Л. Шемякин. М., 2016. С. 402.

сами русские ученые и путешественники. Так, в XIX в. известный славист П.А. Ровинский, находясь в Сербии, утверждал, что иностранцы «на все явления народной жизни смотрят издалека и свысока, схватывают их поверхностно и дают им толкование по своему вкусу или по своим субъективным воззрениям»¹⁵.

Третье, что следует отметить, русских традиционно на Балканах привечали, пускали туда, куда европейцам вход был запрещен. «То, что недоступно в Сербии для каждого иностранца, вполне открыто для нас»¹⁶, – писал тот же П.А. Ровинский. В 1912–1913 гг. союзники при помощи цензуры старались избежать рассекречивания своих планов и лицемерия европейской общественностью неблагородной изнанки войны¹⁷. Но и тут к русским было иное отношение. «Там, где иностранец не мог проехать, имя русского служило паспортом и рекомендацией»¹⁸, – словно вторил П.А. Ровинскому в журнале «Вестник Европы» журналист М.А. Осоргин. А позднее он вспоминал, что в Старой Загоре местный градоначальник выдал ему лучшую лошадь, ответив на вопрос об участии остальных корреспондентов: «Нам не до других, а вы – русский»¹⁹. Ну и наконец, языковой барьер не был столь высок, как в случае с европейцами, и позволял общаться с местным населением на различные темы, менее подбирая слова, а значит – менее обдумывая и отфильтровывая их.

---

¹⁵ Цит. по: *Шемякин А.А.* Сербские сочинения П.А. Ровинского (первичное осмысление и перспективы исследования) // *Славяноведение*. 2017. № 3. С. 91.

¹⁶ *Шемякин А.А.* Post scriptum... С. 401.

¹⁷ *Шипчанов И.* Вестители на бойна слава (военните кореспонденти през Балканската война от 1912–1913 г.). София, 1983. С. 19–67.

¹⁸ *Вестник Европы*. 1913. № 2. С. 314.

¹⁹ *Осоргин М.* Заметки старого книгоеда: Воспоминания / сост., примеч. О.Ю. Авдесевой. М., 2007. С. 526.

Однако здесь на пути исследователя возникает методологическая сложность. «В любом случае нам не следует ожидать от путешественников “фотографического” отчета»²⁰, – точно описал проблему отечественный историк М.В. Белов. Авторы текстов никогда не бывают для нас идеальными проводниками в мир увиденного ими, а всегда являются призмой, через которую преломляется картина прошлого. И для того чтобы полноценно задействовать эти источники, необходимо, по словам Ю.М. Лотмана, выявить «коэффициент искажения»²¹.

Для этого нужно понять, в какой обстановке создавался используемый источник. Российский историк П.С. Куприянов отметил, что, «создавая текст своего “путешествия”, автор неизбежно ориентировался на ожидания адресата – читателя этого текста»²². Требовалось понимание ситуации и колебаний общественных настроений, чтобы угадать ожидания читателей, а вместе с ним – и издателя. А они уже зависели от политической конъюнктуры. Поэтому, как мы увидим, изображение Болгарии в период побед Первой балканской войны ощутимо отличается от картины, нарисованной во время Второй балканской войны. Однако большую и, вероятно, главную роль в искажениях играла позиция автора. Для «исправления» картины необходимо хотя бы вкратце остановиться на использованных источниках.

---

²⁰ *Белов М.В.* Стереотипы, ментальные карты, имагология: методологические апории // Открытие «братьев-славян»: русские путешественники на Балканах в первой половине XIX века / сост. М.В. Белов. СПб., 2018. С. 521.

²¹ *Лотман Ю.М.* Указ. соч. С. 683.

²² *Куприянов П.С.* Представления о народах у российских путешественников начала XIX в. // Этнографическое обозрение. 2004. № 2. С. 25.

ОБЗОР ИСТОЧНИКОВ. РУССКИЕ ОЧЕВИДЦЫ БАЛКАНСКИХ ВОЙН

В поиске ответов на поставленные вопросы помогают документы органов охраны правопорядка, Государственной думы, Министерства иностранных дел. Немалое влияние на общественные настроения оказывали книги публицистов, брошюры, разъяснявшие суть происходящего, собрания различных обществ и публичные лекции.

Существенную роль в работе над проблемой сыграли источники личного происхождения. Особую значимость имели письма и дневники современников, поскольку информация в них не была отретуширована – писались они для внутреннего пользования. К сожалению, Балканские войны редко становились поводом для личного общения или размышлений. Чаще они встречаются в мемуарах. Но к воспоминаниям участников событий необходимо относиться с большой осторожностью, ведь авторы, как правило, не бывают искренни до конца, умалчивают о некоторых действиях, которые могли быть расценены как порочащие их. К тому же значимую роль играет фактор памяти. Мало кто писал воспоминания на основании дневников, как секретарь русской дипмиссии в Белграде В.Н. Штрандтман²³, или же располагал собственным архивом, как глава Совета министров В.Н. Коковцов. В силу этого некоторые события просто-напросто исчезали из памяти или наслаивались и смешивались, как в мемуарах министра иностранных дел С.Д. Сазонова произошло с сербским и черногорским противостоянием Австро-Венгрии во время Балканских войн. В то же время прибавлялось желание придать себе большую значимость или выставить свою роль в наиболее выгодном свете. И чем длительнее был период между временем написания

---

²³ Шемякин А. «Балканские воспоминания» Василия Штрандтмана // Родина. 2014. № 8. С. 19.

мемуаров и событиями, тем сильнее проявлялась эта особенность человеческой натуры. В итоге, как афористично выразился историк В.В. Кабанов, «и ты уже с маршалом Жуковым воевал бок о бок. Ну, не то чтобы вместе из одного ружья падали, а за папиросами для него бегал»²⁴.

С использованием воспоминаний как источника для реконструкции отношения русского общества к Балканским войнам и их участникам ситуация сложнее. Сразу после интересующих нас событий последовала Первая мировая война, две революции, Гражданская война, а для многих и эмиграция. В связи с этим в памяти большинства людей противостояние православных народов и Турции на далеком полуострове оказалось заслонено более поздними событиями. Да и происходившее в собственной жизни казалось более значимым, к тому же авторы, вероятно, могли считать, что рассказ об общеизвестных фактах не заинтересует читателей.

Так, юным А.Н. Мишагину-Скрыдлову и Б.Н. Пуришеву 1913 год запомнился празднованием юбилея дома Романовых²⁵. Великий князь Александр Михайлович в то время создавал российскую военную авиацию, а на Балканах присутствовали русские летчики; это механическое новшество второй раз в истории применялось для уничтожения, и был открыт мартиролог военных летчиков. Тем не менее в его мемуарах за этот период нет ни слова о войне, речь идет лишь о поездках по Европе²⁶. Для физика С.Т. Тимошенко те годы запомнились обретением профессорского звания²⁷, для историка С.Г. Пушкарева – началом его политической

---

²⁴ Кабанов В.В. Между правдой и ложью. Отечественные мемуары XX века. М., 2004. С. 15.

²⁵ Мишагин-Скрыдлов А.Н. Россия белая, Россия красная. 1903–1927. М., 2007; Пуришев Б.И. Воспоминания старого москвича. М., 1998.

²⁶ Александр Михайлович. Мемуары Великого князя. М., 2001.

²⁷ Тимошенко С. Воспоминания. Киев, 1993.

деятельности и жандармскими проверками²⁸. Выдающийся военный хирург В.А. Оппель в своих мемуарах в период с русско-японской войны и до Первой мировой рассказывал исключительно о друзьях и преподавании медицины²⁹. Аналогична ситуация и с людьми, приближенными ко двору. Фрейлина А.А. Вырубова (Танеева) отметила это время болезнью наследника престола и празднованием юбилея дома Романовых³⁰. Будущий организатор заговора против Распутина Ф.Ф. Юсупов повествовал больше о светской жизни в Англии и о грядущей своей помолвке³¹. Продолжать подобное перечисление можно на многих страницах.

Исследование общественного мнения невозможно без изучения публикаций СМИ. Поскольку время массового распространения радио и телевидения тогда еще не наступило, то единственным фактором, объединяющим и задающим повестку информационного обмена, являлась печать.

На Балканы отправилось немало представителей русских периодических изданий. Своих корреспондентов имели, например, «Южный край», «Живое слово», «Копейка», «Вятская речь», «Рижский вестник», «Приазовский край», «Отклики Кавказа». Однако, как правило, в данном случае журналисты лишь совмещали работу с крупнейшими газетами³². Но их деятельность затруднялась политикой властей. «Нива» писала, подразумевая печать: «И турки, и союзники заключили между собой оборонительный союз против седьмой великой державы»³³. При помощи цензуры на Балканах всячески старались избежать рассекретивания своих планов

---

²⁸ *Пушкарев С.Г.* Воспоминания историка. 1905–1945. М., 1999.

²⁹ *Оппель В.А.* Мое жизнеописание. СПб., 2002.

³⁰ *Танеева (Вырубова) А.А.* Страницы из моей жизни. М., 2000.

³¹ *Юсупов Ф.* Перед изгнанием: 1887–1919. М., 1993.

³² Централен държавен архив на Република България (далее – ЦДА). Ф. 176К. Оп. 2. А. е. 1482. Л. 63–73.

³³ *Нива.* 1913. 16 февраля. С. 1406.

и лицемерия европейской общественностью неблагородной изнанки войны. На этом настаивали прежде всего военачальники. Тем не менее спустя некоторое время к линии фронта были допущены несколько журналистов, трое из которых представляли российские издания: штабс-капитан Н.П. Мамонтов («Утро России»), полковник В.Н. фон Дрейер («Новое время») и, «конечно, Немирович-Данченко, болгарский любимец и участник Освободительной войны; с ним конкурировать невозможно»³⁴, как с завистью вспоминал оставшийся при главной квартире корреспондент «Русских ведомостей» М.А. Осоргин. Василий Иванович Немирович-Данченко получил от болгарского командования разрешение прибыть на фронт уже 24 сентября³⁵.

После возобновления боевых действий в январе 1913 г. руководство болгарской армии приняло решение и близко к войскам не подпускать корреспондентов. Уже 19 января заместитель главнокомандующего М. Савов отправил премьеру и министру обороны депешу: «При возобновлении операций военные атташе и какие бы то ни было корреспонденты ни в коем случае не будут допущены до театра военных действий. Все останутся в Софии и относительно хода операций будут информированы канцелярией военного министерства»³⁶. Начальник Тайной канцелярии царя Фердинанда С. Добрович писал М. Савову о необходимости удовлетворить просьбы нескольких проверенных, в том числе и европейских, журналистов. С этим был согласен и кабинет министров.

---

³⁴ Осоргин М. Указ. соч. С. 525. Деятельность самого М.А. Осоргина в качестве корреспондента «Русских ведомостей» рассмотрена в: Богданова Е.М. «Русские ведомости»: социально-этический аспект публицистики 1900–1918 гг. (на примере публикаций П.Д. Боборыкина и М.А. Осоргина): Дис. ... канд. филол. наук. Пенза, 2013.

³⁵ ЦДА. Ф. 176К. Оп. 2. А. е. 1222. Л. 2.

³⁶ Там же. Л. 144.

Но генерал недальновидно отказал: «Не печать принесет нам победы, а мораль армии и сохранение в тайне всех наших соображений о проведении операций»³⁷. Глава парламента С. Данев просил М. Савова допустить хотя бы упомянутого Вас. И. Немировича-Данченко как известного болгарофила, человека талантливого и проверенного, но получил ответ: «Неудобно делать исключения для кого бы то ни было. С сожалением вынужден отказать на этом основании и Немировичу-Данченко»³⁸. Генерал был тверд – в архиве сохранился не один его отказ представителям европейской печати³⁹. Лишь 13 марта, в день падения Адрианополя, было разрешено допустить по одному корреспонденту от страны⁴⁰ – видимо, требовались свидетели триумфа. Однако для Болгарии Первая балканская война фактически уже закончилась.

В результате отсутствие достоверной информации приводило к ее выдумыванию. «Описывались подвиги авиаторов, хотя пока здесь нет и авиаторов. Трогательна была дочь генерала Попова, но такой генерал нашелся – в отставке, и никакой дочери у него не оказалось... Выигрывались и проигрывались сражения, сдавались и брались крепости и города, когда армии еще только перешли границу»⁴¹, – писал Вас. И. Немирович-Данченко. Другой корреспондент рассказывал, как появлялись новости: «Сидит человек в комнатке около цензурного бюро и строчит описание того, как осаждают Адрианополь. С подробностями, с техническими выражениями, номерами дивизий и с описаниями геройских поступков»⁴². Такая же история произошла и со взятием Лозенграда. Турецкие войска отступили

---

³⁷ Цит. по: *Шипчанов И.* Указ. соч. С. 57.

³⁸ Цит. по: Там же.

³⁹ ЦДА. Ф. 176К. Оп. 2. А. е. 1222. Л. 155–160.

⁴⁰ Там же. Л. 165.

⁴¹ *Немирович-Данченко Вас. И.* Собр. соч. Т. XIV. С. 22.

⁴² *Пиленко А.А.* Около Болгарской войны: Дневник и сорок девять любительских фотографий. СПб., 1913. С. 17–18.

из него, оставив небольшой отряд арьергарда. Тем не менее пресса рисовала картины ожесточенного сражения, а перечень трофеев просто захватывал дух. Софийские газеты приводили следующие данные: 40 тысяч пленных, 40 тысяч ружей, сотни пушек, миллионы килограммов провизии; среди пленников – принцы, министры, паши. «Только принцесс и павлинов не хватало»⁴³, – иронизировал один из журналистов.

Часть корреспондентов по возвращении собрали собственные впечатления в книгах. Этот тип источников интересен по нескольким причинам. Во-первых, в них были помещены статьи, как правило, уже опубликованные в прессе; во-вторых, издавались они сразу же – в 1913 г., поэтому продолжали создавать образ Балканской войны, пока та еще не закончилась; в-третьих, в отличие от корреспонденции с театра военных действий эти тексты не подвергались цензурированию в Болгарии и Сербии; в-четвертых, являлись не сугубо новостным повествованием, а развернутым описанием увиденного.

Первым среди авторов подобных источников назовем Василия Ивановича Немировича-Данченко⁴⁴. Родился он 24 декабря 1844 г. в Тифлисе в семье офицера. Детство провел на Кавказе в разгар войны с Шамилем. Переезды вместе с отцом и братом, будущим известным режиссером⁴⁵,

---

⁴³ *Троцкий Л.Д.* Соч. Т. 6. М.; Л., 1926. С. 149, 167; *Он же.* Перед историческим рубежом. Балканы и Балканская война. СПб., 2011. С. 113–114, 127.

⁴⁴ Подробнее о его биографии см: *Кулагина А.А.* Публицистика В.И. Немировича-Данченко в русско-турецкую войну 1877–1878 годов // Век информации. 2015. № 2; *Хмара В.* Возвращение // *Немирович-Данченко Вас. И.* На кладбищах: Воспоминания. М., 2001; *Эрлихман В.* Режиссер на театре военных действий // Родина. 2017. № 5.

⁴⁵ Маршал С.С. Бирюзов почему-то считал, что писатель носил инициалы «И.В.» и являлся отцом театральному деятелю (*Бирюзов С.С.* Советский солдат на Балканах. М., 1963. С. 244).

позволили ему посетить Грузию, Азербайджан и Дагестан. Там он впервые стал проявлять внимание к деталям жизни и нравов народов. Поступив в кадетское училище в Москве, а после смерти отца бросив его, Вас. И. Немирович-Данченко отправился в Петербург, рассчитывая там войти в мир писателей.

Однако случайные заработки в бульварных изданиях не обеспечивали ему желанного уровня жизни, и он совершил проступок, за который был сослан в Архангельск. Ссылка стала для него трамплином к будущей известности. Он начал писать статьи в популярном тогда жанре путевых заметок, обильно насыщая их деталями быта и нравов местного населения, пейзажными зарисовками, рассказами о дорожных приключениях и интересных встречах. Эти работы выходили в ведущих российских журналах, тепло встречались критикой и ввели их автора в число наиболее популярных журналистов страны.

В 1876 г. Сербия объявила войну Османской империи. На стороне маленького славянского государства сражались русские добровольцы, возглавлял сербскую армию знаменитый покоритель Ташкента генерал М.Г. Черняев. Не смог усидеть на месте и Василий Иванович, отправившийся на театр военных действий и даже получивший там легкое ранение в ногу и солдатского Георгия. А через год, когда началась русско-турецкая война, журналист вновь оказался на Балканах, и последовавшие события стали его звездным часом.

Репортажи из-под Плевны, с Шипки и зимнего перехода через Балканы, подписанные псевдонимом «Шесть», снискали Вас. И. Немировичу-Данченко общероссийскую славу; тем временем грудь его украсил второй солдатский Георгиевский крест. По окончании войны впечатления и очерки послужили основой для ряда произведений. Поездка 1879 г. в молодое строившееся государство восхитила писателя, под чьим пером родилась еще одна книга о Болгарии. Поэтому он, к тому моменту побывавший

вдобавок на русско-японской войне и окончательно закрепившийся в статусе патриарха отечественной военной журналистики, не мог упустить возможность увидеть изгнание Турции из Европы силами недавно освобожденных.

В 1912 г., несмотря на солидный возраст, он отправился в статусе корреспондента газеты «Русская мысль» в Софию⁴⁶. «Ибо хорошо известно, что без Василия Ивановича ни одна порядочная война не делается, и в каждой порядочной войне он – в роде напутственного молебна с водосвятием»⁴⁷, – иронизировал в тот момент его коллега А.В. Амфитеатров. В Болгарии Вас. И. Немирович-Данченко был известен как «большой болгарофил», он обладал связями с болгарской интеллигенцией, знаменитого поэта Петко Славейкова называл своим другом⁴⁸. Сотрудник местного издания «Вечерна пошта» («Вечерняя почта») писал о посланнике «Русской мысли» как о человеке, который «никак не чужд нам, который очень любим нами, который в свои 68 лет сохраняет юношеский восторг и веру настоящего нашего брата в успех нашего оружия»⁴⁹. Поэтому неудивителен факт, что перед его отъездом на родину был дан званый обед, где писателя чествовали как представителя России и русского общества. Правда, обед пришлось переносить, поскольку, согласно письму Вас. И. Немировича-Данченко поэту П. Тодорову, у пребывавшего в возрасте писателя разыгралась

---

⁴⁶ Подробнее о его корреспонденции во время Первой балканской войны см.: *Гусев Н.С.* Патриарх отечественной военной журналистики Вас. И. Немирович-Данченко и его корреспонденция с Первой балканской войны // *Studia historiae Bulgariae et Europae Orientalis*. К юбилею Т.В. Волокитиной / ред. Е.А. Валева [и др.]. М., 2018.

⁴⁷ *Амфитеатров Ал.* Эхо. М., 1913. С. 197.

⁴⁸ *Немирович-Данченко Вас. И.* Собр. соч. Т. XV. СПб., 1913. С. 266–267.

⁴⁹ Вечерна пошта. 1912. 17 окт.

«ревматическая лихорадка»⁵⁰. Впоследствии, когда мероприятие состоялось, газета правящей болгарской партии «Мир» уделила ему заметное место на своих страницах⁵¹.

Вернувшись с Балкан, Вас. И. Немирович-Данченко опубликовал в 1913 г. двухтомную книгу впечатлений «С вооруженным народом»⁵². Автор весьма красочно описал увиденное, но нельзя полностью и безоговорочно доверять этому источнику в связи с большими сомнениями в беспристрастности его творца. Юмористический журнал «Сатирикон» довольно едко высмеял стиль писателя, поместив пародию на сообщения Вас. И. Немировича-Данченко: «Задержаны сербами восемь товарных поездов с австрийскими иглоками, которые предназначены для выкалывания глаз сербам. Отрезанными ногами гяуров засыпают горные пропасти и провозят артиллерию. У убитых турок находят комплекты «Русского слова», переплетенные в обложки из христианской кожи»⁵³. Другой представитель русской печати, Е.Н. Чириков, удивлялся, увидев своими глазами населенный пункт, который Вас. И. Немирович-Данченко описывал⁵⁴. Еще один корреспондент, В.Н. фон Дрейер, вспоминал, что за глаза писателя называли «Немирович-Вральченко». Он обрисовал патриарха отечественной военной журналистики во время

---

⁵⁰ Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. Р8091. Оп. 36. КМФ-5. Болгария, поступление 3А-36. Ед. хр. 264. Л. 1–4.

⁵¹ Мир. 1912. 21 дек.

⁵² *Немирович-Данченко Вас. И.* Собр. соч. Т. XIV–XV. СПб., 1913.

⁵³ Сатирикон. 1912. 19 окт. Там же размещены пародии на Ф. Купчинского, Н.Н. Брешко-Брешковского и некоего «Нововременникова», являвшегося, видимо, собирательным образом газеты «Новое время», поскольку высмеивалось корыстолюбие при одновременном яром антисемитизме.

⁵⁴ *Чириков Е.Н.* Поездка на Балканы. Заметки военного корреспондента. М., 1913. С. 99.

Балканских войн следующим образом: «Крепыш, библейского вида со своими седыми волосами и бородой, среднего роста, очень плотный, он целые сутки, несмотря на свои 60 лет, мог сидеть на лошади и после этого еще строчить свои фельетоны». Вас. И. Немирович-Данченко «с гордостью таскал своего солдатского Георгия», но в военном деле не разбирался, а рядом с Чатаджой панически опасался холеры и все обрызгивал известью⁵⁵.

Своим специфическим, оторванным от реальности взглядом на географию Балкан запомнился он секретарю русской дипломатической миссии в Белграде В.Н. Штрандтману. Вас. И. Немирович-Данченко в разговоре с посланником Н.Г. Гартвигом обвинял главу МИДа С.Д. Сазонова в невежестве, поскольку тот, дескать, считал город Пирот сербским. Дипломаты не стали развеивать иллюзии писателя, дабы реальное положение дел удивило его еще больше. По словам В.Н. Штрандтмана, «очевидно было, что Немирович-Данченко продолжал жить по тексту Сан-Стефанского договора»⁵⁶.

От «Нового времени» отправился постоянный сотрудник этого издания Александр Александрович Пиленко, родившийся в Гатчине в 1873 г. Окончив в 1896 г. юридический факультет Санкт-Петербургского университета, ученик Ф.Ф. Мартенса занялся изучением патентного и международного права, стал преподавателем своей альма-матер и Александровского лицея, а в 1911 г. защитил докторскую диссертацию. Оставив жену и трехмесячного ребенка⁵⁷, он отправился в 1912 г. в Болгарию. Будучи более беспристрастным, нежели Вас. И. Немирович-Данченко, А.А. Пиленко увидел не только парадную сторону «справедливой» войны. Он немало места уделил описанию состояния дорог и служб обеспечения, заметил не только совершенные турками жестокости

⁵⁵ Дрейер В.Н. На закате империи. Мадрид, 1965. С. 129–130.

⁵⁶ Штрандтман В.Н. Балканские воспоминания. М., 2014. С. 184.

⁵⁷ Пиленко А.А. Указ. соч. С. 8.

по отношению к местному населению, но и то, что болгары это старались как можно шире осветить. Симпатии его были явно на стороне воюющих славян, подтверждение чему – следующий эпизод: после падения Лозенграда и разрешения цензуры на публикацию новости об этом корреспондент вскочил в фаэтон, отправился на почту, желая телеграфировать первым, сехал по улице и «кричал, сколько позволял ему голос»: «Лозенград взят!»⁵⁸

От того же «Нового времени» в Сербии присутствовал уроженец Боки Которской личный друг Николы Пашича Иероним Павлович Табурно. В ноябре 1912 г. он собрал свои впечатления в книгу, которая вышла уже в следующем году⁵⁹. Его биография и деятельность во время Балканских войн сами являются важной частью нашего исследования, к ним мы вернемся во второй главе.

На полуострове присутствовал в качестве представителя «Киевской мысли» писатель Евгений Николаевич Чириков. Он родился в 1864 г. в Казани, где поступил в университет, но в 1887 г. за участие в беспорядках был отчислен (отметим: вместе с В.И. Ульяновым, будущим Лениным). Затем ему было суждено долго искать средства к существованию, работая в различных местах, дважды попасть под арест, жить под надзором полиции. В начале XX в. он получил признание как писатель, а с Первой балканской войной, читая газеты, пришел к мысли: «Ба! Немирович-Данченко⁶⁰ уже под турец-

---

⁵⁸ Вечерна поща. 1912. 19 окт.

⁵⁹ Табурно И.П. О сербских битвах (впечатления очевидца войны сербов с турками 1912 г.). СПб., 1913.

⁶⁰ Отметим, что между ними существовали теплые отношения. В 1927 г. Вас. И. Немирович-Данченко поздравлял Е.Н. Чирикова с 40-летием творческой деятельности и называл его «редким по душе товарищем» (Российский государственный архив литературы и искусства (далее – РГАЛИ). Ф. 355. Оп. 2. Ед. хр. 125. Л. 1).

кими пулями!.. Даже Брешко-Брешковский⁶¹! А я-то, я-то... Хорошо бы поехать посмотреть, что там делается! Как-никак, а ведь во всемирную историю вписывается совершенно новая "история с географией"»⁶². Но тут его ждали бюрократические препоны, поскольку выявилась необходимость заполнить графу о роде занятий, получить справку с последнего места работы в лесном департаменте о том, что он уже не служит⁶³. После всех мытарств он очутился в Болгарии. Его корреспонденция выходила в газете «Киевская мысль» обычно через номер, иногда в каждом номере⁶⁴. Вернувшись с фронта, он опубликовал книгу о поездке на Балканы⁶⁵. Она представляет большой интерес в связи с тем, что автора интересовали люди, а не военачальники, не дороги, не собственные пространственные рассуждения. Е.Н. Чириков довольно значительное внимание уделил царящим на Балканах нравам, передал свои диалоги с местными жителями. Правда, иногда он ударялся и в поэтические размышления, глядя, к примеру, на локон женских волос, перевязанных белой шелковой ленточкой, который он нашел в пустом окопе⁶⁶, или же говоря

⁶¹ Имеется в виду писатель и журналист Николай Николаевич Брешко-Брешковский, откомандированный на Балканы газетой «Биржевые ведомости». На основании своих впечатлений он затем написал художественное произведение (*Брешко-Брешковский Н.Н. Под шрапнелью. Из событий последней балканской войны* // Нива. 1913. № 16–24).

⁶² *Чириков Е.Н.* Указ. соч. С. 3.

⁶³ Там же. С. 7.

⁶⁴ *Михайлова М., Назарова А.* Война как пространство антижизни и антикультуры (военные корреспонденции Е.Н. Чирикова с фронтов Первой Балканской и Первой мировой войн) // *Русская литература и журналистика в движении времени. Ежегодник кафедры истории русской литературы и журналистики факультета журналистики МГУ. М., 2013. С. 233–245.*

⁶⁵ *Чириков Е.Н.* Указ. соч.

⁶⁶ Там же. С. 83.

о таящей «какой-то особый, затаенный смысл» кошке, оставшейся в пустой турецкой деревне⁶⁷. Вдобавок и сама компоновка произведения в значительной мере напоминает художественный жанр путешествия.

Через некоторое время Е.Н. Чириков вновь посетил Болгарию – в 1921 г. уже в качестве эмигранта. Несмотря на все свои знакомства, он оказался в тяжелой финансовой ситуации, поскольку, как сообщал в письме А.И. Куприну, там было «невозможно заработать литературой», и уже в 1922 г. переехал в Прагу⁶⁸.

Среди корреспондентов, опубликовавших свои впечатления отдельной типографской единицей, присутствовал и ряд военных. Причем, как правило, они видели уже не первую войну в своей жизни и не впервые становились авторами книг. В силу профессиональных интересов их внимание концентрировалось на сюжетах, связанных с армией.

От «Утра России» в Болгарию был отправлен штабс-капитан Николай Петрович Мамонтов. В чине прапорщика он участвовал в русско-японской войне, был ранен, получил орден Св. Станислава 3-й степени и в 1907 г. опубликовал свой походный дневник⁶⁹. А дальше началась иная страница его карьеры. Он был отправлен на курсы восточных языков при Генеральном штабе, в 1908 г. командирован для практики языка в Персию (откуда вернулся с орденом Льва и Солнца 2-й степени), а в следующем году – в Турцию⁷⁰. Однако по службой список не отразил еще несколько поездок⁷¹. В 1908 г.

---

⁶⁷ Там же. С. 72.

⁶⁸ *Косик В.И.* Софии русский уголок. М., 2008. С. 122.

⁶⁹ *Мамонтов Н.П.* Смерть странного человека: (Листки поход. дневника) // Война и Мир. 1907. № 5, 7.

⁷⁰ Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА). Ф. 409. П/с 145-631. Л. 1, 8об.

⁷¹ Если мы не предполагаем, что это два разных человека. Однако отсутствие в РГВИА информации о других офицерах с теми же

Н.П. Мамонтов посетил Македонию и Старую Сербию и «пришел к убеждению, что война объединенных балканских государств с Турцией неизбежна»⁷². Видимо, тогда же он совершил путешествие по Черногории, поскольку в 1909 г. вышла его книга об этой стране⁷³. Этот труд был положительно оценен хорошо знавшим Черногорию славистом П.А. Ровинским, о чем ученый написал Н.П. Мамонтову⁷⁴. В 1911 г. офицер вместе полковником В.Н. фон Дрейером из Триполи освещал итало-турецкую войну⁷⁵, а в 1912 г. отправился на Первую балканскую войну корреспондентом и по прибытии в Москву опубликовал свои путевые заметки. Наводит на размышления тот факт, что после поездки на Балканы весной 1913 г. он получил светло-бронзовую медаль в память 300-летия царствования дома Романовых, однако уже осенью подал в отставку, хотя ему на тот момент исполнилось только 29 лет. Впрочем, летом 1914 г. ему пришлось вернуться в армию из-за мобилизации в связи с Первой мировой войной. Также интересно, что в течение войны он не единожды оказывался офицером для поручений при генерале Р. Димитриевице⁷⁶, герое Балканских войн, в 1914 г. вступившем в ряды русской армии.

Другим русским военным, находившимся на Балканах в статусе журналиста, был Николай Исидорович Гасфельд. В молодости он недолго учился на философском факультете Берлинского университета, затем стал офицером одного

фамилией и инициалами и совпадение воинского звания делает эту догадку маловероятной.

⁷² Мамонтов Н.П. С болгарскими войсками от Балкан до Чатадджи. М., 1913. С. 4–5.

⁷³ Мамонтов Н.П. Княжевина Црна Гора. По братской земле. М., 1909.

⁷⁴ Санкт-Петербургский филиал Архива РАН (далее – СПбФ АРАН). Ф. 123. Оп 2. Ед. хр. 89. Л. 1–3.

⁷⁵ Мамонтов Н.П. С болгарскими войсками... С. 14.

⁷⁶ РГВИА. Ф. 409. П/с 145-631. Л. 4–6.

из Восточно-Сибирских стрелковых полков и принял участие в русско-японской войне, воспоминания о которой опубликовал⁷⁷. К этому моменту у него уже был опыт журналистской деятельности. В 1902 г. он составил сборник статей о творчестве М. Горького, завершив его собственным очерком, ранее опубликованным в газете «Варшавский дневник». Н.И. Гасфельд крайне отрицательно отнесся к произведениям писателя, раскритиковав его романтическое изображение обитателей социального дна, гибель которых, по мнению молодого офицера, обусловлена не несправедливостью общества, а тем, «что, выражаясь словами самого Горького, “рожденный ползать летать не может”»⁷⁸. В годы Первой русской революции Гасфельд принял участие в работе газеты «Военный голос», неоднозначно воспринимавшейся в офицерской среде. В 1913 г. этот факт стал причиной того, что «рыцари чести», как он сам их называл, настаивали на его удалении из издания «День»⁷⁹. «Не обладая склонностью к службе, я предпочитал газетную работу. Помимо живого характера этой деятельности, она оставляла много досуга», – писал он в воспоминаниях, объясняя, почему покинул армейскую службу. После всех бурных событий он жил в Варшаве и Петербурге, писал очерки в газеты.

В 1912 г. к нему поступило предложение отправиться в Туркестан, найти там подходящее место для возделывания хлопка и подготовить план строительства оросительной

---

⁷⁷ Гасфельд Н.И. На походе и в бою: Отрывки из воспоминаний. Варшава, 1906.

⁷⁸ Гасфельд Н.И. Критический очерк о М. Горьком // *Порицкий Е.И.* Максим Горький и его произведения. С прибавлением отзывов о Горьком Михайловского, Меньшикова, Скабичевского, Минского и др. и избранных из его произведений афоризмов. Составил и перевел с немецкого Н.И. Гасфельд. Варшава, 1903. С. 62.

⁷⁹ РГАЛИ. Ф. 1694. Оп. 1. Ед. хр. 157. Л. 1.

системы. Он согласился, но, пока Н.И. Гасфельд находился в Средней Азии, заказчик перестал выходить на связь, а после сообщил, что не располагает нужными для проекта средствами. Несолоно хлебавши пришлось вернуться в Петербург.

В это время началась война, и при содействии своего знакомого он устроился корреспондентом в московскую газету «Раннее утро». 1 октября после «обхода» ресторанов с приятелем Н.И. Гасфельд покинул Первопрестольную и направился на Балканы⁸⁰. Там он посетил Ниш, Вранье, Скопье и Белград, но везде, по его признанию, не мог найти дела, поскольку к моменту его прибытия война фактически закончилась. Тогда он вместе с корреспондентом «Русских ведомостей» А. Деренталем (Дикгофом) отправился путешествовать по Италии⁸¹. Первая мировая война застала его за границей, и бывший офицер, по его словам, «из опасения, что война кончится прежде, чем я доберусь до России», поступил на французскую службу добровольцем. В составе армии генерала М. Саррая в 1915 г. он вновь попал на Балканы, после Февральской революции на некоторое время вернулся в Россию, но в 1920 г. окончательно ее покинул и далее уже жил во Франции. Однако пока вернемся в 1912 г.

Н.И. Гасфельд отправлялся на Балканы, не питая никаких иллюзий относительно всех, в том числе и нелицеприятных, сторон войны. Автор старался быть объективным, о чем заявил и во введении, и самим названием книги – «Правда о войне на Балканах»⁸². Нам неизвестно, почему он скрылся под псевдонимом Шевалье, на обложке добавив в скобках «Н. Г-д», не объяснил этого он и в мемуарах. Возможно, это связано с тем, что он представил сербов не в самом блестящем виде, говоря и об их тяжелой цензуре, отсутствии

---

⁸⁰ Гасфельд Н. Пол века. Воспоминания бывшего офицера французской службы. Париж, 1950. С. 57–63.

⁸¹ Там же. С. 66–67.

⁸² Шевалье Н. Правда о войне на Балканах. СПб., 1913.

настоящего интереса к России во всех сферах, кроме экономической и военной. Его оценки вызвали негодование у автора рецензии на данную книгу в журнале «Исторический вестник». Н.И. Гасфельда обвиняли в том, что, увидев сравнительно мало, он сделал заключения, требующие глубокого знания дела. «Вообще из краткого обозрения содержания брошюры видно, что взгляды автора не составляют результата его поверхностных наблюдений, а привезены им на театр войны из редакции пославшей его газеты и явно критически относятся к действиям балканских славян, заливающих в настоящее время своею кровью поля своих предков... Едва ли теперь время односторонним суждениям придавать значение беспристрастных заключений»⁸³, – поучал автор рецензии. Критический взгляд оказался не по нраву защитникам славянства. Указывал на долю вымысла в книге Н.И. Гасфельда и другой корреспондент – Е.И. Мартынов. Он спрашивал русского консула в Скопье С.В. Тухолку о том, «насколько верны помещенные в брошюре Шевалье “Правда о войне на Балканах” крайне резкие обвинения сербских войск в насилиях и жестокости при занятии Скопье». Дипломат ничего конкретного не ответил, лишь указав на корректность поведения сербов по сравнению с болгарами. «Любопытно, что Шевалье упоминает о поджогах и пожарах в турецкой части Скопье. Между тем за две недели моего пребывания в этом городе я почти ежедневно гулял именно по турецкому кварталу и нигде не видел ни одного сгоревшего здания»⁸⁴, – закончил свои обвинения автор, посетивший Сербию уже летом 1913 г.

Сам генерал-лейтенант Евгений Иванович Мартынов во время Второй балканской войны находился в Сербии в качестве корреспондента «Утра России». В русско-японской войне он командовал пехотным полком, о чем оставил

---

⁸³ Исторический вестник. 1913. № 5. С. 686–687.

⁸⁴ Мартынов Е.И. Сербь в войне с царем Фердинандом. Заметки очевидца. М., 1913. С. 72.

воспоминания⁸⁵. В 1906 г. руководство Варшавского военного округа рекомендовало его для должности военного агента⁸⁶, но по каким-то причинам он строевую службу не покинул и с 1910 г. являлся начальником Заамурского округа пограничной стражи. В 1912 г. Е.И. Мартынов поручил своему подчиненному, будущему известному военачальнику Л.Г. Корнилову, расследовать причины некачественного снабжения войск округа. В результате вскрылись факты халатности и взяточничества, началось следствие, к которому в качестве обвиняемых были привлечены помощник начальника округа и сотрудники хозяйственной службы. Однако В.Н. Коковцов, в тот момент являвшийся и министром финансов, в силу чего и шефом пограничной стражи, 2 февраля добился прекращения следствия. А бывшие подозреваемые обратились к руководству с письмами, в которых обвинили Е.И. Мартынова и Л.Г. Корнилова в подтасовке фактов, травле по личным мотивам. Будущий герой Белого движения подал прошение о переводе в армию, Мартынов же ушел в отставку⁸⁷. Сразу после ее получения он опубликовал брошюры, в которых рассказал о хищениях на КВЖД и среди снабженцев пограничной стражи, за что был осужден по причине публикации в открытой печати служебных документов, не подлежащих огласке, и лишен пенсии. В 1914 г. он в отдельной книге рассказал об этом суде⁸⁸. С началом Первой мировой войны Мартынов подал прошение о восстановлении

---

⁸⁵ *Мартынов Е.И.* Воспоминания о японской войне командира пехотного полка. Плоцк, 1910.

⁸⁶ *Каширин В.Б.* Дозорные на Балканах: Русская военная разведка в странах Балканского полуострова накануне и в годы Первой мировой войны. М., 2014. С. 101. Тогда же и с тем же результатом на должность военного агента Виленский округ рекомендовал В.Н. фон Дрейера.

⁸⁷ *Ушаков А.И., Федюк В.П.* Лавр Корнилов. М., 2006. С. 49–50.

⁸⁸ *Мартынов Е.И.* За что я был предан суду и осужден. М., 1914.

на службе, которое было удовлетворено, но вскоре он оказался в плену. После революции генерал-лейтенант остался в России, работал военным историком до 1937 г., когда попал под каток репрессий и был расстрелян⁸⁹.

В период между увольнением и судом в 1913 г. генерал-лейтенант в отставке отправился в Сербию, из которой обозревал уже лишь завершение Межсоюзнической войны. В Белграде он встречался с первыми лицами государства, наблюдал за жизнью местного населения, о котором оставил крайне лестные отзывы. Его книгу сложно назвать объективной, но симпатию к сербам и антипатию к болгарам автора можно объяснить не только его взглядами. В тот момент, когда писалась книга, в русском обществе уже доминировали антиболгарские настроения, поэтому, возможно, в угоду читателю, чтобы не идти «против течения», Е.И. Мартынов расставил просербские акценты.

В 1996 г. И.А. Калашников опубликовал выдержки из книги в «Военно-историческом журнале», сделав это, однако, с опечатками и ошибками в фамилиях⁹⁰. Более качественное частичное переиздание было выполнено А.Л. Шемякиным в сборнике «Русские о Сербии и сербах»⁹¹.

В качестве сотруddника «Нового времени» в Болгарии находился полковник Владимир Николаевич фон Дрейер. Потомственный офицер, выпускник Академии Генштаба, он служил в Варшавском военном округе. В 1911 г. В.Н. фон Дрейер работал корреспондентом на итало-турецкой войне. Разрешение отправиться на Первую балканскую он получил

---

⁸⁹ Подробнее см.: *Мартынова-Савченко М.С.* Наше наследие // Военно-исторический журнал. 1989. № 8.

⁹⁰ *Мартынов Е.И.* «Сербь удивлялись русской политике...» // Военно-исторический журнал. 1996. № 1.

⁹¹ *Мартынов Е.И.* Сербь в войне с царем Фердинандом. Заметки очевидца // Русские о Сербии и сербах. Т. 1: Письма, статьи, мемуарь / сост. А.Л. Шемякин. СПб., 2006.

лично у министра В.А. Сухомлинова⁹². По возвращении в Россию его вызвал в Люблин для доклада находившийся там император. О корреспонденции полковника лестно отзывался бывший военный министр А.Н. Куропаткин, случайно с ним познакомившийся и сразу же спросивший: «Так это вам мы обязаны интересными корреспонденциями с войны?» На Вторую балканскую войну В.Н. фон Дрейер сам выразил желание отправиться⁹³. Впечатления от конфликта лета 1913 г. он объединил в книге⁹⁴, которая, возможно, в силу личной обиды автора (о ней ниже), возможно, по той же причине, что и труд Е.И. Мартынова, получилась достаточно антиболгарской.

В те же годы вышли книги А.В. Амфитеатрова «Славянское горе»⁹⁵, написанное по его «политическому путешествию» 1909 г.⁹⁶, и «Эхо», в котором была собрана часть статей за 1912 г., в том числе и о Балканах⁹⁷. Данный писатель являлся частым гостем на Балканах и хорошо знал регион, однако в силу ряда соображений был уверен, что война не начнется, хотя на полуостров уже отправились корреспонденты русских изданий⁹⁸. Предлагали освещать войну и ему, но останавливало то, что сотрудников прессы не подпускали к местам событий. Он писал М. Горькому: «Меня-то, положим, пустили бы ввиду личных отношений к Фердинанду, которому я уже приготовил, было, телеграмму, да – как раздумался над нею, что это значит фрак, звезда, “ваше величество”, “благоволите” и пр., – тошно... Не пошлю и не поеду.

---

⁹² Дрейер В.Н. Указ. соч. С. 126.

⁹³ Там же. С. 132–135.

⁹⁴ Дрейер В. Разгром Болгарии. Вторая Балканская война 1913 г. СПб., 1914.

⁹⁵ Амфитеатров А. Славянское горе. М., 1912.

⁹⁶ Там же. С. I.

⁹⁷ Амфитеатров А. Эхо.

⁹⁸ Там же. С. 197–213.

Сидеть в Софии или Белграде и пить шампанское с героями тыла, слушая вранье поворотников, нет никакой охоты»⁹⁹. Но во второй половине 1912 г. А.В. Амфитеатров написал книгу о положении дел на Балканах, об антагонизме великих держав в этом регионе. Когда труд вышел в свет, война уже шла, поэтому он стал одним из источников складывания образа происходящего в сознании русского общества.

Намного позднее в едином томе была опубликована крайне интересная корреспонденция с Балкан А.Д. Троцкого, в том момент представлявшего на полуострове несколько газет. Он разительно отличался от других представителей русской печати, к примеру не пил ракию, а «хлебал с утра до вечера» чай¹⁰⁰, в Белграде играл в шахматы с корреспондентом «Русских ведомостей» М.А. Осоргиным¹⁰¹. И в Софии он держался особняком, не участвовал в общих собраниях русских журналистов в книжном магазине, представлявшем издательскую империю И.Д. Сытина. Как пишет тот же Осоргин, «на фронте будущий советский главнокомандующий не был, держался тыла и скоро уехал в Белград – бранить болгар, а оттуда дальше – бранить сербов. Но писал отлично – прирожденный фельетонист»¹⁰².

Действительно, А.Д. Троцкого не допустили до линии боевых действий, и он довольствовался рассказами раненых или описанием тыла. Особо его занимала политическая система и уровень социально-политического развития страны, которые он оценивал весьма критично, иногда и сгущая краски. Позже он вспоминал: «Разумеется,

---

⁹⁹ Литературное наследство. Т. 95: Горький и русская журналистика начала XX века. Неизданная переписка / отв. ред. И.С. Зильберштейн, Н.И. Дикушина. М., 1998. С. 412.

¹⁰⁰ Станчев М., Чернявский Г. А.Д. Троцкий, Болгария и болгары. София, 2008. С. 88.

¹⁰¹ Осоргин М. Указ. соч. С. 690.

¹⁰² Там же. С. 341.

я не мог сказать в легальной непартийной газете всего, что хотел сказать. Но я никогда не писал того, что не хотел сказать»¹⁰³. Однако и то, что он публиковал, болгарам крайне не нравилось, и потому местная пресса была благодарна ротмистру Богаевскому за то, что он в «Русском инвалиде» парировал «нападки... корреспондента “Киев. мысли”»¹⁰⁴. Примечательно, что, скрываясь под псевдонимами (чаще всего «Антид Ото»), Л.Д. Троцкий, видимо, сумел соблюсти инкогнито, поскольку Цензурная секция болгарского Генерального штаба предлагала наградить представителя газет «День» и «Киевская мысль», именую его то «Троповский», то «Тропвский»¹⁰⁵.

Лев Давидович довольно значительное внимание уделял политическим системам Болгарии и Сербии. Журналистов, посвящавших строки этой теме, практически не было, поскольку читателя занимало больше другое – война, ведь именно она служила информационным поводом, и она же намного интереснее обывателю, нежели анализ функционирования демократии маленького государства на окраине Европы. Обильная корреспонденция Л.Д. Троцкого, касавшаяся политического устройства балканских стран, объясняется несколькими факторами. Прежде всего, конечно, это его собственные «увлечения». Корреспонденты «в погонах» подробно анализировали передвижение войск, их профессиональную подготовленность, а бывший председатель Петросовета обращал внимание на интересное ему, более важное, на его взгляд. Другая причина – необходимость отрабатывать деньги редакций, пославших его на Балканы. Не получив разрешения на выезд в армию, большинство коллег Троцкого в этой ситуации приступили к сочинению новостей, но он оказался честнее и описывал политических

¹⁰³ Цит. по: *Станчев М., Чернявский Г.* Указ. соч. С. 61.

¹⁰⁴ Мир. 1912. 23 дек.

¹⁰⁵ ЦДА. Ф. 176К. Оп. 2. А. е. 1482. Л. 60б., 47–48.

деятелей стран, демократию и городские окраины до тех пор, пока не смог встретиться с ранеными и пленными и у них получить необходимый материал. Один из будущих вождей русской революции отдельной книги не написал, но все его статьи с бушующего полуострова были опубликованы в 1926 г. в одном из томов собрания сочинений¹⁰⁶, а затем отдельно в 2011 г.¹⁰⁷, несколько раз переиздавались на английском, итальянском и болгарском языках¹⁰⁸.

На основании газетных статей в России писались и публиковались книги с обзором ведения боевых действий¹⁰⁹. В силу вторичности информации они представляют значительно меньший интерес. Укажем лишь на неопубликованный труд генерал-майора Владимира Николаевича Акимова. В 1912–1913 гг. он в Лозанне методично собирал материал, но по какой-то причине так и не закончил работу. Несколько тетрадей представляют собой склеенные подборки вырезок из газет, ряд довольно аккуратных, нарисованных от руки карт. Лишь в некоторых местах встречаются записи от руки. Генерал скончался в 1924 г. в Тифлисе, но его жена Мария Антоновна эмигрировала. В 1931 г. она отправила рукопись мужа и вырезки из газет в дар Русскому заграничному

---

¹⁰⁶ *Троцкий Л.Д.* Соч. Т. 6.

¹⁰⁷ *Троцкий Л.* Перед историческим рубежом... СПб., 2011.

¹⁰⁸ *The War Correspondence of Leon Trotsky. The Balkan Wars 1912–13.* New York, 1980, 1993; *Trotsky L. Le guerre balcaniche 1912–1913.* Milano, 1999; *Троцкий Л.* Балканите и Балканската война. София, 2015.

¹⁰⁹ *Дорошкевич А.* Война на Балканском полуострове (От открытия военных действий до перемирия). СПб., 1913; *Желтышев, Родендорф, Шевченко.* Очерки войны Балканского союза с Турцией. Варшава, 1913; *Махров П.* Балканская война 1912–13 года (общий очерк от начала войны до перерыва мирных переговоров с 10-ю схемами). Севастополь, 1913; *Рябинин А.А.* Балканская война. СПб., 1913; Балканская война 1912–1913 гг. М., 1914, и др.

историческому архиву в Праге. Ныне этот документ, почтовая карточка и фотография генерала хранятся в ГАРФ¹¹⁰.

Почти сразу в журнале «Военный сборник» вышли воспоминания трех добровольцев, принявших участие в боевых действиях. Все они являлись русскими офицерами болгарского происхождения: И.Д. Чинтулов¹¹¹, И.Г. Пехливанов¹¹² и В.С. Везенков¹¹³.

Остается неизданным «Очерк вооруженных сил Болгарии и заметки по поводу войны на Балканах», составленный Н.К. Самосеевым. Этот труд находится в архивном фонде А.И. Гучкова¹¹⁴, которому, видимо, был прислан для публикации. Николай Карпович Самосеев родился в 1877 г. в Херсонской губернии. Окончив полный курс Александровского реального училища в Николаеве, в 1895 г. он поступил вольноопределяющимся на службу в 58-й Прагский полк, откуда через несколько месяцев был командирован на обучение в Киевское пехотное юнкерское училище. В 1897 г. Н.К. Самосеев завершил обучение

¹¹⁰ ГАРФ. Ф. 5881. Оп. 2. Ед. хр. 101–105, 816, 1005.

¹¹¹ *Чинтулов И.* Воспоминания добровольца // *Военный сборник.* 1913. № 5–9. О нем: *Ганин А.В.* Болгары – выпускники Николаевской военной академии в Гражданской войне в России // *Славянский альманах* 2012. М., 2013. С. 459–460.

¹¹² *Ганин А.В.* И.Г. Пехливанов – один из первых историографов Первой балканской войны // *Модернизация vs. война. Человек на Балканах накануне и во время Балканских войн (1912–1913)* / отв. ред. Р.П. Гришина, А.Л. Шемякин. М., 2012. С. 397; *Он же.* Болгарин, защитивший Россию: судьба Йордана Пехливанова // *Русский сборник. Исследования по истории России.* Т. 11. М., 2012; *Он же.* Българинът защитил Русия. Съдбата на Йордан Пехливанов. София, 2014. С. 20; *Гусев Н.С.* Пехливанова К. Биография Йордана Георгиева Пехливанова // *Славянский мир в третьем тысячелетии.* 2018. № 1–2.

¹¹³ *Везенков.* Энвер-бей под Шаркиоем // *Военный сборник.* 1914. № 6–7.

¹¹⁴ ГАРФ. Ф. 555. Оп. 1. Ед. хр. 473.

по 1-му разряду, был произведен в подпоручики и отправлен на службу в 45-ю артиллерийскую бригаду. Вместе с ней он принял участие в русско-японской войне, где его миновали ранения и контузии, но не миновали награды – в 1905 г. его грудь украсили ордена Св. Станислава 3-й степени и Св. Анны 3-й степени с мечами и бантом¹¹⁵. Во время Балканских войн офицер являлся добровольцем в Болгарии. Согласно болгарским документам, «капитана Самосеева» приняли на службу 9 ноября 1912 г. во 2-й артиллерийский скорострельный полк¹¹⁶ и впоследствии удостоили ордена Св. Александра 5-й степени¹¹⁷.

В рукописи воспроизводятся впечатления о войне, дается характеристика частям болгарской армии, ее вооружению, основным боевым операциям. Но ценно в ней другое – Н.К. Самосеев старался понять как офицеров и добровольцев, с которыми тесно общался, так и их страну. Причина же того, что труд так и не был опубликован, как кажется, заключается в его несвоевременности. Исходя из текста, работа над ним закончилась во временном промежутке между началом Первой мировой войны и до вступления в нее Болгарии, а целью планировавшейся книги являлось доказательство важности привлечения Болгарии на сторону Антанты. Однако общественные настроения в тот момент не позволяли взглянуть на «предательницу славянства» не только положительно, но и объективно¹¹⁸.

¹¹⁵ РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 39400. П/с 5182. Л. 1–6.

¹¹⁶ ГАРФ. Ф. Р8091. Оп. 110. КМФ-5. Болгария, поступление ЗА-110. 1878–1948 гг. Ед. хр. 9. Л. 51.

¹¹⁷ ЦДА. Ф. 176К. Оп. 2. А. е. 1482. Л. 10.

¹¹⁸ О рукописи и ее авторе см. подробнее: *Гусев Н.С.* Неизвестный очерк о Болгарии периода Балканских войн 1912–1913 гг. // *Bulgarica, slavica et rossica*. Научный сборник в честь заслуженного профессора Московского университета Людмилы Васильевны Гориной / отв. ред. О.А. Дубовик, П.Е. Лукин (Серия «Историки-слависты МГУ». Кн. 12). СПб., 2019.

В целом указанный массив источников позволяет достичь интересующей нас цели, в особенности учитывая накопленный к данному моменту опыт изучения этой и сопряженных с ней проблем.

ОБЗОР НАУЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Балканским войнам посвящены сотни научных и околонаучных трудов. Как справедливо и точно выразилась отечественный историк Р.П. Гришина, эта литература – «страстная, противоречивая, обвиняющая; объективная, по мнению почти каждого автора, или специально запутывающая»¹¹⁹.

Советская историография традиционно брала за точку отсчета научного изучения Балканских войн статьи В.И. Ленина, хотя они являются публицистикой и вышли из-под пера современника событий. Надо признать, что до сих пор на русском языке не существует комплексного труда, где бы весь конфликт 1912–1913 гг. был подробно и тщательно рассмотрен, хотя и ныне он обращает на себя внимание отечественных исследователей. Балканские войны нельзя было обойти ни при изучении международных отношений накануне Первой мировой войны, ни при составлении обзорных работ по истории стран, вовлеченных в события 1912–1913 гг.

Первая попытка создания специального научного труда о Балканских войнах относится к годам Великой Отечественной войны. В первой половине 1943 г. Д.С. Густинич в секторе славяноведения Института истории АН СССР защитил кандидатскую диссертацию на тему

---

¹¹⁹ *Гришина Р.П.* Власть и общество. Болгария, 1912–1913 гг. // Человек на Балканах: Власть и общество: опыт взаимодействия (конец XIX – начало XX в.) / отв. ред. Р.П. Гришина. СПб., 2009. С. 146.

«Балканский союз»¹²⁰. Затем ему была поручена разработка истории Балканских войн, которым руководитель сектора В.И. Пичета придавал большое значение. Однако в дальнейшем эти планы реализованы не были¹²¹.

Уже значительно позже, в 1960 г., была опубликована книга советского исследователя В.А. Жебокрицкого «Болгария накануне Балканских войн 1912–1913 гг.»¹²², а в следующем году вышла в свет его же «Болгария во время Балканских войн 1912–1913 гг.»¹²³. Автор в данных работах не отходил от традиционных точек зрения о реакционности политики болгарского правительства и верности курса «тесняков», при этом впервые на русском языке было приведено значительное количество фактического материала. В первой из книг В.А. Жебокрицкий подробно рассмотрел экономику Болгарии накануне событий 1912–1913 гг., темпы ее развития и пришел к выводу, что буржуазии как торговой, так промышленной и аграрной война была выгодна, в связи с чем эти круги поддерживали правительственную политику. Вторая же книга до сих пор является самым обстоятельным и масштабным трудом о Болгарии во время Балканских войн, написанном на русском языке и комплексно рассматривающем экономические, политические, дипломатические и военно-стратегические аспекты. Заметим, что исследователь не был уже столь ангажирован, как при написании им

---

¹²⁰ Найти ни ее текста, ни библиографических ссылок на нее не удалось. Балканский союз – условное обозначение связанных системой взаимных договоров Болгарии, Сербии, Греции и Черногории, начавших в 1912 г. войну против Турции.

¹²¹ *Досталь М.Ю.* Сектор славяноведения Института истории АН СССР // Славянский альманах 2002. М., 2003. С. 264, 280.

¹²² *Жебокрицкий В.А.* Болгария накануне Балканских войн 1912–1913 гг. Киев, 1960.

¹²³ *Жебокрицкий В.А.* Болгария во время Балканских войн 1912–1913 гг. Киев, 1961.

соответствующего раздела «Истории Болгарии», изданной в 1954 г.¹²⁴, где наибольшее внимание уделил тяготам, выпавшим на долю народа, а не собственно событиям. В последние годы о значении Балканских войн для Болгарии, подготовленности страны к ним писала Р.П. Гришина¹²⁵. По ее мнению, события 1912–1913 гг. оказали пагубное влияние на развитие страны, прервав модернизацию экономики и общества, стали «точкой невозврата в деле реализации национального идеала»¹²⁶. Сравнительный анализ этого вопроса в отношении Болгарии и Сербии осуществлялся совместно Р.П. Гришиной и А.А. Шемякиным¹²⁷, однако лишь в рамках

---

¹²⁴ История Болгарии. М., 1954.

¹²⁵ Гришина Р.П. Лики модернизации в Болгарии в конце XIX – начале XX века (бег трусой по пересеченной местности). М., 2008; *Она же*. Власть и общество...; *Она же*. Между Болгарией и Македонией: идеи и практика Тодора Александрова (миф о легендарном болгарском патриоте) // До и после Версаля. Политические лидеры и идея национального государства в Центральной и Юго-Восточной Европе / отв. ред. А.А. Шемякин. М., 2009; *Она же*. Война или модернизация: Балканские войны 1912–1913 гг. в истории Болгарии // Дриновски сборник / Дриновський збірник. Т. IV. Харьков; София, 2011; *Она же*. Россия и Балканский союз 1912 года // Славянство, растворенное в крови... В честь 80-летия члена-корреспондента Российской академии наук Владимира Константиновича Волкова / отв. ред. К.В. Никифоров. М., 2011; *Она же*. Болгария и македонские болгары. 1878–1913 гг. // Дриновски сборник / Дриновський збірник. Т. VII. Харьков; София, 2014.

¹²⁶ Гришина Р.П. Власть и общество... С. 161.

¹²⁷ Гришина Р.П., Шемякин А.А. Судьба «балканских союзников» 1912–1913 годов. Взгляд из XXI столетия // Новая и новейшая история. 2013. № 4. С. 125; *Они же*. Трудный путь к европейской цивилизации: Сербия и Болгария в конце XIX – начале XX в. Приоритеты развития // Из истории Сербии и русско-сербских связей / отв. ред. К.В. Никифоров. 1812–1912–2012. М., 2014.

статей, что не позволяло подробно осветить проблематику. Подобных исследований, касающихся других участников конфликта, к сожалению, пока нет. Стоит отметить сборник статей по результатам научной конференции, проведенной в Институте славяноведения РАН в преддверии 100-летия Балканских войн. Но сам формат не позволяет этому коллективному труду претендовать на всеобъемлющее раскрытие всех аспектов тех событий.

В американской исторической науке попытку написания обобщающей работы предпринял Р. Холл¹²⁸. Однако стоит отметить, что он едва ли не единственный специалист в США по этой теме¹²⁹.

В национальных болгарской и сербской историографиях уровень разработанности военного аспекта конфликта 1912–1913 гг. поражает. К примеру, согласно библиографическому сборнику, посвященному истории болгарской армии, только об этой стороне событий к 1989 г. существовало 575 работ¹³⁰. В 1928–1937 гг. в Болгарии была подготовлена и осуществлена публикация семитомной истории Балканских войн¹³¹. К тому же регулярно в странах-участницах проводятся конференции с последующей публикацией сборников

---

¹²⁸ *Hall R.C.* Bulgaria's Road to the First World War. New York, 1996; *Idem.* The Balkan Wars 1912–1913: Prelude to the First World War. London, 2000; *Idem.* Balkan Wars // *History Today*. Vol. 62. Issue 11. November 2012.

¹²⁹ В интернете нами была обнаружена магистерская диссертация «Россия и Балканские войны», представленная к защите в Государственном университете Северного Техаса (*Johnson W.C.* Russia and the Balkan Wars. Denton, 1969). Однако упоминаний о дальнейшей деятельности автора как историка найти не удалось.

¹³⁰ См.: Българската армия 1877–1944: Библиография. Т. 1 (1877–1918). София, 1989. С. 318–405.

¹³¹ Войната между България и Турция 1912–1913 г. Т. 1–7. София, 1928–1937.

трудов¹³². Недавнее столетие событий также увеличило число историографических единиц, посвященных этой теме¹³³. Однако в Болгарии и Сербии историческая наука настолько все более и более углубляется в такие аспекты, как действия отдельных войсковых соединений или судьба небольших населенных пунктов, что, кажется, скоро будет известен поминутно путь каждого солдата, принявшего участие в войнах. В этих работах наибольшее внимание уделяется военной стороне событий. По подсчетам сербского историка С. Станоевича, армии посвящены 49%, обществу – 34, а дипломатии – 17% сербских исторических исследований Балканских войн¹³⁴. При этом отметим, что внимание концентрируется на Первой балканской войне, Вторая исследуется реже, что и понятно – гордиться успехами оружия своего народа в борьбе против вчерашних угнетателей приятнее, чем говорить о причинах конфликта при разделе приобретенных территорий. В болгарской историографии редко можно встретить и понятие «Вторая балканская», там конфликт лета 1913 г. традиционно именуется Межсоюзнической войной.

---

¹³² Например: Prvi balkanski rat. Okrugli sto povodom 75. Beograd, 1991; Балканските войни 1912–1913 (сборник стати от научна конференция, проведена през октомври 1992 г.). В. Тырново, 1995; Дванадесета международна научна конференция по военна история на тема: Военни съюзи и коалиции през XX век. Посветена на 95 годишнината от началото на Балканската война 1912–1913. София, 2007.

¹³³ Например: Балкански ратови 1912/1913: Нова виђења и тумачења / ур. С. Рудић, М. Милкић. Београд, 2013; България – извори и документи. 100 години от Балканските войни 1912–1913. София, 2013; Сто години од Балканските војни / ур. В. Камбовски, Б. Ристовски, Д. Ѓоргиев. Скопје, 2013.

¹³⁴ Станоевић С. Балкански ратови у српској историографији // Хуманизација универзитета / ур. Б. Димитријевић. Ниш, 2013. С. 458.

Естественно, немало работ, посвященных Балканским войнам, было создано турецкой исторической наукой, и столетие событий обусловило проведение новых конференций, выход новых книг¹³⁵. Интерес к этим событиям присутствует и в Армении, что обусловлено участием на стороне Болгарии в Первой балканской войне армянской четы во главе с воеводой Андраником и подпоручиком Г. Нждэ, возобновлением международного обсуждения армянского вопроса и обострением межэтнических отношений, вызванных массовым переселением турок из Фракии. Так, например, в 2014 г. вышла книга известного советского и армянского историка Г. Симоняна с говорящим названием «Балканские войны 1912–1913 гг. и армяне»¹³⁶.

* * *

Отношение русского общества к Балканским войнам остается малоизученным. В 1979 г. в Львовe была защищена диссертация И.А. Гличева на тему «Борьба общественного мнения в России по Балканскому вопросу (1908–1913 гг.)». Автор работы в постановке вопроса заявил, что деятельность партий в Государственной Думе была ограничена, «собрания, манифестации, обсуждения и другие формы проявления общественного мнения были сведены на нет» (что, как будет ниже показано, не соответствует действительности), поэтому он использовал «именно анализ

---

¹³⁵ Из последних книг отметим, например: *Osmanli devleti'nin dağılma sürecinde trablusgarp ve Balkan Savaşları 16–18 mayıs 2011* / yayına M. Ersan, N. Karakaş. Ankara, 2013; *Alkan N. Ve Selanik Düştü... 1912–1913 Balkan Savaşı ve Hezimetі. İstanbul, 2014*; 100. yılında Balkan Savaşları (1912–1913) / ihtilafı duruşlar M. Türkeş. Ankara, 2014.

¹³⁶ *Միմոնյան. Հ. 1912–1913 թթ. Բալկանյան պատերազմները եվ հայերը. Երևան, 2014.*

публикаций печати»¹³⁷. Далее, следуя принятым в советской исторической науке установкам, он пошел по пути отождествления мнения партийных изданий с мнением всей той категории населения, интересы которой, как считалось, выражала данная политическая сила. В итоге работа представила неполную и искаженную картину прошлого. Советский историк В.А. Дьяков, рассматривая славянскую идею в России в дореволюционный период, и вовсе не уделил внимания событиям 1912–1913 гг., ограничившись лишь указанием оценок, данных В.И. Лениным¹³⁸.

В современной России отражение Балканских войн в центральных периодических печатных изданиях было специально рассмотрено в статье Н.А. Учаевой, полагавшей, что печать всецело находилась в плену иллюзий панславистского толка¹³⁹, в ряде работ Е.Г. Костриковой (о них ниже), автором настоящего исследования¹⁴⁰. В статье, посвященной Второй балканской войне, Б.С. Котов продемонстрировал весь спектр оценок, данных русской прессой, показал поиск виновных и разочарование в славянской идее¹⁴¹.

---

¹³⁷ Гличев И.А. Борьба общественного мнения в России по Балканскому вопросу (1908–1913 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Львов, 1979. С. 4.

¹³⁸ Дьяков В.А. Славянская идея в России в период империализма // Вопросы истории. 1987. № 3.

¹³⁹ Учаева Н.А. Мифы и реалии Балканских войн 1912–1913 гг. на страницах русской периодической печати // Славянский сборник. Межвузовский сборник научных трудов. Вып. 7. Саратов, 2009. С. 125.

¹⁴⁰ Гусев Н.С. Тема славянского единства в русской периодической печати во время Балканских войн 1912–1913 годов // Историки-слависты МГУ. Кн. 8: Славянский мир: в поисках идентичности / ред. кол. Ю.А. Борисенко, А.Н. Литвинова, Г.Ф. Матвеев, З.С. Ненашева. М., 2011.

¹⁴¹ Котов Б.С. Межсоюзническая война лета 1913 года в восприятии русского общества (по материалам прессы) // Новая и новейшая история. 2015. № 3.

На Балканские войны как на возрождение славянской идеи в России взглянула в статье немецкая исследовательница К. Бёк¹⁴². Однако в своей работе она опиралась в основном на газету «Новое время», что привело к повтору неточностей, преувеличений и необъективности данного издания. К тому же автор явно подошла негативно к этим процессам, вдобавок не делая различия между славянофильством, панславизмом и неославизмом. В рамках изучения развития идеи православного единства и отношения России к православному населению Османской империи затронул период Балканских войн и работающий в США Д. Вовченко. Он пришел к выводу, что среди союзников этноцентризм возобладал над религиозной идеологией, результатом чего стала Вторая балканская война, породившая разочарование в России и кризис идей панславизма (в его терминологии) и всеправославия (*Pan-Orthodox*)¹⁴³.

Подвергла критике публикации журнала «Искры» за этот период македонский исследователь Б. Ристовска-Йосифовска. В духе современной македонской историографии она отметила, что именуя население спорного региона болгарами и ставя во главу угла интересы России, издание демонстрирует «ограниченное знакомство с истинным положением дел и проблемами Македонии» всего русского общества¹⁴⁴.

Получил освещение и региональный взгляд на Балканские войны. Хорошо изучено отношение самарской прессы

---

¹⁴² Boeckh K. The Rebirth of Pan-Slavism in the Russian Empire, 1912–13 // The Balkan Wars from Contemporary Perception to Historic Memory / ed. K. Boeckh, S. Rutar. Б.м., 2017.

¹⁴³ Vovchenko D. Containing Balkan nationalism: Imperial Russia and Ottoman Christians, 1856–1914. New York, 2016. P. 292–294.

¹⁴⁴ Ристовска-Йосифовска Б. Македонија во Балканските војни низ илустрациите на руското списание «Искри» // Сто години од Балканските војни... С. 406.

Ю.Н. Смирновым¹⁴⁵ и Л.М. Артамоновой¹⁴⁶, менее качественно это сделано в отношении калужской – А.С. Анисковым, несмотря на обширное название работы, вне контекста сосредоточившим свое внимание на одной газете и допустившим ряд ошибок¹⁴⁷.

¹⁴⁵ *Смирнов Ю.Н.* Особенности восприятия Первой Балканской войны в провинциальном обществе (по материалам либеральной самарской прессы) // Наука и культура России: Международная науч.-практ. конф. Т. 1. Самара, 2013; *Он же.* Глобальные предупреждения провинциального журналиста: публикации Н. Северского (А.И. Свидерского) в период Балканских войн (1912–1913 гг.) // XX век и Россия: общество, реформы, революции. Вып. 2. Самара, 2014; *Он же.* Либеральная провинциальная пресса о Первой балканской войне (на примере Самары) // Культура, наука, образование: проблемы и перспективы: Материалы III Всероссийской науч.-практ. конф. / отв. ред. А.В. Коричко. Нижневартковск, 2014; *Он же.* Без «всякого националистического романтизма»: отход от традиционных внешнеполитических представлений в русской провинции 1912–1913 годов // Внешнеполитические интересы России: история и современность: Сб. материалов II Всероссийской науч. конф. / отв. ред. А.Н. Сквозников. Самара, 2015. Сделана попытка рассмотреть гуманитарную помощь в общероссийском масштабе учеником К.Н. Смирнова студентом Д.Г. Телешем, но работа все же является студенческой со всеми вытекающими последствиями (*Телеш Д.Г.* Общественность России в «гуманном походе» периода Балканских войн 1912–1913 гг. // XX Всероссийская студенческая науч.-практ. конф. Нижневартковского государственного университета: Сб. ст. / отв. ред. А.В. Коричко. Ч. 5. История. Документоведение. Филология. Лингвистика. Журналистика. Реклама. Нижневартковск, 2018).

¹⁴⁶ *Артамонова Л.М.* Критика внешней политики правительства на Балканах и антивоенные выступления в самарской печати 1912–1913 годов // Внешнеполитические интересы России: история и современность / отв. ред. А.Н. Сквозников. Самара, 2014.

¹⁴⁷ *Анисков А.С.* Отношение провинциального общества к Балканским войнам 1912–1913 гг. (на материалах Калужской губернии) // История: факты и символы. 2017. № 4 (13). Так,

Также некоторую подборку оценок событий 1912–1913 г., высказанных отдельными газетами, привел российский историк П.А. Искендеров¹⁴⁸. Конфликт в европейских отношениях, вызванный событиями на полуострове, и критику действий союзников России по Антанте в основных периодических изданиях рассмотрел белорусский исследователь Ю.М. Мороз, правда, не всегда уместно и органично используя клише «царизм», «межимпериалистические противоречия», в силу чего они выглядят идеологическими архаизмами¹⁴⁹. Лингвист А.П. Рупосова проанализировала средства оценивания событий и их участников на материале журнала «Родина»¹⁵⁰. Исследователь, однако, по всей видимости, затронула проблему, не ставя себе задачей целенаправленное

А.С. Анисков не указал направленность газеты, не учел, что издание не имело собственных источников информации о Балканах, прибег к излишнему преувеличению (17 дней приравнял к месяцу), что создало ложное впечатление отсутствия сострадания к славянам (с. 87). Непонимание контекста событий также привело к ошибкам: автор попал под влияние клише о «военной партии» во главе с царем Фердинандом и генералом Савовым, в интересах Австро-Венгрии начавших Вторую балканскую войну (с. 89), и на 35 лет уменьшил возраст Петербургского славянского благотворительного общества, написав о его открытии 3 ноября 1912 г. (с. 88).

¹⁴⁸ Искендеров П.А. Балканские войны 1912–1913 гг. // В «пороховом погребе Европы». 1878–1914 / отв. ред. В.Н. Виноградов, В.И. Косик. М., 2003. С. 500.

¹⁴⁹ Мороз Ю.М. Русское общество и Антанта в период Балканских войн 1912–1913 гг. // Белорусский журнал международного права и международных отношений. 2004. № 4.

¹⁵⁰ Рупосова А.П. Лингвистические средства оценивания события и его участников (на материале публицистических источников периода первой и второй Балканских войн (1912–1913 гг.) // Русский язык в славянской межкультурной коммуникации: история и современность. М., 2015. Вып. 3.

изучение периода 1912–1913 гг. В статье она признала: «В нашей личной библиотеке - полная подшивка журнала “Родина” за 1913 г. и несколько номеров за октябрь-ноябрь 1912 г.»¹⁵¹. Указанные работы не могут претендовать на полный ответ на вопрос об отношении русского общества к событиям на полуострове, поскольку изначально опираются в основе своей на данные прессы, впрочем, как правило, авторы это оговаривают уже в названиях.

Дополняют этот корпус работ, основанных на прессе, статьи об отношении к балканским странам во время Первой мировой войны. Касательно Болгарии стоит упомянуть труд А.А. Иванова и А.В. Репникова, основанный на первой прессе¹⁵², публикации автора этих строк¹⁵³, а также коллективную работу петербургских историков С.А. Манькова, А.А. и В.В. Михайловых¹⁵⁴. Правда, в отношении последней следует указать на наличие ошибок и определенную

---

¹⁵¹ Там же. С. 254.

¹⁵² *Иванов А.А., Репников А.В.* «Болгарская измена»: русские правые о вступлении Болгарии в Первую мировую войну на стороне Центральных держав // Новейшая история России. 2014. № 3.

¹⁵³ *Гусев Н.С.* «Торгующим во храме»: Леонид Андреев и обвинения русскими болгар в предательстве славянства (1914–1915 гг.) // Очерки истории народов Центральной и Юго-Восточной Европы в годы Первой мировой войны / отв. ред. Е.П. Серапионова М., 2015; *Он же.* Полемика в русской и болгарской печати о позиции Болгарии в начальный период Первой мировой войны // Дриновски сборник / Дриновський збірник. Т. VIII. Харків; София, 2015; *Он же.* Леонид Андреев во время Первой мировой войны: защитник сербов, судья болгар // Српско-руске књижевне и културне везе: епоха модерне / од. ур. К. Ичин. Нови Сад, 2018.

¹⁵⁴ *Маньков С.А., Михайлов А.А., Михайлов В.В.* «Великая измена». Вступление Болгарии в Первую мировую войну глазами русских офицеров и публицистов // Славянский альманах. 2018. Вып. 1–2.

небрежность, что, в свою очередь, бросает тень и на тщательность анализа, проведенного авторами¹⁵⁵.

Отношение русского общества к Балканским войнам проявлялось и в отправке добровольцев и отрядов Красного Креста, сборе пожертвований в пользу воюющих сторон. Одной из первых публикаций на эту тему стала вышедшая в 1962 г. в Болгарии статья В.А. Жебокрицкого и И. Кулинича, где на материалах архивов Ленинграда показана благотворительная помощь русского общества¹⁵⁶. В течение длительного времени данный аспект не затрагивался, а затем был подробно изучен Г.И. Шевцовой в ее специальной монографии¹⁵⁷. Она рассмотрела публичное обсуждение проблем гуманитарной помощи славянским народам, активность различных славянских обществ в этом направлении и деятельность отрядов Русского общества Красного Креста (РОКК). Несмотря на значительный объем проделанной автором работы, что придает книге

---

¹⁵⁵ Авторы попали под влияние изученных материалов, утратив исследовательскую объективность и критический взгляд на источники. «Впрочем, болгарский царь Фердинанд I и болгарское правительство еще в 1913 г. стали источником развала общего дела “Славянского союза”, развязав Вторую балканскую войну... Однако российское общество и пресса тогда ограничились укорами (*sic!*) в адрес болгарского царя» (С. 82). Стоит добавить, что научную новизну работы снижает дословное совпадение части приводимого материала с цитатами из статьи А.А. Иванова и А.В. Репникова. Нельзя не отметить и встречающиеся в тексте довольно нелепые ошибки: «Моле-Бургас» вместо «Люле-Бургас», «выпавшая» вторая буква «т» из фамилии первого болгарского князя (С. 88, 89).

¹⁵⁶ Жебокрицки В., Кулинич И. Из историята на руско-българските отношения по време на Първата балканска война // Исторически преглед (далее – ИП). 1962. Кн. 3.

¹⁵⁷ Шевцова Г.И. Русский гуманный поход на Балканы (1912–1913). М., 2012.

огромную значимость, необходимо указать на ряд упущений: недостаточно четкую внутреннюю логику повествования, встречающиеся фактические ошибки и неверные написания. При этом фактически рассматривается лишь помощь Сербии. В 2013 г. А.А. Поповкин защитил кандидатскую диссертацию «Славянские благотворительные общества в Москве и Санкт-Петербурге (1858–1921 гг.)»¹⁵⁸, в которой подробно рассмотрел различные аспекты их деятельности до Балканских войн и во время Первой мировой войны. К сожалению, по каким-то соображениям мероприятия этих организаций в связи с событиями 1912–1913 гг. пропущены как в диссертации, так и в статье автора¹⁵⁹.

Организацию помощи жертвам Балканских войн в Самарской губернии изучила в своей статье Л.М. Артамонова¹⁶⁰. Деятельность русского Красного Креста и поведение его сотрудников в Болгарии рассматривались автором данной монографии¹⁶¹, в Болгарии и Сербии – Е.Н. Козловцевой¹⁶²,

---

¹⁵⁸ *Поповкин А.А.* Славянские благотворительные общества в Москве и Санкт-Петербурге (1858–1921 гг.): Дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2013.

¹⁵⁹ *Поповкин А.А.* Деятельность славянских обществ России в контексте социального развития славянских народов (1858–1917 гг.) // Вестник Тамбовского государственного университета. Серия «Гуманитарные науки. История и политология». 2012. Вып. 6 (110).

¹⁶⁰ *Артамонова Л.М.* Организация в Самарской губернии помощи жертвам войны 1912–1913 годов на Балканах // Наука и культура России: Междунар. науч.-практ. конф. Т. 1. Самара, 2013.

¹⁶¹ *Гусев Н.С.* Помощь русского Красного креста в Болгарии в восприятии болгарского общества // Историки-слависты МГУ: Кн. 9: В.А. Тесемников: Исследования и материалы, посвященные 75-летию со дня рождения В.А. Тесемникова / отв. ред. Г.Ф. Матвеев, В.С. Путятин. М., 2013.

¹⁶² *Козловцева Е.Н.* Русские сестры милосердия в Сербии и Болгарии (вторая половина XIX – начало XX в.) // Славянский альманах 2009. М., 2010. С. 188–195.

работа которой отмечается восторженным восприятием поведения сестер милосердия и основывается лишь на российских источниках (прежде всего на данных самих общин РОКК), в силу чего ей недостает критического анализа.

Болгарская историческая наука достаточно подробно осветила и помощь отрядами Красного Креста¹⁶³, и участие русских добровольцев в войне¹⁶⁴, правда, зачастую имена и фамилии приводятся с ошибками.

Несколько отдельной, но важной темой является отношение к Балканским войнам российских мусульман, поскольку их единоверцы и соплеменники были противниками тех, кому симпатизировала основная масса населения. Этот вопрос рассматривался в нашей статье¹⁶⁵, а на примере татарской общественности – казанским исследователем К.Г. Ахсановым, который, необходимо отметить, не во всем смог остаться объективным¹⁶⁶. Японский ученый У. Томохико

---

¹⁶³ *Кутинчев С.* Санитарна служба, Червеният кръст и Балканската война. Бележки и впечатления. София, 1914; *Григоров Х., Топузов В.* Балканската война и Българският Червен Кръст (1912–1913 г.). София, 2005.

¹⁶⁴ *Куюмджиев Б.П.* Дипломатическа и материална подкрепа от Русия на България по време на Балканската война 1912–1913 г. Руски доброволци и проявена храброст от тях. София, 1968; *Петкова М., Геновска М.* Чужденци доброволци, участници в Балканската война // Исторически преглед. 1962. № 5; *Гинчев Г.* Чужденците в Българската армия през Балканската война (1912–1913 г.) // Военноисторически сборник (далее – ВИС). 1982. № 4; *Королева Е., Черкезова-Савова М.* На помощ братята българи // ВИС. 1983. № 6.

¹⁶⁵ *Гусев Н.С.* Религиозный мотив восприятия Балканских войн 1912–1913 гг. и российские мусульмане // Новейшая история России. 2018. Т. 8. Вып. 3.

¹⁶⁶ Не иначе, как перекладыванием ответственности можно назвать его следующее утверждение: «Несчастные турецкие беженцы, спасшиеся от террора греков, болгар и сербов, были

осветила отношение к Балканским войнам и другим кризисам начала XX в. известного казахского публициста А. Букейхана¹⁶⁷, а нижегородский историк О.Н. Сенюткина уделила интересующей нас теме одну из глав своей монографии¹⁶⁸. Привлеченный ею архивный и опубликованный материал рисует широкую картину жизни мусульман России, но значительно обогатить ее труд могли бы архивные документы из центральных управлений МВД.

Стоит отметить, что намного большее внимание уделено отношению русского общества к другому конфликту на Балканах – Восточному кризису 1875–1878 гг. Лишь за последние годы по этой проблематике было защищено несколько диссертаций¹⁶⁹. Особо следует отметить работы С.А. Кочукова. В 2011 и 2012 гг. в Саратове вышли две его

направлены властями на восток Анатолии. И невольно можно задаться вопросом: не на Балканах ли были возвращены ростки трагедии, которая затем развернулась в восточной Анатолии в 1915 г. с армянским населением этого региона?» (*Ахсанов К.Г. Балканская война 1912–1913 гг. и татарская общественно-политическая мысль // Ученые записки Казанского государственного университета. Серия «Гуманитарные науки». 2007. Т. 149. Кн. 4. С. 184.*)

¹⁶⁷ *Томохико У.* Восприятие международной обстановки начала XX в. А. Букейханом и его современниками // *Алаш мұраты және тәуелсіз Қазақстан*. Астана, 2011.

¹⁶⁸ *Сенюткина О.Н.* Тюркизм как историческое явление (на материалах истории Российской империи 1905–1916 гг.). Н. Новгород, 2007.

¹⁶⁹ Например: *Власова Ю.В.* Сербо-турецкая война 1876 г. и общественное мнение России: Дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2003; *Прокудин Б.А.* Идея славянского единства в политической мысли России XIX века: генезис, основные направления и этапы развития: Дис. ... канд. ист. наук. М., 2007; *Сучалкин Е.А.* Русско-турецкая война 1877–1878 гг. в оценках российских современников: Дис. ... канд. ист. наук. Белгород, 2013.

книги¹⁷⁰, была защищена докторская диссертация¹⁷¹. На материале обширного круга источников историк рассмотрел отношение русского общества как к самой войне, так и к балканским государствам. В 2013 г. в том же Саратове защитил диссертацию по специальности «Теория и история культуры» Ю.В. Ромашов, озаглавив работу «Образ южных славян и идея славянского единства в панславистских концепциях России второй половины XIX – начала XX вв.»¹⁷². На деле работа ограничивается временем русско-турецкой войны. Автор проследил формирование образов «своих» и «чужих» в сознании русского общества и подтвердил постулат о том, что «взаимовосприятие русских и южных славян отличалось глубокой стереотипизированностью, что было обусловлено незнанием русских с культурой и бытом балканских славян и той ролью, которую сыграли русские войска в освобождении Балкан от турецкого гнета»¹⁷³.

Разница в интересе исследователей к событиям 1877–1878 и 1912–1913 гг. объясняется прежде всего участием страны в русско-турецкой войне, что произвело на общество большее впечатление, нежели Балканские войны. Второе объяснение – источниковая база. Личные архивы многих современников 1912–1913 гг. исчезли в результате Первой мировой и Гражданской войн, репрессий 1930-х гг., в воспоминаниях

---

¹⁷⁰ Кочуков С.А. Русско-турецкая война 1877–1878 гг. в освещении периодической печати России. Саратов, 2011; Он же. «За братьев-славян»: Русско-турецкая война 1877–1878 гг. в восприятии общества, власти и армии Российской империи. Саратов, 2012.

¹⁷¹ Кочуков С.А. Общество, правящая элита, армия Российской империи и Русско-турецкая война 1877–1878 гг.: Дис. ... д-ра ист. наук. Саратов, 2012.

¹⁷² Ромашов Ю.В. Образ южных славян и идея славянского единства в панславистских концепциях России второй половины XIX – начала XX в.: Дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2013.

¹⁷³ Там же. С. 7.

интересующие нас события оказались заслонены более масштабными потрясениями последующих лет.

Балканские войны являются важной вехой на пути к Первой мировой войне, они оказали серьезное воздействие на русское общество, исследователи которого не могли обойти этот вопрос в своих работах. Однако долгое время данная тема не изучалась специально, лишь в 1965 г. вышла статья И.В. Бестужева «Борьба в России по вопросам внешней политики накануне Первой мировой войны (1910–1914 гг.)»¹⁷⁴. Круг источников автора был ограничен, а формат статьи не позволил затронуть некоторые сюжеты вовсе. К сожалению, и Балканские войны в том числе. Сербскому направлению внешней политики России и его восприятию в обществе в 1908–1914 гг. посвятил статью американский исследователь Э. Таден. По его мнению, длительное время официальная и неофициальная Россия симпатизировали сербам больше, чем болгарам, но окончательный выбор главной опоры на полуострове не делался из опасений, что это толкнет одну из сторон в распростертые объятия Австро-Венгрии. В итоге более слабое положение Сербии вынудило МИД склониться на ее сторону¹⁷⁵. Однако статья вышла в свет в Югославии и отечественной науке практически не известна. В 1980 г. советский историк Э. Урибес рассмотрела отношение представителей различных политических групп к балканской политике России во время итало-турецкой войны, ставшей толчком к созданию Балканского союза

---

¹⁷⁴ Бестужев И.В. Борьба в России по вопросам внешней политики накануне Первой мировой войны (1910–1914 гг.) // Исторические записки. Т. 75. 1965.

¹⁷⁵ Thaden E. Public Opinion and Russian Foreign Policy toward Serbia, 1908–1914 // Велике силе и Србија пред Први светски рат: Зборник радова приказаних на међународном научном скупу Српске академије наука и уметности, одржаном од 13–15. септембра 1974. године у Београду. Београд, 1975.

и последовавшим Балканским войнам¹⁷⁶, а затем кратко осветила отношение различных политических сил к вооруженному конфликту 1912–1913 гг. в разделе коллективного исследования, посвященного отечественной дипломатии¹⁷⁷.

В современной исторической науке подробно эта тема разрабатывается Е.Г. Костриковой, начинавшей с изучения источников внешнеполитической информации русских газет¹⁷⁸. В 1997 г. вышла ее небольшая монография, рассматривавшая отношение русской прессы к дипломатии страны в 1907–1914 гг.¹⁷⁹, затем расширенная в следующей книге¹⁸⁰, где активно привлекались уже не только периодические издания, но и внушительный круг мемуаров, архивных материалов личного происхождения, фондов газет и документов МИДа. В работе значительное внимание уделяется Балканским войнам. Автор справедливо отметила расхождение во взглядах на события между правительством и обществом, где первое занимало осторожную позицию, второе же требовало поддержки славян и раздела «турецкого наследства». По мнению Е.Г. Костриковой, «то, что в 1908–1910 гг. произносилось

---

¹⁷⁶ Урибес Э. Правящие круги России и балканский кризис 1911 г. // Исторические записки. 1980. Т. 105.

¹⁷⁷ Урибес Э. Российское общество и внешняя политика // История внешней политики России. Конец XIX – начало XX века (От русско-французского союза до Октябрьской революции) / отв. ред. А.В. Игнатъев. М., 1997. С. 396, 399–400, 406.

¹⁷⁸ Кострикова Е.Г. Источники внешнеполитической информации русских буржуазных газет (на материалах архивных фондов «Речи» и «Русского слова» // Исторические записки. 1979. Т. 103; Она же. Организация службы зарубежной информации С.-Петербургского телеграфного агентства // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 1981. № 4.

¹⁷⁹ Кострикова Е.Г. Русская пресса и дипломатия накануне Первой мировой войны. 1907–1914 гг. М., 1997.

¹⁸⁰ Кострикова Е.Г. Российское общество и внешняя политика накануне Первой мировой войны. 1908–1914. М., 2007.

со страхом, в 1912–1914 гг. воспринималось даже представителями либерального лагеря как неизбежное»¹⁸¹. В 2011 г. исследователь защитила докторскую диссертацию по этой теме¹⁸² и продолжает развивать ее в статьях¹⁸³ и разделах коллективных трудов¹⁸⁴. В 2017 г. Е.Г. Кострикова выпустила новую книгу, заглавие которой говорит о большем внимании именно к славянскому вопросу¹⁸⁵. Однако, как стоит признать, новый труд является лишь дополненным и измененным переизданием работы десятилетней давности. Это выражается и в текстуальных совпадениях¹⁸⁶, и в том, что автор вовсе не учел ра-

---

¹⁸¹ Там же. С. 269.

¹⁸² *Кострикова Е.Г.* Внешняя политика в общественном мнении России накануне Первой мировой войны 1908–1914 гг.: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2011.

¹⁸³ *Кострикова Е.Г.* Структура внешнеполитической информации в крупнейших газетах России начала XX века (На примере Балканского кризиса конца 1912 года) // *Внешняя политика России. Источники и историография*. М., 1991; *Она же.* Первая Балканская война и российское общество // *Вестник Университета дружбы народов. Серия «История России»*. 2009. № 4; *Она же.* Первая Балканская война и российское общество. Корреспонденты русских газет на театре военных действий // *Први балкански рат 1912/1913. године: Друштвени и цивилизацијски смисао (поводом стогодишњице ослобођења Старе Србије и Македоније 1912)*. Књ. I / приред. А. Раствојић. Ниш, 2013.

¹⁸⁴ *Игнатъев А.В., Кострикова Е.Г.* Дипломатия и деятельность МИД России от окончания войны с Японией до Февральской революции // *Очерки истории Министерства иностранных дел России: В 3 т. / пред. ред. колл. И.С. Иванов. Т. 1*. М., 2002.

¹⁸⁵ *Кострикова Е.Г.* Геополитические интересы России и славянский вопрос: идейная борьба в российском обществе в начале XX века. М., 2017.

¹⁸⁶ Например, на с. 197 и 223, с. 252 и 290 изданий 2007 и 2017 гг. соответственно.

боты, появившиеся за прошедший немалый срок. Не перечисляя все, отметим, что это, как минимум, одна книга, две диссертации и две статьи в двух ведущих научных журналах – «Славяноведении» и «Новой и новейшей истории»¹⁸⁷. Но необходимо признать, что Е.Г. Кострикова существенно дополнила книгу. Были проанализированы в большом количестве статьи из газеты «Славянские известия», задействованы произведения русских корреспондентов на Балканах, освещены новые темы, и появились новые разделы. Хотя незнание новой литературы сказалось на их качестве. Так, небольшой параграф «Русские врачи на Балканах»¹⁸⁸, основанный на прессе и одном архивном деле из РГВИА, не создает ощущения стройного повествования, видимо, поскольку был написан второпях, а в то же время русскому «гуманному походу на Балканы» посвящено уже немало литературы, приведенной выше. Тем не менее нельзя не признать, выход этой книги является благом для исследователей, поскольку монография Е.Г. Костриковой 2007 г. уже превратилась в библиографическую редкость, а введение в оборот новых материалов и рассмотрение их под новым углом зрения принесли свои результаты.

Интересным аспектом рассмотрения проблемы является изучение освещения Балканских войн в сатирической периодике. В 2010 г. вышла в свет книга А.Г. Голикова и И.С. Рыбаченок, в которой они представили отражение

---

¹⁸⁷ Шевцова Г.И. Указ. соч.; Котов Б.С. Образы Германии и Австро-Венгрии в российской прессе накануне Первой мировой войны. 1912–1914 гг. (по материалам либеральной и консервативной печати): Дис. ... канд. ист. наук. М., 2014; Гусев Н.С. Болгария и Сербия в русском общественном мнении в период Балканских войн 1912–1913 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. М., 2015; Котов Б.С. Указ. изд.; Гусев Н.С. Первая Балканская война и русское общество // Славяноведение. 2015. № 5.

¹⁸⁸ Кострикова Е.Г. Геополитические интересы России... С. 231–238.

некоторых важнейших событий в России и в мире в политической карикатуре¹⁸⁹. К сожалению, исследуемая нами тема ими не затронута. Но позже ей внимание уделила Т.А. Филиппова, рассматривая отношение сатирической журналистики к Турции во время конфликта 1912–1913 гг.¹⁹⁰ Автор не только проанализировала складывание «образа врага» в лице Османской империи, но и привела большое количество иллюстративного материала, что повышает значимость работы.

Ощутимое влияние на общественные настроения оказывали занятые партиями и их лидерами публичные позиции, но исследователи в своих работах о политиках и политических объединениях начала XX в. редко затрагивают внешнеполитические вопросы. Исключением является партия кадетов¹⁹¹. Так, В.В. Шелохаев в своем монографическом исследовании

---

¹⁸⁹ Голиков А.Г., Рыбаченок И.С. Смех – дело серьезное. Россия и мир на рубеже XIX – XX веков в политической карикатуре. М., 2010.

¹⁹⁰ Филиппова Т.А. «Враг с востока». Образы и риторики вражды в русской сатирической журналистике начала XX века. М., 2012; Она же. «Прощание славянки»: Балканские войны в русской сатирической журналистике начала XX века // Родина. 2012. № 5.

¹⁹¹ Гришина М.И. Империалистические планы кадетской партии по вопросам внешней политики России (1907–1914 гг.) // МГПИ им. В.И. Ленина. Ученые записки. № 286. Некоторые вопросы истории СССР. М., 1967; Шелохаев В.В. Идеология и политическая организация российской либеральной буржуазии. 1907–1914 гг. М., 1991; Шабанов С.И. Внешнеполитическая концепция партии кадетов (1905–1917): Дис. ... канд. ист. наук. М., 1994; Кустов В.А. Конституционно-демократическая партия (партия Народной Свободы): разработка и реализация внешнеполитической доктрины (1905–1920 гг.): Дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2004; Арсланов Т.Р. Внешнеполитические взгляды русских либералов начала и конца XX века. Сравнительный анализ. М., 2005.

довании уделил внимание данному вопросу. На основании документов руководящих органов партии он проанализировал ее внешнеполитическую концепцию¹⁹². Подробно эту тему разрабатывала орловский историк И.Е. Воронкова¹⁹³, результатом чего стала ее докторская диссертация¹⁹⁴ и монография¹⁹⁵. В последней специальный раздел посвящен взглядам кадетов на события и последствия Балканских войн, в нем автор рассмотрела сложную позицию (поддержка славян, но опасения вовлечения России в войну), занятую партией. Однако работа практически целиком построена на публикациях партийной газеты «Речь», используются опубликованные источники. Архивных документов как личного происхождения, так и из фонда «Речи» не хватает, чтобы труд соответствовал своему названию – «Доктрина внешней политики партии конституционных демократов». Фактически книга является описанием того, как партийная печать реагировала на события международной политики. Хотя приведенное в ней обилие цитат позволяет работу задействовать в качестве хрестоматии.

Остается белым пятном в науке взаимодействие с болгарским руководством лидера этого объединения П.Н. Милю-

---

¹⁹² Шелохаев В.В. Либеральная модель переустройства России. М., 1996.

¹⁹³ Воронкова И.Е. Балканы и Ближний Восток накануне Первой мировой войны в оценках официальной дипломатии и кадетской оппозиции // Вестник ОрелГИЭТ. 2008. № 3 (5); Она же. Партия конституционных демократов о целях и текущих задачах балканской политики Российской империи начала XX века // Славяноведение. 2009. № 5; Она же. Доктрина внешней политики партии конституционных демократов (историко-графический аспект) // Вестник ОрелГИЭТ. 2009. № 3 (9).

¹⁹⁴ Воронкова И.Е. Внешнеполитическая доктрина конституционно-демократической партии: Дис. ... д-ра ист. наук. М., 2010.

¹⁹⁵ Воронкова И.Е. Доктрина внешней политики партии конституционных демократов. М., 2010.

кова, ставящее вопрос об объективности его публичной позиции в споре о разделе Македонии. В 2003 г. С.Г. Мирзоева защитила диссертацию «Место македонского вопроса в научной и политической деятельности П.Н. Милюкова»¹⁹⁶. Спустя десять лет она совместно с коллегами по Кабардино-Балкарскому госуниверситету рассмотрела публичную позицию политика по македонскому вопросу во время Первой балканской войны¹⁹⁷, а затем и мнение политика относительно интересов России на Балканах в начале XX в.¹⁹⁸ В первой из названных статей авторами был задействован личный фонд П.Н. Милюкова, но они ограничились лишь описанием его высказываний. Несколько ранее сделал то же самое, но уже основываясь прежде всего на публикациях в «Речи», земляк И.Е. Воронковой М.Ю. Илюхин¹⁹⁹. Хотя

---

¹⁹⁶ *Мирзоева С.Г.* Место македонского вопроса в научной и политической деятельности П.Н. Милюкова: 1898–1917 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. Нальчик, 2003.

¹⁹⁷ *Варивода Н.В., Мирзоева С.Г., Камбачокова М.Ю.* П.Н. Милюков о македонском вопросе в период первой Балканской войны // *Современные проблемы науки и образования*. 2014. № 5. Отметим, что этим же составом авторов написана статья, крайне далекая от этой темы: *Варивода Н.В., Камбачокова М.Ю., Мирзоева С.Г.* Традиционные обряды и обычаи абазин, связанные с начальным периодом жизни ребенка // *Теория и практика общественного развития*. 2014. № 18.

¹⁹⁸ *Мирзоева С.Г., Камбачокова М.Ю., Бунькова Ю.В.* П.Н. Милюков-политик о российских интересах на Балканах в начале XX в. // *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки*. 2014. № 11.

¹⁹⁹ *Илюхин М.Ю.* «Особая позиция» П.Н. Милюкова по вопросам внешней политики в период Балканских войн 1912–1913 гг. // *Ученые записки Орловского государственного университета*. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2009. № 1. Отметим, что автор использовал фонд кадетской партии, но не фонд самого П.Н. Милюкова.

во вступлении он поставил себе целью не менее как «по возможности дать общий обзор этой деятельности (П.Н. Милюкова в связи с конфликтом на Балканах. – *Н.Г.*) во всей ее полноте»²⁰⁰, вряд ли это реализуемо в рамках статьи, а более развернутых работ М.Ю. Илюхина найти не удалось. Обзор деятельности политика в период Балканских войн дан в недавней его биографии из серии «ЖЗЛ», написанной Г. Чернявским и Л. Дубовой²⁰¹.

В 1913 г. Фонд Карнеги за Международный мир организовал комиссию по расследованию преступлений против мирного населения, совершенных участниками Балканских войн, членом которой был избран П.Н. Милюков. Его деятельности в данном качестве посвящена статья М.А. Бирмана²⁰², этот вопрос затронут в статье болгарского ученого И. Илчева²⁰³ и в резко негативном ключе освещен сербскими историками А.Ю. Тимофеевым и М. Живанович²⁰⁴, а также М. Свирчевичем²⁰⁵.

---

²⁰⁰ Там же. С. 48.

²⁰¹ *Чернявский Г., Дубова Л.* Милюков. М., 2015.

²⁰² *Бирман М.А.* Звездный час П.Н. Милюкова-балканиста (П.Н. Милюков – член Международной комиссии Карнеги по изучению причин и последствий Балканских войн 1912–1913 гг.) // Балканские исследования. Вып. 15: Россия и славяне: Политика и дипломатия / отв. ред. Е.К. Вяземская. М., 1992.

²⁰³ *Илчев И.* Карнегиевата анкета през 1913 г. // ИП. 1989. № 10.

²⁰⁴ *Тимофеев А.Ю., Живанович М.* Можно ли рассматривать доклад Комиссии Карнеги о причинах и ведении Балканских войн 1912–1913 гг. как исторический источник // Славянский альманах. 2017. Вып. 1–2; *Они же.* «Работа комиссии провалена... потому, что один из ее членов – открытый непримиритель Сербии и Греции». Взгляд из Белграда на пропагандистский удар по Балканам в 1913–1914 гг. и его повторение через 79 лет // Военно-исторический журнал. 2017. № 5.

²⁰⁵ *Свирчевич М.* Пропаганда против Србије за време Балканских ратова и после њих 1912.–1914. године // Летопис Матице српске. 2013. Књ. 491. Св. 3.

Внешнеполитические взгляды «правых» были проанализированы в диссертации В.Ю. Белянкиной²⁰⁶. Исследователь подробно рассмотрела отношение этого сегмента политического поля к кризису 1908 г., но Балканские войны в работе представлены лишь как повод к возобновлению публичного обсуждения вопроса Черноморских проливов.

Возникшие во время Балканских войн международные осложнения, связанные с созданием Албании, превратили конфликт из регионального в общеевропейский, повлияли на отношение русского общества к Центральным державам. Отражение указанных событий на страницах периодической печати Дона и Северного Кавказа затронул в своей книге И.В. Крючков, констатируя, что рассмотренные издания, симпатизируя славянам, все же довольно объективно освещали позицию империи Габсбургов²⁰⁷. Эволюцию образов Германии и Австро-Венгрии в связи с проблемой будущего Адриатического побережья весьма подробно исследовал в своей диссертации²⁰⁸, а затем в серии статей²⁰⁹ Б.С. Котов, придя к выводам, что общественное мнение России всецело находилось на стороне Сербии, а занятая Веней позиция представлялась циничной и коварной, а это в итоге привело к активной антиавстрийской и антигерманской риторике. Взаимоотношения двух европейских военно-политических блоков во время Балканских войн были восприняты русской

---

²⁰⁶ *Белянкина В.Ю.* Внешнеполитические взгляды русских правых в начале XX века (1905–1914 гг.): Дис. ... канд. ист. наук. Кострома, 2005.

²⁰⁷ *Крючков И.В.* Образ Австро-Венгрии на страницах периодической печати Дона и Северного Кавказа в начале XX в (1900–1917). Ставрополь; Пятигорск, 2003.

²⁰⁸ *Котов Б.С.* Образы Германии и Австро-Венгрии...

²⁰⁹ *Котов Б.С.* Политика Австро-Венгрии во время Балканских войн 1912–1913 годов в оценках российской прессы // Новая и новейшая история. 2019. № 4, 5.

прессой как определенный этап к будущей войне и испытание союзников. Освещение этого сюжета на материале газет «Речь» и «Русские ведомости» дано в первых двух главах диссертации Д.С. Брыкова²¹⁰.

В целом, надо признать, отношение русского общества к Балканским войнам до сих пор целостно и системно не изучено. Исследователи, как правило, описывали проявлявшиеся симпатии русских к славянам, но не ставили важнейший вопрос: как далеко русское общество было готово зайти в своей поддержке болгар, сербов и черногорцев.

* * *

Болгарские и сербские усилия по привлечению русского общественного мнения на свою сторону остаются практически не изученными ни в отечественной, ни в зарубежной науке. Исследователи подробно рассмотрели дипломатические действия как балканских государств, так и великих держав в албанском вопросе, в конфликте между Софией и Белградом относительно раздела Македонии. Затрагивалось и проявление симпатий или антипатий русского общества к участникам событий, но не задавался вопрос об усилиях самих сербов и болгар в формировании нужных настроений.

В 1915 г. на волне попыток привлечения Болгарии в Первую мировую войну в Софии вышла книга Хр. Сиянова «Сербо-болгарский спор и Россия»²¹¹. Автор, защищая позицию своей страны, повествовал в том числе и об усилиях Белграда по созданию антиболгарских настроений в 1912–1913 гг. Однако Хр. Сиянов сам являлся современником и участником событий, активным сторонником болгарской

---

²¹⁰ Брыков Д.С. Русская либеральная пресса о взаимоотношениях стран Антанты и Тройственного союза накануне Первой мировой войны (по материалам газет «Речь» и «Русские ведомости»): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2008.

²¹¹ Сиянов Х. Сръбско-българският спор и Русия. София, 1915.

этнической принадлежности жителей Македонии. Это не давало ему возможности взглянуть на проблему объективно, а отсутствие источников – осветить вопрос комплексно. Одновременно вышла книга Г. Ценова²¹², по содержанию и недостаткам в целом идентичная работе Хр. Силянова. В 1928 г. было опубликовано «военно-политическое исследование» спора 1912–1913 гг. сербского автора В. Максимовича²¹³. Все это сложно признать научными исследованиями в силу их ангажированности и близости к событиям.

Тем не менее и позднее, после Второй мировой войны, указанная тема являлась политически неудобной, главным образом Москве, неприятной для идеологии социалистического «братства» народов, поэтому ее избегали, стараясь не усложнять взаимоотношения внутри социалистического лагеря. В 1982 г. вышла статья болгарского историка И. Илчева, касающаяся внешнеполитической пропаганды Болгарии во время Балканских войн²¹⁴, затем ставшая составной частью его более обширной по хронологическим и географическим рамкам книги. Но, наш взгляд, монография имеет неудачную структуру, что во многом обусловлено слишком широким временным периодом изучения, и, к сожалению, в ней не показаны конкретные механизмы осуществления внешнеполитической пропаганды²¹⁵.

На сравнительно небольшом количестве изданий рассмотрел отношение русских ученых и публицистов к болгаро-сербскому противостоянию в Македонии болгарский историк

---

²¹² *Ценов Г.* Русия и завоевателните стремежи на сърбите. Историко-политическо издирване. София, 1915.

²¹³ *Максимовић В.* Српско-бугарски спор из 1912–1913. године за Вардарску област (војно-политичка студија). Београд, 1928.

²¹⁴ *Илчев И.* Външнополитическа пропаганда на българската национална кауза през Балканските войни (1912–1913 г.) // ВИС. 1982. № 4.

²¹⁵ *Илчев И.* Родината ми – права или не! Външнополитическа пропаганда на балканските страни 1821–1923. София, 1995.

И.Г. Ёолов, пришедший к выводу, удивительному по своей объективности для представителя национальной историографии: к болгарофилам привыкли причислять тех, кто называл население Македонии болгарским, к сербофилам – тех, кто считал, что претензии обеих сторон равноправны²¹⁶.

В сербской историографии сходный и параллельный сюжет – пропаганду во Франции и в Англии – затронул Л. Алексич-Пейкович в своей книге²¹⁷. Б. Стоич в статье осветила деятельность агента Белграда в Париже, историка и общественного деятеля Г. Якшича, его связи с представителями французского общества²¹⁸, а в монографии – в целом отношение французского общества к Балканским войнам²¹⁹. Сербскую пропаганду, обращенную к Европе и доказывавшую отсталость албанцев, а потому и несостоятельность тезиса о создании албанского государства, отчасти затронул словенский антрополог и культуролог Б. Езерник²²⁰.

В 1913 г. ученые Болгарии и Сербии старались обосновать претензии своих стран на территорию Македонии. Этот вопрос в своей недавней статье осветила сербский исследователь С. Божић²²¹. Однако она использовала источники сугубо

²¹⁶ *Ёолов И.Г.* Руски автори за Бългaрия и Сърбия в македонски конфликт. 1885–1917 г. София, 1999. С. 86.

²¹⁷ *Алексич-Пейкович Л.* Односи Србије са Француском и Енглеском, 1903–1914. Београд, 1965.

²¹⁸ *Стојић Б.* Први балкански рат у очима француског јавног мњења // Први балкански рат 1912/1913. године: Друштвени и цивилизацијски смисао...

²¹⁹ *Стојић Б.* Француска и балкански ратови (1912–1913). Београд, 2017.

²²⁰ *Езерник Б.* Указ. соч. С. 87–90. Также в его книге присутствуют воспоминания и путевые очерки европейцев, посетивших Балканы в 1912–1913 гг., но среди них русских очевидцев практически нет.

²²¹ *Божич С.* Македонија као спорно питање између Српске Краљевске Академије и Бугарске Академије Наука 1913. године // Балкански ратови 1912/1913: Нова виђења и тумачења...

сербского происхождения, что привело к недостаточной глубине исследования и необъективности выводов.

Большой интерес у сербских историков вызывали действия ученых, отстаивавших интересы своей страны в европейских столицах уже в годы Первой мировой войны²²².

Обходили вопрос о публичной деятельности российских ученых и об их актуальных моменту произведениях и отечественные специалисты. Так, известный специалист по истории дореволюционного славяноведения Л.П. Лаптева лишь констатировала, что П.А. Лавров – одна из ключевых фигур в публичной дискуссии о Македонии в 1913 г. – «интересовался и современной жизнью южных славян, их новой судьбой и взаимными спорами», а затем в сносках перечислила труды профессора Санкт-Петербургского университета²²³. Более подробно на этих работах П.А. Лаврова остановился М.А. Робинсон, давший им весьма точное определение, назвав «своеобразным явлением в его научной деятельности». Признавая, что «Лавров занимает откровенно “сербофильскую” позицию», исследователь в качестве причины этого справедливо указал на пользу, извлекаемую из поддержки Сербии в случае войны с Тройственным союзом²²⁴. Однако

---

²²² Например: *Екмечић М.* Ратни циљеви Србије 1914. Београд, 1973; *Лаиновић А.* Мисија Јована Цвијића у Лондону 1915. године // *Врањски гласник*. 1971. № VII; *Трговчевић Љ.* Јован Цвијић у Првом светском рату // *Историјски часопис*. Књ. 22. 1975; *Она же.* Научници Србије и стварање југословенске државе. 1914–1920. Београд, 1986; *Милорадовић Г.* Борба за душе: српска пропаганда у Русији 1916. године // *Историјске свеске*. 2015. Број 14.

²²³ *Лаптева Л.П.* История славяноведения в России в конце XIX – первой трети XX в. М., 2012. С. 212.

²²⁴ *Робинсон М.А.* Изучение новой истории южных славян в русской историографии начала XX в. // *Исследования по историографии славяноведения и балканистики*. М., 1981. С. 281, 292–293.

в данном случае были вкратце рассмотрены лишь две небольшие брошюры в отрыве от общей ситуации и остальной активности П.А. Лаврова.

В то же время рассматривались даже действия македонцев в России, защищавших право населения спорного региона на самостоятельную национальную идентичность и государственность. Хотя в общественном мнении их позиция оказалась практически незамеченной, эта тема затронута в македонской²²⁵ и в меньшей степени – в отечественной науке²²⁶. Действия черногорского короля и его дочерей по вопросу о будущем Скутари рассматривала в своих статьях отечественный историк В.Б. Хлебникова²²⁷.

---

²²⁵ Например: *Стојанов П.* Македонија во времето на Балканските и Првата световна војна (1912–1918). Скопје, 1969. С. 117–130; Македонското научно-литературно другарство и неговиот континуитет до основањето на Македонската академија на науките и уметностите / ур. Б. Ристовски, П. Илиевски, Г. Старделов. Скопје, 1997; *Терзиоски Р.* Некои активности на македонски дејци во Русија за решавање на македонското прашање (1914–1918) // Македонија: Прашања од историјата и културата. Скопје, 1999; Македонски албум. Документи од и за Македонското научно-литературно другарство и Македонската колонија во С. Петербург / приред. Б. Ристовски. Скопје, 2014; *Ристовски Б.* Македонската колонија во Петроград и културно-националниот идентитет и територијален интегритет на Македонија (причини за војната и последици од букурешкиот договор) // Букурешкиот мировен договор (1913) и неговите долгорочни последици за Македонија и Југоисточна Европа. Скопје, 2017.

²²⁶ Например: *Струкова К.А.* К вопросу о деятельности македонской интеллигенции в России в начале XX в. // Славянский архив. М., 1963. С. 184.

²²⁷ *Хлебникова В.Б.* К вопросу о месте династических связей России и Черногории во внутренней и внешней политике на рубеже XIX–XX вв. // Императорский дом Романовых и

Таким образом, болгарская и сербская пропаганда в России, элемент нового для начала XX в. феномена – информационной войны, остается почти неизученной темой в науке.

* * *

Изучение описаний Балкан имеет недолгую историю, вероятно в силу того, что полуостров являлся мостом между Европой и Востоком, но не принадлежал ни к одному из миров, потому оказывался в стороне как от европейской традиции путешествий, так и от романтических рассказов о сказочном Востоке²²⁸. Хотя заметки путешественников традиционно использовались как исторический источник, отход от их прямого позитивистского пересказа начался недавно, и сразу же возникли вопросы о формировании образа Балкан: почему они представляли именно такими, насколько авторы смогли увидеть все объективно, кем были жители Балкан для иностранных наблюдателей?

Первой подробной и серьезной работой по этой проблематике является книга американского исследователя болгарского происхождения М. Тодоровой «Воображая

Балканы / отв. ред. В.Б. Каширин. М., 2014; *Она же*. Роль династических связей России и Черногории в выстраивании политического сотрудничества на рубеже XIX–XX веков // Славяноведение. 2015. № 1.

²²⁸ Изучение представлений о Востоке традиционно возводят к книге Э.В. Саида 1978 г. «Ориентализм» (рус. пер.: Саид Э.В. Ориентализм. Западные концепции Востока. СПб., 2006, 2016). В 2017 г. вышла работа В. Таки, которая ближе к интересующей нас проблематике, но касается более раннего периода (*Таки В. Царь и султан. Османская империя глазами россиян* / пер. с англ. М., 2017). Рецензию на последнюю см.: Белов М.В. Ориентализм соревновательной вестернизации: новая книга о русском взгляде на Османскую империю // Историческая экспертиза. 2017. № 2.

Балканы»²²⁹. Цель книги заключалась в том, чтобы понять, каким образом в глазах так называемого «Запада» само понятие «Балканы» приобрело негативный оттенок. Как автор показала, представление о полуострове окончательно оформилось в Первую мировую войну, а в последующие десятилетия лишь воспроизводилось²³⁰. Сами же Балканы «служат складом негативных характеристик, в оппозиции которому выстраивается позитивная и самовосхваляемая “Европа” и “Запад”», полуостров является европейской «антицивилизацией»²³¹.

Через несколько лет вышла книга словенского антрополога, социолога и культуролога Б. Езерника «Дикая Европа»²³². Данная работа, в отличие от труда М. Тодоровой, уже направлена скорее не на поиск теоретических обоснований стереотипов, а на их описание. Ученый постарался рассмотреть представления, сформированные и поддерживаемые в том числе и благодаря описаниям «вымышленных путешествий». Однако книгу можно определить больше как сборник очерков, посвященных отдельным темам, нежели монографию из-за определенной рыхлости структуры, ощущение которой создает отсутствие логических связей между многими главами. В работе присутствует «крен» в сторону запада полуострова, вдобавок труд с подзаголовком «Балканы глазами западных путешественников» действительно

---

²²⁹ *Todorova M. Imagining the Balkans. Oxford, 1997.* Также вышла дважды в болгарском переводе (*Тодорова М. Балкани. Балканизъм. София, 1999, 2004*) и сербском (*Тодорова М. Имагинарни Балкан. Београд, 2006*). Русского перевода, к сожалению, до сих пор не существует.

²³⁰ *Тодорова М. Балкани. Балканизъм. София, 2004. С. 277.*

²³¹ Там же. С. 283.

²³² Рус. пер.: *Езерник Б. Дикая Европа. Балканы глазами западных путешественников. М., 2017.* Также существуют английское, сербское и болгарское издания.

сосредоточивается на описаниях представителей западной цивилизации, и из более чем 880 наименований на английском, немецком, итальянском, французском, сербском и чешском языках менее 1 % приходится на русские травелоги. В конечном счете Б. Езерник пришел к выводу, что Балканы стали для европейцев зеркалом, в котором они видели свое прошлое, романтизируя его, но не стремясь в него вернуться. Жители полуострова представлялись в виде пасторальных картин «природной дикости», а наступление прогресса вызывало разочарование²³³.

Изучением сведений русских наблюдателей о южных славянах, конкретнее – Сербии, в конце XIX – начале XX в. впервые целенаправленно стал заниматься А.Л. Шемякин. В своих статьях на основании опубликованных и архивных источников личного происхождения он рассмотрел сербскую политическую культуру, государственное устройство, систему образования и многое другое²³⁴. В итоге Сербия гла-

---

²³³ Подробнее см.: *Гусев Н.С.* [Рец. на:] Езерник Б. Дикая Европа. Балканы глазами западных путешественников. М.: Лингвистика, 2017. – 358 с. // Историческая экспертиза. 2017. № 3.

²³⁴ *Шемякин А.Л.* Сербское общество последней трети XIX – начала XX века глазами русских наблюдателей // Славяноведение. 2004. № 3; *Он же.* Традиционное общество и вызовы модернизации. Сербия последней трети XIX – начала XX в. глазами русских // Человек на Балканах и процессы модернизации. Синдром отягощенной наследственности (последняя треть XIX – первая половина XX в.) / отв. ред. Р.П. Гришина. СПб., 2004; *Он же.* В плену у традиции: русские путешественники о Сербии и сербах (вторая половина XIX – начало XX в.) // Политическая культура и международные отношения в новое и новейшее время. Н. Новгород, 2009; *Он же.* Особенности политического процесса в Сербии глазами русских (последняя треть XIX – начало XX века) // Славяноведение. 2010. № 5; *Он же.* Сербия и сербы накануне Балканских войн глазами русских (к дискуссии о «современном» государстве) // Модернизация

зами русских, по мнению исследователя, предстает государством достаточно патриархальным. В то же время, понимая ограниченность данного материала, отечественный историк в доказательство и подтверждение своих выводов привлекал массу источников более традиционных – официальных и созданных в рамках изучаемого социума. Еще ряд исследователей предприняли попытку пойти путем А.А. Шемякина, но без должного отношения к науке и научной работе. В итоге использование лишь опубликованных источников и игнорирование существующей историографии проблемы привели к тому, что данные труды имеют научную значимость, близкую к нулю, что, к сожалению, в последнее время стало не редкостью²³⁵.

Добавим, что А.А. Шемякин успел при жизни опубликовать два тома антологии «Русские о Сербии и сербах», третий вышел после его кончины. В первый том были помещены опубликованные источники, во второй – архивные документы, созданные русскими очевидцами Сербии, в третий – комплекс текстов П.А. Ровинского о Сербии²³⁶. В определенной мере продолжением этих работ является книга, подготовленная нижегородским сербистом М.В. Беловым, в которой хронологические рамки сужены до первой половины XIX в., а географические – расширены до всех земель,

---

vs. война. Человек на Балканах...; *Он же*. Сербские сочинения П.А. Ровинского (первичное осмысление и перспективы исследования) // Славяноведение. 2017. № 3.

²³⁵ Об этом см. подробнее: *Гусев Н.С.* По ком жужжит шредер: современные научные (псевдо)исследования по истории Болгарии и Сербии конца XIX – начала XX в. // Историческая экспертиза. 2018. № 3.

²³⁶ Русские о Сербии и сербах. Т. 1: Письма, статьи, мемуары / сост. А.А. Шемякин. СПб., 2006; Т. II (архивные свидетельства) / сост. А.А. Шемякин. М., 2014; Т. III (сербские сочинения П.А. Ровинского) / сост. А.А. Шемякин. СПб.; М., 2019.

населенных южными славянами²³⁷. Русским путешествиям этого периода посвящено несколько статей этого исследователя, в них он большее внимание сосредоточил именно на том, как и под влиянием каких факторов создавались описания Балкан²³⁸.

Если же говорить о Балканах периода Балканских войн, то стоит признать, что отечественная историография невелика: Сербии этого времени касался в своих трудах А.А. Шемякин, Болгарии – автор этих строк²³⁹, оценки

---

²³⁷ Открытие «братьев-славян»: русские путешественники на Балканах в первой половине XIX века / сост. М.В. Белов. СПб., 2018.

²³⁸ Белов М.В. Русский офицер в роли этнографа: А.Г. Розелион-Сошальский описывает Сербию // *Studia Balkanica* (к юбилею Р.П. Гришиной). М., 2010; *Он же*. Дунайские импресии. Русские путешественники, дипломаты и военачальники в повстанческой Сербии (1804–1813) // *Родина*. 2010. № 11; *Он же*. Русские путешественники и дипломаты на Балканах в первой половине XIX века: типология и эволюция описательных стратегий // *Человек на Балканах глазами русских* / отв. ред. Р.П. Гришина, А.А. Шемякин. СПб., 2011; *Он же*. Славянская тема в путевом дневнике П.И. Кеппена: от сентиментализма к романтической этнографии // *Славяноведение*. 2011. № 1; *Он же*. «Службное» славяноведение в России первой половины XIX века // *Славяноведение*. 2012. № 4; *Он же*. «Славянский характер»: русские публицисты, литературные критики и путешественники первой половины XIX века в поисках народности // *Диалог со временем*. 2012. № 39; *Он же*. Блеск и нищета романтического воображения: ученое путешествие Ю.И. Венелина на Балканы в 1830–1831 гг. // *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского*. 2013. Вып. 6; *Он же*. Варвары или братья? Балканские славяне глазами русских наблюдателей первой половины XIX в. // *Цивилизация и варварство: Парадоксы победы цивилизации над варварством*. М., 2013.

²³⁹ Гусев Н.С. Болгарское военное руководство в оценках русских журналистов в период Балканских войн // *Российско-болгарские*

балканских военачальников русскими военными специалистами приведены В.Б. Кашириным²⁴⁰, увиденное русскими наблюдателями в Македонии проанализировал М.Л. Ямбаев²⁴¹.

В Болгарии отображению собственной страны в мировой прессе в 1912–1913 гг. уделяли значительно большее внимание. Историк журналистики И. Шипчанов в монографии «Глашатаи воинской славы» рассмотрел деятельность корреспондентов мировых печатных изданий в Болгарии во время Балканских войн и созданные ими картины увиденного²⁴². М. Петкова показала отклик на Балканскую войну в европейской общественности²⁴³. В последние годы внимание к этой теме усилилось. Ст. Райчевски подготовил и опубликовал двухтомную хрестоматию «Болгары в мировых хрониках»²⁴⁴, в связи со 100-летием событий в Софии вышли две книги-альбома, посвященных Балканским войнам²⁴⁵. Из них

научные дискуссии. Российская и болгарская государственность: проблемы взаимодействия. XIX–XXI вв. / отв. ред. В.П. Козлов. М., 2014; *Он же*. Болгарские солдаты во время Балканских войн глазами русских очевидцев // Дриновски сборник / Дриновский збірник. Т. VII. Харьков; София, 2014, и др.

²⁴⁰ *Каширин В.Б.* Высший командный состав армий стран Балканского полуострова в оценках и суждениях русских военных специалистов в начале XX века // Человек на Балканах глазами русских / отв. ред. Р. П. Гришина, А. Л. Шемякин. СПб., 2011

²⁴¹ *Ямбаев М.Л.* Российские наблюдатели об этнической принадлежности населения Македонии в конце XIX – начале XX вв. // Там же.

²⁴² *Шипчанов И.* Указ. соч.

²⁴³ *Петкова М.* Отзвукът на Балканската война сред европейска общественност // ВИС. 1963. № 1.

²⁴⁴ *Райчевский Ст.* Българите в световните хроники. Т. 1. 1912–1925. София, 2004.

²⁴⁵ Балканската война 1912–1913. Илюстрирана хроника / съст. А. Въчков. София, б.д.; Войната такава, каквато беше. България

стоит особо отметить издание «Война такая, какой была», выгодно отличающееся не только качеством полиграфии, но и собранным сотрудниками Софийского университета фотографиями, карикатурами, картинами, свидетельствами очевидцев-иностранцев.

Тяга к визуальной истории не прошла и мимо Сербии, где в 2010 г. был издан альбом фотографий, посвященных Балканским войнам²⁴⁶. Все они сделаны русским поданным С. Черновым, который, находясь вместе с сербами (в том числе и в эвакуации на о. Корфу), освещал Балканские и Первую мировую войны. Ныне же несколько альбомов этого фотографа хранятся в Архиве Сербии, и их уникальность и новизна придают сборнику особое значение. Возвращаясь к прозе, стоит отметить, что сербский историк Л. Алексич-Пейкович в своей монографии 1960-х гг. уделила небольшое место отношению английского и французского общества к Сербии во время Балканских войн²⁴⁷ в последнее время, как правило, ученые этой страны концентрируют внимание на европейском общественном мнении²⁴⁸.

в Първата балканска война 1912–1913 г. / съст. В. Янчев, В. Станев, С. Живков, Л. Юруков. София, 2012.

²⁴⁶ Балкански ратови. Фото-запис Самсона Чернова / одг. уредник М. Перишић. Београд, 2010.

²⁴⁷ Алексич-Пейкович Л. Указ. соч.

²⁴⁸ Например: *Растович А.* Британская пресса о Балканских войнах // Модернизация vs. война... С. 421–430; *Растович А.* Британска штампа о успесима српске војске у Првом балканском рату // Балкански ратови 1912/1913: Нова виђења и тумачења...; *Вучетић Б.* Американци о Србији у Балканским ратовима // Там же; *Шер Т.* Први балкански рат у виђењима аустроугарске штампе на немачком језику // Там же; *Колаковић А.М.* Француски интелектуалци и Балкански ратови (1912–1913) // Први балкански рат 1912/1913. године: Друштвени и цивилизацијски смисао (поводом стогодишњице ослобођења Старе Србије и Македоније 1912). Књ. I.

В Македонии же более активно изучают представление о своей стране в прошлом. Касаемо Балканских войн, например, вышел небольшой труд с публикациями журнала «Современник» в 1912–1913 гг.²⁴⁹ В то же время многие годы выходит выстроенная хронологически антология текстов иностранных путешественников о Македонии. Последний том дошел до 1908 г.²⁵⁰, но, к сожалению, неизвестно, будет ли издание охватывать и более поздний период.

Польский исследователь А. Малиновски рассматривал отношение польских газет к Балканским войнам и их участникам²⁵¹. Но, к нашему сожалению, он задействовал издания, выходившие не в Царстве Польском. Отношение хорватского общества к этим событиям анализировались И. Деспотом²⁵² и И. Звонаром²⁵³.

Неизученными остаются статьи и книги русских корреспондентов, посетивших Балканы в 1912–1913 гг. Тексты,

²⁴⁹ Македонија и Балканот во Петроградското списание «Современник» (1912–1913) / прев. М. Пандевски. Скопје, 1995.

²⁵⁰ Македонија во делата на странските патописци: 1905–1908 / подг. А. Матковски. Скопје, 2012.

²⁵¹ Малиновски А. България по време на Втората Балканска война според репортажите на вестник «Познански дневник» (юни–август 1913 година) // 110 години от Илинденско-Преображенското въстание и българската национална идея от Сан Стефано до Букурещ (1878–1913) / ред. Т. Митев. София, 2014; *Malinowski A.J.* Operation of the Serbian army during the First Balkan War (October–November 1912) in the Polish daily press // Први балкански рат 1912/1913. године: Друштвени и цивилизацијски смисао (поводом стогодишњице ослобођења Старе Србије и Македоније 1912). Књ. I.

²⁵² *Despot I.* Croatian public opinion toward Bulgaria during the Balkan wars // *Études balkaniques*. XLVI. 2010. No 4.

²⁵³ *Zvonar I.* Obzor o Prvom balkanskom ratu // *Hrvati i bugari kroz stoljeća. Povijest, kultura, umjetnost i jezik* / ur. D. Karbić, T. Luetić. Zagreb, 2013.

принадлежащие перу писателя Е.Н. Чирикова, исследовались А.В. Назаровой и М.В. Михайловой²⁵⁴. Но для специалистов-филологов, каковыми являются авторы, данный материал больший интерес представил в литературоведческом плане, позволяя рассмотреть воздействие увиденного на Балканах на эволюцию творчества писателя. В 2013 г. на конференции в Болгарии²⁵⁵ они были заявлены с докладом «Первая Балканская война в “отчетах” военного корреспондента (книга Е.Н. Чирикова “Поездка на Балканы”)», однако по каким-то причинам выступить не смогли. Найти хотя бы упоминание о статье этих авторов на данную тему нам не удалось.

Большее внимание в науке уделено будущему известному политику и лидеру большевиков, а тогда – яркому публицисту и деятелю социалистического движения Л.Д. Троцкому. Долгие годы его статьи, написанные в качестве корреспондента на Балканах, объединенные в отдельном томе собрания сочинений, игнорировались советской наукой, впрочем, как и сама фигура автора. В то же время за рубежом Троцкий

---

²⁵⁴ Михайлова М., Назарова А. Война как пространство «антижизни» и «антикультуры» (военные корреспонденции Е.Н. Чирикова с фронтов Первой Балканской и Первой мировой войн) // Журналистика в 2011 году: Ценности современного общества и средства массовой информации. М., 2012; *Они же*. Война как пространство антижизни и антикультуры (военные корреспонденции Е.Н. Чирикова с фронтов Первой Балканской и Первой мировой войн) // Русская литература и журналистика в движении времени: Ежегодник кафедры истории русской литературы и журналистики факультета журналистики МГУ. М., 2013; *Они же*. Голос Е.Н. Чирикова-пацифиста // Великая война. Последние годы империи: Сб. науч. ст. XX Царскосельской конференции. СПб., 2014.

²⁵⁵ 135 години по-късно: България–Русия–Евразия (27 февруари – 1 март 2013).

вызывал и продолжает вызывать интерес, и первые работы, целиком посвященные отражению Балканских войн 1912–1913 гг. в наследии политика или же затронувшие этот вопрос, появились именно за границей²⁵⁶.

В 1994 г. вышло первое российское исследование интересующего нас корпуса источников – небольшая книга А.З. Нюркаевой «Балканы во взглядах Троцкого»²⁵⁷. Но эту работу стоит отнести к неудачным попыткам изучения наследия одного из лидеров Октября. Во-первых, книга явно принадлежит перу специалиста по истории Сербии; поскольку иностранные работы приводятся лишь на сербскохорватском языке, присутствует большое количество ссылок на архив Коммунистической партии Югославии, на основании которых описываются сюжеты, отсутствующие у объекта исследования. Во-вторых, автор, не сумев избавиться от традиционных для советской науки клише, таких как «захватнические устремления Сербии», «антинациональная политика болгарской буржуазии», использовал их зачастую как идеологическую, недоказанную догму. При этом воспроизводится спорный тезис, будто после 1903 г. в Сербии «был воплощен классический вариант конституционной монархии». Не всегда обоснованы аналогии с Югославским кризисом, современным написанию книги (1994 г.). В-третьих, довольно неуместными кажутся оценочные заявления А.З. Нюркаевой, что в одном вопросе «Троцкий проявлял политическую зрелость», в другом – «эрудицию, понимание сущности политических вопросов» и т.д. Неправомомерность таких менторских

---

²⁵⁶ *Nelson H.W.* Leon Trotsky and the Art of Insurrection 1905–1917. London, 1988; *Boeckh K.* Die Balkankriege 1912–13 by Leo Trotzki, Hannelore Georgi, Harald Schubärth // *Südost-Forschungen / Southeast-Studies / De Gruyter Oldenbourg*. 1998. Bd. 57; *Thatcher I.* Trotsky and Kievskaya Mysl' // *Irish Slavonic Studies*. 1993. Iss. 14.

²⁵⁷ *Нюркаева А.З.* Балканы во взглядах Троцкого. Пермь, 1994.

оценок А.З. Нюркаевой подчеркивает четвертый недостаток ее работы – большое количество фактических ошибок и неверных написаний (например, «Г. Гартвиг»)²⁵⁸.

Основательнее анализ украинского историка М.Г. Станчева и американского исследователя украинского происхождения Г.И. Чернявского²⁵⁹, первый из которых является академиком Болгарской академии наук, а второй – признанным специалистом по изучению жизненного пути Л.Д. Троцкого, о котором он написал несколько книг²⁶⁰ и очерк в серии «Жизнь замечательных людей»²⁶¹, а также издал архив политика²⁶². В одной из глав их труда, посвященного связям этой неординарной личности с Болгарией и болгарами, они подробно рассмотрели его деятельность в качестве корреспондента во время Балканских войн. Исследователи заметили ускользающие при первом взгляде неточности Л.Д. Троцкого. К примеру, описывая болгарскую политическую систему, он упустил определенные ее особенности, не упомянул о существовании партии БЗНС²⁶³, которой в недалеком будущем вскоре было суждено установить на некоторое время фактически собственную диктатуру. В то же время он сознательно преувеличивал бедственное положение еврейского квартала Юч-Бунар²⁶⁴.

В целом авторы указывают на справедливость суждений Л.Д. Троцкого, его стремление понять сущность порядков

---

²⁵⁸ Там же. С. 39, 59, 17, 38, 59, 72, 60.

²⁵⁹ Станчев М., Чернявский Г. Указ. соч.

²⁶⁰ Фельштинский Ю.Г., Чернявский Г.И. Лев Троцкий. Революционер. М., 2012; *Они же*. Лев Троцкий. Большевик. М., 2012; *Они же*. Лев Троцкий. Оппозиционер. М., 2012; *Они же*. Лев Троцкий. Враг № 1. М., 2013.

²⁶¹ Чернявский Г.И. Лев Троцкий. М., 2010.

²⁶² Архив Троцкого. Т. 1–2. Харьков, 1999, 2001.

²⁶³ Станчев М., Чернявский Г. Указ. соч. С. 67.

²⁶⁴ Там же. С. 82.

Болгарии, но не идеализируют объект исследования, в частности подчеркивая, что в недалеком будущем один из самых жестких и деспотичных лидеров Октября в статьях 1912–1913 гг. яро отстаивал демократию и свободу слова. На это же указывает и американский исследователь болгарского происхождения М. Тодорова. Уделила она внимание и тому, что Троцкий негативно относился к крестьянскому движению, знал о нем довольно мало, однако считал полностью соответствующим его российскому аналогу²⁶⁵. Статьи этого политика и болгарского социалиста В. Коларова, выходявшие в 1912–1913 гг., сравнила Р.П. Гришина²⁶⁶. К неудачным примерам обращения к наследию Л.Д. Троцкого стоит отнести и статью Е.Ю. Гуськовой в связи с длинными цитатами (до трех страниц), отсутствием анализа публикаций политика. К тому же автор не посчитала необходимым обратиться к уже существующему опыту изучения балканских очерков Троцкого²⁶⁷.

Взгляды будущего наркомвоенмора на Сербию в ряде статей рассмотрел А.Л. Шемякин²⁶⁸. Сравнивая корреспон-

---

²⁶⁵ *Todorova M. War and Memory: Trotsky's War Correspondence from the Balkan Wars // Perceptions: Journal of International Affairs. Vol. XVIII. № 2 (Summer 2013). P. 10–13, 17.*

²⁶⁶ *Гришина Р.П. Военные корреспонденты Васил Коларов и Лев Троцкий о Балканских войнах 1912–1913 гг. // Славяне и Россия: славянские и балканские народы в периодической печати. К 90-летию со дня рождения А.А. Улуняна / отв. ред. С.И. Данченко. М., 2014.*

²⁶⁷ *Гуськова Е.Ю. Лев Троцкий – очевидец и хроникер балканских войн // Букурешкиот мировен договор (1913) и неговите долгосрочни последици...*

²⁶⁸ *Шемякин А.Л. Л.Д. Троцкий о Сербии и сербах (военные впечатления 1912–1913 гг.) // Историки-слависты МГУ: Кн. 9; Шемякин А.Л. Лав Троцкий о Србији и србима током Балканских ратова (1912–1913) // Балкански ратови 1912/1913...*

денцию и свидетельства как самих сербов, так и русских, он пришел к выводу о проницательности и точности суждений Л.Д. Троцкого. Хотя, на наш взгляд, политик и публицист в некоторых вопросах на существующее положение дел мог сознательно исказить или умалчивать факты, что показали М.Г. Станчев и Г.И. Чернявский на примере его статей о Болгарии.

В необычном ракурсе на эти работы Л.Д. Троцкого обратил внимание бельгийский исследователь М. де Доббелер, рассмотревший в тексте хронотоп движения и увидевший в нем влияние романа Л.Н. Толстого «Анна Каренина»²⁶⁹.

Как видим, отношению русского общества к Балканским войнам посвящено довольно значительное количество литературы, рассматривающей проблему в ее конкретных проявлениях или же косвенно – как составляющую более глобальных процессов. Комплексно и подробно тема до сих пор остается неисследованной, что и должна восполнить данная книга.

---

²⁶⁹ *Dobbeleer M. de. Chronotopes on Wheels: Anna Karenina and the Train Episodes in Trotsky's Balkan War Reports // Balkan Nationalism(s) and the Ottoman Empire. Vol. 2: Political Violence and the Balkan Wars / ed. D. Stamatopoulos. Istanbul, 2015.*

ГЛАВА I

Реакция русского общества на начало Первой балканской войны	89

Пестрая мозаика отношения разных слоев и политических сил к войне на Балканах	126

Причины симпатий к Балканскому союзу	146

Глава I

ПЕРВАЯ БАЛКАНСКАЯ ВОЙНА И РУССКОЕ ОБЩЕСТВО

РЕАКЦИЯ РУССКОГО ОБЩЕСТВА НА НАЧАЛО ПЕРВОЙ БАЛКАНСКОЙ ВОЙНЫ

Летом 1912 г. дипломаты великих держав пребывали в беспокойстве – на Балканах грозила разразиться война. Османская империя уже вела боевые действия против Италии в Африке, в ее европейских владениях бушевало восстание албанцев. А осенью 1911 г. произошел теракт в македонском городе Штипе, повлекший за собой резню местного христианского населения, и затем 19 июля 1912 г. аналогичная трагедия случилась в Кочанах. Это вызвало бурную реакцию в столицах соседних балканских стран. Жители требовали войны, а правительства, по всей видимости, были готовы ее начать. Европейский концерт постарался предотвратить вооруженное столкновение, самостоятельный передел карты небольшими балканскими государствами. Последней попыткой дипломатического нажима стало совместное заявление, сообщенное от имени шести великих держав российскими и австро-венгерскими представителями властям в Софии, Белграде, Цетинье и Афинах. Булящим странам в очередной раз обещали реализацию 23-й статьи Берлинского договора 1878 г. о проведении реформ в Македонии и предупреждали, что изменение территориального статус-кво Европейской Турции не будет допущено. Но не для того раскручивался маховик военной машины на Балканах. Направляя в Константинополь ноту с требованием скорейших реформ в Македонии под их контролем, страны – участницы Балканского союза не ожидали

иного ответа, кроме отказа, и уже проводили мобилизацию войск. 25 сентября, обставив все театральными жестами, Черногория начала войну с Османской империей. 5 октября¹ Болгария и Сербия, на следующий день – Греция присоединились к ней. Началась Первая балканская война.

Для русской дипломатии все это представляло большие неудобства. К разделу Турции страна была не готова, да и главный враг виделся не на Босфоре, а к северу от Дуная. В Петербурге давно вынашивали планы создания Балканского союза, но его копье нацеливали на Австро-Венгрию и изначально хотели в него привлечь даже Османскую империю. К тому же царила уверенность, что войска султана разгромят противника в считанные недели. Русское же общество войну против «векового угнетателя христиан» в целом приветствовало.

События развивались стремительно. Болгарская армия взяла Кирк-Килиссе (болг. Лозенград, ныне – Кыркларели) и быстрым темпом наступала на восток. 16 октября состоялась битва на линии Бунар-Хиссар–Люле-Бургас, после которой войска султана уже только бежали в сторону Константинополя. 27 октября укрепленный Адрианополь был осажден 2-й армией генерала Н. Иванова, а 1-я и 3-я под командованием В. Кутинчева и Р. Димитриева вскоре вышли к Чатаджинской линии укреплений – последнему препятствию перед столицей империи. Параллельно болгары успели освободить Родопские горы и на день позже греков войти в Салоники.

Тем временем сербская армия в соответствии с планом наступала по нескольким направлениям. 10–11 октября была одержана победа над турками в сражении при Куманове, 13-го сербы вошли в Скопье, 17-го – в Призрен. После началось продвижение в глубь Албании для того, чтобы «явочным» порядком снять вопросы о выходе Сербии к Адриатическому

---

¹ Здесь и далее даты приводятся по юлианскому календарю (старому стилю).

морю. К тому времени великими державами уже практически было принято решение о создании независимой Албании, и успехи сербских войск на территории этого будущего государства вызвали жесткую реакцию в Вене. В Австро-Венгрии объявили частичную мобилизацию, военные суда курсировали по Дунаю, освещая прожекторами Белград. Однако страны Антанты не были готовы к столкновению, их программы перевооружения требовали еще нескольких лет, поэтому они оказали давление на сербов, в итоге вынужденных отступить.

Еще 31 октября болгарский царь Фердинанд получил телеграмму от турецкого великого визиря с предложением о начале мирных переговоров. Вероятно, это был идеальный момент для победоносного завершения войны. Но он был упущен. В силу отсутствия понимания реального состояния армии и, видимо, затуманившего разум желания обрести лавры освободителя Св. Софии от мусульман Фердинанд отверг приглашение сесть за стол переговоров.

Вскоре он передал через заместителя главнокомандующего генерала М. Савова приказ атаковать неприступную Чатаалджу. Без достаточной подготовки вымотанные и обескровленные болгарские части не сумели прорвать оборону турок. Ситуацию усугубила начавшаяся в войсках эпидемия холеры. Положение дел изменилось, и уже в новых условиях монарх согласился на перемирие. 3 декабря в Лондоне открылась мирная конференция, где отдельно заседали представители воюющих сторон и послы великих держав. К этому моменту весь Балканский полуостров вплоть до Чатаалджи был освобожден от турок, за исключением трех осажденных крепостей: Адрианополя – болгарами, Янины – греками и Скутари – черногорцами и сербами.

Переговоры в британской столице затягивались, турки отказывались принять предложенное разграничение, к тому же добавилась новая проблема в международных отношениях. Румыния потребовала соблюдения принципа равновесия сил

на Балканском полуострове, поэтому стала настаивать на территориальных изменениях и в ее пользу, указывая в качестве искомого на северо-восточные земли Болгарии. Гордиев узел переговоров был разрублен в Константинополе. 10 января 1913 г. в запруженной беженцами столице Османской империи произошел младотурецкий переворот, один из лидеров которого, Энвер-паша, ворвался в канцелярию визиря, убил военного министра и «выбросил в окно текст с условиями перемирия, а заодно и нескольких упрямцев»². Вскоре боевые действия возобновились.

Надежды турок на перелом в войне не оправдались. Попытки прорыва и высадки десанта у Шаркёя были отбиты, 20 февраля пала Янина, а 13 марта болгарские войска при поддержке сербских частей штурмом взяли Адрианополь. Оставалась лишь Скутарийская крепость. Однако в ее судьбе сплелись не только военные, но и политические мотивы. Великие державы не собирались отдавать город под скипетр черногорского короля Николы даже в случае успеха осаждавших его черногорско-сербских войск. Очередная атака на укрепления оказалась безрезультатной, европейский концерт предпринял дипломатические демарши в адрес Белграда и Цетинье, настаивая на освобождении албанской территории, но требование было отклонено. Тогда на рейде черногорского порта Бар появилась объединенная военно-морская эскадра великих держав. Тем не менее своенравный Никола не уступал, и вскоре начальник гарнизона Скутари Эссад-паша предложил переговоры о капитуляции. 11 апреля черногорцы вошли в город. Уже 19 апреля Австро-Венгрия предъявила Цетинье ультиматум, который через день был выполнен, – войска покинули спорный населенный пункт. 17 мая в Лондоне между странами Балканского союза и Османской империей был подписан мирный договор, завершивший Первую балканскую войну.

---

² Цит. по: *Жевахов А.* Кемаль Ататюрк. М., 2008. С. 25.

---

* * *

Для русского общества начало боевых действий на Балканах не явилось неожиданностью, поскольку уже до официального объявления войны пресса значительное внимание уделяла известиям с полуострова. Официальное же начало боевых действий православных государств Балкан против Османской империи всколыхнуло общественную жизнь. Газеты резко увеличили свои тиражи. «Русское слово» стало выходить в 220 тыс. экземпляров вместо 200, «Утра России» стало печататься на 6–7 тыс. экземпляров больше, «Раннего утра» – на 4,5 тыс., а «Русских ведомостей» – на 2 тысячи³. В 1912–1913 гг. практически в каждой газете существовал раздел, посвященный событиям на Балканах, притом не только в столичных, но и в провинциальных. Правда, они состояли из сообщений телеграфных агентств. Часть газет, как, например, издания Дона и Северного Кавказа, к комментированию происходящего и не стремились, лишь излагая факты. Но, как отметил ставропольский исследователь И.В. Крючков, «безусловно, симпатии редакций были на стороне славян»⁴. Согласно донесению начальника Московского губернского жандармского управления, «газетные статьи читаются с жадностью, победы союзных балканских государств вызывают восторг»⁵.

«Все симпатии были, конечно, на стороне Сербии и Болгарии, все с тревогой следили по газетам за военными действиями и радовались успехам родных нам славянских народов»⁶, – вспоминал московский губернатор,

---

³ Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 102. Оп. 121. 4-е делопроизводство. 1912 г. Ед. хр. 278. Л. 2.

⁴ Крючков И.В. Образ Австро-Венгрии на страницах периодической печати Дона и Северного Кавказа в начале XX в. (1900–1917). Ставрополь; Пятигорск, 2003. С. 40.

⁵ ГАРФ. Ф. 63. Оп. 32. Ед. хр. 1346. Л. 15.

⁶ Джунковский В.Ф. Воспоминания. Т. 2. М., 1997. С. 71.

а затем и командующий Отдельным корпусом жандармов В.Ф. Джунковский. В Саратове отмечалось, что «несочувствие единичных лиц вызывает резкий отпор со стороны даже левого элемента», и подобный прецедент имел место в Саратовском университете⁷. Меншевики хотели воспользоваться интересом русского общества к войне на Балканах, чтобы ускорить создание собственного журнала. Ю.О. Мартов писал А.Н. Потресову 18 октября: «Наступление балканс[кого] кризиса делает появление журнала очень важным. Публика начнет интересоват[ся] “большими” вопросами политики и экономики, трактовка которых лишь в газетной форме будет недостаточной»⁸. «Я уверен, что вы с болью в сердце и с затаенным восторгом следите за успехами оружия союзных балканских государств. Не решается ли на наших глазах пресловутый Восточный вопрос?»⁹ – писал великий князь Константин Константинович известному юристу и государственному деятелю А.Ф. Кони. Согласно мемуарам историка и публициста С.С. Ольденбурга, «ликование и сочувствие в широких русских кругах» были настолько велики, что «на задний план отступили вопросы внутренней политики»¹⁰.

Болгарский посланник Стефан Бобчев вспоминал это время в Петербурге так: «В салонах даже высшего общества не было других предметов разговора; не говоря о русских интеллигентских кругах и широких массах... Во всяком доме, который мне удавалось посетить, я узнавал, что карта Балканского полуострова лежит на столе, и болгарские

⁷ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 121. 4-е делопроизводство. 1912 г. Ед. хр. 278. Л. 20.

⁸ Ю.О. Мартов и А.Н. Потресов. Письма. 1898–1913. М., 2007. С. 433.

⁹ Романов К.К. Дневники. Воспоминания. Стихи. Письма. М., 1998. http://az.lib.ru/k/kr_k_k/text_1915_letters_to_koni.shtml (дата обращения: 30.09.2019).

¹⁰ Ольденбург С.С. Царствование Императора Николая II. Т. 2. Мюнхен, 1949. С. 96.

флажки отмечают всякое продвижение вперед»¹¹. В ресторанах с живой музыкой болгарский гимн «Шуми Марица» стал пользоваться такой популярностью, что правительство, с большой опаской относившееся к симпатиям к южным славянам, даже запретило его исполнение. Журнал «Сатирикон» на это язвительно отреагировал: «Сделано это потому, что этот марш постоянно требовала публика и долго ему аплодировала. В ресторанах, кроме того, постоянно требуются и пользуются большим успехом черноморские устрицы. Почему бы и их не запретить?»¹²

Немало славян училось в Российской империи, они возвращались на родину, дабы встать в ряды соотечественников, сражавшихся против векового угнетателя. Их проводы часто превращались в манифестации. Например, 8 ноября в Варшаве провожали студента-болгарина Сапунова, собралась толпа в 400–500 человек, был нанят военный оркестр, исполнявший болгарский и русский гимны¹³. Офицеры и курсанты академии Генштаба написали в честь отправившихся на фронт болгар – учеников этого вуза стихотворение «Русские приветы болгарской армии»¹⁴. Некоторое время в русской армии служила и часть болгарского генералитета, оказавшаяся в изгнании из-за причастности к свержению князя Александра Баттенберга. Генерал-майор Г. Вазов участвовал в строительстве крепости Кушки, и 18 января 1913 г. одна из улиц укрепления была названа в его честь¹⁵. Генерал-

---

¹¹ Бобчев С. Страници из моята дипломатическа мисия в Петроград 1912–1913. София, 1940.

¹² Сатирикон. 1912. 26 окт.

¹³ ГАРФ. Ф. 215. Оп. 1. Ед. хр. 31. Л. 1–2.

¹⁴ Златева А. Дейността на Петербургския руско-български дамски благотворителен комитет през Балканската война 1912 г. (Щрих към руското дарителство за българските герои и сираците от войната) // Исторически преглед. 2016. Кн. 1–2. С. 73.

¹⁵ Там же. С. 80.

лейтенант Р. Дмитриев, командующий 3-й армией, служил в конце XIX столетия в Тифлисе, и бывшие сослуживцы во время войны послали ему поздравительную телеграмму, чему военачальник был искренне рад¹⁶.

Отправление поздравительных и ободрительных телеграмм воюющим народам вызывало настороженное отношение властей. Представителям союзников гласный Московской городской думы П.П. Дурново послание вручил лично, поскольку градоначальник не позволял ее отправить телеграфом, усмотрев в ней некоторую «опасность в дипломатическом отношении»¹⁷. Самарская городская дума подготовила свое обращение к союзным главам правительств, однако из-за ожидания разрешения губернатора на отправку послания ушло пять дней¹⁸. Иногда срабатывала и «самоцензура». В ноябре 1912 г. фракция прогрессистов в Государственной Думе намеревалась предложить отправить от имени всей нижней палаты парламента «сочувственные телеграммы». Ввиду близких отношений с кадетами им было сообщено об этой инициативе. Решительно выступил против их лидер П.Н. Милюков. Он указал, что Дума «есть прежде всего учреждение государственное» и ее слова имеют соответствующее значение, поэтому обращение к одной из сторон конфликта «нарушило бы международные правила о нейтралитете». Следующий его аргумент заключался в отсутствии адресата – парламенты воюющих сторон во время войны не проводили заседания, а послание на имя монарха «было бы прецедентом, совершенно неизвестным парламентскому праву». Ну и наконец, отметил он, в компетенцию Думы не входили вопросы внешней политики¹⁹.

---

¹⁶ Мамонтов Н.П. С болгарскими войсками от Балкан до Чаталджи. М., 1913. С. 109.

¹⁷ Городской вестник (Самара). 1912. 15 окт.

¹⁸ Городской вестник (Самара). 1912. 2, 7 нояб.

¹⁹ Гальперина Б.Д., Перегудова З.И., Старцев В.И. Донесения Л.К. Куманина из Министерского павильона Государственной

Части интеллигенции казалось, что после бурных событий 1905–1907 гг. наступило «скучное» время – реакция и оцепенение охватили русское общество. А как заметил американский социолог Э. Хоффер, «нет, пожалуй, лучшего показателя того, что общество созрело для массового движения, чем распространение безысходной скуки»²⁰. И начавшиеся Балканские войны, которые не могли не интересовать население, показались интеллигенции необходимой «встряской», должной разбудить страну. Как говорил в декабре 1912 г. либеральный адвокат и депутат А.М. Александров, они «вытащили нас из бездны отчаяния, самоковыряния, самоанализа»²¹. Российский и в будущем советский ученый Н.С. Державин писал болгарскому коллеге В. Златарскому незадолго до начала боевых действий: «Чувствую, что ваша война вызовет у нас взрыв братских славянских чувств, в котором найдет свой выход наш придавленный запас духа и потребность выразить наружу свое настроение»²². Член Государственной Думы А.И. Савенко утверждал с трибуны: «Русское общество уже давно не переживало минут радости и восторга, ибо густые сумерки тяжкого безвременья окутали нас. Но вот судьба улыбнулась нам и дала нам возможность порадоваться радостью и счастьем наших забалканских братьев, наших славянских, единокровных, единоплеменных братьев»²³.

думы, декабрь 1911 – февраль 1917 года // Вопросы истории (далее – ВИ). 1999. № 1. С. 13.

²⁰ Хоффер Э. Истинноверующий: мысли о природе массовых явлений / пер. с англ. М., 2001. С. 69.

²¹ Александров А.М. Влияние Балканских событий на русское общественное сознание // Славянский вопрос в его современном значении. СПб., 1913. С. 127.

²² Българо-руски научни връзки XIX–XX век. Документи / съст. Л. Костадинова, В. Флорова, Б. Димитрова. София, 1968. С. 95.

²³ Стенографические отчеты / Гос. дума, четвертый созыв, сессия первая. Заседания 1–30 (с 15 ноября 1912 г. по 20 марта 1913 г.). СПб., 1913. Стб. 2402.

Профессор-славист П.А. Лавров в публичной лекции заявлял, что славянский вопрос объединил «людей разных партий и взглядов, конечно, не устраняя известного различия в оттенках, силе и характере выражения симпатий союзникам»²⁴. И эти «различия», как мы увидим ниже, были довольно значительны.

Газета «Славянские известия» с удовлетворением отмечала, что «широкий славянский патриотизм стала обнаруживать в последнее время наша интеллигенция, обыкновенно безличная, космополитически настроенная и не русская»²⁵. Вторил ей Н.С. Державин в письме болгарскому товарищу: «В том, что русская интеллигенция в подавляющем большинстве сочувствует вам, нет никаких сомнений»²⁶. Причем агент охранного отделения под кодовым именем «Пушкарев» сообщал, что «идет даже борьба, кто больше сочувствует»²⁷. Своим сочувствием интеллигенция старалась заразить общество, массовое движение в поддержку славян начало набирать обороты.

Для популяризации и объяснения сути происходящего (а заодно и сбора средств на помощь пострадавшим славянам) осенью 1912 г. представители российских научных кругов приняли решение устроить публичные лекции по истории балканских стран. Для того чтобы они могли проходить, в силу напряженности в отношениях с Австро-Венгрией запрашивалось согласие министра внутренних дел. В начале ноября он шифрованной телеграммой ответил, что не против лекций, но поставил условие – обязательное присутствие

---

²⁴ Лавров П.А. Балканский союз и переживаемый им кризис. Петрозаводск, 1914. С. 3.

²⁵ Цит. по: Кострикова Е.Г. Геополитические интересы России и славянский вопрос: Идеиная борьба в российском обществе в начале XX века. М., 2017. С. 272.

²⁶ Българо-руски научни връзки... С. 237.

²⁷ ГАРФ. Ф. 63. Оп. 32. Ед. хр. 1346. Л. 18.

чина полиции, чтобы «не было допущено со стороны лекторов выпадов против нашего правительства и против Австро-Венгерской империи, ни призыва к войне»²⁸.

Н.С. Державин собирался в Петербурге прочесть ряд сообщений о событиях на Балканах²⁹. 1 ноября в Женском медицинском институте (ныне ПСПбГМУ им. И.П. Павлова) лекцию об истории борьбы балканских славян с турками и австрийцами прочел профессор Харьковского университета А.Л. Погодин. Следом П.Н. Милюков, который вел мероприятие, предложил аудитории высказаться. Ему прислали большое количество записок, он их разбил на группы, сам давал ответы в течение почти двух часов, уже было отключено электричество, и вечер продолжали при газовых светильниках³⁰. В Москве одна из первых лекций состоялась 11 октября 1912 г. в Политехническом музее, темой была обозначена «Война балканских государств с Турцией», а докладчиками выступили академик Ф.Е. Корш, В.Т. Михайловский, К.С. Кузьминский, Ч.М. Йоксимович и другие. Мероприятие позволило собрать 300 рублей чистого дохода, переданного в распоряжение Московского славянского комитета³¹.

На последующих лекциях слово было доверено уже довольно молодым ученым, все они оканчивали Московский университет, хотя и разные факультеты. 25 ноября 1912 г. в Москве во Введенском народном доме Г.В. Вернадский выступил на тему «Русско-турецкие отношения и Балканский полуостров»³², 27 ноября географы С.Г. Григорьев и Б.Ф. Добрынин в Политехническом музее прочли лекции

²⁸ Там же. Ед. хр. 31. Т. 1. Л. 62.

²⁹ Българо-руски научни връзки... С. 95.

³⁰ ГАРФ. Ф. 593. Оп. 1. Ед. хр. 62. Л. 1–10б.

³¹ *Шевцова Г.И.* Русский гуманный поход на Балканы (1912–1913). М., 2012. С. 79. Г.И. Шевцова ошибочно указывает инициалы Чedomира Милетевича Йоксимовича как «Ч.И.».

³² ГАРФ. Ф. 63. Оп. 32. Ед. хр. 31. Т. 2. Л. 77.

с одним и тем же названием – «Балканский полуостров»³³. В этот же день в консерватории предметом рассказа В.И. Пичеты явился «Восточный вопрос в XIX веке», а журналиста А.Н. Брянчанинова – «Восточный вопрос и международное положение Европы»³⁴. 9 декабря в Польской библиотеке состоялась лекция Я.Я. Длугокенацкого «Жители Балкан»³⁵. О политических взглядах выступавших свидетельствует тот факт, что В.И. Пичета и С.Г. Григорьев в 1911 г. покинули должности преподавателей Московского университета в знак протеста против деятельности министра просвещения Л.А. Кассо.

Общественный запрос на такие лекции существовал и в провинции. В Самаре в обществе книгопечатников планировалось при «световых картинках» прочесть лекцию «Славяне и современная война их за освобождение». Она была посвящена в основном болгарам, посетило ее 80 человек, но из-за отсутствия электричества «волшебный фонарь» не работал³⁶. Но чаще с выездными выступлениями в регионы отправлялись ученые и публицисты из обеих столиц.

По стране с выступлениями для сбора пожертвований в пользу раненых и сирот ездил член Петербургского славянского благотворительного комитета профессор П.А. Лавров³⁷. На протяжении 1912 и 1913 гг. в различных городах страны выступал П.Н. Милюков, рассказывая слушателям о сущности Балканского союза, многочисленных войнах и конфликтах в «пороховом погребе» континента. Судя по афишам и программам мероприятий, он посетил Петербург, Москву, Киев, Баку, Самару, Саратов, Царицын, Астрахань, Пинск и другие города³⁸.

³³ Там же. Л. 81–82.

³⁴ Там же. Л. 88.

³⁵ Там же. Л. 112. К сожалению, докладчика идентифицировать не удалось. Возможно, в документах полиции допущена ошибка.

³⁶ Городской вестник (Самара). 1912. 25, 26 нояб.

³⁷ Городской вестник (Самара). 1913. 6 янв.

³⁸ Чернявский Г., Дубова Л. Милюков. М., 2015. С. 254.

Видимо, на эту тему «в пользу жертв войны» читал лекции в Одессе преподаватель Новороссийского университета П.М. Бицилли³⁹. Студенты Юрьевского университета 31 октября 1912 г. пригласили публициста В.В. Водовозова прочесть лекцию в Вильно; он ответил согласием, прислав программу мероприятия, уже разрешенного в Екатеринославе, Минске, Юрьеве и Вологде. При этом публицист указал, что если сбор от лекции будет направлен не на благотворительные цели, то он в качестве оплаты своих услуг просит 75 рублей⁴⁰.

Иногда, правда, у провинциальных властей подобные мероприятия вызывали тревогу, и они, перестраховываясь, запрашивали совета у своего руководства. Так, витебский губернатор в донесении полагал, что «сборам [в] пользу командированных лазаретов Красного Креста препятствовать нельзя», но просил указаний, «желательно ли разрешать» сборы в пользу славян и лекцию публициста Зембружского о происходящем на Балканах⁴¹. А.А. Погодину было разрешено 20 ноября 1912 г. в Екатеринославе (ныне – Днепр) прочесть лекцию «Чем кончится балканская война». Когда же 16 ноября к исполняющему должность харьковского губернатора обратился попечительский комитет высших женских курсов Харьковского общества трудящихся женщин с ходатайством разрешить известному слависту лекцию, он отказал, посчитав, что в ситуации обострения международных отношений лекция «являлась бы несвоевременной», а «профессор Погодин по своим убеждениям принадлежит к профессорам

---

³⁹ Бирман М.А. П.М. Бицилли (1879–1953). Жизнь и творчество. М., 2018. С. 45. Однако приведенная М.А. Бирманом информация не дает возможности говорить об этом с полной уверенностью, указание же им источника информации не полно, что не позволило найти подробности.

⁴⁰ ГАРФ. Ф. 539. Оп. 1. Ед. хр. 2227. Л. 1–2.

⁴¹ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 69. 2-е делопроизводство. 1912 г. Ед. хр. 7. Ч. 155. Л. 1.

левого направления». Но ходатаи сослались на разрешение в Екатеринославе, чем поставили в затруднительное положение чиновника, которому пришлось послать запрос в Департамент полиции. Оттуда ему ответили, что не видят никаких препятствий для лекции, лишь бы соблюдалось законодательство. Но, по всей видимости, реноме А.Л. Погодина в глазах полиции работало против него. 1 декабря 1913 г., по окончании обеих Балканских войн, уже МИД просил главу МВД разрешить лекции профессора в Нижнем Новгороде, Ярославле, Витебске, Смоленске. Аргументировался запрос тем, что Погодин в своих печатных статьях демонстрировал взгляды, близкие к официальным, в связи с чем «представлялось бы желательным, чтобы названному публицисту не ставилось препятствий». В МВД согласились и отправили губернаторам приказание «командировать на эти лекции должностных лиц, вполне компетентных для должного восприятия и оценки тем»⁴².

Утверждать, что лекции, касающиеся Балкан, были единственными, все же нельзя, поскольку общество интересовалось не только бушующим полуостровом. К примеру, 27 ноября в Политехническом музее помимо выступлений С.Г. Григорьева и Б.Ф. Добрынина состоялось и общение с аудиторией Н.М. Кулагина на тему «Современные взгляды естествоиспытателей на старость и смерть»⁴³.

Возникали и дискуссионные площадки, на которых регулярно проводились мероприятия, связанные с войной на Балканах. Историк и социолог М.М. Ковалевский был одним из организаторов чтений в Петербурге. Когда началась Первая балканская война, ему поступило предложение устроить дома общение «профессоров, академиков и общественных деятелей» по вопросу о том, как должна относиться к происходящему

⁴² Там же. Ед. хр. 30. Ч. 20. Л. 1–14.

⁴³ ГАРФ. Ф. 63. Оп. 32. Ед. хр. 31. Т. 2. Л. 83.

русская интеллигенция⁴⁴. Обратился к нему с этой инициативой специально приехавший в Петербург на период конфликта сербский профессор Радован Коштуич⁴⁵.

11 октября 1912 г. в квартире М.М. Ковалевского собралась «группа прогрессивных общественных деятелей» под председательством А.В. Васильева⁴⁶. После прений были избраны две комиссии. Первая составила обращение к русскому обществу с призывом о «нравственной и материальной помощи» балканским славянам и с выражением надежды, что «русское национальное самосознание обеспечит за ними плоды их побед». Обращение появилось в газетах 19 октября за подписью таких известных публицистов и ученых, как В.М. Бехтерев, А.Н. Брянчанинов, В.И. Вернадский, Н.С. Державин, Н.И. Кареев, М.М. Ковалевский, Н.П. Кондаков, П.А. Лавров, П.А. Ровинский, М.И. Ростовцев, Д.И. Семиз, Ф.Ф. Фортунатов, М.П. Чубинский, А.А. Шахматов, Н.В. Ястребов, А.И. Яцимирский и др.⁴⁷

Вторая комиссия занялась организацией публичных лекций, которые проходили в Соляном городке, зале Городской думы, Тенишевском зале и Обществе славянского научного единения⁴⁸. «К моему немалому смущению... интерес был довольно ограниченный», – вспоминал М.М. Ковалевский. Казалось, можно было бы объяснить это отсутствием интереса публики к подобного рода мероприятиям. Но на лекцию того же М.М. Ковалевского о Ж.-Ж. Руссо в Философском обществе пришло около двух тысяч человек, а «на лекции

---

⁴⁴ Ковалевский М.М. Моя жизнь: воспоминания. М., 2005. С. 416.

⁴⁵ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 121. 4-е делопроизводство. 1912 г. Ед. хр. 278. Л. 28об.–29.

⁴⁶ Интересы на Балканах и правительственное сообщение. СПб., 1913. С. 2–4.

⁴⁷ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 121. 4-е делопроизводство. 1912 г. Ед. хр. 278. Л. 29об.

⁴⁸ Интересы на Балканах и правительственное сообщение. С. 2–4.

трех профессоров по сербскому вопросу, прочитанные в один и тот же вечер в Соляном городке, явилось менее полутора сотен слушателей». Из этого он сделал вывод: «Упоминая об этих фактах, чтобы показать, как мало самопроизвольно в том неославянском движении, которое несправедливо считают начальным виновником настоящей войны (Первой мировой. – Н.Г.)»⁴⁹. Правда, здесь стоит признать, что выступления М.М. Ковалевского всегда вызывали интерес. Когда он в конце XIX в. преподавал в Московском университете, на его лекции стекались не только студенты юридического, но и других факультетов, вольнослушатели, и желавшим послушать его приходилось заранее занимать места в аудитории и сидеть на предшествующих занятиях⁵⁰. По всей видимости, наибольший интерес балканские события вызывали у той части общества, что не имела привычки посещать столичные научные собрания; ее вовлеченность ограничивалась пересудами, основанными на газетных публикациях.

Разочаровавшись, М.М. Ковалевский отошел от организации мероприятий подобного рода, но падающее знамя подхватил А.Н. Брянчанинов. Активный общественный деятель, женатый на внучке А.М. Горчакова, он интересовался внешней политикой, в том числе славянским вопросом. Уже в годы Первой мировой войны он организовал Славянский салон, ставший одним из наиболее популярных⁵¹.

По его инициативе заседания «группы прогрессивных общественных деятелей» возобновились и продолжались до поздней весны 1913 г., когда стал очевидным крах Балканского союза. Судя по резолюциям общества, главной темой, звучавшей там, являлось недопущение реализации

⁴⁹ Ковалевский М.М. Указ. соч. С. 416.

⁵⁰ Иванов А., Кулакова И. Русская профессура на рубеже XIX–XX веков // Российская история. 2013. № 2. С. 56.

⁵¹ Шахматов М.В. Последние дни Мариинского дворца и Петрограда // ГАРФ. Ф. 5881. Оп. 2. Ед. хр. 743. Л. 52.

требований Австро-Венгрии по созданию независимой Албании, осуждение российского правительства за отсутствие твердой поддержки притязаний Сербии и Черногории⁵². По словам М.М. Ковалевского, в заседаниях участвовали «военные и моряки, молодые дипломаты, приехавшие из славянских стран, профессора и общественные деятели», а «прения приняли вскоре характер большой враждебности к Австрии и Германии»⁵³.

Подобные мероприятия проходили в Обществе славянской взаимности; одно из первых состоялось в Петербурге, в помещении Дворянского собрания, в октябре 1912 г. На нем были организованы доклады общественных деятелей, проведен сбор пожертвований славянам⁵⁴. Затем такие собрания стали регулярными. На них выступали граф В.А. Бобринский, А.Н. Брянчанинов, Д.Н. Вергун, В.А. Карпинский, П.И. Ковалевский, Р. Кошутич, И.В. Никаноров и другие. Согласно приказу министра внутренних дел, на них также присутствовал чин полиции.

22 октября 1912 г. на заседании звучала активная антиавстрийская риторика из уст Д.Н. Вергуна. Он рассказывал об историческом австро-русском соперничестве, когда встал представитель полиции (согласно документам полиции, это был помощник градоначальника Лысогорский⁵⁵): «Виноват, я прошу остановить оратора». На некоторое время выступающий снизил уровень агрессивности своей речи, но затем вновь вернулся к «опасной теме». Он заговорил о балтийских немцах, «которые, по мнению идеологов пангерманизма, должны явиться застрельщиками порабощения последнего оплота славянства – России». Тут

---

⁵² Интересы на Балканах и правительственное сообщение. С. 60–68.

⁵³ Ковалевский М.М. Указ. соч. С. 417.

⁵⁴ Шевцова Г.И. Указ. соч. С. 89.

⁵⁵ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 121. 4-е делопроизводство. 1912 г. Ед. хр. 277. Л. 3.

вновь раздался голос представителя полиции: «Я должен сказать, что это второе предостережение. Прошу сделать замечание оратору». Выступавшие затем И.В. Никаноров и В.А. Бобринский не поднимали острых тем, но тут на трибуну поднялся А.Н. Брянчанинов. Он заговорил о том, что не существует никакого «европейского концерта», указал на главных антагонистов мировой политики – Англию и Германию. После этого чин полиции сделал третье замечание, и председатель А.А. Столыпин был вынужден закрыть заседание⁵⁶. Как видим, указ главы МВД действовал неукоснительно. В итоге на указанное мероприятие было потрачено два с половиной часа⁵⁷, однако за это время было получено в пользу южных славян несколько тысяч рублей, поскольку билеты являлись платными, а присутствовало на собрании несколько тысяч человек⁵⁸.

Этот же коллектив вскоре отправился для лекций в Москву. 9 ноября 1912 г. к временно исполняющему должность московского градоначальника обратились издатель журнала «Вестник Мануфактурной промышленности» Ч.М. Йоксимович⁵⁹ и казначей Общества славянской взаимности З.И. Рейман с «принципиальным вопросом» о возможности устроить 15 ноября лекцию о Балканской войне при участии Р. Кошутича, В.А. Бобринского, И.В. Никанорова,

---

⁵⁶ Война на Балканах. СПб., 1912. С. 19–36.

⁵⁷ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 121. 4-е делопроизводство. 1912 г. Ед. хр. 277. Л. 4.

⁵⁸ Там же. Ед. хр. 278. Л. 32об.

⁵⁹ Подробнее о его неоднозначной деятельности по сбору пожертвований в пользу славян см.: *Гусев Н.С.* Сербь-эмигранты в России, защищавшие интересы родины в годы Балканских и Первой мировой войн. Четыре портрета: М.М. Бойович, И.П. Табурно, Д.И. Семиз, Ч.М. Йоксимович // Столетие двух эмиграций. 1919–2019: Сб. ст. / отв. ред. А.Ю. Тимофеев. М.; Београд, 2019.

В.В. Карпинского, А.Н. Брянчанинова, Ч.М. Йоксимовича, ручаясь за «сдержанность ораторов» и обещая не касаться внутренней и внешней политики России, взаимоотношений с Австро-Венгрией. Но чиновник, не зная, «насколько соответствует видам правительства лекция, исключительно посвященная вопросам внешней политики, при участии профессора Кошутича, к которому крайне враждебно относится австро-венгерское правительство», запросил у директора Департамента полиции указания. Тот ответил, что не возражает против этого мероприятия, если будет соблюдено законодательство, не прозвучит выпадов против России или Австро-Венгрии, призывов к войне. Учитывая сложность задачи, директор Департамента просил с особой тщательностью подойти к назначению чиновника, который будет за всем этим наблюдать, «дабы это лицо отличалось особой опытностью в исполнении такого рода поручений и выдающимся тактом»⁶⁰. Лекция, по всей видимости, состоялась в зале консерватории, но, очевидно, А.Н. Брянчанинов и тут не смог сдержать свой пыл, поскольку, по его выражению из письма П.А. Лаврову от 30 ноября 1912 г., выступил он «с обычным для Москвы финалом: был прерван полицией»⁶¹.

4 ноября состоялось торжественное открытие Общества славянского научного единения, президентом которого был избран В.М. Бехтерев, известный невропатолог и физиолог⁶². Среди учредителей значились профессор П.А. Лавров, член Государственной Думы, входивший в бюро фракции кадетов адвокат А.М. Александров; Общественно-экономическое отделение возглавил М.М. Ковалевский, а Юридическое – доктор уголовного права кадет М.П. Чубинский, секретарем стал

---

⁶⁰ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 69. 2-е делопроизводство. 1912 г. Д. 30. Ч. 19. Л. 1–4.

⁶¹ Санкт-Петербургский филиал архива РАН (далее – СПбФ АРАН). Ф. 284. Оп. 3. Ед. хр. Л. 1.

⁶² Г.И. Шевцова указывает другие даты (*Шевцова Г.И. Указ. соч. С. 99*).

журналист сербского происхождения Д.И. Семиз⁶³. Однако было бы неверным объяснять появление Общества начавшимися на Балканах событиями, поскольку его устав товарищ министра внутренних дел утвердил 13 июля 1912 г. Адресом значилось: ул. Фонтанка, д. 38, кв. 19⁶⁴. Отметим, что по этому адресу с 1910 г. располагалось издательство «Жизнь и знание», основанное В.Д. Бонч-Бруевичем. В то же время М.М. Ковалевский вспоминал, что «Общество славянского научного общения» профессора Бехтерева располагалось при Психоневрологическом институте⁶⁵, находившемся за Невской заставой, а следовательно, довольно далеко от Фонтанки. Видимо, указанное несовпадение объясняется различием между юридическим и фактическим адресом. Этот же автор мемуаров роняет фразу, объясняющую временной промежуток между официальным утверждением устава и торжественным заседанием 4 ноября, посвященным Балканским войнам. По его словам, Общество В.М. Бехтерев открыл *вновь*. В дальнейшем там присутствовали несколько десятков слушателей, и велись споры о Македонии между сербским профессором А. Беличем и профессором Софийского университета «Шишмаревым»⁶⁶. К диспуту между А. Беличем и И. Шишмановым мы вернемся позже.

Во всех трех названных группах (прогрессивных общественных деятелей, обществах славянской взаимности и славянского научного единения) состав выступавших пересекался, каждая из них опубликовала сборники речей, произнесенных на заседаниях, а доклад П.А. Лаврова «Балканский союз и Сербия» вышел в печати и отдельным оттиском⁶⁷.

⁶³ О его биографии подробнее см. во второй главе наст. изд.

⁶⁴ Славянский вопрос в его современном значении. СПб., 1913.

⁶⁵ Ковалевский М.М. Указ. соч. С. 417.

⁶⁶ Там же. В данном случае либо описка М.М. Ковалевского, либо ошибка публикаторов. Речь идет об И. Шишманове.

⁶⁷ Лавров П.А. Балканский союз и Сербия. СПб., 1913.

Упоминавшийся агент Пушкарев считал участников таких обществ популистами, а резолюции этих собраний, по его мнению, интересовали лишь «прогрессивно настроенных обывателей Российского государства»⁶⁸.

Весной 1913 г., когда стал очевидным спор между сербами и болгарами за обладание Македонией, между защитниками каждой из сторон начали кипеть нешуточные страсти, порой доходившие до оскорблений. Одно из таких заседаний 28 июня 1913 г. в Юридическом собрании (куда, согласно М.М. Ковалевскому, все переместилось⁶⁹) привело к сердечному приступу у И.П. Табурно, скончавшегося в тот же вечер. Данные события были одним из фронтов разгоревшейся между Белградом и Софией информационной войны за симпатии русского общества и правительства, чему будут посвящены последующие разделы книги. Стоит лишь указать на появление брошюр П.А. Лаврова, Д.И. Семиза, М.М. Вукичевича, А. Белича, И.П. Табурно, С. Протича, которые, по большому счету, писались для защиты интересов Сербии и влияния на настроения русского общества. Но одновременно они показывают, какое обилие литературы о войне православных народов с турками выходило в России.

Количество типографских единиц, посвященных происходившему на Балканах, довольно велико. Большое внимание было уделено описанию боевых действий и характеристикам армий участников боевых действий. Полковник А.В. Дорошкевич сначала осветил события с начала войны до перемирия, наступившего зимой 1912/13 года⁷⁰, а затем и дальнейшее развитие конфликта⁷¹. Аналогичный очерк с 10

---

⁶⁸ ГАРФ. Ф. 63. Оп. 32. Ед. хр. 1346. Л. 18.

⁶⁹ Ковалевский М.М. Указ. соч. С. 417.

⁷⁰ Дорошкевич А. Война на Балканском полуострове (От открытия военных действий до перемирия). СПб., 1913.

⁷¹ Дорошкевич А. Война на Балканском полуострове. Второй период (Военные действия от ноябрьского перемирия до падения Скутари включительно). Елизаветград, 1913.

схемами составил капитан Генерального штаба П.С. Махров⁷², будущий активный участник Белого движения. Обзор первого этапа войны, до указанного перемирия, был дан в книге А.А. Рябина, обеих этапов – в брошюре, вышедшей без указания автора в издательстве Н.И. Пастухова⁷³. Отдельной операции – осаде и падению Адрианополя – уделил внимание непосредственно наблюдавший ее корреспондент «Известий императорской Николаевской военной академии» А. Семенов⁷⁴. На основании своих статей в этом специальном издании И.Г. Пехливанов подготовил книгу, изданную уже в 1914 г.⁷⁵ Не закончил свой труд на основе газетной информации генерал-майор В.Н. Акимов⁷⁶. Отправил рукопись «Очерка вооруженных сил Болгарии и заметок по поводу войны на Балканах» А.И. Гучкову бывший добровольцем в Болгарии Н.К. Самосеев⁷⁷.

О грядущих коренных изменениях в мире, связанных с усилением славянства, рассказывал читателям И. Балашев⁷⁸.

---

⁷² *Махров П.* Балканская война 1912–13 года (общий очерк от начала войны до перерыва мирных переговоров с 10-ю схемами). Севастополь, 1913.

⁷³ *Рябинин А.А.* Балканская война. СПб., 1913; Балканская война 1912–1913 гг. М., 1914. Обе книги переизданы в 2003 г. в серии «Малые войны первой половины XX века» (Малые войны первой половины XX века. Балканы. М., СПб., 2003), однако во второй ошибочно в авторы записан Н.И. Пастухов, чего нет в оригинальном издании.

⁷⁴ *Семенов А.* Блокада и штурм Адрианополя. СПб., 1914.

⁷⁵ *Ганин А.В.* И.Г. Пехливанов – один из первых историографов Первой балканской войны // Модернизация vs. война. Человек на Балканах накануне и во время Балканских войн (1912–1913) / отв. ред. Р.П. Гришина, А.А. Шемякин. М., 2012. С. 399; *Он же.* Българинът защитил Русия. Съдбата на Йордан Пехливанов. София, 2014. С. 23.

⁷⁶ ГАРФ. Ф. 5881. Оп. 2. Ед. хр. 101–105, 816.

⁷⁷ ГАРФ. Ф. 555. Оп. 1. Ед. хр. 473.

⁷⁸ *Балашев И.П.* Заветная мечта каждого русского. СПб., 1913.

Пытались разъяснить глобальное значение происходящего генерал Н.Р. Овсяный⁷⁹ и выходец из Македонии В.С. Везенков⁸⁰. «Для армии и народа» в Гродно была выпущена брошюра Е. Дукшинского «Балканские орлы», экземпляр которой попал и в библиотеку Генерального и главного штаба⁸¹. О ее направленности говорят строки предисловия: «Цель этой книжки будет достигнута, если в душе каждого русского человека, ее прочитавшего, тоже загорится желание победы и подвигов во славу своего царя и своего народа»⁸². О целевой аудитории можно судить по примечаниям на с. 10 («Полуостровом называется часть суши, омываемая с трех сторон водою, островом же – с четырех сторон») и с. 19 («История народа есть описание всех случаев в жизни этого народа, которые происходили с какого-нибудь времени»). В то же самое время в брошюре даны не только описания боев, но и очерки истории, географии, этнографии всех четырех стран Балканского союза.

Печать уделила внимание и культурному развитию балканских государств. Болгарский литературовед К. Крыстев-Миролюбов отправил свою статью о болгарской литературе Н.С. Державину. Тот попытался пристроить работу в журнал «Исторический вестник», но там ответили, что тематика не соответствует направлению издания. Тогда российский славист отнес текст в «Вестник Европы»⁸³, где

---

⁷⁹ Овсяный Н.Р. Ближний Восток и славянство (сборник статей). СПб., 1913.

⁸⁰ Везенков В. Македония и причины Балканской войны. М., б. д.

⁸¹ Согласно штампу на экземпляре издания, хранящемся в РГБ.

⁸² Дукшинский Е. Балканские орлы. (Историческ. очерк жизни балканских союзников в связи с балкано-турецкой войной 1912–13 г.г. для армии и народа с картой и рисунками). Гродна, 1913. С. 1.

⁸³ ГАРФ. Ф. Р8091. Оп. 110. КМФ-5. Болгария, поступление 3А-110. 1878–1948. Ед. хр. 10.

он и вышел⁸⁴. Параллельно К. Крыстев-Миролюбов отправил эту статью М. Горькому⁸⁵, который был вынужден приложить немало усилий к созданию итогового текста. Он писал одному из руководителей журнала «Современник» – Е.А. Ляцкому, что рукопись оказалась небрежной, грязной и исчерканной, «статья же – по форме – написана плохо». Писатель прекрасно осознавал своевременность появления подобного обзора. 10 октября 1912 г. он писал болгарскому литератору П. Тодорову, что ввиду событий на Балканах «было бы очень полезно поместить статью Кристева (так в тексте. – *Н.Г.*) в русской прессе возможно скорее, – она может повысить внимание русского общества к судьбе Болгарии»⁸⁶. Вскоре статья появилась в журнале «Современник»⁸⁷.

Более интересными, конечно, являются опубликованные «по горячим следам» впечатления и воспоминания непосредственных наблюдателей событий – корреспондентов русских газет В.Н. Дрейера, Е.И. Мартынова, Вас. И. Немирович-Данченко, А.А. Пиленко, Е.Н. Чирикова и Н.П. Мамонтова⁸⁸.

---

⁸⁴ *Кръстев-Миролюбов К.* Современная болгарская литература // Вестник Европы. 1913. № 6.

⁸⁵ ГАРФ. Ф. Р8091. Оп. 110. КМФ-5. Болгария, поступление 3А-110. 1878–1948. Ед. хр. 10.

⁸⁶ Литературное наследство. Т. 95: Горький и русская журналистика начала XX века: Неизданная переписка / отв. ред. И.С. Зильберштейн, Н.И. Дикушина. М., 1998. С. 513.

⁸⁷ *Крыстев-Миролюбов К.* Новая болгарская литература // Современник. 1912. № 11–12.

⁸⁸ *Дрейер В.Н.* Разгром Болгарии. Вторая Балканская война 1913 г. 2-е изд. СПб., 1914; *Мамонтов Н.П.* Указ. соч.; *Мартынов Е.И.* Сербь в войне с царем Фердинандом. Заметки очевидца. М., 1913; *Немирович-Данченко Вас.И.* Собр. соч. Т. XIV–XV. СПб., 1913; *Пиленко А.А.* Около Болгарской войны. Дневник и сорок девять любительских фотографий. СПб., 1913; *Чириков Е.Н.* Поездка на Балканы. Заметки военного корреспондента. М., 1913.

Последний свои впечатления изложил и в лекции в московском Политехническом музее сразу по возвращении с Балкан в декабре 1912 г.⁸⁹, а затем 16 января 1913 г. сделал сообщение в Зале армии и флота «При армии Радко-Дмитриева от Софии до Чаталджи»⁹⁰. Корреспондент «Речи» в Софии В. Викторов-Топоров готовил свою книгу, которую хотел озаглавить «1912 год на Балканах». 21 февраля 1913 г. он рассказывал об этом в письме Вас. И. Немировичу-Данченко. «В нее войдут, отчасти – в виде статей, отчасти – в виде отрывков из дневника, мои наблюдения над жизнью полуострова за целый год... Перечитывая материал, я все больше и больше убеждаюсь, что в такой форме книга эта должна была бы заинтересовать русского читателя как дополнение к той книге, которую Вы, несомненно, выпустите о самой войне», – считал он. Но реализации этого мешали вполне прозаические проблемы. По признанию В. Викторова-Топорова, он не имел связей среди издателей и предложить свой труд никому не мог. Он просил Немировича-Данченко в этом помочь, заранее соглашаясь на любые финансовые условия⁹¹. Однако книга так и не появилась.

На волне интереса к Балканам начались переиздания ранее опубликованных произведений. Так, вышли

---

⁸⁹ *Шевцова Г.И.* Указ. соч. С. 107. Г.И. Шевцова, говоря об этом мероприятии, допускает сразу две ошибки в одном предложении: «...прошла лекция штабс-капитана Н.П. Мамонтова о балканских событиях по личным впечатлениям, так как он воевал в армии Ратко Димитриева». Ее утверждение, что Н.П. Мамонтов воевал, неверно, поскольку он был корреспондентом, соответственно, бои лишь наблюдал. Во-вторых, Г.И. Шевцова ошибочно превращает болгарского генерала Радко Димитриева в серба Ратко. Последняя ошибка прослеживается по всей книге.

⁹⁰ Вечернее время. 1913. 16 янв. URL: <http://starosti.ru/article.php?id=35337> (дата обращения: 30.09.2019).

⁹¹ Российский государственный архив литературы и искусства (далее – РГАЛИ). Ф. 355. Оп. 1. Ед. хр. 83. Л. 1–1об.

книгой путевые очерки А.А. Башмакова, написанные по результатам поездки по Черногории и Северной Албании в 1908 г. Автор посвятил труд «королю-поэту Николаю I-му Черногорскому» и предварил текст портретом монарха⁹². Вышли статьи 1878–1879 гг. уже умершего ко времени Балканских войн слависта А.Н. Пыпина⁹³.

В дополнение к печатным произведениям нужно отметить, что именно под впечатлением от Первой балканской войны штаб-трубач 7-го кавалерийского запасного полка В.И. Агапкин сочинил в 1912 г. свой знаменитый марш «Прощание славянки», впервые исполненный на Гимназической (ныне – Коммунальной) улице Тамбова при проводах добровольцев, отправлявшихся на помощь балканским союзникам.

Для того чтобы «ознакомить русское общество с современным культурным и экономическим положением балканских государств», весной 1913 г. Славянский комитет приступил к подготовке соответствующей выставки в Историческом музее в Москве, на которой предусматривался отдельный зал, посвященный Балканской войне. Ее открытие планировалось либо в мае, либо уже осенью⁹⁴. Но эта инициатива сгинула в водовороте последовавших событий.

Не вышли на широкий экран и фильмы о Балканских войнах, хотя на полуострове работали операторы П. Новицкий и П. Ермолов, сотрудничавшие с киевским филиалом французской киностудии «Гомон»⁹⁵.

Проводились Славянские благотворительные концерты. Осенью 1912 г. в пользу семей больных и раненых славян состоялся концерт силами актеров петербургских император-

---

⁹² Башмаков А. Через Черногорию в страну диких гегов. СПб., 1913.

⁹³ Пыпин А.Н. Панславизм в прошлом и настоящем. СПб., 1913.

⁹⁴ Новое время. 1913. 7 апр.

⁹⁵ Гинзбург С. Кинематография дореволюционной России. М., 2007. С. 159, 217.

ских театров при участии солистки Мариинского театра Л. Липковской⁹⁶. 20 октября бывшая солистка того же театра М.И. Долина-Горленко в Спортинг-Паласе⁹⁷ дала концерт в пользу Черногорского Красного Креста, где присутствовало несколько тысяч человек, а сбор составил более 10 тыс. рублей⁹⁸. В декабре 1912 г. прошло другое ее выступление, принесшее 8793,3 руб., которые затем через Красный Крест были переданы в равных долях Болгарии и Сербии⁹⁹.

Реклама таких концертов, в том числе и М.И. Долиной-Горленко, размещалась в газетах. 19 апреля 1913 г. анонсировался должный состояться вечером в Спортинг-Паласе еще один «грандиозный Славянский концерт и вечер при благосклонном участии солистки Его Величества М.И. Долиной и друг[их] известных артистов». Среди выступающих числились И.А. Смолин, Н.И. Привалов, О. Смоленский, хор Великорусского оркестра, гусяры. В программе были «славянские гимны», Большой бал, «славянские танцы» и дивертисмент. Во время вечера предполагалась продажа программ,

---

⁹⁶ Шевцова Г.И. Указ. соч. С. 101.

⁹⁷ Место, судьбой символически более чем характеризующее все славянское движение: «В этом помещении вскоре антрепренер Зон открыл театр мюзик-холльного типа. Весь город был заклеен афишами, на которых было написано: “Шоффер! К Зону”. Но вскоре театр прогорел. Антрепризы менялись, но место не привилось. Потом там открыли кино». Во время Первой мировой войны в Спортинг-Паласе разместился гараж. В советское время здание было практически уничтожено, но его железобетонные стены до сих пор являются частями ДК им. Ленсовета (Во времена «Спортинг-Паласа» и борделя «Монте-Карло» // Квартальный надзиратель. № 60. Приложение к журналу спб. собака ру. 2007. № 12. URL: <http://kn.sobaka.ru/n60/02.html> (дата обращения: 30.09.2019)).

⁹⁸ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 121. 4-е делопроизводство. 1912 г. Ед. хр. 278. Л. 32об.

⁹⁹ Шевцова Г.И. Указ. соч. С. 62.

цветов, шампанского, серпантина, конфетти и проч. Билеты были недешевы: в ложи – 15 руб., «нумерованные места» – от 1,60 до 10 руб., для учащихся – 50 копеек¹⁰⁰. Для сравнения – экземпляр журнала «Нива» стоил тогда 25 копеек. Сбор пожертвований осуществлялся на подобных мероприятиях, проходивших не только в столице при участии солисток Его Величества, но и в провинции, где выступали исполнители статусом пониже. Так, в Нижнем Новгороде в ноябре 1912 г. состоялся концерт церковной музыки в доме Иоанно-Дамаскинского церковнопевческого братства с участием хора братства и других духовных коллективов¹⁰¹.

Довольно частым мероприятием стали славянские обеды. Как вспоминал болгарский посланник С. Бобчев, они были неприятны для Министерства иностранных дел¹⁰², что объяснялось тем, что на них звучали довольно агрессивные речи. Правительство старалось всячески от них отмежеваться, и, к примеру, в январе 1913 г. один из таких обедов, планировавшийся в ресторане «Палкин» в Петербурге, был отменен. Это возмутило думских националистов, и они готовили официальный протест против действий полиции. Но уполномоченный МВД разъяснил П.Н. Балашеву и В.А. Бобринскому, донесшим, в свою очередь, данный факт до депутатов, что запрет являлся случаем единичным и имевшим одну ясную причину. Дело в том, что одним из организаторов банкета был А.А. Башмаков, занимавший пост редактора «Правительственного вестника», и в силу его официального положения обед мог выглядеть как «собрание, инспирированное правительством»¹⁰³. Однако данный слу-

¹⁰⁰ Петербургский листок. 1913. 19 апр.

¹⁰¹ Нижегородский церковно-общественный вестник. 1912. 18 нояб. С. 1179.

¹⁰² Бобчев С. Указ. соч. С. 160.

¹⁰³ Гальперина Б.Д., Перегудова З.И., Старцев В.И. Указ. соч. // ВИ. 1999. № 2. С. 24, 26.

чай явился не единственным, и, как минимум, еще один славянский банкет, планировавшийся в апреле, был запрещен Министерством внутренних дел¹⁰⁴. А.А. Башмаков все же не желал прекращать участвовать в славянских обедах, а поскольку они, как вспоминал В.Н. Коковцов, выносили «явно оскорбительные для правительства резолюции», то, отчасти по настоянию председателя правительства, редактора «Правительственного вестника» попросили покинуть государственную службу. Этого он не простил¹⁰⁵.

Председателями на таких мероприятиях были не обязательно «главные моторы» славянского движения. Так, 4 апреля славянский обед состоялся под председательством генерал-лейтенанта К.А. Рудановского – человека, далекого от политики, но являвшегося участником Русско-турецкой войны 1877–1878 гг.¹⁰⁶ Отметился он в это время не только участием в банкете. О его присутствии в кругах, интересовавшихся войной, говорит фотография, снятая в редакции газеты «Славянин». На ней он запечатлен с устроителем славянских обедов генералом от инфантерии А.П. Скугаревским, председателем Черняевского комитета, членом совета Славянского благотворительного общества А.В. Васильевым, членом Славянского благотворительного общества генералом А.Ф. Тальмой, товарищем председателя Союза русского сокольства Н.А. Султан-Крым-Гиреем, писателем Д.Н. Вергуном, болгаринном – генералом русской службы П.Д. Груевым¹⁰⁷.

¹⁰⁴ Новое время. 1913. 29 апр.

¹⁰⁵ Коковцов В.Н. Из моего прошлого. Воспоминания 1911–1919. М., 1991. С. 365.

¹⁰⁶ Петербургский листок. 1913. 5 апр.

¹⁰⁷ Фото см.: URL: <http://forums-su.com/viewtopic.php?f=195&t=402140>; http://rys-arhipelag.ucoz.ru/photo/sleva_napravo_sijdjat_1_gen_k_a_rudanovskij_ger/29-0-2283 (дата обращения: 30.09.2019).

Темы, которые поднимались на таких мероприятиях, имели далеко не «вегетарианский» характер. С.С. Ольденбург вспоминал, что «некоторые круги» были недовольны миролюбивой политикой правительства и превращали банкеты в трибуну для высказывания своего мнения, на них «можно было слышать речи, антидинастический характер которых смущал многих участников»¹⁰⁸. 15 марта в честь падения Адрианополя состоялся обед под председательством А.П. Скугаревского. На нем болгарский художник Стоянов утверждал, что русское общество и российский МИД не являются одним и тем же, русский полковник черногорского происхождения И.Ю. Попович-Липовац заявлял, что черногорский король Никола не отдаст Скутари, а А.Н. Брянчанинов делал предположение, что болгарский генерал Р. Димитриев приехал для переговоров с Николаем II о возможности входа болгарской армии в Константинополь¹⁰⁹. Об обсуждаемых темах говорит и сообщение «Петербургского листка» о славянском обеде 18 апреля 1913 г., где праздновалось взятие Скутари черногорскими и сербскими войсками. После поднятия здравницы в честь короля Николы, «поднесшего всему славянскому миру в виде красного яичка взятие Скутари», слово взял Е.С. Шелькинг, который «признавая неизбежным военное столкновение Австрии и славян, познакомил присутствовавших с военной силой обеих сторон»¹¹⁰. Таким образом, все славянские мероприятия превращались в антиавстрийские.

Интересно отметить, что часть правых не принимала участия в подобных мероприятиях. Это В.М. Пуришкевич объяснял тем, что «чувство самообладания у нас было сильнее всяких других чувств». Но и его смела радость от падения Адрианополя¹¹¹.

¹⁰⁸ Ольденбург С.С. Указ. соч. С. 97.

¹⁰⁹ Бобчев С. Указ. соч. С. 161.

¹¹⁰ Петербургский листок. 1913. 19 апр.

¹¹¹ Стенографические отчеты... Стб. 2412–2413.

П.Н. Милюков в этом вопросе хотел сохранить чистоту и незапятнанность кадетов. В начале войны на заседании ЦК партии он при поддержке А.М. Колюбакина выступил против участия в работе славянских обществ, среди аргументов назвав «темный» состав участников указанных организаций и необходимость сохранить индивидуальность. Большинство членов ЦК раскритиковали позицию лидера партии. Д.Д. Протопопов утверждал, что кадеты должны стать «лоцманами» общественных настроений, А.И. Шингарев считал, что оставаться в стороне «неудобно для удельного веса партии». В итоге все-таки была «благословлена и материальная, и идейная поддержка славянам», а в «Речи» появилось воззвание П.Н. Милюкова «Поддержите наших друзей»¹¹². Главный оппонент этой газеты – правое издание «Новое время» едко отреагировало статьей за подписью «Незнамов», автор которой якобы сначала подумал, что кадеты призвали поддержать младотурок¹¹³.

* * *

Показателем интереса к победам балканских славян является и сбор пожертвований. Средства перечислялись из фондов различных структур – Городская дума Петербурга открыла подписку для сбора пожертвований и совместно со столичным купеческим обществом выделила 100 тыс. руб. из собственных фондов¹¹⁴, Московская совершила то же самое, но перечислила денег вдвое меньше¹¹⁵.

---

¹¹² Воронкова И.Е. Партия конституционных демократов о целях и текущих задачах балканской политики Российской империи начала XX века // Славяноведение. 2009. № 5. С. 25.

¹¹³ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 121. 4-е делопроизводство. 1912 г. Ед. хр. 278. Л. 26.

¹¹⁴ Там же. Л. 32. Болгарская газета «Мир» указывала, что всю сумму выделила Петербургская городская дума (Мир. 1912. 13 окт.).

¹¹⁵ Мир. 1912. 12 окт.

Происходило это и путем отчислений из жалованья – служащие московского управления земства решили отдавать по 10% своей зарплаты в «пользу воюющих славян»¹¹⁶, сотрудники нижегородской городской управы были скромнее – решили отчислять 1%¹¹⁷. Пожертвования переводились и напрямую. Например, столичная профессура с этой целью связалась с университетскими кругами в Софии и редакцией белградского научного журнала «Српски книжевни гласник»¹¹⁸. География отправителей была широка, помимо столиц деньги переводились из Забайкалья¹¹⁹, Сибири¹²⁰. В Казани в нескольких учреждениях появились комитеты для оказания помощи раненым славянам и грекам¹²¹, в Киеве сбор происходил при участии профессора славяноведения Киевского университета Т.Д. Флоринского¹²².

¹¹⁶ Мир. 1912. 10 окт.

¹¹⁷ Городской вестник (Самара). 1912. 18 окт.

¹¹⁸ СПбФ АРАН. Ф. 284. Оп. 2. Ед. хр. 20. Л. 9–10.

¹¹⁹ Мир. 1912. 12 дек.

¹²⁰ Мир. 1912. 23 нов.

¹²¹ Българо-руски научни връзки... С. 237.

¹²² *Полетика Н.П.* Виденное и пережитое. (Из воспоминаний). Тель-Авив, 1982. С. 43. Примечательно, что сам будущий советский историк, а тогда – шестнадцатилетний юноша, вспоминал славянское движение сугубо отрицательно и лишь как помеху действительно важному делу: «Вспыхнувшая в это время Первая Балканская война против Турции вызвала широкую волну славянской солидарности и шовинизма и известное поправление в либеральных кругах. Патриотические статьи в защиту славян в киевских газетах, в особенности в “Киевлянин”, сбор пожертвований на подарки раненым и так далее – все это шло под идейным влиянием профессора славяноведения Киевского университета Т.С. (так в тексте. – Н.П.) Флоринского, яркого националиста и шовиниста... Победы балканских союзников над Турцией вызвали всеобщее ликование. Монархисты торжествовали. Эти события заслонили собой дело Бейлиса, и подготовка к процессу шла медленно» (там же).

Газета «Вечернее время» принимала деньги на воздушный флот южнославянских государств¹²³.

Не всегда пожертвования были значительными. Иногда они представляли собой небольшие суммы: причт Преображенской церкви села Спасского Нижегородской губернии пожертвовал 4 рубля, передав их в распоряжение своего епископа¹²⁴. Такой размер говорит и о большей искренности жертвователей – бедняку сложнее расстаться с копеей, нежели миллионеру – с тысячей рублей. Другим способом являлся прямой сбор денег. Славянское благотворительное общество помимо выделения из собственных средств 3 тыс. руб. организовало с 11 октября до 1 ноября публичный сбор, давший 25 тыс. руб. Эта же организация открыла сбор и совместно с обществом бывших русских добровольцев-черняевцев. Последние устроили и уличный кружечный сбор «с продажей открытых писем с изображением генерала Черняева»¹²⁵.

Среди таких мероприятий масштабом выделялся так называемый Славянский день, прошедший 12 ноября 1912 г. После подсчета собранного сумма составила 103 848 руб. и 90 копеек. В кружках были обнаружены иностранные серебряные монеты, старинная медь, фальшивые денежные знаки. Помимо этого жертвователи отдавали нательные кресты, серьги. Найдены были и записки, довольно интересные по своему содержанию. Часто встречались пожелания успеха в борьбе, обещания помочь «если не финансами, то своей могучей грудью», присутствовали и трогательные детские послания: «Я жертвую всю свою копилку <...> купите хлеба

---

¹²³ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 121. 4-е делопроизводство. 1912 г. Ед. хр. 278. Л. 32об.

¹²⁴ Нижегородский церковно-общественный вестник. 1912. 21 окт. С. 1062.

¹²⁵ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 121. 4-е делопроизводство. 1912 г. Ед. хр. 278. Л. 32.

и накормите бедных детей-славян», «Сегодня день моего рождения. Папа дал мне 3 руб. на куклу, а я жертвую их на раненых». В некоторых говорилось и о поистине героических поступках. Так, один пьяница признался, что отказывается от водки и средства передает славянам. Но не всех восхищали победы над Турцией – присутствовали и записки, направленные против войны¹²⁶. А одна гласила: «Лучше позаботьтесь о своих, чем собирать на чужие удовольствия, когда мы сами живем в голоде»¹²⁷. По мнению одного из организаторов мероприятия, П.Н. Милюкова, полученная сумма могла быть больше, но студенты проявляли мало интереса к балканским событиям, поэтому количество сборщиков оказалось недостаточным¹²⁸. По словам публициста Е. Кусковой, размещенным в газете «Русские ведомости» уже 1 января 1913 г., действительно, в 1912 г. у студентов «академические интересы были подчеркнуты резче других», важные политические события почти не находили отклика в этой среде, лишь создавали «взволнованную атмосферу напряженного внимания»¹²⁹.

Сбор средств «тарелочным» способом происходил в храмах. Так, черняевцы с разрешения митрополита Антония провели тарелочный сбор по всем церквям столицы и окрестностей за всенощной в субботу 3 ноября и на следующий день во время обедни¹³⁰. Однако энтузиазм, видимо, не был высок, поскольку председатель Славянского благотворительного

---

¹²⁶ Москва–Сербия, Белград–Россия. Сб. документов и материалов. Т. 3. Общественно-политические и культурные связи. 1878–1917 / авт.-сост. А.А. Шемякин, М. Перишић [и др.]. М.; Београд, 2012. С. 322–323.

¹²⁷ Цит. по: *Шевцова Г.И.* Указ. соч. С. 102.

¹²⁸ Там же. С. 44.

¹²⁹ Русские ведомости. 1913. 1 янв.

¹³⁰ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 121. 4-е делопроизводство. 1912 г. Ед. хр. 278. Л. 32.

общества просил митрополитов содействовать решению Синода о сборе пожертвований, читать в церквах воззвание Общества¹³¹.

Помощь оказывалась не только в денежном, но и в натуральном виде. Газета «Биржевые ведомости» опубликовала обращение «группы русских, живущих в Болгарии» с просьбой помочь простым людям, оставшимся без кормильцев. Помимо денег они считали необходимым прислать съестное (мука, сахар, чай и и т.д.), теплую одежду, консервы и табак¹³². Московская чайная компания «Братья К. и С. Поповы» передала 200 фунтов чая болгарскому Красному Кресту¹³³. Дамы Казанского университета под эгидой комитета Красного Креста шили белье для болгарских солдат¹³⁴. А юные воспитанницы императорского балетного училища в Петербурге свою месячную порцию сахара передали в пользу болгарских солдат и сирот. С просьбой помочь последним к русским детям обратились дочери царя Фердинанда: «Больше, чем когда бы то ни было, Христос посмотрит на то, что вы совершите для этих маленьких детей, как на совершенное для него самого»¹³⁵. Русско-болгарский комитет в Петербурге отправил сиротам 230 пар обуви, 750 шапок и прочее. Этот же комитет передал солдатам, осаждавшим Чаталджу, 1350 пакетов; каждый из них был увит российским триколором, сохранил ватник, портянки, башлык, носовые платки, чай, сахар, мыло, расческу, три иллюстрированные открытки с видами Петербурга, коньяк и табак. А 2 февраля был подготовлен в зале армии и флота благотворительный концерт с участием артистов одного из императорских театров, затем бал.

---

¹³¹ Нижегородский церковно-общественный вестник. 1912. 2 дек. С. 1240.

¹³² Мир. 1912. 14 окт.

¹³³ Мир. 1912. 20 нов.

¹³⁴ Българо-руски научни връзки... С. 237.

¹³⁵ Цит. по: Златева А. Указ. изд. С. 76, 81.

Вырученные от мероприятия средства были предназначены для болгарских солдат¹³⁶.

Сбор пожертвований обеспечивал и посылку на Балканы лазаретов Красного Креста. В Сербию по линии РОКК было отправлено 23 врача, 66 сестер милосердия и 115 санитаров. Действовали и отряды, сформированные на частные средства: лазарет дочери сербского короля и русской княгини Елены Петровны, Таврический отряд и лазарет Кауфманской общины на средства семьи Терещенко¹³⁷. Всего раненых сербских солдат спасали присланные из России один госпиталь, шесть лазаретов и один отряд. В Болгарию Россия отправила 282 человека медицинского персонала, благодаря которым функционировали больница на 200 койко-мест, 6 лазаретов, одна рентгеновская лаборатория, 12 санитарных отрядов, действовавших вблизи фронта, и склад медицинских материалов. Доступ к нему предоставили и болгарским медучреждениям¹³⁸.

На Балканы поехали и добровольцы, дабы сражаться за славян. Обращения в дипломатические представительства балканских союзников в России с просьбой записать в добровольцы начались накануне объявления войны. Однако в Болгарии ожидали, что боевые действия быстро закончатся, и набор желали ограничить исключительно офицерами и унтер-офицерами¹³⁹. Многие из принятых офицеров были распределены по воинским частям согласно специальности. Особое значение для болгарской армии имел

¹³⁶ Мир. 1913. 2 фев.

¹³⁷ Шевцова Г.И. Указ. соч. С. 111.

¹³⁸ Кутинчев С. Санитарна служба, Червеният кръст и Балканската война. Бележки и впечатления. София, 1914. С. 217–238; Григоров Х., Топузов В. Балканската война и Българският Червен Кръст (1912–1913 г.). София, 2005. С. 47–60.

¹³⁹ Централен държавен архив на Република България (далее – ЦДА). Ф. 176К. Оп. 2. А. е. 1215. Л. 12.

действовавший в ее рядах отряд русских авиаторов, который не был добровольческим в прямом смысле, поскольку этим редким специалистам выплачивалось хорошее жалованье. Тем не менее он сыграл значительную роль в передаче опыта болгарским летчикам. И во время своего визита в Петербург весной 1913 г. Р. Димитриев сказал небезызвестному в болгарской истории генералу А.В. Каульбарсу: «Низко вам кланяемся и благодарим за все, что вы сделали для нашей молодой авиации»¹⁴⁰.

Однако все же попадались не только военные. Одну из встреченных в Болгарии групп описал Н.П. Мамонтов: «Казачий подьесаул Полковников, окончивший военную академию, и с ним целый эскадрон лиц самых разных профессий – студент из Парижа, избалованный маменькин сынок с безукоризненным пробором и полированными ногтями, какой-то солидной внешности оперный артист из Милана, отставной моряк средних лет»¹⁴¹. Бежали на войну и гимназисты, больше боявшиеся вернуться пред очи директора гимназии, чем получить турецкую пулю¹⁴².

---

¹⁴⁰ Горанов П.С. Руските воени доставки за Българската войска през Балканската война // Балканските войни 1912–1913: Сб. стати и от научна конференция, проведена през октомври 1992 г. / отг. ред. И. Тодоров. В. Търново, 1995. С. 52.

¹⁴¹ Мамонтов Н.П. Указ. соч. С. 135–136

¹⁴² Немирович-Данченко Вас. И. Собр. соч. Т. XV. С. 184–190; Пиленко А.А. Указ. соч. С. 14. Пытались попасть на фронт и более юные жители России, захваченные общественными настроениями. В декабре 1912 г. Павел Вражебский двенадцати и его двоюродный брат Анатолий Перлман шести лет двинулись из Петербурга по железной дороге помогать братьям-славянам. С собой они имели 38 копеек, большой гвоздь в качестве кинжала и старый пистолет без курка. Но прошли они всего 4 версты, причем в ином направлении, замерзли и спрятались в будке смотрителя, где были найдены. Когда их спросили, почему же они не направились сразу на Балканы, младший ответил

Как видим, начало войны на Балканах всколыхнуло русское общество, его активные члены, прежде всего представители интеллигенции, уделяли немалое внимание борьбе южных славян с турками, что создавало иллюзию всеобщей заинтересованности и сопереживания братским народам.

ПЕСТРАЯ МОЗАИКА ОТНОШЕНИЯ РАЗНЫХ СЛОЕВ И ПОЛИТИЧЕСКИХ СИЛ К ВОЙНЕ НА БАЛКАНАХ

Выше было показано, что интеллигенция бурно и живо воспринимала Первую балканскую войну и связанные с ней международные осложнения. Представителям этой категории населения казалось, будто вся страна объята теми же чувствами, а общественные деятели, являясь, как выразился В.М. Пуришкевич, «солью народа»¹⁴³, лишь проявляли это ярче. А.Н. Брянчанинов на собрании «Группы прогрессивных общественных деятелей» громко заявлял: «И хотя нас здесь бывало мало в сравнении с необъятной Россией, хотя пресса по разным причинам, которых здесь касаться излишне, нас часто замалчивала, однако в нас всех живет твердая уверенность, что одинаково с нами мыслящих людей в России очень много, и мы лишь отражали то, что чувствуют многие»¹⁴⁴.

воинственно: «Наша кормилица живет на станции Вруда, мы с Павлом пошли с ней проститься, потому что нас могут убить на войне» (*Петкова М.* Отзвукът на Балканската война сред европейска общественност // Военно-исторически сборник. 1963. № 1. С. 121).

¹⁴³ Стенографические отчеты... Стб. 2414.

¹⁴⁴ *Брянчанинов А.* Правительственное сообщение и истинные интересы русской политики на Балканах // Интересы на Балканах и правительственное сообщение... С. 7.

Однако не всех эйфория от побед союзников захватывала одинаково. Так, к поездке профессора А.А. Пиленко, решившего отправиться на Балканы в качестве корреспондента, по его словам, «относились или иронически, или с глумлением» и язвительно спрашивали: «Едете кормить болгарских клопов?»¹⁴⁵ Прекрасный срез общественного мнения встретил в поезде Киев–Одесса другой сотрудник русской печати. Молодой корнет называл поднявшихся на борьбу с турками «нашими славянскими бурами», а «светило московской адвокатуры» – «бедными, но назойливыми родственниками». Он не считал, что Россия так должна их опекать: «Как и подобает бедным родственникам – они неблагодарны, а их профессия – вечно кланчить и жаловаться, воспитала в них далеко не благородные чувства. Мы можем давать им крохи от нашего стола, но делать больше – это преступление по отношению к русскому народу». «Вправе ли мы делать драгоценные подарки любовнице, когда голодает законная жена?» – вопрошал он. Третий, бывший морской офицер, а ныне директор банка, путешествовавший по России и имевший широкие связи, утверждал, что никаких особых симпатий к балканским славянам он не замечал, а «все это вздуто печатью, которая взгляды небольшой группы лиц приписывает всей России»¹⁴⁶. По всей видимости, попутчики были выдуманы, но в них воплощались типичные противоречивые точки зрения на балканские народы. Каковым же было в 1912–1913 гг. настроение общества?

Кажутся довольно верными слова агента охранного отделения под псевдонимом «Лиза»: «В большинстве случаев “симпатии к борьбе за свободу” только являются словами руководящих верхов интеллигенции, простой же народ если и симпатизирует, так только потому, что “нехристь-турка притесняет православных”, но что подкладка этих симпатий

¹⁴⁵ Пиленко А.А. Указ. соч. С. 7.

¹⁴⁶ Шевалье Н. Правда о войне на Балканах. СПб., 1913. С. 10–11.

весьма не глубока, доказывается и малыми притоками пожертвований, и весьма слабой записью в добровольцы»¹⁴⁷.

Представляется, что городская интеллигенция, традиционно оторванная от народа, живущая счастливым, но далеким будущим, делала обычную свою ошибку – считала, что она понимает народ и тождественна ему.

Иными были настроения буржуазии, близкой к интеллигенции по образовательному и имущественному уровню. Тот же самый агент Лиза сообщала, что среди торгово-промышленных кругов «проскальзывает нотка, что сочувствие сочувствием, а не надо забывать своих экономических интересов»¹⁴⁸. Сходно донесение сотрудника охраны из Ярославля, утверждавшего, что указанная категория населения губернии «погруженная в личные заботы, весьма слабо реагирует на Балканские события <...> остается в стороне от активных проявлений»¹⁴⁹. Аналогично мнение современника событий К. Арсеньева, высказанное им в подводящем итоги 1912 г. номере газеты «Русские ведомости»: «Как ни велико сочувствие к грекам и славянам, льющим кровь за независимость и свободу, как ни заманчиво звучат голоса, призывающие к новому вооруженному вмешательству в вековую распрю, воинственное настроение не находит почвы в умах, занятых великой домашней работой»¹⁵⁰.

Более того, для буржуазии эти события представляли собой досадную помеху. Самарский «Городской вестник» с тревогой сообщал о падении ценных бумаг на бирже Бухареста, сахаре, спирте и масле, отправленных из Одессы и застрявших на складах Болгарии¹⁵¹, подорожании хлеба, требовании банков дополнительно страховать грузы от военных

---

¹⁴⁷ ГАРФ. Ф. 63. Оп. 32. Ед. хр. 1346. Л. 21.

¹⁴⁸ Там же. Л. 21об.

¹⁴⁹ Там же. Л. 12.

¹⁵⁰ Русские ведомости. 1913. 1 янв.

¹⁵¹ Городской вестник (Самара). 1912. 28 сент.

происшествий¹⁵². Как вспоминал русский военный агент во Франции А.А. Игнатьев, успехи Балканского союза и там вызвали «настоящую биржевую панику»¹⁵³. Об отношении буржуазии к событиям говорит и история, позже рассказанная главой МИДа С.Д. Сазоновым своему подчиненному. На выставке в Ярославле перед ним на колени бросился «один из-вестный русский купец», чтобы выразить свою благодарность за то, что «во время Балканской войны он спас Россию от войны»¹⁵⁴. Накануне объявления войны председатель болгарского парламента С. Данев посетил ряд городов России. В Одессе его особо поразило негативное отношение местного торгового мира к возможному столкновению, которое, в принципе, могло бы решить проблему Черноморских проливов¹⁵⁵.

Объясняется такая позиция торгово-промышленных кругов тем, что война на Балканском полуострове приводила к уменьшению южного российского экспорта. Вовлечение в конфликт с Турцией прервало бы его полностью. Временное закрытие проливов во время итало-турецкой и Балканских войн, по словам морского агента в Константинополе А.Н. Щеглова, «подняло вопль по всей России»¹⁵⁶. И это неудивительно, поскольку, по данным Министерства торговли и промышленности, вывоз через порты Черного и Азовского морей за предыдущие 10 лет составил 37% общегосударственного, а в экспорте хлеба – и вовсе 80%¹⁵⁷. Министерство фи-

---

¹⁵² Там же. 1912. 5 окт.

¹⁵³ *Игнатьев А.А.* Пятьдесят лет в строю. М., 1986. С. 361.

¹⁵⁴ *Соловьев Ю.А.* Воспоминания дипломата. 1893–1922. М., 1959. URL: http://dugward.ru/library/solovyev_diplomat/solovyev_vosp_diplomata.html#madrid (дата обращения: 30.09.2019).

¹⁵⁵ *Данев С.* Мемоари. София, 1992. С. 140.

¹⁵⁶ *Козлов Д.Ю.* Российские планы войны на Черном море и «проблема проливов». 1907–1914 гг. // ВИ. 2007. № 8. С. 108.

¹⁵⁷ *Кострикова Е.Г.* Российское общество и внешняя политика накануне Первой мировой войны 1908–1914 гг. М., 2007. С. 193.

нансов произвело подсчет убытков от паралича хлебной торговли, он составил ежемесячно около 30 млн рублей¹⁵⁸. Когда неотвратимость скорой войны между Болгарией и Сербией в 1913 г. стала очевидной, то последствия для экономики ни у кого не вызывали сомнений. Тогда, согласно донесению из министерского павильона Думы, «для предотвращения биржевой паники» Государственный банк выдал отечественным акционерным банкам 100 млн рублей¹⁵⁹. Однако влияние Балканских войн на доходы от вывоза хлеба было весьма заметно: в 1911 г. сбор хлеба составил 3,77 млн пуд., в 1912 г. он вырос до 4,48 млн, а в 1913 г. – до 5,41 млн пуд.; в то же время доход от экспорта хлеба в 1911 г. исчислялся 735,3 млн руб., но затем резко упал до 547,1 млн руб. в 1912 г. и 589,9 млн руб. в 1913 г.¹⁶⁰

Экономический фактор и вызванная им осторожность спровоцировали недовольство ряда активных защитников славянства. Н. Энгельгардт в «Новом времени» писал, что «теперь Москва, торговая Москва, потеряла духовное прозрение». В 1877–1878 гг. именно в ней родилось движение, толкнувшее царя к вступлению в войну, а спустя 35 лет «славянское сердце» России «заплыло жиром». «Оно не чувствует, не говорит, не предчувствует», – патетически констатировал он. Но утешался тем, что в Петербурге, «в

---

¹⁵⁸ Козлов Д.Ю. Указ. соч. С. 108. По мнению известного болгарского историка И. Илчева, важность решения проблемы Проливов стала особенно очевидной именно во время Балканских войн в связи с убытками в хлебной торговле (*Петровская О.В.* Россия и Болгария в балканской увертюре Первой мировой войны: диссонанс современной болгарской историографии // Накануне Великой войны: Россия и мир. М., 2014. С. 90).

¹⁵⁹ Гальперина Б.Д., Перегудова З.И., Старцев В.И. Указ. соч. // ВИ. 1999. № 7. С. 18.

¹⁶⁰ Шепелев А.Е. Царизм и буржуазия в 1904–1914 гг. Проблемы торгово-промышленной политики. Л., 1987. С. 21.

городе окраинном, в городе болотных туманов и антирусских влияний», родилось новое славянское сердце, которое «вовсе не угаснет и не умрет», которое не слушается «шамкающего благоразумия»¹⁶¹.

Что интересно, косвенно поэтический образ Н. Энгельгардта подтверждает С.Д. Сазонов в своих мемуарах: «Я считаю долгом отметить здесь, что московская, а за ней и провинциальная печать обнаружила в оценке политических событий 1912–1913 годов несомненно больший политический смысл, осведомленность и благоразумие, чем подавленные всевозможным мимолетным влияниям органы столичной националистической печати»¹⁶².

Как видим, у практически мыслящих торговых кругов начало Первой балканской войны вызвало тревогу – они исходили из интересов и пользы для своей страны и прежде всего для себя самих.

В эйфории от славянских побед не пребывала и основная масса населения. В Охранное отделение из Рязани докладывали: «Деревенское население пока безразлично»¹⁶³. Из Орла вторили: «В низших слоях и крестьянской среде ввиду малой осведомленности в происходящих событиях наблюдается безразличное отношение»¹⁶⁴. Вопреки всем стараниям интеллигенции количество читающих газеты крестьян было мало, еще реже среди них встречались интересующиеся и понимающие происходившее на Балканах. Как довольно резко высказался публицист В.В. Водовозов, «нашему народу никакого дела до Св. Софии нет. К тому же вряд ли он о ней что-либо знает: ведь $\frac{3}{4}$ нашего народа безграмотны»¹⁶⁵. Интересно,

---

¹⁶¹ Новое время. 1913. 20 апреля.

¹⁶² Сазонов С.Д. Воспоминания. Минск, 2002. С. 80.

¹⁶³ ГАРФ. Ф. 63. Оп. 32. Ед. хр. 1346. Л. 11.

¹⁶⁴ Там же. Л. 16.

¹⁶⁵ Водовозов В. Война. Государственная Дума // Современник. 1912. № 10. С. 340.

что в воспоминаниях генерала А.А. Брусилова, касающихся уже Первой мировой войны, содержится подтверждение этим словам. Когда он спрашивал в окопах у солдат о причинах войны, то получал следующий ответ: «Какой-то там эрц-герцперц с женой были кем-то убиты, а потому австрияки хотели обидеть сербов». «Но кто такие сербы, – констатировал генерал, – не знал почти никто. Что такое славяне – было им также темно, а почему немцы из-за Сербии вздумали воевать – было совершенно неизвестно»¹⁶⁶. В конце 1914 – мае 1915 г. Костромское научное общество по изучению местного края анкетировало население по поводу отношения к войне. В итоге было выявлено, что крестьянство мало следило за политическими процессами, деревня жила своими проблемами и «не чувствовала той атмосферы, которая царил в дипломатических кругах». В этой среде газеты практически не приобретались, даже грамотные считали, что покупка прессы – пустая трата денег, а расходы на печатную продукцию в крестьянских бюджетах отсутствовали¹⁶⁷. Представляется, что в силу близости событий эти утверждения можно экстраполировать и на период Балканских войн.

Даже такие ярые славянофилы, как А.Н. Брянчанинов, были вынуждены признавать, что население переживало настолько, «насколько можно волноваться отдаленным и *малознакомым* (курсив наш. – Н.Г.) для народа вопросом»¹⁶⁸.

О незнании вопроса, о его некритическом восприятии говорит дневник крестьянина из Вологодской губернии А.А. Замараева. Под датой 18 ноября читаем следующее: «Герои болгары, сербы и греки заняли уже много турецких городов и укреплений. Взаты Салоники, окружен железным

---

¹⁶⁶ Брусилов А.А. Воспоминания. М., 1963. С. 82.

¹⁶⁷ Александров Н. «Мы сначала возьмем Краков, а потом уже Берлин». Костромская деревня в начале войны // Родина. 2014. № 6. С. 112.

¹⁶⁸ Брянчанинов А. Указ. изд. С. 7.

кольцом Адрианополь. Турки везде терпят поражения. В турецком городе Хадымкиой лежат на площадях тысячи раненых, холерных и мертвых, никем не убранные. В некоторых местах вместе с мертвыми хоронят еще таких, которые стонут и шевелятся. Полный развал Турции»¹⁶⁹. Но известия о балканских событиях встречаются в записях крайне нерегулярно и бессистемно: к примеру, если взятие Скутари в нем отмечено¹⁷⁰, то Адрианополя – нет. Начало Второй балканской войны и вовсе прошло для А.А. Замараева незамеченным. Возможно, причина тому – наступившая рабочая пора у крестьянина, когда ему было не до отвлеченных рассуждений¹⁷¹. О том, что войны, проходившие на далеком полуострове, не потрясли основ мира автора, говорят и подводимые им итоги года: «Конец 1912 г. Этот год был для России тихой. Войны и мятежей не было. Только к концу года Австрия пугала нас войной, и Россия была настороже. Война Турции с союзниками кончилась. Год был в общем урожайной»¹⁷².

Через год итоги выглядели следующим образом: «Еще 5 часов, и этот год канет в вечность. Но его не жаль мне. Он приносил мне одни неприятности. Материального убытку рублей 60, так что лично я его добром не вспомню... Для России вообще этот год был тихой. Войны и смятений не было. Только много было железнодорожных катастроф. Пусть же наступающий 1914 год будет счастливее своего

---

¹⁶⁹ Дневник Тотемского крестьянина А.А. Замараева. 1906–1922 годы. М., 1995. С. 55.

¹⁷⁰ Там же. С. 62.

¹⁷¹ К таким же выводам привело анкетирование костромского крестьянства немногим позже: «Еще зимой, на досуге, крестьянин изредка интересовался “политикой” и почитывал газеты, а в страдную пору перед войной было совсем не до политики и не до газеты» (Александров Н. Указ. изд. С. 112).

¹⁷² Дневник Тотемского крестьянина... С. 56–57.

предшественника для всего человечества»¹⁷³. Как мы видим, окончание Первой балканской войны, «братоубийственная» Вторая уже не казались важнейшими событиями года. Вероятное объяснение разницы между этими двумя подведениями итогов – аксиома доступности (*accessibility axiom*), предложенная Дж. Цаллером: чем ближе по времени обсуждалось или обдумывалось какое-то событие или представление, тем меньше времени требуется для его актуализации¹⁷⁴. Проще говоря, за вторую половину 1913 г. эмоции успели потускнеть, появились новые заботы. Аналогично вспоминал этот год представитель другого слоя общества – С.С. Ольденбург: «Первая половина 1913 года прошла под знаком Балканской войны и Романовского юбилея, но с осени снова вступила в свои права политическая борьба»¹⁷⁵.

Не только среди крестьян существовало недостаточное понимание балканских событий. Даже русские сестры милосердия в Болгарии толком не осознавали, где они. Когда Л.Д. Троцкий спросил их о том, куда их направят, то они не смогли правильно ответить, назвав Лозенград «Лозевым»¹⁷⁶. И это при том, что о взятии этого города – первой серьезной крепости на пути болгар – русские газеты трубили во весь голос. По-видимому, балканский вопрос являлся довольно удобной темой для пустых разговоров, целью которых было лишь коротание времени и подпитка чувства собственной образованности. Четкий показатель этого – пьеска, опубликованная в журнале «Сатирикон». Юмористическая литература, особенно столь острая и тонкая, как представленная этим изданием, довольно точно отражает сложившуюся

---

¹⁷³ Там же. С. 75.

¹⁷⁴ Цаллер Дж. Происхождение и природа общественного мнения / пер. с англ. М., 2004. С. 101.

¹⁷⁵ Ольденбург С.С. Указ. соч. С. 100.

¹⁷⁶ Троцкий Л. Перед историческим рубежом. Балканы и Балканская война. СПб., 2011. С. 133.

ситуацию, поскольку шутка смешна, лишь когда понятна и близка ее реципиенту и опирается на реальность.

Разговор происходит в дачном поезде второго класса, участники диспута путают деятелей и топонимы, далее происходит диалог, который стоит привести, немного сократив.

«Третий пассажир: Все орут да орут “Крест на Святую Софию”. Разве болгары – нехристи?..

Второй пассажир: София?.. Столица Болгарии?.. Гм... Это, знаете, еще... не установлено.

Первый пассажир (с апломбом): София – сербский!

Второй пассажир: Ну, нет, София – румынский!..

Третий пассажир: <...> да как же православный город – и вдруг без креста?

Первый пассажир: Здесь очень длинная история, рассказать которую трудно»¹⁷⁷.

В данном случае кажется подходящим вывод С.А. Кочукова относительно реакции русского общества на Русско-турецкую войну 1877–1878 гг.: «Безусловно, события на Балканском полуострове настолько потрясли русское общество, что интерес к балканским делам даже приобрел характер модного увлечения, при этом само отношение к войне, понимание ее целей, значения, влияния на внутреннее состояние страны и т.п. могло быть достаточно противоречивым»¹⁷⁸. Но все же за 35 лет реакция общества изменилась. Агент охранного отделения сообщал: «Нет того подъема и сочувствия, какие были в 1877 году, во время Турецкой кампании»¹⁷⁹. Профессор П.А. Лавров объяснял это тем, что в войне 1877–1878 гг. страна принимала участие¹⁸⁰.

¹⁷⁷ Сатирик. 1913. 19 июля.

¹⁷⁸ Кочуков С.А. «За братьев-славян»: Русско-турецкая война 1877–1878 гг. в восприятии общества, власти и армии Российской империи. Саратов, 2012. С. 270.

¹⁷⁹ ГАРФ. Ф. 63. Оп. 32. Ед. хр. 1346. Л. 21.

¹⁸⁰ Лавров П.А. Балканский союз и переживаемый им кризис. С. 2.

В 1912–1913 гг. официально Петербург занимал позицию нейтралитета; в том же случае, если бы России пришлось выступить с оружием в защиту южных славян, то и противник был бы иной – Австро-Венгрия.

* * *

У российских мусульман Балканская война вызывала иные чувства. Хотя это формально и выходит за рамки поставленной цели, об этом стоит сказать пару слов, поскольку многие мусульмане были интегрированы в российское общество и участвовали в публичных дискуссиях. Во время Первой мировой войны указанная часть населения в целом проявляла лояльность российскому государству, которое воспринимало своим¹⁸¹. Однако в 1912 г. ситуация отличалась – официально Россия придерживалась нейтралитета, поэтому ее жители могли симпатизировать любой стороне. Из Царицынского уезда Саратовской губернии докладывалось: «Все слои населения, *кроме мусульман* (курсив наш. – Н.Г.), сочувствуют славянам выражением желания им успеха»¹⁸². Как утверждала японский исследователь У. Томохико, казахские интеллигенты в этом конфликте Османскую империю прямо не поддерживали, но относились к ней достаточно сочувственно¹⁸³. Татарские газеты переживали за Турцию как за единственную независимую страну, исповедующую ислам, и видели в ее судьбе ответ на вопрос, что будет с их религией в XX в. Их корреспонденты в Константинополе демонстрировали обратную сторону войны, описывали зверства христиан

¹⁸¹ Исхаков С.М. Отношение российских мусульман к Первой мировой войне // Российская история. 2014. № 5. С. 114.

¹⁸² Государственный архив Волгоградской области (далее – ГАВО). Ф. 6. Оп. 1. Ед. хр. 297. Л. 120.

¹⁸³ Томохико У. Восприятие международной обстановки начала XX в. А. Букейханом и его современниками // Алаш мұраты және тәуелсіз Қазақстан. Астана, 2011. С. 14.

над мусульманами, и редактор газеты «Вақыт» Ф. Карими прямо заявлял: «Я совершенно не хочу верить сообщениям русских газет о том, что турки причиняют зло христианам, поскольку положение и психологическое состояние турок совершенно не способствуют агрессивным действиям. Они были бы рады спасти себя»¹⁸⁴.

В магазинах Казани продавались пластинки из Турции с победными маршами, портреты младотурок, проводился сбор пожертвований¹⁸⁵. Супруга турецкого посла в Петербурге открыла сбор средств в Обществе Красного Полумесяца в пользу раненых турок. Московские мусульмане пожертвовали в него около 50 тыс. руб., иркутские – свыше 3 тыс.¹⁸⁶, в Баку было собрано 260 тыс. руб., а в Карсе на военные нужды Турции население пожертвовало 3,5 тыс. рублей¹⁸⁷. По неподтвержденным данным полиции, в Тифлисской губернии местное духовенство призывало на праздник Курбан-Байрам не приносить в жертву баранов, а перечислить эти деньги в пользу Турции¹⁸⁸. В то же время оренбургские и казанские власти наложили запрет на подобные действия¹⁸⁹. Иначе, как доносил начальник казанского губернского жандармского управления, пожертвования бы «посыпались со

---

¹⁸⁴ Ахсанов К.Г. Балканская война 1912–1913 гг. и татарская общественно-политическая мысль // Ученые записки Казанского государственного университета. Серия «Гуманитарные науки». 2007. Т. 149. Кн. 4. С. 181–183.

¹⁸⁵ Сениюткина О.Н. Тюркизм как историческое явление (на материалах истории Российской империи 1905–1916 гг.). Н. Новгород, 2007. URL: <http://www.idmedina.ru/books/regions/?1634> (дата обращения: 30.09.2019).

¹⁸⁶ Там же.

¹⁸⁷ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 121. 4-е делопроизводство. 1912 г. Ед. хр. 278. Л. 14.

¹⁸⁸ Там же.

¹⁸⁹ Сениюткина О.Н. Указ. соч.

всех сторон»¹⁹⁰. В итоге, несмотря на отсутствие формальных обоснований, региональные власти выталкивали вполне безобидные проявления симпатий российских мусульман своим единоверцам за рамки закона и придавали им характер подпольной деятельности. Турецкие эмиссары нелегально прибывали в Россию сами собирать средства по селениям¹⁹¹.

Переводились деньги и через посредников. Из Туркестана деньги почтой отправлялись в Кульджу (Синьцзян-Уйгурский район Китая), местные мусульмане вносили их в банк и оттуда уже переводили в Константинополь. Так в ноябре через город Верный (ныне – Алма-Ата) было отправлено 7 тыс. франков¹⁹². Еще одним способом являлась отправка денег на имя российских подданных-мусульман, обучавшихся в Константинополе¹⁹³.

Щедрее всего были купцы-мусульмане. Имам Нижегородской ярмарочной мечети Ф. Сулейманов в августе 1913 г. принял участие в нелегальном собрании своих занимавшихся торговлей единоверцев, пожертвовавших 35–40 тыс. рублей. Как признавал издатель газеты «Йолдыз» («Звезда») Х. Максуди, в Казанской губернии торговцы «выписывают татарские газеты и скорбят по нации», а крестьянская масса вяло реагирует на события¹⁹⁴. Донесения агентуры полиции подтверждают эту оценку. Мусульман-крестьян война интересовала, но «интерес их чисто обывательский: им хочется только узнать, что происходит на поле битвы и на чьей стороне останется победа». Они симпатизировали Османской империи и считали, что Россия является виновником конфликта.

---

¹⁹⁰ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 121. 4-е делопроизводство. 1912 г. Ед. хр. 278. Л. 4об.

¹⁹¹ Там же. Оп. 242 (Особый отдел (далее – ОО). 1912 г.). Ед. хр. 300. Л. 75, 86–86об.

¹⁹² Там же. Л. 76.

¹⁹³ *Сенюткина О.Н.* Указ. соч.

¹⁹⁴ Там же.

В связи с этим отмечался и рост неприязни к русскому населению. В то же самое время крестьяне сочувствовали туркам как своим единоверцам, а «так называемые передовые мусульмане» – как братьям по крови¹⁹⁵. Хотя из Ташкента докладывалось, что среди местной интеллигенции в связи с войной распространились идеи панисламизма¹⁹⁶.

Схожей ситуация была и на Кавказе. Среди широких мусульманских масс сочувствие было «чисто идейным», но у духовенства и интеллигенции оно находило и практическое выражение: сбор пожертвований в пользу Красного Полумесяца, рассылка воззваний ЦК «Мусавата» к кровавой борьбе с христианами для защиты Турции и отправка добровольцев¹⁹⁷.

Масштаб и зачастую нелегальный характер сбора средств не привели к массовой отправке лазаретов и госпиталей, однако были одиночки-волонтеры, поехавшие оказывать помощь единоверцам. Двадцатилетний ученик медресе Уфы М.-Ш. Досжанов через Севастополь и Бейрут добрался до Константинополя, где вместе с тремя мусульманами из Петербурга, двумя из Уфы и одним из Самарканда работал в больнице при университете. В свое учебное заведение в Уфе он писал на вымышленное имя: «Я лечу моих братьев-героев, раненных за народ, за нацию, за отечество <...> наших кровных братьев грабят со всех сторон их враги, а нам, мусульманам, как имеющим ту же душу, надо жертвовать собой. Мы хорошо показали, что мы существуем, и что у нас не погибло чувство солидарности с братьями»¹⁹⁸.

Отправлялись добровольцы и в армию. Ушел на фронт в звании сотника известный татарский политический

---

¹⁹⁵ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 121. 4-е делопроизводство. 1912 г. Ед. хр. 278. Л. 4–5.

¹⁹⁶ Там же. Л. 16.

¹⁹⁷ Там же. Л. 14–14об.

¹⁹⁸ Там же. Оп. 243 (ОО. 1913 г.). Ед. хр. 300. Л. 54, 59.

деятель Ю. Акчура, младший брат Ф. Карими¹⁹⁹. Желавшие сражаться под знаменами султана переходили границу южнее Батума, около Атвины и Ризы, двигаясь далее через Чевуш в Трапезунд, откуда уже доставлялись на пароходах. Агентура полиции в Константинополе сообщала, что прибывали они «значительными партиями, причем 18 декабря прошлого года, под командой разбойника Сеида Акаева, одного из помощников Зелим-Хана, прибыла партия в 300 человек²⁰⁰», имеющих при себе 700 винтовок и значительное количество патронов²⁰¹. Высокая Порта отметила их деятельность высокими наградами. Например, согласно донесениям, упомянутый Зелимхан Гушмазукаев, он же – Зелимхан Харачоевский, один из легендарных лидеров абреческого движения на Кавказе, был удостоен двух золотых медалей и офицерского чина. На Чаталдже над братской могилой павших дагестанцев планировалось возвести памятник²⁰².

Здесь, вероятно, стоит учитывать, что указанный Зелимхан был одним из лидеров абреческого движения, в котором участвовали наиболее активные и ненавидящие царскую власть горцы. Поэтому вряд ли указанных добровольцев стоит считать примером, который можно принять за правило. Известны и противоположные случаи, хотя и не бескорыстные. Так, корреспондент «Раннего утра» Н.И. Гасфельд, описывая встретившихся ему на румыно-болгарской границе добровольцев, упомянул «мрачных кавказцев, в папах и бурках, с целым арсеналом за поясом и медалями на груди», разговаривавших на «лезгинском наречии». Они с дагестанским конным полком участвовали в Русско-японской войне, теперь

---

¹⁹⁹ Ахсанов К.Г. Указ. изд. С. 181.

²⁰⁰ Ф. Карими в своей книге указывал, что всего в военных действиях принимало участие более ста добровольцев из числа российских мусульман (там же).

²⁰¹ ГАРФ. Ф. 529. Оп. 1. Ед. хр. 13. Л. 1.

²⁰² ГАРФ. Ф. 102. Оп. 242 (ОО. 1912 г.). Ед. хр. 300. Л. 100.

отправлялись предложить свои услуги балканским армиям, если «дадут лошадей и 25 р. в месяц, на всем готовом»²⁰³. Названные лица ехали сражаться явно не за идею, поскольку ожидали значительного жалования. Спустя некоторое время, в годы Первой мировой войны, в российской армии будет создана Кавказская добровольческая конная дивизия (она же – «Дикая дивизия»); в ней при своей лошади, обмундировании, холодном оружии и снаряжении всаднику причиталось 20 рублей в месяц²⁰⁴.

Балканские войны взбудоражили российских мусульман. В итоге в правительственном циркуляре, опубликованном газетой «Новое время» весной 1913 г., говорилось, что «под влиянием последних событий на Балканах мусульмане заинтересовались славянским вопросом» и начали его обсуждение: «Они очень недовольны Россией и русским правительством за поддержку Россией славян. Получаются сведения, что в случае войны с Китаем мусульмане решили поддерживать материально и морально монголов». Наибольшее внимание циркуляр рекомендовал уделить настроениям киргизов, волжских и крымских татар²⁰⁵.

Интересно в этом ракурсе отношение к взятию Адрианополя в 1913 г. Когда крепость пала под напором болгарских и сербских войск, в российских городах прошли благодарственные молебны, манифестации, в Думе хор депутатов пел российский и болгарский гимны. Лишь председатель Мусульманской фракции К.-М.Б. Тевкелев, участник русско-турецкой войны и боев за Плевну²⁰⁶, заявил, что не может льстиво присоединиться к поздравлению с победой над своими

---

²⁰³ Шевалье Н. Указ. соч. С. 18.

²⁰⁴ Опрышко О.А. Кавказская конная дивизия. 1914–1917: Возвращение из забвения. Нальчик, 2007. С. 32.

²⁰⁵ Новое время. 1913. 27 апр.

²⁰⁶ Бойович М.М. Члены Государственной Думы (портреты и биографии). Четвертый созыв (1912–1917 г.) М., 1913. С. 361.

родственниками²⁰⁷. Однако после занятия города турецкими войсками во время Второй балканской войны власти вели себя иначе. Из Ашхабадского подразделения департамента полиции докладывалось, что среди местных мусульман «замечается плохо воздерживаемое ликование и оживленные толки по поводу события», в мечетях Красноводска (ныне – Туркменбаши) планировалось совершить благодарственное молебствие. Но чиновники на местах вновь проявили рвение в службе, и красноводский уездный воинский начальник Карпинский запретил «всякие проявления восторгов» и богослужения по поводу побед турок, а в случае неисполнения указа обещал арестовать муллу²⁰⁸.

Подобное поведение властей вкупе с регулярным постулированием религиозного характера войны на Балканах приводило к тому, что мусульманское меньшинство все больше осознавало себя чужим в этом государстве. Понимая это, часть мусульманской интеллигенции пыталась донести до сограждан, что подобная риторика опасна для самой России. Известный востоковед С.М. Лапин 11 декабря 1912 г. обратился с открытым письмом к П.Н. Милюкову. Он указывал, что мусульмане не удивлялись, когда националисты видели в Балканской войне торжество креста над полумесяцем, но считали, что прогрессивная часть общества выступала за славян «из реальных политических целей» страны или из заступничества за угнетенных. Но своим воззванием «Поддержите наших друзей» лидер кадетов расставил все точки над «i», заговорив о «праве любви к близким». С.М. Лапин вопрошал П.Н. Милюкова: значит ли это, что и мусульмане имеют право симпатизировать туркам; и в конечном итоге, если все жители страны станут столь бездумно вставать на чью-либо сторону в подобных ситуациях, не приведет ли это к внутренним проблемам?²⁰⁹

²⁰⁷ *Томохико У.* Указ. изд. С. 14.

²⁰⁸ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 243 (ОО. 1913 г.). Ед. хр. 300. Л. 244.

²⁰⁹ ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Ед. хр. 1976. Л. 1–2.

Подобные дискуссии звучали и в Государственной Думе. Правый депутат В.И. Мельников утверждал: «Дело в том, что это не есть простая победа, а победа над исламом, столько веков преграждавшим путь к единению славян»²¹⁰. После этих слов вышел со своими возражениями избранник от Закавказского округа М.-Ю.Г. Джафаров. Он заявил о неопустимости подобной формулировки, встречающейся и у «известной части русской прессы». По его мнению, она сеяла антагонизм между разнokonфессиональными гражданами России, в чем таилась серьезная опасность, поскольку «темные массы» могут подумать, «что в самом деле идет крестовый поход против ислама, борьба с исламом: давайте начнем и мы эту борьбу в России». «Всякий здравомыслящий человек должен говорить, что борьба идет с Турецким государством, с турками, а не с исламом»²¹¹, – сказал он под аплодисменты центристов и левых.

Понимали опасность подобного дискурса и его неправомочность не только представители мусульманских народов России, но и левые, прежде всего знавшие национальные окраины империи. Грузинский депутат-меньшевик А.И. Чхенкели летом 1913 г. напоминал с трибуны коллегам, что Дума – общероссийский орган, а потому должен думать обо всех национальностях империи. «Поскольку вы этого не принимаете во внимание, поскольку вы все время говорите о славянах и славянских нациях, совершенно забывая о других национальностях, постольку вы, конечно, отталкиваете их от себя»²¹², – наставлял он народных избранников.

---

²¹⁰ Стенографические отчеты / Гос. дума, четвертый созыв, сессия первая. Заседания 31–54 (с 22 марта по 24 мая 1913 г.). СПб., 1913. Стб. 17.

²¹¹ Там же. Стб. 18–19.

²¹² Стенографические отчеты / Гос. дума, четвертый созыв, сессия первая. Заседания 55–81 (с 27 мая 1913 г. по 25 июня 1913 г.). СПб., 1913. Стб. 1074.

Но подобные речи тонули в общем калейдоскопе славянских обедов и панегириков православным балканским народам. Сами российские мусульмане проявляли симпатии, не выходя за рамки законодательства и совершая в отношении своих единоверцев ровно то же, что и российские христиане в отношении своих. Однако личные пристрастия, представления об интересах России местных властей зачастую приводили к выдавливанию мусульман за рамки правового поля, что также не повышало лояльность населения провинций.

Буквально о том же писал, правда, говоря о кануне Первой русской революции, депутат А.М. Топчибашев, указывая на подозрительность властей к нерусским народам, низкий уровень местной администрации как на причину отчуждения мусульман от российского государства²¹³. Однако в Первой мировой войне мусульмане Кавказа и Поволжья проявили отношение к России как к своей стране: на фронте сражалось немало представителей башкир и татар, из уроженцев Кавказа и Закавказья была сформирована Кавказская туземная конная дивизия, прекрасно зарекомендовавшая себя на полях сражений. Уже упоминавшаяся газета «Вақыт» в начале сентября писала, что мусульмане – это прежде всего подданные России²¹⁴. И даже вступление в войну Османской империи и объявление от имени султана джихада и призыва к восстанию против Российской империи не дали серьезного эффекта ни на Кавказе, ни в Европейской России²¹⁵. Иначе сложилась обстановка в Средней Азии, где попытка мобилизации местного населения на тыловые работы в 1916 г. привела к восстанию. Коррупция местной администрации, ее

---

²¹³ *Исхаков С.* Указ. изд. С. 110.

²¹⁴ Там же. С. 112.

²¹⁵ *Арапов Д.Ю.* Мусульмане России в годы Первой мировой войны // Ислам в мультикультурном мире: Мусульманские движения и механизмы воспроизводства идеологии ислама в современном информационном пространстве. Казань, 2014. С. 419.

ненадлежащий профессиональный уровень (так, сам манифест об объявлении мобилизации был неточно переведен на местные языки²¹⁶) способствовали отчуждению местных мусульман от России, но в данных событиях экономическая и националистическая подоплека сыграли более значительную роль, нежели религиозный фактор. Наладить качественную пропаганду, направленную на пестование патриотических чувств среди исламских подданных, в годы Первой мировой войны власти так и не сумели, перейдя к более знакомым методам – запретам и репрессиям²¹⁷.

Присутствовавшее в годы Первой мировой войны спланирующее начало в виде государства и фигуры царя не могло иметь место в Балканских войнах – представители различных конфессий были вольны самостоятельно выбирать объект симпатий. И здесь религиозный детерминант оказал свое влияние. Усиленный недальновидным поведением властей и публичных лиц, он обусловил то, что в конечном счете в России сложилось два параллельных общества, совершавших идентичные действия, но каждое – в отношении разных сторон Балканских войн. Причем схожесть обоих обществ заключалась в разнице интереса между различными его слоями.

Однако важно попытаться понять: почему же эта война оказалась столь близка русскому обществу? Очевидными ответами, естественно, являются: близость по этническому и конфессиональному признакам, а также, в какой-то мере, даже привычка. Но стоит наряду с ними выделить озвученные современниками конкретные причины.

---

²¹⁶ Ганин А.В. Кровавые уроки шестнадцатого года. Восстание 1916 г. в Семиреченской области // Журнал российских и восточно-европейских исторических исследований. 2016. № 1 (7). С. 102.

²¹⁷ Усманова Д. Российские мусульмане и пропаганда в годы Первой мировой войны (1914–1916 гг.) // Acta Slavica Iaponica. Т. 37 (2016). Р. 101.

Причины симпатий к Балканскому союзу

Важно попытаться понять, почему эта война оказалась столь близка русскому обществу. Очевидно, что в силу привычки «турки» априори считались условными «ненашими», а славяне – «нашими». Но в таком виде подобная мотивация не могла быть выражена в публичном пространстве. Звучали в нем близкие, но все же иные мотивы.

Противостояние православных союзников и Турции постулировалось как завершение русского дела на Балканах. Недаром при падении Адрианополя октябрист В.И. Степковский в Думе рассказывал, как гимназистом радовался взятию Плевны, и предложил помянуть Александра II и М.Д. Скобелева. Один из крестьянских депутатов, Н.П. Стародумов, обратился к болгарским гостям со своими воспоминаниями о моменте овладения русскими войсками ключевой турецкой крепостью в 1877 г., а депутат Г.М. Блажиевский говорил присутствовавшему С. Даневу, путая даты и топонимы: «Я второй раз переживаю такой момент. В первый раз это было в 1878 г., после взятия Плевны. Я был в то время комендантом Люлю-Бургаса». В ответ С. Данев произнес: «Мы, ваши ученики <...> закончили дело, которое вы начали»²¹⁸. В одной из брошюр, посвященных балканским событиям, портреты правителей-союзников были размещены после изображения Александра II²¹⁹.

Вас. И. Немирович-Данченко, очевидец событий 1877–1878 гг., направляясь по освобожденным землям в сторону болгаро-турецкого фронта, вспоминал, как армия генерала И.В. Гурко шла по этим местам²²⁰; находясь в Старой Загоре, писал про подвиг командира болгарской дружины

²¹⁸ Гальперина Б.Д., Перегудова З.И., Старцев В.И. Указ. соч. // ВИ. 1999. № 4–5. С. 15–16.

²¹⁹ Везенков В. Указ. соч.

²²⁰ Немирович-Данченко Вас. И. Собр. соч. Т. XIV. СПб., 1913. С. 43.

П.П. Калитина²²¹. Одно из разоренных сел показалось ему знакомым, и он довольно много места уделил сравнению увиденного им в русско-турецкую и Балканскую войны²²². В итоге, глядя на Чатаалджинские укрепления, писатель думал о Плевне²²³. В болгарских солдатах он видел наследников русского воинства: «Точно в их жилы с злаками полей, с плодами садов влилась доблесть наших безвестных и безымянных героев»²²⁴. Погружение в дела 35-летней давности поддерживалось и болгарами: «Ко мне относятся здесь как к родному. Вспоминают, что я на этих полях и в Балканах переживал тридцать пять лет назад освободительную войну». «Может быть, и я не стою этих приветствий»²²⁵, – кокетничая, добавлял он. Читая Вас. И. Немировича-Данченко, даже возникает мысль, что обильным изложением собственных воспоминаний он пытался восполнить недостаток впечатлений от Первой балканской войны, не оставить редакцию и читателей без строчек своих сочинений.

25 октября 1912 г. в Москве был дан торжественный обед в честь отъезда на Балканы в качестве уполномоченного Красного Креста А.И. Гучкова. Он произнес речь, в которой заявил: «Я счастлив, господа, что дожил до дня и событий, о которых мечтал еще в годы ранней юности». По его словам, он еще во время русско-турецкой войны так сострадал «несчастиям братьев-славян», что ради их избавления желал сбегать из дому и отправиться на Балканы добровольцем. Теперь же его переполняла радость от того, что он едет

---

²²¹ Там же. С. 47. Павел Петрович Калитин, командир 3-й дружины болгарского ополчения, погиб в сражении за Эски-Загра (ныне – Старая Загора), защищая Самарское знамя.

²²² *Немирович-Данченко Вас. И.* Собр. соч. Т. XIV. С. 138–147.

²²³ Там же. С. 182.

²²⁴ Там же. С. 88.

²²⁵ Там же. С. 41.

смотреть на завершение столь важного дела²²⁶. С.Д. Сазонов видел в Первой балканской войне финал «исторической миссии России» – освобождение христианских народов полуострова от турецкой власти. При этом, по его мнению, задача «была к началу XX века настолько выполнена, что окончательное ее завершение могло быть предоставлено усилиям самих освобожденных народов», уже достаточно самостоятельных и жизнеспособных²²⁷. П.Н. Милюков также усматривал в этих событиях «окончательное освобождение от турецкого ига» славянских народов²²⁸. И аналогично С.Д. Сазонову он считал, что завершился «процесс эмансипации балканских народностей от традиционной русской опеки»²²⁹. Несколько иную позицию озвучил сотрудник «Нового времени» правый публицист М.О. Меньшиков. В ноябре 1912 г. на страницах газеты он утверждал, что создание Балканского союза и его победы – плод «двухсотлетней борьбы России с Турцией за освобождение южных славян». Но уходить с полуострова и давать свободу действий молодым государствам рано. У балканских народов и России общие враги, поэтому «здоровый эгоизм» требует, чтобы сильнейшая славянская держава продолжала опеку, защищая от Австро-Венгрии. «Мы вложили в свободу балканских народов миллионы жизней. Этот нравственный капитал необходимо оградить от расхищения и использовать к взаимной выгоде»²³⁰, – подытоживал он, несколько преувеличивая стоимость этого «нравственного капитала».

---

²²⁶ Отчет Центрального Комитета Союза 17 Октября о его деятельности с 1 сентября 1912 года по октябрь 1913 года. М., 1913. С. 76–77.

²²⁷ Сазонов С.Д. Указ. соч. С. 50.

²²⁸ Милюков П.Н. Воспоминания (1859–1917). Нью-Йорк, 1955. С. 122.

²²⁹ Там же. С. 141.

²³⁰ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 121. 4-е делопроизводство. 1912 г. Ед. хр. 278. Л. 30–30об.

В то же время и у болгар присутствовало ощущение, что они завершают дело, начатое русскими²³¹. Это постулировалось и в манифесте об объявлении войны: «Болгарский народ помнит пророческие слова Царя-освободителя “Святое дело должно быть доведено до конца”»²³². Упоминание дела Александра II в этом документе «Нижегородский церковно-общественный вестник» посчитал особенно знаменательным²³³. Преемственность проскальзывала и в словах рядовых болгарских граждан. Простые солдаты запаса при мобилизации рассуждали подобным образом: «Мы сейчас будем биться за свободу наших братьев так же, как русские бились за нашу свободу»²³⁴. Декларировалось это и на различных торжественных встречах и мероприятиях с участием представителей русского общества²³⁵. Порой болгары даже гордились, что превосходили русских в своих боевых подвигах. Так, П. Курдоманов указывал, что бои за село Караагач в 1912 г. закончились быстрее, нежели в 1878 г.²³⁶

Непосредственно к этому примыкало восприятие войны и как «борьбы Креста с Полумесяцем», также присутствовавшее в сознании самих ее участников. В первом номере болгарской газеты «Църковен вестник», вышедшем после объявления войны, был призыв: «Поднимемся как крестоносцы ради окончательного господства Христа и Креста во всей

---

²³¹ См. подробнее: *Гусев Н.С.* Образ России и русских в сознании болгар в период Балканских войн 1912–1913 гг. // Дриновски сборник / Дриновський збірник. Т. VI. Харьков; София, 2013.

²³² Балканските войни по страниците на Българския печат 1912–1913 / съст. П. Кишкилова. София, 1999. С. 40.

²³³ Нижегородский церковно-общественный вестник. 1912. 14 окт. С. 1051.

²³⁴ *Додов Н.* Дневник по Балканската война. София, 2006. С. 10.

²³⁵ Мир. 1912. 14 нов., 23 авг., 21 дек.

²³⁶ *Георгиева С.* Войнишки дневник на Петър Жечев Курдоманов за Балканската война. Силистра, 2001. С. 53.

Европе»²³⁷. Но нас более интересует все же русское общество. На страницах умеренно правого «Исторического вестника» этот мотив поэтически выражался так: «Кровавое зарево многовековой упорной борьбы Креста с Полумесяцем снова ярко осветило Балканский полуостров»²³⁸. И.П. Табурно утверждал, что на Балканах вершится «победа русского знамени». Но не только потому, что народы близки по крови и Россия принесла жертвы ради их освобождения, но и в связи с тем, что «сербско-болгарская армия» закончила начатую «более двухсот лет тому назад русским народом борьбу Славянства против Полумесяца»²³⁹. Кадет П.Б. Струве тогда писал: «Победа христиан на Ближнем Востоке есть торжество России, быть может, завершение одной из ее великих исторических задач»²⁴⁰. Поэт В.Я. Брюсов видел в Балканском союзе христианское воинство, а в самой войне – «очередную главу в истории изгнания турок из Европы». «Панмонголизм и панисламизм – вот две вполне реальные силы, с которыми Европе скоро придется считаться»²⁴¹, – предрекал он. Влиятельный сановник и дядя лидера Всероссийского национального союза П.Н. Балашева И.П. Балашев²⁴² говорил о предках, честно

---

²³⁷ *Елджров С.* Руско-турската освободителна война в славяно-филската доктрина на българската православна църква (1877–1944) // *Дриновски сборник / Дриновський збірник*. Т. III. Харьков; София, 2009. С. 177.

²³⁸ *М.А.С.* [Рец. на:] Пиленко А.А. Около болгарской войны // *Исторический вестник*. 1913. № 3. С. 1038.

²³⁹ *Табурно И.П.* О сербских битвах (впечатления очевидца войны сербов с турками 1912 г.). СПб., 1913. С. 7.

²⁴⁰ *Струве П.Б.* Балканский кризис и исторические задачи России // *Русская мысль*. 1912. № 10. С. 156.

²⁴¹ *Брюсов В.* Новая эпоха во всемирной истории. По поводу Балканской войны // *Русская мысль*. 1912. № 6. С. 103–104.

²⁴² *Иванов А.А.* Вызов национализма: лозунг «Россия для русских» в дореволюционной общественной мысли. СПб., 2016. С. 51.

потрудившихся в «вековой борьбе Креста с Полумесяцем» и завещавших «завершение победы Арийского племени над Тюрским»²⁴³. Греческая королева Ольга, урожденная российская великая княгиня, писала своим родным: «Это крестный поход! И как все это случилось неожиданно, негданно-нежданно, то, о чем я мечтала 45 лет, т.е. союз православных народов против ислама»²⁴⁴. Подчеркивал это и доброволец И.Д. Чинтулов, рассказывая о том, что болгарское село Ахмет-бей встречало войска с хоругвями и иконами²⁴⁵.

Звучал религиозный мотив и в стихах поэтов. П.Т. Шацких писал в стихотворении «Война»:

Меж тем, там льется кровь, горят родные села,
Неконченных работ оставлены дела;
Чтоб узел разрубить их векового спора,
Славянская семья на смертный бой пошла.
Там где-то на горах, там где-то на Балканах,
Идут, идут опять отряды орд диких,
Чтоб показать еще на близких нам славянах
Вражду свою к Кресту, к свободе для других.

И. Шепелев – в «Посвящается славянам»:

Теперь довольно жертв мученья
Коварно-злых мусульман;
Раздайся грозный голос мщенья
За кровь невинных христиан!..²⁴⁶

---

²⁴³ Балашев И.П. Указ. соч. С. 5.

²⁴⁴ Цит. по: Соколовская О.В. О начале Первой балканской войны 1912 г. (Несколько писем королевы эллинов Ольги) // Славянский альманах 2009. М., 2010. С. 406.

²⁴⁵ Чинтулов И. Воспоминания добровольца // Военный сборник. 1913. № 8. С. 141.

²⁴⁶ Лекманов О. Русская поэзия в 1913 году. Часть вторая // Новое литературное обозрение. 2013. № 6. URL: <http://www.nlobooks.ru/node/4160> (дата обращения: 30.09.2019).

Такое восприятие войны способствовало тому, что русская печать словно забыла о наличии в Болгарии мусульманского меньшинства – болгар-помаков и турок. Но эта деталь разрушила бы сформировавшийся стереотип на Балканах, а потому печать умалчивала о них и их судьбе²⁴⁷.

Воспринималась Первая балканская война и как борьба «славянства» с «германизмом», где Турция играла лишь роль марионетки. Этот мотив усиливался тем, что модернизацией и перевооружением османской армии занимались немецкие инструкторы, немецкие офицеры командовали отдельными частями. На такую подоплеку конфликта указывало и частое повторение после падения Лозенграда заявления немецкого генерала Р. фон дер Гольца о неприступности города: «Взять его мыслимо только при двух условиях: после трехмесячной осады, и то прусскою армией»²⁴⁸. Но, как писал Л.Д. Троцкий, «принимая во внимание характер здешних газет, это вовсе еще не значит, что реорганизатор турецкой армии когда-либо подобное мнение действительно высказывал»²⁴⁹. Артиллерия Турции была произведена на заводах Круппа, и прислуга действовала в соответствии с немецкими правилами. Пушки союзников же закупались преимущественно во Франции. В этом виделся еще один аспект

---

²⁴⁷ А в самой Болгарии в этот момент делалась попытка насильственной ассимиляции мусульманского меньшинства. Были организованы массовые крещения помаков, охватившие до 200 тыс. человек. Данные действия прошли при молчаливом одобрении со стороны всех политических сил. Лишь после Константинопольского договора 1913 г. болгарские мусульмане смогли вернуться к своему вероисповеданию. Об этом см.: *Георгиев В., Трифонов С.* Покръстването на българите мохамедани. 1912–1913. Документи. София, 1995; *Стоянова П.* Покръстването на българите мюсюлмани // Анамнеза. 2006. Кн. 3.

²⁴⁸ *Немирович-Данченко Вас. И.* Собр. соч. Т. XIV. С. 100.

²⁴⁹ *Троцкий Л.* Указ. соч. С. 131.

противостояния с Германией – апробация на локальном уровне новых систем вооружения.

Значительное внимание анализу данного вопроса уделил И.П. Табурно. Рассказав о победах сербской артиллерии над турецкой, он объяснил это не только различным уровнем подготовки прислуги, поскольку в армии султана многие офицеры получили образование в германских учебных заведениях. «В турецкой действующей армии были немецкие инструкторы. Да, наконец, как потом выяснилось, в самых боях принимали участие немецкие офицеры, в том числе и артиллерийские», – указывал он. Причины сербских викторий, по мнению журналиста, обладавшего инженерным образованием, крылись в технических деталях и особенностях конструкций. В подтверждение своих доводов он привел следующий случай. В сражении при Битоле две турецкие батареи наносили страшный урон сербской пехоте, их не удавалось подавить. После захвата позиций орудия были найдены, они оказались французскими пушками, захваченными у греков. «Следовательно, и турки умели стрелять. Значит, дело заключалось не главным образом в неопытности прислуги и офицеров, а в системе орудий и стрельбы»²⁵⁰, – подытожил автор.

О победе русской военной доктрины над немецкой писал и полковник А.В. Дорошкевич²⁵¹. Подчеркивал то, что болгарские офицеры учились в России и били вождей турецкой армии, «вышедших из берлинской академии, воспитанных Гольц-пашой и немецкими инструкторами», Вас. И. Немирович-Данченко²⁵². После взятия Адрианополя В.А. Гиляровский опубликовал в «Голосе Москвы» статью «Победа славян – Одрин», где утверждал, что победа

---

²⁵⁰ Табурно И.П. О сербских битвах... С. 82–89.

²⁵¹ Дорошкевич А. Война на Балканском полуострове (От открытия военных действий до перемирия)... С. 68.

²⁵² Немирович-Данченко Вас. И. Собр. соч. Т. XIV. С. 56, 100

была одержана не только над турками, но и над германством. Ученики немцев проиграли ученикам русских²⁵³. С.Д. Сазонов даже считал, что германский Генеральный штаб «чувствовал себя, до известной степени, ответственным за постигший Турцию разгром»²⁵⁴.

В противостоянии с «германизмом» части общества виделось завершение вековой борьбы «славянства» с ним. А.А. Пилленко описывал знакомого, поддерживавшего его желание ехать корреспондентом на Балканы именно по этой причине:

«Сидя в большом старом кожаном кресле, с забинтованной толстой подагрической ногой, он все приподнимался, неловко обнимал меня и шептал:

– Милый... Да... Сам бы хотел... Не могу... Милый, ведь никогда, никогда это не повторится... Пятьсот лет истории; вся борьба славянства с германизмом»²⁵⁵.

О том же писал И.П. Балашев: «В настоящую минуту мы присутствуем при последнем акте великой исторической драмы – борьбы южного славянства с германизмом и дружащим с ним исламом». Он в недалеком будущем предрекал неминуемое столкновение «двух соперничающих между собой великих рас – Германской и Славянской»²⁵⁶. Большое значение придавал войне сотрудник «Утра России» Т. Ардов, считавший, что происходит «первый бой славянства с германизмом, но вместе с тем и решительный, роковой бой... Здесь на карту поставлена самая идея славянства – против немецкого *Drang nach Osten*»²⁵⁷.

---

²⁵³ Бобчев С. Указ. соч. С. 109.

²⁵⁴ Сазонов С.Д. Указ. соч. С. 74.

²⁵⁵ Пилленко А.А. Указ. соч. С. 8–9.

²⁵⁶ Балашев И.П. Указ. соч. С. 14.

²⁵⁷ Котов Б.С. Образы Германии и Австро-Венгрии в российской прессе накануне Первой мировой войны. 1912–1914 гг. (по материалам либеральной и консервативной печати): Дис. ... канд. ист. наук. М., 2014. С. 135.

Доходило дело даже до того, что зачастую происходила подмена понятий – в «Иллюстрированном всемирном обозрении», выходившем приложением к журналу «Родина», участие греков в войне как бы игнорировалось. Говорилось о «грозных славянских армиях», «славянском оружии», «славянском движении». Это, по-видимому, объясняется двумя факторами. Во-первых, Греция традиционно не находилась на орбите русского влияния, не являлась членом Антанты, а во-вторых, ее население не было славянским, и рассчитывать на него в будущем столкновении «рас» не стоило²⁵⁸. В итоге к этому члену Балканского союза русское общество особой любви не проявляло. Сообщалось, что мобилизация в стране проходила вяло, а энтузиазм в народе по поводу борьбы с вековым врагом отсутствовал. Греки якобы «с тягостным чувством» шли на призывные пункты, лишь всецело доверяя решению главы своего правительства Э. Венизелоса²⁵⁹. Но потомки эллинов весь конфликт были в стороне от общественных симпатий и внимания – как выразился С. Котляревский, «роль Греции здесь скорее

---

²⁵⁸ На этот же факт указала лингвист Л.П. Рупосова и предложила несколько иное объяснение: «Гипонимы заменяются гиперонимом: *славянский мир, победители-славяне, взятие Адрианополя славянами, славянские дивизии, линии славянского наступления* и под. Лексема *славяне* в контексте освободительной борьбы с Турцией становится синонимом наименования «христиане/православные»» (Рупосова Л.П. Лингвистические средства оценивания событий и его участников (на материале публицистических источников периода Первой и Второй балканских войн (1912–1913 гг.)) // Русский язык в славянской межкультурной коммуникации: история и современность: Сборник науч. тр. М., 2015. С. 254). Как представляется, она неверно истолковала причины замены, поскольку в противостоянии Турции на бытовом уровне превалировал именно религиозный мотив (см., например, выше: «нехрист-турка притесняет православных»).

²⁵⁹ Родина. 1912. 14 окт. С. 2.

дополнительная»²⁶⁰. И.П. Табурно писал, что Балканский союз «прочен и непоколебим, особенно между Болгарией, Сербией и Черногорией»²⁶¹. Вас. И. Немирович-Данченко и вовсе назвал наследницу Эллады «маленькой, но хвастливой и ненасытной страной»²⁶². Да и сам народ удостаивался нелестных описаний: «Это вечно беспокойная, вечно агрессивная, подозрительная, бурливая сила со средневековыми идеалами, одержимая византийской мегаломанией, которая за 500 лет рабства ничему не выучилась и ничего не забыла»²⁶³.

Ко всему этому стоит, естественно, добавить постоянное присутствие антиавстрийского дискурса в речах, посвященных балканскому вопросу. Отметим, что И.В. Крючков, проанализировав прессу Дона и Северного Кавказа, пришел к выводу, что местная печать не акцентировала внимание на враждебности Дунайской империи и «образ врага» в лице Австро-Венгрии сформировался окончательно лишь в 1914 г.²⁶⁴ Однако это может быть объяснено процитированными выше словами С.Д. Сазонова: провинциальная пресса сохраняла большую трезвость суждений и «благоразумие».

Генерал А.А. Брусилов считал, что серьезной антинемецкой риторики не существовало. В своих воспоминаниях он утверждал, что при дворе было значительное германское лобби и морально готовить общество к войне с Германией стали лишь после аннексии Боснии и Герцеговины Австро-Венгрией, почему к 1912 г. подобные настроения не успели укорениться, а «если бы в войсках какой-либо начальник вздумал объяснить своим подчиненным, что наш главный враг — немец, что он собирается напасть на нас и что мы должны

---

²⁶⁰ *Котляревский С.* Внешняя политика в 1912 г. // *Русская мысль*. 1913. № 1. С. 19.

²⁶¹ *Табурно И.П.* О сербских битвах... С. 130.

²⁶² *Немирович-Данченко Вас. И.* Собр. соч. Т. XIV. С. 204.

²⁶³ *Амфитеатров Ал.* Эхо. М., 1913. С. 239.

²⁶⁴ *Крючков И.В.* Указ. соч.

всеми силами готовиться отразить его, то этот господин был бы немедленно выгнан со службы, если только не предан суду. Еще в меньшей степени мог бы школьный учитель проповедовать своим питомцам любовь к славянам и ненависть к немцам. Он был бы сочтен опасным панславистом, ярым революционером и сослан в Туруханский или Нарымский край»²⁶⁵. Тем не менее данные ощущения генерала в 1912–1913 гг. уже не соответствовали действительности, поскольку шел процесс складывания образа врага в первую очередь в виде Австро-Венгрии. Это, в частности, нашло свое выражение в связи с сербским и черногорским противостоянием дуалистической монархии в вопросе об Адриатическом побережье, к чему мы вернемся во второй главе.

Еще одним аспектом борьбы виделось противостояние прогресса и архаики, демократии и деспотии.

Это проходило красной нитью через корреспонденцию Вас. И. Немировича-Данченко. В предисловии, написанном уже по возвращении в Россию, он говорил о Первой балканской войне как о войне «за независимость, просвещение и свободу»²⁶⁶. Данный мотив у него является ключевым. Схватка ему виделась между «всеистребительной, неспособной к настоящей культурной жизни» Турцией и народами, «воспрянувшими от векового рабства»²⁶⁷. В репортажах он утверждал: «Тут не борьба креста с полумесяцем. Отнюдь нет. Здесь свобода и просвещение выступили на последнюю битву с рабством и невежеством»²⁶⁸. В ранце болгарского солдата, по его словам, неслись «великая свобода униженным, независимость скованным в темницах современной Турции, счастье обреченным гибели (так в тексте. – Н.Г.), благополучие вольного труда замученной на благословенных

---

²⁶⁵ Брусилов А.А. Указ. соч. С. 81.

²⁶⁶ Немирович-Данченко Вас. И. Собр. соч. Т. XIV. С. VI.

²⁶⁷ Там же. С. 155.

²⁶⁸ Там же. С. 5.

небом полях райи»²⁶⁹. Для него же характерно сакральное отношение к свободе и постоянные отсылки к Священному Писанию. По его мнению, народ «толкнули в крестовый поход не банки и лавки, а свобода, равенство и братство призвали под свои священные стяги»²⁷⁰. Он писал о «крестовом походе рыцарей свободы»²⁷¹, «крестном пути к победе или смерти», «пламени любви к свободе, к новому Иерусалиму племен – независимости». «В народных толпах еще раз сошедший с креста Христос сходит во ад и божественною силою свободы побораеет его черных демонов», – казалось ему. А глядя на солдат, он думал: «Веришь, что им удастся, в конце концов, то, чего судьба не судила нам, – разбить вековые темницы славянства и из-под египетского ига вывести их в Ханаан свободы и просвещения»²⁷².

Другой частый гость на Балканах, генерал Н.Р. Овсяный, в предисловии к своей последней книге «Ближний Восток и славянство» писал: «Молодые балканские орлята разнесли своим клювом цепи рабства и создали новые условия для свободной славянской жизни»²⁷³. Согласно донесениям охранного отделения, часть населения симпатизировала союзникам, поскольку демократические страны выступили против османского абсолютизма²⁷⁴, а «сознательные, интеллигентные рабочие-социалисты» радовались турецким поражениям, поскольку порядки Османской империи были не лучше российских²⁷⁵. Вероятно, поэтому публицист Д.И. Семиз в том, что союзники «пошли под флагами свободы, культуры и истинного демократизма, флагом, под которым всегда шли и лучшие сыны

---

²⁶⁹ Там же. С. 91.

²⁷⁰ Там же. С. 43.

²⁷¹ *Немирович-Данченко Вас. И.* Собр. соч. Т. XV. СПб., 1913. С. 111.

²⁷² *Немирович-Данченко Вас. И.* Собр. соч. Т. XIV. С. 88, 89, 178.

²⁷³ *Овсяный Н.Р.* Указ. соч. С. 1.

²⁷⁴ ГАРФ. Ф. 63. Оп. 32. Ед. хр. 1346. Л. 21.

²⁷⁵ Там же. Л. 19.

России», видел надежду на то, что «в числе жандармов, охраняющих турецкую гниль, они не увидят русского брата»²⁷⁶.

Австрийский марксист Отто Бауэр считал, что «для Македонии завоевание ее Болгарией и Сербией означает буржуазную революцию, своего рода 1789 или 1848 год». С ним соглашался В.И. Ленин: «Подрыв господства феодализма в Македонии означает создание более или менее свободного класса крестьян-землевладельцев, означает обеспечение всего общественного развития балканских стран, задержанного абсолютизмом и крепостническими отношениями». Поэтому, на его взгляд, разговорами о национальном освобождении «извращается смысл и историческое значение» происходящего на Балканах, они лишь затрудняют действительное освобождение²⁷⁷. Для пояснения слов лидера большевиков стоит указать, что в Турции по-прежнему сохранялись остатки феодального строя, фактически не работала конституция, тогда как в странах Балканского союза (пожалуй, за исключением Черногории) уже сложился значительный слой свободных мелких землевладельцев.

Однако, признавая прогрессивность происходящего на полуострове, социалисты клеймили способы, какими это осуществлялось.

«Никогда и нигде “свобода” не достигалась угнетенными народами посредством войны одного народа против другого. Войны народов только усиливают порабощение народов»²⁷⁸, – писал В.И. Ленин. Поэтому, по его мнению,

---

²⁷⁶ Семиз Д.И. Сербский народ накануне войны // Славянский вопрос в его современном значении. С. 67.

²⁷⁷ Ленин В.И. Социальное значение сербско-болгарских побед. URL: <http://leninism.su/works/60-tom-22/2480-soczialnoe-znachenie-serbsko-bolgarskix-pobed.html> (дата обращения: 30.09.2019).

²⁷⁸ Ленин В.И. Позорная резолюция. URL: <http://leninism.su/works/60-tom-22/2471-pozornaya-rezolyucziya.html> (дата обращения: 30.09.2019).

балканские народы оказались одурачены своими правителями. «Сотни тысяч и миллионы наемных рабов капитала и задавленных крепостниками крестьян идут на бойню ради династических интересов нескольких коронованных разбойников, ради прибылей буржуазии, стремящейся к грабежу чужих земель»²⁷⁹, — гласила листовка РДСРП, распространенная с началом войны. В декларации социал-демократической фракции Государственной Думы заявлялось: «Мы вместе с балканскими социалистами с негодованием отвергаем политику династических и хищнических интересов балканских реакционеров, связывающих исторически необходимое дело возрождения Балкан с кровавой бойней». Такой путь, говорилось в этом зачитанном с трибуны документе, в дальнейшем приведет лишь к ослаблению сопротивления эксплуататорам и усилению гнета трудящихся²⁸⁰. В. Водовозов утверждал в близком к социалистам «Современнике», что плоды народных побед достанутся правителям²⁸¹. О том же писала оппозиционная самарская газета «Волжское слово»: «В балканской войне освободительные цели славянских народов смешались с завоевательными целями славянских правительств»²⁸².

Примечательно, что к этой позиции (хотя и без социалистического «обрамления») был близок и князь В.П. Мещерский, придерживавшийся консервативных взглядов и близкий ко двору. О захватнических интересах, а не об освободительных мотивах союзников писала издаваемая им газета «Гражданин»²⁸³.

---

²⁷⁹ *Троцкий А.* Указ. соч. С. 332.

²⁸⁰ *Самойлов Ф.Н.* По следам минувшего. М., 1954. С. 225–226.

²⁸¹ *Водовозов В.* Указ. изд. С. 339.

²⁸² Цит. по: *Артамонова А.М.* Критика внешней политики правительства на Балканах и антивоенные выступления в самарской печати 1912–1913 годов // Внешнеполитические интересы России: история и современность / отв. ред. А.Н. Сквозников. Самара, 2014. С. 13.

²⁸³ *Котов Б.С.* Указ. соч. С. 151.

Но в данном случае необходимо учитывать, что князь считал необходимым для России сближение с Центральными державами, а отношение к Австро-Венгрии имело обратную корреляцию с отношением к южному славянству. И одновременно с ним соглашался настроенный резко против империи Габсбургов юрист, стоявший на монархических позициях, Б.В. Никольский. 1 октября он записал в дневнике: «Стараются сделать что-то героическое из кровопролитного шантажа... эти шакалы воют, зубы оскалены, шерсть дыбом, – почуяли кровь и мертвечину»²⁸⁴.

Ту же точку зрения выражал Л.Д. Троцкий, говоря, что балканские союзники суть «правящие на Балканах династии и династические клики»²⁸⁵, утверждая, что на втором этапе Балканской войны, весной 1913 г., лишние жертвы вынуждены приносить народы, поскольку «у мелких балканских династий разыгрались аппетиты» и они стремятся урвать кусок Турции побольше²⁸⁶. По его мнению, важнейшее значение событий – «исторически-прогрессивное дело» освобождения македонского крестьянства «из феодально-помещичьей кабалы» – было извращено, поскольку этим занялись силы, преследовавшие сугубо «свои корыстные, династическо-завоевательные и буржуазно-хищнические интересы»²⁸⁷. В другой статье он констатировал, что борьба балканских народов за свое будущее ведется в «насильственных условиях», созданных европейскими державами²⁸⁸. Соглашался с этой точкой зрения эсер В.М. Чернов, говоря, что прогрессивным народным делом на Балканах «овладел династический империализм. Именно он разжег “войну-восстание” до крайних пределов зоологической национальной

---

²⁸⁴ Никольский Б.В. Дневник. 1896–1918 / изд. подгот. Д.Н. Шилов, Ю.А. Кузьмин. Т. 2: 1904–1918. СПб., 2015. С. 105.

²⁸⁵ Троцкий Л. Указ. соч. С. 207.

²⁸⁶ Там же. С. 229.

²⁸⁷ Там же. С. 238.

²⁸⁸ Там же. С. 108.

ненависти; именно он осложнил ее элементами своекорыстного государственного национализма»²⁸⁹.

На династический характер войны указывала редакция журнала «Современник» в примечании к статье О. Бауэра о балканских событиях²⁹⁰. По ее мнению, этот важный аспект был им ошибочно упущен. Примечание возмутило М. Горького, писавшего редакции журнала: «Это – явный бред». И далее он выражал мысли, крамольно расходившиеся с мнением лидера большевиков: «Подобного рода заявления – смехотворны и унижают журнал. Особенно неловко и стыдно встретить указание на “династический смысл” войны – это уж мысль политика из Чухломы, она уместна лишь в журнале юмористическом»²⁹¹.

«Вестник Европы» приводил мнение французских и болгарских социалистов, также заявлявших о династическом характере войны²⁹², но, не соглашаясь с ними, цитировал болгарского царя Фердинанда: «Если бы я противился войне, я, наверное, лежал бы головой на тротуаре»²⁹³. Подтверждал это и Вас. И. Немирович-Данченко: «Свободный и грамотный народ <...> никакими династическими интересами или проблематическими выгодами государственного эгоизма его бы не поднять на современный крестовый поход»²⁹⁴. Л.Д. Троцкий, вступая в противоречие с самим собой, писал в «Киевской мысли»: «Война сейчас здесь несомненно крайне популярна, армия – а здесь мобилизованная армия есть действительно народ – хочет войны»²⁹⁵. Очевидец

---

²⁸⁹ Чернов В. Первые дебюты Четвертой Думы // Заветы. 1913. № 2. С. 15.

²⁹⁰ Бауэр О. Борьба за Албанию // Современник. 1913. № 5.

²⁹¹ Литературное наследство. Т. 95. С. 557.

²⁹² Вестник Европы. 1913. № 1. С. 322.

²⁹³ Там же. С. 324.

²⁹⁴ Немирович-Данченко Вас. И. Собр. соч. Т. XV. С. 172.

²⁹⁵ Троцкий Л. Указ. соч. С. 109.

Н.П. Мамонтов считал, что «Балканские народы *потребовали* (выделено автором. – Н.Г.) войны. Правительства вынуждены были им уступить»²⁹⁶. Еще за несколько недель до начала боевых действий газета «Терские ведомости» писала: «Болгарское правительство должно выбирать одно из двух: или внешнюю войну, или внутреннюю революцию»²⁹⁷. В связи с этим неизбежно возникает вопрос о том, каково же в реальности было отношение к войне внутри самих стран-участниц. Однако в любом случае представление о народном требовании войны было крайне выгодным для правительств балканских государств, что приводит к другому вопросу: пытались ли они создать в России представление о событиях на Балканах в нужном им ключе?

---

²⁹⁶ Мамонтов Н.П. Указ. соч. С. 8.

²⁹⁷ Терские ведомости. 1912. 19 сент.

ГЛАВА II

Почему София и Белград
боролись за поддержку
со стороны русского общества 165

Создание «нужного»
представление войны на Балканах 177

Жестокие «чужие»
и гуманные «свои» 178

Справедливая война,
требуемая народом 190

Борьба за территориальные
приобретения при помощи
русского общества 205

Сербское наступление:
желание выхода к Адриатике,
едва не приведшее
к европейской войне 208

Черногорское наступление:
давление через
уличные манифестации 240

Битва за Македонию 258

Диспозиция 261

«Сражение» 287

Имело ли смысл это давление? 318

Глава II

БОРЬБА БОЛГАР И СЕРБОВ ЗА РУССКИЕ СИМПАТИИ В 1912–1913 гг.

ПОЧЕМУ СОФИЯ И БЕЛГРАД БОРОЛИСЬ ЗА ПОДДЕРЖКУ СО СТОРОНЫ РУССКОГО ОБЩЕСТВА

Еще до начала боевых действий на Балканах европейская, включая и российскую, дипломатия настаивала на сохранении статус-кво. Россия этим преследовала две цели. Во-первых, она тем самым хотела защитить страны Балканского союза, поскольку редкие аналитики предрекали их победу. Однако в силу данного условия противники Турции даже в случае своей победы оставались бы без территориальных приобретений. Во-вторых, параллельно мог усилиться другой антагонист южного славянства – Австро-Венгрия. Так, газета «Утро России» предполагала создание ряда автономных областей под номинальной властью султана, которые в конечном счете, подобно Боснии и Герцеговине, оказались бы под протекторатом Вены¹. Придерживаясь принципа сохранения довоенных границ, в Петербурге стремились избежать продвижения на юг империи Габсбургов.

Для достижения желаемого членам Балканского союза было необходимо воздействовать на правительства великих держав и попытаться заставить их проявить благосклонность к своим требованиям, для чего следовало использовать

---

¹ Котов Б.С. Политика Австро-Венгрии во время Балканских войн 1912–1913 годов в оценках российской прессы // Новая и новейшая история. 2019. № 4 (Т. 63). С. 72.

европейское общественное мнение². Как верно отметила отечественный историк Е.Г. Кострикова, «сами балканцы надеялись на воздействие общества на политику»³.

Эти надежды не представляли никакого секрета, и сербский премьер Никола Пашич откровенно говорил корреспондентам: «Мы слишком маленькие народы, чтоб иметь право игнорировать общественное мнение больших государств»⁴. Ему вторил в сербском издании своей книги «О сербских битвах» русский журналист сербского происхождения И.П. Табурно: «Ни одно государство, как бы оно сильно ни было, тем более если, как в случае с Сербией, малое государство, не может игнорировать настроение общественного мнения европейских народов»⁵. То же самое А.Д. Троцкий слышал и от политиков в Софии: «Собственными силами

---

² Примечательно, что ранее болгарские участники неославистского движения в поиске опоры для решения македонского вопроса ориентировались именно на официальные круги. Поэтому они публично оценивали польский вопрос как внутреннее дело России, тем самым дистанцируясь от российских либералов (*Трифонов Е.К.* Болгарская общественность и неославистское движение: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1997. С. 15). Но в 1912 г. именно у последних можно было искать поддержку.

³ *Кострикова Е.Г.* Русская пресса и дипломатия накануне Первой мировой войны 1907–1914. М., 1997. С. 141.

⁴ *Троцкий А.* Перед историческим рубежом. Балканы и Балканская война. СПб., 2011. С. 213.

⁵ *Стојић Б.* Први балкански рат у очима француског јавног мњења // Први балкански рат 1912/1913. године: Друштвени и цивилизацијски смисао (поводом стогодишњице ослобођења Старе Србије и Македоније 1912). Књ. I / приред. А. Растовић. Ниш, 2013. С. 344. Стоит отметить, что уточняющих слов про Сербию нет в русском оригинале книги (*Табурно И.П.* О сербских битвах (впечатления очевидца войны сербов с турками 1912 г.). СПб., 1913. С. 125).

мы, ведь, турок из Европы все равно не выгоним, – это пустяки. Значит, нам остается только моральную ценность наших возможных успехов учесть как можно раньше»⁶.

Все это прекрасно осознавалось и русскими публицистами. Так, со страниц «Вестника Европы» звучало предупреждение, что страны Балканского союза даже в случае разгрома противника не смогут воспользоваться плодами своих побед и все равно окажутся в зависимости от воли держав⁷. И надежды здесь возлагались не на дипломатов. По справедливой оценке Вас. И. Немировича-Данченко, «тогда общественное мнение Европы сыграет, может быть, гораздо более важную роль, чем ее политические аптекари со своими для живых народных ран гуммозными пластырями»⁸.

Таким образом, в начале Первой балканской войны перед Болгарией и Сербией стояла одна общая цель – доказать невозможность сохранения своих соплеменников под властью султана, необходимость изменения границ на полуострове. Потому в данный период еще не стоит разделять сторонников Софии и Белграда. При этом балканские союзники прекрасно понимали, что важнее всего – создание нужного впечатления именно в русском обществе. Англия и Франция являлись второстепенными площадками, поскольку принудить эти державы защищать во вред себе (у них с Турцией были свои отношения) интересы славян представлялось практически нереальным.

Не скрывали, к кому обращены взоры, и на Балканах. Н. Пашич говорил русскому корреспонденту: «Мы ждем от нашей могущественной покровительницы одного “твердого и решительного слова”», и «поднятая к северу от Дуная

---

⁶ Троцкий Л. Указ. соч. С. 120.

⁷ Кострикова Е.Г. Первая Балканская война и российское общество. Корреспонденты русских газет на театре военных действий // Први балкански рат 1912/1913. године... С. 476.

⁸ Немирович-Данченко Вас. И. Собр. соч. Т. XIV. СПб., 1913. С. 42.

шумиха умолкнет, когда Россия заговорит достойным ее голосом»⁹. А у Н.И. Гасфельда глава сербского правительства интересовался, «какое впечатление производят в России успехи славян»¹⁰. Наследник престола Александр Карагеоргиевич спрашивал у прибывшего из России журналиста: «Что делается в России, как настроено ваше общество, знает ли народ о том, что бросило его южных братьев в этот крестовый поход?»¹¹ Уже в марте 1913 г. болгарский генерал Р. Димитриев говорил на торжественном обеде у М.В. Родзянко, поднимая бокал, что ныне славянские народы просят Россию, чтобы она отстранила «все чуждые, вредные влияния» и предотвратила «своею мощною рукой... всякую возможность недоразумений между славянами». В частной беседе представители Софии были даже более откровенны: «Вы не представляете себе, как велико обаяние России на Балканах, с каким доверием и с какой надеждой славяне смотрят на Россию, как боятся ее в Европе. Теперь или никогда Россия должна себя показать»¹².

К поддержке призывали и представители русского общества. «И сербам, и болгарам нужна только моральная защита России, наше твердое, решающее слово»¹³, – писал Вас. И. Немирович-Данченко.

Вдобавок интересы России, как их понимали определенные круги русского общества, совпадали в данной ситуации с желаниями балканских союзников.

В первых числах июля 1912 г. Софию посетил А.И. Гучков. Под предлогом деловой поездки он прибыл проверить циркулировавшие в Петербурге слухи о подготовке славянских государств к войне с Турцией. После разговоров с представителями

⁹ Там же. С. 28–29.

¹⁰ *Шевалье Н.* Правда о войне на Балканах. СПб., 1913. С. 48.

¹¹ *Немирович-Данченко Вас. И.* Собр. соч. Т. XIV. С. 29.

¹² *Родзянко М.В.* Крушение империи. Л., 1929. С. 73.

¹³ *Немирович-Данченко Вас. И.* Собр. соч. Т. XIV. С. 5.

правлящих кругов Болгарии он сообщил посланнику в Софии А.В. Неклюдову, что грядущая война не только неизбежна, но и желательна. Дипломат напомнил А.И. Гучкову, что, по его словам, сказанным самому же А.В. Неклюдову четыре месяца назад, Россия абсолютно не готова к войне и эта война принесет стране погибель. На это он в ответ услышал: «Да, это правда, но разве мы всю нашу современную историю когда-нибудь были готовы к событиям?.. Более того <...> славянские государства не будут ждать концентрации наших войск. Вы, месье Неклюдов <...> не были бы счастливы, если бы ваше имя стали связывать с окончательным решением вопроса проливов в нашу пользу?» Затем А.И. Гучков отправился в Белград, где был принят на высочайшем уровне. В его честь дали званный обед, а провожали на вокзале гостя все сербские министры с Н. Пашичем во главе, мэр Белграда, российский посланник Н.Г. Гартвиг. Встретившись в поезде с А.В. Неклюдовым, А.И. Гучков стал рассказывать о настрое сербского общества на войну, но «умолчал о том, что́ говорил и проповедовал сербам»¹⁴. Как утверждает отечественный исследователь Е.Г. Кострикова, в ходе своего визита лидер октябристов убеждал балканских политиков и представителей общественности в том, что Россия в решающий момент не оставит славян без поддержки¹⁵. Это точка зрения подтверждается следующими действиями политика.

В Петербург А.И. Гучков привез сведения о создании военного союза четырех государств и об их целях. По данным охранки, лидер октябристов поделился информацией с главой МИДа, «но таковой отнесся, будто бы, к этому сообщению скептически и сделал вид, что не придает ему никакого

---

¹⁴ *Nekludoff A.* Diplomatic reminiscences before and during the World War, 1911–1917. London, 1920. P. 98–100.

¹⁵ *Кострикова Е.Г.* Геополитические интересы России и славянский вопрос: Идеиная борьба в российском обществе в начале XX века. М., 2017. С. 225.

значения»¹⁶. После этого Александр Иванович написал главе болгарского парламента С. Даневу о своих визитах. По его словам, С.Д. Сазонов и В.Н. Коковцов не отрицали серьезности положения, но верили, что «благоразумие возьмет верх». Они считали, что Россия «не в состоянии, да и не должна» вмешиваться в балканские события, если, однако, не будет поставлен вопрос о проливах. Пытаясь умирить пыл визитера, они сказали, что «энтузиазма к вашему делу нет и в общественном мнении»¹⁷.

Это не обескуражило лидера октябристов, и он предоставил свои сведения газетам «Новое время» и «Голос Москвы», которые начали «сочувственную южным славянам кампанию»¹⁸. В августе А.И. Гучков послал Н. Пашичу телеграмму «Остаетесь ли при прежнем решении? Бог в помощь!»¹⁹. Тем

---

¹⁶ При этом в своих воспоминаниях С.Д. Сазонов утверждает: «Нам было известно через приезжавшего в 1911 году в Россию г-на Данева о настроениях, господствовавших в Болгарии и подтверждавших нас в мысли о неизбежности в ближайшем будущем новых осложнений на Балканах». Войну славян с Турцией он называет также «неизбежной» (*Сазонов С.Д.* Воспоминания. Минск, 2002. С. 57). Однако здесь мы видим, скорее, ретроспективный взгляд и попытку оправдать собственные неудачи, поскольку осенью 1912 г. в МИДе до последнего старались сохранить мир, а Балканский союз создавали отнюдь не для борьбы с Турцией. Но подготовка Болгарии и Сербии к вооруженному выступлению против Османской империи не могла пройти незамеченной, хотя и, как будет показано далее, посланник в Белграде пытался доказать несостоятельность ожиданий войны.

¹⁷ *Данев С.* Мемоари. София, 1992. С. 141.

¹⁸ Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 102. Оп. 121. 4-е делопроизводство. 1912 г. Ед. хр. 278. Л. 27об.–28.

¹⁹ Международные отношения в эпоху империализма. Документы из архивов царского и временного правительств. 1878–1917. Сер. вторая. 1900–1913. Т. 20. Ч. II. 14 августа – 17 октября 1912 г. Л., 1940 (далее – МОЭИ). С. 158.

самым правительства балканских государств получали некоторую уверенность в возможной защите. Но на заверения полагаться не стоило, и следовало действовать самим.

Для успешного осуществления давления на русское правительство требовалось расположить к себе людей, формирующих картину событий в умах общества, – журналистов. Для этих целей не обязательно было прибегать к прямому подкупу или запугиванию, ведь многих можно было очаровать, и их окружали всяческой заботой, ожидая взамен благодарности. Сотрудник «Русского слова» И.Н. Калина (Кашинцев) писал в редакцию: «Здесь, в Болгарии, меня, напротив, постоянно упрекают в недостаточном болгарофильстве, нередко с возмущением цитируют выдержки из моих корреспонденций, ставят мне в пример всех других русских корреспондентов»²⁰. При этом, чего не упомянул журналист, болгары винили его и в самом сотрудничестве с этой газетой, которую считали «сербофильским листком»²¹.

Руководители стран были не просто открыты для журналистов и общественных деятелей. 20 декабря 1912 г. П.Н. Милюков отправился в поездку по Балканам по маршруту Вена–Белград–Скопье–Белград–София–Салоники–Белград–Вена–Прага–Берлин–Петербург, завершившуюся 20 января 1913 г.²² Своему старому знакомому И. Шишманову он отправил емкую телеграмму: «Я в дороге на Балканы, сначала в Белград, потом к вам. Ругани за свою позицию не боюсь»²³. В сербской столице за несколько дней П.Н. Милюков

---

²⁰ Цит. по: *Кострикова Е.Г.* Российское общество и внешняя политика накануне Первой мировой войны 1908–1914. М., 2007. С. 252.

²¹ *Шелудко Н.* Иван Николаевич Кашинцев (Калина) // Исторически преглед. 1967. Кн. 3. С. 109.

²² ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Ед. хр. 3541. Л. 1.

²³ Научен архив на Българската академия на науките (далее – НА-БАН). Ф. 11К. Оп. 3. А. е. 968. Л. 48.

успел встретиться и поговорить с Н. Пашичем, С. Протичем, А. Пачу и Н.Г. Гартвигом²⁴. В Софии его ждали с нетерпением, старый знакомый лидера кадетов И. Шишманов отправил ему почтовую открытку, в которой просил сообщить о дате приезда в болгарскую столицу²⁵. 1 января лидер кадетов встретился с политиками А. Малиновым и Т. Теодоровым, на следующий день – с журналистами И.Н. Калиной и В. Викторовым-Топоровым, 3-го – был в гостях у И. Шишманова, а 4-го – у А.В. Неклюдова²⁶.

В Софии царь Фердинанд сам предложил П.Н. Милюкову встретиться. Беседа проходила в зоологическом саду, где болгарский монарх хранил свою орнитологическую коллекцию. У лидера кадетов суть разговора в памяти не сохранилась, поскольку он носил «преимущественно комплиментарный характер»²⁷. Вторая их встреча была уже официальной. Фердинанд произнес блестящую, заранее продуманную речь. «Я вспомнил, как кто-то мне говорил, что если Фердинанд хочет кого-нибудь очаровать, то он это умеет делать», – писал П.Н. Милюков. Затем привели наследника престола в сопровождении его учителя, русского священника. В конце монарх перешел к сути: «Убедите царя уступить мне Родосто»²⁸. Это желание болгарского монарха, видимо, было сильным. И. Шишманов прислал российскому политику конфиденциальное письмо, передававшее информацию от начальника тайного кабинета царя Добровича. Сообщалось, что Фердинанд рекомендует гостю из России встретиться с министром Христовым²⁹.

---

²⁴ ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Ед. хр. 3541. Л. 3–9.

²⁵ Там же. Ед. хр. 6230. Л. 39.

²⁶ Там же. Л. 60.

²⁷ Милюков П.Н. Воспоминания (1859–1917). Нью-Йорк, 1955. С. 121.

²⁸ Там же. С. 126–127.

²⁹ Видимо, Д. Христов – в тот момент министр земледелия и государственного имущества.

«Я думаю, что лучше сделаете, если пожертвуете Спалайковичем³⁰ и другими визитами для рекомендации царя (которого, очевидно, Вы обворожили)»³¹, – добавил от себя профессор. П.Н. Милюков отметил в мемуарах: «Поздно вечером того же дня (рано утром я уезжал) ко мне явился в гостиницу близкий к Фердинанду министр Христов с секретным поручением, подтверждавшим просьбу о Родосто, и передал мне на память портрет Фердинанда в большой раме, с его подписью... Понятно, что я никаких шагов в этом направлении не предпринимал»³².

Помимо этого П.Н. Милюков встретился с болгарским премьером И. Гешовым³³, который вместе в А.В. Неклюдовым 6 января на вокзале проводил лидера кадетов, отправлявшегося далее в Салоники³⁴. Там он сначала встретился в болгарским посланником Х. Хесапчиевым и политиком А. Ляпчевым³⁵. Затем ему оказывал знаки внимания сербский наследник престола. Их беседа проходила в специальном вагоне, Александр говорил по-русски и был любезен с Милюковым, много говорил о Македонии, хвалил красоты ее природы. В Скопье будущего «врага» Сербии пригласили на собрание по поводу приезда воеводы Р. Путника, и Александр Карагеоргиевич распорядился подвести к нему русского гостя. Сам Милюков признал, что разговора в такой толпе и получиться не могло, «это был простой знак внимания»³⁶.

---

³⁰ М. Спалайкович – сербский дипломат; во время Балканских войн – посланник в Софии, затем до 1919 г. – посланник в Петербурге (Петрограде).

³¹ ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Ед. хр. 6230. Л. 40.

³² Милюков П.Н. Указ. соч. С. 126–127.

³³ ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Ед. хр. 3541. Л. 28.

³⁴ НА-БАН. Ф. 11К. Оп. 3. А. е. 968. Л. 49об.; ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Ед. хр. 3541. Л. 36.

³⁵ ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Ед. хр. 3541. Л. 36–38.

³⁶ Милюков П.Н. Указ. соч. С. 128–129.

Далее у российского политика состоялся повторный разговор с Н. Пашичем, и по дороге в Россию уже на территории Австро-Венгрии – беседы с К. Крамаржем и Т.Г. Масариком³⁷.

Когда сотрудники российских газет Н.П. Мамонтов и В.Н. фон Дрейер по дороге от Чаталджи к Софии оказались в Пловдиве, их позвала к себе находившаяся там болгарская царица Элеонора. Беседа была бессодержательна, но важнее наряд монаршей особы – та вышла «в полковничьем мундире шефского полка Ея Величества поверх шерстяного серого платья». На прощание она подарила обоим по подписанной своей фотографии и сказала: «Я искренне благодарю русскую прессу за ее сочувствие нашему великому делу и за поддержку его перед русским обществом»³⁸.

Различными способами проявляли знаки внимания не только власти предрежащие. Вблизи фронта корреспондент А.А. Пиленко не мог отправлять телеграммы, поскольку линия связи была занята военными сообщениями. Но он встретил знакомого, даже обедавшего у него в гостях³⁹, бывшего премьер-министра Болгарии Н. Генадиева и пожаловался ему. Тогда тот «настроил начальнику станции любезное письмо: “Так и так, важные депеши, Пиленко *симпатизирует болгарской каузе* (курсив наш. – Н.Г.), пожалуйста, поскорей” и т.д.»⁴⁰. Затем А.А. Пиленко попросил аудиенции у командующего 3-й армией Р. Димитриева, на которой ходатайствовал о содействии.

«Да, – сказал генерал, – недостаточно одерживать победы; нужно еще, чтобы о них знали. Так учил сам Наполеон». И выдал записку, согласно которой телеграммы в «Новое

³⁷ ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Ед. хр. 3541. Л. 46–49.

³⁸ Мамонтов Н.П. С болгарскими войсками от Балкан до Чаталджи. М., 1913. С. 169–170.

³⁹ Пиленко А.А. Около Болгарской войны. Дневник и сорок девять любительских фотографий. СПб., 1913. С. 40.

⁴⁰ Там же. С. 99.

время» должны были пропускать после посылаемых монарху и в штаб армии, «ранее телеграмм дивизионных», как подчеркнул А.А. Пиленко. Затем же Р. Димитриев предоставил свой автомобиль для доставки текстов телеграфистам в Лозенград⁴¹. Позднее у того же корреспондента исчерпался его счет на телеграфе, и чиновник Топузов, когда ему сообщили об этом, отдал приказ отправлять телеграммы Пиленко под его ответственность⁴².

Так все же привечали лишь во время побед. Разочарование в своей неудаче при Чатаалдже военные выплеснули и на корреспондентов. «Любезное отношение членов штаба к корреспондентам сменилось нескрываемым недовольством, что они сами еще не догадались уехать», – вспоминал Н.П. Мамонтов. Вскоре после этого он вместе с В.Н. фон Дрейером сообщил командованию о своем намерении покинуть армию, и их «никто особенно не удерживал». Но на прощание они встретились с Р. Димитриевым, который сказал: «Вы видели многое, вы могли оценить нашего дивного солдата, – теперь вы можете поведать о нем нашим братьям в Великой Руси. С Богом»⁴³.

Менее дипломатичный и более своенравный черногорский король действовал грубее. Российский посланник в Цетинье сообщал, что русские корреспонденты, находившиеся в Черногории, писали «едва ли не под диктовку» черногорского двора, чтобы поддержать «в известной части русского общества желательное королю Николаю настроение»⁴⁴.

⁴¹ Там же. С. 100–101.

⁴² Там же. С. 140.

⁴³ Мамонтов Н.П. Указ. соч. С. 159–160.

⁴⁴ Хлебникова В.Б. К вопросу о месте династических связей России и Черногории во внутренней и внешней политике на рубеже XIX–XX вв. // Императорский дом Романовых и Балканы / отв. ред. В.Б. Каширин. М., 2014. С. 297; Она же. Роль династических связей России и Черногории в выстраивании политического сотрудничества на рубеже XIX–XX веков // Славяноведение. 2015. № 1. С. 39.

Схожая ситуация сложилась во взятом сербами Скопье. «Ежедневные реляции, составляемые сербским Pressebureau по поручению “верховой команды” и подносимые два раза в день корреспондентам, были не только далеки от истины, но по своей фантастичности, по смелости, с которой они составлялись, граничили с насмешкой», – писал русский очевидец. При этом, как указывал он, реальность была очевидной: «Но какая разумная цель побуждала сербов ежедневно сочинять бюллетени о покорности и преданности албанцев Ускюбского санджака, о твердой власти и порядке в сфере военного управления сербской армии, когда каждый из тех, для кого сочинялись эти сообщения, видел своими глазами совершенно обратное»⁴⁵.

Многих корреспондентов разочаровывала и болгарская политика в области цензуры. Вас. И. Немирович-Данченко считал, что болгарские генералы оказались «близорукими и односторонними государственными людьми», «играющими в руку Австрии и Германии», поскольку они не дали иностранным журналистам узреть подвиг народа, «отняли у своего народа счастье быть оцененным и вознесенным на невиданную высоту». При этом он указывал на то, какую роль пресса сыграла в истории Болгарии, начиная хотя бы с американского журналиста Я. Мак-Гахана, рассказавшего Европе о жестокости подавления Апрельского восстания 1876 г.⁴⁶

На симпатии журналистов мог повлиять и просто случай. Е.Н. Чириков описал свою встречу при отъезде из Лозенграда в Димотику с двумя корреспондентами:

«Оба возмущены недоверием, пылают жадой мести и грозят, по приезде в Россию, разоблачениями <...> Оба одеты в русскую офицерскую форму, с кокардами и никелированными шпорами <...>

---

⁴⁵ Шевалье Н. Указ. соч. С. 72–74.

⁴⁶ Немирович-Данченко Вас. И. Собр. соч. Т. XIV. С. 210–211.

– Меня, бывшего офицера русского генерального штаба, лишают права обедать при главной квартире с болгарскими офицерами! И это в то время, когда я, имея возможность напакостить, старался поднять дело Болгарии... Я считаю это личным оскорблением! Как только я перееду границу, покажу им!»⁴⁷. Е.Н. Чириков не уточнил, кто это. Но, по всей видимости, указанными лицами являлись возвращавшиеся в Софию В.Н. фон Дрейер и Н.П. Мамонтов. Последний, действительно, описывает такую ситуацию. Сотрудник заместителя главнокомандующего генерала М. Савова полковник Нерезов, оставшийся временным начальником штаба, «предложил» ему и В.Н. фон Дрейеру не посещать штабной столовой, «куда были допущены испанские офицеры, кинематографщик от Патэ и какие-то весьма подозрительные маркитанты». Корреспонденты покорились и столовались на базарной площади с погонщиками аробных транспортов, угостившими их вином и устроившими «чисто-сердечную овацию»⁴⁸. Из обоих офицеров лишь полковник В.Н. фон Дрейер был сотрудником Генерального штаба, соответственно, именно он обещал Е.Н. Чирикову «показать» болгарам. После Второй балканской войны выйдет его книга «Разгром Болгарии», где та будет представлена отнюдь не в положительном виде.

СОЗДАНИЕ «НУЖНОГО» ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О ВОЙНЕ НА БАЛКАНАХ

Для того чтобы привлечь европейскую, и прежде всего русскую, общественность на свою сторону, чтобы вызвать такое отношение к своему делу, какое было бы способно

⁴⁷ Чириков Е.Н. Поездка на Балканы. Заметки военного корреспондента. М., 1913. С. 103.

⁴⁸ Мамонтов Н.П. Указ. соч. С. 164.

повлиять на правительства, требовалось создать соответствующий образ войны – борьбы всего народа, руководствуемого благородными и высокими мотивами, с утрированно жестоким противником-варваром, вызывающим оторопь и возмущение. Все это понималось в балканских столицах, и в нужном направлении стали прикладываться усилия.

ЖЕСТОКИЕ «ЧУЖИЕ» И ГУМАННЫЕ «СВОИ»

«Исторически более устойчива оценка противника по критерию “цивилизованности”: враг почти всегда “варвар”»⁴⁹, – писала отечественный исследователь Е.С. Сеньявская. Исключением не стали и события 1912–1913 гг. на Балканах. Для балканских союзников первоочередной задачей являлось создание такого демонического образа Турции, что обыватель, прочтя газеты, обрушивал бы праведный гнев на свое правительство, смеющее защищать столь ужасный порядок жизни на Балканах.

Противники Османской империи воспользовались классическим, проверенным многократно, в том числе и в 1876 г., способом – предъявили общественности свидетельства зверств турок над мирным населением, благо недостатка в этом материале не ощущалось.

Русские газеты пестрели рассказами о творившемся на полуострове насилии. Нельзя считать писавших об этом журналистов агентами какой-либо стороны, поскольку размах жестокости на полуострове был действительно огромен. В силу этого в рамках данной работы и не может стоять задачи подробно осветить указанный аспект войны, но необходимо указать на некоторые моменты.

---

⁴⁹ Сеньявская Е.С. Противники России в войнах XX века: Эволюция «образа врага» в сознании армии и общества. М., 2006. С. 22.

Уже в самом начале конфликта «Русские ведомости» передавали мнение английской печати, заявлявшей, что грядущая война будет такой же, как и Тридцатилетняя, – жестокой и беспощадной к солдатам и мирным жителям⁵⁰.

Н.П. Мамонтов со слов жителей Мустафы-паши (ныне – Свиленград) утверждал, что еще до начала боев турки забирали в заложники в Адрианополь две тысячи священников, учителей и других христиан – представителей интеллигенции. «Их сейчас жгут факелами, под кожу вбивают гвозди, кипятком ошпаривают, соленой водой поят – мстят на них за падение Лозенграда»⁵¹, – писал корреспондент. Он же сообщал, что, отступая, турецкая армия вела себя так, будто уже и не думала вернуться в эти земли, в том числе отравляя колодцы скинутыми в них трупами⁵². А.А. Пиленко рассказывал читателям о судьбе селения Айвали, в которое турки вошли, вернув его с боем. Уточнив, действительно ли жители торжественно встретили болгар, увидев, что ни у одного мужчины нет фески, разделили население по половому признаку и расстреляли его сильную часть⁵³. Известия о разгроме этого поселения дошли и до провинциальной печати⁵⁴.

Журнал «Родина» передавал угрозу коменданта Адрианополя Шукри-паши, согласно которой тот «в случае взятия Адрианополя славянами прикажет вырезать всех христиан»⁵⁵. Освещены несколько раз турецкие зверства были и в журнале «Сатирикон», в том числе в передовице. Преподносились они чаще всего как проявление цинизма «больного человека Европы»: изображены окровавленные

---

⁵⁰ Русские ведомости. 1912. 4 окт.

⁵¹ Мамонтов Н.П. Указ. соч. С. 65.

⁵² Там же. С. 154.

⁵³ Пиленко А.А. Указ. соч. С. 64.

⁵⁴ Нижегородский церковно-общественный вестник. 1912. 11 нояб. С. 1149.

⁵⁵ Родина. 1913. 10 фев. С. 4.

трупы, на которые указывает дипломату в очках и цилиндре турок в феске. Под рисунком подпись: «Обиженная Турция: Видите, г. дипломат, как они не уважают нас и до чего не признают нашего господства: им даже лень встать при моем появлении»⁵⁶. Если такая трагическая тема освещалась в юмористическом издании, то можно утверждать, что кровавые картины с Балкан не представлялись чем-то из ряда вон выходящим, это казалось страшным, однако не шокирующим, а уже привычным и обыденным. И действительно, очевидец всего этого, добровольный участник войны В.С. Везенков, именовавший жестокость отступающей армии султана для нее «обычными бесчинствами»⁵⁷.

Совершенные турками зверства болгары старались использовать, предъявляя их иностранным корреспондентам как неоспоримые доказательства турецкой «дикости». Устраивались даже «экскурсии» по таким местам.

26 октября 1912 г. начальник штаба 3-й армии полковник К. Жостов от имени командующего попросил Н.П. Мамонтова ознакомить иностранных корреспондентов с «официальным документом о турецких зверствах – рапортом генерала Христова о сожженных турками селах Мехелин, Ювалия и Азбоа». После этого журналистов пригласили для посещения Азбоа. Туда поехали сам Н.П. Мамонтов с В.Н. фон Дрейсером, двое французов и двое англичан. Там им продемонстрировали убитого прикладом грудного младенца, развалины сгоревшей церкви, под обрушившейся кровлей которой находилось до 60 человек, связанных по рукам и ногам телеграфной проволокой. При этом упор делался на то, что совершенно все это было не иррегулярными частями или разбойниками, а батальоном низама (регулярной армии), расквартированным в Константинополе, которым до войны командовал германский

⁵⁶ Сатирикон. 1912. 14 сент.

⁵⁷ Везенков. Энвер-бей под Шаркиоем // Военный сборник. 1914. № 7. С. 106.

инструктор. Тем самым ясно давали понять, что увиденное корреспондентами – не единичный случай, а эпизод систематического истребления христианского населения.

А.А. Пиленко таким же образом посетил селение Айвали, где заметил, что жертв устроенной турками резни долго не хоронили, и у него «проскочила мысль», что болгары рассуждали следующим образом: «Если уж убито 167 женщин, стариков и детей, так “пусть от этого будет какая-нибудь польза для святого дела освобождения”; пусть их увидит возможно большее количество проходящих солдат, докторов, корреспондентов»⁵⁸. Местные жители ему «помогли», вытащив из груды тел грудного младенца месяцев десяти и положив его на солнце возле стены, «чтобы удобнее было фотографировать», а затем, словно предлагая, сообщили: «Еще есть священник убитый»⁵⁹.

Как видим, до общественного мнения европейских стран старались донести картины зверств, чинимых турками над местным населением. Говорилось много и о неблагодарном коварстве подданных султана, например приводились описания убийств турками врачей, только что оказавших им помощь⁶⁰.

В то же время довольно сложной оказалась ситуация с отношением к пленным туркам и мусульманскому населению региона. Тут союзники стремились преподнести себя благородными рыцарями – создавали образцово-показательные условия содержания вчерашних противников, что и предъявляли корреспондентам. Журналистам даже запрещали снимать турок за работой, чтобы в Европе не сказали, что болгарское правительство дурно обращается с ними – «навоз заставляет возить»⁶¹. В итоге в прессе писали о размещении пленных в казармах, откуда под дождь выводили болгарские

---

⁵⁸ Пиленко А.А. Указ. соч. С. 62.

⁵⁹ Там же. С. 68.

⁶⁰ Немирович-Данченко Вас. И. Собр. соч. Т. XIV. С. 114.

⁶¹ Троцкий Л. Указ. соч. С. 134.

части⁶², о том, как ополченцы делились с вчерашним врагом хлебом, угощали табаком⁶³. Корреспондент «Русской мысли» наблюдал болгарина, ведущего пленного раненого турка: «На нож шли. Я его, а он меня... Вот теперь веду. Вместе рядом и в госпиталь ляжем. Он мне кум теперь»⁶⁴. И сами сдавшиеся турки рассказывали Л.Д. Троцкому, что им сразу же выдали одежду, чтобы те не мерзли, а «господин комендант любезно предоставляет в наше распоряжение болгарские шинели»⁶⁵. И.П. Табурно писал о лежащих в белградском госпитале турках и албанцах, к которым великая княгиня Елена Петровна, дочь короля Петра, относилась с такой же нежностью и лаской, как и к своим соотечественникам, что вызывало у раненого противника восхищение⁶⁶. И такая картина складывалась в умах населения. Так, в дневнике вполне самостоятельно мыслящего и трезво оценивавшего ситуацию И.И. Толстого мы читаем про «поразительную гуманность болгар в отношении раненых турок», про выставление караулов для охраны мечетей при одновременной нечеловеческой жестокости турок⁶⁷. Но было бы неразумно видеть ситуацию столь идиллической, хотя, бесспорно, указанные случаи вполне могли иметь место.

Российский посланник в Белграде заявлял собственному начальству, что считает обвинения сербов в жестокости по отношению к мусульманам «мало обоснованными»⁶⁸. И русская

---

⁶² Мамонтов Н.П. Указ. соч. С. 126.

⁶³ Там же. С. 52.

⁶⁴ Немирович-Данченко Вас. И. Собр. соч. Т. XV. СПб., 1913. С.116.

⁶⁵ Троцкий А. Указ. соч. С. 147.

⁶⁶ Табурно И.П. Указ. соч. С. 117.

⁶⁷ Толстой И.И. Дневник. 1906–1916. СПб., 1997. С. 112.

⁶⁸ Учаева Н. Македония в период Балканских войн 1912–1913 годов глазами русских представителей // Россия и Македония: от прошлого к будущему. К 100-летию журнала «Вардар» (1905) / отв. ред. К.В. Никифоров. М., 2008. С. 95.

пресса старалась не говорить о насилии, чинимом болгарами и сербами над мирным населением. Однако корреспонденты и не могли видеть всего. В Софии уже после Чатаалджинской операции в ресторане «Панах» собрались представители российской печати. Начали спорить о зверствах, и тут «разбиваются резко на два лагеря: один знает зверства только турецкие, другой – болгарские... Вас. И. Немирович-Данченко видел турецкие зверства своими глазами, ссылается еще на Пиленко, который даже снял их фотографическим аппаратом». Его спросили, точно ли это были не башибузуки. Согласно очевидцу, он ответил: «Нет, один из замученных успел сказать мне, что его изувечили регулярные войска, и умер!»⁶⁹. Из всех витающих в Болгарии слухов автор процитированных строк Е.Н. Чириков сделал для себя вывод: «Эта война одна из самых жестоких и бесчеловечных, в чем повинны в одинаковой мере обе воюющие стороны»⁷⁰. Он же в своей книге рассказал о расстреле пленных в качестве мести за истязания ими православного населения. Но в целом, по его мнению, болгары были гуманны⁷¹. Вас. И. Немирович-Данченко то говорил, что все слухи о казнях мирного турецкого населения «оказывались злобною и подлою выдумкой венских лгунов»⁷², то утверждал, что жестокости никто не оправдывает: «Сами болгары их знают, и лучшие их писатели, народные избранники, поэты <...> предъявляют народу свои запросы о случившемся»⁷³. Интересным получилось описание г. Визы Н.П. Мамонтовым. По его словам, этот населенный пункт «немного пострадал от турецких бесчинств», но тут же зафиксировал: «На улицах города еще лежали трупы турок, обернутые лицом книзу»⁷⁴.

---

⁶⁹ Чириков Е.Н. Указ. соч. С. 139.

⁷⁰ Там же.

⁷¹ Там же. С. 141.

⁷² Немирович-Данченко Вас. И. Собр. соч. Т. XV. С. 120.

⁷³ Там же. С. 114.

⁷⁴ Мамонтов Н.П. Указ. соч. С. 122.

Некоторое внимание этой непопулярной теме уделил Н.И. Гасфельд⁷⁵, но в основном здесь в лучшую сторону отличались социалисты.

Ст. Вольский приводил обратные примеры, оговорившись, что видел лишь то, что происходило в болгарских округах, «поэтому я и не затрагиваю здесь деяний сербов, которые, как говорят, были еще жесточе». По его словам, в селе Левуново сначала турки заживо сожгли около 30 болгар, «а когда вместе с болгарской армией появились македонские четники, та же участь постигла турецкое население». «Ужасы, совершенные под знаком креста, несколько не уступали, а, пожалуй, во много превосходили ужасы, совершенные под знаком полумесяца», – подводил он итог. Причины отсутствия информации о подобных инцидентах Ст. Вольский видел в том, что журналисты их замалчивали не только из-за цензуры, но и «отчасти из политических соображений». При этом, по его словам, солдаты проявляли жестокость к мирному мусульманскому населению, зверея при виде последствий турецких расправ, а четники же сознательно шли на грабеж, не гнушаясь убийств и изнасилований. Вдобавок последние проводили насильственную христианизацию местных помаков, недвусмысленно приставляя ко лбу револьвер для подтверждения правоты собственного вероучения. И «после каких-то символических действий, изобретенных *ad hoc* македонскими селяками», считалось, что мусульманин «вернулся к вере отцов»⁷⁶.

Некоторое внимание несоответствию заявляемых целей и осуществляемых союзниками действий еще в декабре 1912 г. уделил проживавший в Константинополе сотрудник журнала «Современник» Ш.Я. Натадзе: «Для торжества истинной христианской морали не нужно убивать тысячи

---

⁷⁵ Шевалье Н. Указ. соч. С. 60, 62, 75, 77.

⁷⁶ Вольский Ст. Письмо с Балкан. Письмо второе // Заветы. 1913. № 2. С. 166–170.

людей, бросать безоружных пленников в реки и колодцы, как это делали болгары, врывать в дома частных лиц и грабить, как это делали сербы в Ускюбе, или устраивать, подобно грекам в Салониках, еврейский погром»⁷⁷.

Иногда, правда, имели место и перегибы. Так, самарская газета «Волжское слово» в своем антивоенном пафосе и стремлении доказать несправедливый характер войны с обеих сторон, показать страдания мирных жителей всех конфессий и национальностей публиковала сведения из довольно сомнительных источников. Проявлением этого стала перепечатка корреспонденции «Зверства балканских союзников» из «Киевской мысли», где рассказывалось о систематическом истреблении турок союзными странами. Сотрудники издания ее представили как пересказ одной из глав книги «Германия на востоке после балканской войны» немецкого очевидца Эрнста Йэка. Редакции «Волжского слова» и «Киевской мысли» уведомили читателей, что автор имеет связи в турецких и германских элитах, но это было лишь полуправдой, поскольку он являлся ярким сторонником германо-турецкого сближения. Потому, как справедливо пишет самарская исследовательница Л.М. Артамонова, «убежденность обеих редакций, что “в достоверности” приведенных им (Э. Йэком. – *Н.Г.*) фактов “нельзя сомневаться”, выглядит, мягко говоря, легкомысленной». Подтверждение тому – деятельность Йэка в годы Первой мировой войны: он всеми силами пропагандировал младотурецкую революцию, ее идеалы, но «не заметил» геноцида армян, понтийских греков

---

⁷⁷ Горцев. Балканский вопрос и интересы дипломатии // Современник. 1912. № 12. С. 362. Согласно сведениям полиции, этот корреспондент сотрудничал также с газетами «Киевская мысль» и «Утро России», был связан с эсерами (ГАРФ. Ф. 529. Оп. 1. Ед. хр. 18. Л. 58). Скончался он в столице Османской империи 24 декабря 1912 г. от заражения крови, вызванного удалением зуба грязными инструментами (там же. Ед. хр. 19. Л. 1).

и ассирийцев. Поэтому к его выводу, что «магометане-турки в течение пяти веков своего владычества в Европе не убили столько людей (т.е. невинных мирных жителей), сколько балканские союзники в эти три месяца», требовалось отнестись с большей долей критичности, нежели это сделали «Волжское слово» и «Киевская мысль»⁷⁸.

Наиболее активен в полном воссоздании картины взаимной жестокости сторон Л.Д. Троцкий. Он утверждал, что всячески восхваляемый командующий 3-й армией Р. Димитриев отдал приказ: «Если раненые или пленные будут затруднять транспорты, принять решительные меры к устранению препятствий»⁷⁹. Затем, по словам будущего советского наркома, болгарское руководство отдало приказ относительно мирных турок: встреченных вне деревень, даже не облаченных в военную форму, «считать лазутчиками и убивать»⁸⁰.

Не лучше в его корреспонденции выглядели сербы. Он поведал о своей поездке в Скопье, куда власти пустили его с огромной неохотой. Три солдата охраняли группу албанцев, над которыми издевался пьяный унтер-офицер. «Это арнауты, – деловым тоном говорит мне один из солдат. – Сейчас он их зарежет», – писал Л.Д. Троцкий. Далее он увидел, как военные пристрелили на месте полоумного турка, что-то крикнувшего им вслед. В гостинице он встретил знакомого капрала, бывшего в мирное время кельнером в Крагуеваце. Тот говорил: «Жарим кур да режем арнаутов. Только уж надоело». И далее, сам не понимая, насколько шокирует корреспондента, спокойно объяснял: «Мы, регулярные войска,

---

⁷⁸ Артамонова Л.М. Критика внешней политики правительства на Балканах и антивоенные выступления в самарской печати 1912–1913 годов // Внешнеполитические интересы России: история и современность / отв. ред. А.Н. Сквозников. Самара, 2014. С. 14–15.

⁷⁹ Троцкий Л. Указ. соч. С. 212.

⁸⁰ Там же. С. 183.

строго соблюдаем границы и не убиваем никого моложе двенадцати лет. Насчет комитаджей не могу сказать наверняка, у них дело другое. Но за армию ручаюсь»⁸¹.

Статьи Л.Д. Троцкого о насилии над мирным населением и сознательном отказе болгарской цензуры пропускать эти сведения вызвали заочную полемику между ним и болгарским писателем Петко Тодоровым. Он написал открытое письмо, обращаясь к журналисту по его псевдониму «Антид Ото». Активному правдолюбцу советовали не соваться «со своим уставом в чужой монастырь», объясняли, что цензура – необходимая вещь и ее необходимость признается всеми гражданами страны⁸². Троцкий не замедлил с ответом, который был опубликован в «Киевской мысли». В нем основной упор делался не на принципиальное наличие цензуры, а на замалчивание «каинового дела» – закалывания раненых турок. Заканчивалась же статья вопросом П. Тодорову: «В начале войны ваш генеральный штаб неоднократно извещал Европу о том, что турки тысячами покидают своих раненых на поле военных действий и что болгарам приходится этих раненых подбирать. Где же они, эти многие тысячи раненых? Что произошло с ними? Что вы сделали с ними, господин Тодоров? Дайте нам ответ на этот вопрос!»⁸³

Более обстоятельная дискуссия получилась у Л.Д. Троцкого с русской прессой, прежде всего с кадетами. Он написал статью «Внедумский запрос», обратившись к П.Н. Милюкову, которого обвинил в сознательном умалчивании фактов неблагородного поведения славян: «Не согласитесь ли вы, что заговор молчания всей нашей “руководящей” прессы – департаментской “России”, подколенно-патриотического “Нового

⁸¹ Там же. С. 194–196.

⁸² Там же. С. 201–202.

⁸³ Там же. С. 205–206.

Времени”, умеренно-пристязной “Русской Молвы”, барабанного с бубенцами “Русского Слова” и хранящей гордый вид “Речи”, – что эта круговая порука молчания делает всех вас попустителями и моральными соучастниками зверств, которые пятном бесчестия ложатся на всю нашу эпоху?»⁸⁴ Отметим, что это была не первая атака Троцкого на лидера кадетов: в разгар выборной кампании в Государственную Думу в 1912 г. вышла его статья «Милюков», где звучало обвинение в непоследовательности политической позиции, умеренности и т.д.⁸⁵

На «Внедумский запрос» отвечали корреспондент «Речи» в Софии В. Викторов-Топоров и П.Н. Милюков лично. Первый заявлял, что зверства имели место, но еще не наступило время для их обсуждения, поскольку информация не проверена. Лидер кадетов отвечал, что никаких замалчиваний не происходило, и ссылался на свою статью в «Речи». А.Д. Троцкий же точно подметил, что в указанном выступлении Милюкова говорилось лишь о зверствах над мирным населением со стороны греков, чему было логичное объяснение – противоречия между греками и болгарам из-за будущего Салоник: «Своим разоблачением греческих зверств в Салониках г. Милюков попросту служил свою службу делу правящей “славянобратской” Болгарии, о зверских подвигах которой его корреспонденты, его орган и он сам хранили молчание – до того момента, как их прижали к стене»⁸⁶.

В. Викторов-Топоров ответил репликой, утверждавшей, что шесть русских корреспондентов, бывших непосредственно на самом театре военных действий, своими глазами никаких болгарских зверств не увидели⁸⁷. Действительно,

---

⁸⁴ Там же. С. 208.

⁸⁵ Чернявский Г., Дубова Л. Милюков. М., 2015. С. 244–246.

⁸⁶ Троцкий А. Указ. соч. С. 209–210.

⁸⁷ Там же. С. 221.

Н.П. Мамонтов, Вас. И. Немирович-Данченко, А.А. Пиленко, В.Н. фон Дрейер (во время Первой балканской войны) практически не писали об этом. По мнению Л.Д. Троцкого, объяснение кроется в том, что указанные лица «не просто корреспонденты, а праведники, отмеченные перстом штаба», у которых чувство благодарности за возможность увидеть передний край войны «расслабляющим образом подействовало на их органы наблюдения»⁸⁸.

В последней своей статье из этой дискуссии Антид Ото подытожил суть происходившего. Русские газеты принимали на веру и публиковали сведения о турецких зверствах, получаемые от сербов и болгар, но замалчивали жестокости славянских народов, шедшие отнюдь не из турецких, а из европейских источников. И делалось это, по мнению публициста, «в интересах известной политики»⁸⁹.

Говоря об упомянутых «праведниках» в Болгарии, необходимо указать на аналогичную ситуацию в Сербии. Н.И. Гасфельд писал: «Сербские власти не допускали военных корреспондентов на поле битвы. Исключение было сделано для г. Г-ча и г. Т-о, сербов по происхождению, состоявших корреспондентами двух русских газет»⁹⁰. За сокращениями легко читаются Дж. Генчич и И.П. Табурно, этнические сербы, истинную роль которых мы увидим ниже. Таким образом, в этом вопросе сербы и болгары оказались идентичны.

Но все же стоит считать, что сложившаяся в обществе картина была близка к правде, хотя и не точна. Вероятнее всего, турки все же проявляли больше жестокости по отношению к противнику и мирному населению, но на подобное поведение были причины и у болгар с сербами. Гуманность на Балканах всегда была дефицитом, а во время войны и вовсе исчезала.

---

⁸⁸ Там же.

⁸⁹ Там же. С. 225.

⁹⁰ *Шевалье Н.* Указ. соч. С. 82.

СПРАВЕДЛИВАЯ ВОЙНА, ТРЕБУЕМАЯ НАРОДОМ

С момента заключения болгаро-сербского союзного договора весной 1912 г. война с Османской империей становилась неизбежной. Теракты и резня в Македонии, албанское восстание создавали необходимый информационный фон, итало-турецкая война оттягивала силы империи с Балкан, но внезапное объявление войны могло быть воспринято как хищническая попытка воспользоваться моментом и отторгнуть земли беззащитной Турции. В таком случае европейское общественное мнение оказалось бы не на стороне Балканского союза, что развязывало бы руки дипломатам великих держав. Этого допустить было нельзя, следовало представить виновными других. Потому болгарский премьер И. Гешов в июле писал посланнику в Лондоне М. Маджарову: «Мы должны еще больше подчеркивать наше миролюбие и следить лишь за тем, чтобы (итало-турецкая. – *Н.Г.*) война быстро не кончилась. А чтобы она не кончилась, мы должны вопить во весь голос, что хотим мира»⁹¹. В руководстве России к войне относились негативно вдобавок в силу того, что программа перевооружения армии была далека от завершения, да и создавался Балканский союз не против Турции. Таким образом, требовалось оправдаться не только перед обществом, но и перед дипломатией. Доказательство вынужденного характера своих действий стало для болгар и сербов первоочередной задачей.

17 октября в «Русских ведомостях» вышла статья «Генезис и будущее балканского союза», 8 октября (спустя три дня после объявления войны!)⁹², написанная И. Шишмановым, которого редакция газеты охарактеризовала как «одного из самых выдающихся и популярных деятелей современной

⁹¹ Иван Евстратиев Гешов. Лична кореспонденция / съст. Р. Попов, В. Танкова. София, 1994. С. 232–233.

⁹² Русские ведомости. 1912. 15 нояб.

Болгарии». Автор подчеркивал: «жребий брошен» и «всякие теоретические рассуждения о необходимости или уж[а]се войны вообще» уже излишни, необходимо понять причину происходящего. По его словам, вина за творимое в тот момент на Балканах насилие лежит всецело на дипломатах великих держав, не сумевших остановить «анархию в Турции и дать христианским населениям хотя бы элементарные условия для человеческого существования», потому и война по сути является результатом «окончательного разочарования в так называемом европейском концерте». Указав на вынужденный характер действий союзников, И. Шишманов перешел к доказательствам «блага» этой войны для цивилизации: стоит взглянуть на «сделанное для общечеловеческой культуры» турками и христианскими народами Балкан за последние десятилетия, и это убедит «и самого ярого туркофила, где прогресс и где политический маразм». В итоге объявление войны Турции выглядело не только как «самовольство» малых государств, но и как их вклад в развитие человечества, что должно было привлечь общественное мнение Европы на их сторону: «Для нас, балканцев, во всяком случае нет сомнения, что мы боремся за цивилизацию, свободу, правду и гуманность против варварства, тирании и бесправия»⁹³.

Для создания собственного положительного образа, чтобы придать войне «справедливый» характер, важно было и преподнесение ее как желания или даже требования народа. Население Болгарии и Сербии в основной своей массе выступало за войну, о причинах и формах проявления чего мы будем говорить ниже. Но вряд ли царь Фердинанд с его хитростью и Н. Пашич с его умом и авторитетом не могли влиять на общественное мнение в своих странах, не были способны остановить раскручивающийся маховик военной истерии.

Тем не менее русская печать передавала предоставленную ей информацию. «Вестник Европы» уже во время Первой

---

⁹³ Русские ведомости. 1912. 17 окт.

балканской войны приводил слова болгарского царя: «Если бы я противился войне, я, наверное, лежал бы головой на тротуаре»⁹⁴. Еще до начала боевых действий, в августе 1912 г., газета «Утро России» сообщала, что открылся болгарский народный конгресс, который заявил, что «не намерен останавливаться даже перед низложением царя, если Македония не будет освобождена»⁹⁵, все министры страны получили письма с угрозами расправы⁹⁶. А уже в конце месяца малоизвестный националистический союз «Гибель оттоманам» в письмах правительству угрожал, что в случае миролюбивой политики на царя будет совершено покушение⁹⁷. Газета «Терские ведомости» 11 сентября сообщала, что в Сербии и Болгарии «усиленно распространяется особый летучий листок», изданный болгарским ротмистром Афанасьевым «Война с Турцией и роль царя Фердинанда». В нем приводилось мнение, что текущий момент наиболее подходящий для объявления войны, поэтому необходимо вынудить царя отдать приказ о начале боевых действий⁹⁸. 19-го числа то же издание доносило до своих читателей: «Болгарское правительство должно выбирать одно из двух: или внешнюю войну, или внутреннюю революцию». При этом «центр тяжести вопроса о войне остается в Софии», поскольку следом в войну ринутся и сербы⁹⁹. Многие газеты, подобно «Терским ведомостям» не имея собственных корреспондентов, ориентировались на другие издания, прежде всего выходившие в самой интересующей стране. Естественно, следили за ними и официальные российские органы. И газета правящей в Болгарии партии «Мир» накануне объявления

---

⁹⁴ Вестник Европы. 1913. № 1. С. 324.

⁹⁵ Утро России. 1912. 12 авг.

⁹⁶ Утро России. 1912. 21 авг.

⁹⁷ Утро России. 1912. 26 авг.

⁹⁸ Терские ведомости. 1912. 11 сент.

⁹⁹ Терские ведомости. 1912. 19 сент.

войны публично демонстрировала миролюбие правительства, в то время как в изданиях других политических сил активно поднималась тема страданий соплеменников в Македонии. В итоге, как отметила болгарский исследователь Е. Стателова, «Мир» «стремился представить правительство вынужденным подчиниться народной воле»¹⁰⁰. Снимал ответственность с руководства страны и глава правительства И. Гешов, 1 сентября 1912 г. «категорически заявляя» корреспонденту «Биржевых ведомостей», что мир зависит от Турции и «ее отношения к справедливым пожеланиям нетурецкого населения». «Болгарское правительство, – продолжал премьер создавать ощущение собственной беспомощности, – делает все возможное для предотвращения войны. Но может наступить минута, когда усилия наши могут оказаться тщетными»¹⁰¹.

В Белграде придерживались той же риторики. Н. Пашич говорил корреспонденту: «Попробуй правительство вернуть армию – она смоет его, как пену, выброшенную на берег. Мы этого ждали. Мы истожили все»¹⁰². Сербский министр финансов говорил русскому журналисту о вынужденности объявления войны: «Война? Конечно, все мы против войны. Кто же не знает преимуществ мира? Мир означает труд, накопление богатств, знаний и культуры. Кто же нуждается в этом так, как Сербия? Но, ведь, нам не оставляют выбора»¹⁰³. Белградский профессор Радован Кошутич говорил в Петербурге в Обществе славянской взаимности 22 октября: «И если бы правительства и престолы не пошли вместе с народами, и они были бы сметены, и другие вожди

---

¹⁰⁰ Стателова Е. Някои характерни черти на българския буржоазен партиен печат в навечерието на Балканските войни (1909–1912 г.) // Известия на Института за история. 1970. Т. 21. С. 183.

¹⁰¹ Кострикова Е.Г. Геополитические интересы России... С. 226.

¹⁰² Немирович-Данченко Вас. И. Собр. соч. Т. XIV. С. 27.

¹⁰³ Троцкий Л. Указ. соч. С. 60.

повели бы нас туда»¹⁰⁴. Почти дословно 4 ноября повторил его мысль в Обществе славянского научного единения Д.И. Семиз: «И если бы правительство и престолы не пошли вместе с народами, были бы сметены и они, и иные вожди повели бы югославян к их славной цели»¹⁰⁵. Подобные удивительные калькирования еще будут нам встречаться, и тому есть объяснение.

За несколько дней до объявления войны в Россию отправился болгарский министр А. Людсканов, чьей задачей было убедить императорское правительство в том, что «война – это не авантюра, а необходимость»¹⁰⁶. Но у Министерства иностранных дел в этом вопросе имелись свои осведомители – представители в Болгарии и Сербии. Посланник в Софии А.В. Неклюдов целиком попал под влияние увиденного и сообщенного властями. Задолго до объявления войны он доносил в Петербург, что правящая коалиция постоянно обвиняется в миролюбии и даже туркофильстве¹⁰⁷, а 23 августа написал С.Д. Сазонову: «Для Фердинанда и для нынешнего кабинета противиться войне значило бы, при известных условиях, отказаться от власти»¹⁰⁸. Болгарский премьер-министр И. Гешов говорил ему, что Болгария одна против Турции не выступит, но отказ Сербии «неминуемо приведет к падению правительства и расторжению соглашения с Белградом»¹⁰⁹. А также сообщал, что если дипломаты сорвут планы Балканского союза, то подобную коалицию в будущем организовать не получится из-за разочарования в самих себе «и особенно в России»¹¹⁰.

---

¹⁰⁴ Война на Балканах. СПб., 1912. С. 8.

¹⁰⁵ Семиз Д.И. Сербский народ накануне войны // Славянский вопрос в его современном значении. СПб., 1913. С. 67.

¹⁰⁶ Абрашев П. Дневник. София, 1995. С. 67.

¹⁰⁷ Кострикова Е.Г. Геополитические интересы России... С. 225.

¹⁰⁸ МОЭИ. С. 126.

¹⁰⁹ Там же. С. 233.

¹¹⁰ Иван Евстратиев Гешов. Лична корреспонденция. С. 238.

В Софии знали, на какие точки давить, – болгаро-сербское соглашение стоило российской дипломатии немалых усилий, и на него возлагались большие надежды. Даже годы спустя, что примечательно, посланник оставался при том же мнении. Он вспоминал, что на следующий день после объявления мобилизации, если бы болгарское или сербское правительство решилось только лишь выждать, «это неизбежно бы вызвало революцию, и вооруженные отряды перешли бы границу по собственной инициативе»¹¹¹.

Лучше и глубже ситуацию в Болгарии видел из Константинополя военный агент в Турции генерал-майор И.А. Хольмсен. В рапорте начальнику Генерального штаба Я.Г. Жилинскому от 30 августа 1912 г. он называл антитурецкие настроения в Софии «якобы народным движением». «Корректное поведение» болгарского правительства по отношению к митингам и манифестациям против турок и в защиту македонцев он считал доказательством нестихийности настроений. «Позволительно думать, что мы тут имеем [дело] не со стихийной силой, а с течением, навеянным чисто болгарскими государственными интересами, представляемыми политической партией и не чуж[дыми для] самого правительства»¹¹², – сообщал он в Петербург. Находясь вне Болгарии, И.А. Хольмсен мог оценивать ситуацию объективнее, нежели А.В. Неклюдов, подвергавшийся воздействию со стороны болгарских государственных деятелей и болгарской прессы.

Самостоятельную игру вел посланник в Белграде Н.Г. Гартвиг, которого П.Н. Милюков именовал «ярким фанатиком славянофильской традиции»¹¹³, американский консул в Белграде – «поборником панславизма»¹¹⁴, а фран-

¹¹¹ *Nekludoff A.* Op. cit. P. 110.

¹¹² МОЭИ. С. 202.

¹¹³ *Милюков П.Н.* Указ. соч. С. 110.

¹¹⁴ *Boeckh K.* The Rebirth of Pan-Slavism in the Russian Empire, 1912–13 // The Balkan Wars from Contemporary Perception to Historic

цузские дипломаты – вице-королем Сербии¹¹⁵. Если представители в других странах, даже посол во Франции, бывший глава МИДа А.П. Извольский, были исполнителями директив, поступавших с Певческого моста, то этот дипломат сам вершил историю, руководствуясь своим видением мира. Академик Ю.А. Писарев утверждал, что посланник находился «в скрытой оппозиции» к С.Д. Сазонову¹¹⁶, но это очень мягкая оценка.

Н.Г. Гартвиг родился в 1857 г. в Гори в семье обедневшего дворянина, военного врача, обрусевшего немца, проживавшего ранее в Средней Азии, окончил с отличием классическую гимназию и историко-филологический факультет Новороссийского университета. Он довольно быстро продвигался по службе, сделав карьеру от коллежского секретаря в 1874 г. до гофмейстера императорского двора в 1900 г. По мнению Ю.А. Писарева, этим он был обязан не только своим способностям, но и поддержке влиятельных лиц, в том числе великого князя Николая Николаевича¹¹⁷. Н.Г. Гартвиг занимал должности директора Азиатского департамента МИДа (в ведении которого находились и Балканы), участвовал

Memory / Ed. K. Bockh, S. Rutar. Б.м.: Palgrave Macmillan, 2017. Р. 132. В английском оригинале фраза выглядит куда краше: “the champion of Pan-Slavism”.

¹¹⁵ Стојић Б. Француска и балкански ратови (1912–1913). Београд, 2017. С. 164.

¹¹⁶ Писарев Ю.А. Великие державы и Балканы накануне Первой мировой войны. М., 1985. С. 149.

¹¹⁷ Современники считали, что вторая жена Н.Г. Гартвига Александра Павловна с вел. кн. Николаем Николаевичем была в близких отношениях (Шtrandтман В.Н. Балканские воспоминания. М., 2014. С. 70; Тер-Оганов Н. Письмо Н.Г. Гартвига К.Н. Смирнову как ценный источник для характеристики англо-русских отношений в Иране в начале XX века // Иран. История, экономика, культура. Памяти С.М. Алиева. М., 2009. С. 210).

в переговорах с Японией в 1905 г., а затем был отправлен в качестве посланника в Персию. Как писал Ю.А. Писарев, позиции России и влияние Н.Г. Гартвига в этой стране вызывали большое недовольство у Великобритании, и в 1909 г. посланника перевели в Белград¹¹⁸. Иное объяснение предложил посланник в Софии в 1912–1913 гг. А.В. Неклюдов: «После двух лет в Тегеране его отношения с коллегой из Великобритании стали невозможными; они больше не разговаривали друг с другом, едва кланялись». В тот момент как раз подписывалось англо-русское соглашение, в Петербурге и Лондоне решили обоих посланников отозвать из Персии¹¹⁹.

И действительно, как утверждали его коллеги, Н.Г. Гартвит считался тонким знатоком проблем, связанных с восточной политикой России, умным, но властным и неприятным человеком, с которым трудно работать¹²⁰. Его довольно высоко оценивал Витте. После назначения С.Д. Сазонова на пост министра иностранных дел бывший глава правительства имел беседу с только что отставленным А.П. Извольским, который объяснил выбор кандидатуры так: «Что же делать, когда некого». Витте предложил несколько вариантов, среди которых назвал Гартвига. Собеседник ему ответил, что император никогда не назначит главой МИДа человека, не носящего русской фамилии¹²¹. В ноябре 1912 г. в доверительной беседе

---

¹¹⁸ Писарев Ю.А. Российский посланник в Сербии Н.Г. Гартвит (1909–1914 гг.) // История СССР. 1991. № 3. С. 182–183.

¹¹⁹ Nekludoff A. Op. cit. P. 49. В связи с этим в Сербии даже возникла легенда, что русский и британский представители дрались на дуэли (Писарев Ю.А. Российский посланник в Сербии... С. 184).

¹²⁰ Штрандтман В.Н. Указ. соч. С. 69.

¹²¹ Витте С.Ю. Воспоминания. Т. 2. Л., 1924. С. 424. Это противоречит утверждению Ю.А. Писарева (не подкрепленному ссылками на документы): «За заслуги перед Россией во время мирных переговоров с Японией 1905 г. царь собирался назначить его министром иностранных дел, но завистливый

с И.П. Табурно Витте сообщил, что, возможно, ему предложат пост министра иностранных дел¹²². Но он согласился лишь при назначении его заместителем Н.Г. Гартвига, чтобы тот затем занял его должность. Он всячески расхваливал посланника в Сербии, кроме которого, по мнению бывшего премьера, в России нет достойных кандидатур на этот пост¹²³.

Н.Г. Гартвиг довольно скептически относился как к А.П. Извольскому, так и С.Д. Сазонову, не упускал случая для едкой критики своих коллег¹²⁴, своим французским коллегам в Белграде он говорил, что политика министра не является политикой русского народа¹²⁵, и считал необходимым влиять на российскую внешнюю политику, дабы вернуть ее в «правильное» русло. При этом, не всегда используя благородные способы, А.В. Неклюдов утверждал, что еще в бытность амбициозным молодым чиновником МИДа Н.Г. Гартвиг стал информантом газеты «Новое время», активно критиковавшей министерство за отсутствие энергичности и патриотизма, в особенности в Восточном вопросе¹²⁶.

министр В.Н. Ламздорф усладал его в Персию» (*Писарев Ю.А. Российский посланник в Сербии... С. 189*). Хотя, стоит отметить, фамилия Ламздорф также является немецкой.

¹²² С.Ю. Витте лелеял мечты о дипломатической карьере. После отставки главы правительства император обещал ему пост посла в одной из европейских стран, как только освободится вакансия. Но когда случай представился, Николай II не вспомнил об обещании. И уже в 1914 г. Витте утверждал, что, получи он назначение в Париж или Берлин, мировой войны удалось бы избежать (*Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш. Сергей Юльевич Витте и его время. СПб., 1999. С. 349–350*).

¹²³ Архив Србије (далее – АС). Заоставштина Николе Пашића. (Несређена грађа). Фасцикла 6. Л. 2–3.

¹²⁴ *Штрандтман В.Н.* Указ. соч. С. 76.

¹²⁵ *Стојић Б.* Француска и балкански ратови... С. 164.

¹²⁶ *Nekludoff A.* Op. cit. P. 48. В то же время в марте 1904 г. издатель этой газеты А.С. Суворин и Н.Г. Гартвиг обменялись

И неудивительно, что, как выразился глава МИДа, посланник «истолковывал в Белграде русскую политику по-своему» и играл роль «потакателя этих повышенных настроений белградских правительственных и общественных кругов»¹²⁷. Фактически, будучи российским дипломатом, он являлся защитником интересов Сербии. В югославском журнале «Nova Evropa» в 1928 г. была дана довольно точная оценка его деятельности: «Гартвиг во всех своих представлениях и письмах защищал перед Сазоновым и Николаем II сербские интересы лучше и способнее, чем многие аккредитованные за границей сербские дипломаты»¹²⁸. Но, вероятно, он делал это во благо своей родины, имея собственное представление об этом благе. Н.Г. Гартвиг писал: «В политике России на Балканах всегда было много сентиментальности. Она несла жертвы, не требуя взамен содействия планам своей политики. В результате

примечательными письмами. Дипломат обвинял прессу и лично А.С. Суворина в том, что они пользуются «всяким удобным и неудобным случаем, чтобы осыпать русскую дипломатию голословными обвинениями, всякою неправдою, а то и просто бранью», не брезгуя и подлогом. Издатель на 4 листах ответил на все обвинения и указал, что печать – тоже защитница интересов страны, чего не понимают чиновники МИДа и ставят палки в колеса (ГАРФ. Ф. 597. Оп. 1. Ед. хр. 820).

¹²⁷ Сазонов С.Д. Указ. соч. С. 85. Схожее мнение он высказывал перед своими подчиненными осенью 1912 г. (Лопухин В.Б. Записки бывшего директора департамента Министерства иностранных дел. СПб., 2008. С. 208). Советский академик М.Н. Покровский и вовсе считал Н.Г. Гартвига «фактическим руководителем сербской политики» (Покровский М. Предисловие // МОЭИ. Сер. III. М.; Л., 1931. Т. I. С. XXIV). Однако эта оценка явно выглядит чрезмерной и в большой степени политизированной, что было характерно для начала 1930-х гг.

¹²⁸ Полетика Н.П. Сараевское убийство: Исследование по истории австро-сербских отношений и балканской политики России в период 1903–1914 гг. Л., 1930. С. 400.

славяне пришли к заключению, что Россия только для того и существует, чтобы прибегать к ним на помощь»¹²⁹. Однако эти слова в донесении, можно предположить, были не до конца искренними. Дополнительным подтверждением его неискренности в отношениях с начальством служит хотя бы следующий сюжет.

Посланник регулярно сообщал своему руководству о миролюбивом настроении сербского правительства. 28 августа 1912 г. он писал, что Н. Пашич находится в трудном положении «ввиду получаемых из Софии вызовов, сильно понимающих воинственный дух не только в самом Белграде, но и в провинциях», что он борется всеми силами против таких настроений, а «узел положения» находился в Софии¹³⁰. 31 августа в Петербург передавались слова сербского премьера о его готовности «употребить всю силу своего авторитета» для успокоения общества и даже о намерении отсрочить созыв скупщины, чтобы предотвратить утверждение военных кредитов. При этом, добавлял глава правительства, Сербию нельзя будет удержать в случае активных действий Болгарии, «ибо нас всех сметет народная волна»¹³¹. Еще через несколько дней Н.Г. Гартвиг сообщал, что Н. Пашича, «конечно, не приходится убеждать» в нежелательности войны, однако его «особенно пугает мысль, что правительство не устоит против все расширяющейся воинственной волны в среде некоторых общественных и политических кругов, откуда уже раздаются по адресу преданной России старорадикальной партии возгласы “изменники”»¹³². Позже посланник передавал слова Н. Пашича о том, что тот будет «до последней крайности» бороться с воинственными настроениями, но не надеется на свои силы, поскольку чувствует себя

---

¹²⁹ Писарев Ю.А. Российский посланник в Сербии... С. 184.

¹³⁰ МОЭИ. С. 183.

¹³¹ Там же. С. 206.

¹³² Там же. С. 235.

в одиночестве¹³³, а также о том, что в личном разговоре с главой болгарского парламента Стояном Даневым сербский премьер всеми силами старался умерить пыл и оптимизм собеседника¹³⁴.

Кроме того, Н.Г. Гартвиг знал, чем можно пугать российский МИД: «Имеется полная вероятность, что, как только правительство Гешова осведомится об отказе Сербии следовать за Болгарией по требованию России, в Софии произойдет внутренний кризис, на смену властвующим ныне русофилов придут Радославовы, Тончевы; они взвалят всю вину за крушение народных вождедений на Россию и поставят себе задачей сближение с Австрией, пожертвовав Сербией, в критическую минуту предательски изменившей соглашению. Логическим следствием этого будет полное смятение в Белграде, отступление радикалов и торжество милановских традиций¹³⁵ под руководством напредняков в союзе с либералами»¹³⁶. Пойти на это в условиях вероятной общеевропейской войны в Петербурге не могли.

Депеши российского посланника в Белграде создавали ощущение огромного желания сербского руководства всецело следовать советам Петербурга, но невозможности успокоить народ, готовый свергнуть столь миролюбивую власть и повернуть свои взоры в поисках желаемого к Вене. Кроме того, ответственность за развязывание войны правдами и неправдами перекладывалась на Болгарию, значение которой в глазах Н.Г. Гартвига было несравненно меньшим. И в итоге на Певческом мосту испытывали излишний оптимизм: были

---

¹³³ Там же. С. 264.

¹³⁴ Там же. С. 265–266.

¹³⁵ Имеется в виду время правления князя (1868–1882), а затем и короля (1882–1889) Милана Обреновича, с определенного момента ориентировавшегося на Австро-Венгрию и начавшего в 1885 г. войну с Болгарией.

¹³⁶ МОЭИ. С. 246–247.

уверены, что болгары не начнут войну без помощи сербов, а в послушности последних не сомневались. Как утверждал А.В. Неклюдов, посланник в Белграде проявлял большую осторожность, дабы в МИДе не получили информацию, рушившую эту прекрасную иллюзию¹³⁷.

Аналогичный вывод можно сделать из донесений военного агента в Белграде полковника В.А. Артамонова, от которого Н.Г. Гартвиг утаивал некоторую информацию¹³⁸. Когда в конце августа 1912 г. агент сообщил своему начальству о мобилизационных работах в штабах и о других принимаемых сербами военных мерах, посланник поспешил их оправдать перед МИДом. По его словам, не стоило адресовать протесты и упреки правительству, поскольку «было бы более чем безрассудно» сидеть сложа руки в условиях «общей тревоги и имея с севера столь могущественного и опасного соседа»¹³⁹. 11 сентября 1912 г. В.А. Артамонов в секретном рапорте генерал-квартирмейстеру Генерального штаба Ю.Н. Данилову развернуто изложил свое понимание ситуации. По его мнению, руководство Сербии сознательно вводило в заблуждение свой народ, обещая поддержку России, а правительство Н. Пашича было неискренним. «Успокаивая нас миролюбивыми заявлениями и уверяя, что сербы не тронутся первыми, сербское правительство совместно с болгарским бесповоротно решили воевать, имея в виду, что добиться разрешения на войну от держав Тройственного соглашения все равно не удастся». Но в итоге страны Антанты

---

¹³⁷ *Nekludoff A.* Op. cit. P. 107.

¹³⁸ МОЭИ. С. 158. Хотя, как утверждает В.Б. Каширин, между военным агентом и посланником имело место плодотворное сотрудничество, несмотря на их расхождения во взглядах и оценках событий (*Каширин В.Б.* Дозорные на Балканах: Русская военная разведка в странах Балканского полуострова накануне и в годы Первой мировой войны. М., 2014. С. 272–273).

¹³⁹ МОЭИ. С. 184.

будут вынуждены дипломатически их поддержать, рассчитывая привлечь на свою сторону в будущей войне. Сомневался он и в ссылках союзных правительств на «общественную волну», способную их смести в случае отказа от войны. «Полагаю, что как в Сербии, так и в Болгарии общественное мнение руководится правительством, которое могло бы остановить движение»¹⁴⁰, – писал военный агент.

Того же мнения придерживался первый секретарь миссии В.Н. Штрандтман. В своих воспоминаниях он указал, что общественное мнение не могло влиять на политиков, а газеты в Сербии являлись «орудием для производства желаемого ими впечатления – будь то внутри страны, *будь то за границей* (курсив наш. – Н.Г.)», после чего правительство ссылалось на волю народа, якобы отраженную в печати¹⁴¹. Однако вряд ли можно считать, что болгарская и сербская пресса находились под жестким правительственным гнетом. Острая полемика по внутриполитическим вопросам свидетельствовала о наличии определенной свободы слова. В 1912 г. в обеих странах почти все политические силы поддерживали идею объединения своих народов, потому поддерживали линию правительства.

Вряд ли Н.Г. Гартвиг мог верить в те депеши¹⁴², которые передавал в Петербург. Он всеми силами старался реализовывать задуманное и злился, когда в этом мешали. Ему было неприятно, что временно замещавший его в Белграде В.Н. Штрандтман передавал Н. Пашичу точные слова официального Петербурга¹⁴³, назвал «крепким ругательным словом» С.Д. Сазонова за указание сообщить балканским

---

¹⁴⁰ Там же. С. 267.

¹⁴¹ Штрандтман В.Н. Указ. соч. С. 94.

¹⁴² Отметим, однако, что им на слово верят некоторые современные исследователи (например: Анисимов М.Ю. Сербия в Первой балканской войне в донесениях русских дипломатов // Први балкански рат 1912/1913. године...).

¹⁴³ Штрандтман В.Н. Указ. соч. С. 158.

правительствам, что Россия будет исходить из своих интересов, если они объявят войну Турции¹⁴⁴. Прочитав инструкции МИДа о совместном с австро-венгерским посланником заявлении перед сербским руководством, глава дипломатии в присутствии нескольких подчиненных назвал министра мерзавцем¹⁴⁵. Когда же вопреки всем желаниям русского правительства началась Первая балканская война, то Н.Г. Гартвиг не скрывал перед французским посланником своего удовольствия и заявил, что случившееся – реализация русской балканской политики¹⁴⁶.

В рамках интересующей нас темы наибольшее значение имеет роль Н.Г. Гартвига в создании у руководства Сербии уверенности в существовании в России помимо официального руководства еще и неофициального – общественного мнения, определявшего политику. Возможно, если бы не он и его «подбадривание» Н. Пашича, то не было бы такого сербского «наступления» на Петербург.

Позиция и действия Н.Г. Гартвига ни для кого не являлись секретом. Так, роль посланника в поддержке сербских воинственных настроений, неформальные обещания Н. Пашичу в «поддержке» не оказались тайной и для Л.Д. Троцкого, назвавшего его «опорой и надеждой фрондирующей русско-славянской политики на Балканах»¹⁴⁷. Но на Певческом мосту ничего не могли поделать – его австрофобские взгляды были близки великому князю Николаю Николаевичу, у которого посланник находил поддержку¹⁴⁸. Как вспоминал болгарский посланник С. Бобчев, уже позднее он указывал на антиболгарские действия Н.Г. Гартвига С.Д. Сазонову, однако министр не имел возможности повлиять на подчиненного, поскольку

---

¹⁴⁴ Там же. С. 165.

¹⁴⁵ Там же. С. 176.

¹⁴⁶ Стојић Б. Француска и балкански ратови... С. 122.

¹⁴⁷ Троцкий Л. Указ. соч. С. 87.

¹⁴⁸ Штрандтман В.Н. Указ. соч. С. 118.

представителя в Белграде поощряли «некоторые славянские круги в Петербурге», обладавшие поддержкой великой княгини Милицы – дочери черногорского короля, жены великого князя Петра Николаевича и свояченицы великого князя Николая Николаевича (младшего)¹⁴⁹. Эти противоречия в высших эшелонах власти объясняют парадоксальные слова воспоминаний военного министра В.А. Сухомлинова о данном периоде: «Тем возбужденнее относились *руководящие круги* к бездеятельности *русской политики* по случаю Балканской войны (курсив наш. – Н.Г.)»¹⁵⁰.

В сообщении сербского посланника Мирослава Спалайковича зафиксировано сходное Н.Г. Гартвигу поведение представителя МИДа в Софии А.В. Неклюдова. М. Спалайкович утверждал, что тот его посетил 20 сентября и со слезами радости поздравил с тем, что воздействие великих держав не возымело никакого эффекта и все движется к войне. Кроме того, российский посланник поведал, что за день до этого он сообщил И. Гешову и С. Даневу, что всегда был сердцем и душой с балканскими государствами, отстаивал их интересы перед Петербургом, но, зная российское правительство, им стоит теперь быть аккуратными в своих действиях¹⁵¹.

БОРЬБА ЗА ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ ПРИОБРЕТЕНИЯ ПРИ ПОМОЩИ РУССКОГО ОБЩЕСТВА

Спустя несколько дней вопреки всем стараниям официальной российской дипломатии война началась. И, как заявлял историк и социолог М.М. Ковалевский, ее должны были

¹⁴⁹ Бобчев С. Страницы из моего дипломатического мисия в Петроград 1912–1913. София, 1940. С. 170.

¹⁵⁰ Воспоминания Сухомлинова. М.; Л., 1926. С. 155.

¹⁵¹ Сръбските интриги и коварства срещу България (1804–1914) / съст. Ц.В. Билярски. София, 2009. С. 351.

приветствовать сторонники мира, поскольку она несла порядки, «обеспечивающие свободу и равноправие национальностей»¹⁵². К симпатиям к поборникам свободы добавилось восхищение их победами. О сохранении статус-кво не могло идти и речи. Однако если на раздел Македонии в главных европейских столицах смотрели без особого интереса, то на еще два региона, которые Болгария и Сербия желали включить в свои пределы, имелись претенденты и среди великих держав.

Первым являлся Адрианопольский вилайет, на который у Болгарии имелись притязания, с чем в Петербурге не могли согласиться. «Надо было найти способ сохранить за Турцией только ту часть ее балканской территории, которая была необходима для защиты ее столицы»¹⁵³, – вспоминал глава МИДа. Этот город рассматривался как хинтерланд Константинополя и дальняя линия обороны Черноморских проливов. При этом, естественно, российское руководство преследовало интересы не султана, а собственные. Во-первых, в роли стража Проливов дряхлеющая Турция выглядела предпочтительнее, нежели крепнущая Болгария, в лояльности царя которой сомневались в Петербурге. Во-вторых, переход этих земель в состав славянского государства делал почти невозможным дальнейшее приобретение Босфора и Дарданелл Россией.

Все это прекрасно понимало болгарское руководство. Еще до объявления войны глава болгарского парламента С. Данев отправился в Россию для зондирования почвы: допустит ли официальный Петербург переход города Адрианополя (ныне – Эдирне в Турции) под скипетр болгарского царя? С.Д. Сазонов говорил, что не может дать никакого ответа без согласия Генерального штаба¹⁵⁴. Однако в тот момент на-

---

¹⁵² Николаев Н.Ю. Миротворческие взгляды М.М. Ковалевского в начале XX в. // Вестник ВолГУ. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2014. № 3 (27). С. 11.

¹⁵³ Сазонов С.Д. Указ. соч. С. 76.

¹⁵⁴ Данев С. Указ. соч. С. 135.

чальник Генштаба Я.Г. Жилинский серьезно болел, и Даневу пришлось отказаться от идеи прямого разговора с ним¹⁵⁵. В конце октября, когда все уже позабыли об угрозе великих держав не допустить изменения границ на полуострове, глава МИДа напомнил посланнику в Софии об этих заявлениях «европейского концерта». 18 октября 1912 г. Сазонов сообщил, что линия болгарских приобретений должна пройти по реке Марице, разделяя Адрианополь, и что «двух толкований в этом вопросе быть не может»¹⁵⁶. А.В. Неклюдов ответил, что это крайне опасный шаг, поскольку все болгарское общество требует присоединения Адрианополя, а выполнение предписаний официального Петербурга приведет к очень опасным последствиям для русского влияния в этой стране. Сазонов прислушался к мнению подчиненного¹⁵⁷ и уже 22 октября для «личного осведомления» сообщил послу в Париже А.П. Извольскому, что военное ведомство «считает возможным видоизменить свой взгляд» на сохранение линии через Адрианополь, поэтому уступка города возможна¹⁵⁸. А 24-го министр телеграфировал посланнику в Софии: «С нашей стороны не встречается препятствий к возможному присоединению к Болгарии Адрианополя»¹⁵⁹.

Однако почти сразу довольно остро встал албанский вопрос – Австро-Венгрия выступила за создание независимой Албании на территории, которую Афины и Белград уже поделили между собой. Более того, новое образование, как предусматривал австрийский проект границ, лишало Сербию столь желанного выхода к Адриатическому морю.

---

¹⁵⁵ Там же. С. 141.

¹⁵⁶ Первая Балканская война // Красный архив. 1926. № 3 (16). С. 20.

¹⁵⁷ *Nekludoff A.* Op. cit. P. 125.

¹⁵⁸ Первая Балканская война // Красный архив. 1926. № 3 (16). С. 22.

¹⁵⁹ Сборник дипломатических документов, касающихся событий на Балканском Полуострове (август 1912 г. – июль 1913 г.) // Русская старина. 1915. № 5. С. 255.

15 октября 1912 г. Н. Пашич через печать выразил просьбу к великим державам передать его стране «хотя бы небольшой порт» на Адриатике. И в тот же день министр иностранных дел Австро-Венгерской империи Леопольд Бертхольд на объединенном заседании австрийской и венгерской делегаций заявил, что монархия имеет «на Балканах жизненно важные интересы и будет отстаивать их при всяких обстоятельствах»¹⁶⁰. Как вспоминал С.Д. Сазонов, этот вопрос на продолжительное время сделался центральным во всей европейской политике, хотя сам по себе имел «чисто местное значение». Отношение к нему сербского общества перекинулось и на российское. По словам министра, близкие ко двору круги и националистическая столичная печать начали активную, «шумную кампанию», выражавшуюся в уличных демонстрациях, собраниях, потоке газетных статей, обвинявших руководство страны едва ли не в государственной измене¹⁶¹. Началась долгая и опасная для европейского мира дискуссия о необходимости получения сербами выхода к Адриатическому морю.

**СЕРБСКОЕ НАСТУПЛЕНИЕ:
ЖЕЛАНИЕ ВЫХОДА К АДРИАТИКЕ,
ЕДВА НЕ ПРИВЕДШЕЕ К ЕВРОПЕЙСКОЙ ВОЙНЕ**

После 1903 г. Сербия воспринималась как главный российский союзник на Балканах, верный благодаря симпатиям народа и связанный с Россией династически¹⁶². На этом фун-

---

¹⁶⁰ Писарев Ю. А. Великие державы... С. 116.

¹⁶¹ Сазонов С.Д. Указ. соч. С. 94.

¹⁶² Дочь короля Петра Елена являлась супругой князя императорской крови Иоанна Константиновича – сына великого князя Константина Константиновича. Однако сведений о ее активности в деле отстаивания интересов своей родины в этот период

даменте, следовало начать выстраивать стратегию по созданию ситуации, когда русское общество заставит собственное правительство выступить на защиту сербов. Эти надежды подпитывали некоторые российские публичные лица. Например, как уже упоминалось, явную поддержку выказывал А.И. Гучков. По словам В.Н. Штрандтмана, именно А.И. Гучков и Н.Г. Гартвиг вселили в сербское правительство уверенность, что русский народ вопреки официальной политике сочувствовал сербскому народу и его притязаниям¹⁶³. Накануне объявления войны бывший председатель III Государственной Думы Н.А. Хомяков в частной беседе сказал сербскому посланнику Д. Поповичу, что сербам необходимо двигаться по намеченному пути, без оглядки на российский МИД, поскольку тот может говорить лишь за себя, а не за всю страну¹⁶⁴. В том же духе твердил сербскому руководству Н.Г. Гартвиг. И, как тогда выразился в частном письме французский посол в Лондоне П. Камбон, «сербь на пути к тому, чтобы сложить голову, и ведет их по этой дороге русский посланник Гартвиг, перворазрядный в своей навязчивости человек, который не соблюдает приказы»¹⁶⁵. По мнению Л.Д. Троцкого, «бесшабашная агитация некоторых русских газет и “салонов”» и привела к тому, что сербы впустую выбивались из сил, стремясь как можно скорее завладеть опорными пунктами на Адриатическом побережье¹⁶⁶.

не встречается. В начале октября 1912 г. она отправилась в Белград вместе с организованным ею санитарным отрядом, а 24 ноября выехала обратно в Россию (*Шевцова Г.И.* Русский гуманитарный поход на Балканы (1912–1913). М., 2012. С. 128–130). Этой ее деятельности много внимания уделил И.П. Табурно (*Табурно И.П.* О сербских битвах... С. 116–117.)

¹⁶³ *Штрандтман В.Н.* Указ. соч. С. 193.

¹⁶⁴ Сръбските интриги и коварства... С. 356.

¹⁶⁵ *Стојић Б.* Француска и балкански ратови... С. 164.

¹⁶⁶ *Троцкий Л.* Указ. соч. С. 100–101.

Но пока итог был неясен, и надежды на общественное мнение возлагались большие. Задача упрощалась тем, что некоторое количество этнических сербов работало в русской печати. Корреспондент газеты «Раннее утро» Н.И. Гасфельд сокрушался: «Досадно, что русское общество осведомляют о сербских делах и нравах не беспристрастные бытописатели, а большей частью либо люди предвзятых тенденций, либо, что чаще всего бывает, – сами сербы, готовые выдавать себя на этот случай за русских»¹⁶⁷. В этом он был абсолютно прав.

Сотрудником «Русского слова» являлся Милан Михайлович Бойович, с началом войны отправившийся в Белград. Он родился в 1872 г. в Рашке в семье учителя. Затем его семья переехала в Белград, а Милан после четырех классов гимназии уехал в Россию, учился в Киеве, потом поступил в Московский университет. Здесь, еще будучи студентом, он стал помощником знаменитого журналиста В.А. Гиляровского в газете «Россия»¹⁶⁸. Когда создавалась газета «Русское слово», М.М. Бойович начал работать в ней и оставался ее сотрудником вплоть до своей смерти. Со временем он вдобавок занял пост редактора журнала «Искры», выходившего как приложение «Русского слова». Иллюстрированное издание, наглядно доносящее до читателя информацию, стало основным детищем М. Бойовича.

Параллельно он сотрудничал с изданием сербской Радикальной партии «Одъек»¹⁶⁹. В 1899 г., когда В.А. Гиляровский поехал в Белград, он вез с собой письмо от М.М. Бойовича редакторам «Одъека» С. Протичу и Н. Пашичу. Однако он прибыл в сербскую столицу после покушения

---

¹⁶⁷ Шевалье Н. Указ. соч. С. 97–98.

¹⁶⁸ Гиляровский В.А. Москва газетная // Собр. соч.: В 4 т. М., 1999. Т. III. С. 190–191.

¹⁶⁹ Там же. С. 224.

на Милана Обреновича и, естественно, письмо передать не смог, да и сам чудом невредимым покинул Сербию, хотя уже распространились слухи о его казни¹⁷⁰.

Во время Балканских войн Милан Михайлович отправился в Белград, откуда освещал события. Здесь его привечал старый знакомый по «Одъезу». Журналист сообщал редактору «Русского слова»: «С Пашичем разговариваю каждым вечером по часу на его квартире, и знаю все, что было за день». Не обделяли его вниманием и монаршие особы. «Во дворце был несколько раз по личному приглашению короля и наследника»¹⁷¹, – сообщал он своему газетному руководству. Затем Бойович уехал непосредственно на линию фронта, а на его место прибыл Н.П. Брио. Во время Первой мировой войны он вновь был на родине, сопровождал сербов вплоть до эвакуации на Корфу. Умер Милан Михайлович от сыпного тифа в дни боев в Москве в 1917 г. всего 46 лет от роду. В некрологе редакция «Русского слова» подчеркнула не только его журналистские таланты, но и патриотизм, именую Милана Михайловича «пламенным борником всеславянского единения перед угрозой германского Drang nach Osten», «сербом по племени и подданству, гордым, как все сербы, своим рождением, пламенеющим беззаветной до мучительства любовью к родине». И даже утверждалось, что за заслуги перед местной сербской колонией он стяжал «шутливое, но меткое прозвище неофициального сербского консула», а его «горячую преданность славянскому делу высоко ценили люди, управляющие судьбами Сербии, начиная с вождя ее Николы Пашича». О признании заслуг Бойовича говорило и то, что отпевание в его

---

¹⁷⁰ Там же. С. 233–239.

¹⁷¹ Москва–Сербия, Белград–Россия: Сб. документов и материалов. Т. 3: Обществом-политические и культурные связи. 1878–1917 / авт.-сост. А.А. Шемякин, М. Перишић [и др.]. М.; Београд, 2012. С. 308–309.

квартире служил настоятель храма Сербского подворья архимандрит Михаил¹⁷².

Гавриил Сергеевич Веселитский-Божидарович, родившийся в Герцеговине, к тому моменту уже более 20 лет проработал лондонским корреспондентом «Нового времени»¹⁷³. В этом же издании сотрудником был более интересный для наших сюжетов человек – Иероним Павлович Табурно, который, по словам сербского посланника Д. Поповича, «писал всегда в нашу пользу»¹⁷⁴. Он родился в Далмации в 1862 г., окончил Венский университет по специальности инженера. После участия в антиавстрийском восстании в Герцеговине был вынужден пересечь в Черногорию, Болгарию, а затем – в Россию. Работая по специальности, участвовал в строительстве Закаспийской железной дороги под руководством генерала М.Н. Анненкова. Затем поселился в Петербурге, где переквалифицировался в журналиста¹⁷⁵. В 1884 г. в Болгарии он познакомился с будущим вершителем судеб Сербии Н. Пашичем (они вместе работали на строительстве Русе-Варненской железнодорожной линии¹⁷⁶), и между ними на долгие годы завязалась тесная дружба¹⁷⁷.

Затем в связи с изменением ситуации в Болгарии оба эмигранта были вынуждены покинуть эту страну и отправиться

---

¹⁷² Бессонов В.А. Три судьбы на переломе эпохи // Московский журнал. 2018. № 1. URL: <http://mosjour.ru/2018018796/> (дата обращения: 30.09.2019).

¹⁷³ Кострикова Е.Г. Первая Балканская война и российское общество... С. 476. Интересно отметить, что константинопольский корреспондент «Русского слова» носил фамилию Черногорчевич (там же. С. 479).

¹⁷⁴ Поповић Д. Балкански ратови: 1912–1913. Београд, 1993. С. 173–174.

¹⁷⁵ Новое время. 1913. 29 июня.

¹⁷⁶ Централен държавен архив на република България (далее – ЦДА). Ф. 284К. Оп. 1. А. е. 334. Л. 2.

¹⁷⁷ Шемякин А.А. Никола Пашич // Вопросы истории. 2002. № 2. С. 73.

в Россию. Через некоторое время Н. Пашич триумфально вернулся на родину и в 1891 г. возглавил правительство, а И.П. Табурно остался в России и продолжил карьеру инженера: принял участие в строительстве Закаспийской, Сибирской, Московско-Ярославско-Архангельской железнодорожных линий. Параллельно началась его карьера публициста: он стал печататься в газетах «Россия», «Русская земля», вошел в штат «Нового времени»¹⁷⁸. В 1899–1900 гг. он организовал издательское товарищество «И.П. Табурно и К^о», но вскоре был вынужден отказаться от этого предприятия и вернуться к работе инженера. В это время начинают выходить первые его небольшие книги и брошюры, сначала касавшиеся сугубо железнодорожного строительства, затем носившие и более широкий аналитический характер¹⁷⁹. В 1903 г. Иероним Павлович принял участие в экспедиции Н.Г. Гарина-Михайловского, готовившей проект

---

¹⁷⁸ Золотая книга Российской империи. СПб., 1908. С. 82.

¹⁷⁹ *Табурно И.П.* Записка к проекту «горнопромышленной» железной дороги (Славянск – Петербург): По проекту инж. И.П. Табурно. СПб., 1902; *Он же.* Необходимые мероприятия для создания экспорта за границу донецкого угля и русского торгово-грузового флота для русского экспорта вообще. СПб., 1902; *Он же.* О применении системы «воздушных контактов» для электрических трамваев и электрических железных дорог. СПб., 1902; *Он же.* Пояснительная записка к сооружению Рудничная-Лозовской железной дороги. СПб., 1902; *Он же.* Эскизный обзор финансово-экономического состояния России за последние 20 лет (1882–1901 гг.). СПб., 1903; *Он же.* Крестьянский земельный вопрос. СПб., 1906; *Он же.* Записка к проекту электрической железной дороги от города Санкт-Петербурга (Казанская площадь) до Красной Горки через станции Лигово и Ораниенбаум существующей Ораниенбаумской ветви Балтийской железной дороги. СПб., 1907; *Он же.* «Новая панама – Н.А. Демчинского». Ответ на брош. Н.А. Демчинского «Новая панама – Армавир-Туапсинская ж. д.». СПб., 1910.

железнодорожной ветки в Крыму. Табурно, как признавал сам Гарин-Михайловский, был ему навязан сверху, но, поскольку являлся «крупным, очень знающим инженером», стал помощником начальника экспедиции¹⁸⁰.

В эти годы сотрудничество с «Новым временем» не прерывалось, у издателя газеты А.С. Суворина И.П. Табурно был, видимо, на хорошем счету, поскольку в 1904 г. ему было доверено возглавить только что созданную московскую газету «Телефон “Нового времени”», где публиковались извлечения из головного издания¹⁸¹. Работа в этом печатном органе прервалась в связи с командировкой в качестве корреспондента «Нового времени» на русско-японскую войну. В ней Табурно пробыл с 12 января по 14 марта 1905 г. и по ее итогам подготовил книгу заметок и впечатлений¹⁸². В 1908 г. в собрании армии и флота читал доклад о наилучшем способе развития Дальнего Востока¹⁸³. После войны Иероним Павлович принял русское подданство и был пожалован в потомственное дворянство¹⁸⁴. В 1907 г. он участвовал в проектировании и строительстве столичного трамвая, в 1908 г. являлся редактором газеты «Вечер»¹⁸⁵. Летом 1912 г. сербский парламент именно его утвердил застройщиком порта Прахово

---

¹⁸⁰ *Куприна-Иорданская М.К.* Годы молодости. М., 1966. С. 168.

¹⁸¹ Российский государственный архив литературы и искусства (далее – РГАЛИ). Ф. 459. Оп. 1. Ед. хр. 4173. Л. 2–4.

¹⁸² *Буранок А.О.* Книга И.П. Табурно «Правда о войне» как исторический источник // Платоновские чтения: Материалы XI Всероссийской конференции молодых историков, г. Самара, 2–3 декабря 2005 г. / отв. ред. П.С. Кабытов. Самара, 2005. С. 186.

¹⁸³ *Табурно И.П.* Как наилучшим образом обеспечить свободное развитие России на Дальнем Востоке и неприкосновенность ее границ: Доклад И.П. Табурно, прочит. в собр. армии и флота 5 марта 1908 г., и прения по этому вопросу. СПб., 1908.

¹⁸⁴ Новое время. 1913. 29 июня.

¹⁸⁵ Золотая книга Российской империи. С. 82.

на Дунае¹⁸⁶. Вряд ли конкурс состоялся совсем без участия лидера правящей Радикальной партии Н. Пашича.

Разносторонняя активность Иеронима Павловича рождала вопросы, особенно учитывая обретение им дворянства и упоминание Н.Г. Гарина-Михайловского, что инженер ему был навязан сверху. И, как вспоминал сербский посланник в Петербурге Д. Попович, ему было известно, что И.П. Табурно – друг Н. Пашича, что у него есть красиво обставленная квартира и элегантный экипаж, что он в «Новом времени» активно отстаивает интересы Сербии, но «точно не знал, кто он и чем занимается»¹⁸⁷.

С началом Первой балканской войны И.П. Табурно вновь взял в руки перо и поехал в Сербию. Из Белграда на шесть дней он приехал в качестве сотрудника «Нового времени» в Софию. Как сообщил своему руководству А.В. Неклюдов, журналист имел беседу с премьером И. Гешовым и рассказывал ему, «будто бы государь император, приняв недавно Михаила Суворина¹⁸⁸, соизволил сказать ему, между прочим, что Россия ни при каких обстоятельствах не потерпит вступления австрийских войск в Сербию». Посланник просил болгарского главу правительства не слушать эти рассказы, верить передаваемым указаниям МИДа, но, как он сообщил заместителю министра А.А. Нератову, «я уверен, что последний (Табурно. – Н.Г.) сделал здесь свое дело». Эта телеграмма попала Николаю II, на которой он сделал помету «Неправда», относящуюся к якобы его словам¹⁸⁹. Сотрудник «Нового времени» фактически укреплял уверенность болгар в безопасности объявления войны Турции, подталкивал их к этому. Но здесь необходимо учитывать, что он мог

---

¹⁸⁶ Штрандтман В.Н. Указ. соч. С. 103.

¹⁸⁷ Поповић Д. Балкански ратови: 1912–1913. Београд, 1993. С. 173.

¹⁸⁸ Михаил Алексеевич Суворин – сын А.С. Суворина, основателя газетной империи, в это время – редактор «Нового времени».

¹⁸⁹ МОЭИ. С. 234.

действовать в согласии и по просьбе сербского правительства, а также мог передавать сведения Н.Г. Гартвига, что тоже вероятно.

Вернувшись в Петербург, И.П. Табурно развил довольно активную деятельность по популяризации сербского дела на Балканах, при этом, судя по всему, имел доступ к довольно высокопоставленным слушателям. 27 ноября 1912 г. обо всем этом он написал, буквально отчитался, в своем письме Н. Пашичу, к которому обратился «Дорогой Никола», что прекрасно характеризует их отношения.

Спустя три дня по возвращении И.П. Табурно с Балкан к нему обратился начальник канцелярии Министерства двора А.А. Мосолов¹⁹⁰ с просьбой предоставить доклад императору, интересующемуся сербским войском. Помимо доклада было отправлено и письмо, в котором рассказывалось о чувствах сербов к Николаю II, как солдаты, сидя ночью у костра, выражают свою любовь к нему. В конце журналист добавил, что сербский народ достоин любви и защиты русского царя. На полях письма Н. Пашичу приписано, что только пришла весть от Мосолова: государь доволен докладом.

После того в собрании армии и флота сотрудник «Нового времени» читал доклад для столичных военных кругов в присутствии военного министра, состоящего при царе барона Ф.Е. Мейендорфа, корпусных командиров. Всего мероприятие посетили 2 тыс. человек. Как пишет И.П. Табурно, «реферат имел большой успех». Затем этот реферат попросил прислать великий князь Николай Николаевич. На той же неделе вышла книга «О сербских битвах».

Побывал Иероним Павлович и у С.Д. Сазонова и В.Н. Ковцова, но те ему выражали официальную, миролюбивую позицию, хотя разговор с главой правительства прошел на повышенных тонах. Военный министр В.А. Сухомлинов говорил о готовности русской армии к европейской войне.

---

¹⁹⁰ В тексте – помощник министра двора генерал Масалов.

Более интересной оказалась беседа с С.Ю. Витте, иначе смотревшим на ситуацию. Он считал, что Россия должна не уступать Австрии (эту часть письма Н. Пашич выделил). В конце встречи бывший глава правительства перекрестился и сказал: «Слава Богу, кажется, Николай Николаевич берет верх».

После всех бесед И.П. Табурно пришел к следующему выводу: «Безусловно, действует два направления, одно – Сазонов–Коковцов, другое – вел[икий] князь Ник[олай] Ник[олаевич]. Оба направления борются насмерть. Говорят, Ник[олай] Ник[олаевич] одерживает верх». После он написал: «Военная партия хочет войны». И это предложение в тексте подчеркнуто дважды, видимо, Н. Пашичем.

Заканчивалось письмо следующими мыслями: «Много военных и невоенных говорят: Пусть сербы будут тверды, пусть не сдаются, пусть не отступают, и все будет хорошо»¹⁹¹.

Даже простой перечень собеседников сотрудника «Нового времени» говорит о том, что заурядным журналистом он не был. Кроме того, тесная и долгая дружба с Н. Пашичем, отчетная форма письма дают основания считать, что действовал уроженец Боки Которской далеко не по собственному почину.

Другим давно осевшим в России сербом был Душан Иванович Семиз, родившийся в 1884 г. в Герцеговине, в городе Мостар. Его детство обросло легендами. Племянник жены рассказал о семейном предании, согласно которому «мальчишеское бахвальство древностью своих фамилий, завершившееся незначительной потасовкой на традиционном приеме у их родственника – наследного принца Карагеоргиевича, привело к тому, что больше Душану

---

¹⁹¹ Гусев Н.С., Шемякин А.А. «Пусть сербы будут тверды, пусть не сдаются, пусть не отступают, и все будет хорошо»: письмо русского журналиста черногорского происхождения И.П. Табурно сербскому премьеру Н. Пашичу в разгар австро-сербского кризиса 1912 г. // Славянский альманах. 2019. № 3–4.

увидеть родные места не довелось». Здесь стоит указать на то, что до 1903 г. на сербском престоле находилась иная династия – Обреновичи. Тот же автор утверждает, что соседом Д.И. Семиза по парте был Симон Петлюра¹⁹². Но эти данные, хотя бы на том основании, что между ними существенная разница в возрасте, опроверг А.Н. Горяинов¹⁹³. В реальности бегство из Герцеговины состоялось из-за изгнания из мостарской гимназии за участие в сербском национально-освободительном движении и близость к тайным организациям. В Полтаве его приютил дальний родственник Й.Х. Пичета, и Д.И. Семиз рос вместе с будущим знаменитым славистом и организатором науки В.И. Пичетой. Окончив Полтавскую духовную семинарию, он обучался юриспруденции в Казанском, а затем в Санкт-Петербургском университетах¹⁹⁴. Оставшись в столице, Д.И. Семиз стал правоведом, часто выступал в печати с популярными работами о южнославянских народах, был избран членом Матицы сербской¹⁹⁵. Его огромная общественная активность во время Балканских войн (о которой ниже), видимо, не принесла особых материальных благ, поскольку Первую мировую войну он встречал

---

¹⁹² *Рогов Д.К.* Из истории одной российской семьи // Опочининские чтения. Вып. 6. Мышкин, 1998. С. 31.

¹⁹³ *Горяинов А.Н.* Протоирей Иоанн Пичета и его потомки (из родственных связей Душана Семиза) // Ученый сборник. Вып. 4–5. Мышкин, 2003. С. 87.

¹⁹⁴ *Рождественская М.В.* Из истории сербско-русских историко-культурных связей: Душан Иванович Семиз (1884–1955) и его семья. Заметки к материалам петербургских и московских архивов // *Slověne*. 2017. № 2.

¹⁹⁵ *Рождественская М.В.* Душан Иванович Семиз: «Сербская Голгофа» // Опочининские чтения. Вып. 6. С. 27–30; *Горяинов А.Н.* В.И. Пичета как поборник единства славян и сторонник идей социализма // Славянский альманах 2001. М., 2002. С. 286–287.

в должности делопроизводителя 2-го стола инженерно-канализационного отдела российской столицы¹⁹⁶.

После начала общевропейского вооруженного конфликта Д.И. Семиз отправился в Сербию, опубликовал в России свои эмоциональные брошюры об увиденном¹⁹⁷, по возвращении занимался организацией Сербского добровольческого корпуса¹⁹⁸. После 1917 г. он остался в России, имел связи среди находившихся в Москве членов Компартии Югославии, однако это не спасло от нескольких арестов и ссылок. Умер он в 1955 г. в родном городе жены – Мышкине¹⁹⁹.

К И.П. Табурно и Д.И. Семизу присоединился приехавший из Сербии профессор Белградского университета Радован Кошутич. Он был нередким гостем в российской столице, на родине преподавал русский язык, учебник грамматики которого написал. Выступления в России на политическую тему для него также не были новинку – в 1908 г. он опубликовал брошюру «Сербский народ и аннексия Боснии и Герцеговины»²⁰⁰. К нему периодически присоединялись другие сербы, публично защищавшие интересы своего народа, но постоянной фигурой был именно он.

---

¹⁹⁶ *Рождественская М.В.* Из истории... С. 508.

¹⁹⁷ О них в том числе см.: *Горяинов А.Н.* Д.И. Семиз – сербский патриот и русский общественный деятель // *Славяноведение*. 2019. № 5.

¹⁹⁸ *Вишняков Я., Тимофеев А., Милорадович Г.* Армия без государства. От сербского к югославянскому добровольческому корпусу в России во время Первой мировой войны. М., 2014. С. 46; *Гусев Н.С.* Сербь-эмигранты в России, защищавшие интересы родины в годы Балканских и Первой мировой войн. Четыре портрета: М.М. Бойович, И.П. Табурно, Д.И. Семиз, Ч.М. Иоксимович // *Столетие двух эмиграций. 1919–2019*: Сб. ст. / отв. ред. А.Ю. Тимофеев. М.; Београд, 2019.

¹⁹⁹ *Рождественская М.В.* Из истории... С. 514–518.

²⁰⁰ *Кошутич Р.* Сербский народ и аннексия Боснии и Герцеговины. СПб., 1908.

Прибыв в Петербург, Р. Кошутич взял быка за рога. Согласно документам охраны, он сразу же обратился к М.М. Ковалевскому с вопросом, напоминающим риторiku «Нового времени»: «Правда ли, что русская прогрессивная демократия, проповедующая на словах свободу, равенство и братство, подчиняясь на деле еврейским капиталам, желает признавать эти принципы только в вопросах, касающихся евреев, и отказывается признавать их в отношении югославян, находящихся под турецким ярмом». Ковалевский ответил, что единолично ответа он дать не может, но организует собрание, где все смогут высказаться.

Указанным собранием было вышеупомянутое мероприятие на квартире М.М. Ковалевского 11 октября 1912 г. На нем состоялась дискуссия между белградским профессором и лидером русских кадетов. П.Н. Милюков заявил, что «в России славянская идея является затасканной игрушкой реакционных кругов русского общества». А прогрессивные граждане, по его мнению, должны смотреть на вопрос шире и учитывать, что патриотический подъем станет угрожать дальнейшей либерализации государства и «загажит светоч конституционализма». В ответ последовала пламенная речь Р. Кошутича. По его словам, в тот момент у власти в Османской империи находилась «еврейская солунская партия», прикрывавшаяся именем младотурок, под управлением которой ярмо на плечах славянских народов стало еще тяжелее. Против них «воюют не армии, а все югославянские народы, и кто не с ними, тот за евреев, за еврейские биржи, вложившие свои миллиарды в Турцию, тот против славян, против равенства, братства и свободы, тот против России сильной и великой». Выступление сербского ученого оказало требуемый эффект, и П.Н. Милюков остался в одиночестве, когда голосовали за текст воззвания, в котором содержались весьма важные слова о необходимости «русскому национальному самосознанию» обеспечить балканским славянам

сохранение плодов их побед²⁰¹. Через пять дней по инициативе Общества славянской взаимности состоялся банкет в честь Р. Кошутича, где собралось более 70 представителей общественности²⁰².

У российского правительства это давление вызвало ожидаемую негативную реакцию. Сербский посланник Д. Попович сообщал Н. Пашичу о недовольстве С.Д. Сазонова, по мнению которого посланники Белграда участвуют в газетной травле политики МИДа, поскольку «некоторые из наших людей вошли в контакт с некоторыми из этих газет». По поводу же Р. Кошутича министр заявил, что не стоит в России иметь сразу двух посланников – одного при правительстве, другого – при газетах и общественном мнении²⁰³.

Отметим, что Россия не являлась единственным местом, где сербы активно воздействовали на общественные настроения. Координаторами реализации задачи – создания необходимого мнения у населения европейских держав – назначались люди, имевшие тесные связи с интеллектуальными кругами стран, куда их отправляли, желательно обретенные во время учебы. Во Франции таким человеком был выпускник Сорбонны Гргур Якшич²⁰⁴.

Кроме того, в интересах Сербии, попадая под влияние своих сербских друзей, выступали и российские подданные, но зачастую их взгляды и изначально не расходились.

* * *

До весны 1913 г. основным направлением деятельности сербов являлось албанское. Причем занимались они не нападками на умеренную позицию российского правительства,

---

²⁰¹ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 121. 4-е делопроизводство. 1912 г. Ед. хр. 278. Л. 28–29об.

²⁰² Там же. Л. 32об.

²⁰³ Срѣбските интриги и коварства... С. 438.

²⁰⁴ *Стојић Б.* Први балкански рат... С. 345.

а работали конкретно против создания Албании, донося до русского общества определенные тезисы.

Если болгары предъявляли миру зверства турок над мирным населением, то сербы больше говорили об албанцах-арнауках. И.П. Табурно писал, что турки и албанцы долгие годы методично истребляли сербов, и, как ему говорил российский консул в Скопье и другие его коллеги, «промедли Сербия еще лет 5–6, ни одного серба в этом крае не осталось бы»²⁰⁵. Болгары часто рассказывали, что турки выбрасывали белый флаг, после чего в упор расстреливали подошедших к ним, а тот же Табурно говорил об аналогичных случаях со стороны арнаутов и добавлял: «Нельзя удивляться, если впоследствии сербы не давали арнаутам пощады и не верили белым флагам, хотя еще несколько раз за время войны и дали себя обмануть»²⁰⁶.

Необходимо было объяснить всю «абсурдность» идеи создания албанской государственности. И.П. Табурно писал по этому поводу: «Толкуют культурные дипломаты о какой-то автономии Албании, где бы эти арнауты сами были хозяевами... Что же это за государство может быть, где эти звери будут полными хозяевами? Это будет зверинец, а не государство! Это будет гнездо пиратов, разбойников!»²⁰⁷ Он доказывал, что такой этнической общности не существует в принципе и истории у нее нет. По его мнению, европейские дипломаты не смогли бы ответить на вопрос, «что это за народ албанцы и каково их государственное прошлое». Ведь Албания в совокупности никогда не была государством, лишь иногда отдельные небольшие ее части налаживали самоуправление, не приобретая при этом государственного строя. Албанцы же представляют из себя большое количество племен, не имеющих ничего общего друг с другом: не существует единого языка

---

²⁰⁵ Табурно И.П. О сербских битвах... С. 97.

²⁰⁶ Там же. С. 35.

²⁰⁷ Там же. С. 61–62.

(и, как следствие, признака культурности – литературы), профессиональные различия приводят к постоянной междоусобной борьбе. А объединили их в одну общность лишь «чисто по практическим и географическим доводам»²⁰⁸.

В ноябре 1912 г., когда вышла книга И.П. Табурно, в Обществе славянского научного единения Д.И. Семиз также утверждал, что наличие столь «неудобной» для интересов Сербии этнической общности – «албанский миф»²⁰⁹. Там же российский профессор П.А. Лавров утверждал, что в Старой Сербии достаточно много сербов, просто они носят албанское платье, а в присутствии властей и иностранцев говорят на албанском²¹⁰. В другой публичной лекции он утверждал, что этот регион неоднороден и такого государства никогда не существовало как самостоятельного политического целого²¹¹.

В то же время для давления на русское общество не использовались такие «топорные» аргументы, какие привел в своей немецкоязычной книге 1913 г. сербский академик и бывший премьер-министр В. Джорджевич. Он описал албанцев как «современных троглодитов», среди которых вплоть до XIX в. встречались люди с хвостами. Примечательно, что автор повторял сведения, почерпнутые из австрийских книг²¹². В русском обществе, уже неплохо представлявшем себе Балканы, такие «факты» могли бы вызывать лишь усмешку, потому доказательства отсталости албанцев находились в политической и историко-этнографической, а не зоологической плоскости.

---

²⁰⁸ Там же. С. 135–136.

²⁰⁹ Семиз Д.И. Указ. соч. С. 60–61.

²¹⁰ Лавров П.А. Балканский союз и Сербия. СПб., 1913. С. 14.

²¹¹ Лавров П.А. Балканский союз и переживаемый им кризис. Петрозаводск, 1914. С. 28.

²¹² Езерник Б. Дикая Европа. Балканы глазами западных путешественников / пер. со словен. М., 2017. С. 84.

Главным, ударным доводом в пользу передачи Сербии нынешней Северной Албании был экономический – выход к Адриатическому морю указывался как *sine qua non* развития страны. По словам И.П. Табурно, она без порта «не может существовать как независимое государство». «Для Сербии это вопрос жизни», – писал он в ноябре. Ради выхода к морю она многим пожертвовала при выработке условий договора с Болгарией, а экономические интересы Австро-Венгрии в этом регионе, по мнению журналиста, не могут быть доводами в ее пользу²¹³. Один из звучавших тогда вариантов решения проблемы – получение Сербией железнодорожного коридора к морскому порту – он также считал неверным. В отличие от КВЖД эти пути будут пролегать в гористой местности и во враждебном окружении, когда любой албанец может обстрелять состав или испортить дорогу и безнаказанно вернуться на территорию своего государства²¹⁴.

В конце своей книги «О сербских битвах» И.П. Табурно открыто выступил как сторонник активной политики России в австро-сербском конфликте. Начав с того, что Австро-Венгрия не может настаивать на своей точке зрения по праву сильного, поскольку ее армия блестящих военных побед никогда не одерживала, он выразил следующую мысль: слова о том, что нельзя начинать войну из-за порта на Адриатике, надо адресовать Вене, а Петербург совместно с Европой обязан сказать: «Порт должен быть дан Сербии, нельзя из-за него затевать европейскую войну, никому этот порт не может мешать, а Сербия как независимое государство без него существовать не может». Для Антанты, по его мнению, «непростительно и даже преступно» оставлять в «экономическом порабощении» своего балканского союзника.

---

²¹³ Табурно И.П. О сербских битвах... С. 138.

²¹⁴ Там же. С. 142.

Далее он обрушился на австрийское правительство. Как он выразился, Вена постоянно доказывала, что черное – это белое, и затем – наоборот, а слабовольные европейские дипломаты этому верили. За этим следовало рассуждение, в полной мере показывающее талантливость И.П. Табурно в умении завуалировать свои мысли: современная химия изобрела достаточное количество средств для распознавания цветов, что позволяет легко отличить черное от белого, поэтому дипломатам стоит привлечь специалистов из этой области: «Те наверно сумеют разрешить спор с Австрией. Военные химики ведь хорошо знакомы с взрывчатыми веществами, с эффектом орудийного и оружейного огня, дипломаты же, особенно наши, игнорируют эти в наш век категорические знания и умение ими пользоваться».

В заключение он выражал убежденность, что Россия сумеет употребить себе на пользу создавшееся положение и не оставит на произвол своего верного союзника. Но сербам необходимо предоставить и «более веские доказательства дружбы и поддержки. Недостаточно лишь восторгаться их победами, их успехами»²¹⁵.

И эта точка зрения имела в русском обществе своих сторонников.

* * *

28 октября военный министр В.А. Сухомлинов прислал не ожидавшему этого председателю правительства экстренное требование об отпуске в его распоряжение «в связи с событиями на Балканах» 63 млн. руб. на усиление обороны на австрийском фронте. При этом он отметил, что Николай II запрос уже одобрил²¹⁶, тем самым демонстрируя пренебрежение мнением В.Н. Коковцова и обособленное положение

---

²¹⁵ Там же. С. 140–144.

²¹⁶ *Коковцов В.Н.* Из моего прошлого. Воспоминания 1911–1919. М., 1991. С. 178.

собственного ведомства²¹⁷. 31 октября на заседании Совета министров В.А. Сухомлинов повторил свои соображения относительно необходимости осуществления мер по усилению боеготовности армии. Глава правительства отвечал, что ввиду усилий великих держав по поиску мирного решения конфликта нельзя считать войну столь вероятной²¹⁸. Однако его позиция оказалась не услышанной, и в результате запрос об отпуске средств в Военное министерство был удовлетворен, хотя и составлялся, очевидно, второпях и без серьезной подготовки²¹⁹. Департамент полиции стал спешно выяснять моральную готовность населения к войне²²⁰.

Затем, согласно мемуарам В.Н. Коковцова, 19 ноября император созвал совещание, куда пригласил председателя правительства и министра иностранных дел, и поставил их перед фактом: днем ранее на встрече с командующими войсками Варшавского и Киевского военных округов он принял решение о проведении полной мобилизации Киевского, частичной – Варшавского, подготовке к аналогичным действиям в Одесском военном округе. При этом

---

²¹⁷ Последовавшее противоборство В.А. Сухомлинова и В.Н. Коковцова осенью 1912 г. освещается на основании мемуаров главы правительства и «Особых журналов Совета министров» в статье М.Ф. Флоринского (Совет министров России и Военное министерство накануне Первой мировой войны // Труды Исторического факультета СПбГУ. Т. 5: История России: экономика, политика, человек. СПб., 2011).

²¹⁸ Особые журналы Совета министров Российской империи. 1909–1917 гг. / 1912 год. / сост. Б.Д. Гальперина. М., 2004. С. 316–317.

²¹⁹ *Коковцов В.Н.* Указ. соч. С. 178–179.

²²⁰ Подробнее об этом см.: *Гусев Н.С.* «...Какие вообще высказываются соображения по вопросу желательности вмешательства России в славянский вопрос»: Доклад Департамента полиции об отношении населения России к возможности общеевропейской войны в 1912 г. // Славянский альманах 2017. Вып. 1–2.

русский монарх рассчитывал на поддержку германского императора²²¹.

По документам Совета министров, ситуация выглядела несколько иначе. 22 ноября В.А. Сухомлинов обратился к В.Н. Коковцову с письмами о необходимости готовиться к войне. 24 ноября глава правительства сообщил об этом Николаю II, а далее состоялась встреча с императором. На ней С.Д. Сазонов указал, что проведение мобилизации лишь обострит отношения с Австро-Венгрией и подтолкнет Сербию к неуступчивости. В результате Совмин постановил начать закупку лошадей, усилить охрану мостов и передислоцировать кавалерийские части ближе к границе с Дунайской империей. Мобилизационные же мероприятия отложили, поставив их реализацию «в зависимость от дальнейшего хода событий»²²². В конечном итоге в Петербурге ограничились лишь задержкой на службе нижних чинов, подлежавших увольнению в запас, что довело численность войск западных округов до штата военного времени. Согласно Всеподданейшему докладу по Военному министерству за 1912 г., это было обусловлено «тревожной политической обстановкой и возможностью вооруженного столкновения с державами Тройственного союза»²²³.

Мысль о войне, таким образом, витала в воздухе, что вызвало у современников понятные опасения. Ставший вскоре петербургским городским головой И.И. Толстой записал об этом 31 октября: «Несомненно имеет связь с балканскими делами»²²⁴. В памяти историка С.С. Ольденбурга от-

---

²²¹ Коковцов В.Н. Указ. соч. С. 182.

²²² Особые журналы Совета министров... С. 386–391.

²²³ Военная промышленность России в начале XX века 1900–1917. М., 2004. С. 423. В то же время С.Д. Сазонов в воспоминаниях относит эти события к первой половине 1913 г. (Сазонов С.Д. Указ. соч. С. 83).

²²⁴ Толстой И.И. Указ. соч. С. 414.

ложилось, что «в ноябре был момент, когда война казалась возможной»²²⁵. Сходные свидетельства встречаем в дневнике поэта А.А. Блока: «Чай пьем у мамы, Франц (отчим А.А. Блока. – *Н.Г.*), усталый и печальный, говорит – война: австрийцы мобилизовали 8 пограничных корпусов»²²⁶. В декабре он узнал от знакомого, что его полк готовится к войне²²⁷. В декабре вологодский крестьянин А.А. Замараев отметил в дневнике: «Австрия готова к войне, у [н]ее 800 тысяч солдат готовы к бою»²²⁸; а один из агентов охраны докладывал о настроениях общества: «С самого начала вмешательство России считается неизбежным»²²⁹.

Писатель М. Горький в это время находился на о. Капри, но слухи и тревожное настроение доходили и до него. Он в письмах спрашивал знакомых о реальности войны с Дунайской империей. Кто-то ему сообщал, мол, «собираемся воевать»; он их называл «болванами»²³⁰. Писатель А.В. Амфитеатров, много раз бывавший на Балканах, отвечал, что не верит в войну, но добавлял: «Не быв давно на местах, боюсь судить»²³¹. Для Горького муссирование слухов о столкновении стало даже поводом для шуток. В декабре 1912 г. он задавал вопрос критику и историку литературы Е.А. Ляцкому: «Ваш приезд столь же, кажется, гадателен, как австро-русская война?»²³²

---

²²⁵ *Ольденбург С.С.* Царствование Императора Николая II. Т. 2. Мюнхен, 1949. С. 96.

²²⁶ *Блок А.* Дневник. М., 1989. С. 151.

²²⁷ Там же. С. 394.

²²⁸ Дневник Тотемского крестьянина А.А. Замараева. 1906–1922 год. М., 1995. С. 56.

²²⁹ ГАРФ. Ф. 63. Оп. 32. Ед. хр. 1346. Л. 19.

²³⁰ Литературное наследство. Т. 95: Горький и русская журналистика начала XX века. Неизданная переписка / отв. ред. И.С. Зильберштейн, Н.И. Дикушина. М., 1998. С. 415.

²³¹ Там же. С. 414.

²³² Там же. С. 548.

После Февральской революции, в августе 1917 г., на допросе А.И. Гучков утверждал, что с началом Балканских войн стало очевидным, что «в ближайшие годы уже предвиделись столкновения с громадными мировыми событиями, в смысле внутреннего здоровья и в смысле военном»²³³.

У некоторых слоев общества антиавстрийская риторика вызывала опасения конспирологического характера. Так, газета «Земщина» предполагала, что в прославянской агитации части прессы кроется «масонская интрига», суть которой – сравнить Россию и Германию в войне, на почве которой вызвать новую революционную смуту²³⁴.

Правительство интересовалось готовностью населения к войне и возможными планами «левых оппозиционных партий» использовать в своих целях вызванную войной нестабильность²³⁵. На основании полученных донесений складывалась следующая ситуация. Офицеры и солдаты как в столицах, так и в провинции к войне относились благосклонно

---

²³³ Падение царского режима. Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной Следственной Комиссии Временного Правительства. Т. 6. М.–Л., 1926. С. 254.

²³⁴ Котов Б.С. Образы Германии и Австро-Венгрии в российской прессе накануне Первой мировой войны. 1912–1914 гг. (по материалам либеральной и консервативной печати): Дис. ... канд. ист. наук. М., 2014. С. 183.

²³⁵ Подробнее об этом см.: Гусев Н.С. Русское общество и сербско-австрийский конфликт 1912–1913 гг.: хотели ли русские войны // Славянский альманах. 2018. № 3–4. Связь этой темы со славянским вопросом подчеркивает и то, что отношение населения к вооруженному вмешательству России в запросе министра внутренних дел следовало после отношения населения к войне на Балканах. При этом осторожная формулировка задания, требовавшего выяснить, «какие вообще высказываются соображения по вопросу желательности вмешательства России в славянский вопрос», приводила и к пониманию вопроса в плане войны с Турцией.

и «охотно пойдут бить австрияков, защищать братьев-славян», как выразился один из агентов²³⁶.

Донесения, поступавшие из центральной части страны, формировали противоречивую картину. Где-то, как в Твери, высказывались за необходимость «поддерживать все славянские требования до вмешательства включительно»²³⁷. А где-то, подобно Смоленску, на вооруженный конфликт смотрели «как на народное бедствие»²³⁸. В Сибири население было настроено сдержанно. В Иркутске лишь военные и правые выступали за войну, остальные же считали, что война на Балканах «ведется буржуазией за свои интересы, а народ от нее ничего не выиграет»²³⁹. Из Томска сообщалось, что «вообще население Западной Сибири мало интересуется славянским вопросом», признает необходимость поддержки балканских народов, «но избегая вооруженного вмешательства, могущего нарушить внутреннюю жизнь государства»²⁴⁰. При этом в ряде регионов отмечалось опасение, что Россия еще не готова к полномасштабной войне²⁴¹.

Рабочие Петербурга в целом оставались безразличными к событиям на Балканах. Проявляя некоторое сочувствие к славянам, беспартийные пролетарии, «будучи поглощены своею личною жизнью и заботами», считали войну для России нежелательной²⁴². Иным было отношение рабочих Москвы. Рабочий типографии под псевдонимом «Андреев» сообщал, что относительно Австро-Венгрии «зачастую приходится слышать восклицание <...> “Россия тебе покажет”», при этом особо воинствен был «правый элемент, а в частности

---

²³⁶ ГАРФ. Ф. 63. Оп. 32. Ед. хр. 1346. Л. 11, 12, 15, 19.

²³⁷ Там же. Л. 9.

²³⁸ Там же. Л. 7.

²³⁹ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 121. 4-е делопроизводство. 1912 г. Ед. хр. 278. Л. 17.

²⁴⁰ Там же. Л. 18.

²⁴¹ Там же. Л. 16, 20.

²⁴² Там же. Л. 33об.

пожилые люди»²⁴³. Другие московские агенты докладывали, что «рабочие из запасных не прочь сами повоевать. Верят в возможность вовлечения России в войну с Австрией и одобряют ее». Об аналогичном настрое докладывали из Тулы²⁴⁴. Начальник Московского губернского жандармского управления сообщал в Петербург, что рабочие к войне готовы: «если Австрия вмешается, мы все пойдем»²⁴⁵.

В то же время поступала информация, что «терпимость России в случае агрессивной политики Австрии вызовет горькое чувство народных масс и нападки оппозиции на бессилие России, на политику правительства, создавшего это бессилие»²⁴⁶. Петербургская профессура считала, что в случае разгрома Австрией Сербии «будет взрыв негодования и порицания бездеятельности правительства»²⁴⁷. Начальник Киевского охранного отделения и вовсе констатировал, что «вооруженное вмешательство как идейная поддержка славян не имеет почвы <...> но твердая политика к недопущению Австрии до посягательств на интересы России будет встречена сочувственно»²⁴⁸. Таким образом, как и в случае с публичными собраниями, для определенной части общества славянский вопрос являлся лишь аспектом противостояния Австро-Венгрии.

Категоричную позицию занимали правые. В Киеве правые организации считали «священной обязанностью России заботу о славянах, необходимость оказывать им поддержку в самых широких размерах», а в случае войны ожидали энтузиазма в обществе²⁴⁹. В кулуарах Госдумы националист

---

²⁴³ ГАРФ. Ф. 63. Оп. 32. Ед. хр. 1346. Л. 5.

²⁴⁴ Там же. Л. 3.

²⁴⁵ Там же. Л. 15.

²⁴⁶ Там же. Л. 20.

²⁴⁷ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 121. 4-е делопроизводство. 1912 г. Ед. хр. 278. Л. 33об.

²⁴⁸ Там же. Л. 24об.

²⁴⁹ Там же. Л. 24.

В.В. Шульгин говорил: «Хочешь мира, готовься к войне. Слишком уже дерзко-вызывающе ведут себя господа австрийцы». Другие представители этого политического направления считали повод недостаточным. Князь А.П. Урусов считал, что общеевропейская война из-за порта на Адриатике «совершенно немыслима». Националисту П.Н. Балашову казалось, что «воевать из-за какого-то Дураццо нелепо», но при этом «всякой уступчивости есть предел, и в случае, если общеславянские интересы будут затронуты, Россия не может не выступить в защиту их»²⁵⁰.

Известный публицист М.О. Меншиков 1 ноября на страницах «Нового времени» советовал сербам не превращать свое требование выхода к Адриатике в казус белли, а подождать, поскольку «крайней необходимости» в порте нет, а спустя некоторое время им отойдет все восточное побережье Адриатического моря²⁵¹. И в то же время «Новое время» наряду с октябристским «Голосом Москвы» и прогрессистским «Утром России» называли давление Вены откровенным шантажом и доказывали, что Австро-Венгрия, угрожая войной, боится ее больше всех, ведь вся военная история этого государства – цепь унижительных поражений²⁵².

Примыкали в вопросе желательности войны к основной массе правых и октябристы. М.М. Алексеенко высказывал в Думе следующую мысль: «Само собой разумеется, что воевать из-за маленького порта нелепо, но нельзя же отрицать того, что выход Сербии к морю является для нее насущнейшим и жизненным вопросом». По его словам, если у этого государства по-прежнему останется заслон на пути развития в виде Австро-Венгрии, то такой порядок не сможет долго

---

²⁵⁰ Гальперина Б.Д., Перегудова З.И., Старцев В.И. Донесения А.К. Куманина из Министерского павильона Государственной думы, декабрь 1911 – февраль 1917 года // ВИ. 1999. № 2. С. 6–7.

²⁵¹ Кострикова Е.Г. Геополитические интересы... С. 268–267.

²⁵² Котов Б.С. Политика Австро-Венгрии... С. 79.

существовать, «искра будет тлеть и в самом ближайшем будущем пожар неминуем»²⁵³.

Провинциальные октябристы были более резки и неприимимы в своих взглядах на возможную войну. Региональное издание этой политической силы «Голос Самары» обвиняло своих земляков-пацифистов из «Волжского слова» в предательстве национальных интересов и указывало, что высказывания их оппонентов несут «заразу извращения и безумия в душу всего человечества»²⁵⁴. В целом, как считал начальник охранного отделения Петербурга, «среди названных общественных кругов (умеренно правых, умеренных и прогрессистов) мысль о войне России за славянское дело при указанных условиях является ныне популярной, между тем как к русско-японской войне те же круги относились вполне отрицательно»²⁵⁵.

Не имели четкой линии поведения либералы. П.Н. Миллюков в Думе выступал против войны: «Говорят о необходимости удовлетворить самолюбия, но положение дел таково, что есть нечто более важное, чем самолюбия. Быть может, ни та, ни другая сторона вполне удовлетворены не будут, но зато будут предотвращены осложнения весьма серьезные». Но если он «указывать не брался», в каком направлении должен разрешиться конфликт, то его однопартиец В.А. Маклаков предлагал выход из ситуации: по примеру КВЖД Сербия могла бы взять в аренду территорию Албании на 100 лет, дабы там провести железную дорогу к морю. Однако он признавал изъян своего плана: «Было легко ладить с мирными

---

²⁵³ Гальперина Б.Д., Перегудова З.И., Старцев В.И. Указ. соч. // ВИ. 1999. № 2. С. 6–7.

²⁵⁴ Смирнов Ю.Н. Глобальные предупреждения провинциального журналиста: публикации Н. Северского (А.И. Свидерского) в период Балканских войн (1912–1913 гг.) // XX век и Россия: общество, реформы, революции. Вып. 2. Самара, 2014. С. 149.

²⁵⁵ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 121. 4-е делопроизводство. 1912 г. Ед. хр. 278. Л. 31.

китайцами, а албанцы – народ дикий». Но и это препятствие казалось преодолимым, поскольку «важно то, что конфликт необходимо решить мирным путем». Прогрессист А.А. Бубликов и вовсе считал, что «никаких реальных интересов на Балканском полуострове у нас нет», поэтому и речи не может идти ни о каком другом разрешении конфликта, кроме как мирном²⁵⁶. Таким образом, в Думе либералы сохраняли бо́льшую трезвость рассуждений. Надо отметить, это касалось и их изданий. С.Д. Сазонов вспоминал, что газеты данного направления в вопросах внешней политики «не утрачивали способности беспристрастной и здравой оценки политического положения»²⁵⁷. Этому немало поспособствовал сам глава МИДа, который в октябре провел закрытую встречу с представителями этого лагеря. После нее газета кадетов «Речь», ранее упрекавшая министра в чрезмерной уступчивости Австро-Венгрии, стала хвалить осторожность российской внешней политики²⁵⁸.

Тем не менее по поводу войны среди кадетов не существовало согласия. Довольно топорно и явно с некоторым пристрастием это описывал столичный чин охранного отделения: «Среди же собственно кадет, по агентурным сведениям, образовалось два течения: одно – еврейское, в главе с Милюковым и Винавером и другое – славянское. Группа еврействующих становится на сторону австрийских притязаний и защищает политику Сазонова. Славянское же направление во главе с М. Ковалевским солидарно с прогрессистами, октябристами и националистами»²⁵⁹.

²⁵⁶ Гальперина Б.Д., Перегудова З.И., Старцев В.И. Указ. соч. // ВИ. 1999. № 2. С. 6–7.

²⁵⁷ Сазонов С.Д. Указ. соч. С. 80.

²⁵⁸ Шелохаев В.В. Либеральная модель переустройства России. М., 1996. С. 179.

²⁵⁹ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 121. 4-е делопроизводство. 1912 г. Ед. хр. 278. Л. 29об.

В действительности же, конечно, ситуация была сложнее. В октябре 1912 г. вопрос вмешательства в войну активно обсуждался на заседании Петербургского отделения ЦК кадетов. Один из его членов, А.Р. Ледницкий, опасался, что сдержанная позиция приведет к тому, что «общественное движение пройдет мимо нас», потому необходимо проявлять активность и «искреннее отношение к балканским народам». П.Б. Струве указывал, что русские «определенные задачи при ликвидации Турции в Европе» – Проливы, а данный момент для борьбы за них более благоприятен, чем в 1853 г. С ним соглашался Н.А. Гредескул, считая, что текущая ситуация выгодна России, а не Австро-Венгрии. «Война в высшей степени нежелательна, но и для самого предотвращения войны нельзя от нее зарекаться», – заявлял он на заседании ЦК. П.Н. Милюков выдвинул в защиту своей позиции ряд продуманных аргументов. Он не считал необходимым для России сейчас вступать в войну из-за интересов южного славянства, поскольку стране необходимо реализовывать свои цели – приобретение Проливов. В данной же ситуации «вопрос о ликвидации Турции еще не наступил. Для России трудно довольствоваться простой нейтрализацией проливов, для нее нужны и куски территории по берегам проливов». Поэтому, по мнению лидера кадетов, партия должна вести себя тонко и дипломатично, не афишировать свое видение вопроса, чтобы в глазах населения не быть связанной с захватнической политикой²⁶⁰.

Вопрос о пределах вмешательства России в текущие балканские события затем был поднят уже на заседании Московского отделения ЦК кадетов, оказавшегося еще более воинственным, нежели Петербургское²⁶¹. Но и в Первопрестольной представители указанной политической силы не проявляли единства. Правая часть партии

---

²⁶⁰ Шелохаев В.В. Указ. соч. С. 200–205.

²⁶¹ Там же.

считала, что уступки со стороны России нанесут удар по престижу страны не только за рубежом, но и среди широких масс. Левое же течение считало, что война приведет к революционным потрясениям. В частной беседе бывший профессор Московского университета А.А. Кизеветтер утверждал, что правительство «хорошо помнит внутренние последствия японской войны»²⁶².

Добавим, что на это, согласно донесениям охраны, рассчитывали левые партии в большинстве регионов, а также финны, поляки и прибалты. По непроверенным агентурным сведениям, черноморские моряки даже планировали заявить протест против участия в боевых действиях²⁶³. Гораздо реже революционные партии опасались «усиления национализма и реакции в случае победоносного заступничества России за славян»²⁶⁴.

5 декабря 1912 г. в Таврическом дворце перед Думой, приветствуя ее новый состав, выступал председатель правительства В.Н. Коковцов. Он изложил взгляды и планы правительства на ближайшее время. Не мог он не затронуть и «вопроса, на котором с тревогою и напряженно сосредоточено ваше внимание, так же как и внимание всей России». Его слова были дипломатично бессодержательны: «Оставаясь спокойным среди нередко сгущавшихся вокруг него возбуждения и тревоги, правительство не подало никому основания заподозрить нас в своекорыстных замыслах или в желании обострить конфликты и руководилось всегда в своих действиях одною мыслью: стоять на страже исторических своих задач и своего достоинства». Руководство страны, по его словам, при принятии решения должно руководствоваться прошлым наравне с «условиями современной политической обстановки», стремиться к «фактически достижимому, не поддаваясь увлечениям

---

²⁶² ГАРФ. Ф. 102. Оп. 121. 4-е делопроизводство. 1912 г. Ед. хр. 278. Л. 3.

²⁶³ Там же. Л. 15об.

²⁶⁴ Там же. Л. 17.

чувства». В конце своей речи он заявил, что правительство выступает за сохранение европейского мира, и выразил надежду, что «грядущие события не затронут жизненных интересов России, которые мы призваны ограждать всеми нашими силами во имя чести и достоинства нашей родины». Последние слова вызвали рукоплескания «в центре, слева и справа»²⁶⁵.

Не всех депутатов удовлетворило выступление главы правительства. Монархист В.В. Шульгин считал, что речь должна была быть жестче, следовало бы указать, «что хотя мы войны и не желаем, но ее не боимся». Октябрист Н.П. Шубинский считал, что нынешней политикой предаются «исторические заветы России»²⁶⁶. В частной беседе в октябре 1912 г. он утверждал, что войны бояться не стоит, поскольку ее характер поднял бы волну патриотизма и она «явилась бы оздоравливающим началом». А в случае дипломатического давления Франции и Англии на Германию и Австрию участие России в конфликте стало бы реваншем за поражение на Дальнем Востоке²⁶⁷. Надо отметить, что его однопартийцы постоянно критиковали правительство за отсутствие решительности в балканском вопросе, а в марте 1913 г. М.В. Родзянко и вовсе советовал императору действовать решительно и взять Проливы²⁶⁸. И делали это октябристы, видимо, не только из желания подвергнуть кабинет В.Н. Коковцова нападкам. По мнению британского историка Дж. Хатчинсона, «было бы правдоподобно, но полностью неверно» считать, что весь балканский вопрос являлся не чем более, нежели удобным

---

²⁶⁵ Стенографические отчеты / Гос. дума, четвертый созыв, сессия первая. Заседания 1–30 (с 15 ноября 1912 г. по 20 марта 1913 г.). СПб., 1913. Стб. 279–280.

²⁶⁶ Гальперина Б.Д., Перегудова З.И., Старцев В.И. Указ. соч. // ВИ. 1999. № 2. С. 14–15.

²⁶⁷ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 121. 4-е делопроизводство. 1912 г. Ед. хр. 278. Л. 2об.–3.

²⁶⁸ Родзянко М.В. Указ. соч. Л., 1929. С. 77.

политическим оружием, которым партия «Союз 17 октября» пользовалась для умаления авторитета правительства, — ее члены абсолютно серьезно выступали за авантюристическую политику на Балканах²⁶⁹.

После выступления главы правительства не проявляли миролюбия и либералы: ясности и определенности в речи премьера не хватило кадету Н.В. Некрасову²⁷⁰, а В.А. Маклаков 7 декабря заявлял с трибуны, что необходимо было сказать, что Россия не ищет осложнений, «но так же их не боится». 13 декабря в Думе публично защищал позицию правительства П.Н. Милюков, утверждая, что русского крестьянина «нельзя вести на убой» из-за второстепенных интересов²⁷¹. Но он, очевидно, оставался в меньшинстве.

Подтверждает эту картину и донесение болгарского посланника С. Бобчева своему руководству. В декабре 1912 г. он сообщил, что часть русского общества желает непременно удовлетворить желания сербов. Во главе идеологов этого течения, по его мнению, стояла редакция газеты «Новое время». Прогрессивная печать и оба полюса политического спектра выступали за примат интересов самой России, большую же часть населения пугала война, поэтому они ограничивались выражением симпатий славянам. Ощущение грядущей войны при этом не было перманентным. По словам С. Бобчева, все постоянно менялось: сегодня все чувствуют, что находятся накануне столкновения с Австро-Венгрией, а на следующий же день в обществе царит спокойствие²⁷².

---

²⁶⁹ *Hutchinson J.F.* The Octobrists and the Future of Imperial Russia as a Great Power // *The Slavonic and East European Review*. Vol. 50, № 119 (Apr. 1972). P. 225.

²⁷⁰ *Гальперина Б.Д., Перегудова З.И., Старцев В.И.* Указ. соч. // ВИ. 1999. № 2. С. 14–15.

²⁷¹ *Шелохаев В.В.* Указ. соч. С. 207–208.

²⁷² ГАРФ. Ф. Р8091. Оп. 36. КМФ-5. Болгария, поступление 3А-36. Ед. хр. 84. Л. 15–18.

Осенью 1912 г. русское общество раскололось. Большинство политиков и публичных изданий яро выступали за твердую поддержку сербских притязаний вплоть до объявления войны Австро-Венгрии. Доходило до того, что, как отмечала охранка, несогласные с такой позицией московские газеты боялись печатать статьи иного настроения, опасаясь потери популярности²⁷³. Тех же, кто выражал миролюбивые настроения, их противники обвиняли не менее чем в предательстве национальных интересов. Однако подобное мнение отнюдь не было довлеющим во всем русском обществе и тем более не превалировало среди малообразованного и индифферентного крестьянства.

И все-таки руководство страны решило в тот момент уступить. «Новое время» не замедлило назвать это «дипломатическим Мукденom»²⁷⁴, большинство изданий считали происшедшее отступлением России и прогнозировали дальнейшее наступление Австро-Венгрии²⁷⁵. После соглашения о демобилизации России и Австро-Венгрии лишь либеральные «Русские ведомости» выразили свое удовлетворение от этого события: «Оно освобождает нас от опасности войны из-за Дураццо, и потому мы его приветствуем»²⁷⁶. Как справедливо отметил болгарский историк И. Илчев, «уступки ускорили распад Балканского союза, но отсрочили

---

²⁷³ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 121. 4-е делопроизводство. 1912 г. Ед. хр. 278. Л. 2об.

²⁷⁴ *Кострикова Е.Г.* Геополитические интересы... С. 271.

²⁷⁵ *Котов Б.С.* Политика Австро-Венгрии... С. 82. В то же время и в Австро-Венгрии раздались голоса, оценивавшие отказ от вторжения в Сербию как поражение и отступление. «Наша политика была глупой и фальшивой, теперь она стала еще и трусливой», – заявил бывший начальник военной канцелярии Франца Фердинанда А. Броош (*Писарев Ю.А.* Тайны Первой мировой войны. Россия и Сербия в 1914–1915 гг. М., 1990. С. 54).

²⁷⁶ *Котов Б.С.* Политика Австро-Венгрии... С. 84.

четко вырисовывавшийся в некоторые моменты серьезный международный кризис, могущий перерасти и в европейскую войну»²⁷⁷.

Следует признать, в этом направлении официальный Белград все же не прикладывал значительных усилий. Это было обусловлено следующим. Во-первых, русское общество и так выступало на стороне Сербии, а не Албании (о которой и представление имело-то смутное), поскольку существовало множество недовольных «коварным» поведением Дунайской монархии, с одной стороны, и всей политикой правительства В.Н. Коковцова – с другой. Во-вторых, причастность к антиправительственным выступлениям и демонстрациям могла лишь вызвать раздражение у русского руководства, посеять недоверие к искренности заявлений Белграда. В-третьих, довольно скоро стало очевидно: Адриатического побережья сербам не видать.

ЧЕРНОГОРСКОЕ НАСТУПЛЕНИЕ: ДАВЛЕНИЕ ЧЕРЕЗ УЛИЧНЫЕ МАНИФЕСТАЦИИ

В связи с созданием Албании не только сербы теряли намеченные приобретения. Греки, воспринимавшие Южную Албанию не иначе, как Северный Эпир, скоро переключились в своих требованиях на Салоники и побережье Эгейского моря. В то же время они не апеллировали к русскому обществу, подчинившись европейскому концерту. Еще одной пострадавшей стороной являлась Черногория, которая была далеко не столь сговорчива. Для небольшого славянского княжества важнейшим являлся вопрос о порте Скутари (ныне – Шкодер). Согласно решению великих держав, ему предстояло стать частью Албании, но, по мнению

---

²⁷⁷ *Илчев И.* България и Антантата през Първата световна война. София, 1990. С. 20.

короля Николы, эти земли были его приобретениями, хотя долгое время крепость взять не удавалось. В итоге Россия уговорила одного своего клиента отступить, не желая общеевропейской войны, другой же подопечный отказывался прислушиваться к советам и просьбам Петербурга, оставляя своего патрона в сложном и опасном положении. Судьба Скутари, по словам С.Д. Сазонова, в русском обществе вызвала «особо страстное к себе отношение». Но в МИДе данный вопрос рассматривался как проблема местного значения, ради которой «преступно рисковать жизнью хотя бы одного русского солдата». Понимание этого в обществе отсутствовало, и агитация вокруг Скутари доставила министру «немало тревожных минут». Когда она проникла в Государственную Думу, тот пригласил депутатов на беседу, в которой разъяснил ситуацию, прочитал дипломатические документы, что поумерило пыл народных избранников²⁷⁸.

Настроения общества не менялись, и в начале 1913 г. его сочувствие южным славянам стало проявляться с такой силой, что внушало министру иностранных дел опасения относительно возможности удержать ситуацию в руках правительства; в придворных и военных кругах росла уверенность, что наступил момент поквитаться с Австро-Венгрией. С.Д. Сазонов писал в это время А.П. Извольскому: «Тут, конечно, не одна глупость, но и злой умысел со стороны некоторых развенчанных героев и других, бесстрашно стремящихся ввысь»²⁷⁹. В своих воспоминаниях министр указал, что подобное настроение общества «являлось результатом, с одной стороны, интриг отдельных лиц, из которых некоторые находились под гипнозом личных честолюбивых замыслов, другие же – ложно понятого патриотизма, а третьи, и наиболее многочисленные, действовали под влиянием

---

²⁷⁸ Сазонов С.Д. Указ. соч. С. 79–80.

²⁷⁹ Кострикова Е.Г. Российское общество и внешняя политика... С. 237.

принципиальной оппозиционности правительству, а также плохой осведомленности об общем политическом положении Европы»²⁸⁰.

Министр не назвал конкретно ни одного представителя придворных кругов, действовавшего вразрез с позицией, занятой на Певческом мосту, но, по словам академика Ю.А. Писарева, «кампанию против министра возглавили черногорские княжны, дядя царя великий князь Николай Николаевич, его брат великий князь Петр Николаевич, бывший министр внутренних дел В.И. Гурко, член правления Славянского общества генерал А.П. Скугаревский, Д.Н. Вергун, А.А. Башмаков и др.»²⁸¹. Остановимся на первых указанных лицах, в особенности на старшей из княжон – Милице Николаевне, которую черногорский историк Р. Распопович назвал неофициальным дипломатическим представителем в России²⁸². Дочь черногорского князя Николы Петровича Негоша в подростковом возрасте с тремя сестрами приехала в Петербург, где училась в Смольном институте, а позднее стала супругой внука Николая I, дяди наследника престола, великого князя Петра Николаевича. За его старшего брата, великого князя Николая Николаевича, после неудачного первого брака вышла замуж сестра Милицы – Анастасия (Стана). Таким образом, во время Балканских войн в ближайшем окружении российского императора присутствовали две дочери черногорского короля, старшая из которых отличалась значительной энергией в отстаивании интересов отца, а муж второй являлся негласным лидером придворной

---

²⁸⁰ Сазонов С.Д. Указ. соч. С. 83.

²⁸¹ Писарев Ю.А. Великие державы... С. 148.

²⁸² Струнина Н.Г. Деятельность великой княгини Милицы Николаевны Романовой по оказанию помощи Черногории во время Балканских войн // Модернизация vs. война. Человек на Балканах накануне и во время Балканских войн (1912–1913) / отв. ред. Р.П. Гришина, А.А. Шемякин. М., 2012. С. 381.

партии войны. Однако стоит отметить, что, по мнению российского исследователя В.В. Новикова, в 1910–1912 гг. указанные лица были оттеснены от рычагов влияния А.А. Вырубовой и Г.Е. Распутиным²⁸³. Но все же, вероятно, в балканских вопросах их роль оставалась довольно значимой.

Небольшое балканское государство прикладывало все силы, чтобы настроить в свою пользу русское правительство и общество. Это довольно подробно рассмотрено в статьях отечественного историка В.Б. Хлебниковой²⁸⁴. Великая княгиня Милица перед своим временным отъездом на родину просила Николая II об аудиенции, чтобы передать от своего отца «некоторые важные неотложные вопросы, касающиеся ближайшего будущего Черногории»²⁸⁵. Однако встрече не суждено было состояться, и Милица имела разговор с главой правительства, который этому эпизоду уделил значительное место в своих мемуарах.

24 декабря 1912 г. управляющий двора великого князя Петра Николаевича по телефону сообщил В.Н. Коковцову, что Милица желает его видеть в тот же день «по совершенно неотложному делу». К вечеру премьер приехал к ней, в присутствии ее супруга беседа продолжалась полтора часа. Милица Николаевна озвучила пожелания своего родителя, просила их передать государю. Записку с ними из письма короля Николы она передала неохотно. Этот документ, поражающий степень своей наглости и метко охарактеризованный В.Б. Хлебниковой как «смесь нахальства и нищеты»²⁸⁶,

---

²⁸³ Новиков В.В. Борьба группировок в придворном окружении Николая II: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2005. С. 30.

²⁸⁴ Хлебникова В.Б. К вопросу о месте династических связей... С. 281–302; Она же. Роль династических связей... С. 32–41.

²⁸⁵ Хлебникова В.Б. К вопросу о месте династических связей... С. 293; Она же. Роль династических связей... С. 37.

²⁸⁶ Хлебникова В.Б. Скутари 1913 г.: проверка российско-черногорского союза на прочность // Модернизация vs. война... С. 171.

председатель правительства подробно изложил в своих воспоминаниях.

Во-первых, требовалось, «дать совершенно определенные указания нашему лондонскому послу не подписывать никакого соглашения по ликвидации балканского вопроса, если только Скутари не будет “признано за Черногорией”». Причем тут король Никола фактически прибегал к шантажу – этот пункт сопровождался пометкой, что в противном случае «Черногория готова ринуться на Австрию и предпочитает погибнуть в неравном бою, лишь бы не лишиться плодов своих побед». Во-вторых, Ипек и Дьяково должны были отойти «непременно к Черногории». Третье требование на этом фоне выглядело совершенным издевательством, учитывая тон предыдущих двух: «Обещанная государем помощь Черногории мукой и кукурузой должна быть послана как можно скорее, иначе будет поздно, и население, лишенное продовольствия, вымрет от голода». В-четвертых, черногорский король то ли просил, то ли требовал прислать артиллерийские орудия, снаряды и патроны к винтовкам, ранее поставленным Россией.

В.Н. Коковцов лишь по третьему пункту ответил утвердительно, в остальных случаях, прерываемый гневными и резкими репликами великой княгини, старался объяснить невозможность выполнения просьб короля Николы. Как обиженный ребенок она спрашивала, почему Россия согласна на передачу Болгарии Адрианополя, но выступает против приобретения Черногорией Скутари. Суть ее речи сводилась к тому, что Россия должна заявить «свое (читай – Черногории. – *Н.Г.*) желание настойчиво», и тогда Австрия «не посмеет угрожать войной». На доводы в пользу отказа в четвертом требовании Милица Николаевна прямо спросила: «А если мой отец найдет способ приобрести артиллерию или заказать ее где-либо на стороне – Россия заплатит за нее или тоже найдет основания уклониться от этого?»

Итоги беседы великая княгиня оценила как печальные, о чем пообещала незамедлительно сообщить своему отцу, но выразила уверенность, что мнение главы правительства будет принято государем и «бедная Черногория выйдет снова ослабленной из всех ее усилий»²⁸⁷.

После этой встречи Милица написала письмо императору, где негативно характеризовала В.Н. Коковцова, назвала его «человеком, принципы и взгляды которого коренным образом расходятся с моими»²⁸⁸.

* * *

После возобновления боевых действий в 1913 г. нападки на миролюбие и уступчивость С.Д. Сазонова усилились: его называли «русским немцем», а он, в свою очередь, сторонников войны с Австро-Венгрией – «приготовишками» и «гитлеровцами»²⁸⁹. После этого, как пишет В.Б. Хлебникова, «черногорское лобби мобилизовало русскую печать». Особенные усилия прилагала газета «Новое время». Скутари величалось «древнейшей столицей» Черногории, описывался удивительный героизм воинов, проливавших ради города кровь, особое внимание уделялось деятельности Милицы Николаевны, отправившейся помогать родине в трудную минуту. После такой подготовки, по словам отечественного историка, «черногорское лобби сделало следующий шаг – организовало политические демонстрации в поддержку требований черногорского короля на улицах Петербурга»²⁹⁰.

Действительно, весной 1913 г. накал страстей вокруг скутарийского вопроса достиг апогея. Согласно мемуарам С.С. Ольденбурга, велась усиленная агитация под лозунгом

---

²⁸⁷ Коковцов В.Н. Указ. соч. С. 206–211.

²⁸⁸ Хлебникова В.Б. К вопросу о месте династических связей... С. 294; Она же. Роль династических связей... С. 37.

²⁸⁹ Писарев Ю.А. Великие державы... С. 148–149.

²⁹⁰ Хлебникова В.Б. К вопросу о месте династических связей... С. 295.

«Скутари – Черногории»²⁹¹. По словам В.Н. Коковцова, процессии с плакатами «Скутари – Черногории» наравне с «Крест на святой Софии» стали обычным зрелищем²⁹². Однако утверждение, будто за ними стояло черногорское лобби, кажется преувеличением. Начать стоит хотя бы с того, что первая серьезная манифестация, вызвавшая в столице беспорядки по иному поводу, и вовсе не касалась Черногории.

13 марта 1913 г. болгарские войска при поддержке сербских сумели взять Адрианополь. «Это была не радость, это был не восторг, тут я видел что-то стихийное, могучее, глубоко встряхнувшее все массы русской столицы снизу доверху»²⁹³, – вспоминал болгарский посланник в Петербурге С. Бобчев. Узнав о новости, в Государственной Думе проявили бурную радость, пригласили С. Бобчева, С. Данева и Р. Димитриева, устроили им чествование, в том числе хором исполняя гимны России и Болгарии²⁹⁴. Это вызвало насмешки со стороны левых журналистов²⁹⁵, но болгарское руководство, обеспокоенное дипломатической борьбой с союзниками и Румынией, к этому изъятию чувств отнеслось серьезнее. Премьер И. Гешов в сообщении посланнику оценил эти события как подтверждение оправданности надежды, что Россия вознаградит болгарский народ за принесенные жертвы, «жертвы, которые не остались без воздействия и на тот чудесный подъем русского национального чувства, великолепным проявлением чего является чествование Вас в прошлую среду в Гос[ударственной] думе».

²⁹¹ *Ольденбург С.С.* Указ. соч. С. 97.

²⁹² *Коковцов В.Н.* Указ. соч. С. 173.

²⁹³ *Бобчев С.* Указ. соч. С. 104.

²⁹⁴ *Гальперина Б.Д., Перегудова З.И., Старцев В.И.* Указ. соч. // ВИ. 1999. № 4–5. С. 14–16; Стенографические отчеты... Стб. 2223–2224, 2402, 2414; *Родзянко М.В.* Указ. соч. С. 71–72.

²⁹⁵ *Мстиславский С.* 13 марта в Государственной Думе // Заветы. 1913. № 3. С. 174–177.

«А подобный подъем – национальный капитал», – резюмировал премьер²⁹⁶. Таким образом, болгарское руководство видело в событиях в Госдуме возможный источник воздействия на правительство Российской империи, но самое интересное творилось на улицах.

В Петербурге, Киеве и Москве прошли крупные манифестации. Воздействие падения крепости на российское общество оказалось не сиюминутным. Празднований было несколько. Дело в том, что осажденная крепость пала 13 марта, в среду. Среди рабочей недели бурное проявление радости могли себе позволить немногие, поэтому манифестации имели место в ближайший (17 марта) и последовавший (24 марта) воскресные дни. Вдобавок публичным и массовым мероприятием стали состоявшиеся 18-го числа того месяца проводы генерала Р. Дмитриева, приехавшего в Петербург для переговоров с российским руководством.

Правительство не знало, как реагировать на подобные шествия, и 17–18 марта в столице многотысячные толпы не единожды подвергались прикосновению суровой длани ответственных органов охраны правопорядка. Однако поведение манифестантов, сам повод к демонстрации, отсутствие четких инструкций у полиции на подобный случай приводили к тому, что в одних местах толпе, поющей «Боже, царя храни», давали идти, в других – пускали в ход против нее нагайки²⁹⁷.

Все это вызвало возмущение в обществе. Не осталась в стороне и Государственная Дума, подготовившая официальный запрос главе МВД²⁹⁸. 20 марта секретарь поставил этот во-

---

²⁹⁶ Иван Евстратиев Гешов. Лична кореспонденция... С. 252.

²⁹⁷ Подробнее см.: *Гусев Н.С.* Разгон манифестаций в поддержку славян в России весной 1913 года // *Славяноведение* 2018. № 3.

²⁹⁸ Приложение № 211 // Стенографические отчеты / Гос. дума, четвертый созыв, сессия первая. Приложения к стенографическим отчетам Государственной думы. Вып. 2 (№ 151–270). СПб., 1913.

прос на голосование, указав, что «на основании самых точных свидетельских показаний выяснилось, что никакого буйства или бесчинства манифестанты нигде себе не позволили, если не считать пения гимна, до сих пор законом не запрещенного», поэтому поведение полиции, по мнению Думы, являлось «незаконмерным и возмутительным во всех отношениях»²⁹⁹. Присутствовавшему на заседании главе МВД Н.А. Маклакову пришлось дать обещание «произвести самое внимательное, всестороннее и полное расследование» и принять «самые энергичные» меры³⁰⁰.

Однако депутаты, войдя в раж, уже нашли виновного и не стеснялись на него указывать. В.М. Пуришкевич заявил, что премьер-министр «боялся не угодить в тот момент Австрии и боялся этой манифестации», а «политика правительства в данный момент заключается в том, чтобы убивать, гасить дух русского народа и быть баржею австрийского парохода»³⁰¹. Вторил ему националист А.И. Савенко, называя происшедшее «новым курсом статс-секретаря Коковцова», который привел к падению значимости России: «Теперь перед окриками Австрии мы отступаем поспешно и без малейшей попытки сопротивления, мы от уступки и унижения идем к уступке и унижению». Поэтому в столь судьбоносный момент, когда решается «судьба всего славянства», правительство «не сумело сделать ничего лучшего, как стать на запятки победной австрийской колесницы»³⁰². Корреспондент французской газеты «Юманите» («L'Humanité») тогда задавался вопросом: не послужит ли падение Адрианополя поводом для падения В.Н. Коковцова. «Когда Пуришкевич повел правильную атаку против г. Коковцова, все поняли истинную подкладку запроса: это продолжение интриги, ведущейся уже целый месяц с целью свергнуть

²⁹⁹ Там же. Стб. 2402.

³⁰⁰ Там же. Стб. 2409–2410.

³⁰¹ Там же. Стб. 2419.

³⁰² Там же. Стб. 2407–2408.

г. Коковцова»³⁰³, – утверждал он. Таким образом, целью критики были внутриполитические перемены, поводом для критики – взятие одной турецкой крепости болгарами, а предметом критики – уступки Австро-Венгрии в определении судьбы другой турецкой крепости. Недаром Н.С. Державин в письме В. Златарскому утверждал, что манифестации были «интересны не как показатель славянских чувств, а как показатель существования у нас известной взвинченной атмосферы»³⁰⁴.

24 марта прошло второе празднование. В столице состоялась торжественная панихида по погибшим и молебствие о даровании славянам победы. Проходили они в Казанском соборе. В «Ниве» была опубликована фотография демонстрации перед храмом, в которой участвовало, если верить подписи, 40 тыс. человек³⁰⁵. Большинство газет писало о 20–25 тыс. демонстрантов³⁰⁶; по документам Департамента полиции, их было 10 тысяч³⁰⁷.

Участники молебствия в Казанском соборе и храме Спаса на Крови совместно отправились на возложение венков на могилы Александра II и Александра III; туда пустили лишь небольшую делегацию. Манифестанты, «распевая народный и славянские гимны», проследовали ко дворцу великого князя Николая Николаевича, где прокричали «ура», затем выразили свою поддержку перед болгарским и сербским дипломатическими представительствами. Попытки же «враждебных демонстраций» перед австро-венгерским и германским посольствами были пресечены полицией. В конечном счете серьезных столкновений с представителями властей не произошло, и к 8 вечера порядок был восстановлен³⁰⁸.

³⁰³ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 1913. 4-е делопроизводство. Ед. хр. 107. Л. 15.

³⁰⁴ НА-БАН. Ф. 9К. Оп. 1. А. е. 1404. Л. 1об.

³⁰⁵ Нива. 1913. 6 апр. С. 279.

³⁰⁶ Толстой И.И. Указ. соч. С. 433.

³⁰⁷ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 1913. 4-е делопроизводство. Ед. хр. 107. Л. 1.

³⁰⁸ Там же. Л. 5–6.

28 марта МИД выпустил сообщение, где говорилось, что общественное мнение в своих суждениях опирается лишь на неполные и отрывочные сведения, поэтому необходимо разъяснение. Указывалось, что Россия была и остается великой славянской державой, никогда не скупившейся на помощь своим братьям. В данный момент «отстояв Призрен, Ипек, Дьяково, Дибру в интересах славян, Россия сочла нужным согласиться на присоединение к Албании Скутари», но «отношения России к единоверным и единоплеменным государствам не могут быть построены на обязанности русского правительства всегда и во всех случаях исполнять все их желания и требования»³⁰⁹.

«По своему основному миролюбивому тону сообщение нашего министерства иностранных дел должно было удовлетворить прогрессивную часть русского общества»³¹⁰, – посчитал обозреватель «Вестника Европы» – и оказался не совсем прав.

На следующий день после сообщения МИДа для его обсуждения собралась «группа прогрессивных общественных деятелей». Горячо выступали против «антирусской» политики С.Д. Сазонова и В.Н. Коковцова А.Н. Брянчанинов, Д.И. Семиз, В.Д. Плетнев, М.П. Чубинский, их речи и текст правительственного сообщения были опубликованы³¹¹. Большинство порицало позицию правительства, Семиз продолжал выдвигать аргументы в пользу передачи Скутари Черногории. При этом он не просто отказывал албанцам в этнической общности, он их и вовсе считал сербами. Начав с рассказа об истории Скутари, которая оказалась историей

---

³⁰⁹ История внешней политики России. Конец XIX – начало XX века (От русско-французского союза до Октябрьской революции). М., 1997. С. 338.

³¹⁰ Вестник Европы. 1913. № 5. С. 419.

³¹¹ Интересы на Балканах и правительственное сообщение. СПб., 1913.

сербского города, он далее выстроил следующую логическую цепочку. Ряд черногорских родов являются кровными родственниками албанских племен, следовательно, последние – сербы. Поскольку основная масса населения спорного города состоит именно из этих племен, то и город по своему этническому составу – сербский. Отличие указанных племен от черногорцев лишь в религии, но в самом Скутари достаточное количество православных. «Не лишне будет упомянуть, что измерение черепов приведенных черногорских и “албанских” племен установило, что это одна и та же раса и один и тот же тип и что тип обывателя Скутари ничем не отличается от герцеговинца, этого чистейшего и подлиннейшего серба»³¹², – дополнительно аргументировал свою точку зрения правовед.

Но все это уже являлось бранью вслед ушедшему поезду. Для российского правительства скутарийский вопрос был решен. Министерству иностранных дел требовалось отстоять собственную позицию даже под нажимом общественного мнения. Его проявления, по воспоминаниям С.Д. Сазонова, затрудняли работу правительства, но не влияли на его спокойствие³¹³. 21 марта 1913 г. сербский посланник сообщал Н. Пашичу: «Требуется иметь в виду, что общественное мнение тут может стать для правительства немного неприятным, но ни в коем случае не в состоянии решительно на него влиять»³¹⁴. Тогда же глава МИДа писал послу в Париже А.П. Извольскому: «К счастью, у меня неистощимый запас равнодушия по отношению к глупому нашему общественному мнению, фабрикуемому по столько-то копеек за строку нашими малограмотными и беззастенчивыми газетчиками»³¹⁵.

---

³¹² Семиз Д. Скутари и наша дипломатия. (Историческая правда и правительственная декларация) // Там же. С. 19–22.

³¹³ Сазонов С.Д. Указ. соч. С. 94.

³¹⁴ Сръбските интриги и коварства... С. 437.

³¹⁵ Цит. по: Кострикова Е.Г. Российское общество и внешняя политика... С. 240.

Хотя надо отметить, что для сохранения душевного равновесия и спокойствия необходимо было иметь выдержку. Националистически настроенные круги публично клеймили С.Д. Сазонова и В.Н. Коковцова, говорили о министрах, «продавшихся немецкому влиянию», и вели манифестации к их домам. Председателю правительства в этом повезло более, и полиция не пропустила процессию на узкий проезд к Мойке³¹⁶, жилье министра иностранных дел в дни празднования падения Адрианополя охраняло два эскадрона конных жандармов³¹⁷.

По сообщениям российского посланника в Цетинье А.А. Гирса, во дворце короля Николе весной 1913 г. с уверенностью рассчитывали уже не просто на манифестацию в поддержку Черногории, а на уличные беспорядки, которые придется подавлять силой³¹⁸. Но расчеты эти оказались неверными, руководство России не желало рисковать из-за того, что С.Д. Сазонов аттестовал как «эпизод, не имевший по существу никакого политического значения, но искусственно раздутый до размеров события, от которого могло зависеть нарушение европейского мира»³¹⁹. 2 апреля 1913 г. министр писал А.П. Извольскому: «Только тот, кто сам изведal прелесть власти, может отдать себе ясный отчет о тех трудностях, с к[ото]рыми мне приходится бороться с начала Балканского кризиса. Несмотря ни на какие ослиные лягания,

---

³¹⁶ *Коковцов В.Н.* Указ. соч. С. 213.

³¹⁷ *Родзянко М.В.* Указ. соч. С. 74. И это стало для М.В. Родзянко поводом для шутки. Он высказал С.Д. Сазонову свою радость от того, что отечественная дипломатия, «наконец, стоит на правильной почве». На недоумение министра он ответил: «Вы начали вооружаться на помощь славянам: у вас во дворе два эскадрона солдат» (там же. С. 75).

³¹⁸ *Хлебникова В.Б.* К вопросу о месте династических связей... С. 296; *Она же.* Роль династических связей... С. 40.

³¹⁹ *Сазонов С.Д.* Указ. соч. С. 96.

я продолжаю, насколько позволяют силы, спокойно идти по тому пути, который мне указывают мой рассудок и моя совесть, надеясь на конечное торжество здравого смысла и политической добросовестности над безумием и интригой»³²⁰.

Твердая позиция, занятая правительством в вопросе Скутари, стала для общества четким сигналом о бессмысленности давления в пользу защиты притязаний черногорского короля.

31 марта в различных городах страны вновь планировались панихиды по жертвам Первой балканской войны. В МВД постарались взять ситуацию под контроль. В регионы был отправлен циркуляр министра, требовавший принять меры, дабы не возникли «скопища», но сделать это следовало аккуратно. Причем в тексте подчеркивалось: «Надлежит внушить членам полиции необходимость соблюдения должной осторожности и такта по отношению к толпе»³²¹. Стоит обратить внимание, что в адресах рассылки указывались не только крупнейшие города, но и населенные пункты южных губерний, где проживало довольно много южных славян, и, соответственно, реакция на события на Балканах принималась ближе к сердцу. Найти же информацию о состоявшихся 31 марта массовых манифестациях не удалось. Как и не нашлось подтверждения словам С.Д. Сазонова, что правительство запретило «всякие манифестации на почве славянских симпатий»³²². Но связывать это лишь с тем, что за прошедшие с первых манифестаций недели общество всего лишь забыло о проблеме Скутари, тоже нельзя. Подтверждением тому служит празднование взятия этого города черногорско-сербскими войсками.

---

³²⁰ Кострикова Е.Г. Первая Балканская война и российское общество... С. 482.

³²¹ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 1913. 4-е делопроизводство. Ед. хр. 107. Л. 7–9.

³²² Сазонов С.Д. Указ. соч. С. 95.

10 апреля спорная крепость пала. В российской столице вновь прошли радостные манифестации. В тот же день в 6 часов вечера по инициативе Общества славянской взаимности в Спасо-Преображенском соборе было совершено молебствие по случаю победы войск короля Николы. После, согласно газете «Петербургский листок», толпа в 600–700 человек³²³ (по данным полиции – около 500³²⁴) с пением российского гимна и криками «ура» двигалась в сторону Литейного проспекта, чем затрудняла движение трамваев, автомобилей и извозчиков. Количество участников увеличивалось, и, как писала столичная газета, «к Невскому проспекту продвигалась тысячеголовая масса людей разных возрастов и положений». Толпа с пением «Боже, Царя храни» и «Спаси, Господи, люди твоя» подошла к представительству Королевства Сербии, но ожидания выхода посланника оказались тщетны – тот отсутствовал. Тем временем толпу окружили значительные силы полиции. Раздался крик: «Господа, во избежание всяких осложнений расходитесь, чтобы не омрачать сегодняшней радости!» После этого толпа разошлась, но до 20.00 по Невскому проспекту разъезжали конные патрули. Однако опасения полиции, что повторятся значительные манифестации, не оправдались. Лишь возле газетных киосков собирались группы людей, горячо обсуждавших значение падение Скутари, но и они быстро расходились. На Аничковом мосту ненадолго образовалась толпа, исполнившая гимн, но и ее рассеяли городовые «без применения решительных мер»³²⁵.

На следующий день в Казанском соборе состоялась панихида по павшим во время Балканской войны и благодарственный молебен в честь падения Скутари. Затем около 4 тыс. человек (по другим данным – 3 тыс.³²⁶) отправилось

³²³ Петербургский листок. 1913. 11 апр.

³²⁴ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 1913. 4-е делопроизводство. Ед. хр. 107. Л. 10.

³²⁵ Петербургский листок. 1913. 11 апр.

³²⁶ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 1913. 4-е делопроизводство. Ед. хр. 107. Л. 12.

в сторону Невского проспекта, куда полиция их не пустила. После некоторых пререканий с правоохранителями часть манифестантов разошлась, 40 особо несогласных были задержаны. В четвертом часу дня в Петропавловском соборе депутация из 28 человек возложила на могилу Александра III венок с надписью «От славянского общества взаимности императору Александру III-му, по случаю взятия черногорцами Скадра»³²⁷.

Как видим, сам факт взятия Скутари уже не вывел на улицы столь большого количества людей, каковое принимало участие в манифестациях, где звучал лозунг передачи этого города Черногории. К тому же вскоре стало известно, что как такового штурма не было, а Никола договорился с комендантом крепости Эссад-пашой. Но для убедительности спектакля штурм был разыгран, и черногорцы показали в очередной раз свою неспособность участвовать в современной войне, в результате чего немало их количество погибло. Обер-гофмаршал П.К. Бенкендорф поведал это И.И. Толстому. «Если это правда – то возмутительно»³²⁸, – записал последний.

А тем временем, благодаря действиям короля Николы вопреки воле великих держав и назло Австро-Венгрии, в воздухе опять запахло порохом. «Герои черногорцы взяли одну турецкую крепость. Австрия этим очень недовольна. У границ Черногории много австрийских войск. Едва ли опять не будет война. Проучить бы эту Австрию хорошенько»³²⁹, – отметил в дневнике 15 апреля А.А. Замарасев. В мае и М. Горький почувствовал напряжение. Рассуждая о событиях, он философски спросил у А.В. Амфитеатрова: «Жить становится все тревожней, а?»³³⁰ Однако эти настро-

³²⁷ Там же. Л. 10–10об.

³²⁸ Толстой И.И. Указ. соч. С. 437.

³²⁹ Дневник Тотемского крестьянина... С. 62.

³³⁰ Литературное наследство. Т. 95. С. 428.

ения можно списать на газетные статьи: крестьянин и писатель за границей явно черпали сведения лишь из прессы. «Новое время» тогда как раз старалось создать впечатление, что манифестации вызвали значительный отклик в Европе, а Австро-Венгрию и вовсе всерьез напугали³³¹. Тем не менее представитель Дунайской империи в Петербурге посчитал, что эти проявления «чрезмерно возбужденной души русского народа» могли заставить правительство подчиниться себе³³².

По большому счету, демонстрации были не за передачу Скутари Черногории, а против позиции собственного правительства. И хотя С.Д. Сазонов вспоминал, что шествия помимо болгарского и сербского посланников «относились к Великому Князю Николаю Николаевичу, зятю короля Черногорского»³³³, стоит учитывать и тот факт, что данный представитель монаршей семьи воспринимался как глава условной партии войны, противостоявшей миролюбивой политике Коковцова–Сазонова. По этой причине роль матримонимальных связей Николая Николаевича не стоит преувеличивать, манифестанты обращались к антиавстрийскому, а не прочерногорскому члену монаршей семьи.

В итоге правительству удалось в борьбе с общественным мнением и придворными кругами отстоять свою позицию. Немалую роль в этом, вероятно, сыграло мнение императора. Николай II объяснял британскому послу Бьюкенену, что не верит, будто бы большинство населения разделяет мнение демонстрантов. Он считал, что основная часть жителей страны не захочет войны, пока не будут затронуты их собственные интересы³³⁴. В итоге Россия не стала с оружием в ру-

---

³³¹ Хлебникова В.Б. К вопросу о месте династических связей... С. 296; Она же. Роль династических связей... С. 38–39.

³³² Воецкх К. *Op. cit.* P. 123.

³³³ Сазонов С.Д. Указ. соч. С. 94.

³³⁴ Воецкх К. *Op. cit.* P. 124.

ках выступать в защиту притязаний Сербии и Черногории на Адриатическое побережье. Войны между Россией и Австро-Венгрией (а возможно, и общеевропейской) удалось избежать³³⁵.

Российским клиентам это, естественно, не понравилось.

Как пишет В.Б. Хлебникова, короля Николау позиция, занятая на Певческом мосту, задела. Неуступчивого А.А. Гирса пытались опорочить, пустив слух, что именно по его вине до Черногории не дошла продовольственная помощь из России, а затем обиженный правитель в качестве мести (скорее – пакости) Петербургу закрыл Мариинский женский институт, подчинявшийся и содержавшийся на средства российского Министерства народного просвещения³³⁶.

Сербское руководство с горечью осознало бесперспективность борьбы за Адриатическое побережье, и раздалось голоса разочарования в России. Так, один из лидеров радикалов, Андра Николич, заявил, что «больше нет безусловного доверия к России, и наши отношения должны быть основаны только на взаимных интересах и политической нужде»³³⁷. Однако, несмотря на подобные громкие декларации, в Белграде оказались рациональнее и сумели быстро подстроиться под сложившуюся обстановку. По выражению болгарского историка Г. Маркова, «вопли сербских правящих кругов из-за неполучения выхода к Адриатическому морю,

---

³³⁵ Хотя, по основанным на разведанных оценкам российских военных, австро-венгерское правительство, испытывая серьезные экономические трудности, было не готово к вооруженному конфликту, несмотря на риторику (*Агансон О.И.* Балканы накануне Первой мировой войны: на пути к новому балансу сил // Новая и новейшая история. 2014. № 4. С. 24).

³³⁶ *Хлебникова В.Б.* К вопросу о месте династических связей... С. 299; *Она же.* Роль династических связей... С. 40.

³³⁷ *Вучковић В.Д.* Стара Србија и Македонија: ослобођење и уређење. Ниш, 2014. С. 66.

усиленные сербствующим Гартвигом, вызвали сострадание в Петербурге»³³⁸. И этот ресурс предстояло использовать.

БИТВА ЗА МАКЕДОНИЮ

Зимой 1912/13 года, когда уже вряд ли кто реально рассматривал возможность получения Сербией искомых территорий на Адриатике, зримой становилась перспектива пересмотра соглашения в части, касающейся раздела Македонии. К тому же ход событий внес изменения в план войны, прописанный в сербско-болгарском договоре и предусматривавший участие стотысячной группировки болгарских войск в освобождении Македонии. В этот регион отправились значительно меньшие силы – практически все было брошено на фракийский фронт. В то же время войска короля Петра оказывали помощь болгарам в осаде Адрианополя, тем самым перевыполняя свои союзные обязательства.

Балканские народы стремились к созданию национальных государств и терпимого отношения к иному этническому компоненту на оккупированных территориях не проявляли. Турки бежали от наступающих болгар, о преступлениях против оставшихся турок и албанцев русская печать старалась не говорить. Несколько иной оказалась ситуация со взаимоотношениями союзников.

В феврале 1913 г. в «Вестнике Европы» появилась статья М.А. Осоргина «О Балканских зверствах», сообщавшая о конфликтах между союзниками. Однако если о болгарских зверствах говорилось лишь по отношению к туркам, то греки и сербы обрисовывались как злейшие враги болгар. Так, к примеру, упоминались случаи мародерства и грабежа греками Салоник, потому что большая часть населения

---

³³⁸ Марков Г. България в Балканския съюз срещу Османската империя 1911–1913. София, 2012. С. 490.

из экономических соображений симпатизировала болгарам и ждала их прихода в город³³⁹. Греческий отряд «в приморском местечке» (автор не назвал точного пункта) высадился и пленил болгарский гарнизон, стоявший в нем. Администрация Битола, которая, согласно сербско-болгарскому договору, не являлась «бесспорной» сербской территорией, насильно заставляла местных жителей изменять фамилии на сербский манер. Так, Ивановы становились Иваничами. На собрании в одном из населенных пунктов Македонии, где стояли сербские войска, местный житель произнес тост за царя Фердинанда, а наутро уже был найден убитым. Бродил «призрак раздоров междоусобных»³⁴⁰, как констатировал автор.

В том же феврале в «Заветах» вышла статья Ст. Вольского, где он признавал: «Миновал медовый месяц балканских симпатий, и уже завял, поблек союзнический энтузиазм». Основанием для этого умозаключения послужили спор о Скопье и Битоле, закрытие сербами нескольких болгарских школ, убийство болгарского учителя, поднявшего бокал за царя Фердинанда. Но, по мнению корреспондента, все это мелочи по сравнению с действиями греков³⁴¹.

На обвинения в российском публичном пространстве сербы отвечали, что подобные случаи выдуманы сторонниками Болгарии, а «большинство народонаселения, не поддавшееся непосредственному влиянию учителей и священников болгарской пропаганды, очень дружелюбно встретило сербские войска и выразило полную готовность делиться с ними совместной судьбой»³⁴². И потому, по словам сербского профессора Александра Белича, сказанным в мае 1913 г. в Петербурге, в отношении таких агитаторов «сербским властям приходится прибегать к более строгим мерам, чем

---

³³⁹ Вестник Европы. 1913. № 2. С. 320.

³⁴⁰ Там же. С. 325.

³⁴¹ Вольский Ст. Указ. изд. С. 175.

³⁴² Белич А. Сербь и болгарь в Балканском союзе. СПб., 1913. С. 46.

увещевание в бесполезности таких предприятий»³⁴³. По поводу смены фамилий петербургский профессор П.А. Лавров разъяснял, что сербы просто принимают отчества за фамилии, и привел тому доказательство. Когда он был в сербских краях, то остановился в гостинице, где его записали «Алексеевич»³⁴⁴. Вряд ли всерьез можно принимать данное оправдание, но А. Белич утверждал, что указание на этот факт лишь очередной аргумент в пользу сербского происхождения местного населения: «Неужели и болгары не видят, насколько непрочна их национальность в Македонии, если она этой незначительной переменной звуковой формы фамилии людей может быть уничтожена»³⁴⁵.

Напряженность в отношениях между противниками Турции стала очевидной даже для тех кругов общества, что больше всего радовались успехам балканских славян и старались не замечать возникавшие между ними трения. 29 марта «группа прогрессивных общественных деятелей», собравшаяся для осуждения заявления МИДа по скутарийскому вопросу, в своей резолюции признала: положение дел таково, что союзники будут искать компенсации «один за счет другого». Виноватой в этом, естественно, назначили «линию поведения русской дипломатии», но что делать дальше, участники собрания, судя по всему, не знали и постановили: «Русскому обществу предпочтительнее не высказываться по поводу возможной распри, а сосредоточить все усилия на проповеди необходимости сохранения союза во имя высших целей Славянства»³⁴⁶. Было ясно, что теперь

---

³⁴³ Сербо-болгарский спор за обладание Македонией. Оценка событий, предшествовавших сербо-болгарской войне 1913 года, в изложении заинтересованных сторон и членов общества. Пг., 1915. С. 141.

³⁴⁴ Лавров П.А. Балканский союз и переживаемый им кризис. С. 29.

³⁴⁵ Сербо-болгарский спор... С. 22.

³⁴⁶ Интересы на Балканах... С. 68.

союзникам придется бороться друг с другом, доказывая русскому обществу бóльшую обоснованность своих притязаний на македонские земли.

Диспозиция

До весны 1913 г., по словам И. Илчева, болгарское правительство в плане пропаганды стремилось лишь обороняться, поскольку «не хотело раздражать своих союзников вопреки многочисленным свидетельствам, что они не намереваются придерживаться ранее принятых договоренностей». Однако посланники сообщали, что значительная часть европейского общественного мнения, в особенности русского, была настроена против Болгарии³⁴⁷. В частности, оборона заключалась в отслеживании и предупреждении официальной Софией ситуаций, из которых бы проистекало, что сербы – главные российские союзники на Балканах.

Проявилось это во время празднования 300-летия дома Романовых, на которое пригласили православных иерархов, в том числе представителей сербской и болгарской поместных церквей. Однако в случае с последней возникла проблема, поскольку в 1872 г. в ответ на самостоятельное объявление автокефалии экзархом Антимом Константинопольский патриархат объявил болгарскую церковь схизматической. В результате по каноническим правилам в торжественной литургии мог бы участвовать лишь иерарх сербской церкви, его болгарский коллега оставался в стороне. Понимая, что это может быть истолковано и как политическое событие, болгарское руководство завязало с российским МИДом переписку, в которой

---

³⁴⁷ *Илчев И.* Родината ми – права или не! Външнополитическа пропаганда на балканските страни 1821–1923. София, 1995. С. 143.

просило в сложившейся ситуации не допустить к общему богослужению и сербского митрополита Димитрия³⁴⁸.

С.Д. Сазонов поднял этот вопрос перед посланником Д. Поповичем, но тот категорически ответил, что митрополит прибыл с ведома властей «в качестве архиерея и главы сербской церкви для личного участия в церковной службе». По просьбе митрополита Д. Попович сразу же отправился к обер-прокурору Синода В.К. Саблеру сообщить, что Димитрий может остаться в Петербурге лишь при условии участия в богослужении. В противном случае он просил дать скорейший ответ, дабы успеть вернуться в Белград и там совершить литургию в праздничный день. В такой скандальной ситуации В.К. Саблеру не оставалось ничего иного, кроме как успокоить сербского митрополита, сообщив, что тот «будет участвовать во всех церковных службах и занимать место, соответствующее его статусу»³⁴⁹. В Софии решили, что в таких условиях представителю болгарской церкви лучше вовсе не появляться в Петербурге, и делегация в Россию не была отправлена³⁵⁰.

И все же это было стычкой, поражение в которой еще не означало разгрома в войне. Начиналась борьба за симпатии русского общества и обусловленного сербо-болгарским договором арбитра – русского императора. Если до этого некорректно противопоставлять сторонников Софии и Белграда, поскольку они работали приблизительно в одном направлении, то в начале 1913 г. их уже необходимо разделять. При этом задача сербов оказалась несколько проще. Зигзагов внешней

---

³⁴⁸ ГАРФ. Ф. Р8091. КМФ-5. Болгария, поступление 3А-36. Ед. хр. 89. Л. 1–43.

³⁴⁹ *Тимофејев А.* Извештај о путовању митрополита београдског Димитрија на 300-годишњицу руске царске династије Романов // Годишњак за друштвену историју. 2018. № 2. С. 137–139.

³⁵⁰ ГАРФ. Ф. Р8091. КМФ-5. Болгария, поступление 3А-36. Ед. хр. 89. Л. 43.

политики царя Фердинанда никто не забыл, и министр иностранных дел, и глава правительства, по признанию последнего, изначально были на стороне Сербии³⁵¹. П.Н. Милюков аналогично оценивал взгляды С.Д. Сазонова, считая, что тот предпочитал сербов – «старых клиентов России перед новыми – болгарами»³⁵².

В феврале 1913 г. посланник в России С. Бобчев отправил главе Совета министров И. Гешову депешу, в которой сообщил, что «необходимо серьезно подготовиться» к борьбе, обозначив два поля ее ведения. «Возложите на *частные лица* (профессоров и др.) делать что-то, писать брошюры, докладные записки, защитительные речи и пр.». Тем самым предлагалось сформировать группу давления для манипулирования русским общественным мнением. С. Бобчев указал и другое поле противоборства – прессу: «Существует множество редакций, которые займут нашу сторону, есть много корреспондентов, которые поддержат наше дело, – но требуется им все разъяснить правильно и обстоятельно»³⁵³.

В своих воспоминаниях болгарский посланник упомянул, что часть авторов газеты «Новое время» черпали сведения в дипломатической миссии. Среди них он назвал брата

---

³⁵¹ *Коковцов В.Н.* Указ. соч. С. 181.

³⁵² *Милюков П.Н.* Указ. соч. С. 111. Хотя в то же время, по словам сербского историка В. Вучковича, Пашичу «было ясно, что ничего хорошего для сербских интересов не получится, если окончательное решение будет принимать русский царь. Но он, однако, как старый и проверенный русофил должен был согласиться с решениями, какими бы они ни были» (*Вучковић В.Д.* Указ. соч. С. 73). Здесь, как представляется, автор, как и некоторые его коллеги-соотечественники, несколько исказил ситуацию, представив болгар любимчиками России, а сербов – забытыми пасынками. Эта позиция довольно характерна как для болгар, так и для сербов.

³⁵³ *Бобчев С.* Указ. соч. С. 94–95.

погибшего премьер-министра, А.А. Столыпина, лично посетившего театр военных действий А.А. Пиленко и журналиста Е.А. Егорова. При чем последний, по словам С. Бобчева, получал весьма «правильное и обстоятельное разъяснение»: он «стал частым посетителем нашей миссии и много раз сидел в какой-нибудь комнате, чтобы на основе полученных от меня сведений написать статьи, которые мне прочитывал и после этого относил в редакцию для печати»³⁵⁴.

«Добрый другом» посланника был издатель «Биржевых ведомостей» С.М. Пропер, отправлявший своих сотрудников В. Бонди и Г. Кирдецова в болгарскую миссию за материалами для статей³⁵⁵. Заметки, вышедшие из-под пера другого автора этой газеты, Т. Ольгенина, перепечатывались в Болгарии³⁵⁶, что тоже говорит об их направленности.

Теплые личные отношения связывали С. Бобчева с редактором газеты «Свет» Г.В. Комаровым и уже упоминавшимся редактором «Правительственного вестника» А.А. Башмаковым. Последний после освобождения Болгарии служил чиновником в Восточной Румелии. «Во всех своих статьях Башмаков защищал болгарское правое дело»³⁵⁷, – вспоминал посланник. О его симпатиях довольно резко еще летом 1911 г. после X съезда славянских журналистов в Белграде высказалась оппозиционная сербская газета «Правда». По ее словам, этот журналист был «более болгарин, чем настоящие болгары»³⁵⁸. Тем не менее говорить об односторонней позиции А.А. Башмакова нельзя. В марте 1913 г. он посетил Софию, где призывал общественных деятелей к уступкам. Один из участников торжественного банкета, данного

---

³⁵⁴ Там же. С. 38.

³⁵⁵ Там же. С. 39.

³⁵⁶ Вечерна поща. 1912. 11, 12 дек.

³⁵⁷ Бобчев С. Указ. соч. С. 39–40.

³⁵⁸ Цит. по: Вишняков Я.В. Военный фактор и государственное развитие Сербии начала XX века. М., 2012. С. 314.

в честь высокопоставленного гостя, записал в своем дневнике смысл высказываний редактора «Правительственного вестника»: «Если нет Адриатики – нет болг[арской] Македонии. Вы должны помочь Сербии. Маленькая Австрия ее удушит. Во имя славянства... Башмаков представил соглаш[ение] Болгарии как “ортачество”³⁵⁹ (его слово). Поскольку сербы потеряли Адриатику, мы должны их вознаградить в Македонии. Во имя славянства»³⁶⁰.

Такую позицию А.А. Башмаков считал наиболее рациональной для сохранения Балканского союза. 1 апреля 1913 г. он отправил письмо Николаю II, умоляя того выступить арбитром. По его мнению, сербы «стоят на ложной почве», требуя пересмотра договора. Но болгары «сами уклонились от некоторых обязанностей, на них лежавших по духу договора, – тем, что они не дали сербам открытой и сильной поддержки, когда Австрия (в ноябре 1912 г.) домогалась оттеснения сербов от Адриатики». В таком случае, по его мнению, утрата выхода к Адриатике давала Белграду «достаточное основание к дополнительной претензии о территориальном возмещении их ущерба»³⁶¹. Таким образом, причисление А.А. Башмакова к защитникам болгарских претензий является преувеличением – для него во главе угла стояло славянское единство и защита их интересов перед внешними силами, а не друг перед другом.

---

³⁵⁹ Правильно «артачество» – от артачиться, ртачиться. Ртачливый – глупо, бессмысленно упрямый, упорный (*Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 4. М.; СПб., 1882. С. 105). Ошибка в болгарском оригинале, видимо, связана с «ложным другом переводчика», поскольку корень «ортак» на Балканах значит «компаньон».

³⁶⁰ Проф. Иван Шишманов. Дневник и досиета. 1879–1927 г. / съст. И. Бурилкова, Ц.В. Билярски. София, 2015. С. 160.

³⁶¹ *Елджров С.* Забравеният юбилей: 150 години от рождението на Александр Александрович Башмаков // Македонски преглед. Т. XXXII. 2009. № 4. С. 140.

Своим «мощным и справедливым словом»³⁶², по выражению С. Бобчева, на страницах «Речи» защищал притязания Софии на Македонию П.Н. Милюков. Лидера кадетов очень многое связывало с Болгарией. Уехав по политическим причинам из России, он, будучи профессиональным историком, преподавал в Софии, но был отстранен от кафедры по требованию российского посланника, после чего отправился в археологическую экспедицию в Македонию. Что интересно, и в болгаро-сербском вопросе мнение П.Н. Милюкова и большей части кадетов расходились – они считали истинным «славянским авангардом» на Балканах Сербию³⁶³.

В то же время говорить о четкой болгарофильской позиции политика и историка нельзя. П.Н. Милюков исходил прежде всего из интересов России, даже если это шло вразрез с его симпатиями к какой-либо стране. Однако болгары пытались оказать на него воздействие, используя Ивана Шишманова³⁶⁴ – старого знакомого лидера кадетов, бывшего в годы преподавания в Софийском университете «самым близким ко мне (П.Н. Милюкову. – *Н.Г.*) и одним из самых выдающихся» профессоров³⁶⁵. В эти годы они вели ак-

---

³⁶² Бобчев С. Указ. соч. С. 39.

³⁶³ Шелохаев В.В. Указ. соч. С. 210; Воронкова И.Е. Партия конституционных демократов о целях и текущих задачах балканской политики Российской империи начала XX века // Славяноведение. 2009. № 5. С. 27.

³⁶⁴ Подробнее об этом см.: Гусев Н.С. Профессор И.Д. Шишманов в болгаро-сербской борьбе за русские симпатии в 1912–1913 гг. // Славяне и Россия: проблемы войны и мира на Балканах в XVIII–XXI вв. К 100-летию со дня рождения академика Ю.А. Писарева / отв. ред. С.И. Данченко. М., 2017; Он же. Профессор Иван Шишманов на защите болгарских интересов в Петербурге в 1912–1913 гг. // Дриновски сборник / Дриновський збірник. Т. X. Харків; София, 2017.

³⁶⁵ Милюков П.Н. Указ. соч. С. 172.

тивную переписку, в которой обсуждали и научные, и политические вопросы³⁶⁶.

На первых порах после начала Первой балканской войны П.Н. Милюкова открыто ни к чему не призывали. После его выступления в пользу сохранения статус-кво на Балканах И. Шишманов сообщил о невообразимой горечи, которую это вызвало³⁶⁷. О воззвании, составленном на квартире М.М. Ковалевского 11 октября 1912 г., как сообщил болгарский профессор, он прочел с удовольствием, но его озадачил вопрос, который он адресовал лидеру кадетов: «Но почему отсутствовало Ваше, столь дорогое нам имя, Павел Николаевич?»³⁶⁸ П.Н. Милюков был вынужден оправдываться. Он объяснил, что статья о статус-кво написана в поддержку славян, поскольку в момент ее публикации существовала опасность вторжения «корыстных соседей» балканских держав, а воззвание он не подписал, поскольку не считал деятелей, поставивших под ним свои имена, людьми, близкими к нему по взглядам. Для самой же Болгарии, как полагал лидер кадетов, будет полезнее занятая им объективная позиция. «От вас я не могу требовать этой объективности, но не требуйте и Вы от меня Вашего субъективизма»³⁶⁹, – довольно резко подвел черту под этим разговором П.Н. Милюков. Когда же в прессе появилось его воззвание «Поддержите наших друзей», И. Шишманов поблагодарил за него и выразил уверенность, что если русское прогрессивное общество в этот раз не отзовется, то «нужно будет предположить, что русские либеральные круги все еще далеки от правильного понимания своих и общерусских интересов (выделено И. Шишмановым. – Н.Г.)»³⁷⁰.

³⁶⁶ Например: РГАЛИ. Ф. 1065. Оп. 5. Ед. хр. 1. Л. 59.

³⁶⁷ ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Ед. хр. 6230. Л. 27об.

³⁶⁸ Там же. Л. 28об.

³⁶⁹ НА-БАН. Ф. 11К. Оп. 3. А. е. 968. Л. 44–47.

³⁷⁰ ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Ед. хр. 6230. Л. 35.

Весной 1913 г. изменилась обстановка, обострились споры о Македонии, и 12 апреля И. Шишманов отправил примечательное письмо. Поблагодарив за присланные для раненых деньги, он спросил: «Что скажете о поведении наших “братьев”, которые хотят à grand cris³⁷¹ ревизию Тайного договора от февраля 1912 г.?» Назвав отношение русской прессы к македонскому вопросу преступным, профессор возмутился тем, что болгар призывают к «ампутации» ради «какого-то панславистского фантома». «Дорогой Павел Николаевич, никогда болгарская демократия не обращала взгляды к Вам с такой верой в Вашу поддержку, как в этот момент священного гнева, возмущения позорным поведением наших союзников. Помогите правде восторжествовать. Этим Вы спасете и идею, которая Вам дорога: идею балканского союза», – прямо обратился И. Шишманов за помощью. Иначе, как он писал, и русофилы «поколеблются в своей беззаветной вере», усилятся их оппоненты, ведь «взгляды вновь начинают обращаться к Тройному (Тройственному. – Н.Г.) союзу»³⁷². По всей видимости, ситуация стала действительно критической, раз П.Н. Милюкова без всяких обиняков просили защитить болгар, при этом предлагая столь традиционный и «топорный» аргумент, как опасность перехода Болгарии в стан противников России.

Однако не только И. Шишманов апеллировал к лидеру кадетов. В январе 1913 г. он посетил Балканы, и болгары ему передали тетрадь с записями, негативно характеризующими поведение сербских войск и администрации в Македонии. В Салониках П.Н. Милюков показал часть информации, касавшейся Битола, сербскому посланнику в Греции Живоину Балугджичу. Тот не замедлил сообщить об этом Н. Пашичу, добавив, что, несомненно, тетрадка была

³⁷¹ Во весь голос (*фр.*).

³⁷² ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Ед. хр. 6230. Л. 45–46об.

получена из официальных болгарских источников³⁷³. Этим документом сведения будущего министра иностранных дел о насильственной сербизации населения Македонии, полученные из болгарских источников, не ограничивались, о чем свидетельствует обширное количество подобных донесений в его архивном фонде³⁷⁴.

О некоторых таких эпизодах П.Н. Милюков детально рассказал в своей речи в Госдуме 6 июня 1913 г.³⁷⁵, но и ранее данная информация стала появляться в его статьях и выступлениях. Сербский министр внутренних дел Стоян Протич утверждал, что верить этому автору нельзя, поскольку он принимает на веру «односторонние рассказы болгарских шовинистов и четников» и на их основании делает выводы. А такой обвинитель «уже не серьезный человек; так может поступать лишь низшего разбора адвокат»³⁷⁶. Другой представитель Сербии, Дж. Генчич, заявил, что в свое время лидер кадетов служил болгарским чиновником и в этом статусе совершал поездки по Македонии. В связи с этим он «едва ли вправе требовать, чтобы русское общественное мнение считалось с его мнением по сербо-болгарскому спору»³⁷⁷. Накануне Второй балканской войны в печати появилось открытое письмо Дж. Генчича и М.М. Вукичевича, где они прямо обвиняли политика в антисербских настроениях³⁷⁸. А сербские газеты в начале июня 1913 г. публиковали

---

³⁷³ Срѣбските интриги и коварства... С. 406.

³⁷⁴ ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Ед. хр. 1659, 1670, 1671, 1674, 1675, 1681, 1681а, 1682 и др.

³⁷⁵ Стенографические отчеты / Гос. дума, четвертый созыв, сессия первая. Заседания 55–81 (с 27 мая 1913 г. по 25 июня 1913 г.). СПб., 1913. Стб. 1029–1033.

³⁷⁶ *Balkanicus*. Сербь и болгары в Балканской войне. СПб., 1913. С. 6.

³⁷⁷ Сербо-болгарский спор... С. 92.

³⁷⁸ *Кострикова Е.Г.* Российское общество и внешняя политика... С. 251.

статьи, рассказывавшие о «дерзких выпадах человека, который получает деньги от Болгарии»³⁷⁹.

Позицию П.Н. Милюкова мстительные балканцы даже после своих побед не забыли. Уже после обеих Балканских войн он вместе с комиссией Фонда Карнеги по изучению причин и последствий этого конфликта отправился на расследование преступлений военных против мирного населения. И в Сербии ему было отказано в допуске на места происшествий ввиду его враждебного отношения к стране. Тогда он решил покинуть Белград, но перед отъездом попал в неприятное положение. В.Н. Штрандтман вспоминал, что Н. Пашич сразу назначил чиновника Министерства иностранных дел Цемовича состоять при П.Н. Милюкове, чтобы предупредить о возможных враждебных выступлениях публики против него. Но это не помогло.

25 августа лидер кадетов в компании Цемовича и Любы Стояновича сидел в ресторане «Москва», когда к ним подошла группа сербов, один из которых начал читать вслух статью П.Н. Милюкова о Сербии. Затем все посетители хором начали требовать немедленного удаления российского политика из Белграда. Пока Цемович пытался успокоить собравшихся, объект обструкции покинул зал³⁸⁰. Немного иной ситуация осталась в памяти самого Милюкова. По его версии, к нему в гостиницу «Россия»³⁸¹ пришли проститься его сербские друзья, и они спустились в ресторан. Там демонстранты, «большой частью патриотическая молодежь»,

---

³⁷⁹ Тимофеев А.Ю., Живанович М. Можно ли рассматривать доклад Комиссии Карнеги о причинах и ведении Балканских войн 1912–1913 гг. как исторический источник // Славянский альманах. 2017. №. 1–2. С. 108.

³⁸⁰ Штрандтман В.Н. Указ. соч. С. 206.

³⁸¹ Так называет это заведение автор воспоминаний. Данная ошибка вызвана тем, что здание принадлежало страховому обществу «Россия».

их окружили, сев за отдельные столики. «По данному знаку раздались по адресу “врага” Сербии грубые выкрики и резкие речи», и, к его «большому удовольствию», друзья не выдержали этого. На защиту встали черногорец Венович, Л. Стоянович³⁸², затем возникла пауза, ему шепнули, что оставаться небезопасно, и отвели в номер³⁸³. Сербская пресса со смаком описала случившееся так: «Милюков, известный клеветник сербского народа, был выброшен из отеля “Москва”»³⁸⁴.

И далее не было покоя П.Н. Милюкову за его болгарофильскую позицию. В рамках работы Комиссии Карнеги он прибыл в Афины, не афишируя свой приезд. Тем не менее одна из столичных газет написала, что известный «враг Греции» находится в столице. Вечером хозяин отеля, где проживал лидер кадетов, заявил ему, что такого человека не может содержать у себя, и предложил выселиться³⁸⁵. В итоге, по большому счету, участие Милюкова в Комиссии Карнеги привело к ее дискредитации в глазах Сербии и Греции, не позволивших собрать материал для расследования³⁸⁶. Результатом этого стало то, что и сербы в начале XX в., и сербская историография в начале XXI в. оценивают доклад Комиссии Карнеги сугубо негативно и даже

---

³⁸² П.Н. Милюков в мемуарах здесь указал «профессора Любу Йовановича», но, по всей видимости, ошибся. Любомир Йованович – один из основателей «Черной руки», бывший четник, редактор газеты «Пьемонт», и дружба между ними вряд ли могла возникнуть. Очевидно, что, говоря о «профессоре Любе Йовановиче», автор мемуаров все-таки подразумевал Любомира Стояновича, действительно бывшего профессором и ученым.

³⁸³ Милюков П.Н. Указ. соч. С. 132.

³⁸⁴ Тимофеев А.Ю., Живанович М. Указ. изд. С. 110–111.

³⁸⁵ Милюков П.Н. Указ. соч. С. 136.

³⁸⁶ Тимофеев А.Ю., Живанович М. Указ. изд. С. 112–117.

как часть антисербской пропаганды³⁸⁷. Правда, забывают поставить вопрос: при всей предвзятости П.Н. Милюкова не виноваты ли сами сербы в том, что Комиссия в своем расследовании вынужденно опиралась лишь на болгарские и турецкие данные?

Другой болгарофил, свидетель войны, освободившей Болгарию, Вас. И. Немирович-Данченко, не был так замечен в этом противостоянии. Его книги вышли еще до начала вооруженного столкновения между союзниками. Но в марте 1913 г. активный участник литературной жизни столицы Ф.Ф. Фидлер устраивал у себя музыкальный вечер, на котором ждал и этого писателя. В своем дневнике о присутствии Немировича-Данченко он записал: «Пришел поздно с какого-то ужина и ушел часа через два: спешил в какое-то общество»³⁸⁸. По всей видимости, он участвовал в одном из заседаний, посвященных балканским проблемам. Но ни в одном опубликованном сборнике речей его выступлений мы не находим.

Приват-доцент Петербургского университета, будущий советский академик Н.С. Державин принимал участие в первых собраниях столичной интеллигенции, посвященных событиям на Балканах³⁸⁹, однако его публичная активность в печати и на собраниях прослеживается лишь с мая 1913 г.

---

³⁸⁷ *Свирчевић М.* Пропаганда против Србије за време Балканских ратова и после њих 1912.–1914. године // *Летопис Матице српске*. 2013. Књ. 491. Св. 3. С. 293–297; *Тимофеев А.Ю., Живанович М.* «Работа комиссии провалена... потому, что один из ее членов – открытый неприятель Сербии и Греции». Взгляд из Белграда на пропагандистский удар по Балканам в 1913–1914 гг. и его повторение через 79 лет // *Военно-исторический журнал*. 2017. № 5.

³⁸⁸ *Фидлер Ф.Ф.* Из мира литераторов: характеры и суждения. М., 2008. С. 602.

³⁸⁹ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 121. 4-е делопроизводство. 1912 г. Ед. хр. 278. Л. 29об.

и вплоть до 1915 г., когда момент, конечно, был упущен³⁹⁰. Публицист и народоволец П. Габе, эмигрировавший задолго до этого в Добруджу, старался донести до русского общества болгарскую позицию относительно территориальных притязаний Румынии³⁹¹.

Пытались болгары привлечь на свою сторону российского военного агента в Париже А.А. Игнатьева, являвшегося племянником дипломата, ставшего «иконкой» в Болгарии, – Н.П. Игнатьева. Он стал объектом активного «обхаживания» болгарским посланником Д. Станчевым, который «со свойственной этому дипломату дерзкой настойчивостью считал, что его мнение, как болгарина, для меня закон, что я попросту сам наполовину болгарин»³⁹². Но А.А. Игнатьев активного участия в развернувшейся борьбе не принял.

Сторонников Белграда в этом информационном противостоянии назвать сложнее. Сербский посланник Д. Попович не был столь откровенен в мемуарах, как С. Бобчев. К уже названным М. Бойовичу, И.П. Табурно, Д.И. Семизу можно причислить и корреспондента «Утра России» в Сербии – военного историка, генерал-лейтенанта Е.И. Мартынова. Главным образом тот рассказывал о Второй балканской войне и всячески живописал болгарские зверства по отношению к сербам³⁹³. Но категорично утверждать, что он являлся сторонником Белграда, нельзя. Мартынов отправился на полуостров, когда боевые действия начались и Болгария уже получила

---

³⁹⁰ Об этом см. далее, а также: *Гусев Н.С.* Штрихи к дореволюционной биографии академика Н.С. Державина // Архивный поиск. М., 2019. Вып. 1.

³⁹¹ *Илчев И.* Родина ми – права или не!.. С. 144.

³⁹² *Игнатьев А.А.* Пятьдесят лет в строю. М., 1986. URL: http://militera.lib.ru/memo/russian/ignatyev_aa/27.html (дата обращения: 30.09.2019).

³⁹³ *Мартынов Е.И.* Сербь в войне с царем Фердинандом. Заметки очевидца. М., 1913.

от русского общества клеймо братоубийцы и предателя славянства. С. Бобчев указал на журналиста, которого «сербская пропаганда уже успела привлечь на свою сторону», – князя Э.Э. Ухтомского, редактора-издателя «Петербургских ведомостей»³⁹⁴ и приближенного Николая II, сопровождавшего того в бытность цесаревичем в путешествии по Востоку. По мнению К. Мисиркова – болгарско-македонского общественного деятеля, прошедшего студенческие годы в России, а во время Балканских войн отправившегося в Болгарию корреспондентом «Голоса Москвы»³⁹⁵, сторонники Белграда все же были намного сильнее: «Сербские агенты в России в лице архимандрита Михаила, настоятеля сербского подворья в Москве, и в лице сербов – сотрудников русских газет по славянскому вопросу действовали вне всякой конкуренции болгар»³⁹⁶.

Помимо желающих оговорить условия раздела Македонии в России присутствовала и группа македонцев, выступавших за самостоятельное существование их родины. Они объединялись вокруг Македонского научно-литературного общества при македонской колонии в Петербурге, их влияние и значение были минимальны, но все же назовем и эту сторону конфликта, поскольку она, как считал македонский академик Б. Ристовски, являлась «легитимным представителем македонского народа»³⁹⁷. Прежде всего к ней принад-

---

³⁹⁴ Бобчев С. Указ. соч. С. 40.

³⁹⁵ Шипчанов И. Вестители на бойна слава (военните кореспондентите през Балканската война от 1912–1913 г.). София, 1983. С. 183.

³⁹⁶ Мисирков К.П. Дневник. София; Скопје, 2008. С. 10. URL: http://www.promacedonia.org/km_dn/index.html (дата обращения: 30.09.2019).

³⁹⁷ Ристовски Б. Македонската колонија во Петроград и културно-националниот идентитет и територијален интегритет на Македонија (причини за војната и последици од букурешкиот договор) // Букурешкиот мировен договор (1913) и неговите

лежали прибывшие в столицу студентами и оставшиеся в ней К.П. Мисирков, Г.К. Константинович и Д.Д. Чуповский, который и стал лидером петербургских македонцев-автономистов, поскольку во время Балканских войн Мисирков находился в Болгарии в качестве корреспондента. Так же активно участвовали в общественном обсуждении Г. Горгов, Н. Димов, Й. Горгов³⁹⁸. 1 марта 1913 г. македонская колония опубликовала «Меморандум о независимости Македонии» и направила его британскому министру иностранных дел и послам великих держав в Лондоне. Н. Димов в Славянском благотворительном обществе прочел лекцию о прошлом и настоящем его родины, Д.Д. Чуповский создал альтернативную этническую карту Македонии, которую разослал находящимся в Петербурге дипломатам и российским общественным деятелям. В апреле 1913 г. в газете «Славянин» он выступил с программной статьей «Македонское государство». Среди прочего там были изложены и основы современного исторического нарратива Северной Македонии. Так, «македонские славяне поселились в пределах тепершней Македонии еще в первых веках христианской эры», когда о болгарях и сербах еще не слышали, а золотым веком этого государства было «царствование царя Самуила (X–XI вв.)»³⁹⁹. Чуть позже Д.Д. Чуповский стал издателем газеты «Македонский голос», разрешение на которую было получено у петербургского градоначальника 7 мая 1913 г.⁴⁰⁰ Но этот печатный орган ждала

долгосрочни последици за Македонија и Југоисточна Европа. Скопје, 2017. С. 13.

³⁹⁸ Стојанов П. Македонија во времето на Балканските и Првата световна војна (1912–1918). Скопје, 1969. С. 119.

³⁹⁹ Ристовский Б. Димитрий Чуповский и македонское национальное сознание / пер. с мак. М., 1999. С. 79–86.

⁴⁰⁰ Струкова К.А. К вопросу о деятельности македонской интеллигенции в России в начале XX в. // Славянский архив. М., 1963. С. 184.

недолгая жизнь, и возобновившаяся во время Первой мировой войны активная агитация за независимую Македонию кончилась также ничем⁴⁰¹.

* * *

Обе стороны начали стягивать своих сторонников в российскую столицу для решающего сражения. Спустя некоторое время, летом 1913 г., П.А. Лавров рассказывал: «В Петербург для защиты своих интересов прибыли сербы и болгары. Печатались статьи в газетах, выпускались отдельные брошюры, обсуждался сербо-болгарский спор в различных сообществах. Заседания затягивались далеко за полночь. В прениях выступали и проживающие в столице македонцы. Их речи носили страстный и резкий характер. Все это были люди, не подготовленные к тому, чтобы вести спокойное научное обсуждение»⁴⁰².

Стартовые позиции сторон разнились, что проявлялось во многом. Как писал современник событий, член Внутренней Македонско-Одринской организации Х. Силянов, «задача сербов была упрощена тем, что еще в 1912–1913 гг. Россию наводнили постоянные и непостоянные эмиссары (генерал Липовац, Цемович, Генчич, Белич, проф. Родован Кошутич, проф. Вукичевич и др.)». Они должны были сначала доказать необходимость изменения болгаро-сербского союзного договора, а затем – пестовать антиболгарские настроения⁴⁰³.

Как уже упоминалось, посетил Россию сербский митрополит Димитрий. Хотя целью его визита было празднование 300-летия дома Романовых, он побывал в нескольких

---

⁴⁰¹ *Терзиоски Р.* Некои активности на македонски дејци во Русија за решавање на македонското прашање (1914–1918) // Македонија: Прашања од историјата и културата. Скопје, 1999. С. 287–301.

⁴⁰² *Лавров П.А.* Балканский союз и переживаемый им кризис. С. 29.

⁴⁰³ *Силянов Х.* Србско-българският спор и Русия. София, 1915. С. 20.

российских городах, встретился к рядом официальных и общественных лиц, о чем по возвращении в Белград отчитался в письме Н. Пашичу. В Петербурге он имел аудиенции у В.Н. Коковцова и Николая II, которому рассказал о любви сербов к России и подарил икону св. Саввы Сербского. Также у митрополита состоялись беседы с другими «людьми высокого положения, особенно с друзьями нашего народа», среди которых он упомянул П.Д. Паренсова, П.А. Кулаковского и И.С. Пальмова.

2 марта Дмитрий прибыл в Москву. На вокзале его встретил бывший городской голова Н.И. Гучков и представители Славянского благотворительного общества, заседание которого митрополит потом посетил. Также у него состоялась встреча с вдовой великого князя Сергея Александровича Елизаветой Федоровной, которая (что наверняка в тот момент было важнее) являлась старшей сестрой русской императрицы⁴⁰⁴. В тот же день на вопрос журналиста «Голоса Москвы»: «Довольны ли сербы достигнутыми результатами на войне?» – он ответил: «Конечно, недовольными мы не можем быть. Сербы заняли много дорогих по историческим воспоминаниям мест: Монастырь, Прилеп и др. Теперь мы близко подошли к осуществлению идеи Великой Сербии»⁴⁰⁵. После митрополит совершил ряд визитов к официальным лицам и в Славянское благотворительное общество в Киеве, который покинул 11 марта и после посещения монастырей направился на родину⁴⁰⁶. Хотя сербский иерарх осознанно нигде не выступал против болгар, подчеркивал братство и близость южных славян, он заметил, что симпатии русского общества распределены не в пользу его страны. Согласно словам митрополита Дмитрия, в России велась организованная пропаганда, задачей которой было создать

---

⁴⁰⁴ Тимофеев А. Указ. изд. С. 146–151.

⁴⁰⁵ Цит. по: Москва–Сербия... С. 329.

⁴⁰⁶ Тимофеев А. Указ. изд. С. 152–154.

превратное представление о сербском народе и «принизить значимость наших успехов в культуре, экономике и военном деле». Мириться с этим сербский церковный деятель не считал возможным: «По моему мнению, у нас также должны иметься люди, которые будут вовремя информировать русских и их печать о наших подлинных успехах... и быстро и энергично опровергать лживые сведения, распространяемые нашими недругами»⁴⁰⁷. Отметим, что и до прибытия митрополита сербская православная церковь в лице настоятеля сербского подворья выступала проводником политики Белграда. Способствовало ее успехам и то, что архимандрит Михаил и его клир стали основой созданного Московского славянского комитета, отправлявшего на Балканы добровольцев и денежные пожертвования⁴⁰⁸.

В марте 1913 г. в помощь к уже находящемуся в российской столице Р. Кошутичу прибыл профессор Александр Белич. Он три года провел в России (в Новороссийском и Московском университетах), являлся учеником знаменитого лингвиста Ф.Ф. Фортунатова⁴⁰⁹, стал близким другом П.А. Лаврова⁴¹⁰, в 1906 г. опубликовал в Петербурге «Диалектологическую карту сербского языка», а в 1910 г. был избран членом-корреспондентом Российской академии наук⁴¹¹. Д. Попович писал Н. Пашичу о необходимости того,

---

⁴⁰⁷ Там же. С. 142.

⁴⁰⁸ Москва–Сербия... С. 310.

⁴⁰⁹ *Шешкен А.Г.* Александр Белич и «Русский Белград» // Славянский вестник. Вып. 2. М., 2004. С. 578.

⁴¹⁰ См. письма А. Белича П.А. Лаврову в: С.-Петербургский филиал Архива РАН (далее – СПбФ АРАН). Ф. 284. Оп. 3. Ед. хр. 23. Ответы опубл. в: От чужих к своим: Письма выдающихся представителей русской интеллигенции начала XX века Александру Беличу / ред. К. Ичин. Белград, 2016.

⁴¹¹ За это он в письме благодарил своего учителя Ф.Ф. Фортунатова: «[В этом событии] я вижу прежде всего любовь Вашу

чтобы А. Белич касался исключительно болгаро-сербских отношений, чтобы не вызывать у правительства по поводу него подозрений, хотя С.Д. Сазонов уже пребывал в уверенности, что профессор отправлен в Россию «с некоторой тайной миссией»⁴¹².

7 марта 1913 г. в Петербург приехал прославленный болгарский генерал Радко Димитриев⁴¹³. По свидетельству его соотечественника, публициста и дипломата Н. Милева, приезд «на отдых» преследовал и политические цели⁴¹⁴. Сербский посланник в Софии узнал от английского дипломатического представителя, что генерал отправился с целью повлиять на русское общество в вопросах болгаро-русских и болгаро-сербских взаимоотношений⁴¹⁵. А французский военный атташе сообщил руководству, что генерал едет в Петербург в связи с румынскими претензиями к Болгарии⁴¹⁶. Тогда же посетил столицу России и считавшийся русофилом председатель Народного собрания Стоян Данев, которому начальник Генерального штаба Иван Фичев предоставил данные о количестве мобилизованных и болгарских потерях. В воспоминаниях генерал признался: «Эти цифры были завышены, чтобы достигнуть большего эффекта от усилий, приложенных Болгарией ради войны»⁴¹⁷. Болгарский академик Г. Марков предпо-

---

ко мне, а только потом – надежды, которые вы на меня возлагаете» (СПбФ АРАН. Ф. 90. Оп. 3. Ед. хр. 3. Л. 38).

⁴¹² Сръбските интриги и коварства... С. 438.

⁴¹³ Новое время. 1913. 7 марта. URL: <http://starosti.ru/article.php?id=36033> (дата обращения: 30.09.2019).

⁴¹⁴ Милев Н. Дневници, спомени, пътеписи, писма. София, 2008. С. 165.

⁴¹⁵ Сръбските интриги и коварства... С. 432.

⁴¹⁶ Цачевски В. Радко Димитриев. Пълководецът. София, 2018. С. 160.

⁴¹⁷ Фичев И. Балканската война 1912–1913. Преживелици, бележки и документи. София, 1940. С. 348.

жил, что цели визитов обоих болгарских представителей отличались. С. Данев, по его словам, должен был заняться вопросом болгаро-румынских взаимоотношений, а конкретнее – требованиями Бухареста получить территориальную компенсацию⁴¹⁸. В пользу этой же версии говорит и донесение главы болгарского парламента премьеру о встрече с российским императором: «Отзываются о Болгарии очень лестно, особенно Престолонаследник. Готовы нас поддерживать». Но при этом, как признал С. Данев, Николай II заметил, что Румынии придется уступить территории, «потому что положение Кароля тяжелое»⁴¹⁹.

Общественное мнение болгарского политика практически не замечало, притом уделяя огромное внимание визиту Р. Димитриева, но именно как публичная фигура он и ехал. Причем фигура не вполне официальная, поскольку о его визите ничего не сообщалось, и он стал неожиданностью для болгарского дипкорпуса. Премьер И. Гешов объяснял подчиненным, что генерал «без нашего ведома отправлен царем»⁴²⁰, а посланник в Петербурге выразил открытое недовольство этой неожиданностью⁴²¹. В то же время для сохранения в тайне цели визита принимались экстраординарные меры – не был поставлен в известность российский представитель в Софии А.В. Неклюдов, документы для въезда в Россию Р. Димитриев получил в консульстве в Русе⁴²². Очевидно, что миссия генерала касалась каких-то деликатных вопросов, и недаром выбор пал именно на него. Он окончил

---

⁴¹⁸ *Марков Г.* Указ. соч. С. 448.

⁴¹⁹ Из тайния архив на българския цар Фердинанд I: Документи за военната и политическата история на България. София, 2001. С. 107.

⁴²⁰ *Маджаров М.И.* Дипломатическа подготовка на нашите войни. София, 1932. С. 128.

⁴²¹ *Марков Г.* Указ. соч. С. 450.

⁴²² *Nekludoff A.* Op. cit. P. 127.

Николаевскую академию Генштаба в Петербурге, участвовал в так называемом бунте офицеров-русофилов 1887 г., после его поражения был вынужден почти на десять лет эмигрировать в Россию, где служил в армии в Тифлисе. Таким образом, его биография говорила о крайне русофильских взглядах, что должно было оказывать влияние и на степень его популярности в России⁴²³.

10 марта генерал посетил редакцию «Нового времени»⁴²⁴, затем принял участие в ряде торжественных банкетов. На одном из них Р. Дмитриев отозвал в сторону М.В. Родзянко и спросил совета: «Я приехал с секретной миссией повергнуть к стопам его величества Константинополь. Как мне быть, как говорить с государем?» Председатель Госдумы посоветовал быть в беседе откровенным⁴²⁵. 12 марта болгарский генерал встретился с Николаем II, и это нашло отражение в довольно скупых дневниковых записях императора: «Принял болгарского генерала Радко Дмитриева, героя последней войны»⁴²⁶. Монарх не уточнил, какие вопросы они обсуждали, но в обществе ходили слухи,

---

⁴²³ После Балканских войн он стал посланником Болгарии в России. С началом Первой мировой войны поступил на русскую службу, получил в командование армию. После революции отказался на чьей-либо стороне участвовать в Гражданской войне. В 1918 г. казнен большевиками в Пятигорске. Подробнее о нем см.: *Дренски И.* Генерал Радко Дмитриев. София, 1962; *Узунов Хр.* Генерал Радко Дмитриев – военен стратег и пълководец // Известия на Института за военна история. 1995. Т. 58; *Цачевски В.* Указ. соч.; *Гусев Н.С.* Судьба Радко Дмитриева и память о нем как заложники российско-болгарских отношений конца XIX – начала XX вв. // Вестник МГИМО-Университета. 2019. № 6.

⁴²⁴ Новое время. 1913. 10 марта. URL: <http://starosti.ru/article.php?id=36088> (дата обращения: 30.09.2019).

⁴²⁵ *Родзянко М.В.* Указ. соч. С. 74.

⁴²⁶ Дневники Николая II. М., 1991. С. 387.

что Р. Димитриев приехал, чтобы предложить Николаю II «ключи от Царьграда». Исходя из того что аудиенция у императора была длительной, а затем генерал отправился к С.Д. Сазонову, член Госсовета А.А. Поливанов предполагал, что «Радько-Дмитриев» прибыл «с предложением [России] взять для себя Константинополь», но, по его мнению, у главы МИДа это вряд ли могло встретить поддержку⁴²⁷. А.Н. Брянчанинов на славянском обеде публично говорил о болгарском предложении столицы Османской империи Петербургу. Но еще в октябре 1912 г. в Клубе общественных деятелей на основании «конфиденциальных разговоров» он заявил о существовании соглашения, по которому «если бы, в случае успеха болгарского оружия, удалось бы подойти к стенам Константинополя и войти в город, он будет затем передан России: нам будет предложено занять его, как дар благодарности Болгарии за ее освобождение русской кровью»⁴²⁸. Но его речи мало кто воспринимал всерьез.

Министр иностранных дел этот момент не отразил в своих воспоминаниях, хотя его подчиненный В.Б. Лопухин утверждал, что Р. Димитриев о предложении Константинополя «официально заявлял». Однако С.Д. Сазонов альтруизму царя Фердинанда не верил и, понимая, что России в тот момент Проливов не получить, не желал появления и «эвентуального византийца Фердинанда»⁴²⁹.

Стоит указать и следующий факт. В том же марте в Софию прибыл уполномоченный Министерства финансов Солдатенков. По поручению царя Фердинанда болгарский министр финансов Т. Теодоров предложил заключение двустороннего

---

⁴²⁷ *Поливанов А.А.* Из дневников и воспоминаний по должности военного министра и его помощника. 1907–1916. М., 1924. С. 113–114.

⁴²⁸ Война на Балканах. С. 49.

⁴²⁹ *Лопухин В.Б.* Записки бывшего директора департамента Министерства иностранных дел. СПб., 2008. С. 209.

соглашения, по которому Болгария брала на себя обязательство «навсегда отказаться» от Черноморских проливов и оказать помощь в овладении ими Россией, которая в ответ должна будет содействовать Болгарии в приобретении территорий, перешедших Сербии после войны с Турцией. Эту идею в Петербурге отвергли⁴³⁰. Приведенные факты увеличивают вероятность того, что Р. Димитриев приезжал действительно, чтобы предложить России вожаденные Проливы в обмен на поддержку.

Хотя стоит указать, что, согласно воспоминаниям посланника в Софии А.В. Неклюдова, визиты Т. Теодорова и Р. Димитриева были вызваны желанием царя Фердинанда присоединить к Болгарии город Родосто⁴³¹. В 1917 г. в «Вестнике Европы» П.Н. Милюков утверждал, что болгарский генерал был послан в Петербург с предложением взять Константинополь для России в обмен на помощь в приобретении Родосто, а просьбу помочь в вопросе о будущем этого острова в Мраморном море он лично адресовал лидеру кадетов⁴³², что, как упоминалось выше, отразилось в мемуарах Милюкова⁴³³.

Однако к марту ситуация кардинально изменилась, и более вероятным выглядит предположение, что болгарские политики искали поддержки в противостоянии с сербами. Но им не верили, опасаясь, что, войдя в Константинополь, болгарская армия его не покинет. А, повторимся, взявшее под контроль проливы молодое и крепкое государство, война с которым

---

⁴³⁰ Писарев Ю.А. Великие державы... С. 162–163. Ю.А. Писарев ошибочно называет болгарского министра финансов Б. Тодоровым. Его звали Теодор Теодоров. Подробнее см.: *Теодоров И.Т. Балканските войни. Теодор Теодоров – парламентарният лъв. София, 2007.*

⁴³¹ *Nekludoff A.* Op. cit. P. 126–127.

⁴³² *Милюков П.* Константинополь и Проливы // Вестник Европы. 1917. № 2. С. 256.

⁴³³ *Милюков П.Н.* Воспоминания. С. 126–127.

вряд ли будет популярной, представлялось большей угрозой, нежели извечный и дряхлеющий противник. Не прибавляли веры словам посланника Фердинанда и слухи о том, что царь из династии Кобургов приготовил мантию и коня для въезда в столицу Османской империи и последующей коронации под именем Симеона⁴³⁴. Да и «ключи от Царьграда» были более чем иллюзорны – атака «с наскоку» на чатаджинскую линию провалилась, а с тех пор турки привели войска в порядок, укрепились, и вероятность успеха штурма оборонительной линии с последующим взятием Константинополя сводилась к нулю. К тому же даже в случае счастливого исхода битвы за османскую столицу и передачи ее России возникали проблемы куда большего порядка. По утверждению Г. Маркова, все эти планы были представлены Николаю II, но он отказал, поскольку вопрос о Константинополе и Проливах не назрел – он грозил вызвать общеевропейскую войну, к которой Россия не была готова⁴³⁵.

Нахождение Р. Димитриева и С. Данева в Петербурге совпало с падением Адрианополя. Как уже описывалось выше, 17 марта их торжественно принимали в Государственной Думе, а проводы Р. Димитриева 18 марта превратились в народное шествие, разогнанное полицией. Все это оказало значительное воздействие на русское общество. И уже 21 марта Д. Попович написал Н. Пашичу, что симпатии к болгарам кажутся сильнее, и если правительство планирует противостоять им, то «хорошо, чтобы в Петербург был отправлен со специальной миссией государственный человек с именем»⁴³⁶. Мы точно не знаем, в ответ на эту телеграмму или нет, но в российскую столицу прибыл Джордже Генчич – бывший

---

⁴³⁴ Тем самым делалась отсылка к средневековому болгарскому правителю Симеону (893–927), осаждавшему Константинополь и объявившему себя василевсом ромеев и болгар.

⁴³⁵ *Марков Г.* България в Балканския съюз... С. 451.

⁴³⁶ *Сръбските интриги и коварства...* С. 439.

министр и политический руководитель переворота 1903 г., вернувшего к власти династию Карагеоргиевичей. К. Мисирков писал, что именно «интригами проф. Кошутича и бывшего министра Генчича в Петербурге удалось склонить русскую печать и русских славянофилов на сторону Сербии»⁴³⁷. О том, что как частное лицо он не воспринимался, говорят несколько его встреч в мае–июле 1913 г. с В.Н. Коковцовым и С.Д. Сазоновым, о которых он отчитывался сербскому премьеру⁴³⁸. Но, как сам он сообщал, по мнению придворных кругов, в мае 1913 г. на Николая II в вопросах внешней политики никто не мог повлиять⁴³⁹.

Между всеми эти представителями Сербии возникла даже конкуренция – посланник не давал Дж. Генчичу отправлять донесения шифрованными телеграммами, поскольку тот вторгся в его область деятельности. Временный представитель Белграда в Петербурге об этом пожаловался в письме Н. Пашичу⁴⁴⁰; после этого Д. Попович стал передавать сообщения Дж. Генчича.

Параллельно нелегальная, но тесно связанная с болгарскими властями Внутренняя македонско-одринская революционная организация (ВМОРО) также осознала необходимость влияния на настроения русского общества. Один из лидеров ВМОРО, Христо Матов, направил инструкции делегатам в Англии, Франции и России, в которых приказывал распространять утверждение, что жители Македонии не останутся под властью греков и сербов, «которые плечом к плечу с турками сражались против болгарских революционеров»⁴⁴¹. К сожалению, нельзя точно указать на упомяну-

---

⁴³⁷ Мисирков К.П. Указ. соч. С. 10.

⁴³⁸ Сръбските интриги и коварства... С. 477, 541, 549; Москва–Сербия... С. 428, 430, 432.

⁴³⁹ Сръбските интриги и коварства... С. 478.

⁴⁴⁰ Там же. С. 477.

⁴⁴¹ Архив Христо Матов. София, 2004. С. 329

тых делегатов в России, но в дискуссии, приведенной ниже, отметился ряд выходцев из македонских земель, обладавших болгарским самосознанием.

Весной 1913 г. в российской столице находился заведующий болгарскими государственными архивом и библиотекой Никола Бобчев. Он принял участие в славянском обеде 18 апреля⁴⁴², однако выступлениями на различных заседаниях либо книгами по спорному вопросу не отметился.

Тогда же в Россию стал собираться И. Шишманов. 12 апреля он написал П.Н. Милюкову, что хочет взять отпуск на семестр и «отправиться поработать над материалами, которые собрал об истории русского конституц[ионного] движения в 80-е годы». Болгарский профессор планировал посетить Москву и Петербург, чтобы посмотреть имеющиеся материалы и лично пообщаться с очевидцами интересовавших его событий⁴⁴³. Судя по всему, Шишманов действительно исходил прежде всего из научных интересов. Еще в январе 1913 г. из Софии он писал бывшему народнику З.К. Арборе-Ралли: «В последнее время увлекся вопросом о влиянии русских прогр[ессивных] людей на наших революционеров. Вы бы могли мне многим помочь своими личными воспоминаниями»⁴⁴⁴. В феврале и марте он вел переписку с историком русского революционного движения В.Я. Богучарским относительно политической программы Земского союза графа П.П. Шувалова и А.И. Желябова⁴⁴⁵. 20 апреля 1913 г. он написал в ректорат Софийского университета заявление с просьбой предоставить ему на два месяца, начиная с 25 апреля, отпуск для поездки за границу «по семейным обстоятельствам». 16 мая министр народного просвещения удовлетворил прошение, указав, что отпуск

---

⁴⁴² Петербургский листок. 1913. 19 апр.

⁴⁴³ ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Ед. хр. 6230. Л. 46об.

⁴⁴⁴ РГАЛИ. Ф. 1019. Оп. 1. Ед. хр. 121. Л. 3.

⁴⁴⁵ РГАЛИ. Ф. 1065. Оп. 5. Ед. хр. 1. Л. 59, 61–64.

считается начавшимся 25 апреля⁴⁴⁶. В мае И. Шишманов уже находился в Петербурге, собирался посетить Москву, где его в гости звал философ Б. Кистяковский⁴⁴⁷.

Основные участники борьбы за умы подданных русского императора прибыли к месту событий.

«СРАЖЕНИЕ»

Весной 1913 г. между сторонниками Софии и Белграда началась в печати активная полемика, иногда выходящая за рамки академического диспута. Не всем издателям это приходилось по нраву, в особенности учитывая, что не было понятно, кто прав. Так, в «Русском слове» решили: «Не печатаем сербов, дабы не печатать болгар и не учинять на страницах “Русского слова” “братоубийственной войны”»⁴⁴⁸.

Склонялась на сторону сербов газета «Новое время», которую, по крайней мере несколькими годами ранее, наряду со «Светом» и «Русскими ведомостями» читал Николай II⁴⁴⁹. Издание обладало огромным авторитетом и широкими связями в высших эшелонах власти, что за границей даже рождало восприятие издания как российского официоза, хотя МИД это неоднократно опровергал⁴⁵⁰. Одновременно (видимо, небезосновательно) посланник России в Софии А.В. Неклюдов с подозрением относился к «славянским патриотам из “Нового времени”»,

---

⁴⁴⁶ Проф. Иван Шишманов. Дневник и досиета... С. 435.

⁴⁴⁷ РГАЛИ. Ф. 1065. Оп. 5. Ед. хр. 1. Л. 65–67.

⁴⁴⁸ Кострикова Е.Г. Российское общество и внешняя политика... С. 252.

⁴⁴⁹ Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш. Указ. соч. С. 336.

⁴⁵⁰ Кострикова Е.Г. «Мост через пропасть»: отдел печати МИД и русская пресса в начале XX века // Российская история. 2010. № 5. С. 191.

предполагая наличие среди них иностранных шпионов⁴⁵¹. Когда в кадетской «Речи» появились обвинения сербов в насилии над населением Македонии, издание Сувориных отреагировало на это следующим пассажем: болгары давно подготавливали почву для таких известий, и корреспондент кадетской газеты «счел нужным на этот счет справляться только у представителей болгарской пропаганды». Но, по мнению сотрудника «Нового времени», приведенным данным не стоит придавать особого значения: «Ибо все это – неудовольствие кучки македонских политиканов». А у сербов есть документы, показывающие, откуда поступают такие сведения. Редакция назвала народ Македонии довольным «своими освободителями», причем слово «довольный» выделила курсивом⁴⁵².

11 апреля в этом издании вышла статья «Сербская точка зрения на сербо-болгарский спор», автор которой скрылся под псевдонимом «Серб». Редакция предварила текст своим предисловием. Она указала, что важно полно и всесторонне осветить препирательства союзников, однако поскольку нет опубликованного текста договора, то «нельзя не отнестись с должным вниманием к заявлениям хотя бы и частного характера, но исходящим от искренних патриотов»⁴⁵³. 19 апреля в «Новом времени» увидела свет большая статья А. Белича «По поводу македонского вопроса»⁴⁵⁴.

При этом стоит признать, что в «Новом времени» могла иметь место и критика официального Белграда. Параллельно с публикацией статей в пользу Сербии на страницах газеты выходили призывы к сохранению мира между союзниками, напоминания, что интересы сербского народа – на Адриатике

---

⁴⁵¹ Кострикова Е.Г. Российское общество и внешняя политика... С. 187–188.

⁴⁵² Новое время. 1913. 1 апр.

⁴⁵³ Новое время. 1913. 11 апр.

⁴⁵⁴ Новое время. 1913. 19 апр.

и за Дунаем⁴⁵⁵. На ее страницах вышел и подробный рассказ болгарского генерала Н. Иванова о взятии Адрианополя, из которого следовало, что в этой победе роль Сербии не была столь велика⁴⁵⁶. А 22 августа 1913 г. болгарский посланник С. Бобчев в числе прочих предлагал своему руководству поощрить братьев Сувориных, поскольку в их изданиях «до и после войны появился ряд статей, благоприятных болгарскому делу»⁴⁵⁷.

Естественно, подобные публикации вызывали недовольство у сторонников Белграда. Так, например, сербский консул в Приштине М.Г. Милоевич утверждал, что «идея, которую защищает петербургское “Новое время”» в отношении границ Албании и Болгарии, ошибочна⁴⁵⁸. Можно предположить, что в данном умеренно правом издании пытались исходить из интересов России, суть которых видели в сохранении Балканского союза против Австро-Венгрии, а если это представлялось невозможным, то, как там считали, ставку надо делать на Сербию. Нельзя исключать и того, что «Новое время» в данном вопросе в значительной мере оппонировало «Речи», и в первую очередь П.Н. Милюкову в связи уже с внутри-, а не внешнеполитическими обстоятельствами.

Помимо статей публиковались и более обширные доказательства верности своей точки зрения. В издательстве «Нового времени» вышла книга сербского министра внутренних дел Стояна Протича (под псевдонимом “Balkanicus”)

---

⁴⁵⁵ Котов Б.С. Межсоюзническая война лета 1913 года в восприятии русского общества (по материалам прессы) // Новая и новейшая история. 2015. № 3. С. 104. Об этом же, что примечательно, в феврале 1913 г. сербский митрополит Димитрий слышал от многих «выдающихся друзей славянства» (Тимофејев А. Извештај о путовању... С. 141).

⁴⁵⁶ Новое время. 1913. 21 апр.

⁴⁵⁷ ЦДА. Ф. 176К. Оп. 2. А. е. 1482. Л. 77–78.

⁴⁵⁸ Милоевич М.Г. Равновесие на Балканах. СПб., 1913. С. 32.

«Сербы и болгары в Балканской войне», там же был выпущен труд А. Белича «Сербы и болгары в Балканском союзе», для этого издательства Д.И. Семизом была переведена брошюра сербского консула в Приштине М.Г. Милоевича «Равновесие на Балканах»⁴⁵⁹, а также опубликован доклад И.П. Табурно «Вопрос о распределении завоеванной у Турции территории между Болгарией и Сербией». Этот доклад 11 июня⁴⁶⁰ он послал в Белград вместе с письмом Ристе Одавичу – видному сербскому интеллектуалу, переводчику, директору Архива Сербии, – где просил перевести и издать текст на сербском и французском языках⁴⁶¹. 22 июня он встречался с В.Н. Коковцовым, сказавшим, что доклад прочел и считает доводы справедливым. Об этом И.П. Табурно сообщил Н. Пашичу через Д. Поповича⁴⁶².

По поводу брошюры А. Белича П.А. Лавров в Обществе славянского научного единения высказал следующую мысль. Произведение сербского ученого во многом совпадало с публичным выступлением Н. Пашича по македонскому вопросу, поэтому «мы имеем дело с общим всему сербству национальным взглядом», оттого очень важно «отнестись к нему с особенным вниманием»⁴⁶³. Сам белградский профессор пи-

---

⁴⁵⁹ В сентябрьском выпуске 1913 г. журнала «Исторический вестник» на книгу М.Г. Милоевича вышла рецензия, авторы которой, не анализируя или критикуя, довольно пространно, на пяти страницах, пересказали аргументы консула в Приштине.

⁴⁶⁰ На письме указано, что оно написано 11 июля, но 28 июня И.П. Табурно скончался. В то же время в Сербии, как и в России, придерживались юлианского календаря, поэтому, по всей видимости, автор просто совершил опisku. Если допустить, что он пользовался григорианским календарем, то письмо И.П. Табурно датировал днем своей смерти.

⁴⁶¹ АС. Фонд Ристе Одавића. Фасцикла III. А. е. 367.

⁴⁶² Москва–Сербия... С. 429.

⁴⁶³ Сербо-болгарский спор... С. 38.

сал в книге, что выражает «те мысли, которые исповедуются самым умеренным большинством сербского народа в королевстве»⁴⁶⁴. Однако, конечно, не обходилось без критиков. Лингвист академик А.И. Соболевский в газете «Славянские известия» заметил по поводу работы А. Белича: «По нашему убеждению, было бы выгоднее для Сербии, если бы книг, подобных книге Белича, не появлялось в свете. Они <...> показывают, что действительно веских оснований (претендовать сербам на Македонию. – *Н.Г.*) нет»⁴⁶⁵. Но слова профессионала в той научной области, на которой строил свою доказательную базу сербский профессор, вряд ли были слышны, поскольку сам А.И. Соболевский активного участия в публичных дискуссиях не принял, а на его критику ни Белич, ни его сторонники не посчитали нужным отреагировать.

Близка к трудам сербских авторов по своей направленности книга русского генерала Н.Р. Овсяного. В качестве уполномоченного Комитета по снаряжению и отправлению в Сербию санитарного отряда им. М.Г. Черняева он посетил полуостров, где простудился. Скончался генерал уже 4 мая 1913 г. на 67-м году жизни уже в Петербурге, в больнице при общине св. Евгении⁴⁶⁶. Тем не менее он успел издать книгу⁴⁶⁷, где содержались его статьи разных лет, предисловие, датированное 4 апреля 1913 г., и заметка под названием «*Beati possidentes*»⁴⁶⁸.

Во многом указанные книги, статьи в «Новом времени» и публичные лекции П.А. Лаврова повторяют друг друга в доводах, которые можно свести к следующему.

В основу раздела Македонии не должны ложиться этнический и исторический принципы. Но и здесь,

---

⁴⁶⁴ Белич А. Указ. соч. С. 4.

⁴⁶⁵ Кострикова Е.Г. Геополитические интересы России... С. 296.

⁴⁶⁶ Петербургский листок. 1913. 5 мая; Новое время. 1913. 5 мая.

⁴⁶⁷ Овсяный Н.Р. Ближний Восток и славянство. СПб., 1913.

⁴⁶⁸ «Счастливы обладающие» (*лат.*).

как утверждал «Серб», его соотечественники считают «додовы в пользу своего овладения этой частью Македонии так же сильными, как и болгарские»⁴⁶⁹. И, как писал А. Белич, они обладают «исконными историческими и этнографическими правами» на эту землю⁴⁷⁰. При этом, ссылаясь на ученых, часто подчеркивалось, что *далеко не все жители спорного региона – болгары*⁴⁷¹, и «даже лучшие знатоки и авторитеты науки среди этнографов и историков» не в силах точно установить этнические границы⁴⁷², поэтому «незаинтересованные писатели о македонских славянах вынесли общий согласный приговор: *славянские массы – столь же болгарские, сколь и сербские* (курсив наш. – Н.Г.)»⁴⁷³. Н.Р. Овсяный, основываясь на книгах болгарина В. Кынчова и серба Й. Цвиича, представлявших диаметрально противоположные точки зрения, пришел к выводу о полнейшей запутанности и сложности вопроса⁴⁷⁴.

⁴⁶⁹ Новое время. 1913. 11 апр.

⁴⁷⁰ Белич А. Указ. соч. С. 17–18.

⁴⁷¹ *Balkanicus*. Указ. соч. С. 30; Белич А. Указ. соч. С. 39.

⁴⁷² Милоевич М.Г. Указ. соч. С. 13; Белич А. Указ. соч. С. 7.

⁴⁷³ Милоевич М.Г. Указ. соч. С. 27; Табурно И.П. Вопрос о распределении завоеванной у Турции территории между Болгарией и Сербией. СПб., 1913. С. 3. Отметим, что впервые в России этот тезис сербской пропаганды был раскрыт в книгах Й. Цвиича (Цвиич Й. Заметки по этнографии македонских славян. СПб., 1906. С. 7; *Он же*. Македонские славяне: Этнографические исследования. СПб., 1906. С. 3). В то же время на рубеже XIX–XX вв. аналогичный вердикт вынесли и некоторые русские путешественники (Амфитеатров А.В. Балканские впечатления. Страна раздора. СПб., 1903. С. 15, 17; Риттих П.А. По Балканам: Путевые впечатления военного туриста. СПб., 1909. С. 141). Эту точку зрения высказывали и русские консулы (Сквозников А.Н. Македония в конце XIX – начале XX века – яблоко раздора на Балканах. Самара, 2010. С. 138–139).

⁴⁷⁴ Овсяный Н.Р. Указ. соч. С. 249–252.

В том же, что касалось истории, то памятники и обычаи населения, сохранившиеся, несмотря на годы нахождения под юрисдикцией болгарского экзархата, а также то, что «сербское владычество над Македонией как в культурном, так и в христианском и этическом отношениях наиболее резко выделяется»⁴⁷⁵, свидетельствовало в пользу прав Белграда⁴⁷⁶ и того, что «сербское обладание Македонией было более прочным, чем болгарское»⁴⁷⁷. Проще говоря, по мнению выступавших, в спорном регионе больше сохранилось сербского наследия, и это доказывает соответствующий этнический характер населения. В подтверждение указывалось на значительное влияние сербского языка в морфологии и лексике «македонского диалекта»⁴⁷⁸, который, по словам И.П. Табурно, был близок к старосербскому, на котором написан «Законник» Стефана Душана, «который близок к славяно-русскому языку времен Петра I и который... испортил Вук Караджич», приблизив к западным диалектам⁴⁷⁹.

Другими доводами в пользу сербской этничности населения Македонии называлось присутствие в народном эпосе региона королевича Марко⁴⁸⁰ и обычая праздновать славу⁴⁸¹. Как заявил И.П. Табурно, наличие последнего у македонцев «может и ошибочно» используется сербами как аргумент в свою пользу, поскольку его могли приобрести со временем, «но, в свою очередь, также не может служить категорическим поводом к отказу в признании сербского происхождения тех македонцев-славян, которые теперь не выполняют сербский национальный обряд – славу, ибо они могли его оставить

---

⁴⁷⁵ Табурно И.П. Вопрос о распределении... С. 7.

⁴⁷⁶ *Balkanicus*. Указ. соч. С. 33.

⁴⁷⁷ Белич А. Указ. соч. С. 38.

⁴⁷⁸ Там же.

⁴⁷⁹ Табурно И.П. Вопрос о распределении... С. 9.

⁴⁸⁰ Белич А. Указ. соч. С. 48.

⁴⁸¹ Там же. С. 39.

также под влиянием разных обстоятельств»⁴⁸².

А. Белич и вовсе разгромил оппонентов, указывавших на самоназвание местного населения – «бугари». По его мнению, слово имеет сербское происхождение, и для жителей служило лишь прикрытием, турки не только не признавали официальное существование сербов (из-за отсутствия собственной церкви), но и считали их мятежниками. Поэтому для удобства и спокойствия местные сербы стали называть себя болгарами⁴⁸³. И.П. Табурно, подобно А. Беличу, считал, что болгарский экзархат был создан как общеславянский, а сербским он не стал лишь потому, что сербский элемент считался турками революционным⁴⁸⁴. Белич в подтверждение своим словам включил в книгу четыре приложения («О языке в Македонии», «Слава. – Культура в Македонии. – Народное имя», «Этнографические карты», «Церковь и школа в Македонии. Статистика населения»), едва ли не превышающие по объему основной текст.

Сотрудник «Нового времени» описал свое видение местного этногенеза, умело расставив акценты: указал на близость сербов к России, а болгар – к монголам, тем самым возрождая представление о происхождении болгар от тюркок-протоболгар, характерное для первой половины XIX в. Чтобы показать всю изящность его построения, приведем его полностью:

«Одно я мог бы утверждать, что славянское население Македонии принадлежало когда-то к одному и тому же племени с населением, занимающим ныне сербские земли. Что как одни, так и другие, прежде чем выселиться на Балканский полуостров, жили по соседству и, вероятно, населяли земли нынешней юго-западной и западной России. Что, по причине разновременности эмиграции, те и другие приняли некоторые отличительные оттенки вследствие

---

⁴⁸² Табурно И.П. Вопрос о распределении... С. 8.

⁴⁸³ Белич А. Указ. соч. С. 40.

⁴⁸⁴ Табурно И.П. Вопрос о распределении... С. 10.

примеси местного элемента.

Затем, также с довольно достоверным предположением, можно было бы утверждать, что если болгары являются ослабевшейся монгольской расой, то тогда македонцы не болгары, а лишь те, которые внесли в болгар-монголов славянскую кровь, в них ныне преобладающую. Следовательно, македонцы-славяне – болгары, поскольку они способствовали ассимиляции монголов-болгар со славянами, а не наоборот, – одного и того же происхождения и расы»⁴⁸⁵.

Часто указывалось на нарушение этнического принципа самими болгарами, поскольку в Адрианопольском вилайете, должном отойти к ним, проживает достаточно значительное количество греков и турок⁴⁸⁶. И, как заявлял М.Г. Милоевич, ни одному балканскому народу не удалось выполнить задачу национального объединения, поэтому и болгарам незачем настаивать на этом⁴⁸⁷, ведь сербы и греки уже согласились на проживание своих соплеменников под властью Софии⁴⁸⁸. К этим примерам Н.Р. Овсянный прибавлял присоединение Бессарабии к России и поглощение англичанами буров⁴⁸⁹. В мае 1913 г. П.А. Лавров продолжал эту тему: «Но есть ли в Европе народ, государственные границы которого совпадали бы с этнографическими? Мы, русские, самые могущественные между славянами, еще на школьной скамье в “Слове о полку Игоревом” вспоминаем величавый образ Галицкого Осмомысла Ярослава, а Галицкая Русь и по сие время в чужих руках»⁴⁹⁰. Уже после войны в публичной лекции в Петрозаводске он говорил, что болгарам не стоит

---

⁴⁸⁵ Там же. С. 6.

⁴⁸⁶ Милоевич М.Г. Указ. соч. С. 28; Табурно И.П. Вопрос о распределении... С. 4.

⁴⁸⁷ Милоевич М.Г. Указ. соч. С. 31.

⁴⁸⁸ Там же. С. 33.

⁴⁸⁹ Овсянный Н.Р. Указ. соч. С. 253.

⁴⁹⁰ Сербо-болгарский спор... С. 63.

беспокоиться насчет своих соплеменников, поскольку обе страны демократичны, население окажется в лучших условиях, чем в Турции. И «все служилое местное чиновничество» останется на своих местах как наиболее знакомое с краем. «Так это уже и теперь», а «в Болгарию ушли только очевидно наиболее непримиримые элементы». Признавая, что далеко не все спокойно в отношениях новых властей и населения, П.А. Лавров выражал уверенность, что умиротворение скоро настанет, «как только пройдет переходное время»⁴⁹¹. Н.Р. Овсяный и вовсе считал, что сербским управлением население Охрида, Велеса, Битола и Прилепа «очень довольно»⁴⁹². Как известно, в реальности картина была отнюдь не столь радужная, хотя осенью 1913 г. А. Белич и уверял П.А. Лаврова в обратном⁴⁹³. Что интересно, сам петербургский славист считал, что «с славянской точки зрения» в отношении территорий, отходящих Греции, этнический принцип применять необходимо⁴⁹⁴.

Другим доводом были затраченные усилия. В противостоянии с болгарами сербам требовалось доказать, что и им победы дались не даром. К тому моменту царила всеобщая уверенность в непобедимости и мощи болгарской армии, ее победы были на слуху, героизм ее солдат всячески воспевался. Как писал сербский митрополит Димитрий, он слышал от русских военных, что «болгары – невиданные храбрецы, и их победы поразили весь мир». Это восхищение он объяснял восприятием болгарской армии как воспитанницы русской, поскольку многие офицеры учились именно в России. Тем самым все считали, что русская школа победила немецкую, ведь войско султана прошло через реформы под руководством инструкторов из Германии. «О наших победах они говорят

---

⁴⁹¹ Лавров П.А. Балканский союз и переживаемый им кризис. С. 34.

⁴⁹² Овсяный Н.Р. Указ. соч. С. 253.

⁴⁹³ СПбФ АРАН. Ф. 284. Оп. 3. Ед. хр. Л. 22об.–23.

⁴⁹⁴ Лавров П.А. Балканский союз и переживаемый им кризис. С. 41.

также с признанием, но не с таким энтузиазмом, как о болгарских»⁴⁹⁵, – с горечью констатировал глава сербской церкви. А представление о потенциале армий балканских союзников было важно для тех представителей русского общества, которые оценивали ситуацию с прицелом на перспективу – чья помощь окажется значительнее в будущих войнах.

Следовало обеспечить максимальное освещение собственных викторий. Поэтому сербская цензура запретила корреспонденту Петербургского телеграфного агентства Редкозубову отправлять телеграмму о действиях русских консулов в Скопье, Митровице, Призрене, обеспечивших бескровное взятие городов. Н.И. Гасфельд отметил этот факт: «Таких телеграмм мы не будем пропускать, – заявил представителю официального русского агентства, в моем присутствии, один из цензоров, – а то еще в России вообразят, что Старую Сербию завоевали русские консулы, а не мы»⁴⁹⁶.

Дошло до того, что А. Белич лично написал П.Н. Милюкову 8 ноября 1912 г., указав на «несправедливость Ваших корреспондентов в “Речи”», один из которых «до того умудрился, что, не скрывая своей недоброжелательности к Сербии», заявил, будто сербам в битве при Куманове противостояло 15 тыс. турок. Хотя, по мнению профессора и согласно его раскладкам, их было не менее 80 тыс. И вообще, «положение нас, приятелей “Речи” и почитателей Вашей либеральной партии», заканчивал письмо А. Белич, крайне затруднено тем, что сотрудники газеты несоразмерно больше внимания уделяли действиям болгар, оставляя победы сербов в тени. Гарантеей исправления этого, предполагал белградский профессор, могло стать лишь то, что сам П.Н. Милюков будет просматривать сообщения, касающиеся Сербии»⁴⁹⁷.

С. Протич сложившуюся картину объяснял тем, что за сознательным возвеличиванием и даже выдумыванием

---

⁴⁹⁵ Тимофе́ев А. Указ. изд. С. 141.

⁴⁹⁶ Шевалье Н. Указ. соч. С. 63.

⁴⁹⁷ ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Ед. хр. 3725. Л. 1–2.

болгарских побед при одновременном замалчивании и уменьшении сербских стояла Вена⁴⁹⁸.

П.А. Лавров и И.П. Табурно утверждали, что войска короля Петра к войне были лучше готовы⁴⁹⁹. «Болгария – эта так называемая Пруссия Балканского полуострова – оказалась далеко от положения, которое ей приписывали и о котором она трубила. Сербия не кричала и без шума готовилась и приготовилась так, что могла обойтись без посторонней материальной помощи в борьбе»⁵⁰⁰, – писал сотрудник «Нового времени».

Авторы много внимания уделяли масштабам сербской мобилизации, зачастую явно завышая количество поставленных «под ружье»⁵⁰¹. М.Г. Милоевич считал, что Болгария «своей военной акцией ни в коем случае не играла бóльшую роль, чем Сербия и Греция»⁵⁰², и его родина, «без сомнения, сыграла решающую роль в этой войне»⁵⁰³. А. Белич и П.А. Лавров утверждали, что и сербские военные успехи были не меньшими, чем болгарские⁵⁰⁴. Первый из них писал: «Сербия оказалась, по крайней мере, столько же на высоте положения, сколько и Болгария»⁵⁰⁵; а последний указывал, что «нельзя же отрицать, что падение Адрианополя совершилось только при сербской помощи, благодаря сербским пушкам, а взяты Чаталджу болгарам оказалось не под силу»⁵⁰⁶.

---

⁴⁹⁸ *Balkanicus*. Указ. соч. С. 40–43.

⁴⁹⁹ *Лавров П.А.* Балканский союз и переживаемый им кризис. С. 27; *Табурно И.П.* Вопрос о распределении... С. 25.

⁵⁰⁰ *Табурно И.П.* Вопрос о распределении... С. 37.

⁵⁰¹ *Милоевич М.Г.* Указ. соч. С. 34; *Табурно И.П.* Вопрос о распределении... С. 22, 25.

⁵⁰² *Милоевич М.Г.* Указ. соч. С. 21.

⁵⁰³ Там же. С. 8.

⁵⁰⁴ *Белич А.* Указ. соч. С. 17.

⁵⁰⁵ Там же. С. 33.

⁵⁰⁶ *Лавров П.А.* Балканский союз и переживаемый им кризис. С. 26–27.

Вокруг взятия Адрианополя и значимости роли сербов в этом также велись споры. Если верить воспоминаниям генерала Н. Иванова, командовавшего 2-й болгарской армией, взявшей город, то была картина следующая. Комендант крепости Шукри-паша сдался болгарским солдатам, когда сербские части еще проводили рекогносцировку. Затем они в качестве союзников попросили право охранять его. После чего «объявили его своим пленником, сказали, что они взяли и Адрианополь, и пашу, телеграфировали об этом в Белград и Париж»⁵⁰⁷. В русской прессе сторонники Белграда активно обосновывали решающую роль сербских частей в падении крепости. В ответ на это на страницах «Нового времени» появилось пространное, с данными статистики официальное разъяснение генерала Н. Иванова, доказывающее несостоятельность сербских утверждений⁵⁰⁸.

Сербское участие в осаде Адрианополя, в то время как Болгария не выслала прописанные в договоре войска на македонский фронт, по мнению сторонников Белграда, уже являлось нарушением договора. Соответственно, в тех условиях соглашение и не могло выполняться дословно⁵⁰⁹ – «сама практика поныне изменила договор между Сербией и Болгарией»⁵¹⁰, как писал С. Протич. «Единственный способ привести разногласия союзников к удовлетворительному концу – опираться в окончательном решении вопроса о разделе новой территории *на данные, установленные самой войной* (выделено А. Беличем. – Н.Г.)»⁵¹¹, – сообщал русскому читателю белградский профессор.

---

⁵⁰⁷ Иванов Н. Спомени. Кн. 2. София, 1997. С. 114.

⁵⁰⁸ Новое время. 1913. 21 апр.

⁵⁰⁹ Табурно И.П. Вопрос о распределении... С. 25; Семиз Д. Скутари и наша дипломатия... С. 26.

⁵¹⁰ *Balkanicus*. Указ. соч. С. 29.

⁵¹¹ Белич А. Указ. соч. С. 14.

---

* * *

Каков же должен быть принцип определения границ?

Н.Р. Овсяный предлагал в его основу положить право завоевателя: «Кровь – великое дело, и не даром у сербов составила поговорка: “крв није вода”. А юго-западная Македония взята ими после юначеских боев, с пролитием немалого количества крови». Эмоционально оправдывая это, Овсяный рассказал услышанную им в Скопье историю. Серб отправился на могилу сына, погибшего в Македонии. На замечание, что вскоре эти земли могут перейти Болгарии, он возмутился: «Для того чтобы поставить свечку на гроб погибшего за отечество сына, я должен буду добывать болгарский паспорт? Нет, этого никогда не будет! Мы лучше будем сражаться вновь за наши священные места с болгарами...»⁵¹² На то же указывал Дж. Генчич: «Неужели те – для нас, сербов, священные места, где нашли вечный покой, сражаясь за святое дело, тысячи лучших сербских сынов, должны остаться в чуждом, хотя бы и братском, владении?»⁵¹³ Однако не аргумент в виде могил, сакрализующих спорные территории, звучал громче всего.

Главным принципом, определяющим будущее Македонии, назывались конкретные потребности Сербии. Причем их крайняя важность подчеркивалась тем, как их обозначали: «жизненная необходимость» у А. Белича, «жизненные условия» у М.Г. Милоевича, «жизненные интересы» в книге И.П. Табурно⁵¹⁴, телеграмме Н. Пашича Д. Поповичу⁵¹⁵ и в разговоре митрополита Димитрия с В.Н. Коковцовым⁵¹⁶.

---

⁵¹² Овсяный Н.Р. Указ. соч. С. 253.

⁵¹³ Сербо-болгарский спор... С. 103.

⁵¹⁴ Осенью 1912 г. «вопросом жизни» для Сербии И.П. Табурно считал выход к Адриатическому морю (*Табурно И.П. О сербских битвах...* С. 138).

⁵¹⁵ Москва–Сербия... С. 429.

⁵¹⁶ Тимофе́ев А. Извештај о путовању... С. 148. Однако он ими называл получение Дьякова и Дебара. Стоит отметить, что данное

В публичном пространстве весной 1913 г. понимание условий, без которых – гибель, удивительным образом совпадало.

В экономической сфере – выход Сербии к Эгейскому морю через оспариваемую долину Вардара. Она «является необходимым условием ее независимости»⁵¹⁷, и на нее болгары, по мнению А. Белича, претендовали лишь из алчности⁵¹⁸, а по словам И.П. Табурно – для будущей агрессии⁵¹⁹. 29 марта 1913 г. Д.И. Семиз в «Группе прогрессивных общественных деятелей» поэтически обозначал важность этого, говоря, что Сербия «на этот раз с отчаянием человека, находящегося на рубеже пропасти, кричит всему миру: я жить хочу! Пойми же, я жить хочу, и обязана жить!»⁵²⁰

В военно-политической сфере жизненным интересом считали наличие общей границы с Грецией⁵²¹. Это «абсолютно не обозначает собою желания гегемонии», но «может послужить залогом сохранения status quo, созданного нынешней войной»⁵²², т.е. на случай вооруженного конфликта с Болгарией⁵²³, с чем связывалось и недопущение соприкосновения ее границ и границ Албании, поскольку в Софии «теперь направили свои взоры уже на Адриатическое

выражение в то время стало определенным штампом. Например, в октябре 1912 г. Л. Бертхольд в ответ на слова Н. Пашича о необходимости для Сербии «хотя бы небольшого порта на Адриатическом море» заявил, что монархия Габсбургов имеет «на Балканах жизненно важные интересы и будет отстаивать их при всяких обстоятельствах» (*Писарев Ю.А. Великие державы...* С. 116).

⁵¹⁷ *Табурно И.П.* Вопрос о распределении... С. 33.

⁵¹⁸ *Белич А.* Указ. соч. С. 25.

⁵¹⁹ *Табурно И.П.* Вопрос о распределении... С. 33.

⁵²⁰ *Семиз Д.* Скутари и наша дипломатия... С. 26.

⁵²¹ *Овсянный Н.Р.* Указ. соч. С. 252.

⁵²² *Милоевич М.Г.* Указ. соч. С. 19.

⁵²³ *Белич А.* Указ. соч. С. 29; *Табурно И.П.* Вопрос о распределении... С. 17.

море»⁵²⁴. Неизбежность будущего противостояния обосновывалась традиционным стремлением Софии к гегемонии⁵²⁵ на полуострове, лишь прикрываемым этническим принципом⁵²⁶. При этом сербские авторы упирали на то, что вождения царя Фердинанда распространяются и на Константинополь⁵²⁷, его взоры «обращены на мечеть Ай-София и Византийскую порфиру»⁵²⁸. А это, как указывал И.П. Табурно, русская мечта, и вопрошал, ловко подчеркивая этническую антитезу: «Способны ли действия этого австрийского принца склонить русский народ на такую жертву?»⁵²⁹

Вообще, антиавстрийская карта активно разыгрывалась Белградом. Митрополит Димитрий убеждал русских собеседников, что сербы никого так не ненавидят, как австрийцев⁵³⁰, а публицисты доказывали необходимость усиления державы Карагеоргиевичей как «предстражи» славянства на полуострове⁵³¹. «Потому она должна быть крепка духом и телом, и обязанность всякого славянина и их (сербов. – *Н.Г.*) друга дать возможность Сербии стать таковой»⁵³², – писал И.П. Табурно. Этим аргументом он пользовался и обосновывая

---

⁵²⁴ *Белич А.* Указ. соч. С. 31; *Табурно И.П.* Вопрос о распределении... С. 33–34.

⁵²⁵ *Лавров П.А.* Балканский союз и переживаемый им кризис. С. 30.

⁵²⁶ *Милоевич М.Г.* Указ. соч. С. 33.

⁵²⁷ *Табурно И.П.* Вопрос о распределении... С. 24.

⁵²⁸ Там же. С. 38.

⁵²⁹ Там же.

⁵³⁰ *Тимофе́ев А.* Извештај о путовању... С. 142.

⁵³¹ Эту тему пытались использовать и болгары. 2 декабря 1912 г. болгарский военный агент сообщил В.Н. Коковцову о просьбе передать его стране 2 броненосца, 2 линейных крейсера или миноносца и 28 тяжелых полевых мортир, добавив, что София готова «обратить ее армию, вместе с армиями ее союзников, против Австрии и ее союзников с целью облегчения положения России» (Красный архив. Т. 6. (25). М.; Л., 1927. С. 186).

⁵³² *Табурно И.П.* Вопрос о распределении... С. 39.

необходимость получения выхода к Адриатике в своей предыдущей книге. России, по его мнению, необходимо было принять меры, чтобы обеспечить защиту Сербии, не оставляя на «произвол врагам, стремящимся выбить ее из занятых ею позиций». Тогда крупнейшая славянская держава сможет «спокойно предаться работе по упрочению (так в тексте. – *Н.Г.*) нашего экономического благосостояния»⁵³³. А граф В.А. Бобринский уже в октябре 1912 г. говорил, что по данной причине отношение к Сербии должно быть особым⁵³⁴. Как говорил в Петербурге своим собеседникам тот же митрополит Димитрий, сербам грозит злейший враг славянства, потому России надо помочь братскому народу в создании сильного и развитого государства. Право же на него он заслужил давно, страдая и принося жертвы не только ради себя, но и во благо других⁵³⁵.

Часто сквозила даже некоторая обида. «Сербия вплоть до нынешней войны была в положении забытого, приносимого в жертву члена славянской взаимности», – уверял читатели М.Г. Милоевич, правда, признавая, что отчасти так происходило и из-за «неосмотрительности своих государственных людей»⁵³⁶. Далее он продолжал свою мысль: «Что касается жертв, то Сербия и сербский народ принесли их неизмеримо много на алтарь общего счастья славянства», поэтому они заслужили, чтобы наконец их жизненные интересы были признаны⁵³⁷. Чувство обиды усугублялось тем, что, по мнению сторонников Белграда, болгары при своем освобождении не принесли ни материальных, ни человеческих жертв⁵³⁸. В то же время к сербам, в отличие от их соперников, удача не была благосклонна⁵³⁹.

---

⁵³³ *Табурно И.П.* О сербских битвах... С. 9–10.

⁵³⁴ *Война на Балканах.* С. 33.

⁵³⁵ *Тимофеев А.* Извештај о путовању... С. 141.

⁵³⁶ *Милоевич М.Г.* Указ. соч. С. 41.

⁵³⁷ Там же. С. 42; *Сербо-болгарский спор...* С. 102.

⁵³⁸ *Милоевич М.Г.* Указ. соч. С. 4–5.

⁵³⁹ *Лавров П.А.* Балканский союз и переживаемый им кризис. С. 10.

После 1878 г. Сербия погрязла во внутренних неурядицах и не имела возможности действовать в Македонии, где болгары в это время развили бурную активность по привлечению населения на свою сторону⁵⁴⁰. Везение сыграло свою роль и в Первой балканской войне: Белград не смог получить вожаемого побережья Адриатического моря, в то время как к Софии отходил Адрианополь⁵⁴¹.

Эта зависть и обида усиливались тем еще, что, как выразился М.Г. Милоевич, «с полным правом можно сказать, что Болгария создана и при помощи великих сербских жертв»⁵⁴². По мнению П.А. Лаврова, и болгарское возрождение происходило под влиянием их соседей, поскольку автор труда, положившего начало этому процессу, Паисий Хилендарский, творил, подражая произведениям серба Йована Раича⁵⁴³. В мае 1913 г. Дж. Генчич в Обществе славянского научного единения характеризовал болгар так: «Избалованные судьбою, более Россией, чем судьбою, братья болгары, которым так легко все досталось, и их свобода, и их государство»⁵⁴⁴. Этому вопросу была посвящена книга Д.И. Семиза и сербского историка Миленко Вукичевича⁵⁴⁵ «Сербь и болгарь в борьбѣ за свободу и куль-

---

⁵⁴⁰ Милоевич М.Г. Указ. соч. С. 6; Табурно И.П. Вопрос о распределении... С. 10.

⁵⁴¹ Лавров П.А. Балканский союз и переживаемый им кризис. С. 28; Табурно И.П. Вопрос о распределении... С. 25.

⁵⁴² Милоевич М.Г. Указ. соч. С. 41.

⁵⁴³ Лавров П.А. Балканский союз и Сербия. С. 8.

⁵⁴⁴ Сербо-болгарский спор... С. 102.

⁵⁴⁵ М. Вукичевич (1867–1930) начинал как учитель истории в гимназии, но его активная позиция относительно «правильного» взгляда на прошлое Сербии была замечена властями. Несмотря на критику со стороны ученых-историков, идеи Вукичевича легли в основу новых учебников по сербской истории, которые вплоть до Первой мировой войны являлись основными в государственных

туру. Исторические параллели с XIV века до 1878 г.»⁵⁴⁶, вышедшая уже после Второй балканской войны. В ней рассказывалось, как героически сербы сражались за свободу, в то время как «болгары розданное им Сербией оружие или бросали, или сдавали турецким властям»⁵⁴⁷, как за Карагеоргием поднялся на борьбу весь народ, а болгары не поддерживали свое Апрельское восстание⁵⁴⁸. «Между тем надо упомянуть, что сербский народ в своей борьбе за освобождение потерял 250,000 человеческих жизней»⁵⁴⁹, – приводили сомнительную статистику авторы, не уточняя, за какой период. И в то же время после Прутского похода 1711 г. «ничего не было выговорено в пользу сербов-черногорцев»⁵⁵⁰, а в 1878 г. Россия поддержала свою «любимицу» Болгарию, ничего не сделавшую для свободы⁵⁵¹. Заканчивалась же книга цитатами из со-

---

школах. К тому же М. Вукичевич стал первым публикатором знаменитого «Начертания» И. Гарашанина. Он, по словам одного из исследователей, являл собой «превосходный пример романтического национализма» (*Кайчев Н.* Македонийо, възжелана... Армията, училището и градежът на нацията в Сърбия и България (1878–1912). София, 2006. С. 136–137).

⁵⁴⁶ Как ни удивительно, но эта книга стала практически учебником. «Она сохраняла свое информационно-познавательное значение вплоть до середины XX в., и я помню, что в мои студенческие годы этот краткий сопоставительный очерк политической и культурной истории двух славянских государств и народов служил одним из основных пособий для изучения студентами-славистами», – вспоминал российский историк А.Н. Горяинов (*Горяинов А.Н.* Д.И. Семиз – сербский патриот... С. 81).

⁵⁴⁷ *Вукичевич М.М., Семиз Д.И.* Сербы и болгары в борьбе за свободу и культуру. Исторические параллели с XIV века до 1878 г. СПб., 1913. С. 210.

⁵⁴⁸ Там же. С. 215.

⁵⁴⁹ Там же. С. 251.

⁵⁵⁰ Там же. С. 241.

⁵⁵¹ Там же. С. 239.

чинений И.П. Табурно и Е.И. Мартынова, обосновывающими необходимость усиления Сербии как славянского форпоста ввиду «неизбежной борьбы славянства с германизмом»⁵⁵².

Как мы видим, сербская сторона последовательно и методично была в одну точку – ключевые аргументы повторяются во всех произведениях. Такое акцентированное повторение определенных тезисов оказывало серьезное воздействие на общественное мнение. Человек способен противостоять пропагандистским сообщениям, отсеивая их, но не может не попасть под влияние эмоционального фона, который создают однотипные сообщения. Если такая точка зрения часто звучит – значит, она является доминирующей. Тут начинается срабатывать описанная Э. Нозль-Нойман спираль молчания.

* * *

Ответом на сербское информационное наступление явилось воззвание Болгарской академии наук. Ссылаясь на Энциклопедию славянской филологии, подготовленную российскими учеными, БАН указывала на преобладание болгарского элемента в Македонии. Помимо этого, в документе было выражено возмущение притеснениями населения спорной территории «со стороны сербских общественных деятелей

---

⁵⁵² Там же. С. 257–259. Здесь нельзя не привести слова чл.-корр. САНУ, бывшего директора Института истории САНУ и посла в РФ С. Терзича, демонстрирующие, сколь мало изменилась сербская аргументация: «Историческим приоритетом России, ее внешнеполитическим стремлением еще со времен Петра Великого, являлось господство на Черном море, контроль над Босфором и Дарданеллами и выход в Средиземное море. Чтобы осуществить это, Россия была готова идти на компромисс с соперниками (чаще всего в ущерб интересам Сербии) по одной простой причине: сербы занимают центральную часть Балкан» (*Терзич С. Россия и Первая балканская война // Слово. ру: Балтийский акцент. 2014. С. 96*).

и администрации», что «несомненно, подрывает всякую славянскую солидарность». На это воззвание Белград отреагировал заявлением собственной академии, дав понять Софии, что не дело научных учреждений критиковать правительства или выступать третейским судьей в спорах государств⁵⁵³, а также письмом ученого секретаря академии А. Стояновича, утверждавшего, что цель этих выступлений – подчинение и уничтожение Сербии⁵⁵⁴. В недавней своей работе сербский историк С. Божич рассмотрела эту пикировку академий. К сожалению, она попала под влияние источника и рассмотрела действия своих соотечественников как развенчание болгарской лжи, целиком повторив аргументы А. Белича, а участников событий охарактеризовала как «подлинную интеллектуальную элиту своего народа и своей земли»⁵⁵⁵. Хотя, на наш взгляд, давать столь однозначные оценки на основании односторонних документов нельзя. В то же время выглядит наивным или осознанно политизированным утверждение болгарского историка Р. Коневой, что болгарские ученые, подписавшие воззвание БАН, «осознавали необходимость разрешить спор научным методом»⁵⁵⁶. Все-таки, учитывая контекст, действия обеих академий наук стоит признать далекими от объективности и причислить к методам ведения информационной войны.

Заявления академий в мае 1913 г. в Петербурге вызвали дискуссию, развернувшуюся в Обществе славянского научного единения. И это было одним из заключительных аккордов шедшей борьбы, поскольку доклады с заседания изданы

---

⁵⁵³ Сербо-болгарский спор... Приложения. С. 1–5.

⁵⁵⁴ Там же. С. 9.

⁵⁵⁵ Божич С. Македонија као спорно питање између Српске Краљевске Академије и Бугарске Академије Наука 1913. године // Балкански ратови 1912/1913: Нова виђења и тумачења. Београд, 2013. С. 389–390.

⁵⁵⁶ Конева Р. Голямата среща на българския народ. Културата и предизвикателствата на войните 1912–1918 г. София, 1995. С. 34.

лишь в 1915 г.: после майского заседания авторы разъехались по отпускам, один из участников скончался. В большинстве своем выступления содержали уже озвученные тезисы, да и присутствовали там все знакомые нам лица.

Д.И. Семиз начал со следующих слов: «Болгарская академия наук, выпуская рассматриваемое нами воззвание, свершила над собой харакири». Далее он зачитал донесения сербских начальников македонских уездов о бесчинствах болгар над турками. Причем эти документы были приведены с именами, точными датами и делопроизводственными номерами⁵⁵⁷. Трудно предположить, что такую детальность он мог обеспечить по личным каналам без помощи со стороны правительства. В то же время болгарское руководство даже на просьбы своих посланников предоставить текст союзного договора отвечало, что им сообщено все, что необходимо⁵⁵⁸. Как в очередной раз видим, сербы лучше понимали методы ведения информационной войны, если можно применять этот термин к началу XX в.

На заседании взял слово и А. Белич. Выступая против воззвания БАН, он указал, что необходимо ориентироваться на современных исследователей, которые утверждают, что население Македонии нельзя считать болгарским, поскольку проблема более сложна и запутанна.

Вскоре выступил и И. Шишманов. Он в довольно издевательском тоне отозвался о той части брошюры А. Белича, где доказывалась беспристрастность труда, после чего приступил к опровержению тезисов об этнографическом и культурном преобладании сербов в Македонии. По его мнению, указание на наличие королевича Марко в эпических сказаниях – недостаточный аргумент, поскольку фольклор способен мигрировать, и привел в пример присутствие в Италии циклов о короле Артуре и Карле Великом: «Для нас генезис Маркова эпоса еще недостаточно ясен». Слава, по его словам, существует у многих

---

⁵⁵⁷ Сербо-болгарский спор... С. 108.

⁵⁵⁸ *Марков Г.* Указ. соч. С. 501.

народов, а такой германский обычай, как рождественская ель, соблюдается во всей Европе. Едко он ответил и на тезис А. Белича о принятии сербами имени «бугари»: «Насколько известно, греки в начале XIX ст[олетия] были не менее бунтовщиками, чем сербы, и все-таки им не приходила в голову странная мысль называться болгарами, только лишь бы спастись от турецкой беды. Я удивляюсь, как г[оспода] Белич и Цвиич не чувствуют, как их остроумная догадка обидна, в сущности, для национального самолюбия сербского народа»⁵⁵⁹. Возмущенный этим пассажем белградский профессор попросил слово для выражения протеста, которое было ему предоставлено в конце заседания.

Ну, а пока выступали остальные присутствовавшие. В.С. Везенков, уроженец македонского города Крушево, русский офицер, во время Первой балканской войны – доброволец в болгарской армии⁵⁶⁰, утверждал, что его родина – болгарская по своей этнической принадлежности, а сербы в будущем смогут получить компенсации за счет территории Австро-Венгрии. Солидарное мнение выразил граф М.М. Перовский-Петрово-Соловово. Еще дальше пошел «болгарин г[осподин] Стоянов из гор[ода] Пирота», утверждавший, что сербский Ниш и его окрестности населяют болгары. Получили возможность выступить и македонцы – сторонники независимости «Дымов»⁵⁶¹ и Д.Д. Чуповский⁵⁶².

---

⁵⁵⁹ Сербо-болгарский спор... С. 69–81.

⁵⁶⁰ Станчев М.Г. Болгары в Российской империи, СССР, странах Балтии и СНГ. Харьков, 2016. С. 86. Судя по его послужному списку, он был далеко неординарным человеком (РГВИА. Ф. 409. П/с 80-845/13. 1908 г.). Впечатления от Первой балканской войны опубликовал в «Военном сборнике» (1914. № 6–7).

⁵⁶¹ Видимо, имелся в виду Наце Димов. О нем см.: Ристовски Б. Наце Димов (1876–1916) и програмата за македонската нација и држава. Скопје, 2007.

⁵⁶² Ошибочно в книге назван «Чуковский». О нем см.: Ристовский Б. Указ. соч.; Ристовски Б. Димитрија Чуповски (1878–1940)

Взял слово приват-доцент Санкт-Петербургского университета, будущий советский академик Н.С. Державин. Приведя доказательства преобладания болгарского этноса в Македонии, тот перешел к полемике с А. Беличем. По его словам, попытки «приездом в Россию повлиять на отношение русского общества к сербским домогательствам» напрасны, так как свежа память о русско-турецкой войне 1877–1878 гг. Он сам имел знакомых, поливших своей кровью спорную территорию, поэтому для него «представляется немыслимым отдать эти дорогие могилы в руки народа, с ними не связанного»⁵⁶³.

Возражал приват-доценту коллега по университету М.Г. Долобко, обвиняя Н.С. Державина в намеренно односторонней подборке мнений исследователей по вопросу об этнической принадлежности населения Македонии. Тут председатель прервал «говорящего указанием на то, что от заключений о намеренности удобнее было бы воздержаться». Вступился за сербов и В.Д. Плетнев, считавший, что по моральным и юридическим причинам болгары не в праве требовать соблюдения союзного договора⁵⁶⁴.

Тут же присутствовал и Дж. Генчич, который, признав, что не является ученым, все же счел уместным поспорить с аргументацией И. Шишманова. Помимо этого он указал, что нельзя опираться на мнение П.Н. Милюкова, поскольку «он сербофоб в худшем значении слова», и оценил доклад Н.С. Державина как ненаучный: «Тут смешалась география с политикой, этнография с пропагандой». Указав на пролитую в борьбе за эти земли кровь как на главный аргумент сербов, он закончил выражением надежды,

---

и македонского научно-литературно дружарство во Петроград. Прилог кон проучувањето на македонско-руските врски и развитокот на македонската национална мисла. Скопје, 2012.

⁵⁶³ Сербо-болгарский спор... С. 116–118.

⁵⁶⁴ Там же. С. 121–129.

что «голос матушки-России» прозвучит в защиту его бедных соплеменников⁵⁶⁵.

Накал страстей достиг своего пика при повторном выступлении А. Белича. Сначала он ответил македонцам-автономистам. По его мнению, их утверждение о существовании отдельного македонского языка голословно, и поскольку они не имеют специального образования, то не могут судить о таких категориях. Поэтому им лучше выступать не в роли экспертов, а в роли объектов изучения⁵⁶⁶. Затем он обратился к И. Шишманову. Начал он свою речь с отказа отвечать на возражения болгарскому профессору: тот не филолог, потому и понять аргументацию А. Белича не в силах. Отвергнув довод болгарской стороны, указывавший на то, что население Македонии называет себя «бугари», сербский оратор задал риторический вопрос: «Усвоение чужого названия разве может определять что-нибудь для собственного самосознания народа?». В запале оратор признался, зачем прибыл в Россию: «В передаче сербской точки зрения русскими журналистами, а в особенности русскими постоянными корреспондентами с Балкан, очень часто так мало правды и настоящего освещения, что я считал своим долгом дать русскому общественному мнению объективное представление дела».

Закончились прения в Обществе словами А. Белича о том, что «в документе болгарской академии даются совсем неточные и неверные указания, разобраться в которых мог бы и первокурсник любого университета». В ответ, как отмечено в отчете о заседании, «проф. Шишманов подымает шум и со словами “профессор Белич ставит целую болгарскую академию ниже первокурсника” уходит из зала»⁵⁶⁷. Таким образом, болгарский ученый был вынужден отступить с «поля боя», пусть напоследок и громко хлопнув дверью.

---

⁵⁶⁵ Там же. С. 84–103.

⁵⁶⁶ Там же. С. 144.

⁵⁶⁷ Там же. С. 149–160.

16 мая 1913 г. после половины второго ночи заседание приняло резолюцию, значительно отличающуюся от изначальных проектов, составленных В.М. Бехтеревым⁵⁶⁸. В ней сообщалось, что ввиду сложности и запутанности проблемы единственным выходом из ситуации является арбитраж. «Будет ли этим арбитром Россия или гаагский трибунал – это должны исключительно решить спорящие стороны»⁵⁶⁹.

***

В пропагандистском использовании «частных лиц» Болгария не преуспела, поскольку свою деятельность на этом поприще Сербия начала и раньше, и активнее. Болгарский посланник признавал в докладе начальству: «Другие здешние балканские миссии нас в этом превосходили. Говорят, они раздали и много денег. Я был против раздачи каких бы то ни было сумм ради защиты в печати такого благого дела, как болгарское»⁵⁷⁰. Вдобавок София упустила еще один канал влияния. Уже после Второй балканской войны Димитр Ризов (в то время болгарский посланник в Риме) корил С. Бобчева за то, что тот не использовал «потайной,

---

⁵⁶⁸ СПбФ АРАН. Ф. 827. Оп. 3. Ед. хр. 150. Л. 3. Ушедший до принятия резолюции (видимо, с И. Шишмановым) Н.С. Державин на следующий день написал члену Общества В.Д. Плетневу, что после случившегося не может принимать участия в заседаниях Общества славянского научного единения. Параллельно он отправил в газету «Русская молва» свое объяснение происшедшего, где обвинил А. Белича и Дж. Генчича в попытке поссорить русских и болгар, и подчеркнул, что участия в утверждении резолюции не принимал, тем самым публично дезавуируя свою подпись под ней (*Гусев Н.С.* Штрихи к дореволюционной биографии академика Н.С. Державина // Архивный поиск. М., 2019. Вып. 1. С. 59–60).

⁵⁶⁹ Сербо-болгарский спор... Приложения. С. 11.

⁵⁷⁰ ЦДА. Ф. 176К. Оп. 2. А. е. 1482. Л. 76.

но могущественный фактор» воздействия на императорскую семью – Г.Е. Распутина. Бобчев в своих воспоминаниях признал, что часто слышал о влиянии «безграмотного, но крайне лукавого крестьянина», однако не считал возможным замарать светлое болгарское дело связью с человеком, устраивавшим «в своей квартире самые отвратительные оргии»⁵⁷¹.

Лишним доказательством методичности работы сербов служит книга поступлений Библиотеки Академии наук. М.М. Вукичевич, прибыв в Петербург, уже 20 марта 1913 г. передал в фонды библиотеки привезенную с собой литературу. Брошюра П.А. Лаврова поступила туда уже 11 мая. И всю весну посвященные Старой Сербии, Косову, Македонии книги и брошюры на сербском языке приходили в библиотеку⁵⁷². В январе 1914 г. все названные выше полемические произведения сербов, изданные в России, уже находились на полках БАН. Из болгар литературу привез лишь В. Златарский, но сделал это только 4 марта, и все книги были на научную тематику и не касались актуальной проблемы болгаро-сербских взаимоотношений⁵⁷³.

В итоге специально посланные МИДом в Петербург В. Велчев и П. Тодоров встретили в России уже прочные антиболгарские настроения⁵⁷⁴. Приговором болгарским усилиям в этой борьбе с сербами служат слова из письма профессора Любомира Милетича. Осознав неизбежность войны «и уверившись, что все в Петербурге настроены против нас»,

---

⁵⁷¹ Бобчев С. Указ. соч. С. 228–229.

⁵⁷² СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 10. Ед. хр. 239. Книга поступлений № 6 (1912–1913).

⁵⁷³ Там же. Книга поступлений № 7 (1914–1916).

⁵⁷⁴ Илчев И. Външнополитическа пропаганда на българската национална кауза през Балканските войни (1912–1913 г.) // Военноисторически сборник. 1982. № 4. С. 95; *Он же*. България и Антантата... С. 24.

он отправился в российскую столицу с целью исправить это. Но, «к сожалению, было слишком поздно!»⁵⁷⁵.

Летом 1913 г. начались боевые действия – военные стали решать проблему более понятным им способом. Спорящие стороны решили не прибегать к помощи ни Петербурга, ни Гааги.

Заседания, посвященные болгаро-сербскому конфликту, продолжались и с началом Второй балканской войны. На одном из них, в юридическом собрании 28 июня 1913 г., присутствовал И.П. Табурно. Он выступал, когда, согласно журналу «Искры», «присутствовавшие болгары прервали его речь криками протеста»⁵⁷⁶, что затем повлекло сердечный приступ. Его привезли домой, вызвали врачей, но ничего не помогло, и вечером он скончался. Как считал автор некролога в «Новом времени», «междоусобица заставила его сердце работать столь усиленно, что оно не выдержало и перестало биться»⁵⁷⁷. Смерть И.П. Табурно показала, каким было отношение к нему в Сербии. Король Сербии Петр по телеграфу выразил свои соболезнования, а Н. Пашич сообщил, что погребение оплатит сербское правительство. Дочь короля Петра княгиня Елена Петровна и петербургские сербы возложили цветы к его могиле. На прощание с усопшим пришел член Государственного совета А.А. Поливанов. Процессия двигалась по Невскому проспекту, и отпевание прошло в Благовещенском храме Александро-Невской лавры⁵⁷⁸. «Искренний серб и славянин», как его называли М.М. Вукичевич и Д.И. Семиз вскоре⁵⁷⁹, не дожидаясь триумфа своего дела.

Однако всем было очевидно, что Второй балканской войной на полуострове достигнут не мир, а лишь перемирие

---

⁵⁷⁵ Любомир Милетич до Ватрослав Ягич. Писма 1896–1913. София, 1996. С. 364–365.

⁵⁷⁶ Искры. 1913. № 26. С. 207.

⁵⁷⁷ Новое время. 1913. 29 июня.

⁵⁷⁸ Исторический вестник. 1913. № 8. С. 751–752.

⁵⁷⁹ Вукичевич М.М., Семиз Д.И. Указ. соч. С. 258.

и вопрос ревизии Бухарестского договора будет стоять еще долго. Поэтому сербы не прекращали своей деятельности, как минимум, вплоть до весны 1914 г. Болгарский посланник в Петербурге Р. Димитриев⁵⁸⁰ 18 марта 1914 г. докладывал премьеру В. Радославову, что «сербская деятельность продолжается и усиливается <...> Ни одно научное или политическое собрание не проходит без того, чтобы слово не взял Семиз <...> Лавров, Вукичевич и пр. И это реализуется через субсидии, щедро раздаваемые ордена, подарки, угощения и прочее». В то же время не предпринимается никаких мер для противодействия сербской агитации, хотя посланник не единожды предлагал их министру иностранных дел Н. Генадиеву и самому главе правительства. «К нашему счастью, у нас тут есть ученый-историк профессор Державин, который нас защищает в научных спорах», – с надеждой писал Р. Димитриев, но признавал, что Н.С. Державин действует, не получая ничего взамен. «Найдем ли мы новых защитников, найдем ли поддержку в широком кругу газет таким образом действий? Я в этом сомневаюсь»⁵⁸¹, – с горечью резюмировал генерал, перешедший на дипломатическую службу.

И действительно, если во время спора о будущем Македонии Н.С. Державин особо не отметился публичной деятельностью, то после Второй балканской войны он занялся ею основательно. 3 августа приват-доцент Петербургского университета сообщил В. Златарскому: «Я лично до того удручен всем случившимся, что не могу ни работать, ни думать, больше всего я возмущен этими мерзавцами-сербам». Указав, что в мае выступал против «Белича, Генчица, Лаврова и других в защиту Болгарии»⁵⁸², будущий академик рассказал

---

⁵⁸⁰ Он занял этот пост в сентябре 1913 г.

⁵⁸¹ ЦДА. Ф. 176К. Оп. 3. А. с. 106. Л. 2–3.

⁵⁸² Но будущему академику его противостояние на этом поле не казалось препятствием для других планов. В то время он закончил работу над двухтомным трудом о болгарских колониях в

о своих планах: «Теперь я основательно изучил Македонский вопрос, подготовил специальную брошюру, осенью думаю читать, где только будет возможность, доклады и лекции»⁵⁸³.

Судя по вышеприведенному донесению Р. Димитриева, лекции Н.С. Державин действительно читал, но с упомянутой брошюрой возникли проблемы. Издатели, видимо, не надеялись в сложившихся условиях заработать на производстве, идущем вразрез с общественными настроениями, к тому же касающемуся потерявшей актуальность темы. Требовалось найти средства на публикацию. Логичным выходом являлось получение их от Болгарии. Еще 16 октября 1913 г. болгарский посланник запросил на издание и гонорар автору 3 тыс. левов⁵⁸⁴. Однако по неясным причинам ответа не по-

---

России, который вскоре защитил как магистерскую диссертацию. При этом первый том издавала Болгарская академия наук (*Державин Н.С.* Болгарские колонии в России (Таврическая, Херсонская и Бессарабская губернии). Материалы по славянской этнографии. Т. 1. София, 1914), на второй же требовалось найти средства. Их можно было получить от университета, и здесь Державин не стеснялся обращаться с просьбами к своим противникам. 7 ноября он сообщил Лаврову, что подал декану ходатайство о публикации второго тома, необходимо лишь одобрение факультетского совета. И в связи с этим просил оказать поддержку в данном вопросе, за что обещал быть «всегда глубоко признателен». Подпись также свидетельствовала о большом желании получить средства: «Искренне Вам преданный и сердечно Вас уважающий Ник. Державин» (СПбФ АРАН. Ф. 284. Оп. 3. Ед. хр. 67. Л. 1). В итоге книга была издана уже в Петрограде (*Державин Н.С.* Болгарские колонии... Т. 2. Пг., 1915).

⁵⁸³ ГАРФ. Ф. Р8091. Оп. 110. КМФ-5. Болгария, поступление 3А-110. 1878–1948. Ед. хр. 10. Л. 3.

⁵⁸⁴ Для сравнения, в декабре 1913 г. на банкет для высших лиц в честь открытия в Петербурге памятника вел. кн. Николаю Николаевичу (старшему) Р. Димитриев просил 1500 левов (ЦДА. Ф. 176К. Оп. 2. А. е. 1445. Л. 10). А согласно закону

следовало, и 18 марта 1914 г. Дмитриев повторил свой запрос. 21 мая деньги в несколько меньшем объеме (2,5 тыс. левов) были получены, но выход книги отложили до сентября в силу того, что публика уже ушла в отпуска, и в Петербурге летом книги не пускают в продажу⁵⁸⁵, хотя к началу июля рукопись была сдана. В конце концов «специальная брошюра» все-таки появилась. Уже после начала Первой мировой войны Н.С. Державин дописал заключение⁵⁸⁶, 7 сентября сообщил В. Златарскому о выходе книги⁵⁸⁷, а в дар Библиотеке Академии наук ее передал 18 ноября 1914 г.⁵⁸⁸

В книге отдельная глава названа «Сербская точка зрения и сербские методы трактовки вопроса», однако фактически весь труд являлся опровержением заявлений сербских ученых и публицистов, которые, как писал будущий академик-маррист, были «искусно рассчитаны на то, чтобы оказать известное давление на общее настроение мало осведомленной

1912 г., на всю Болгарскую академию наук минимальная субсидия государства в год составляла 60 тыс. левов (*Саздов Д.* Социална политика в законодателството на демократична България (1880–1912). София, 2008. С. 537).

⁵⁸⁵ ЦДА. Ф. 176К. Оп. 3. А. е. 106. Л. 2–6.

⁵⁸⁶ Это следует из текста последних трех абзацев книги, в которых говорится о «новой заре» в жизни славянства, и из приведенных там же теплых слов о сербском народе: «Мужественно вместе с русским народом он дает отпор общему врагу славян на поле брани» (*Державин Н.С.* Болгаро-сербские взаимоотношения и македонский вопрос. СПб., 1914. С. 131–132).

⁵⁸⁷ Болгаро руски научни врѝзки XIX–XX век. Документи / съст. Л. Костадинова, В. Флорова, Б. Димитрова. София, 1968. С. 100–101.

⁵⁸⁸ Согласно автографу на экземпляре, хранящемся в Библиотеке Академии наук: «В Славянское От[деление] Библиотеки Императорской академии наук 18.XI.914» (Державин Николай Севастьянович (1877–1953): к 140-летию со дня рождения: каталог выставки / авт.-сост. М.В. Колмакова, Д.Ю. Чернышенко. СПб., 2018. С. 21).

в специальных вопросах читающей массы»⁵⁸⁹. Важность Македонии для Болгарии русский ученый обосновывал не только историческими мотивами, он считал ее и «залогом дальнейшего нормального развития и национального благосостояния»⁵⁹⁰ – аргумент, весьма схожий с сербскими «жизненными интересами». Научная общественность негативно восприняла книгу в силу не только ее политической ангажированности, но и большого количества фактических и методологических ошибок и неточностей лингвистического и диалектологического характера⁵⁹¹. Однако в любом случае, повторимся, книга вышла в свет уже после начала Первой мировой войны, а после драки, как известно, кулаками не машут⁵⁹².

ИМЕЛО ЛИ СМЫСЛ ЭТО ДАВЛЕНИЕ?

Вопрос о влиянии общественного мнения на исход борьбы остался открытым – начавшаяся война сделала болгаро-сербский спор бессмысленным.

Тем не менее стороны решили наградить своих сторонников, в том числе и журналистов. Еще до начала Второй балканской

---

⁵⁸⁹ *Державин Н.С.* Болгаро-сербские взаимоотношения... С. 21–22.

⁵⁹⁰ Там же. С. 12.

⁵⁹¹ См., например, рецензию А.М. Селищева в: Ученые записки Казанского университета. 1915. № 6/7. Селищев считал и точку зрения А. Белича предвзятой. См. об этом: *Бернштейн С.Б.* А.М. Селищев – славист-балканист. М., 1987.

⁵⁹² Однако нелюбовь к А. Беличу Н.С. Державин пронес через всю свою жизнь и спустя десятилетия продолжал с ним заочно спорить, вручение тому звания почетного профессора Московского университета попытался превратить в фарс, а автора критической рецензии А.М. Селищева навсегда зачислил в сербофилы (*Бернштейн С.Б.* Зигзаги памяти: Воспоминания. Дневниковые записки / отв. ред. В.Н. Топоров. М., 2002. С. 39–40, 106, 125, 188).

войны 26 апреля 1913 г. цензурная секция штаба болгарской армии отправила главе МИДа представление к наградам, распределив корреспондентов на три категории по их заслугам. К первой были отнесены Н. Сурин (Петербургское телеграфное агентство), Вас. И. Немирович-Данченко («Русская мысль»), В. Викторов-Топоров («Речь»), В.Н. фон Дрейер, А.А. Пиленко (оба – «Новое время»), Т. Ольгенин («Биржевые ведомости»). Ко второй – Н.П. Мамонтов («Утро России»), И.Н. Калина («Русское слово»), И. Гончаров («Голос Москвы»), М.А. Осоргин («Русские ведомости»), В.И. Язвицкий («Утро России»), А.А. Деренталь («Русские ведомости») и представитель газет «День» и «Киевская мысль», названный в этом документе «Тропвский»⁵⁹³, а в другом – «Троповский»⁵⁹⁴. За этой фамилией, видимо, скрывается Л.Д. Троцкий, тогда сотрудничавший с обоими изданиями. В первых числах мая посланник С. Бобчев представил свой список общественных деятелей, оказавших помощь Болгарии. Фактически в него были включены все активные деятели славянского движения. Отдельно выделялись Я.И. Утин – «самое доверенное лицо Коковцова», являвшийся также директором Санкт-Петербургского Учетного и ссудного банка, а также служащий этого банка Ю.И. Рансей⁵⁹⁵. Однако последовавшие события все спутали, и в августе С. Бобчев напоминал своему руководству об этом списке, поскольку на него не последовало никакой реакции⁵⁹⁶. Хотя стоит отметить, что тогда же Военное министерство повторило свою просьбу касательно журналистов, правда, уже несколько иначе расставив их по степени заслуг⁵⁹⁷.

Итог Второй балканской войны оказался для Сербии крайне удачным, и там своих сторонников тоже решили

---

⁵⁹³ ЦДА. Ф 176К. Оп. 2. А. е. 1482. Л. 4–6.

⁵⁹⁴ Там же. Л. 46–49.

⁵⁹⁵ Там же. Л. 14–16.

⁵⁹⁶ Там же. Л. 76.

⁵⁹⁷ Там же. Л. 46–49.

наградить. Мы не располагаем данными относительно участников заседаний в Петербурге, но знаем, что Н.Г. Гартвиг сразу после заключения Бухарестского мира получил из румынской столицы телеграмму от Н. Пашича и М. Спалайковича, где они его благодарили «за энергичное содействие к возвеличиванию Сербии»⁵⁹⁸. Затем его наградили Звездой Карагеоргия 2-й степени – высшей наградой, на которую посланник мог претендовать. Однако он был обижен, поскольку рассчитывал на 1-ю степень, жаловавшуюся членам королевского дома и иностранным монархам за исключительные заслуги перед Сербией⁵⁹⁹. Но это нельзя приписывать его стяжательству. По словам В.Н. Штрандтмана, Н.Г. Гартвиг отличался честностью, личных средств ни у него, ни у его жены не было, все тратилось на представительские расходы⁶⁰⁰. И они имели свой эффект – по воскресеньям в русской миссии устраивались музыкальные вечера, куда заглядывали Н. Пашич, король Петр и наследник престола Александр⁶⁰¹, с которыми посланник мог вести необходимые беседы, не прибегая к условностям протокола.

Награждать посланника летом 1913 г. было за что. Когда начались споры о будущем Македонии, российский посланник советовал белградским политикам не вести переговоров с болгарями, считая претензии Сербии на Македонию полностью обоснованными. В это же время его жена, А.П. Гартвиг, посещая войска с гуманитарными целями, убеждала военных не отдавать и пяди земли соперникам⁶⁰². В апреле 1913 г. болгарский премьер через посланника С. Бобчева просил С.Д. Сазонова предотвратить развал Балканского союза, вину за который возлагал на Н.Г. Гартвига. В своем сообщении И. Гешов передавал мнение сотрудника «Таймс» Дж. Баучера, согласно которому

---

⁵⁹⁸ Штрандтман В.Н. Указ. соч. С. 200.

⁵⁹⁹ Там же. С. 204.

⁶⁰⁰ Там же. С. 187.

⁶⁰¹ Писарев Ю.А. Российский посланник в Сербии Н.Г. Гартвиг... С. 185.

⁶⁰² Штрандтман В.Н. Указ. соч. С. 195.

именно представитель в Белграде – «корень сербского решения не подчиняться требованиям договора и не передавать спор на арбитраж России»⁶⁰³. По мнению американского историка Э. Тадена, именно посланник повлиял на позицию С.Д. Сазонова, решившего сделать ставку на Белград⁶⁰⁴. Слухи о деятельности Н.Г. Гартвига в этом направлении активно муссировались в болгарской и австро-венгерской прессе, в России же публично заговорил о роли посланника П.Н. Милюков. 6 июня 1913 г. с думской трибуны он заявил, что «Гартвиг от себя предложил это распространение сербов на юг, в долину Вардара»⁶⁰⁵. Естественно, информация попала в русскую печать, и посланник был вынужден дать разъяснение и сообщить, «что слухи о данных им, будто, сербскому правительству обещаниях компенсации в Македонии за отказ от Адриатического побережья – злостный вымысел»⁶⁰⁶.

Когда летом 1914 г. Н.Г. Гартвиг скончался, его похороны стали свидетельством тех чувств, которые питал к нему народ и правительство. В столице наблюдалось «исключительное стечение народа», прибыли депутации крестьян и представители провинциальных общественных организаций⁶⁰⁷. На отпевании в Соборной церкви присутствовали король, наследник, его старший брат. Выступали митрополит, глава правительства и городской голова⁶⁰⁸.

---

⁶⁰³ Иван Евстратиев Гешов. Лична кореспонденция... С. 256, 258.

⁶⁰⁴ *Thaden E.* Public Opinion and Russian Foreign Policy toward Serbia, 1908–1914 // Велике силе и Србија пред први светски рат: Зборник радова приказаних на међународном научном скупу српске академије наука и уметности, одржаном од 13–15. септембра 1974. године у Београду. Београд, 1975. С. 228.

⁶⁰⁵ Стенографические отчеты / Гос. дума, четвертый созыв, сессия первая. Заседания 55–81 (с 27 мая 1913 г. по 25 июня 1913 г.). СПб., 1913. Стб. 1022.

⁶⁰⁶ Городской вестник (Самара). 1913. 12 июня.

⁶⁰⁷ МОЭИ. Сер. III. М.; Л., 1931. Т. 4. С. 266–267.

⁶⁰⁸ *Штрандтман В.Н.* Указ. соч. С. 254.

В речах отметили личные качества Н.Г. Гартвига, его заслуги перед славянским делом⁶⁰⁹. Сохранилась фотография, сделанная перед опусканием гроба в могилу. На крышке лежит треуголка гофмейстера императорского двора, а в изголовье стоят Й. Йованович и задумчивый Н. Пашич, настроение которого понятно – уже прозвучал выстрел в Сараеве, а Сербия внезапно лишилась своего столь ярого защитника.

Сербская газета «Мали журнал» тогда сообщила, что смерть Н.Г. Гартвига была отпразднована в болгарской дипломатической миссии «разливом шампанского и криками “ура”»⁶¹⁰. Это сообщение оказалось ложным, но выглядело столь правдоподобно, что болгарский посланник в Белграде С. Чапрашиков был вынужден оправдываться перед своим начальством. По его словам, указанная статья «Татарская оргия», согласно которой «все болгарское посольство ходило ходуном от татарской оргии, потому что умер великий славянский патриот», – откровенная ложь. Посланник дружил с покойным, «пользовался его полным благорасположением», а потому послал цветы в русское представительство и ходил на службу по усопшему⁶¹¹. Однако подобное отношение к Н.Г. Гартвигу было лично у С. Чапрашикова.

В Софии считали, что именно русский представитель в Белграде советовал сербскому королю дезавуировать сербско-болгарское соглашение⁶¹². Члены Внутренней македонско-одринской революционной организации осенью 1913 г. намеревались ему отомстить за это, и «идея об убийстве Гартвига и его супруги нашла многих сторонников среди македонских революционеров»⁶¹³. Российская разведка следила за этими пла-

---

⁶⁰⁹ МОЭИ. Сер. III. Т. 4. С. 267.

⁶¹⁰ Силянов Х. Указ. соч. С. 18.

⁶¹¹ ЦДА. Ф. 176К. Оп. 3. А. е. 12. Л. 59.

⁶¹² Пешев П. Историческите събития и деятели от навечерието на освобождението ни до днес. София, 1993. С. 408.

⁶¹³ ГАРФ. Ф. 529. Оп. 1. Ед. хр. 25. Л. 65а.

нами. В конце декабря 1913 г. в Петербург поступило донесение, в котором сообщалось, что в начале месяца двое македонцев в одежде сербских солдат пытались проникнуть в Сербию, но были сняты с поезда, разоблачены и казнены. «По сведениям, исходящим от сербской администрации, поездка этих македонцев имела будто бы целью покушение на Российского Посланника в Сербии, г[осподина] Гартвига»⁶¹⁴, – сообщала разведка. Как явствует из тона донесения, сам заведующий агентурой не был уверен в точности имеющейся информации⁶¹⁵.

Но были ли все эти награды заслужены? Имели ли общественные настроения какое-то влияние на принятие решений руководством страны?

Судя по воспоминаниям государственных деятелей, давление общества на правительство было серьезным, но не стало решающим. Хотя при этом внушало опасения союзникам России, что руководство страны не устоит и проявит слабость перед «газетной и уличной шумихой»⁶¹⁶. В то же время возможное недовольство общественного мнения и вынужденное следование ему государственной политики активно использовались в дипломатических целях.

Когда началась Первая балканская война, в Петербурге были уверены в скором поражении противников Турции и в связи с этим желали скорейшего прекращения войны. 28 сентября С.Д. Сазонов послал телеграмму послу в Париже, где говорил о необходимости Франции заняться достижением согласия держав на окончание боевых действий, поскольку славяне долго не смогут выстоять. «Придаем этому вопросу первостепенное значение, ибо при твердом нежелании нашего правительства быть втянутым в войну нам будет

---

⁶¹⁴ Там же. Л. 92.

⁶¹⁵ Подробнее см.: *Гусев Н.С.* Русские и болгары после Балканских войн: взаимное разочарование // *Славянский альманах* 2014. [Вып. 1–2]. М., 2014.

⁶¹⁶ *Сазонов С.Д.* Указ. соч. С. 94.

крайне трудно бороться с общественным мнением в случае, если славяне окажутся в критическом положении»⁶¹⁷.

С началом боевых действий на Балканах глава МИДа дал указание послу в Константинополе высказать турецким министрам по поводу возможного закрытия Проливов, могущего привести к потерям русской торговли, следующее: «Правительству и без того нелегко сдерживать натиск общественного мнения против той миролюбивой позиции, которую мы занимаем. Полагаем, что наши усилия должны быть по достоинству оценены в Константинополе и найти поддержку во внимательном отношении к законным интересам России»⁶¹⁸. Чтобы сохранить свободу движения через Проливы, русская дипломатия оказывала давление и на Грецию, вынуждая ее не вести боевых действий вблизи Дарданелл. Посланник в Афинах указал греческому министру иностранных дел на «неизбежную, в случае отказа, перемену по отношению к Греции нашего общественного мнения, которым здесь, по-видимому, весьма дорожат»⁶¹⁹.

Со ссылкой на общественное мнение дипломаты говорили и о невозможности сохранения статус-кво на Балканах⁶²⁰, хотя до этого отстаивали его. Когда же представители Турции начали затягивать мирные переговоры в Лондоне, в Петербурге решили вновь прибегнуть к угрозам: «Порте следовало бы отдать себе отчет в том, какие серьезные последствия может создать для нее несговорчивость и как трудно будет нам, ввиду несомненного возбуждения в этом случае нашего общественного мнения, сохранить то мирное

---

⁶¹⁷ Первая балканская война // Красный архив. Т. 3 (16). М.; Л., 1926. С. 4.

⁶¹⁸ Сборник дипломатических документов, касающихся событий на Балканском Полуострове (август 1912 г. – июль 1913 г.). СПб., 1914. С. 22.

⁶¹⁹ Первая балканская война // Красный архив. Т. 3 (16). С. 7.

⁶²⁰ Там же. С. 13.

положение, которого мы держались во время войны»⁶²¹. Позже, с целью умерить пыл румын в деле вмешательства в Балканскую войну и присоединения частей Болгарии, посланник в Бухаресте получил указание применять угрозу «взрыва сочувствия болгарам, к которому правительство не может отнестись безучастно»⁶²².

Надо признать, что результаты такая игра приносила. Во время Балканских войн западные дипломаты считали, что «петербургское правительство не отвечает настроению русского народа», поэтому надо предложить в вопросе Адриатического побережья компромиссный вариант, удовлетворяющий великие державы, «но который общественное мнение в России не приняло бы от своего собственного правительства»⁶²³.

На Певческом мосту стали прибегать к услугам печати с 1910 г., давая интервью, предоставляя статьи или организуя утечки. «Однако, – как отметила отечественный исследователь Е.Г. Кострикова, – управлять прессой МИД не мог. Слишком влиятельные силы стояли за крупными изданиями, и слишком велики были ставки»⁶²⁴. Примечательно в связи с этим замечание П.Б. Струве, высказанное им 26 декабря 1912 г. в «Русской молве», где он приводил оценки различных изданий, в том числе и активную позицию «Нового времени»: «Дипломатии выгодно, чтобы ее в известной мере ругали. Ей необходим напор общественного мнения. Напор и запрос общественного мнения есть психологический козырь в руках дипломатии. С этой точки зрения “Новое время” можно приравнять к целому мобилизованному корпусу»⁶²⁵.

---

⁶²¹ Сборник дипломатических документов... С. 43.

⁶²² Там же. С. 229.

⁶²³ Лунева Ю.В. Балканские войны 1912–1913 годов и европейские державы // Новая и новейшая история. 2013. № 1. С. 86.

⁶²⁴ Кострикова Е.Г. Российское общество и внешняя политика... С. 397.

⁶²⁵ История внешней политики... С. 330.

ГЛАВА III

Военно-политическое руководство
обеих стран глазами русских 327

Город как зеркало государства 358

Нравы и характеры народов 367

Победоносные армии
и их порядки 373

Реакция болгар и сербов
на объявление
Первой балканской войны 404

Мотивы поведения
болгар и сербов в ходе
Балканских войн 414

Глава III

БОЛГАРИЯ И СЕРБИЯ В ВОСПРИЯТИИ РУССКОГО ОБЩЕСТВА

Данная глава посвящена непосредственно тому, какими предстали перед русским обществом Болгария и Сербия во время Балканских войн. Вместе с тем на имеющемся материале попытаемся решить не только сугубо имагологическую задачу, но и понять, какими эти две балканские страны подошли к рубежному 1914 году. Как выше обосновывалось, взгляд русских очевидцев позволяет достичь искомого. К тому же война в значительной степени снимала с государств и народов лоск, присущий им при позировании перед иностранцами в мирное время. Однако, дабы не превращать главу в отдельную книгу, постараемся ограничиться материалом 1912–1913 гг.

ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ РУКОВОДСТВО ОБЕИХ СТРАН ГЛАЗАМИ РУССКИХ

Русское общество с интересом следило за событиями на Балканах 1912–1913 гг., и его внимание естественно привлекали персоналии, определявшие исход событий. Впрочем, для большей части населения руководство Болгарии (за исключением разве что фигуры царя) являлось терра инкогнита.

Главкомандующим болгарскими вооруженными силами, согласно законам был царь Фердинанд Кобург, фактическим же руководителем армии являлся его заместитель генерал Михаил Савов.

М. Савов родился в 1857 г. в Старой Загоре. Его отец был сельским священником из Хасковского района¹. Военное образование он получил в Военном училище в Софии, окончив его в 1879 г. (был в числе первых выпускников этого учебного заведения), в 1881–1885 гг. продолжил обучение в Академии Генерального штаба в Петербурге. В битве при Сливнице во время сербско-болгарской войны 1885 г. командовал левым флангом болгарской армии. Его таланты и успехи привлекли внимание руководства страны, и в первую очередь всесильного премьера Стамболова, которому после смерти С. Муткурова требовался новый верный и преданный военный министр. После назначения имя М. Савова, как выразился современник, «не сходило со скандальной, общественной, политической и партизанской (политически радикальной. – *Н.Г.*) хроники»². Возвысившего его премьера Стамболова он вызвал на дуэль из-за интимной связи главы правительства с женой генерала. Последовавший скандал способствовал дальнейшему падению всесильного Стамболова. Однако и сам Савов временно покинул пост и столицу, но вернулся на министерскую должность в 1903 г. И, как выразился Н.П. Мамонтов, «тут генерала постигла крупная неприятность»³. В 1903 г. он прославился своим участием в крупной коррупционной сделке по поставке оружия из Австро-Венгрии, получившей в Болгарии название «афера Шарль и Жан». Однако благодаря хорошим отношениям с князем Фердинандом генерал избежал наказания и остался в армии. На этот факт его биографии не раз указывал А.Д. Троцкий в своих статьях.

Русские военные агенты в Софии отмечали крайнее честолюбие М. Савова и отсутствие у него способностей,

¹ Ганчев Д. Спомени. В. Търново, 2005. С. 459–460.

² Ганчев Д. Спомени за княжеското време. София, 1983. С. 141.

³ Мамонтов Н.П. С болгарскими войсками от Балкан до Чаталджи. М., 1913. С. 41.

необходимых для занятия столь высокого поста⁴. Австрийские специалисты также не ставили его высоко, характеризуя следующим образом: «самоуверен, с необыкновенно импульсивным характером, сочетающимся с железной безоглядностью»⁵.

Осенью 1912 г. в нескольких выпусках журнала «Нива» был помещен очерк князя Д.П. Багратиона «Славяно-греко-турецкая война», выдержанный в явно болгарофильском тоне. В произведении утверждалось, что способности М. Савова вполне сопоставимы с гением А.В. Суворова. При этом было подчеркнуто, что болгарский военачальник учился в России, а преподавал ему нынешний российский военный министр В.А. Сухомлинов⁶. Капитан русского Генерального штаба П.С. Махров, написавший свою книгу еще до распада Балканского союза, считал М. Савова человеком «большой силы воли и большого ума»⁷, а не закончивший свой труд генерал-майор В.Н. Акимов – «способнейшим человеком с громадным умом, редкой эрудицией»⁸. Так считали военные, восхищенные болгарскими победами. Но после Межсоюзнической войны «Нива» назвала Савова «роковым генералом» и обвинила в развязывании боевых действий

---

⁴ Каширин В.Б. Высший командный состав армий стран Балканского полуострова в оценках и суждениях русских военных специалистов в начале XX века // Человек на Балканах глазами русских / отв. ред. Р.П. Гришина, А.Л. Шемякин. М., 2011. С. 210–211.

⁵ Нойков С. Оценки на германския и австро-унгарския генерален щаб за българската армия в Балканската война 1912–1913 г. // Военноисторически сборник (далее – ВИС). 1983. Кн. 2. С. 48.

⁶ Нива. 1912. 8 дек. С. 973.

⁷ Махров П. Балканская война 1912–1913 года (Общий очерк от начала войны до перерыва мирных переговоров с 10-ю схемами). Севастополь, 1913. С. 41.

⁸ Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 5881. Оп. 2. Д. 102. Л. 10.

с бывшими союзниками⁹. Об этом же писал В. Водовозов в «Современнике»¹⁰, а другой корреспондент, В.Н. фон Дрейер, утверждал: «Инициатором новой войны оказался честолюбивый, малоспособный Савов, гипнотически действовавший на царя Фердинанда и сумевший склонить на свою сторону Данева и пачку стамбулистов во главе с Генадиевым»¹¹.

Не только за Вторую балканскую войну возлагали на генерала ответственность. По свидетельству сотрудника «Утра России» Н.П. Мамонтова, именно он вмешался в планы командующего группой из 1-й и 3-й армий Радко Димитриева под Чаталджой и устроил кровопролитный, но безуспешный штурм. Корреспондент назвал его «злым гением Чаталджи», обвинил в желании стяжать лавры, не неся при этом никакой ответственности¹², и считал «эгоистом до мозга костей», не стесняющимся отвергать инициативы подчиненных, препятствовать им в реализации разумных замыслов ради того, чтобы выдвинуть себя на передний план¹³. Однако очевидец событий русский доброволец Н.К. Самосеев писал, что, несмотря на всю неудачность плана М. Савова, в данной ситуации невозможно было предложить лучше¹⁴.

Журналист газеты «Русская мысль» Вас. И. Немирович-Данченко описал заместителя главнокомандующего нелестно и внешне: «Серая крупная фигура с грубыми чертами серого самоуверенного лица»¹⁵. В 1913 г. бывший добровольцем в болгарской армии И.Д. Чинтулов рассказал в журнале «Военный сборник» курьезную историю, случившуюся

⁹ Нива. 1913. 14 сен. С. 737.

¹⁰ Водовозов В. На Балканах // Современник. 1913. № 8. С. 319.

¹¹ Дрейер В. Разгром Болгарии. Вторая Балканская война 1913 г. СПб., 1914. С. 7.

¹² Мамонтов Н.П. Указ. соч. С. 141.

¹³ Там же. С. 42.

¹⁴ ГАРФ. Ф. 555. Оп. 1. Ед. хр. 473. Л. 37.

¹⁵ Немирович-Данченко Вас. И. Собр. соч. Т. XIV. СПб., 1913. С. 243.

с М. Савовым после объявления о начале войны. По пути из церкви св. Краля, где был только что зачитан манифест, он, проявив самоуверенность, сам сел за руль, но перепутал маршрут движения, в результате чего произошла задержка последующих экипажей. Генерал понял свою ошибку, и «лицо его было очень красно»¹⁶. Такой рассказ явно не влиял положительно на образ полководца.

Антиподом М. Савова изображался человек крайне неординарной судьбы, на которого, по словам В.Н. Акимова, «громадные надежды возлагаются»¹⁷, – Радко Димитриев. Родился он в селе Градец недалеко от Сливена, принимал участие в Апрельском восстании, будучи членом и секретарем тайного революционного комитета в городе Котел. Во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг. служил переводчиком в российской армии, в 1879 г. одновременно с М. Савовым окончил Военное училище в Софии. Затем учился в Николаевской академии Генерального штаба. В 1885 г. командовал авангардным отрядом, за успешное осуществление задачи был награжден орденом «За храбрость» четвертой степени. Р. Димитриев принимал активное участие в военном перевороте 1886 г., после чего бежал в Россию, где служил в Тифлисе (ныне – Тбилиси). Там он командовал ротой, но на него было возложено и руководство тактическими занятиями офицеров бригады и округа, где своими действиями на ежегодных маневрах заслужил славу знающего и энергичного офицера. Его коллега по изгнанию Г. Вазов считал, что перевод Р. Димитриева в русский Генеральный штаб в 1895 г. был делом ближайших дней. Но офицера тянуло на родину, и он писал после падения Стамболова другу: «Время сделать все, чтобы вернуться»¹⁸.

¹⁶ Чинтулов И.Д. Воспоминания добровольца // Военный сборник. 1913. № 5. С. 163.

¹⁷ ГАРФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 102. Л. 11.

¹⁸ Митев Т. Разрешаването на офицерско-емигрантския въпрос през 90-те години на XIX век // ВИС. 1981. № 1. С. 41–42.

Когда это стало возможным, Р. Димитриев вновь поступил на болгарскую военную службу. В 1904–1907 гг. он занимал должность начальника болгарского Генштаба, русские военные агенты в это время докладывали, что неточности в сведениях Савова приходилось исправлять именно у Димитриева¹⁹. В 1912 г. по случаю празднования двадцатипятилетия правления царя Фердинанда шесть человек были произведены в чин генерал-лейтенанта, одним из них являлся Р. Димитриев. Надо отметить, что впервые офицеры действительной службы получили данное звание²⁰. Во время Первой балканской войны Радко Димитриев командовал 3-й армией, воевавшей на фракийском фронте, принимал участие в операциях под Лозенградом, Люле-Бургасом и Чаталджой.

Первая мировая война застала его на посту посланника Болгарии в Петербурге. Уже 25 июля Р. Димитриев подал в отставку с поста посланника, объяснив это желанием послужить России. Радко-Димитриев, как он стал именоваться в документах, во время войны командовал армиями, одерживал блестящие победы в Галиции в 1914 г., а в 1915 г. был обвинен в Горлицком прорыве. В 1916 г. он руководил армией в Прибалтике. После Февральской революции ушел в отставку, в Гражданской войне отказался принимать участие. Ночью 18 октября 1918 г. прославленный болгарский генерал вместе с другими военачальниками, жившими на Кавказе, был казнен большевиками²¹. Погребен Радко Димитриев в Пятигорске²².

---

¹⁹ Каширин В.Б. Указ. изд. С. 211.

²⁰ Балканската война през погледа на един французин. София, 1977. С. 57.

²¹ Красный террор в годы Гражданской войны. По материалам Особой следственной комиссии по расследованию злодеяний большевиков / ред.-сост. Ю.Г. Фельштинский. London, 1992. С. 50–51.

²² Подробнее о его биографии см.: Дренски И. Генерал Радко Димитриев. Биографичен очерк. София, 1962; Цачевски В. Радко Димитриев. Пълководецът. София, 2018; Гусев Н.С.

Русский полковник, в будущем генерал, а в тот момент – корреспондент газеты «Новое время», В.Н. фон Дрейер лаконично, но емко охарактеризовал его в своих эмигрантских воспоминаниях: «Ярый русофил и отличный генерал». По его свидетельству, часто к ужину в штабе командующего 3-й армией приглашался он, Вас. И. Немирович-Данченко и Н.П. Мамонтов²³. Последний же считал Дмитриева любящим по-прежнему Россию, энергичным, обладающим большой личной храбростью, хладнокровием, находчивым генералом, пользующимся большим влиянием среди нижних чинов. Завоевал он это благодаря своей непритязательности в походной жизни, близости к солдатам и вниманию к ним²⁴. Описание штаба подтверждало слова корреспондента²⁵.

Аналогичные свидетельства предоставляет Вас. И. Немирович-Данченко²⁶. По свидетельству писателя, Р. Дмитриев «производит сильное впечатление своей простотой». «Болгарский Скобелев» внешне ему показался схожим с Наполеоном Бонапартом, но скромным и не стремящимся ни к какому позерству, занятым лишь текущими боевыми задачами, при этом сохраняющим спокойствие и раздумчивость. По мнению автора, «это чисто болгарский тип, демократический, как его штаб и как его офицеры и солдаты»²⁷.

Судьба Радко Дмитриева и память о нем как заложники российско-болгарских отношений конца XIX – начала XX вв. // Вестник МГИМО-Университета. 2019. Т. 12. № 6.

²³ Дрейер В.Н. На закате империи. Мадрид, 1965. С. 127.

²⁴ Мамонтов Н.П. Указ. соч. С. 43. Это же в нем воспевала русская пресса в 1914 г.

²⁵ Там же. С. 109.

²⁶ Немирович-Данченко Вас. И. Собр. соч. Т. XV. СПб., 1913. С. 159.

²⁷ Там же. С. 120. По всей видимости, между генералом и писателем возникли довольно теплые отношения. В январе 1914 г., когда Р. Дмитриев уже стал посланником в Петербурге, он писал Вас. И. Немировичу-Данченко: «От души Вас благодарю за

Пример личной храбрости командующего 3-й армией привел П.С. Махров. Во время Бунархиссарской битвы части дрогнули, и появление «любимого генерала Димитриева», проскакавшего на коне перед фронтом дивизий, вернуло уверенность войскам, которые продолжили наступление²⁸.

Высоко оценивались его не только личные, но и полководческие качества. Российский военный агент в Софии описывал его как крупнейшего в Болгарии военачальника, обладавшего особыми способностями, решительностью и громадной инициативой²⁹. Д.П. Багратион характеризовал Р. Димитриева как «будущее европейское светило тактики и стратегии» и ставил его в один ряд с А.В. Суворовым и М.Д. Скобелевым³⁰. О больших способностях генерала писали Н.П. Мамонтов и П.С. Махров, подчеркивая его стремительность в боях³¹, что, собственно, и вызывало аналогии со Скобелевым. Этот его стиль ведения боевых действий имел и негативную сторону. А.Д. Троцкий указывал на то, что тыловые части не поспевали за стремительным наступлением армии Димитриева на фракийском фронте, и по этой причине резко ухудшались снабжение и санитарные условия войск³². Положительные оценки

добрую память обо мне и за присланные Вами книги, как прежде, так и теперь». Генерал просил писателя позвонить ему по телефону, дабы узнать, когда его можно застать дома, поскольку хотел нанести личный визит, а «не ограничиться простым оставлением визитной карточки». Аттестовал себя в подписи Р. Димитриев так: «Искренне Вас уважающий и преданный» (Российский государственный архив литературы и искусств (далее – РГАЛИ). Ф. 355. Оп. 1. Ед. хр. 21. Л. 1).

²⁸ *Махров П.* Указ. соч. С. 79.

²⁹ *Каширин В.Б.* Указ. изд. С. 217.

³⁰ *Нива.* № 49 (8.12.1912). С. 975.

³¹ *Мамонтов Н.П.* Указ. соч. С. 42–43; *Махров П.* Указ. соч. С. 42.

³² *Троцкий А.* Перед историческим рубежом. Балканы и Балканская война. СПб., 2011. С. 192.

Димитриеву давали не только русские, но и западные журналисты³³. Отрицательные же отзывы в адрес военачальника в печати практически отсутствовали.

Современники находили в характерах Радко Димитриева и Михаила Савова некоторое сходство. Л.Д. Троцкий писал: «Отнюдь не худший из генералов болгарской армии, Дмитриев, однако, сам глубоко проникнут теми чертами карьеризма, безразборчивого азарта и нравственного цинизма, воплощением которых является антагонист Дмитриева, главнокомандующий Савов»³⁴. По его словам, военачальники конфликтовали друг с другом, и командарм из неприязни по нескольку дней не информировал своего начальника о ходе событий³⁵. Вас. И. Немирович-Данченко в них видел лишь одно сходство: «Оба – сильные». При этом М. Савов не доступен никаким впечатлениям, «не особенно глубоко рассчитывающий». Р. Дмитриев же – «талант, боевое вдохновение», скромный, рассчитывающий загодя бой, берегущий солдат, переживающий за армию: «Этот умрет вместе с поражением, Савов спокойно вернется домой»³⁶. Подтверждает эти характеристики и то, как Немирович-Данченко, будучи очевидцем, описал принятие решения о штурме Чатаалджинских укреплений. Заместитель главнокомандующего был торжествен, Дмитриев – мрачен и недоволен: «Он несравненно лучше оценивал положение и был против боевой авантюры»³⁷.

³³ *Шипчанов И.* Вестители на бойна слава (Военните кореспонденти през Балканската война от 1912–1913 г.). София, 1983. С. 85.

³⁴ *Троцкий Л.* Указ. соч. С. 192.

³⁵ Там же.

³⁶ *Немирович-Данченко Вас. И.* Собр. соч. Т. XIV. С. 244.

³⁷ Там же. С. 244–245. Несколько корректируют эту картину воспоминания самого Р. Дмитриева. М. Савов действительно выступал за атаку Чатаалджинских укреплений, однако категорического протеста Дмитриев не выразил. На описанном Немировичем-Данченко совещании командующий

Как видим, о командующем 3-й армией у русских журналистов мнение было практически исключительно положительным, и, как минимум, двое из них виновным в трагических потерях при безуспешном штурме последних укреплений на пути к Константинополю считали М. Савова, а Р. Дмитриева, напротив, представляли противником указанных действий, объясняя это его заботливым отношением к солдату. Но данное заключение вполне соответствует принципу когнитивной экономии, т.е. склонности человека (в том числе и журналистов) упрощать картину: Дмитриев – русофил, поэтому он обладает лишь положительными чертами; Савов – стамболовист, следовательно, ему присущи лишь отрицательные качества.

Интересно отметить, что Н.К. Самосеев считал, что главный личный конфликт у Р. Дмитриева был не с М. Савовым, а с генералом В. Кутинчевым, поскольку, хотя последний был старше, в определенный момент командование одновременно 1-й и 3-й армиями было поручено именно Дмитриеву³⁸.

Командующий 2-й армией генерал Н. Иванов, выпускник Николаевской академии Генерального штаба, по мнению Н.П. Мамонтова, «целесообразно» справился со своей задачей – блокированием Адрианополя³⁹. П.С. Махров считал

группировкой армий высказался против методичной осады укреплений в связи с разбушевавшейся в войсках холерой и недостатком осадной артиллерии. Он видел два выхода из ситуации: согласие на предложенное турками перемирие либо атака Чаталджи, «но с не столь высокими шансами на успех». Когда же Дмитриев понял, что штурм состоится, то, видимо, зная хитрость и изворотливость царя Фердинанда, попросил предоставить ему письменное распоряжение о начале атаки (*Димитриев Р.* Трета армия в Балканската война. 1912 година. София, 1922. С. 317–319).

³⁸ ГАРФ. Ф. 555. Оп. 1. Д. 473. Л. 28.

³⁹ *Мамонтов Н.П.* Указ. соч. С. 44.

его популярным и любимым в армии⁴⁰. В донесениях австрийских военных агентов он также характеризуется положительно и называется русофилом, в них говорится и о его конфликте с высшим командованием⁴¹. Таким образом, корреспонденты отмечали фактическое противостояние русофилов и т.н. русофобов в командном составе болгарской армии.

Остальным же военачальникам пресса практически не уделяла внимания. Но зато довольно много информации было посвящено общей оценке высшего командного состава и правящим кругам Болгарии. Русский офицер болгарского происхождения И.Г. Пехливанов утверждал в «Известиях Императорской Николаевской военной академии»: «Про болгарскую армию можно сказать, что, начиная с рядового и кончая генералом, чем лицо выше рангом, тем больше оно отвечает необходимым для него требованиям и тем ближе стоит к идеалу»⁴². Интересна точка зрения «Вестника Европы», особенно если принять во внимание хотя бы вышеупомянутый скандал с военными закупками: «Никакой суетливости в распоряжениях начальствующих лиц, все предусмотрено заранее и исполняется с безукоризненной добросовестностью... Во всех отраслях военного хозяйства господствует безусловная честность»⁴³. И это, представляется, можно считать прямым влиянием болгарских побед, восхищением ими. Скорректировать суперлативы журнала позволяют воспоминания болгарина И. Пастухова о работе комиссии по реквизиции в одном из сел Варненского района, в составе которой кмет, священник и зажиточные крестьяне

---

⁴⁰ Махров П. Указ. соч. С. 42.

⁴¹ Нойков С. Указ. изд. С. 48.

⁴² Ганин А.В. И.Г. Пехливанов – один из первых историографов Первой балканской войны // Модернизация vs. война. Человек на Балканах накануне и во время Балканских войн (1912–1913) / отв. ред. Р.П. Гришина, А.Л. Шемякин. М., 2012. С. 396–397.

⁴³ Вестник Европы. 1912. № 11. С. 405.

избавили себя от тягот войны⁴⁴. О систематических хищениях высших армейских чинов писал и сотрудник «Утра России» Е.И. Мартынов⁴⁵, а общим нравам руководства четкую характеристику дал А.Д. Троцкий: «“Популярный” генерал, которого не успели осудить за казнокрадство, – в качестве главнокомандующего; заведомый <...> престижджитатор – в качестве коменданта; бесцеремонный карьерист – в роли военного цензора; отставной турецкий агент – как необходимая фигура при военном министерстве, – все это вместе бросает достаточно яркий свет на нравы командующего состава армии»⁴⁶. На этом фоне в русской прессе крайне симпатично выглядели сербы, у которых честные люди среди министров встречались далеко не так редко, как у болгар⁴⁷.

С началом Второй балканской войны болгарские правящие круги стали оцениваться в российской прессе исключительно негативно. Как уже говорилось, в развязывании войны обвинялся генерал М. Савов. П.Н. Милюков справедливо считал, что царь и его первый военачальник развязали боевые действия, против которых был кабинет С. Данева⁴⁸. Е.И. Мартынов с ним не соглашался, указывая на тот факт, что под Брегалницей армией командовал генерал Ковачев, бывший одновременно и военным министром⁴⁹.

Следует отметить, что персонификация правящих кругов происходила довольно редко. Как правило, говорилось о «царе Фердинанде и его приближенных, вместе

---

⁴⁴ *Пастухов И.* Из преживяното. Спомени, статии, речи. София, 2008. С. 38.

⁴⁵ *Мартынов Е.И.* Сербы в войне с царем Фердинандом. Заметки очевидца. М., 1913. С. 64.

⁴⁶ *Троцкий А.* Указ. соч. С. 191.

⁴⁷ Там же. С. 64–65.

⁴⁸ *Милюков П.Н.* Воспоминания. Т. 2. М., 1990. С. 109.

⁴⁹ *Мартынов Е.И.* Указ. соч. С. 12.

с окружающими их военными честолюбцами»⁵⁰, т.е. ключевой фигурой представлялся именно монарх.

«Это человек гибкий, пружинный, верного глаза и меткого прицела. Лишенный ложного стыда и ложного самолюбия, но одаренный аристократическим тактом и дисциплиною порядочности, одержимый большим историческим честолюбием, весьма много думающий о том, с каким именем и с какою характеристико[й] сохранится он для потомства и будущих веков»⁵¹, – очень точно охарактеризовал царя долгие годы его знавший А.В. Амфитеатров. Нет необходимости лишний раз пересказывать биографию Фердинанда Максимилиана Карла Марии Саксен-Кобург-Готского – одной из самых ярких и противоречивых фигур истории Болгарии в Новое время⁵². Стоит только отметить, что, несмотря на восстановление отношений между Петербургом и Софией, болгарский царь не вызывал в России большого доверия. В 1911 г. Фердинанд жаловался великому князю Андрею Владимировичу, что русское общество клеймит его как австрофила⁵³.

Как только на Балканах начался вооруженный конфликт, российская пресса взглянула на Фердинанда иначе. И это был взгляд, полный восхищения. Накануне боевых действий болгарский царь праздновал двадцатипятилетний юбилей восшествия на престол, и журнал «Родина» упомянул об этом.

---

⁵⁰ Вестник Европы. 1913. № 8. С. 389.

⁵¹ Амфитеатров А.В. Эхо. М., 1913. С. 221.

⁵² О нем см., например: Йовков И. Кобургът. София, 1980; Константинов С. Фердинанд Лисицата. София, 1992; Цветков Ж. Книга за Цар Фердинанд и българите. София, 2010; Исаева О.Н. Царь болгар Фердинанд Саксен-Кобург-Готский // До и после Версаля. Политические лидеры и идея национального государства в Центральной и Юго-Восточной Европе / отв. ред. А.А. Шемякин. М., 2009.

⁵³ Дневник Великого князя Андрея Владимировича. 1915 г. Л.; М., 1925. С. 95.

Фердинанду пели дифирамбы, подчеркивалась его главная заслуга: монарх «мог спокойно сказать, что достойно завершил начатое в 1877 г. Россией дело воссоздания Болгарии»⁵⁴.

В очерке Д.П. Багратиона говорилось, что болгарский народ своими духовными силами обязан народным школам и патриотической литературе, которые активно развивались и создавались в царствование «мудрого Фердинанда»; ставился и риторический вопрос: удастся ли болгарскому правителю повторить 907 год, подвиг Вещего Олега?⁵⁵ Далее князь указал на связи Фердинанда Кобурга с русским двором: он назвал его потомком Ярослава Мудрого и напомнил, что сын и наследник болгарского царя – крестник русского императора Николая II⁵⁶. С началом мирных переговоров в Лондоне царь Фердинанд стал именоваться и главным поборником мира: «Сторонники мира могут приветствовать в лице болгарского царя человека, поспешившего положить конец кровопролитию»⁵⁷.

Болгарскому монарху приписывалась и инициатива создания Балканского союза. Д.П. Багратион утверждал, что замысел войны с Османской империей родился у «мудрого правителя Болгарии»⁵⁸. Н.П. Мамонтов писал, что Кобург «приступил к объединению бывших противников»⁵⁹. «Вестник Европы» также считал, что Фердинанд являлся «по-видимому, неофициальным главным руководителем военных операций всех союзных армий»⁶⁰.

О симпатиях к болгарскому царю свидетельствуют телеграммы и письма, отправленные ему из России. Некто

⁵⁴ Родина. 1912. 19 авг. С. 1.

⁵⁵ Нива. 1912. 17 нояб. С. 916.

⁵⁶ Нива. 1912. 1 дек. С. 954.

⁵⁷ Вестник Европы. 1913. № 1. С. 216.

⁵⁸ Нива. 1912. 17 нояб. С. 916.

⁵⁹ Мамонтов Н.П. Указ. соч. С. 6.

⁶⁰ Вестник Европы. 1913. № 1. С. 357.

за подписью «Славянин» прислал ему письмо из Томска: «Вся Россия будет с Вами, Ваше Величество; весь русский народ, без различий по политическим убеждениям, поддержит Болгарию. Но пусть она не повторит нашу ошибку 1878 г.»⁶¹. Русские дети, участвовавшие в сборе помощи для болгарской армии, в своих посланиях царевнам желали Фердинанду «поколотить турок», «взять у турок Святую Софию», писали, что любят его больше других балканских правителей⁶².

Признавая заслуги болгарского монарха, многие отмечали, что им двигали не самые высокие мотивы. И уже после обеих войн профессор-историк П.А. Лавров в лекции в Петрозаводске 18 августа 1913 г. справедливо признавал, что «недурным политиком» оказался «честолюбивый и тщеславный» монарх⁶³.

Когда обострение в отношениях союзников стало зримым, светлый образ болгарского царя начал блекнуть. «Вестник Европы» в мае 1913 г. утверждал: «Болгария за все двадцатипятилетие царствования Фердинанда Кобургского развивалась вне всякого воздействия России и поддерживала с ней довольно холодные отношения, а политика болгарская большею частью сообразовывалась с австрийскою»⁶⁴. С началом Межсоюзнической войны Фердинанд был уже награжден многими отнюдь не лестными эпитетами. Одними из основных обвинений в его адрес стали те самые тщеславие и честолюбие. Но об этом позже.

* * *

Совсем иной выглядела расстановка акцентов в оценках сербского руководства.

---

⁶¹ Вечерна поща. 1912. 12 дек.

⁶² Мир. 1913. 7 фев.

⁶³ Лавров П.А. Балканский союз и переживаемый кризис. Петрозаводск, 1914. С. 10.

⁶⁴ Вестник Европы. 1913. № 5. С. 421.

Как и в Болгарии, монарх фактически не руководил операциями, делегировав полномочия начальнику штаба Верховного командования воеводе (звание, равное фельдмаршалу) Радомиру Путнику и его заместителю генералу Живоину Мишичу. Последний, по словам В.Н. фон Дрейера, пользовался в армии уважением за свои знания, «но, отличаясь мягкостью характера и уступчивостью, едва ли имел решительное влияние на тот или другой план войны»⁶⁵. Р. Путник же лично входил во все вопросы, проявлял большую активность: «В штабе армии, в Скопье, во время перемирия мне рассказывали, что Путник на клочках бумаги постоянно записывал свои заметки, касающиеся выполнения различных работ, и эти обрывки посылал Мишичу для неуклонного исполнения»⁶⁶. О других военачальниках известий на страницах русской печати практически нет.

В книгах, журналах и газетах среди портретов глав государств король Петр занимал свое законное место наряду с другими монархами стран Балканского союза. При этом, как правило, его изображение размещалось после портрета царя Фердинанда, что в целом соответствовало уделяемому странам вниманию, либо могло диктоваться попросту размерами государств и армий. Но в прессе того времени практически невозможно встретить слова о действиях Петра Карагеоргиевича, о принятых им ключевых решениях. Да и в самой Сербии, по словам Л.Д. Троцкого, «про него вспоминали только в исключительных случаях и по чисто внешним поводам», например когда австрийцы из Землина освещали королевский дворец прожектором⁶⁷. Даже И.П. Табурно уделил ему небольшое внимание, указав лишь, что монарх – из народа, «он обладает всеми качествами

---

⁶⁵ Дрейер В. На закате империи. С. 28.

⁶⁶ Там же. С. 30.

⁶⁷ Троцкий Л. Указ. соч. С. 67.

серба, и в нем, как у всех сербов, развит поэтический дух»⁶⁸. Под такое описание могли бы подойти многие правители Сербии и даже Черногории.

Несколько больше рассказал о нем читателям Е.И. Мартынов, назвавший Петра «воином в душе», поскольку тот участвовал во франко-прусской войне, за что был награжден орденом Почетного легиона, а в Герцеговинском восстании 1875 г. сражался под именем Петра Мрконица. Согласно корреспонденту «Утра России», король Сербии был весьма доступен и прост в обхождении, не имел собственного состояния, но не проживал даже тех средств, которые выделяло ему государство. Его поведение привело к тому, что «безупречное, чистое имя короля Петра окружено в Сербии общим уважением и любовью»⁶⁹. При личной же аудиенции этот представитель печати описал монарха так: «Семидесятилетний больной старик»⁷⁰. В итоге представлял портрет полной противоположности Фердинанду Кобургу.

Больше в пространстве общественного мнения присутствовал наследник престола Александр, по описанию Вас. И. Немировича-Данченко, «тонкий и стройный юноша, с горячими и нежными глазами, то вспыхивающими одушевлением, то меркнувшими в славянской печали»⁷¹.

Александр появился на свет в 1888 г. в Цетинье, столице Черногории, в семье Петра Карагеоргиевича и княжны Зорки – дочери черногорского князя Николы. В начальную школу он поступил в Женеве, а в 1899 г. отправился в Петербург для учебы в Императорском училище правоведения. Но карьере юриста было не суждено состояться – в 1903 г. в Сербии произошел переворот, в результате которого Карагеоргиевичи

---

⁶⁸ Табурно И.П. О сербских битвах (впечатления очевидца войны сербов с турками 1912 г.). СПб., 1913. С. 26.

⁶⁹ Мартынов Е.И. Указ. соч. С. 25–26.

⁷⁰ Там же. С. 103.

⁷¹ Немирович-Данченко Вас. И. Собр. соч. Т. XIV. С. 29.

сменили на престоле Обреновичей. В 1905 г. Александр вернулся в российскую столицу, где с перерывами, вызванными проблемами со здоровьем, проучился до 1909 г.⁷² Пока его старший брат престолонаследник Джордже (Георгий) не был уличен в убийстве своего лакея, которого в припадке ярости забил ногами до смерти. Это поставило крест на планах обрести корону. Во время Балканских войн Джордже служил в армии. Вас. И. Немирович-Данченко оставил словесный портрет бывшего престолонаследника, который предстает нетерпеливым, неуравновешенным, обладающим «лихорадочным стремлением» к слепому, часто ненужному подвигу, за который будут расплачиваться другие. «Сербы убеждены, что юношу ждет смерть на боевом поле. Слишком неудержима нерассуждающая кипучая душа»⁷³, – утверждал писатель. Но пророчество оказалось неверным: Джордже получил ранение уже в Первую мировую войну, после нее судьба его также не будет баловать. Но он переживет младшего брата почти на 40 лет и даже при коммунистическом режиме останется в Белграде в статусе пенсионера до своей смерти в 1972 г.

Вернемся к будущему королю Югославии. Он в это время уже играл довольно важную роль – командовал одной из армий Сербии. В его образе сочетались и будущий государственный деятель, и полководец. По словам И.П. Табурно, Александр Карагеоргиевич всегда находился на поле битвы, все лишения переносил вместе с армией, а жизнь его и его штаба не отличалась от жизни армии, поэтому «он стал вполне заслуженно одной из популярнейших личностей в Сербии»⁷⁴. Во время Второй балканской войны Е.И. Мартынов отмечал ту же близость королевича к армии, утверждал, что он даже раздавал значительную часть «своего

⁷² Силкин А.А. Король Югославии Александр Карагеоргиевич // До и после Версаля... С. 6.

⁷³ Немирович-Данченко Вас. И. Собр. соч. Т. XIV. С. 30.

⁷⁴ Табурно И.П. Указ. соч. С. 110.

очень скромного содержания» солдатам. Корреспондент «Утра России» подтверждал слова сотрудника «Нового времени» и относительно популярности престолонаследника «как в войсках, так и в народных массах»⁷⁵.

Но их обоих заслонял Никола Пашич – именно он был главным действующим лицом, по крайней мере, в восприятии русской печати. Разницу между Болгарией и Сербией в ключевых фигурах заметил и Л.Д. Троцкий. Он писал, что в Софии «политические зубоскалы» говорили о том, даст царь Фердинанд грекам Салоники или нет, а в Белграде все политические разговоры крутились вокруг Н. Пашича, который «всегда у всех и на уме, и на языке»⁷⁶.

Про Николу Пашича написано немало трудов, что и понятно, ведь, как справедливо выразился сербский историк Д. Станкович, «по тому, что он внес в исторический процесс, какой след оставил после себя, и сколь велик объем сохранившейся о нем информации, Никола Пашич больше подходит на общественную институцию, чем на отдельно взятое историческое явление»⁷⁷. Чтобы понять, как Н. Пашич сумел занять такое место в умах и разговорах сербов и русских журналистов, необходимо пунктирно указать на важнейшие вехи его жизненного пути.

Будущий вершитель судеб Сербии родился в 1844 г. в городе Заечаре, где и окончил полугимназию, после чего для завершения гимназического курса отправился в Крагуевац, отсюда – на технический факультет Великой школы в столице, а затем за государственный счет – в Высшую политехническую школу в Цюрихе. Там в общении с сербскими и русскими народниками выкристаллизовывались его политические взгляды, которые он и вернулся реализовать в 1873 г.

---

⁷⁵ Мартынов Е.И. Указ. соч. С. 26.

⁷⁶ Троцкий Л. Указ. соч. С. 67.

⁷⁷ Шемякин А.А. Никола Пашич: на стыке унитаристских и федалистских устремлений // До и после Версаля... С. 31.

Но после Тимоцкого восстания 1883 г. Н. Пашич был вынужден бежать и скитался по Болгарии, Румынии и России в течение шести лет. В 1888 г. в Сербии вновь произошли перемены, и год спустя лидер Радикальной партии сумел вернуться на родину, а в 1891 г. – занять пост премьер-министра. Но в 1899 г. он был вынужден предстать перед судом, после чего удалился из политики. Когда в 1903 г. на престол вернулась династия Карагеоргиевичей, то таких зигзагов линия судьбы Пашича уже не совершала. Он периодически то занимал пост главы правительства, то покидал его.

Накануне Балканских войн лидер радикалов вновь сел в привычное кресло. Причем, если верить корреспонденции Л.Д. Троцкого, в довольно «ориентальной» манере. Действующий премьер Марко Трифкович, принадлежавший к Радикальной партии, не желал уступать своего места, и тогда Н. Пашич опубликовал в партийной газете известие о поданной им отставке. «Трифкович прочитал, сперва изумился, затем понял и – подал в отставку»⁷⁸, а 68-летний патриарх сербской политики официально занял ответственный пост. Оно и понятно – впереди была борьба, где политический вес и русофильство Н. Пашича могли сыграть большую роль во внешней, а его авторитет – во внутренней политике.

Так и произошло. Как утверждал Вас. И. Немирович-Данченко, «все сплотилось вокруг этого государственного человека», все помнят лишь его славное прошлое и даже враги по достоинству оценивают, как он ранее боролся за интересы Сербии⁷⁹. С этим соглашался и Л.Д. Троцкий: «О его прозорливости и особенно о его хитрости сложились уже целые циклы легенд. Ненависть к нему постепенно притупилась даже в самых заклятых врагах его, какими долго были младорадикалы. Он всех приучил к себе, заставил понять и признать свою необходимость»⁸⁰.

⁷⁸ Троцкий Л. Указ. соч. С. 73.

⁷⁹ Немирович-Данченко Вас. И. Собр. соч. Т. XIV. С. 25.

⁸⁰ Троцкий Л. Указ. соч. С. 73.

В отличие от представителей королевского дома Н. Пашич довольно много общался с журналистами (которых, кстати, «и на дух не переносил»⁸¹), оставившими описание его облика. «Ко мне вышел зоркий и пристальный старик, слегка сгорбившийся под игом лет и неустанного труда. Большая белая борода. Сухая, нервная рука точно ощупывает вашу. Глаза – шарят в душе: чего вы стоите и как с вами считаться», – рассказывал Вас. И. Немирович-Данченко. При этом, по свидетельству писателя, когда сербский премьер вспоминал Россию, «и без того молодые глаза этого старца разгорались». Но в отношении политики Петербурга проглядывало несколько иное: «Чувствовалась внутренняя обида в его вздрагивавшем и прерывавшемся от волнения голосе», когда он заговорил о совместном заявлении австрийского и русского посланников с требованием остановить подготовку к войне⁸². Сербского премьера знал еще по Петербургу Н.И. Гасфельд, в Белграде они снова встретились. «Сербский премьер узнал меня, и на его красивом лице, окаймленном большой белой бородой, появилась добрая, приветливая улыбка»⁸³, – вспоминал корреспондент.

Н.И. Гасфельд характеризовал Пашича как «одного из умнейших и наиболее честных государственных деятелей», «смелого борца, воспитанного на русских заветах»⁸⁴. Но, по словам Л.Д. Троцкого, лидер Радикальной партии был лишен таланта и общего теоретического образования, хотя и являлся самым

---

⁸¹ *Шемякин А.А.* Л.Д. Троцкий о Сербии и сербах (военные впечатления 1912–1913 гг.) // *Историки-слависты МГУ. Кн. 9: В.А. Тесемников: Исследования и материалы, посвященные 75-летию со дня рождения В.А. Тесемникова* / отв. ред. Г.Ф. Матвеев, В.С. Путятин. М., 2013. С. 55.

⁸² *Немирович-Данченко Вас. И.* Собр. соч. Т. XIV. С. 26–28.

⁸³ *Шевалье Н.* Правда о войне на Балканах. СПб., 1913. С. 48.

⁸⁴ Там же. С. 99.

дальновидным политиком⁸⁵. Здесь стоит учитывать политические взгляды корреспондента «Киевской мысли», оказывавшие влияние на его публичные оценки. Видимо, он видел в Н. Пашиче конкурирующую политическую идею и старался его очернить, подобно тому как «забыл» упомянуть существование в Болгарии влиятельного Земледельческого союза.

* * *

В русской прессе, когда речь заходила о политике Болгарии, говорилось о Фердинанде, в случае с Сербией – о Н. Пашиче или скупщине. Тем не менее официально обе страны имели схожее государственное устройство. В чем же причина такой разницы между положением института монархии у столь близких и соседних стран?

При поверхностном взгляде у сербского Петра были преимущества: монархия существовала на 70 лет больше, чем в Болгарии, он представлял автохтонную династию, чей основатель являлся легендой борьбы сербов за независимость.

В этой связи можно здесь указать на замеченные Л.Д. Троцким факторы, которые должны были «основательно подкопать монархические чувства» в Сербии: борьбу двух династий, постоянные придворные интриги, бесславное правление отца короля Петра, затем еще менее любимая народом эпоха двух последних Обреновичей⁸⁶. К тому необходимо добавить и то, что действующего монарха в 1903 г. на престол возвели заговорщики. В общем, в Сербии, по словам российского историка А.А. Шемякина, наблюдался перманентный кризис монархизма⁸⁷.

Однако и Болгария имела за своими плечами схожий опыт: изначальное третирирование и неуважение к князю со

---

⁸⁵ Троцкий Л. Указ. соч. С. 55.

⁸⁶ Там же. С. 71.

⁸⁷ Шемякин А.А. Народ и власть в независимой Сербии // Двести лет сербской государственности / отв. ред. В.К. Волков. СПб., 2005. С. 176.

стороны либералов, свержение правителя, потом его возвращение, затем отказ вновь вернуться на трон, непростые поиски преемника. А обретенный помазанник подтвердил свое прозвище «Лисица», искусно плетя интриги ради укрепления собственной власти. Как заметила отечественный исследователь Р.П. Гришина, не прибавляли авторитета власти монарха и отмена статьи Конституции о конфессии престолонаследника с последующим ее восстановлением, отлучение от католической церкви в наказание за крещение сына по православному обряду. Если К. Стоилов сокрушался о том, что нет среди болгар священного трепета перед властью первого князя, говоря о необходимости воспитания этого чувства, «то деяния Фердинанда с этой точки зрения оказывали только обратное действие»⁸⁸.

Наиболее простым объяснением кажется субъективный фактор – характеры правителей.

Е.И. Мартынов утверждал, что сербский монарх являлся убежденным демократом и настолько щепетильно соблюдал конституцию, что иногда даже делал это избыточно, «не исчерпывая предоставленной ему законом власти»⁸⁹. Менее идиллические причины такому поведению видел А.Д. Троцкий. По его мнению, правящая особа обладала честолюбивыми замыслами, жестоким характером, в качестве претендента на престол он был неутомим и неразборчив в преследовании своей цели, однако знал о трагической участи шести предшественников, и, возможно, в силу возраста, Петр «оказался безличностью» и вынужденно превратился в покорное орудие старорадикальной партии⁹⁰. Играл свою

---

⁸⁸ Гришина Р.П. Конституционная монархия в Болгарии и ее подданные // Человек на Балканах.... С. 143; Она же. Лики модернизации в Болгарии в конце XIX – начале XX века (бег трусцой по пересеченной местности). М., 2008. С. 144.

⁸⁹ Мартынов Е.И. Указ. соч. С. 25.

⁹⁰ Троцкий А. Указ. соч. С. 81–82.

роль и характер правления Н. Пашича. Посланник России в Белграде в годы Первой мировой войны Г.Н. Трубецкой считал, что лидер радикалов правил, как сельский староста, и именно такой тип харизматического лидера подходил Сербии⁹¹. Но это опять-таки не дает нам полного объяснения, поскольку Фердинанд Кобург не обладал какой-либо заметной харизмой. Сколь бы ни была велика роль личности в истории, далеко не всегда субъективные факторы могут исчерпывающе объяснить политические процессы.

В данном случае нужно обратить внимание на построения Л.Д. Троцкого. В Сербии короли сменяли друг друга «с вошедшей в привычку катастрофичностью», поэтому власть сосредоточилась в руках партии, «которая опрокинула двух королей и создала третьего». В Болгарии же политические партии заменяли друг друга «точно в волшебном фонаре», а царь явился единственным устойчивым элементом, сосредоточившим в своих руках все нити правления⁹². В силу этого и все достижения как в мирной, так и в военной сферах казались детищем рук фердинандовых. И недаром, согласно сообщениям русских корреспондентов, митрополит Старой Загоры Мефодий, обращаясь к царю, пророчествовал, что того нарекут «Царем-Освободителем и с Божьей милостью – Императором Великой Целокупной Болгарии»⁹³. Хотя отношения монарха и церкви до 1912 г. сложно назвать простыми⁹⁴. Вскоре все вернулось на круги своя – ответственность за мрачные страницы истории страны также ложилась на плечи монарха. Поражение в войне и занятую антирусскую позицию церковь не простила. После Балканских войн болгарский экзарх Иосиф обратился

⁹¹ *Шемякин А.А.* Сербское общество последней трети XIX – начала XX века глазами русских наблюдателей // *Славяноведение*. 2004. № 3. С. 28.

⁹² *Троцкий Л.* Указ. соч. С. 82–83.

⁹³ *Мамонтов Н.П.* Указ. соч. С. 57.

⁹⁴ *Гришина Р.П.* Конституционная монархия... С. 144; *Она же.* Лики модернизации... С. 145.

к царю: «Если Вы любите Болгарию, если Вы дорожите династией, Вы должны отречься от престола»⁹⁵. Умер иерарх в судьбоносный момент – летом 1915 г. – со словами: «Болгарский престол занят иностранцем. Он покинет несчастную Болгарию после того, как опозорит и погубит болгарские чаяния и идеалы... Храните Болгарию, которая находится на страшном распутии»⁹⁶. Отсутствие сакральности власти покажет 1918 год, когда Фердинанд будет вынужден отречься в пользу сына⁹⁷.

Но все же отношение к власти монарха в Болгарии и Сербии было разным. В последней правила местная династия, к тому же вернувшая трон благодаря заговорщикам, что приводило к оценке правителя как первого среди равных. А в Болгарии на престоле находился иностранец, человек, приглашенный «извне», изначально уже не такой, как все. Вдобавок Фердинанд Кобург принадлежал к одному из знатнейших родов Европы. Пусть его аристократические замашки поначалу у болгар вызывали усмешку⁹⁸, но они лишь подчеркивали инаковость монарха.

---

⁹⁵ Косик В.И. Балканы: «Порвалась цепь великая...» (середина XIX – начало XXI в.) М., 2014. С. 31.

⁹⁶ Там же.

⁹⁷ Что интересно, после Болгария практически вступила на путь нестабильности власти, характерный для Сербии XIX в.: режим Стамболийского и кровавая расправа над ним, создание тайных офицерских организаций, взрыв в церкви Св. Неделя, личный режим царя Бориса. Казалось бы, прекрасный аргумент в пользу вульгарного понимания цивилизационной теории. Но здесь причины покоились в двух «национальных катастрофах». Поступательное развитие страны было прервано начатыми в 1912 г. неудачными попытками решения внешнеполитических задач. Значительные силы были отвлечены от внутреннего развития, а провал в решении македонской проблемы привел и к внутренней дестабилизации.

⁹⁸ Гусев Н.С. Демократия и демократические ценности в Болгарии рубежа XIX–XX вв. глазами русских наблюдателей // *Axiologický*

Но отнюдь не происхождение позволяло болгарскому царю добиваться желаемого. Он использовал следующую комбинацию, верно описанную Л.Д. Троцким. Фердинанд определял необходимую, на его взгляд, в этот момент политическую группу, которая затем в результате выборов получала численный перевес в Народном Собрании, поддерживающий действующее министерство⁹⁹. Не парламентское большинство определяло кабинет министров, а кабинет министров – парламентское большинство. В Сербии же такая схема была невозможна – до 1913 г. доминировала партия Н. Пашича, а весь политический спектр, как заметила сербский историк О. Попович-Обрадович, фактически сводился к «делению на радикалов и антирадикалов»¹⁰⁰. Впрочем, болгарская политическая система функционировала в разы дольше. «Сербский парламентаризм существовал слишком мало, чтобы его основные политические институты четко вырисовались»¹⁰¹, – заключила та же О. Попович-Обрадович.

Здесь мы подходим к следующей сложной проблеме – политическому устройству Болгарии и Сербии.

* * *

Российским журналистам Болгария и Сербия казались странами демократическими¹⁰². Им и хотелось видеть эти го-

---

výskum slovanských jazykov / Axiological Investigation into the Slavic Languages / eds. И.А. Седакова, Р. Žeňuch, М. Китанова. Bratislava; М., 2019. С. 184.

⁹⁹ Троцкий Л. Указ. соч. С. 35.

¹⁰⁰ Поповић-Обрадовић О. Парламентаризам у Србији. Београд, 2008. С. 428.

¹⁰¹ Там же. С. 431.

¹⁰² Также см. о взгляде русских очевидцев на сербскую политическую систему: Шемякин А.А. Политическая культура в независимой Сербии // Человек на Балканах...; Он же. Особенности политического процесса в Сербии глазами русских (последняя треть

сударства такими. Вас. И. Немирович-Данченко громко заявлял: «Болгария – конституционное государство, где все равны перед законом»¹⁰³. Е.И. Мартынов писал о Сербии: «Сербия – страна строго демократическая: в ней нет сословий, а имеются лишь равноправные сербские граждане»¹⁰⁴. М.М. Ковалевский писал, что черногорское, сербское и болгарское общества были столь демократичны, что «при устройстве их начал конституционной монархии не нашлось элементов для образования верхней палаты». Эти «конституционные монархии» сформировались как «народные движения» – все происходило за счет «механизмов самоорганизации, народных собраний и народных вождей»¹⁰⁵.

М.М. Ковалевский не замечал в собственном утверждении антитезы, противопоставлявшей конституционную монархию и внеконституционные факторы политики. Многие его современники следовали тому же институциональному подходу. В обоих государствах наличествовал парламент, цензура не существовала. Последнее поражало Е.Н. Чирикова: «Должен, однако, заметить, что говорят здесь в публичных местах поразительно свободно!» На его вопрос о наличии охранного отделения он услышал смех и разъяснение, что за определенные высказывания у болгар лишь небольшой штраф по суду. «Рассказывают такие анекдоты, что я пугливо

ХІХ – начало ХХ века) // Славяноведение. 2010. № 5; *Он же*. Специфика политического процесса в независимой Сербии (1878–1918): между «национальным идеалом» и «гражданским обществом» // Особенности «новой» южнославянской государственности: Болгария, Сербия, Черногория, Королевство СХС в 1878–1921 гг. / отв. ред. А.А. Шемякин. М., 2016.

¹⁰³ *Немирович-Данченко Вас. И.* Собр. соч. Т. XIV. С. 41.

¹⁰⁴ *Мартынов Е.И.* Указ. соч. С. 19.

¹⁰⁵ *Савин С.Д.* Максим Ковалевский о Балканском вопросе накануне Первой мировой войны // Вестник СПбГУ. История. 2016. Вып. 4. С. 191.

озируюсь по сторонам и все жду, что вот-вот сейчас подскочит господин средних лет и скажет: – Пожалуйста!»¹⁰⁶ Но в то же время писатель сам рассказал, что одну из его пьес не поставили в театре, поскольку, как ему разъяснили: «Наша внутренняя политика всецело определяется внешней, и дирекция театра бывает иногда чрезмерно осторожной и дипломатичной». И тут он сам заметил разницу написанного на бумаге и реального исполнения законов: «Конституция прекрасна, но... директор дипломат...»¹⁰⁷

Другой факт, удивлявший этого корреспондента, – доступность представителей власти. Его ожидание разрешения властей на поездку на фронт затягивалось. Тогда ему посоветовали позвонить болгарскому премьеру И. Гешову. Писатель крайне удивился, представив, чтобы в России кто-то решил вызвать к аппарату В.Н. Коковцова. На это он услышал ответ: «У нас страна – демократическая»¹⁰⁸. Но вряд ли стоит считать это атрибутом демократии. Скорее, речь должна идти о другом. Ст. Вольский писал относительно сербов, но данное утверждение можно экстраполировать и на Болгарию: «Личность не успела еще выделиться из коллектива, экономическое развитие не успело еще вскрыть психологической пропасти между управляющими и управляемыми»¹⁰⁹. И действительно, болгары и сербы в XIX в. строили свои государства, имея неполную социальную структуру. Это давало право М.М. Ковалевскому в 1913 г. указывать в качестве основы демократичности балканских государств отсутствие аристократии и считать политическую систему указанных стран режимом национальных движений¹¹⁰.

¹⁰⁶ *Чириков Е.Н.* Поездка на Балканы. Заметки военного корреспондента. М., 1913. С. 53–54.

¹⁰⁷ Там же. С. 43.

¹⁰⁸ Там же. С. 41.

¹⁰⁹ *Вольский Ст.* Письма с Балкан // Русские о Сербии и сербах. Т. 1: Письма, статьи, мемуары / сост. А.А. Шемякин. СПб., 2006. С. 538.

¹¹⁰ *Савин С.Д.* Указ. изд. С. 191–192.

В Сербии корреспонденты отмечали крайне высокий интерес к политике. «Нужно сказать, что сербы вообще чрезвычайно увлекаются политикой, они со страстью читают газеты, и любимый разговор их – на политические темы», – считал Е.И. Мартынов. Он соглашался, что это порождало в стране политиканство и борьбу партий, но это увлечение, на его взгляд, «развивает в широких народных массах сознательное отношение к государственным делам»¹¹¹. С меньшей симпатией к этой черте сербов относился Н.И. Гасфельд: «Ни в одной стране вы не найдете столько политических партий, как в Сербии: собралось в кофейной несколько человек, поболтали вдоволь – и готова партия, открывшая враждебные действия против другой, к которой новорожденные вожаки еще вчера принадлежали»¹¹². На деле все усложнялось непримиримостью политических противников. Их борьба друг с другом могла доходить до привлечения на свою сторону внеконституционного фактора – военных. В итоге, как отметила сербский исследователь О. Попович-Обрадович, в стремлении к власти стороны были не способны разглядеть границу, за которой политическая борьба превращалась в борьбу за разрушение самих демократических институтов¹¹³. При этом, по мнению Л.Д. Троцкого, партии не отражали внутренних «классовых интересов», а группировались по признаку русофильства и австрофильства¹¹⁴. Но это утверждение представляется архаичным для 1912 г., поскольку после Боснийского кризиса 1908 г. публичное заявление о своей ориентации на Вену граничило с политическим самоубийством. Речь могла идти лишь о том, что ставить во главу угла – мирное развитие или курс на вооруженное присоединение соплеменников. А о возможности

---

¹¹¹ Мартынов Е.И. Указ. соч. С. 22–23.

¹¹² Шевалье Н. Указ. соч. С. 98.

¹¹³ Поповић-Обрадовић О. Указ. соч. С. 438.

¹¹⁴ Троцкий Л. Указ. соч. С. 52.

создания партий различных классов в Сербии говорить еще сложнее; в этом случае марксистская доктрина заслоняла для Л.Д. Троцкого реальную картину.

По какой-то причине во время Балканских войн журналисты не зафиксировали подобного интереса к политике в Болгарии, хотя в первое десятилетие XX в. русские очевидцы отмечали, что «партийность повсюду в Болгарии»¹¹⁵ и «нет уголка в целой Болгарии, где бы спокойно, без ссор, доходящих до преступлений, говорили о политических вопросах своего отечества»¹¹⁶. В. Водовозов считал Болгарию «наиболее демократическим и наиболее культурным государством Балканского полуострова», даже «в худшие времена стамбуловского деспотизма» бывшим «демократическим и мужицким»¹¹⁷. Не соглашался с ним Л.Д. Троцкий, считавший болгарскую демократию более примитивной, нежели сербская¹¹⁸. По поводу ее сути он писал: «“Партия” политически безразличных и безличных здесь, по вполне понятным причинам, очень многочисленна и своими голосами определяет исход выборов. А незачем пояснять, что эта “партия” всегда склонна поддерживать власть». В том, что множество раз разочарованные в своем выборе граждане голосовали за уже находящуюся благодаря царю в правительстве партию (ведь она хоть может исполнить обещания), он и видел основу политической системы Болгарии»¹¹⁹. Отметим, что оказавшаяся у власти партия могла обеспечить проведение избирательной кампании нужным образом, позволяя своим сторонникам третировать

---

¹¹⁵ *Тагеев Б.А.* Из македонских воспоминаний русского добровольца // *Русский вестник*. 1904. № 5. С. 168.

¹¹⁶ Письма крестьян. Сборник второй. Пг., 1914. С. 6–7.

¹¹⁷ *Водовозов В.* Указ. изд. С. 319, 322. Отметим соседство характеристик «мужицкий» и «демократический» – автор явно отождествляет демократию с равенством.

¹¹⁸ Там же. С. 80.

¹¹⁹ *Троцкий Л.* Указ. соч. С. 38.

оппонентов, а также используя «деликатное внушение солдатских ружей, на которых блестили примкнутые штыки»¹²⁰, как выразился болгарский историк И. Илчев.

Однако Л.Д. Троцкий чаще своих коллег использовал мрачные тона, изображая болгарское и сербское государства. Остальные корреспонденты почти не задавались вопросом о сути политических процессов. Они смотрели на другие стороны жизни балканских народов и не могли скрыть своего восхищения. Квинтэссенцией этих взглядов служит тост, произнесенный Вас. И. Немировичем-Данченко на торжественном обеде перед отъездом из Болгарии. Он предложил поднять бокалы «за демократическую Болгарию, великую работницу будущего, сотрудицу в общемировом движении к вечным созвездиям человечества – свободе, красоте, знанию». «За Болгарию ума, знания, прогресса, работы и за выразительницу этих заветов, независимую болгарскую печать», – провозгласил он¹²¹. С подобным восхищением говорил В.М. Бехтерев в Обществе славянского научного единения, сравнивая с Болгарией до 1877 г.: «Это в полном смысле слова цветущая и цивилизованная страна, у которой не стыдно поучиться и старшим братьям, ее освободившим. Достаточно сказать, что страна, пространством и населением не превышающая одну нашу губернию, имеет благоустроенную, хотя и небольшую столицу, свой университет, свою Академию Наук, великолепные музеи, величественные монументы, превосходно поставленное в стране земледелие, начавшееся развитие обрабатывающей промышленности, целую сеть своих железных путей, благоустроенные порты и, что важнее всего прочего, 7-милетнее всеобщее обязательное обучение»¹²².

¹²⁰ Илчев И. Междено време. София, 2005. С. 279.

¹²¹ Немирович-Данченко Вас. И. Собр. соч. Т. XV. С. 269.

¹²² Бехтерев В.М. Значение единения родственных народов в общечеловеческой культуре и современные вопросы славянства // Славянский вопрос в его современном значении. СПб., 1913. С. 17.

Возможно, подобные построения проистекали из сравнения с русскими реалиями и с тем, чем являлись Болгария и Сербия в недалеком прошлом. Разительный контраст, представший перед глазами очевидцев, общая атмосфера побед лишь усиливали впечатление от достижений молодых балканских государств, формируя стереотипное представление о полноправном вхождении недавно еще угнетенных народов в семью цивилизованных стран. А, по мнению исследователей, когда мы имеем четкую картину реальности, то «обращаем внимание на те факты, которые поддерживают ее, и не замечаем факты, которые ей противоречат»¹²³, и в итоге люди «видят не то, что есть, а то, что могут или хотят увидеть»¹²⁴.

Так какими же изображались Болгария и Сербия во время Балканских войн?

ГОРОД КАК ЗЕРКАЛО ГОСУДАРСТВА

Многие корреспонденты отправлялись на Балканы по маршруту, предполагавшему сначала посещение Белграда и лишь затем – Софии.

И по прибытии в Белград всех поражало несоответствие увиденного статусу столицы независимого европейского государства. Прежде всего корреспондентов удивляло отсутствие огней в ночном городе. «Почему же так мало огней? Столица – и так мало огней!»¹²⁵ – восклицал Е.Н. Чириков. Он прибыл в темное время суток, и город ему казался словно вымершим: «Только несколько подслеповатых огоньков мигают по горе

¹²³ Липпман У. Общественное мнение / пер. с англ. М., 2004. С. 128.

¹²⁴ Россия и Запад. Формирование внешнеполитических стереотипов в сознании российского общества первой половины XX века. М., 1998. С. 3.

¹²⁵ Чириков Е.Н. Указ. соч. С. 18.

и на другой стороне площади»¹²⁶. Но и днем картина мало менялась. Е.И. Мартынов описывал бедность горожан: «В городе почти не встречается собственных экипажей. Все одеваются очень просто. Дорогих дамских костюмов совсем не видно, и даже на улице князя Михаила, куда по вечерам выходит на прогулку “весь Белград”, толпа имеет серый вид»¹²⁷.

В Белграде журналисты видели что-то знакомое. Е.И. Мартынову сербская столица казалась похожей на «губернский город средней руки», где «лишь две хорошие, составляющие одна продолжение другой» улицы¹²⁸, за два с половиной года до этого Л.Д. Троцкому – на «русский средней руки губернский город», только с конаком вместо губернаторского дома. К 1912 г., по его мнению, город «вырос, почистился и похорошел». Появились новые дома и магазины, торцовая мостовая на главной улице¹²⁹. Так выглядела лишь небольшая часть Белграда. Корреспонденты отмечали, что на «главной артерии города» – беспролазная грязь. Начались работы по укладке новой мостовой, но война прервала эти планы, средства решили потратить на военные нужды, однако успели снять часть трамвайных рельсов и разрыть мостовую. В итоге «улица так и осталась исковерканной, только что подготовленной под асфальт, как взбороненная нива – под жатву»¹³⁰. И в результате «подъезжая к лучшему в городе отелю “Москва”, экипаж по ступицы погружается в лужу»¹³¹. Е.Н. Чириков видел в этом родные черты: «Грязища, как в Лаишеве! Переходим площадь, ноги тонут по щиколотку в жидкости, под которой нога чувствует потопленный камень, а я доволен: словно приехал в какие-то родные

---

¹²⁶ Там же. С. 19–20.

¹²⁷ Мартынов Е.И. Указ. соч. С. 22.

¹²⁸ Там же. С. 7–8.

¹²⁹ Троцкий Л. Указ. соч. С. 46.

¹³⁰ Немирович-Данченко Вас. И. Собр. соч. Т. XIV. С. 16–17.

¹³¹ Троцкий Л. Указ. соч. С. 47.

палестины! Если правда, что нам бывает приятен дым отечества, то почему не почувствовать удовольствия от напоминающей отечество грязи?»¹³²

Описания других сербских городов не встречаются. Журналисты в них не задерживались. Только Ниш они проезжали, да оставили свои впечатления от железнодорожной станции, полной солдат, да буфета, где ничего нельзя было купить. Лишь Н.И. Гасфельд был пространнее: «Маленький городок с его беленькими одноэтажными домиками, уютными садиками давно уже потерял печать еще сравнительно недавнего владычества в нем турок»¹³³. Но, судя по воспоминаниям дипломата Г.Н. Трубецкого, посетившего Ниш в сложном для Сербии 1914 году, улицы этого города по царящей на них грязи вполне соответствовали столичным¹³⁴.

Заметно отличалась от Белграда София. Как отмечал Л.Д. Троцкий, «контраст между захолустным, невымощенным, грязным Белградом и чистой на немецкий лад, с высокими зданиями Софией – разителен»¹³⁵. И перефразировав его же, можно сказать, что железнодорожная лента тянулась преимущественно в восточном направлении, но относительно городской культуры корреспонденты двигались на запад. Вас. И. Немирович-Данченко восхищался тем, что «недавняя чуть ли не деревня турецкая», теперь его встречала «развернувшись чудесными домами, прекрасными улицами и памятниками, с сказочно быстротой вырастающая столица молодого королевства!»¹³⁶. Е.Н. Чириков наслаждался видом «желтой мостовой из ровных каменных плиток, домов

¹³² Чириков Е.Н. Указ. соч. С. 19–20.

¹³³ Шевалье Н. Указ. соч. С. 37.

¹³⁴ Писарев Ю.А. Тайны Первой мировой войны. Россия и Сербия в 1914–1915 гг. М., 1990. С. 125.

¹³⁵ Троцкий Л. Указ. соч. С. 104.

¹³⁶ Немирович-Данченко Вас. И. Собр. соч. Т. XIV. С. 39.

преимущественного желтого цвета»¹³⁷. Но за этим фасадом крылись и совершенно «азиатские» окраины. Будущий советский нарком заметил, что София «от вокзала до дворца и парламента» представляет собой европейский город: «Отличные чистые мостовые, высокие дома, электричество, трамвай, корсо, элегантные наряды, дамские шляпы больших размеров, чем в Париже». Но существовали «махалы» – рассадники зловония и болезней, прибежища ужасающей бедноты. Таким увидел квартал Юч-Бунар¹³⁸, где находилось еврейское гетто, Л.Д. Троцкий¹³⁹. Хотя, как уже указывалось, не все было так мрачно в этом районе, он все же представлял из себя малопривлекательное зрелище. Но далеко не все корреспонденты посещали окраины, заглядывали за блистательный фасад городов¹⁴⁰.

Болгарские города статусом пониже также представлялись журналистам довольно симпатичными. Н.П. Мамонтов рассказал о «живописной столице Восточной Румелии, раскинувшей в зелени садов свои правильно планированные улицы»¹⁴¹ – Пловдиве, втором по населению городе Болгарии. Им же любовался Е.Н. Чириков, называя, как и Н.П. Мамонтов, античным именем Филиппополь. Писателю он казался «оригинальнее и приятнее Софии». Издалека виделась «сказка, а не город»: «Чистый каменный путь, широкие и веселые улицы с большими двухэтажными и трехэтажными домами, тип построек – немецкий». Но вблизи пестрая толпа, «смесь европейского с азиатским», делала город оживленным и шумным, очарование

---

¹³⁷ Чириков Е.Н. Указ. соч. С. 54.

¹³⁸ Район современных улиц Опълченска, Пиротска.

¹³⁹ Троцкий Л. Указ. соч. С. 158.

¹⁴⁰ Эта черта проявляется и в других русских описаниях Софии конца XIX – начала XX в. (Гусев Н.С. Русские очевидцы рубежа XIX–XX вв. о европеизации и развитии Софии // Славянский мир в третьем тысячелетии. 2019. № 3–4).

¹⁴¹ Мамонтов Н.П. Указ. соч. С. 169.

сказки спадало – «издали было лучше». Город казался новым, но при этом оставались рудименты прошлой эпохи – несколько мечетей, одна из которых перестроена из старой болгарской церкви, несколько развалившихся турецких домов, турецкая баня и приютившаяся на отвесной скале маленькая церковь. В то же время здесь, как и в Софии, окраина разительно отличалась от центра: «За мостом через Марицу – большая старая слобода, где еще пахнет Турцией: много мечетей и грязи, а домики прячутся во дворах». И это смешение старого и нового, Европы и Азии приводило к дивной картине: «Парные экипажи, буйволы, ослики, трамвай, черномазые чистильщики сапог, готовые оторвать вам ноги, европейское платье и отрепье цыган, красочные нищие, которых хочется снять кодаком в то время, как они гнусаво клянутся, причитая что-то привычное, заученное»¹⁴².

Н.П. Мамонтов посетил Старую Загору, где тогда находился штаб всей армии. Он отметил, что молодой город быстро растет, правильно устроены и функционируют телефон, канализация, водопровод. При этом все же «чистенький, прекрасно распланированный город» сохранял следы своей истории: «Острая игла белого минарета “джамии” теряется в соседстве с золотыми куполами новых храмов, старая баня “хаммам” неуклюже выперла на середину новой, отлично мощенной улицы и с недоумением смотрит подслеповатыми старушечьими глазами своих тусклых окошек на кипящую вокруг нее новую жизнь»¹⁴³. И одновременно гостиницы в этом городе «поражали своей убогостью и неряшливостью»¹⁴⁴. Вас. И. Немирович-Данченко считал, что Старая Загора делается европейским городом: строятся большие дома, театр, достойный крупного русского университетского города, создаются просторные школы; «и рядом – старая, милая идиллия поэтического Востока»: кафе, где сидят,

¹⁴² Чириков Е.Н. Указ. соч. С. 136–137.

¹⁴³ Мамонтов Н.П. Указ. соч. С. 51.

¹⁴⁴ Там же. С. 48.

поджав ноги, турки, жарят «кебап» на углях, возвышаются купола турецкой бани¹⁴⁵.

В маленьких болгарских городах по-прежнему царила «турция». В Русе (автор называл его на русский манер Рушук), по словам Н.И. Гасфельда, царило запустение, в окнах домов было темно, а улицы тускло освещались керосиновыми фонарями¹⁴⁶. Н.П. Мамонтов описывал, как в Свиштове «по грязной, скользкой глине поплелись мы в примитивную гостиницу»¹⁴⁷. В Ямболе на бульваре ходили свиньи, овцы, было полно рытвин. «А тут же на стене большое объявление: “Рентгенов институт «Хаджи Господин Славов». Имам машина с която с виждат вътрешности на човешкото тело, както: бъбреците и др.”¹⁴⁸. Какой контраст!»¹⁴⁹, – восклицал А.А. Пиленко. Естественно, не успели произойти изменения и в только что присоединенных городах. Мустафупашу (ныне – Свиленград) корреспондент называл Венецией из грязи и выразил свое впечатление от этого городка при помощи понятных читателю аналогий: «Если бы в крымском Бахчисарае случилось наводнение из грязи, то вышел бы Мустафа-паша!..»¹⁵⁰

Разница между сербской столицей и болгарскими крупными городами оказалась впечатляющей. Роднило их, пожалуй, только несколько черт. Во-первых, раннее прекращение уличной жизни. В Софии она замирала в 11 часов, что Е.Н. Чирикова разочаровывало, поскольку он не привык так рано ложиться, ведь «теперь в Петербурге только

---

¹⁴⁵ *Немирович-Данченко Вас. И.* Собр. соч. Т. XIV. С. 51.

¹⁴⁶ *Шевалье Н.* Указ. соч. С. 22.

¹⁴⁷ *Мамонтов Н.П.* Указ. соч. С. 23.

¹⁴⁸ «Есть машина, при помощи которой видно внутренности человеческого тела, как-то: почки и др.» (*болг.*).

¹⁴⁹ *Пиленко А.А.* Около Болгарской войны. Дневник и сорок девять любительских фотографий. СПб., 1913. С. 22.

¹⁵⁰ *Чириков Е.Н.* Указ. соч. С. 130–131.

“начинается”!»¹⁵¹. Но и это объяснялось военным временем – ночью запрещалось выходить на улицы, которые патрулировали солдаты. Во-вторых, запустение, вызванное войной, оживляемое мальчишками, бойко продававшими газеты с последними известиями с фронта¹⁵².

В то же время в Болгарии города казались молодыми, что говорило о наступлении кардинальных перемен уже после обретения независимости. Население Софии за 1880–1910 гг. увеличилось в пять раз¹⁵³, что неизбежно вело к строительному буму. Это, в свою очередь, и приводило к сочетанию даже в городских пейзажах нового, европейского и старого, турецкого¹⁵⁴. В Бухаресте таковой приход «Европы» в Азию и вовсе казался искусственным. «Против скромного на вид королевского палаццо лежали неубранные кучи мусора и щебня; жалкие клячи волокли, надрываясь, тяжелые и переполненные донельзя коночные вагоны; только несколько зданий на улице Виктории да памятник Братиано напоминали европейские города», – описывал «Новый Париж» Н.П. Мамонтов. В результате румынская столица ему

---

¹⁵¹ Там же. С. 37.

¹⁵² Мамонтов Н.П. Указ. соч. С. 26; Троцкий Л. Указ. соч. С. 47; Чириков Е.Н. Указ. соч. С. 33.

¹⁵³ Велинова З., Начев И. София и балканската модерност. София, 2016. С. 60.

¹⁵⁴ Австро-венгерский экономический эксперт-корреспондент в Болгарии Ш. Киш-Немешкейри во время Балканских войн запомнил Софию такой: «Сам город был почти наполовину сегодняшний, во многих отношениях только большое село. Но главные улицы и тогда были спланированы широкими и прямыми – план большого города, обещающего стать очень красивым. Единственно маленькие дома и кривые тесные улочки окраинного квартала, названного Юч-Бунар (“Три колодца”), создавали впечатление чего-то турецкого или цыганского» (Пейковска П. Спомени на унгарския дипломат Шандор Киш-Немешкейри за България и българите // Известия на държавни архиви. 1993. Кн. 66. С. 259).

казалась «несравненно ниже» многих русских губернских городов, не говоря уже о Киеве и Одессе¹⁵⁵.

Но почему же Белград, хотя и намного ранее приобрел столичный статус, тем не менее, не стал образцовым европейским городом? Сербь попросту не ставили этот вопрос во главу угла. Постоянное ожидание войны с северной соседкой, на границе с которой и расположен Белград, приводило к ощущению, что его обустройство окажется пустой тратой средств¹⁵⁶. Как справедливо отмечает А.Л. Шемякин, в Сербии в то время «вместо естественного поступательного развития – всплески отчаянного напряжения и относительно мирные паузы, заполненные не “органичной работой”,

¹⁵⁵ Мамонтов Н.П. Указ. соч. С. 16.

¹⁵⁶ Это точно подметил посетивший Белград в 1910 г. Д.Н. Вергун: «Странная участь славянских столиц на Балканах. Белград – это точно жених, ожидающий наследия американского дядюшки; София – невеста, хлопчущая о приданом. В Софии везде следы строительной горячки. По улицам кучи мусора, цемента, кирпича, камня, черепицы. На торчащих балках и стропилах кучи плотников и каменщиков. Совсем разрытый муравейник или пчелиный рой. Не то в Белграде. Какая-то лень, сонливость и беспечность на неумолимом солнцепеке. Говорят, город этот сделал теперь заем в 60 миллионов для приведения себя в культурный вид. Но работа что-то не спорится. Да и неудивительно: какое возможно переустройство, когда с другого берега Дуная, из Землинской гавани неумолимыми соглядатаями торчат с шести австро-венгерских мониторов медные жерла крупновских орудий. Косится на них старый Калимегдан, оскалив на них свои медные зубы... Да в такой обстановке, естественно, не только Белград, а даже Париж развиваться не может. И покуда не решится так или иначе сербский вопрос, Белграду не догнать прихорашивающейся невесты Софии» (Москва–Сербия, Белград–Россия: Сб. документов и материалов. Т. 3. Общественно-политические и культурные связи. 1878–1917 / авт.-сост. А.Л. Шемякин, М. Перишић [и др.]. М.; Београд, 2012. С. 120).

а ожиданием того, ради чего сербские дети и воспитывались отнюдь не в добродетелях чешских “бюргеров”, с их “малыми делами” и пианино в каждом втором доме»¹⁵⁷. И внешний вид Белграда – тому подтверждение.

Болгарии в этом плане было несравнимо легче – крупные города находились на некотором удалении от границ, столица располагалась ближе к Македонии, в то время как вероятное мощное наступление турки могли осуществить лишь со стороны Фракии. К тому же город должен был стать витриной всей Болгарии, наглядным доказательством прогресса и европеизации страны. Политик Н. Геннадиев с трибуны Народного Собрания громогласно вещал, рассказывая о преобразованиях в Болгарии, в том числе произнеся следующее: «Тридцать лет назад пастухи Софийской котловины собирались на рынок в грязном болотистом укреплении. На его месте возник город, который развивается со скоростью, не виданной на европейском материке, и который украшает наше отечество. Вот это и есть величие Болгарии!»¹⁵⁸ Вкусы же правителей определяли облик городов, строившихся на немецкий манер. Е.Н. Чириков отмечал: «Архитектуре здесь учатся в Германии, потому новый город похож на немецкий»¹⁵⁹. Интересно, по словам А.А. Амфитеатрова, объяснял разницу между

---

¹⁵⁷ *Шемякин А.А.* Сербия и сербы накануне Балканских войн глазами русских (к дискуссии о «современном» государстве) // Модернизация vs. война... С. 152.

¹⁵⁸ *Илчев И.* Указ. соч. С. 318.

¹⁵⁹ *Чириков Е.Н.* Указ. соч. С. 135. Аккуратность линий улиц и продуманное их расположение затем сыграли с Софией злую шутку. Во время Второй мировой войны американские и британские пилоты любили болгарскую столицу как цель налетов из-за ее компактности и легкой распознаваемости с воздуха днем и ночью (*Якимова И.* Битката за София. Как войната преобрази столичния град // Великите сили, Балканите и България през Втората световна война / съст. А. Гребенаров. София, 2016. С. 325).

столицами австрийский журналист Леопольд Мандль. Тот считал, что Сербия – «более славянская земля, чем Болгария», а славяне не любят городов. Поэтому Белград оказывался так неухожен, а София – обустроена¹⁶⁰. Но подобное объяснение нельзя считать достаточным, а сейчас даже воспринимать серьезез. Более важные и глубинные причины кроются в самих характерах народов и присущих их культурам ценностях.

НРАВЫ И ХАРАКТЕРЫ НАРОДОВ

Несмотря на близость географическую и этническую, наблюдателям народы казались довольно разными. Е.Н. Чириков, отправляясь на Балканы, признавался, что не знает болгар и сербов. Но в поезде моментально отличил славян от немцев: их речи и жесты были повышены, они не так аккуратны и «скучно-приличны». Часть из них напоминала «типы нашего студенчества конца восьмидесятых годов: вольного вида, в шляпах на затылок и с дерзостью во взоре... Даже сердце как-то екнуло». Первые свои суждения о разнице между болгарами и сербами он сформулировал на основе брошюрок ценой 30 копеек – «Русский в Сербии, Черногории и Герцеговине» и «Русский в Болгарии». На основании этих путеводителей он вынес вердикт: «Сербы – размашистее, очень похожи на русских и более восторженны»¹⁶¹. Уже познакомившись с болгарами, он восклицал: «Какие последовательные, рассудительные люди эти болгары! Мы, русские, в сравнении с ними, самые неисправимые романтики!»¹⁶² Соглашался с ним и Л.Д. Троцкий: «Болгары не сентиментальны, лишены лиризма и чувства театральности»¹⁶³. В другом месте он писал,

¹⁶⁰ Амфитеатров А. Славянское горе. М., 1912. С. 9.

¹⁶¹ Чириков Е.Н. Указ. соч. С. 14.

¹⁶² Там же. С. 102.

¹⁶³ Троцкий Л. Указ. соч. С. 157.

что в Болгарии все «до последней степени экономны, вернее – скупы». Поскольку страна крестьянская, буржуазия лишь накапливает капиталы, поэтому «нет никаких традиций роскоши и мотовства»¹⁶⁴. Даже в момент проявления патриотизма, благодарности к России не упускалась из виду личная выгода. А.А. Пиленко рассказывал об оказанном ему теплом приеме: «Все от чистого сердца... Денег не берут. Вернее: хозяин дома не берет и очень обижается, если предложишь. Но его жена после этого берет»¹⁶⁵.

Явно сложился и стереотип о сохранении болгарами патриархальности семейных нравов. В одном из госпиталей раненый болгарский кавалерист влюбился в ухаживавшую за ним сестру русского Красного Креста и предложил ей выйти замуж. Виктория, ученица балетной школы из Таганрога, ему ответила: «Я знаю, что вы, болгары, деспоты. Жена для вас только объект плотских удовольствий. У вас к ней одинаковое отношение с турками... Из-за увлечения тобой я должна проститься с самой священной моей мечтой – балетным искусством... Выйти замуж за тебя – значит рожать тебе детей, готовить, стирать, стать настоящей рабыней. Пфу! Какая отвратительная перспектива»¹⁶⁶. Это в немалой степени соответствовало действительности. Даже заставшие Болгарию в межвоенный период русские эмигранты вспоминали: «Женщина была женой, хозяйкой дома, растила детей, но то, что творилось вне дома, было ей недоступно»¹⁶⁷.

Такое понимание национальных характеров оказалось довольно расхожим. «Серб чисто-экспансивен, кипит, как шампанское. Ему нужна галерея. Внешний порыв, крик

¹⁶⁴ Там же. С. 263.

¹⁶⁵ Пиленко А.А. Указ. соч. С. 48.

¹⁶⁶ Карчев П. През прозореца на едно полустолетие (1900–1950). София, 2004. С. 315–317.

¹⁶⁷ Матвеева И.В. Из жизни русской эмиграции в Болгарии: отзывы воспоминаний // Славянский альманах. 2003. С. 493.

восторга, поза, – он и на смерть хочет идти красиво», – писал Вас. И. Немирович-Данченко. «Болгарин, – считал он, – весь ушел внутрь себя. Он молча растит энергию, копит ее для решительного удара. У него уста сомкнуты, но глаза сверкают мрачным огнем. В эти окна смотрит душа напряженная, жаждущая подвига. Это – до боли натянутая тетива, на которой еще неподвижная стрела»¹⁶⁸. Но на фоне греков, как казалось М.В. Сахарову, серб «более положителен, меланхоличен»¹⁶⁹. Он же оставил свой собирательный портрет сербов: «Серб большей частью среднего роста, брюнет, в усах, с бритым подбородком, сначала производит впечатление спокойного меланхолика, но легко воспламеняется и заражается настроением окружающих; склонен к пассивной покорности, терпелив к лишениям; несмотря на склонность к продолжительному отдыху, работоспособен, сметлив, настойчив; при склонности к некоторому преувеличению без лишних слов совершает геройские подвиги»¹⁷⁰. Склонность сербов к театральным жестам отмечал, как видим, и он, хотя Н.Г. Гартвиг говорил Е.И. Мартынову про их «удивительную скромность и отвращение к рекламе»¹⁷¹. Но об объективности посланника мы уже писали.

Характерной чертой болгар русским казалось миролюбие. В вышедшей в Ярославле уже в начале Первой мировой войны брошюре утверждалось: «С внешней стороны болгарин производит впечатление человека спокойного, но при более близком знакомстве легко заметить, что под этим покровом таится страстный темперамент и вспыльчивый характер». Там же указывалось и на другую особенность народного нрава: «Болгары в высшей степени трудолюбивы и в противоположность братьям-черногорцам – миролюбивы. Из всех славянских народов

---

¹⁶⁸ Немирович-Данченко Вас. И. Собр. соч. Т. XIV. С. 21.

¹⁶⁹ Сахаров М.В. С сербами к Скутари (впечатления) // Русские о Сербии и сербах. Т. 1. С. 545.

¹⁷⁰ Там же. С. 546.

¹⁷¹ Мартынов Е.И. Указ. соч. С. 94.

болгары – самый тихий, мирный и трудолюбивый народ»¹⁷². Е.Н. Чириков считал, что болгары «энергичны, настойчивы, с непочатым запасом волевой энергии. Во многом напоминают наших финляндцев, только темпераментнее их и жизнерадостнее»¹⁷³. Ему же один из солдат говорил: «Не скажу, чтобы наш народ был особенно религиозен... Он – сын земли, по преимуществу, и хочет иметь все блага на земле больше, чем на небе! Наша церковь играла всегда больше роль политическую, роль национального объединителя, чем духовную... Копаться в себе мы, болгары, вообще не любим! Некогда! Дел много...»¹⁷⁴

Е.И. Мартынов считал, что и сербам присущи трудолюбие, трезвость, смысленность и солидарность, которые вкупе с благодатным климатом и хорошей почвой составляют причину их большого достатка¹⁷⁵. Но и Л.Д. Троцкому сербы казались «трудоголиками», особенно по сравнению с черногорцами: «Сербшумадиец, имеющий вкус к работе и культуре, презирает бездельника и чванного героя»¹⁷⁶. Тем не менее Н.И. Гасфельд охарактеризовал их предельно жестко: «Ленивые по природе, избалованные благодатным климатом и плодородием почвы, они только и занимаются политическими разговорами, перекраивая карту Ближнего Востока по настроению и вкусу»¹⁷⁷.

¹⁷² Карпов С. Болгария и последние Балканские войны. Ярославль, 1914. С. 5–6.

¹⁷³ Чириков Е.Н. Указ. соч. С. 53.

¹⁷⁴ Там же. С. 78–79.

¹⁷⁵ Мартынов Е.И. Указ. соч. С. 21.

¹⁷⁶ Троцкий Л.Д. Черновые заметки «Сербия и Болгария» // Русские о Сербии и сербах. Т. II (архивные свидетельства) / сост. А.А. Шемякин. М., 2014. С. 489.

¹⁷⁷ Шевалье Н. Указ. соч. С. 98. Отметим, что такое поведение появилось у них отнюдь не XX в. В 1880 г. П.А. Кулаковский писал Ап. Майкову из Белграда: «Здесь почти нет серьезных работников: все “политику терају”» (Кулаковский П.А. Письма Ап. А. Майкову // Русские о Сербии и сербах. Т. II. С. 183).

Эта разница в отношении к труду отмечалась путешественниками и ранее. Генерал Н.Р. Овсяный, прекрасно знавший регион, писал: «Что касается настойчивости в достижении целей, трудолюбия и бережливости, серб много уступает своему соседу, болгарину». Некоторые сербы тоже отдавали себе в этом отчет, оказываясь в Болгарии¹⁷⁸. Британец Генри Блейсфорд также считал, что у сербов «отсутствует способность к постоянной работе, потому-то они и достигли за восемьдесят лет меньшего морального и материального прогресса, чем болгары всего за двадцать пять»¹⁷⁹. Возможно, в силу успеха, достигнутого трудолюбием, Н.К. Самосеев мог охарактеризовать болгар так: «В национальных чертах болгар мы имеем пример высокой уверенности в себе, в своих силах»¹⁸⁰.

Просербски настроенный Е.И. Мартынов видел разницу между народами с иными акцентами: «Сербы – чистые славяне, увлекающиеся, щедрые и добродушные... Болгары – смесь монгол-завоевателей с покоренными славянскими племенами, отличаются, наоборот, холодной расчетливостью, корыстолюбием, заносчивостью»¹⁸¹.

В качестве подтверждения слов о «корыстолюбии» можно указать и на коррупцию, ставшую нормой в болгарском руководстве.

---

¹⁷⁸ Гришина Р.П., Шемякин А.А. Судьба «балканских союзников» 1912–1913 годов. Взгляд из XXI столетия // Новая и новейшая история. 2013. № 4. С. 125; Они же. Трудный путь к европейской цивилизации: Сербия и Болгария в конце XIX – начале XX в. Приоритеты развития // Из истории Сербии и русско-сербских связей. 1812–1912–2012 / отв. ред. К.В. Никифоров. М., 2014. С. 36.

¹⁷⁹ Цит. по: Гришина Р.П. Болгария и македонские болгары. 1878–1913 гг. // Дриновски сборник / Дриновський збірник. Т. VII. Харьков; София, 2014. С. 221; Гришина Р.П., Шемякин А.А. Трудный путь к европейской цивилизации... С. 41.

¹⁸⁰ ГАРФ. Ф. 555. Оп. 1. Ед. хр. 473. Л. 56.

¹⁸¹ Мартынов Е.И. Указ. соч. С. 80.

Как иллюстрацию сребролюбия болгар стоит привести рассказ А.А. Пиленко о том, как он покидал армию на выделенном ему автомобиле, пообещав шоферам 200 левов, если вечером они прибудут в Мустафа-пашу. Они три раза переспросили, убедившись в реальности предложения, и «их лица вдруг сделались какими-то особенными. Во всех их ухватках стали проглядывать не то отчаянность, не то свирепость. Бензина они так плеснули в воронку, что пролили на землю не меньше литра; шины выхватили у заведывающего складом почти на ходу; хрупкие “свечи” мотора позасовали прямо в карманы; на свои места сели вольтижем; и так с места пустили в ход мотор, что я тотчас же стал раскаиваться». Но затем колесо взорвалось. А сменную шину, как оказалось, взяли другого типа, меньшего диаметра. В итоге машину кренило, колесо вновь лопнуло, затем пополам сломалась и рессора¹⁸².

Практически идентичную ситуацию описал и Н.И. Гасфельд. На белградском вокзале он сел в машину, шофер лишь через некоторое время решил уточнить, кого же он везет. Поняв, что не того, за кем его послали, водитель стал разворачивать машину обратно. После, пишет Гасфельд, было следующее: «Я достал из кошелька 20 франков и вручил их шоферу. Магически подействовало. Как ветер полетели мы в город, и через 10 минут я очутился в столовой гостиницы, переполненной всяким военным людом»¹⁸³.

Война считается переломным моментом, обнажающим все человеческие качества. А как емко и точно выразился Л.Д. Троцкий, «здесь мобилизованная армия есть действительно народ»¹⁸⁴. Как же проявлялись характеры на войне?

---

¹⁸² Пиленко А.А. Указ. соч. С. 207–213.

¹⁸³ Шевалье Н. Указ. соч. С. 47.

¹⁸⁴ Троцкий Л. Перед историческим рубежом... С. 109.

ПОБЕДОНОСНЫЕ АРМИИ И ИХ ПОРЯДКИ

Русская пресса довольно подробно рассказывала об армиях всех стран – участниц балканского конфликта. Расписывались по количеству соединений все рода войск, называлось точное количество батарей, рот, батальонов, офицеров, получивших образование за границей.

«На первом плане среди войск Балканского союза следует поставить армию Болгарии, представляющую собой грозную силу не только по численности, но и по выдающемуся воинскому духу, прекрасной боевой подготовке, однородности племенного состава, активным тенденциям обучения и умелому руководству»¹⁸⁵, – считал Н.П. Мамонтов. Тот факт, что армия царя Фердинанда была сильнейшей на Балканах, отмечали и иностранные военные атташе, наблюдавшие в Болгарии парад и учения 2 августа 1912 г.¹⁸⁶ Вас. И. Немирович-Данченко называл ее доблестной, «лучшей из армий»¹⁸⁷.

Сербская армия признавалась более слабой, что показала и война 1885 г., но Вл. Апушкин в статье в «Вестнике Европы» объяснял это правлением Обреновичей. Теперь же, по его мнению, когда на престоле вновь ориентированные на Петербург Карагеоргиевичи, армия поднялась на новый уровень и покончила с царящей в ней разрухой¹⁸⁸. «По военному духу и подготовке сербы не уступают болгарам»¹⁸⁹, – утверждал Н.П. Мамонтов.

Греческая армия считалась слабодисциплинированной и, в отличие от ее союзниц, где офицеры по происхождению были уроженцами страны, не имела народного характера¹⁹⁰. Поражение

---

¹⁸⁵ Мамонтов Н.П. Указ. соч. С. 9.

¹⁸⁶ Йовков И. Указ. соч. С. 278.

¹⁸⁷ Немирович-Данченко Вас. И. Собр. соч. Т. XV. С. 212.

¹⁸⁸ Вестник Европы. 1913. № 1. С. 348.

¹⁸⁹ Мамонтов Н.П. Указ. соч. С. 10.

¹⁹⁰ Везенков. Энвер-бей под Шаркиом // Военный сборник. 1914. № 6. С. 349.

греков в войне 1897 г. привело к пренебрежительному отношению к ней со стороны союзников. «Здесь, очевидно, все считают, что преподобными могут быть только болгары и что греческие победы могут быть только отражением тех, которые будут одержаны славянскими войсками»¹⁹¹, – писал А.А. Пиленко. В восприятии русского общества вклад потомков эллинов также был меньшим. Характерна при этом карикатура в журнале «Шут» за 1913 г. На ней изображен турок без рук и ног, со сломанными саблей и ружьем под прицелом четырех пушек, символизирующих страны Балканского союза. Дуло с надписью «Греция» изображено было несколько в стороне от остальных¹⁹².

У турок все авторы отмечали отсутствие воинского духа, коррупцию, недостаток боеприпасов и медикаментов в армии¹⁹³ и считали, что «ее офицерский состав, увлеченный политикой, забыл о военном деле»¹⁹⁴. О слабой военной подготовке солдат говорило многое, но ограничимся одним ярким примером. В начале войны в османской армии было серьезное количество раненых с одним и тем же увечьем – сломанным носом. Проблема заключалась в том, что многие новобранцы даже не знали, как пользоваться винтовкой, и целились, прицеливаясь приклад ружья к собственному носу¹⁹⁵. Не придавали дополнительной силы армии и призванные православные. Доверия им не было, и, по рассказам пленных журналистам, если офицеру казалось, что «неверный» сознательно брал прицел ошибочно, то он стрелял в него из револьвера¹⁹⁶.

---

¹⁹¹ Пиленко А.А. Указ. соч. С. 34–35.

¹⁹² Филиппова Т.А. «Враг с востока». Образы и риторика вражды в русской сатирической журналистике начала XX века. М., 2012. С. 344–345. Сама Т.А. Филиппова этот факт не отметила.

¹⁹³ Вестник Европы. 1913. № 1. С. 351–352; Там же. 1912. № 11. С. 407.

¹⁹⁴ Мамонтов Н.П. Указ. соч. С. 34.

¹⁹⁵ Константин С. Фердинанд лисицата. Цар на България. София, 1992. С. 294.

¹⁹⁶ Немирович-Данченко Вас. И. Собр. соч. Т. XIV. С. 183.

Однако нас все же интересуют лишь две из охарактеризованных армий. И.П. Табурно в ноябре 1912 г. писал: «Все, что я узнал о болгарской армии, так однородно с тем, что я видел в сербской армии, что, мне кажется, как будто это один народ, одна армия, полная одинакового чувства, с одинаковыми качествами»¹⁹⁷. Во многом так оно и было, и зачастую невозможно отделить описание одной армии от другой.

В том, что касается войск царя Фердинанда, всяческих похвал удостоивался «неудержимый наступательный порыв»¹⁹⁸ пехоты, в чьей энергии «сомневаться не приходится»¹⁹⁹. Сожаление вызывало у корреспондентов отсутствие в болгарской армии кавалерии, которая могла не допустить отступления турок за чаталджинские укрепления²⁰⁰. А наибольшего внимания и восхищения удостоивалась артиллерия. «Могущественная болгарская артиллерия по достоинству считающаяся одной из лучших артиллерий европейских армий»²⁰¹, – заявлял штабс-капитан Мамонтов. Она прекрасно маневрировала и переходила от пристрелки к огню на поражение. Под Чаталджой «болгарская артиллерия давала... примеры редкой выдержки и отваги»²⁰², – так писали в «Ниве». Ее действие «не только временно ошеломляло противника, но и совсем лишало его бодрости», снаряды преследовали врага повсюду²⁰³.

При этом надо отметить, что превосходство болгарской артиллерии над турецкой воспринималось

---

¹⁹⁷ Табурно И.П. Указ. соч. С. 19.

¹⁹⁸ Мамонтов Н.П. Указ. соч. С. 32.

¹⁹⁹ Нива. 1912. 27 окт. С. 861.

²⁰⁰ Немирович-Данченко Вас. И. Собр. соч. Т. XIV. С. 96; Махров П. Указ. соч. С. 80–81; Чинтулов И.Д. Указ. соч. // Военный сборник. 1913. № 8. С. 138.

²⁰¹ Мамонтов Н.П. Указ. соч. С. 97.

²⁰² Нива. 1912. 24 нояб. С. 903.

²⁰³ Немирович-Данченко Вас. И. Собр. соч. Т. XIV. С. 135.

как превосходство французской артиллерии над немецкой, поскольку союзники были вооружены орудиями Шнейдера–Крезо, а турки – Круппа. Это естественным образом вызывало симпатии во Франции²⁰⁴ – у «всей торгашеской французской прессы», как выразился российский военный агент А.А. Игнатьев. А в связи с одержанными победами «у военных промышленников уже потекли слюнки из-за возможностей легкой и скорой наживы, которую сулила война»²⁰⁵. Один из французских генералов специально посетил Балканы, чтобы изучить реальное применение новейших орудий, и в итоге издал книгу «Балканская война. Некоторые уроки по использованию артиллерии»²⁰⁶.

Как противостояние артиллерийских систем воспринималась и сербо-турецкая борьба. Полковник турецкой армии говорил русскому журналисту: «Фиаско немецкой системы артиллерийского огня налицо. Ныне победа за французской системой – за пушками Шнейдер–Крезо»²⁰⁷. И.П. Табурно довольно много внимания уделил техническому превосходству французских пушек и системы ведения огня²⁰⁸, но признавал, что дело не только в успехе инженеров. «Сербы очень любят артиллерийское дело, у них как будто врожденная склонность к этому»²⁰⁹, – писал он. Усердные тренировки в мирное время при-

---

²⁰⁴ *Констант С.* Указ. соч. С. 295.

²⁰⁵ *Игнатьев А.А.* Пятьдесят лет в строю. М., 1986. URL: http://militera.lib.ru/memo/russian/ignatyev_aa/27.html (Дата обращения: 30.09.2019).

²⁰⁶ *Колаковић А.М.* Француски интелектуалци и Балкански ратови (1912–1913) // Први балкански рат 1912/1913. године: Друштвени и цивилизацијски смисао (поводом стогодишњице ослобођења Старе Србије и Македоније 1912). Књ. I / приред. А. Растовић. Ниш, 2013. С. 420.

²⁰⁷ *Табурно И.П.* Указ. соч. С. 76.

²⁰⁸ Там же. С. 85–89.

²⁰⁹ Там же. С. 82.

вели к небольшому расходу боеприпасов в бою, поскольку меткость оказалась на высоте²¹⁰. И по этой причине пленный турецкий офицер мог ему сказать: «Она победила, и, верьте мне, такая артиллерия может всякого довести до панического бегства»²¹¹.

Сербские пехотинцы отвечали благодарностью своим орудиям, прикладывались к ним, как к иконам, снимали шапки, кричали «живио» и называли надеждой и защитницей²¹². В болгарской армии, по словам Вас. И. Немировича-Данченко солдаты тоже «считают пушку за что-то живое, гладят ее, ласкают, целуют, дают ей нежные имена»²¹³. И даже мирные жители в освобожденных городах «похлопывали по стальному телу провозимые орудия, лаская своих защитников»²¹⁴. Трогательное, почти сакральное отношение крестьянина к достижению технического прогресса.

Внимание к артиллерии усиливалось тем, что корреспонденты осознавали новый характер войны – войны массовой и механистической. «Теперь человек на войне – только ничтожный атом одной сложной машины, в которой не отличишь духа от материи. Сражаются, не видя друг друга, и умирают, ни разу не встретившись с врагом. Процесс сражений сделался чисто механическим, машинным. Машинное производство трупов. Только!»²¹⁵, – подытоживал свои впечатления Е.Н. Чириков. Армейские специалисты были более рациональны и призывали использовать болгарский опыт, прекратить поэтизировать пехоту, признать, что наступили времена, когда техника определяет исход войны²¹⁶.

---

²¹⁰ Там же. С. 80.

²¹¹ Там же. С. 74.

²¹² Там же. С. 77.

²¹³ *Немирович-Данченко Вас. И.* Собр. соч. Т. XIV. С. 116.

²¹⁴ *Мамонтов Н.П.* Указ. соч. С. 66.

²¹⁵ *Чириков Е.Н.* Указ. соч. С. 144.

²¹⁶ *Дмитревский А.* Логика болгарских побед и поэзия русской чувствительности // Военный сборник. 1913. № 7. С. 113–122.

В связи с этим пристальное внимание уделялось стрелковому вооружению сторон. У турок, по мнению журналистов, пуля на дистанции имела большую настильность²¹⁷, но, поскольку имела остроконечную форму, была «гуманнее»²¹⁸ и даже «чересчур гуманной»²¹⁹. И это приводило к довольно сомнительным рассказам, традиционно появляющимся в виде солдатских баск, особенно если вчерашние крестьяне сталкиваются с передовыми достижениями военной техники. Е.Н. Чириков приводил «образец гуманного поражения»: у одного из офицеров пуля попала в верхнюю правую часть носа и вышла под левым ухом: «Никаких последствий! Только небольшая часть щеки потеряла чувствительность, да два пятнышка, где были входное и выходное отверстие пули»²²⁰. И.П. Табурно писал о сербском солдате, которому под Кумановом пулей пробило сердце, но не убило²²¹, о получившем сквозное ранение в голову (пуля вошла в лоб, вышла из затылка) и прошагавшем затем 3 километра, а умершим лишь после того, как лег на носилки²²².

Масштабы и механистичность войны привели и к растворению личности в массе войск. «Не было отдельных подвигов, потому что весь он был коллективным подвигом болгарских полков», – писал Вас.И. Немирович-Данченко²²³. В этом, что случалось редко, солидарен с ним был Л.Д. Троцкий: «Военный героизм, по крайней мере, в нынешних войнах – массовый». И героические действия всей армии отнюдь не означали, что все солдаты и офицеры – герои. Для этого

---

²¹⁷ Мамонтов Н.П. Указ. соч. С. 33; Немирович-Данченко Вас. И. Собр. соч. Т. XIV. С. 137.

²¹⁸ Чириков Е.Н. Указ. соч. С. 48.

²¹⁹ ГАРФ. Ф. 555. Оп. 1. Ед. хр. 473. Л. 14.

²²⁰ Чириков Е.Н. Указ. соч. С. 58.

²²¹ Табурно И.П. Указ. соч. С. 116.

²²² Там же. С. 48–49.

²²³ Немирович-Данченко Вас. И. Собр. соч. Т. XIV. С. 66.

«нужно только, чтоб армия в целом знала, во имя чего она борется, чтобы цель войны она считала своей целью, – и героизм уже вырастет из условий самой войны»²²⁴.

Хотя еще и не наступило время автомобильной переброски войск в прифронтовой полосе, скорость передвижения на этой войне была высока. Как правило, говорилось о стремительном движении болгар. Но и, по свидетельству И.П. Табурно, армия королевича Александра в среднем проходила 22 километра в день, что «можно сказать, неслыханно быстрое движение», и «ставит сербскую армию на высокую ступень»²²⁵. Сербские части настолько спешили к Адриатическому побережью, что, по словам Н.Р. Овсяного, в определенный момент превратились в толпу, «притом наполовину босых». Пришлось срочно отбирать самых сильных и здоровых для дальнейшего движения к цели²²⁶.

Массовость войны и восхищение прессой скоростью наступления болгар сподвигли поэтессу Гедройц к следующим строкам:

Темной лентой, вереницею,
Без конца, за рядом ряд
Войско резвою Марицею
Шло в суровый Цареград²²⁷.

* * *

Журналистами создавалась картина народной освободительной войны, где славянские армии были непрофес-

---

²²⁴ Троцкий Л. Перед историческим рубежом... С. 153.

²²⁵ Табурно И.П. Указ. соч. С. 110.

²²⁶ Овсяный Н.Р. Ближний Восток и славянство (сборник статей). СПб., 1913. С. 226.

²²⁷ Лекманов О. Русская поэзия в 1913 году. Часть вторая // Новое литературное обозрение. 2013. № 6. URL: <http://www.nlobooks.ru/node/4160> (Дата обращения: 30.09.2019).

сиональными, довольно разношерстными, крестьянскими, но сильными духом. «Еще одно непривычное для европейского военного глаза явление: не обмундированные, еще даже в сермягах и национальных деревенских костюмах, сыны народа идут на штурм фортов не хуже частей действительной службы»²²⁸, – писал «Нижегородский церковно-общественный вестник». Это усиливалось частым описанием внешнего вида солдат, облаченных в личную одежду, потому что «казенное добро недолго выдерживает непогоду»²²⁹, в узорчатые шерстяные чулки, вышитые дома²³⁰, в опанки. В целом, по словам корреспондентов, обмундирование войск было неудовлетворительно – «страна ведь небогата»²³¹. Уже во время Второй балканской войны Е.И. Мартынов описывал сербских солдат, одетых, за исключением шинелей и шапок, во все свое. Тут же он рассмотрел и подивился опанкам²³². О народном характере воинства говорит данное А.А. Пиленко описание болгарских войск на смотре под городом Чорлу. Солдат, дабы легче было нести ружье на плече, подложил объединенный початок кукурузы под погон, к орудию были привязаны большие часы с маятником, дуло закрыто не положенной крышкой, а свежееободранной овечьей шкурой, адъютант же «имеет вид бабы в шлафроке»²³³. Но это не казалось корреспондентам нарушением правил: «Какой это полк? Не распознать! Погоны отстегнуты и висят изнанкой... Да и не все ли равно?»²³⁴ И последним штрихом к портрету болгарского и сербского солдата является передача русскому обществу сокращения рядовых о бесцельном запустении турецких земель,

²²⁸ Нижегородский церковно-общественный вестник. 1912. 28 окт.

²²⁹ Пиленко А.А. Указ. соч. С. 128.

²³⁰ Сахаров М.В. Указ. изд. С. 545.

²³¹ Немирович-Данченко Вас. И. Собр. соч. Т. XIV. С. 87.

²³² Мартынов Е.И. Указ. соч. С. 29.

²³³ Пиленко А.А. Указ. соч. С. 123–124.

²³⁴ Немирович-Данченко Вас. И. Собр. соч. Т. XIV. С. 164.

пропадающих без заботливого хозяина²³⁵. Хозяйственность болгар проявилась тут и в несколько удивительном виде. Одному подданному царя Фердинанда, оставшемуся раненым на поле боя и притворившемуся мертвым, турки отрезали ухо, ударили кинжалом в бедро. Тот, перетерпев боль, позже вернулся и как рачительный хозяин принес свою шинель²³⁶.

Плоть от плоти этой армии были ее офицеры. «Славные ребята, эти болгарские офицеры! Не видал я в них фанфаронства, надутый спеси, позы, бравадирования», – восклицал Е.Н. Чириков. «Народность» армии подчеркивал и характер взаимоотношений между офицерами и солдатами. Что в Болгарии, что в Сербии корреспонденты отмечали отсутствие барьера между ними, дружеские отношения²³⁷, никак не похожие на привычные русскому глазу картины. «Офицер не Зевс-громовержец, а старший товарищ»²³⁸, – говорил о болгарской армии один из корреспондентов. Другой сообщал, что в сербской отношении офицеров и солдат «очень сердечны»²³⁹. «Вообще, свободные нравы сербской армии весьма мало похожи на ту субординацию, которая признается необходимой в лучших европейских войсках»²⁴⁰, – считал Е.И. Мартынов. В итоге даже внешне становилось невозможно отличить начальника от подчиненного²⁴¹.

И это казалось русским очевидцам признаком демократии. «Сербская армия поражает своей демократичностью»²⁴², –

---

²³⁵ *Немирович-Данченко Вас. И.* Собр. соч. Т. XV. С. 50; *Троцкий Л.* Перед историческим рубежом... С. 90.

²³⁶ *Пиленко А.А.* Указ. соч. С. 39.

²³⁷ *Немирович-Данченко Вас. И.* Собр. соч. Т. XIV. С. 248; *Чириков Е.Н.* Указ. соч. С. 60.

²³⁸ *Немирович-Данченко Вас. И.* Собр. соч. Т. XIV. С. 53.

²³⁹ *Табурно И.П.* Указ. соч. С. 78.

²⁴⁰ *Мартынов Е.И.* Указ. соч. С. 47.

²⁴¹ *Чириков Е.Н.* Указ. соч. С. 77.

²⁴² *Сахаров М.В.* Указ. изд. С. 545.

утверждал М.В. Сахаров. Символом этого он видел «коло», где офицеры танцевали с солдатами. Аналогичные картины наблюдал Вас. И. Немирович-Данченко в Болгарии: «Скоро это коло для меня явилось образом всей Болгарии, счастливой страны равенства и братства, где нет сословий, никто не оторвался от народа и живет с ним одной общей жизнью»²⁴³. Отметим, что в Болгарии этот традиционный танец называется все же иначе – «хоро». Но на такие мелочи писатель не обращал внимания. Надо признать, далеко не всегда танцевали от радости – бывали случаи, когда офицеры командовали танцевать хоро, чтобы солдаты не замерзли²⁴⁴.

В связи с подобными взаимоотношениями, как считал Вас. И. Немирович-Данченко, рукоприкладства в отношении солдат в этой армии не существует, он не видел «этого подлого ужаса»²⁴⁵. Но другие свидетели описывали иные прецеденты. М.В. Сахаров лично видел, как сербский офицер дал подчиненному пощечину и сбил с головы шапку. «Кулачную расправу с провинившимся солдатом мы видели в первый раз; по рассказам очевидцев, она применяется в сербской армии не так редко, хотя сербы тщательно это скрывают»²⁴⁶, – донес он довольно важные сведения до читателей. Л.Д. Троцкому офицер признавался, что пороли «время от времени солдат», осознавая при этом: «Мерзость, сам знаю, да и воинский устав запрещает, но не было другого выхода». Били не жестоко, но выстраивали вокруг места экзекуции солдат для наглядности внушения. Офицер оправдывался за это: «В мирное время у нас никогда этого не бывает, но война есть война, и тут невозможно обходиться без таких... импровизаций»²⁴⁷.

²⁴³ *Немирович-Данченко Вас.И.* Собр. соч. Т. XIV. С. 247.

²⁴⁴ Балканската война в спомените на съвременници и участници. София, 1973. С. 170.

²⁴⁵ *Немирович-Данченко Вас. И.* Собр. соч. Т. XIV. С. 248.

²⁴⁶ *Сахаров М.В.* Указ. изд. С. 548.

²⁴⁷ *Троцкий Л.* Перед историческим рубежом... С. 96.

Скрывали подобные факты в обеих армиях по понятным причинам – нельзя говорить о демократичности, называть войско «армией Жижки», как делал Вас. И. Немирович-Данченко²⁴⁸, если в ней сохраняются такие порядки.

Однако солдаты с искренней теплотой и заботой относились к своим офицерам. Нередко берегли их, советуя не идти в бой, заслоняли собой²⁴⁹ со словами «Ты нужнее!»²⁵⁰. Король Петр и вовсе говорил русскому журналисту, что один из солдат предложил вырезать из своего тела кусок, необходимый раненому офицеру²⁵¹.

Вряд ли такие взаимоотношения можно считать демократией. Скорее, здесь стоит видеть присущую обоим народам патриархальность. Офицеры не происходили из дворянских родов, как это было в Европе, их отдельная каста еще не успела сложиться, хотя и находилась на стадии формирования. Наступившая война и необходимость в большом количестве командиров всех уровней привели к размыванию узкой прослойки кадровых военных, поскольку не имелось достаточного резерва в виде отставных. В итоге на уровне психологическом и социальном разницы не наблюдалось внешне, не было ее и в сознании самих болгар и сербов. Как верно подметил Ст. Вольский, война «сразу снимает культурные и социальные различия и устанавливает равенство первобытного военного стана»²⁵². И это, в свою очередь, приводило к появлению, говоря словами Вас. И. Немировича-Данченко, «боевой семьи в полном смысле слова»²⁵³, где офицер был старшим, но не начальником. Поэтому и считалось допустимым «отеческое» поучение в виде телесного наказания, пусть

---

²⁴⁸ Немирович-Данченко Вас. И. Собр. соч. Т. XIV. С. 248.

²⁴⁹ Вольский Ст. Указ. изд. С. 539.

²⁵⁰ Немирович-Данченко Вас. И. Собр. соч. Т. XIV. С. 114.

²⁵¹ Мартынов Е.И. Указ. соч. С. 104.

²⁵² Вольский Ст. Указ. изд. С. 539.

²⁵³ Немирович-Данченко Вас. И. Собр. соч. Т. XIV. С. 52.

и вопреки закону. При этом оно не представляло из себя публичную порку, а выглядело как «отеческий подзатыльник». Но в тех условиях данная система давала результат, восхищавший европейских наблюдателей. «Отсутствие внешней дисциплины выкупается сознательным отношением к службе»²⁵⁴, – отметил Н.К. Самосеев.

Другим залогом побед Болгарии и Сербии представлялся уровень образования ее солдат. Всеми признавалось значение обученности и подготовленности войск²⁵⁵, но это считалось само собой разумеющимся, хотя офицеры и не любили тактических занятий²⁵⁶, а пехотинцы периодически пренебрегали требованиями современной тактики (густые цепи, недостаточная огневая подготовка), что приводило к напрасным потерям²⁵⁷.

Относительно Сербии Е.И. Мартынов заявлял, что новобранцы приходят на службу уже грамотными, так как все дети с шести-семи лет «обязательно определяются в народные школы, где они должны пройти курс, по крайней мере, четырех классов»²⁵⁸. Отметим слова «должны пройти курс» – генерал опирался сугубо на букву закона, не видя практики. А в реальности в Сербии была развита вторичная неграмотность – сельское население, не встречая в жизни необходимости чтения и письма, утрачивало эти навыки²⁵⁹.

---

²⁵⁴ ГАРФ. Ф. 555. Оп. 1. Ед. хр. 473. Л. 55.

²⁵⁵ Мамонтов Н.П. Указ. соч. С. 30.

²⁵⁶ ГАРФ. Ф. 555. Оп. 1. Ед. хр. 473. Л. 20.

²⁵⁷ Мамонтов Н.П. Указ. соч. С. 32.

²⁵⁸ Мартынов Е.И. Указ. соч. С. 41–42.

²⁵⁹ Шемякин А.А. Сербия // Югославия в XX веке: Очерки политической истории / отв. ред. К.В. Никифоров. М., 2011. С. 43. См. подробнее: *Он же*. Система народного образования в независимой Сербии: принуждение или потребность // Человек на Балканах. Социокультурные измерения процесса модернизации на Балканах (середина XIX – середина XX в.) / отв. ред. Р.П. Гришина. СПб., 2007. С. 90–102.

Вас. И. Немирович-Данченко же считал, что болгарская школа в тридцать лет создала один «из просвещеннейших народов», поэтому «не Манлихеры и Крезо победили Маузеров и Круппов, и не петербургская военная академия – берлинскую, Давид швырнул в Голиафа не камнем, а книгой»²⁶⁰, «побеждает грамотный, сознательный, болгарский гражданин-солдат варвара, насильника, невежду»²⁶¹. В пример он приводил Тырновский округ, где осталось лишь 2 % неграмотных, и слова министра образования Тодорова: «Еще немного, и в Болгарии не будет ни одного неграмотного. А потом на этой благодарной почве вырастут пышными цветами и университеты, и другие высшие учебные заведения»²⁶². Вас. И. Немирович-Данченко считал, что в Болгарии процент грамотных составлял 86²⁶³. Н.П. Мамонтов утверждал, что «высокая степень культурности» болгар довела этот показатель среди призывных до 95²⁶⁴. В результате в бою части сохраняли порядок. «У турок, например, как только выбывает офицер, солдаты совершенно теряются, а у них этого нет»²⁶⁵, – описывал корреспондент болгарскую армию.

---

²⁶⁰ Немирович-Данченко Вас. И. Собр. соч. Т. XIV. С. 226–227.

²⁶¹ Немирович-Данченко Вас. И. Собр. соч. Т. XV. С. 268. В своем наброске статьи или выступления, в которых говорилось о прогрессе Болгарии «за полвека», Вас. И. Немирович-Данченко довольно много говорил о том, как он был восхищен уровнем образования страны в 1912 г. При этом интересно отметить, что слова о победе не Манлихера и Крезо над Маузером и Круппом, а Давида, швырнувшего книгу в Голиафа, о победе грамотного над варваром он в рукописи зачеркнул карандашом (РГАЛИ. Ф. 355. Оп. 2. Ед. хр. 87. Л. 4об.).

²⁶² Немирович-Данченко Вас. И. Собр. соч. Т. XIV. С. 38–39.

²⁶³ Немирович-Данченко Вас. И. Собр. соч. Т. XV. С. 15.

²⁶⁴ Мамонтов Н.П. Указ. соч. С. 9.

²⁶⁵ Чириков Е.Н. Указ. соч. С. 60.

В итоге армия, «всосавшая в себя всю интеллигенцию своего народа», «где все думают и обдумывают»²⁶⁶, оказалась способной действовать, не ожидая приказов. И с некоторым восхищением Вас. И. Немирович-Данченко рассказывал о болгарях: «Я думаю, нигде инициатива не развита так, как здесь. Один едет и захватывает турецкие пушки, другой снимает с позиции целые роты неприятеля, озадаченного смелым и неожиданным появлением болгарского разъезда. Третий с таким же разъездом берет город»²⁶⁷. Но в условиях войны самовольство, пусть и героическое, вело к нарушению общего плана и опасности крайне серьезных последствий для всей войны. Этот же корреспондент описал, как в самом начале войны часть войск Р. Димитриева получила приказ остановиться на некоторое время, пока другой отряд не зайдет в тыл туркам. Но, увидев вражеский разъезд, солдаты не сдержались и поднялись в атаку. В итоге обходной маневр не успел завершиться, и Вас. И. Немирович-Данченко сам признавал, что до Бунар-Хиссара могло бы не остаться турецких войск в случае выполнения приказа²⁶⁸. Тем не менее он продолжал восхищаться инициативностью войск. Хотя подобные факты можно квалифицировать и как неповиновение приказам и нарушение дисциплины.

* * *

Поведение солдат и офицеров выглядело поистине героическим. «По общим отзывам, болгары проявляли изумительное мужество. Бестрепетно шли они в штыковые атаки под сплошной шрапнелью, усеивая путь мертвыми телами... Ими руководит такое воодушевление и такое презрение к опасности, которое почти гипнотизирует, вперед

---

²⁶⁶ *Немирович-Данченко Вас. И.* Собр. соч. Т. XIV. С. 118–119.

²⁶⁷ Там же. С. 117.

²⁶⁸ Там же. С. 107–110.

морально порабощает»²⁶⁹, – восхищался «Нижегородский церковно-общественный вестник». В своем анализе военных действий полковник Александр Дорошкевич утверждал: «Болгары умирали на своих позициях, но не уступали их туркам»²⁷⁰. Под впечатлением таких известий поэт С. Кошкарлов в 1913 г. опубликовал восторженное стихотворение «Болгарин»:

Он грудь открыл – в ней были раны, –
Удары пули и штыка.
Он защищал в бою Балканы!!
И грудью шел он на врага!!²⁷¹

В 1913 г. в Петербурге в книгоиздательстве «Славянский орел» стала издаваться серия брошюр, посвященная «замечательным подвигам балканских юнаков 1912 года». Небольшие, ценою 5 копеек, сборники коротких рассказов состояли из патетических зарисовок. Несмотря на столь общее название, уже обложка дает понять, кому посвящены рассказы, – на ней мы видим воина с болгарским знаменем, пригвождающего к земле противника в феске. Первый выпуск, следует из брошюры, – рассказы, собранные бывшим профессором Софийского университета П. Бахметьевым. Этот известный ученый-биолог долгое время работал в Болгарии, после чего вернулся в Россию. В серии были анонсированы и другие выпуски²⁷², однако в библиотеках

---

²⁶⁹ Нижегородский церковно-общественный вестник. 1912. 4 нояб.

²⁷⁰ *Дорошкевич А.* Война на Балканском полуострове (От открытия военных действий до перемирия). СПб., 1913. С. 51.

²⁷¹ *Лекманов О.* Указ. изд.

²⁷² «Шуми Марица», «Как пал Лозенград», «Пять на нож», «Крепость из трупов», «Под градом пуль», «Отрезанное ухо», «Храбрый фельдшер», «Пятеро против двухсот», «Бегство гимназиста из Одрина».

они нами не обнаружены. Рассказы представляют собой небольшие, всего в несколько строк, «героичные» и достаточно лубочные зарисовки. Такой стиль изложения не мог быть интересен образованным кругам, но, судя по указанной цене 5 копеек, на них сборник и не был рассчитан. Весьма показательно, что экземпляр, попавший в руки автору этих строк в Государственной публичной исторической библиотеке спустя более сотни лет после его выхода, имел несколько неразрезанных страниц. Следовательно, массовый читатель его и не использовал. Не удалось найти и упоминаний о сборнике в научной литературе, потому вкратце расскажем о нем.

Самая первая история – «С ружьем в руках» – состоит из 12 строк и задает тон всей остальной брошюре. В ней рассказывается об умирающем от ранения на позиции болгарине, который просит товарища: «Скажи нашим в селе, Маше, что я пал... но с ружьем в руках»²⁷³. В других зарисовках рассказывалось о дважды раненном офицере, ведущем солдат в атаку, но гибнущем от третьей пули, о священнике Чешмеджиеве, который после ранения командира отряда «схватил в правую руку саблю, а в левую крест» и повел солдат в атаку, а после носил раненых и рвал свою рубаху на перевязки²⁷⁴. Уделено место и коварству турок. Иную черту их образу придавал издательский рассказ, живописавший, как они разбежались от аэроплана, в то время как болгарский офицер турецкую девочку-сироту взял в свою семью. Одна из картин вызывала аналогии в сербском воинстве. Отец-старик пришел в окопы

²⁷³ Бахметьев П. Балканские герои. СПб., 1913. С. 1.

²⁷⁴ Священник 1-го пехотного Софийского полка Чешмеджиев действительно на протяжении пяти часов командовал ротой с крестом и саблей в руках, успевая перевязывать раненых кусками своей рубахи (Елджров С. Православието на война. Българската православна църква и войните на България 1877–1945. София, 2005. С. 79–80).

под Адрианоподем к своему сыну, которого вскоре сразила пуля. Убитый горем родитель сам взял винтовку в руки и стрелял в противника, «однако в разгаре сражения неприятельская пуля сразила, и его, и он скончался на холодном и окровавленном трупе своего сына – единственной его радости и утехи на старых летах...».

За сербской армией также тянулись вереницей старики и женщины с гостинцами для сыновей. Отцы иногда ложились рядом и смотрели, как их дети стреляют, и «если сын ранен, он счастлив, что находится около него, выносит его из огня, а если убит – без слез хоронит, приговаривая: – Он исполнил свой долг, я счастлив, что имел такого сына»²⁷⁵...

Однако этому героическому образу не соответствовали бытовые условия болгарских воинов. Священник Иван Дочев, сопровождавший боевые части, записал в своем дневнике: «За домом, за плетнем – вот нужник. И свиньи выполняют санитарную службу»²⁷⁶. Русские журналисты не рассказывали о таких подробностях быта, но и не рисовали его радужными красками. Так, сообщалось, что под Чаталджой, несмотря на сырые и холодные ночи, подстилок не было, одеял не хватало, а возможность переменить мокрое белье и вообще отсутствовала²⁷⁷. «Голодные, холодные, в грязи, совсем из сил выбились», – жаловался солдат корреспонденту²⁷⁸. Журналист в Лозенграде слышал от воинов: «Мы давно уже ничего, кроме воды и хлеба, не знаем... И больше нам ничего не нужно». И лишь к предложению папирос они отнеслись менее равнодушно: «В глазах их сверкает удовольствие: давно уже не курили настоящих папирос»²⁷⁹, – отметил в книге Е.Н. Чириков. Очевидец описывал случай, когда утомленные

²⁷⁵ Табурно И.П. Указ. соч. С. 128–129.

²⁷⁶ Дочев И. Записките ми по войната 1912 година. София, 2012. С. 89.

²⁷⁷ Мамонтов Н.П. Указ. соч. С. 155.

²⁷⁸ Троцкий Л. Перед историческим рубежом... С. 139.

²⁷⁹ Чириков Е.Н. Указ. соч. С. 77.

трехдневным боем военнослужащие упали и не смогли найти сил встать в атаку²⁸⁰. Молодой офицер отправился навестить своего брата на Чаталдже, потом сокрушался в разговоре с корреспондентом «Нового времени», что тот из «блестящего гвардейского офицера» превратился в «совсем дикаря», сидя в окопах в описанных условиях²⁸¹.

Далеко не все было гладко в организации снабжения. Если в начале войны штабс-капитан Мамонтов утверждал, что ему «не приходилось встречать большего порядка в тылу», нежели он наблюдал в болгарской армии²⁸², то уже к моменту затяжных боевых действий под Чаталджей отмечал обратное²⁸³. Такую же метаморфозу мы наблюдаем и в мнении Вас. И. Немировича-Данченко, который сначала писал о хорошем, разнообразном питании солдат²⁸⁴, затем рассказывал о ночевках в грязи и об использовании для питья воды из луж²⁸⁵. Однако, по мнению этого публициста, к январю 1913 г. снабжение стало нормальным, «месяц, как прекратились эпидемии», солдаты устроили теплые землянки²⁸⁶, но мы знаем, что это если и имело место, то отнюдь не во всей армии. И.Д. Чинтулов, бывший добровольцем на Чаталдже, писал, что в войсках получали в день по килограмму хлеба на человека, дважды – горячую пищу. Отравления происходили из-за того, что солдаты в окрестных деревнях собирали припасы и ели недоваренную пшеницу и кукурузу, потому как «болгарин любит хлеб»²⁸⁷. Если не принять как аксиому крайнее чревоугодие болгар, то этот постулат кажется довольно странным.

---

²⁸⁰ *Чинтулов И.Д.* Указ. соч. // Военный сборник. 1913. № 8. С. 137.

²⁸¹ *Пиленко А.А.* Указ. соч. С. 154.

²⁸² *Мамонтов Н.П.* Указ. соч. С. 107.

²⁸³ Там же. С. 154.

²⁸⁴ *Немирович-Данченко Вас. И.* Собр. соч. Т. XV. С. 20.

²⁸⁵ Там же. С. 83–84.

²⁸⁶ Там же. С. 137.

²⁸⁷ *Чинтулов И.Д.* Указ. соч. // Военный сборник. 1913. № 9. С. 126.

Объяснение – в системе обеспечения питания армии, конкретнее – в отсутствии специальных полевых кухонь, солдаты имели котелки, в которых самостоятельно готовили пищу. Но им часто приходилось бросать все, поскольку поступал приказ наступать или обороняться. В результате оголодавшие воины переставали ждать полной готовности пищи.

К концу Первой балканской войны положение солдат на фракийском театре боевых действий стало катастрофическим. Зимняя балканская слякоть, болезни – все это вело к падению боеспособности частей: «Биваки превратились в очаги заразы, войска – в слабосильные команды»²⁸⁸. Складыванию такого катастрофического положения во многом способствовали действия турецкой армии. Отступая, она зачастую выжигала села и посевы, травила колодцы. Но нельзя всю вину перекладывать исключительно на турок. Сознательность самих мучимых жаждой и голодом болгар оказалась недостаточной. Офицерам пришлось приложить немало усилий к тому, чтобы заставить солдат не пить не только сырую воду, но и воду из-под трупов, гнивших поперек речек или в колодцах²⁸⁹. Характерен в этом отношении диалог отравившегося сырой рыбой болгарского солдата и русской сотрудницы госпиталя:

- Съел что-то! Скажи что, иначе пропадешь!
- Проглотил маленький кусочек, – сказал.
- Хорошо сделал! – сказала. – Пойдешь на кладбище!
- Эх, кладбище, кладбище, – говорю. – Что поделать!
- Есть хочется!²⁹⁰

В то же время, по свидетельству Е.И. Мартынова, во время Второй балканской войны сербские солдаты не ели упавшие

---

²⁸⁸ Мамонтов Н.П. Указ. соч. С. 154.

²⁸⁹ Немирович-Данченко Вас. И. Собр. соч. Т. XIV. С. 231.

²⁹⁰ Балканската война в спомените... С. 115.

с деревьев фрукты, поскольку им офицеры объясняли опасность холеры²⁹¹. Но к тому моменту и холера показала всю свою страшную мощь, а бытовые условия перестали быть столь тяжелыми.

Объективно говоря, интендантская служба Болгарии стояла на крайне низком уровне. При этом Н.П. Мамонтов уверял, что «артиллерийскими припасами, запасами интендантскими и прочими болгарская армия снабжена достаточно; ею применены все новейшие усовершенствования»²⁹². Другую картину рисовал корреспондент «Русских ведомостей»²⁹³ А. Деренталь в очерке «Письмо из Адрианополя», опубликованном в «Вестнике Европы». Автор привел сведения о том, что у болгар под стенами города не было нормальной разведки, осаждавшие голодали, им не хватало обмундирования, участились случаи дезертирства и самоубийств, среди солдат пошел ропот: либо идти на штурм, либо распускать их надо. А вынудило штурмовать то, что комендант Адрианополя нашел в пригородах запасы зерна, которых хватило бы на полтора–два месяца²⁹⁴. Болгары входили в город хаотически, разбрелись по нему и устроили мародерство²⁹⁵. Однако автор явно противоречил себе, сначала говоря, что в осажденном городе было вдоволь еды и скота, затем о благородной раздаче болгарам хлеба «массе еле движущихся от слабости, похожих на тени, женщин и детей»²⁹⁶. Несмотря на некоторую тенденциозность источника, мы вновь видим, что командование и снабжение армии царя

---

²⁹¹ Мартынов Е.И. Указ. соч. С. 49.

²⁹² Там же. С. 9.

²⁹³ Розенберг В. Из истории русской печати. Организация общественного мнения в России и независимая беспартийная газета «Русские ведомости». Прага, 1924. С. 248.

²⁹⁴ Вестник Европы. 1913. № 6. С. 276.

²⁹⁵ Там же. С. 281.

²⁹⁶ Там же. С. 282.

Фердинанда находились не на высоте. Но, прибавим, голод в осажденном городе все же был. Управляющий русским вице-консульством доносил: «Голодные солдаты просили милостыню, ломились в дома и пытались разграбить хлебопекарни»²⁹⁷.

А.Д. Троцкий связывал эти проблемы с действиями командного состава болгарской армии, обвиняя Р. Димитриева в том, что тот, «обобщенный легким взятием Киркилиссе», повел наступление в высоком темпе, это и привело к отставанию тыловых, в том числе и санитарных, частей²⁹⁸. Болгарам помогало лишь то, что в большинстве своем население территорий было приветливо. По свидетельству И.Д. Чинтулова, перед приходом частей местные складывали хлебные печи для обеспечения войск²⁹⁹. В Лозенграде жители самостоятельно устраивали санитарные комитеты. «Иначе совсем бы нам плохо пришлось», – сетовал один из раненых корреспонденту³⁰⁰. При этом надо отметить, что низкий уровень организации службы снабжения был и в Сербии³⁰¹.

Сербский солдат также вызывал уважение у наблюдателей. Е.И. Мартынов писал: «На войне сербский солдат терпеливо и безропотно переносит самые тяжкие лишения и, пренебрегая опасностью, послушно стремится к достижению указанной начальником цели»³⁰². В этом его мнение совпадало с мнением Н.И. Гасфельда: «Нетребовательность сербского бойника поразительна: обутый в жиденькие онучи, свободно пропускающие воду, одетый во что Бог послал, – особенно

---

²⁹⁷ Сборник дипломатических документов, касающихся событий на Балканском Полуострове (август 1912 г. – июль 1913 г.). СПб., 1914. С. 69.

²⁹⁸ Троцкий А. Перед историческим рубежом... С. 192.

²⁹⁹ Чинтулов И.Д. Указ. соч. // Военный сборник. 1913. № 5. С. 167.

³⁰⁰ Троцкий А. Перед историческим рубежом... С. 150.

³⁰¹ Мартынов Е.И. Указ. соч. С. 55–56.

³⁰² Там же. С. 48–49.

призванные из запаса, – с мешком вещевым под боком и ружьем через плечо, он шлепает, не унывая, по ужасной грязи македонских дорог, и никакая усталость, никакие лишения не пугают его»³⁰³.

Терпеливостью болгарского солдата восхищался Н.П. Мамонтов, видевший его «безропотно умирающим на позиции или в полевом госпитале, молчаливо переносящим адскую пытку перевозки на тряских телегах по грязным, изрытым колеями проселкам или терпеливо бредущим с раздробленной ногой целых четыре версты до перевязочного пункта»³⁰⁴.

Очевидцы наблюдали раненных артиллерийским и ружейным огнем в голову и грудь, контуженных, которые рвались обратно в бой, на линию огня³⁰⁵. Раненый отказывался уходить из ложемента: «Лежать могу. А тут, ведь, стреляют лежа, и я, значит, нужен»³⁰⁶. Солдаты нередко возмущались, что их выносят с поля боя: «Почему меня несут на носилках? Я и так дойду. Стоит ли ради меня двух человек вызывать из строя»³⁰⁷. Просили их бросить, потому что сейчас начнется штыковая атака: «А вы не там, а здесь, никому не нужные»³⁰⁸. И даже сын министра Сарафова в течение пятнадцати дней, больной тифом, исполнял свои обязанности, категорически отказываясь отправиться на лечение, что привело к его смерти³⁰⁹.

Военнослужащие нередко воспринимали собственные ошибки крайне серьезно. Вас. И. Немирович-Данченко встретил отказывавшегося отправиться на перевязку раненого. Тот случайно на бегу ранил себя выстрелом, но прощения себе

---

³⁰³ *Шевалье Н.* Указ. соч. С. 85.

³⁰⁴ *Мамонтов Н.П.* Указ. соч. С. 72.

³⁰⁵ *Шевалье Н.* Указ. соч. С. 31; *Чинтулов И.Д.* Указ. соч. // Военный сборник. 1913. № 8. С. 134.

³⁰⁶ *Немирович-Данченко Вас. И.* Собр. соч. Т. XIV. С. 115.

³⁰⁷ *Мамонтов Н.П.* Указ. соч. С. 72.

³⁰⁸ *Немирович-Данченко Вас. И.* Собр. соч. Т. XIV. С. 116.

³⁰⁹ *Пиленко А.А.* Указ. соч. С. 200.

не видел: «Доктора говорят: тебя надо эвакуировать... А мне следует умереть... быть убитым. Ведь никто не поверит, что я это сделал нечаянно»³¹⁰. Поручик, посланный передать приказание одной из частей, не нашел ее, решил, что заблудился, и пустил пулю в рот, оставив записку: «Я казнил себя потому, что не умел исполнить свой долг». В итоге оказалось, что это подразделение уже затребовало соседнее соединение³¹¹.

Доброволец В.С. Везенков, служивший в Македонско-Одринском ополчении, в своих впечатлениях от войны поведал читателям, что отряды этого войскового соединения в тяжелой ситуации решили погибнуть, но не попасть в руки туркам. Так и поступил поручик Бояджиев, передав однополчанам перед тем, как пустить себе пулю в лоб, деньги «на помин души»³¹². Пытаясь избежать позора, болгары совершали и необдуманные атаки. Ночью одна из рот должна была совершить обход турок, но заблудилась. Внезапно она наткнулась на артиллерию противника, численно ее превосходящую. И капитан, надеясь, что «рота выручит в эту ночь», атаковал, чтобы искупить свою оплошность³¹³. Обратим на это внимание в связи с выше высказанной мыслью об отношении к приказам начальства.

Однако не только к себе болгарские солдаты проявляли строгость. «Тот, кто заболел, – почти что подлец, потому что он не может исполнять своего служебного воинского долга. Тот, кто ранен, – вернее всего, недогадливый вахлак; иначе он бы устроился так, чтобы не попасть под турецкую пулю», – говорили раненые А.А. Пиленко. «Так надо, войны мы все хотели. Там, где есть победы, неизбежны и жертвы», – слышал Вас. И. Немирович-Данченко³¹⁴. Е.Н. Чириков от-

---

³¹⁰ Немирович-Данченко Вас. И. Собр. соч. Т. XIV. С. 115.

³¹¹ Там же. С. 190.

³¹² Везенков. Указ. соч. // Военный сборник. 1914. № 7. С. 97–98.

³¹³ Немирович-Данченко Вас. И. Собр. соч. Т. XIV. С. 188–193.

³¹⁴ Немирович-Данченко Вас. И. Собр. соч. Т. XV. С. 210.

метил, что сослуживцы с презрением говорили о солдате, у которого случился нервный срыв, вылившийся в фобию открытого пространства: «Испугался пустого поля! Э, слабый! На печке сидеть...»³¹⁵

«Эта глубоко укорененная в душе болгарина потребность трудиться заставляет солдата смотреть на самую войну как на некую форму труда – поистине жестокого, смертельно опасного и нечеловеческого, но все же форму труда»³¹⁶, – утверждает болгарский историк С. Елдаров. И поэтому к войне болгары подходили с тем же мерилom практического расчета. «Он (болгарин. – *Н.Г.*) не привык думать о другом как о личности, интересоваться другим ради этого же другого. Выходит человек из строя – и он уже не нужен. Перестает человек, хотя бы на время, быть объектом практического интереса – и он сразу исчезает из поля зрения. Практическая полезность – вот мерило, с которым болгарин привык подходить к явлениям жизни»³¹⁷, – писал социалист Ст. Вольский. Болгарский раненый с горечью говорил Л.Д. Троцкому: «Ведь, раненый – что? Пар отработанный... Не очень об нас заботились...»³¹⁸ Н.К. Самосеев в своей рукописи привел взгляды болгар на этот вопрос: «Война дело не гуманное, – говорят они, – прежде всего нужно заботиться о здоровых, а больные и раненые должны сами о себе заботиться». «Важнее иметь армию хорошо вооруженную и снабженную боевыми припасами, чем лазаретами и госпиталями»³¹⁹, – цитировал он собеседника.

³¹⁵ *Чириков Е.Н.* Указ. соч. С. 56.

³¹⁶ *Гришина Р.П., Шемякин А.А.* Судьба «балканских союзников» 1912–1913 годов... С. 128; *Они же.* Трудный путь к европейской цивилизации... С. 49.

³¹⁷ *Вольский Ст.* Письма с Балкан. Письмо второе // Заветы. 1913. № 2. С. 173.

³¹⁸ *Троцкий Л.* Перед историческим рубежом... С. 150.

³¹⁹ ГАРФ. Ф. 555. Оп. 1. Ед. хр. 473. Л. 17.

Вас. И. Немирович-Данченко сокрушался о «мучениках побед»: «Они выбыли из строя; сейчас, сию минуту эти вычеркнутые единицы не нужны для удара, и ничье сердце здесь не болит о них»³²⁰. По его мнению, мало создать школу и армию, необходимо воспитать и чувство сострадания у народа, а до того «он, и грамотный, и свободный, и независимый, и победоносный, еще не достоин выйти на мировую арену одним из ее передовых действующих лиц»³²¹. Тем самым писатель косвенно признавал: образованность и просвещение, как следствие – гуманность еще не укоренились на Балканах. Они там имели лишь свои внешние атрибуты.

Яркой иллюстрацией подобного отношения к человеческой жизни и здоровью является организация медицинской службы. Ради скорости переброски войск по железной дороге задерживали поезда с ранеными³²². Н.И. Гасфельд писал: «Помощь раненым в виде перевязочных средств, медицинского персонала – самый больной вопрос в болгарской армии»³²³. Резче выражался Л.Д. Троцкий: «Доставка провианта и транспорт раненых были поставлены отвратительно. Солдаты в дороге по два, по три дня ничего не ели. Раненые по неделям оставались без перевязки, в ранах у них заводились черви»³²⁴. Признавал это и А.А. Пиленко: «Самой слабой частью в болгарском войске неоспоримо приходится считать санитарию». Причины этого он видел и в уровне экономического развития государства, и в недостаточном количестве врачей, что связывал с «молодостью культуры» народа³²⁵.

Мер по обеспечению хотя бы малейших человеческих условий для раненых предпринято не было. Их транспортировка

---

³²⁰ Немирович-Данченко Вас. И. Собр. соч. Т. XIV. С. 227.

³²¹ Там же. С. 229.

³²² Шевалье Н. Указ. соч. С. 35.

³²³ Там же. С. 29–30.

³²⁴ Троцкий Л. Перед историческим рубежом... С. 192.

³²⁵ Пиленко А.А. Указ. соч. С. 198.

происходила по разбитым дорогам на арбах, в тряске и сырости, что никак не способствовало выздоровлению³²⁶. Но и при перевозке более современными средствами под выбывших из строя выделялись обыкновенные товарные вагоны³²⁷. При этом и попасть в них было делом непростым. На станции Черкез-кой локомотив, должный отправиться в тыл, несколько раз менял состав. Раненые каждый раз в сутолоке перебегали, давя друг друга, никто их не останавливал и порядка не наводил³²⁸. В Лозенграде, городе раненых, как его назвал Н.П. Мамонтов, погрузка в санитарные поезда также происходила силами самих раненых, имевшие тяжелые увечья часто оказывались просто затоптанными в давке. Носильщиков на вокзале не было, а их орудия труда были свалены в кучу около багажной кассы³²⁹.

Итогом такой транспортировки стало то, что русский доктор в Лозенграде говорил Вас. И. Немировичу-Данченко: «Знаете, удивительно счастливая война!» Он имел в виду, что нет тяжелораненых, но их просто-напросто не довозили живыми до госпиталей³³⁰.

В самом городском госпитале ситуация была не лучше. Не указанный в источнике известный российский политический деятель³³¹, приехавший на Балканы в качестве уполномоченного российского Красного Креста, увидев лозенградский госпиталь, воскликнул: «До чего они небрежно относятся к своему же солдату!»³³² В медицинском учреждении практически отсутствовал персонал, раненые не могли встать с кроватей и справляли свои естественные нужды под себя.

---

³²⁶ *Немирович-Данченко Вас. И.* Собр. соч. Т. XIV. С. 236–239.

³²⁷ *Шевалье Н.* Указ. соч. С. 31.

³²⁸ *Пиленко А.А.* Указ. соч. С. 184.

³²⁹ *Мамонтов Н.П.* Указ. соч. С. 162.

³³⁰ *Немирович-Данченко Вас. И.* Собр. соч. Т. XIV. С. 239.

³³¹ По всей видимости, А.И. Гучков.

³³² *Мамонтов Н.П.* Указ. соч. С. 159.

В результате, когда госпиталь передали в ведение российского Красного Креста, в течение пяти дней сотня наемных рабочих вычищала его³³³. В этих сведениях мы можем заметить поразительное противоречие. Лозенград – город, взятый болгарскими в начале войны. Казалось бы, опустением из-за боевых действий можно объяснить недостаток медицинского персонала – людей попросту в городе нет, чтобы их использовать для этой цели. Но в то же время российскому Красному Кресту каким-то образом удалось нанять в Лозенграде сотню человек. Возникает естественный вопрос: почему же болгарское командование не задействовало этих же наемных для хотя бы минимального ухода за людьми, которые безропотно шли умирать за свою страну? Ответ все в том же отношении к раненому как уже не имеющему практической значимости солдату. И венчает это безразличие сообщение корреспондентов, что умерших в дороге раненых попросту выбрасывали на обочины дорог, не придавая земле³³⁴.

В сербской же армии, по словам И.П. Табурно, санитарная часть была «поставлена сравнительно хорошо». Он признавал, что по дорогам эвакуация проходила при ужасной тряске, но «зато по железной дороге эвакуация раненых производилась прямо-таки превосходно. Приспособлены поезда с койками, с больницей, кухней и всем нужным»³³⁵. Е.И. Мартынов даже описывал преимущества сербской системы размещения раненых в поезде перед французской. Последняя предполагает размещение в три яруса лежа. Сербская же – с одной стороны вагона кровать, с другой – скамейка для легкораненых. В итоге, как считал этот корреспондент, при первой раненые страдают от большой качки, а вторая система помимо прочего дешевле и удобнее³³⁶. Хотя,

---

³³³ Там же.

³³⁴ *Немирович-Данченко Вас. И.* Собр. соч. Т. XIV. С. 232.

³³⁵ *Табурно И.П.* Указ. соч. С. 111–112.

³³⁶ *Мартынов Е.И.* Указ. соч. С. 30.

представляется, раненым скорее нужен покой, чем сидячее положение. В госпиталях, по словам И.П. Табурно, раненые размещались и содержались прекрасно, «окружены заботливостью, имеют безукоризненный уход и безукоризненную медицинскую помощь»³³⁷. Однако важно помнить о тенденции обоих авторов.

Иным увидел госпиталь в Нише менее предвзятый Н.И. Гасфельд: духота, пыль, грязь, отсутствие перевязочных материалов и медицинского персонала, «словом, полная неподготовленность в санитарном отношении, хаос, и бестолковая суетливость в уходе и распределении раненых». Складывалось ощущение, что сербы не планировали иметь потери, потому и не готовились к уходу за ранеными. Несчастные часами ждали перевязки, что повышало смертность. «Сопровождавший меня, только что прибывший из Москвы русский хирург, всмотревшись в характер ранений покойников, сказал мне, что добрую половину могла бы спасти своевременная помощь»³³⁸, – завершил описание сербской санитарной службы корреспондент.

Эпидемия холеры достигла к зиме 1912/13 г. такого масштаба, что даже во время наступления на Чатаджде в декабре 1912 года количество больных вдвое превышало количество раненых. В связи с этим для борьбы с инфекцией был приглашен известный венский бактериолог Крауз Рудольф. Он посетил несколько больниц в Болгарии. Его описание болгарского госпиталя в Чорлу создает еще более ужасную картину, нежели в Лозенграде: «Три с половиной тысячи холерных лежали в конюшнях на полу, в своей загрязненной одежде, покорно ожидая смерти! На всю эту массу умирающих было три врача»³³⁹. В такой обстановке неудивительно, что офицеры сетовали: «Врачи погубили нас...

³³⁷ Табурно И.П. Указ. соч. С. 122.

³³⁸ Шевалье Н. Указ. соч. С. 41–42.

³³⁹ Мамонтов Н.П. Указ. соч. С. 159.

При таких условиях мы должны согласиться на перемирие, благо что Турция о нем просит»³⁴⁰.

Представляется более резонным винить не врачей, а организацию тыла, которой ведали не рядовые санитары. На станции Синекли врач жаловался русскому корреспонденту, что ему выделили сто больных тифом и дизентерией, а из лекарств отпустили двадцать грамм висмута. «Что же я буду делать?» – задавал он риторический вопрос³⁴¹. Посланник «Русского слова» считал, что в бедах Лозенграда виноват конкретно руководитель санитарной службы этого населенного пункта, доктор Киранов, которому еще придется предстать перед судом. Антипатия журналиста была к нему столь велика, что он его характеризовал крайне резко: «Какой-то выродок в этом самоотверженном, воодушевленном народе»³⁴². Согласно этому же очевидцу, Киранов заявлял, что материалы для перевязки солдат и пошива им белья отсутствовали. Однако миссии РОКК нашли в лавках города достаточное их количество и, собрав местных девушек в мастерских, привели в божеский вид воинов славянской свободы³⁴³.

Санитары ставили во главу угла свое здоровье – боялись холеры, которую должны были лечить. Один из местных артистов, отправившийся рядовым на фронт, простудился. Врачи решили, что у него холера, и вынесли его на улицу, где он за ночь замерз насмерть³⁴⁴. И.Д. Чинтулову практически силой пришлось заставить доктора оказать помощь больным, и тот «охая и ворча, неохотно поплелся»³⁴⁵. Вас. И. Немирович-Данченко стал свиде-

---

³⁴⁰ Там же. С. 155–156.

³⁴¹ *Пиленко А.А.* Указ. соч. С. 197.

³⁴² *Немирович-Данченко Вас. И.* Собр. соч. Т. XV. С. 211.

³⁴³ Там же. С. 213.

³⁴⁴ Там же. С. 220.

³⁴⁵ *Чинтулов И.Д.* Указ. соч. // Военный сборник. 1913. № 7. С. 126.

телем поведения санитаров, которое теоретически являлось нарушением профессиональной этики. Раненный в ногу шел до госпиталя, санитары ели, не пытаясь оказать ему помощь. Когда солдат упал, медицинские работники и ухом не повели. Журналист указал им на раненого, те «недоуменно» посмотрели на него³⁴⁶. Как признавал И.П. Табурно, и сербские санитары «не очень охотно идут туда, где свистят пули»³⁴⁷.

При всем при этом они старались не упустить личную выгоду. Л.Д. Троцкому рассказывали свидетели: «Иные санитары, вместо того чтобы идти к раненым, обшаривают убитых. Прямо мерзость»³⁴⁸. Санитарные части стояли вдали от поля боя. По окончании сражения они, не откликаясь на мольбы о помощи, снимали с мертвых сапоги, выворачивали карманы. Один солдат в софийской больнице рассказывал журналистам, как хорошо знакомый ему санитар из одного с ним села рванул куртку и стал шарить на груди и в карманах. Раненый застонал. «Я думал, мертвый», – пробормотал мародер и бросился дальше³⁴⁹. Другой раненый в такой же ситуации услышал от своего земляка еще более сердобольный ответ: «Все равно умрешь скоро, а придут турки, – им достанется!»³⁵⁰ Вас. И. Немировичу-Данченко говорили, что обычным стал диалог между медицинским работником и раненым после боя: «– Деньги есть? – Нет. – Ну и лежи!»³⁵¹, а Е.Н. Чириков указывал, что некоторые санитары, стараясь скрыть свои преступления, закалывали раненых свидетелей³⁵².

³⁴⁶ *Немирович-Данченко Вас. И.* Собр. соч. Т. XIV. С. 235.

³⁴⁷ *Табурно И.П.* Указ. соч. С. 57.

³⁴⁸ *Троцкий Л.* Перед историческим рубежом... С. 153.

³⁴⁹ Там же. С. 198.

³⁵⁰ *Чириков Е.Н.* Указ. соч. С. 147.

³⁵¹ *Немирович-Данченко Вас. И.* Собр. соч. Т. XV. С. 218.

³⁵² *Чириков Е.Н.* Указ. соч. С. 146.

«Хозяйственность» и «рачительность» проявились и у мирного населения. Сопровождавший другого русского корреспондента возница рассказал ему показательную историю: «Проезжавший крестьянин поднял гранату и, прельстясь медной гильзой ее, стал освобождать ее от ядра. Делал он это самым простым способом: об дерево... Последовал взрыв, и крестьянина убило на месте»³⁵³. Но чаще эти черты характера принимали вид мародерства, масштабы которого были довольно велики. Н.П. Мамонтов рассказывал, что, когда он с группой русских корреспондентов проезжал по местам недавних боев, местные жители приходили с лопатами и мотыгами. Выкапывая из грязи все нужное, вплоть до трупов, раздевали их и тут же выстирывали и сушили одежды и шинели погибших³⁵⁴. Не лучше оказывались и сербы. По словам Л.Д. Троцкого, для крестьян со всех концов Сербии поиск своих сыновей в действующей армии являлся лишь предлогом для движения по местам недавних боев и мародерства, «бабы уносят на своих плечах даже двери и окна албанских домов»³⁵⁵. У черногорцев, со слов того же автора, грабеж и вовсе стал системой и главной задачей войны: «За черногорским войском – шествие жен, завоевали – грабеж»³⁵⁶.

Но все же, как мы видим, в большинстве своем болгарские и сербские солдаты проявляли себя с лучшей стороны, были готовы жертвовать собой. При этом обе страны целиком поднялись на войну, мало кто остался в стороне. Чтобы найти объяснение такому поведению, необходимо обратиться к тому, как эта борьба воспринималась самими балканскими народами.

---

³⁵³ Там же. С. 101.

³⁵⁴ Мамонтов Н.П. Указ. соч. С. 128.

³⁵⁵ Троцкий Л. Перед историческим рубежом... С. 194–195.

³⁵⁶ Троцкий Л. Черновые заметки... С. 489.

РЕАКЦИЯ БОЛГАР И СЕРБОВ НА ОБЪЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЙ БАЛКАНСКОЙ ВОЙНЫ

Показанное выше поведение солдат и офицеров доказывает то, что они к войне отнеслись как к событию, важному и для них лично. Желая понять, какими мотивами они руководствовались при этом, необходимо для начала рассмотреть то, какую реакцию вызвало объявление войны в Болгарии и Сербии.

«Объявление войны было всенародным праздником Болгарии»³⁵⁷, – свидетельствовал Н.П. Мамонтов. Много внимания пресса уделяла воодушевлению, вызванному мобилизацией. Как писал журнал «Родина», «запасные стекались на призывные участки, как на свадьбу»³⁵⁸. Подобные ощущения, что интересно, вызывало увиденное в Сербии и у одного местного жителя, которому было «невозможно замыслить, что речь идет об отправке на фронт, где кладутся жизни, а не на сватовство»³⁵⁹. «Все запасные, которых, как скот, везут в товарных вагонах, понатыкали в петлицы полевых цветов: “мы так на свадьбу ездим”, – говорят они»³⁶⁰, – сообщал читателям А.А. Пиленко. И сияющие, праздничные лица украшенных цветами солдат создавали впечатление: «Они счастливы, что примут участие в великом национальном празднике родины»³⁶¹. Потому, как считал А. Дорошкевич, «народ пошел на войну, как на свадьбу, с песнями, шутками, веселыми возгласами и прибаутками»³⁶².

---

³⁵⁷ Мамонтов Н.П. Указ. соч. С. 28.

³⁵⁸ Родина. 1912. 7 окт. С. 1.

³⁵⁹ Шемякин А.А. Сербия и сербы накануне Балканских войн... С. 124; Он же. Сербия // Югославия в XX веке... С. 41.

³⁶⁰ Пиленко А.А. Указ. соч. С. 12.

³⁶¹ Шевалье Н. Указ. соч. С. 30.

³⁶² Дорошкевич А. Указ. соч. С. 14.

И это украшение себя цветами у журналистов усиливало ощущение праздника: «У каждого солдата в дуло винтовки был вставлен миниатюрный пучок полевых цветов... И эти букетики болгарские войники хранили как святыню, до самого конца войны, и раненые, умирая, целовали засохшие, облетевшие родные цветы...»³⁶³ – описывал Софию Н.П. Мамонтов. На железнодорожной станции «как-то стыдливо и просто» скромные и застенчивые сербские девушки раздавали по цветочку проезжающим новобранцам. Но кроме этого, достать что-то более прозаическое было нельзя. «Барышни с цветами есть, но пищи никакой»³⁶⁴, – сетовал журналист. Сербские девушки дарили цветы и проезжавшим болгарским запасным. Это, казалось Ст. Вольскому, перекидывало «может быть, и хрупкий и непрочный, но все же мост» между вчерашними врагами³⁶⁵.

Эта картина вызывала противоречивые чувства у корреспондентов, ведь, как казалось Н.П. Мамонтову, «три четверти этих уходивших на войну, как на праздник, бессознательных героев несли в дулах винтовок свои надмогильные цветы»³⁶⁶. А.Д. Троцкий наблюдал отправлявшихся на фронт в опанках, с зелеными веточками на головных уборах сербов, но это не вызывало у него душевного подъема: «И ничто в данный момент не характеризует для меня так ярко кровавую бессмысленность войны, как эта веточка и эти мужицкие опанки»³⁶⁷. «В петличках у солдат цветы, брошенные им в последний раз женщинами. Может быть, такие же растут на братских могилах, куда, бодрые, смелые, юные, лягут

---

³⁶³ Мамонтов Н.П. Указ. соч. С. 21.

³⁶⁴ Чириков Е.Н. Указ. соч. С. 25–26.

³⁶⁵ Вольский Ст. Письма с Балкан // Русские о Сербии и сербах. Т. 1. С. 541.

³⁶⁶ Мамонтов Н.П. Указ. соч. С. 22.

³⁶⁷ Троцкий А. Перед историческим рубежом... С. 47.

они дорогою платою за счастье своих южных братий»³⁶⁸, – размышлял Вас. И. Немирович-Данченко. И далее он поэтически фантазировал: «Завянут цветы, будет убит юнак. Цветы воскреснут через год, из крови юнака вырастет независимость замученных племен»³⁶⁹.

Рассказы о воодушевлении в балканских странах доходили до курьезных на первый взгляд сообщений. Так, «под впечатлением всеобщего воодушевления старый майор Косевич, участник войны 1876 г., покончил с собой из-за сознания, что физическая немощь не позволяет ему принять участие в войне. “Умираю спокойно, – писал он в предсмертном письме. – Да здравствует сербо-болгарское братство”»³⁷⁰. Вас. И. Немирович-Данченко также поведал о нескольких случаях самоубийств болгар, кого по состоянию здоровья не принимали в армию³⁷¹, а И.П. Табурно – об аналогичных эпизодах в сербском войске³⁷². При этом, как добавлял Л.Д. Троцкий, были и случаи самоубийств среди не желающих идти на войну³⁷³. Но на это пресса не обращала внимания.

Ощущение праздника или святого таинства поддерживалось сдержанностью поведения провожающих и провожаемых. Е.Н. Чирикову запомнилось, как сербского кавалерийского офицера провожала мать: «Кроме любящего, обожающего взгляда, ласки рукой по обнаженной голове, мать ничем не выдавала своего страдания от разлуки, быть может, навсегда... Ни единой слезинки. – Напред, сыне, за Богом!»³⁷⁴ В Нише, где площадь перед станцией была заполнена новобранцами, корреспондент не заметил ни шума,

³⁶⁸ *Немирович-Данченко Вас. И.* Собр. соч. Т. XIV. С. 52.

³⁶⁹ Там же. С. 54.

³⁷⁰ Вестник Европы. 1913. № 1. С. 353.

³⁷¹ *Немирович-Данченко Вас. И.* Собр. соч. Т. XIV. С. 20.

³⁷² *Табурно И.П.* Указ. соч. С. 23.

³⁷³ *Троцкий Л.* Перед историческим рубежом... С. 51.

³⁷⁴ *Чириков Е.Н.* Указ. соч. С. 23.

ни пьяных, ни плачущих женщин, «вообще ничего похожего на наши родные картины при отправке на войну запасных»³⁷⁵. В Софии, по словам другого представителя печати, проводы и вовсе были запрещены, «дабы не ослаблять высокого подъема духа защитников отечества тяжелыми сценами прощания с оставляемыми, быть может навеки, семьями»³⁷⁶. Спустя уже несколько дней после начала войны «певучая и поэтическая Сербия» собралась в ожидании результатов столкновений. «Как изменились эти люди, довольные, счастливые и богатые еще недавно. В них было что-то изнеженное. Теперь из-за полного мелких забот горожанина и сельского скопидама-хозяина вдруг точно из-за кулис показался настоящий воин», – удивлялся Вас. И. Немирович-Данченко. И он мог сравнивать с увиденным в 1876 г. По его словам, Сербия была тогда «восторженная и крикливая». Теперь же он увидел молчаливых, собранных людей, ждущих боя, «как верующий причастия»³⁷⁷.

Аналогичную картину видели по всей стране. В Сербии и Болгарии, согласно корреспонденту «Русского слова», не было пьяных и прекратились преступления³⁷⁸. Как общал «Вестник Европы», даже после взятия Лозенграда «флагов и знамен никто не выставлял, речей никто

---

³⁷⁵ Там же. С. 28.

³⁷⁶ Мамонтов Н.П. Указ. соч. С. 21.

³⁷⁷ Немирович-Данченко Вас. И. Собр. соч. Т. XIV. С. 16. Согласно письмам греческой королевы Ольги своим петербургским родственникам, аналогичная атмосфера царила в Греции: «Говорят, что мобилизация состоялась быстро и спокойно, без криков, шума и показного энтузиазма; и сравнить нельзя с 1897 годом; теперь каждый сознает, что надо не шуметь, а исполнять свой долг» (цит. по: Соколовская О.В. О начале Первой балканской войны 1912 г. (Несколько писем королевы эллинов Ольги) // Славянский альманах 2009. М., 2010. С. 404).

³⁷⁸ Немирович-Данченко Вас. И. Собр. соч. Т. XIV. С. 34.

не произносил, и патриотическое возбуждение ничем особенным не проявлялось»³⁷⁹. Хотя, по описанию Н.И. Гасфельда, в Софии после взятия этой крепости звонили колокола, интеллигентные и воспитанные люди скакали по улицам, ища знакомых, чтобы поделиться с ними радостью³⁸⁰. В Белграде царила тихая атмосфера. Ст. Вольский писал в «Заветах»: «Не слышно ни криков, ни песен, ни пьяных разглагольствований. Каждый занят – занят так сильно, что для страха за исход войны, для тревоги за близких, даже если и чувствуются они где-то в глубине души, не остается уже времени. Бояться некогда – некогда и скорбеть. Свободных, незанятых людей не видно: война всех призвала на службу», поэтому и «нет зрителей войны, есть только ее участники. Когда весь театр занят актерами, некому аплодировать и не перед кем становиться в позу»³⁸¹.

Не отличались и военные тылы. Вас. И. Немирович-Данченко не увидел «ни пьянства, ни кутежа, ни разврата», «ни хриплых, распущенных девок особого сорта, выступающих в военное время в заплеванных кафешантанах, ни утренних переводов бешеных денег домой от щедрот обкрадывающих армию Ухач-Огоровичей, ни самих Ухач-Огоровичей»³⁸². Ему вторил Е.Н. Чириков: «Ни увеселений, ни музыки, ни песен, ни единого пьяного... Нет даже граммофона и кинематографа!.. В десять вечера полная тишина»³⁸³.

Страны погрузились в атмосферу напряжения и собранности. Все осознавали значимость происходящего, потому желали принять участие в борьбе, понимали необходимость

³⁷⁹ Вестник Европы. 1912. № 11. С. 406.

³⁸⁰ Шевалье Н. Указ. соч. С. 27.

³⁸¹ Вольский Ст. Письма с Балкан // Русские о Сербии и сербах. Т. 1. С. 536.

³⁸² Немирович-Данченко Вас. И. Собр. соч. Т. XIV. С. 57.

³⁸³ Чириков Е.Н. Указ. соч. С. 91.

использования всех сил и возможностей для достижения цели.

Болгарский ополченец говорил Н.П. Мамонтову: «У нас не осталось никого, кто так или иначе не содействует достижению общенародной задачи. Кто может стрелять – все в войсках, кто не может – в обозах; мы, постарше, в полиции, а полицейские – в полках»³⁸⁴. Русский корреспондент поведал о своей встрече в армейском поезде с владельцем крупной софийской газеты, отдавшим автомобиль на военные нужды и отправившимся на фронт добровольцем³⁸⁵. Другой представитель русской печати рисовал и вовсе умопомрачительную ситуацию по прибытии группы отечественных журналистов: «Профессор химии, преподаватель софийской гимназии, ныне рядовой рушукской дружины, становится часовым к нашему багажу и улыбается, глядя нам вслед; директор мужской гимназии, ныне добровольный секретарь окружного начальника, дает указания нашему чичероне, председателю земской управы; для отправления корреспонденции к нам прикомандировывается богатый купец, владелец десятка домов, в мирное время первый по оборотам с Румынией коммерсант Рушука, а ныне рядовой полицейской команды»³⁸⁶. Даже высокопоставленные чиновники отдавали долг родине в армии: подпоручиком пехоты стал бывший министр Такев, посланник в Берлине С. Станчев служил в гусарах³⁸⁷. А.А. Пиленко встретил находившегося на воинской службе главу стамболовистской партии Н. Генадиева и его брата, пошедшего в армию в качестве шофера на личной машине³⁸⁸.

И.П. Табурно схоже описывал сербские реалии: «Явились военные призывные, явились их отцы, братья,

---

³⁸⁴ Там же. С. 20.

³⁸⁵ *Немирович-Данченко Вас. И.* Собр. соч. Т. XIV. С. 43.

³⁸⁶ *Мамонтов Н.П.* Указ. соч. С. 17.

³⁸⁷ Там же. С. 47.

³⁸⁸ *Пиленко А.А.* Указ. соч. С. 55.

со своими лошадьми, быками, подводами; явились ничего не имущие, предлагая себя в погонщики и санитары. Все и вся явилось, не желая вознаграждения за отдаваемое. Не жалея ни себя, ни своего добра, лишь бы одолеть врага»³⁸⁹. В общем, мобилизация, по его словам, «сама собою могла служить показателем неминуемой победы». При этом, отметим, согласно этому же корреспонденту, известие о мобилизации передавалось в Сербии при помощи зажигания костров на возвышенностях³⁹⁰. Средневековый, даже несколько поэтический способ. Но из этого следует, что к войне все было готово.

Тем не менее всеобщее желание оказаться на фронте не всегда приводило к положительному результату. Вас. И. Немирович-Данченко сокрушался, что «убиты талантливейшие и лучшие ее (Болгарии. – *Н.Г.*) артисты»³⁹¹, погибло большое количество представителей не такой уж и многочисленной болгарской интеллигенции³⁹².

Русскому обществу сообщали, что не только мужчины рвались в армию: в «Ниве» была помещена фотография «болгарской героини» Ионки Марковой со следующей подписью: «Шестидесятилетняя старуха, родилась в деревне Бойници Видинского округа. Одевается по-мужски, принимала живое участие в сербско-болгарской войне 1885 г. Теперь в качестве волонтерки пошла на поле брани»³⁹³. Журналисты слышали от женщин: «Возьму и я пушку (ружье). Что же, я дернуть за ручку не могу, что ли? Моя бабка с турками дралась, а я нисколько ее не хуже»³⁹⁴. Шли женщины и по другим причинам. Так, Вас. И. Немирович-Данченко рассказывает

---

³⁸⁹ Табурно И.П. Указ. соч. С. 21.

³⁹⁰ Там же. С. 20–21.

³⁹¹ Немирович-Данченко Вас. И. Собр. соч. Т. XV. С. 27.

³⁹² Там же. С. 129.

³⁹³ Нива. 1912. 21 дек. С. 1021.

³⁹⁴ Немирович-Данченко Вас. И. Собр. соч. Т. XIV. С. 15.

о погонщице буйволов, которую в армию привела хозяйственная бережливость – нежелание передавать в чужие руки реквизированных буйволов³⁹⁵.

Как сообщали корреспонденты, сербские женщины клали себя на алтарь будущего страны и иначе – освобождали мужей от мыслей о доме и семье. Вас. И. Немирович-Данченко поведал о том, как молодая жена учителя убеждала мужа отправиться добровольцем на фронт, «не позорить себя». Он, «жался ее», отказывался. Тогда она повесилась, оставив записку: «Теперь ты свободен. У тебя осталась одна забота – твоя родина. Если уцелеешь, принеси на мою могилу цветы Старой Сербии»³⁹⁶. Практически дословно повторял эту историю Р. Кошутич в Обществе славянской взаимности. Единственная разница заключалась в том, что жена учителя застрелилась, да отличался немного текст записки: «Ты свободен. У тебя осталась теперь одна забота – отечество. Иди и исполни свой долг. Если уцелеешь, принеси мне на могилу цветок из Старой Сербии»³⁹⁷. В данном случае, видимо, в основе лежала или расхожая байка, или реальный случай, но рассказ создавал соответствующий образ сербского народа, целиком вставшего на борьбу с врагом. И в итоге, как считал Вас. И. Немирович-Данченко, здоровому мужчине стало невозможно не идти на фронт, поскольку «ему стыдно встретить молчаливый укор в глазах жены, сестры и даже матери»³⁹⁸.

По словам И.П. Табурно, женского плача не было слышно. И «если какая-нибудь баба и проливала тихо невольные слезы», то ее пристыжали, на что она отвечала: «Я не плачу, что жалею, а плачу от умиления, что с такой радостью идут все освободать наших братьев, плачу от того, что дождалась

---

³⁹⁵ Немирович-Данченко Вас. И. Собр. соч. Т. XV. С. 86.

³⁹⁶ Немирович-Данченко Вас. И. Собр. соч. Т. XIV. С. 19.

³⁹⁷ Война на Балканах. СПб., 1912. С. 9.

³⁹⁸ Немирович-Данченко Вас. И. Собр. соч. Т. XIV. С. 34.

это увидеть»³⁹⁹. Такое поведение заметила и швейцарская медсестра Катарина Штурценег, записав в дневнике: «С патриотизмом сербских дам мир должен считаться! Вместо того чтобы советовать своим супругам, отцам, братьям и друзьям уклониться от вооруженной защиты нации или страстной рекой слез задерживать расставание, они, напротив, его ускоряют: долг в отношении нации у них на первом месте – в сравнении с собственным сердцем»⁴⁰⁰.

В армию вступали не только жители страны: из Киева на Балканы отправилась «большая партия добровольцев-славян, преимущественно студентов университета и духовной академии»⁴⁰¹. Там же болгарский консул получил от своего правительства предписание созвать «славян для отправки на войну балканской славянской коалиции»⁴⁰². Отходящие из Москвы поезда были переполнены едущими сражаться сербами и болгарами⁴⁰³. В Будапеште славяне через своих консулов пытались записаться в армию и получить бесплатный билет до своей страны. Многие в Венгрии попросту бросали свои заработки, покупали билеты на поезда, те же, кому это не удавалось, шли пешком⁴⁰⁴, столь велико было желание простых людей биться с вековым угнетателем. При этом отнюдь не всегда добровольцы вступали в армию своей страны: корреспонденты описывали сербов, служивших в болгарских

³⁹⁹ Табурно И.П. Указ. соч. С. 23; *Он же*. Доклад о ходе Балканской войны и ее результатах. Цит. по: Шемякин А.А. Сербия // Югославия в XX веке... С. 42.

⁴⁰⁰ Шемякин А.А. Сербия и сербы накануне Балканских войн... С. 148; *Он же*. Л.Д. Троцкий о Сербии и сербах... С. 69; Гришина Р.П., Шемякин А.А. Трудный путь к европейской цивилизации... С. 30.

⁴⁰¹ Утро России. 1912. 4 окт.

⁴⁰² Русские ведомости. 1912. 5 окт.

⁴⁰³ Мамонтов Н.П. Указ. соч. С. 14.

⁴⁰⁴ Немирович-Данченко Вас. И. Собр. соч. Т. XIV. С. 6,8.

вооруженных силах. В то же время, следует признать, многие ехали на родину, поскольку подлежали мобилизации. Но при выборе между возможной смертью за свободу и жизнью дезертира на чужбине они слушали зов долга.

Присутствовали и русские добровольцы, «Нива» публиковала их фотографии. Но количество русских подданных было незначительно. В Болгарии, например, считали начавшуюся войну скоротечной, и в такой ситуации «надежды и расчеты» русских добровольцев будут неудовлетворены, тогда же они по возвращении представят страну в «черных красках». Потому, как рапортовал посланник в Петербурге, лучше принимать только офицеров и унтер-офицеров⁴⁰⁵. Пеструю картину представляло Македонско-одринское ополчение. В составе его на фронт ушел армянский добровольческий отряд. С болгарскими войсками его объединяло желание драться с турками, мстить за своих соплеменников. Этот отряд был крайне неоднороден по своему составу. Фактически им командовал герой армянской освободительной борьбы Андраник, в нем воевали и старые четники, и учителя, и сапожники, и даже молодой человек, две трети своей жизни проживший в Лондоне⁴⁰⁶. Вас. И. Немирович-Данченко встретил в болгарской армии и турецкого подданного, который «принадлежал к самым убежденным членам младотурецкой партии, работал с нею и для нее и окончательно в ней изверился»⁴⁰⁷.

В итоге, как отмечали многие корреспонденты, и в Болгарии, и в Сербии на призывные пункты явилось столько желающих, что вооружения не хватило⁴⁰⁸.

---

⁴⁰⁵ Централен държавен архив на република България (далее – ЦДА). Ф. 176К. Оп. 2. А. е. 1215. Л. 12.

⁴⁰⁶ Троцкий Л. Перед историческим рубежом... С. 181.

⁴⁰⁷ Немирович-Данченко Вас. И. Собр. соч. Т. XV. С. 48.

⁴⁰⁸ Немирович-Данченко Вас. И. Собр. соч. Т. XIV. С.14; Табурно И.П. О сербских битвах... С. 22.

МОТИВЫ ПОВЕДЕНИЯ БОЛГАР И СЕРБОВ В ХОДЕ БАЛКАНСКИХ ВОЙН

Описанное вызывает вопрос: так чем же руководствовались болгары и сербы, когда вели себя указанным образом?

Представитель советской исторической науки В.А. Жебокрицкий считал, что народом двигало желание освободить собрата-крестьянина от феодалов-турок, и это использовали «националистические, шовинистические партии для пропаганды войны»⁴⁰⁹. Болгарский школьный учебник тех же лет утверждал, что солдаты и офицеры «искренне верили» в идею национального объединения, хотя в действительности причины войны лежали в плоскости экономических отношений⁴¹⁰. И современникам событий, аналитикам преимущественно левых взглядов и никогда не бывавшим на Балканах, казалось также, что было показано в первой главе книги. Но очевидцы выделяли следующие мотивы.

Первый – месть и ненависть.

«Говорят, нет ничего опаснее раба, расковавшего свои цепи и в остервенении вымещающего вековую злобу»⁴¹¹, – считал Н.И. Гасфельд. Вторил ему Н.П. Мамонтов: «Страшна... месть освобожденного от пятивекового кошмара многострадального населения»⁴¹². «Народные песни, былины, предания Сербии и Болгарии проникнуты одним доминирующим мотивом: ненавистью к поработителю», – рассказывал Ст. Вольский. По его словам, не было ни одного уголка жизни, не окрашенного воспоминаниями о турецкой жестокости: мать, убаюкивая ребенка, приговаривала: «Молчи,

⁴⁰⁹ Жебокрицкий В.А. Болгария накануне Балканских войн 1912–1913 гг. Киев, 1960. С. 203–204.

⁴¹⁰ Бурмов А., Косев Д., Христов Хр. История на България: Учебник за XI кл. на общообразователни училища. София, 1955. С. 322.

⁴¹¹ Шевалье Н. Указ. соч. С. 77.

⁴¹² Мамонтов Н.П. Указ. соч. С. 66.

молчи, а то турчин придет»; влюбленные пары пели песни, где лирика переплеталась с «мрачным напоминанием о турецких пулях, подстерегающих молодого юнака». И в итоге даже люди с университетским образованием легко сбрасывали налет культуры: «Мгновенно просыпаются в душе “страшные рассказы и песни”, слышанные когда-то в ребяческие годы, окрашиваются новыми тонами образы литературы, – и уже заколочено наглухо окно в Европу, и владеет душой жажда крови и железа, жажда борьбы до конца, жажда возмездия и суда над ненавистным “турчиной”». В случае с «народными массами» трансформация происходила и того проще⁴¹³.

Таковыми были ощущения журналиста еще до официального объявления войны. Спустя некоторое время, уже увидев народные чувства в действии, он писал: «Ненависть к “турчину”, целыми столетиями копившаяся, целыми столетиями поддерживаемая, вспыхнула таким ярким пламенем, что в ней без остатка сгорели торжественно-красивые настроения первых дней войны». По его мнению, традиции, воспитание в семье и школе пестовали ненависть к туркам, и это привело к тому, что «алчность хозяйственного мужичка и жажда мести слились воедино, и сняли слабый культурный налет, и превратили человека в разнузданного зверя». В этой же статье Ст. Вольский дал и хлесткое определение происходившего: «Это было оргией неудержимой в своей жестокости мести»⁴¹⁴.

Е.Н. Чириков еще в поезде глядя на сербскую молодежь заметил: «Турок называют лютым врагом, извечным врагом, пылают ненавистью, выражающейся в резких словах, жестах и в глазах, вспыхивающих каким-то особенным огнем»⁴¹⁵. Болгары ему говорили: «Наша война исключитель-

---

⁴¹³ Вольский Ст. Письма с Балкан // Русские о Сербии и сербах. Т. 1. С. 537–538.

⁴¹⁴ Он же. Письма с Балкан. Письмо второе. С. 168.

⁴¹⁵ Чириков Е.Н. Указ. соч. С. 16.

ная: сошлись два исконных врага... Ведь помимо исторической вражды, успевшей всосаться в плоть и кровь с материнским молоком, наши дети со школьной скамьи в течение долгих лет уже воспитывались на мечте об окончательном счете с вековечным врагом, а в нашей солдатской памятке на первом месте значится: – Кто твой первый враг? – Турок!»⁴¹⁶ Писателю казалось, что «новые песни все – воинственно-патриотического характера, звучат бодро, призывно и полны надежд на последнюю месть туркам, ныне наступившую»⁴¹⁷. В заключение своей книги он взялся объяснить негуманные взаимоотношения противников и союзников следующим образом: «Объяснения этой обоюдной жестокости в глубине исторического процесса, в дикости, жестокости и религиозном фанатизме недавнего господина, с одной стороны, и в долго скапливавшейся и прорвавшейся, наконец, мстительной энергии бывшего раба, который сам захотел быть господином и склонен проявлять это тою же монетой»⁴¹⁸.

Л.Д. Троцкий из опросов раненых вынес следующее суждение: «Но болгарский солдат считал эту войну нужной, справедливой, своей войной. Это – основной факт. Воспоминания о турецком владычестве здесь очень живы, гораздо более живы, чем воспоминания русского крестьянина о крепостном рабстве». В восприятии болгар, на его взгляд, в одного врага слились и вчерашний насильник над ними, и сегодняшний – над македонцами, и причина необходимости содержать большую армию. «Война обещала болгарским народным массам покончить, наконец, с турецким прошлым и с турецким настоящим», поэтому и отправлялись на нее как на праздник, на поле боя показывали чудеса храбрости, из госпиталей просились на передовую⁴¹⁹. А в госпитале Вас.И. Немирович-

---

⁴¹⁶ Там же. С. 59.

⁴¹⁷ Там же. С. 93.

⁴¹⁸ Там же. С. 140.

⁴¹⁹ *Троцкий Л.* Перед историческим рубежом... С. 142.

Данченко слышал, как болгарин говорил турку: «Пятьсот лет прошло, и только сейчас настал час Божьего суда»⁴²⁰. Под впечатлением от увиденного и услышанного писатель утверждал: «Народ не только не умеет, он не может прощать»⁴²¹. Вчерашние представители райи сохранили сильные чувства к недавним господам, и «ненависти, толкающей их к роковому расчету, нельзя выразить и описать», как считал не раз посетивший Балканы А.В. Амфитеатров⁴²². Довольно точно отразил «мстительный» характер войны Е.Н. Чириков: «Вообще эту войну приличнее называть войной мести, чем идеализировать ее поэтическими эпитетами “борьбы за освобождение братьев”...»⁴²³

Жестокость сербских войск по отношению к албанцам этим же мотивом оправдывал И.П. Табурно. В течение пяти веков «арнауты» показывали храбрость на безоружных христианах, и «вековая вражда, вековая ненависть одни могли служить причиной жестокой расправы сербов с арнаутами»⁴²⁴. Потому и четники, и мирное население вымещали злобу, сжигая албанские села: «Они говорили сербским войскам: расстреливайте нас, мы не можем удержаться, уж чересчур много мы претерпели от этих зверей. Пять веков терпели». В конце Табурно миролюбиво призывал не осуждать местных сербов за «допущенные ими случаи попустительства»⁴²⁵. Находил извинение насилию со стороны сербского населения и Е.И. Мартынов, при этом подчеркивая, что «по сравнению с вынесенными притеснениями эта месть была весьма умеренной»⁴²⁶. Озлобление против врага усиливалось

---

⁴²⁰ *Немирович-Данченко Вас. И.* Собр. соч. Т. XV. С. 161.

⁴²¹ Там же. С. 108.

⁴²² *Амфитеатров Ал.* Эхо. С. 210.

⁴²³ *Чириков Е.Н.* Указ. соч. С. 142.

⁴²⁴ *Табурно И.П.* О сербских битвах... С. 63.

⁴²⁵ Там же. С. 64.

⁴²⁶ *Мартынов Е.И.* Указ. соч. С. 70.

у сербов и разочарованием от того, что великие державы отказали им в выходе к Адриатике. Один из офицеров говорил Л.Д. Троцкому: «Истребление пленных объясняется отчасти мстостью за обманутые надежды»⁴²⁷.

Поддерживаемое со стороны государства чувство ненависти к туркам привело к желанию жечь и убивать. Современник событий У. Липпман писал по иному поводу: «Постепенно импульс убивать становится основным, а все качества, которые могли бы его модифицировать, исчезают. Этот импульс становится главным, ему придается ореол святости». Постепенно импульс «становится неуправляемым» и уже распространяется не только на врага, но и на все, олицетворяющее его⁴²⁸. И это чувство к туркам имело глубокие и прочные корни в сознании болгар и сербов, «образ врага» прочно укоренился в народной памяти. Для этого государству или элитам не надо было проводить серьезную работу, да и без реальной основы это стало бы бесполезным делом. «Никакая пропаганда не может быть действенной, если она не опирается на определенные ожидания и запросы массового сознания, если она не адекватна уже имеющимся представлениям, легендам, стереотипам понимания происходящего»⁴²⁹, – справедливо заметил социолог А. Гудков. Болгарский историк Р. Конева указывала, что во время Первой мировой войны у солдат требовалось культивировать чувство ненависти к врагу, а во время Балканских войн необходимости в этом не было – воинов вела «идея национального объединения и свободы»⁴³⁰. Однако цели Болгарии

---

⁴²⁷ *Троцкий А.* Перед историческим рубежом... С. 89.

⁴²⁸ *Липпман У.* Указ. соч. С. 181.

⁴²⁹ *Гудков А.* Идеологема «врага»: «Враги» как массовый синдром и механизм социокультурной интеграции // *Образ врага* / сост. А. Гудков. М., 2005. С. 11.

⁴³⁰ *Конева Р.* Голямата среща на българския народ. Културата и предизвикателствата на войните 1912–1918 г. София, 1995. С. 99.

в Первой мировой войне мало отличались от Балканских – борьба шла за Македонию, к которой на этот раз добавилась Добруджа. Вопрос состоял лишь в затянутости конфликта и смене противника – против британцев, французов и русских болгарин сражался с меньшей охотой, нежели против турок и сербов, мстить которым он знал за что. Потому и в 1913 г., в отличие от 1918 г., все не закончилось солдатским восстанием.

* * *

Вторым мотивом была идея.

В.С. Везенков патетически восклицал: «Великий момент отчаянной борьбы и героической схватки с общим врагом – настал! Устами королей: Николая, Георгия и Петра и Царя Фердинанда, говорят пять веков рабства и страданий! Мсть за Косово, за Лазаря и Шишмана и за Византию заставляет сердца борцов проявлять невиданную еще храбрость!»⁴³¹ Балканские государства неспроста активно использовали историческую символику. Как утверждал У. Липпман, символ «сковывает личность и в то же время чрезвычайно обостряет намерения группы и сплачивает ее... Он является инструментом, с помощью которого за короткое время масса выходит из состояния инерции – инерции нерешимости»⁴³².

В обеих странах возмездие туркам было связано с, как тогда выразился сенатор и публицист Г.А. Евреинов, «политическим объединением с подневольными родичами»⁴³³ и логически завершалось идеей «Великой Болгарии» или «Великой Сербии», что замечали и журналисты.

Но понимание этих символов разнилось.

---

⁴³¹ Везенков В. Македония и причины Балканской войны. М., б.д. С. 96.

⁴³² Липпман У. Указ. соч. С. 232.

⁴³³ Евреинов Г.А. Пределы здравого русского национализма. СПб., 1912. С. 5.

Журнал «Заветы» сообщал своему читателю, что за время, прошедшее с освобождения страны, болгарин изменился мало. За одним исключением: «Он успел проникнуться национальной идеей. Он идет умирать, не задумываясь он отдаст в жертву “Великой Болгарии” себя и своих детей»⁴³⁴.

Для болгар в основе этой идеи лежало национальное объединение. Н.С. Державин в просветительской брошюре, вышедшей сразу после Балканских войн, выразил свою точку зрения: «Идея культурно-национально-политического объединения болгарского народа – вот та идея, которой Болгария обязана своим возрождением, своею политической свободой, успехами культурного развития, своими, наконец, блестящими победами»⁴³⁵. Русский офицер болгарского происхождения И.Г. Пехливанов писал, что «сознание необходимости ведения войны с Турцией за *освобождение зарубежных братьев* (курсив наш. – Н.Г.)» породило у населения интерес к военному делу⁴³⁶, т.е. именно эта идея обусловила указанное отношение к войне.

«Нужно быть в Болгарии, чтобы понять, что такое для каждого болгарина Македония»⁴³⁷, – констатировал Н.К. Самосеев. В госпитале раненные болгары говорили Л.Д. Троцкому: «Даст Бог, жив и здоров буду, опять пойду турок бить. Довольно им смердеть в Македонии»⁴³⁸. Служившие в Македонско-Одринском ополчении старики считали, что, несмотря на их собственную смерть, «детям будет хорошо жить, когда не будет турок»⁴³⁹. В.С. Везенков в Софии встретил газетчика, ему заявившего: «Довольно

⁴³⁴ *Вольский Ст.* Письма с Балкан. Письмо второе. С. 173.

⁴³⁵ *Державин Н.С.* Болгаро-сербские взаимоотношения и македонский вопрос. СПб., 1914. С. 8.

⁴³⁶ *Ганин А.В.* Указ. соч. С. 397.

⁴³⁷ ГАРФ. Ф. 555. Оп. 1. Ед. хр. 473. Л. 54.

⁴³⁸ *Троцкий Л.* Перед историческим рубежом... С. 139.

⁴³⁹ *Везенков В.* Указ. соч. // Военный сборник. 1914. № 6. С. 93.

работал на себя! Теперь поработаю для наших македонских братьев!.. Наконец-то пришел и этот день!»⁴⁴⁰

Русские журналисты отмечали значимость темы «Великой Болгарии» и в болгарском искусстве. В. Викторов-Топоров объяснял успех театральных постановок у публики «воинствующим национализмом и, в связи с этим, идеализацией туманных дебрей болгарской истории»⁴⁴¹. В журнале «Русская мысль» он говорил о полумистическом отношении болгар к Македонии и выразил свое впечатление от «нрава» болгарина: «Тот может оставаться равнодушным, слушая, как при нем говорят о вопросах мирового значения... Но стоит напомнить ему о том, что происходит за южной границей болгарского государства... стоит наметнуть на Македонию, на Царьград, напомнить длинные века византийского и турецкого рабства, — и самый хладнокровный болгарин проявит свою горячность, свой во всех других случаях жизни глубоко скрытый темперамент»⁴⁴². В 1913 г. в России вышел составленный К. Кузьминским сборник болгарского фольклора и произведений новейших поэтов и писателей. Подборка привела автора рецензии на эту книгу Г. Полилова к выводу, что как в народной, так и в авторской поэзии «везде слышится тоска за угнетенную родину, воспоминается с благодарностью царь-Освободитель, Александр II», «таятся надежды на избавление родины от тяжелого турецкого ига, воспоминаются подвиги предков и великодушные русских»⁴⁴³.

Л.Д. Троцкий в определенный момент проявил себя как социалист, вступая в противоречие с предыдущими своими утверждениями: «Народ не хотел войны и не мог ее

---

⁴⁴⁰ Везенков В. Македония и причины Балканской войны. С. 95.

⁴⁴¹ Викторов-Топоров В. Драма молодой Болгарии // Русская мысль. 1913. № 5. С. 3.

⁴⁴² Там же. С. 4.

⁴⁴³ Исторический вестник. 1913. № 5. С. 683.

хотеть». Ведь не могли быть ему в радость связанные с этим лишения. «Но командующие классы оказались неспособны найти другой выход из положения, кроме взаимного истребления болгарских и турецких мужиков. И когда война оказалась навязанной народу всей предшествующей политикой балканских правительств и европейской дипломатии, болгарский солдат принял войну, сознательно принял как единственный выход из невыносимого положения»⁴⁴⁴. Но отметим, что он тут же уронил и планку своей проницательности, заговорив о «мужиках и рабочих, грамотных и затронутых школой всеобщего избирательного права»⁴⁴⁵. Рабочих к тому времени в Болгарии было недостаточное количество, чтобы выделять их в значимую категорию; насчет грамотности и значения балканской демократии мы уже говорили.

* * *

В Сербии же национальная идеология была четче, в ее основе лежали более конкретные исторические события. Американский историк Б. Андерсон заметил: «Поскольку у нации нет Творца, ее биография не может быть написана по-евангельски, “от прошлого к настоящему”, через длинную прокреативную череду рождений. Единственная альтернатива – организовать ее “от настоящего к прошлому”»⁴⁴⁶. Сербия, где мифы о Косовской битве и образ Душанова царства прочно осели в песнях и сознании народа, является тому подтверждением. Недаром король Петр 18 октября 1912 г., объявляя войну, обратился к народу с прокламацией: «Последние события вновь вынесли на повестку дня вопрос о судьбе Балканского полуострова, – говорится

---

⁴⁴⁴ Троицкий А. Перед историческим рубежом... С. 189.

⁴⁴⁵ Там же.

⁴⁴⁶ Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / пер. с англ. М., 2001. С. 222–223.

в прокламации, – а тем самым и о судьбе Старой Сербии, той славленной, но печальной матери нашего Королевства, где находится ядро сербского государства, старых королей и царей, где находятся славные столицы времен Неманичей»⁴⁴⁷.

Видели этот мотив и русские знатоки Балкан. В 1912 г. А.А. Амфитеатров писал: «В мечтах каждого серба-патриота радужно рисуется великая Сербия, в размерах времен Душана, простирающаяся от Адриатики до Эгейского моря, со включением Кроации, Далмации, Боснии и Македонии. Это как бы современное балканское отделение панславизма»⁴⁴⁸. О восприятии войны как восстановления царства Душана говорят слова сербского офицера Л.Д. Троцкому о том, как солдаты желали скорее достигнуть Бакарного Гувна, где находилась граница этого средневекового государства: «Солдаты твердо решили, что как дойдем до Гувна, тут и работе нашей конец»⁴⁴⁹.

Под влияние подобных настроений попал и генерал Н.Р. Овсяный, писавший в «Русском инвалиде» в 1913 г., что сербская кампания осени 1912 г. «была блистательной отплатой за поражение на Косовом поле в 1389 году»⁴⁵⁰. И.П. Табурно же антиподом Косовской битвы видел именно Кумановский бой, который для сербов, по его мнению, теперь получил неменьшее значение: «Его давно ждал сербский народ – пять столетий. Пять веков подряд сербский народ обращал свой взор и молитву к Всевышнему о доровании (так в тексте. – Н.Г.) ему этого дня. Наконец Бог смиловался над ними, и 11 октября 1912 года молитва сербов была услышана»⁴⁵¹. После же взятия Скопье сотрудинок «Нового вре-

---

⁴⁴⁷ Терзич С. Старая Сербия (XIX–XX вв.). Драма одной европейской цивилизации / пер. с серб. М., 2015. С. 156–157.

⁴⁴⁸ Амфитеатров А.В. Славянское горе. С. 53.

⁴⁴⁹ Троцкий Л. Перед историческим рубежом... С. 92.

⁴⁵⁰ Овсяный Н.Р. Указ. соч. С. 222.

⁴⁵¹ Табурно И.П. О сербских битвах... С. 54–55.

мени», подчеркивая связь города с Душаном Сильным и называя его вопреки принятой норме на сербский манер, записал: «Итак, после 532 лет турецкого рабства Скопле вновь возвратился к Сербии»⁴⁵². О том же говорил в скупщине Н. Пашич: «У Куманово [сербское войско] отомстило за Косово и вернуло царскую столицу Душана Скопле». Правда, он далее расширял список возвращением земель Кралевича Марко, называя Прилеп и Присад⁴⁵³.

Воинственность пронизывала все сербское общество. И, как утверждал Е.И. Мартынов, если у русской интеллигенции в моде были пацифизм и космополитизм, то «в Сербии наиболее выдающиеся и образованные люди являются самыми ярыми националистами, настроенными особенно воинственно»⁴⁵⁴. От простых людей корреспонденты слышали: «Теперь или никогда. Если мы не можем спасти наших братьев – умрем с ними. Пусть наша Сербия вся обратится в одну могилу»⁴⁵⁵.

Однако А.Д. Троцкий заявлял об отсутствии такого энтузиазма. Он приводил слова сербского офицера, считавшего, что «городские и вообще интеллигентные элементы» были очень воодушевлены, крестьяне же – «унылы» и тосковали по домам и семьям. Тут же собеседник журналиста противоречил себе: «Когда солдаты вышли на Коссово поле, очень воодушевились. Я удивился даже. Коссово, Грачаница – эти имена переходили из поколения в поколение, повторялись несчетно в песнях народных. Солдаты стали все спрашивать, скоро ли придем в Бакарно Гувно, – это под Прилепом. Оказывается, там была некогда крайняя граница старого сербского королевства; я, признаться, и не знал этого»⁴⁵⁶.

---

⁴⁵² Там же. С. 101–102.

⁴⁵³ Вучковић В.Д. Стара Србија и Македонија: ослобођење и уређење. Ниш, 2014. С. 59–60.

⁴⁵⁴ Мартынов Е.И. Указ. соч. С. 99.

⁴⁵⁵ Немирович-Данченко Вас. И. Собр. соч. Т. XIV. С. 7.

⁴⁵⁶ Троцкий А. Перед историческим рубежом... С. 92.

Многое в исторической мифологии покоилось на религиозных обоснованиях, и П.А. Лавров в доносил до слушателей своей лекции информацию о том, что «в сербских семьях дети с малых лет привыкают не только к обычной работе, но и получают воспитание в преданности вере превыше всего, хотя бы то и стоило величайших страданий. Держатся веры потому, что она охраняет народность»⁴⁵⁷. Секретарь русской миссии в Белграде отмечал, что религия у сербов была неразрывно связана с национальностью, и на вопрос, какой они веры, отвечали – сербской⁴⁵⁸.

Хотя журналисты и не оставили нам такого же количества материала для анализа настроений сербов, в отличие от болгар, можно с большой долей уверенности говорить о значимости мотива отмищения за Косово и создания «Великой Сербии» в поддержании воинственности населения. Еще в XIX в. П.А. Ровинский отмечал, что отцы заставляют своих чад «выучивать в виде катехизиса историю падения сербского царства на Косовом поле, причем делают такие заключения, что Милошу Обиличу – на вечные времена слава, Вуку Бранковичу – проклятие, а турку и швабу надо посечь головы...»⁴⁵⁹. С парламентской трибуны учителей призывали воспитывать детей так, чтобы они знали о косовских героях «и в будущем, став гражданами, отомстили бы за Косово и создали Великую Сербию»⁴⁶⁰. Уже во время Первой мировой войны Дж. Рид заметил, что каждый солдат знал, за что сражался, поскольку его еще в детстве мать приветствовала: «Здравствуй, маленький мститель за Косово»⁴⁶¹.

---

⁴⁵⁷ Лавров П.А. Балканский союз и Сербия. СПб., 1913. С. 18.

⁴⁵⁸ Штрандтман В.Н. Балканские воспоминания. М., 2014. С. 110.

⁴⁵⁹ Ровинский П.А. Сербская Морава. Воспоминания из путешествия по Сербии в 1867 году // Русские о Сербии и сербах. Т. 1. С. 109.

⁴⁶⁰ Шемякин А.А. Л.Д. Троцкий о Сербии... С. 69; Он же. Сербия // Югославия в XX веке... С. 44.

⁴⁶¹ Гришина Р.П., Шемякин А.А. Трудный путь к европейской цивилизации... С. 30.

Отечественный историк М.В. Белов, анализируя базовую идеологическую модель в Сербии, пришел к выводу, что она складывалась на протяжении XIX в. и состояла из двух компонентов: «Косовской легенды, сочетающей мотивы жертвы и воздаяния, гибели и воскрешения, и образа восстаний 1804–1815 гг. как сербского реванша – пролога к восстановлению средневекового Царства». Схема эта была намечена в 1804 г. с началом Первого сербского восстания, окончательно же оформилась в 1889 г. на мероприятиях, посвященных 500-летию Косовской битвы⁴⁶². К тому же фольклорный образ Косова стал распространяться на более позднюю историю – фигуры героев двух восстаний начала XIX столетия в народном сознании стали подобиями персонажей косовского цикла⁴⁶³; можно даже сказать, что сербы жили в декорациях этого эпоса. Итогом такого воспитания стало то, что в 1912 г. солдаты, освободившие Приштину, падали на легендарную землю и целовали ее⁴⁶⁴.

В Болгарии такой четкой схемы понимания своей «великой идеи» не сложилось. Вас. И. Немирович-Данченко вспоминал, что, ложась спать, он слышал, как ночью у костра солдаты рассуждали о Берлинском конгрессе, Бисмарке и Сан-Стефанском договоре. Но из этого он сделал вывод о грамотности народа⁴⁶⁵; соответственно, можно предположить, обсуждение не было патриотичным, а скорее рационально-рассудительным. По словам болгарского

---

⁴⁶² Белов М.В. Актуальность героического прошлого: история и политика в предвоенной Сербии // Модернизация vs. война... С. 92.

⁴⁶³ Кайчев Н. Македонийо, възжелана... Армията, училището и градежът на нацията в Сърбия и България (1878–1912). София, 2006. С. 87.

⁴⁶⁴ Милосављевић Б. Балкански ратови // Летопис Матице српске. Књ. 491. Свеска 3. Март 2013. С. 262.

⁴⁶⁵ Немирович-Данченко Вас. И. Собр. соч. Т. XIV. С. 175.

исследователя Ст. Влахова-Мицова, у самих болгар не было концепции своих национальных идеалов. На помощь пришли русские дипломаты, создавшие Сан-Стефанскую Болгарию, которой потребовалось не менее двух десятилетий, чтобы приобрести национальное звучание и поступить на болгарскую государственную службу⁴⁶⁶. Как констатировал болгарский историк Н. Кайчев, собственных границ региона болгары предложить не сумели. В школьных учебниках родина описывалась или как совокупность трех античных провинций – Мизии, Фракии и Македонии, или же как Сан-Стефанская Болгария⁴⁶⁷. В книгах для патриотического воспитания солдат декларировалось, «что Отечество простирается от Черного моря до Албании и от Дуная до Мраморного моря, что настоящая Болгария начертана в Сан-Стефано и разрезана в Берлине на несколько частей»⁴⁶⁸.

Однако сама практика изменяла идеал, не существовало единого понимания его среди населения. Другой болгарский историк, Д. Саздов, указывал, что не существовало не только публичной, но и тайной концепции воплощения национального идеала, ее сроков или этапов. «В стране, где правящие круги непрестанно фантазировали по поводу македонского вопроса и Сан-Стефанской Болгарии, – писала отечественный исследователь Р.П. Гришина, – отсутствовала практическая государственная программа по национальному вопросу»⁴⁶⁹. Как считает болгарский историк С. Елдаров, «в этом состоит трагедия болгарского национально-освободительного движения – в отсутствии единой ясно определенной политической

---

⁴⁶⁶ Гришина Р.П. Конституционная монархия в Болгарии и ее подданные... С. 146.

⁴⁶⁷ Кайчев Н. Указ. соч. С. 94.

⁴⁶⁸ Там же. С. 237.

⁴⁶⁹ Гришина Р.П. Власть и общество. Болгария, 1912–1913 гг. // Человек на Балканах: Власть и общество: опыт... С. 149–150.

программы и стратегии, которой бы придерживались все официальные и неофициальные факторы»⁴⁷⁰.

Потому мы и видим, что от солдат и офицеров (не от публицистов и политиков) русские журналисты не слышали сакрального сочетания «Сан-Стефанская Болгария». Речь шла о двух понятиях: Македонии и соплеменниках, «македонских братьях», и оба не имели какой-то четкой дефиниции, карты с очерченными границами. И если сербские крестьяне стремились к границе средневекового сербского королевства, то болгарские – к границам проживания своих соплеменников. Под Чаталджой дух солдат был поколен не только холерой и усталостью – они шли по региону, населенному греками, считавшими болгар варварами. Здесь изменения настроений отметил Н.К. Самосеев: «Действительно, идея, за которую с радостью шли на смерть, была изжита»⁴⁷¹.

Интересны слова прекрасно знавшего болгар и их историю Н.С. Державина после Второй балканской войны: «Болгария, счастливая сознанием предстоящей близости реального осуществления своей мечты, силою сложившихся обстоятельств оказалась вдруг лишенною всего, что *в течение целого столетия* (курсив наш. – Н.Г.) было для нее наиболее дорогим в ее жизни»⁴⁷². Будущий академик явно имел в виду идеалы эпохи национального возрождения, а не Сан-Стефано.

Однако они не могли стать нужным символом – символ, способный сплотить народ и вести его на смерть, должен быть четким, предельно понятным. В Болгарии же такой

---

⁴⁷⁰ Елдаров С. Болгарские правительства и Внутренняя Македоно-Одринская Революционная организация (1893–1912) // *Imagines mundi: альманах исследований всеобщей истории XVI–XX вв.* № 6. Сер. Балканика. Вып. 1. Екатеринбург, 2008. С. 39.

⁴⁷¹ ГАРФ. Ф. 555. Оп. 1. Ед. хр. 473. Л. 54.

⁴⁷² Державин Н.С. Указ. соч. С. 8–9.

символ необходимо было «выращивать», «пестовать» в сознании народа. В этом ключевую роль играла коммеморация – совокупность многочисленных способов, с помощью которых в обществе закрепляется, сохраняется и передается память о прошлом. А как отмечают современные исследователи, каждый акт коммеморации позволяет ввести в оборот новые трактовки прошлого⁴⁷³.

Начиналось все со школы. Хотя болгарский историк, некогда директор Национального исторического музея Б. Димитров и утверждал, что в Болгарии «идея освобождения поработенных братьев овладела преобладающей частью народа», а связано это было с образованием, поскольку «каждый ученик знал о страшной неправде, совершенной в Берлине в 1878 г.»⁴⁷⁴, тем не менее подобная ситуация в отношении Сан-Стефанской Болгарии сложилась далеко не сразу. В новых и дополнявшихся хрестоматиях для школьников с 1895 до 1902 г. количество упоминаний Македонии выросло с 2 до 13 (общее количество текстов – с 10 до 31), причем в 1902 г. об этой части Сан-Стефанской Болгарии текстов было больше, чем обо всех, входивших в Болгарию реальную⁴⁷⁵. Н. Кайчев на основании книг для солдатского чтения выделил три этапа, в которые изменялось отношение к необходимости освобождения Македонии: до 1902 г. этому уделялось минимальное внимание, 1902–1907 годы были переходным периодом, в 1907 г. же вышли новые издания, целиком акцентировавшие внимание на освобождении «несчастной Македонии»⁴⁷⁶. Причем Македония, со-

---

⁴⁷³ Зерубавель Я. Динамика коллективной памяти // Империя и нация в зеркале исторической памяти / ред.-сост. И. Герасимов, М. Могильнер, А. Семенов. М., 2011. С. 15.

⁴⁷⁴ Димитров Б. Войните за национално обединение 1912–1913, 1915–1918. София, 2001. С. 24.

⁴⁷⁵ Кайчев Н. Указ. соч. С. 96.

⁴⁷⁶ Там же. С. 236.

гласно болгарскому исследователю, обозначалась прежде всего как земля, населенная соплеменниками, и «населявшие ее братья-болгары были не просто соплеменниками, а мучениками»⁴⁷⁷.

Вдобавок пропаганда национального идеала падала далеко не на самую благодатную почву – болгары традиционно считались расчетливым и практичным народом. Это прекрасно выразил в своей записке в 1915 г. российский вице-консул в Джурджу Беланович: «Основные черты характера болгарина: 1) упрямство; 2) слабая восприимчивость к новым идеям и 3) отсутствие того, что называется “гражданским мужеством”, т.е. способности из-за отвлеченных идей жертвовать положительным благом»⁴⁷⁸. Сетовали на это и сами болгарские патриоты: «Наш крестьянин в своих интересах не идет дальше поля, плуга и мотыги. Он знает свое село, дом и соседа. У него нет достаточного понятия о народности, правах, обязанностях и пр. Ему все равно, будет это болгарским или турецким, лишь бы ему дали свободно пахать, сеять и жать»⁴⁷⁹...

Как справедливо писала отечественный историк Е.С. Сениявская, «любая война начинается задолго до ее объявления, которому обязательно предшествует идеологическая и психологическая обработка населения официальными пропагандистскими структурами»⁴⁸⁰. Необходимость этого

⁴⁷⁷ Там же. С. 241.

⁴⁷⁸ *Шкундин Г.Д.* Разделяй и властвуй! Вопрос о сепаратном мире с Болгарией в политике держав Антанты (октябрь 1915 – март 1916 г.). София, 2007. С. 43; *Он же.* Русские и болгары в годы Первой мировой войны: проблемы взаимовосприятия // Россия–Болгария: векторы взаимопонимания. XVIII–XXI вв. / отв. ред. Р.П. Гришина. М., 2010. С. 190.

⁴⁷⁹ *Кайчев Н.* Указ. соч. С. 203.

⁴⁸⁰ *Сениявская Е.С.* Противники России в войнах XX века: эволюция «образа врага» в сознании армии и общества. М., 2006. С. 62.

понимали и в начале XX столетия. И.Г. Пехливанов писал, что подготовка к войне предполагает не только приведение в готовность армии, но и создание «благоприятного для проявления моральных сил настроения народа»⁴⁸¹.

Перед началом боевых действий о незавершенности дела русско-турецкой войны 1877–1878 гг. заговорила болгарская пресса, что соответствует одной из предложенных социологом Дж. Цаллером аксиом общественного мнения – аксиоме доступности (*accessibility axiom*): «Чем ближе по времени данное представление было актуализовано, обсуждалось или обдумывалось, тем меньше времени требуется для актуализации этого и аналогичных представлений в памяти, в сознании»⁴⁸². Летом 1912 г. печать обращалась к памяти о событиях 1877–1878 гг. В самом конце июля газета «Мир» сообщала о визитах деятелей русской культуры в места боев за Плевну, приводя их записи в журнале посещений⁴⁸³. Художник А.И. Вахрамеев, к примеру, написал: «Слава и тем борцам, что и сейчас ведут жестокую борьбу за *объединение славянства* (курсив наш. – Н.Г.)»⁴⁸⁴. Цель этих сообщений вполне очевидна. Заметим, что при этом даны даты этих визитов: 6, 9 и 13 июня, т.е. за полтора-два месяца до публикаций. Объяснить такую задержку можно тем, что момент стал подходящим. «Мир» являлся печатным органом правящей партии, потому его редакция действовала в согласии с планами правительства.

Помимо этого, сообщалось о выборе места строительства русской церкви на Шипкинском перевале⁴⁸⁵, а буквально за несколько дней до перехода болгарской армии

---

⁴⁸¹ Ганин А.В. Указ. соч. С. 398.

⁴⁸² Цаллер Дж. Происхождение и природа общественного мнения / пер. с англ. М., 2004. С. 101.

⁴⁸³ Мир. 1912. 28 юли, 8 авг.

⁴⁸⁴ Мир. 1912. 31 юли.

⁴⁸⁵ Мир. 1912. 18 авг.

через турецкую границу были опубликованы воспоминания о юбилейных торжествах в 1902 г., посвященных боям за Шипку и Шейново⁴⁸⁶. Подчеркнем, что вышли эти номера спустя десять лет непосредственно после событий и тогда, когда вопрос о войне с Турцией был решен. И за два дня до манифеста царя Фердинанда «Мир» опубликовал стихотворение И. Гроздева, написанное к параду 9 августа (опять-таки постфактум) о знаменитом Самарском знамени⁴⁸⁷:

С тобою победила Русь святая,
Свободными ты делаешь детей рабов,
Когда над Пирином ты воссияешь?⁴⁸⁸

Освобождение страны в исторической памяти болгарского народа было тесно связано с конкретным русским императором. Не единожды в различных уголках Болгарии и России болгарские подданные участвовали в молебнах за упокой души Александра II⁴⁸⁹.

Актуализировалась и тема Македонии. В том же «Мире» публиковались стихотворения об этом регионе, резолюции митингов, на которых выражалась готовность народа освободить Македонию и Фракию. В газете Демократической партии «Пряпорец» митингам уделили специальный раздел, помимо того подымались вопросы четничества, трети-рования властями болгарского населения, чье положение «с каждым днем ухудшается». В органе другой оппозиционной партии – радославистских «Народни права» – новости из Турции, сообщения о терактах и резне в Македонии давались под броскими черными заглавиями, все материалы были

---

⁴⁸⁶ Мир. 1912. 2 окт.

⁴⁸⁷ К слову, во время войны оно будет висеть в салоне царского поезда (*Бурбулон Р. Български дневници. София, 2007*).

⁴⁸⁸ Мир. 1912. 4 окт.

⁴⁸⁹ Мир. 1912. 1 юли, 9 авг.

подчинены одной мысли – войне⁴⁹⁰. Таким образом, не только правительственная, но и основная оппозиционная печать готовили общество к вооруженной защите соплеменников.

Во время войны пестование образа «многострадальных братьев по ту сторону Рилы и Родоп» продолжалось в периодической печати. Драматичные картины турецких зверств над «единокровными братьями, оставшимися под игом» имели целью формирование эмоциональной сопричастности болгарина к войне, что успешно было достигнуто⁴⁹¹.

Во многом символ Сан-Стефано является историческим мифом, поскольку Сан-Стефанской Болгарии в реальности никогда не существовало, а захваченный в ходе Первой балканской войны Адрианополь и вовсе не входил в нее. Центральным сюжетом идеи были Македония и связанное с ней объединение всех болгар. Однако этот аморфный символ, менявшийся буквально на ходу, служил одним из столпов всей болгарской исторической мифологии, оказывавшей значительное влияние на жизнь этого во многом традиционного общества. Как писала упомянутая Я. Зерубавель, политические мифы «не только отражают социально-политические потребности социума, способствовавшие возникновению этого мифа, но сами становятся силой, формирующей эти потребности»⁴⁹².

Существуют и иные объяснения поведения балканских народов во время Балканских войн. Так, швейцарский

---

⁴⁹⁰ Стателова Е. Някои характерни черти на българския буржоазен партиен печат в навечерието на Балканските войни (1909–1912 г.) // Известия на института за история. 1970. Т. 21. С. 183, 187, 197.

⁴⁹¹ Константинова Ю. От «по пет на нож» до «един срещу пет» – политическата пропаганда в България по време на Балканските войни // Балканите – модернизация, идентичности, идеи: Сб. в чест на проф. Надя Данова / отг. ред. Ю. Константинова. В. Тырново, 2011. С. 699–700.

⁴⁹² Зерубавель Я. Указ. соч. С. 21.

историк У. Альтерматт утверждал, что в начале той главы европейской истории, когда доктрина национализма привела к переселению или изгнанию целых народов, стоит Македония. Он справедливо указывает, что «как сербы, так и болгары считали македонцев членами “своей нации”», в итоге македонцы были объявлены сербами, вследствие чего началось насаждение государственного языка. Верны и его слова о перемещениях, изгнаниях и движениях беженцев в Македонии и Фракии. Однако он решительно заявлял, что попытка Сербии, Болгарии и Греции «покончить с чересполосицей этнических и религиозных народностей» – первое проявление агрессивного национализма в Европе⁴⁹³. В данном случае налицо экстраполяция настроений европейцев по поводу Балкан в конце XX в. на события начала столетия. Все-таки убийства турок или албанцев не являлись целенаправленной государственной политикой – основным мотивом, по которому солдаты их совершали, была месть за притеснения предыдущих веков, а не сознательное очищение территории от иного этнического компонента. Потому, как представляется, искать предтечу нацизма на Балканах начала XX в. не стоит.

К тому же о национализме на Балканах в начале XX в. можно говорить лишь с большим количеством оговорок и уж никак нельзя его считать каноном или образцом для последующих европейских этнополитических процессов. Британский историк Э. Кедури рассматривал этот феномен как продуманную государственную доктрину, вызревавшую в интеллектуальных кругах и восходящую к И. Канту. В таком случае у балканских народов, не имевших национальных интеллектуальных элит в необходимых масштабах, не могло появиться собственного национализма. Однако и тут можно заметить заимствования догоняющей модернизации. К примеру,

---

⁴⁹³ *Альтерматт У.* Этнонационализм в Европе / пер. с нем. М., 2000. С. 93.

использование «профессоров и этнологов» для определения языковых, а на их основе – государственных границ⁴⁹⁴, что мы и наблюдали в споре о Македонии.

Тем не менее в Болгарии и Сербии мы не видим необходимых условий для возникновения национализма в его классическом виде. Тот же У. Альтерматт утверждал, что новая коммуникационная сеть, построенная на общих символах и ценностях, важнейшая основа общей идеологии, появилась с «созданием лучших средств общения, таких как железная дорога, с возникновением рыночного хозяйства, с образованием слоев буржуазии, с развитием грамотности и реформой образования, с основанием союзов и партий»⁴⁹⁵. Как уже было показано выше, большинство этих явлений носили на Балканах имитационный или ограниченный характер.

Согласно одному из наиболее известных теоретиков национализма, британскому социальному антропологу Э. Геллнеру, существует несколько условий для возникновения данного явления: культура, стремящаяся быть «высокой», содержание государством собственной образовательной машины для развития этой культуры, большая социальная мобильность. Его формула общества, способного к национализму, выглядит так: «Однородность, грамотность, анонимность»⁴⁹⁶. В Болгарии и Сербии, безусловно, присутствовала однородность, грамотность же имела различный характер, но все же не была поголовной, высокая культура только формировалась. Социальная мобильность возникает в эпоху индустриализации, а интересующие нас страны по-прежнему оставались аграрными. И то, что министры и профессора являлись выходцами из крестьянских семей, не должно вводить в заблуждение. Когда возникли молодые самостоятельные государства, им срочно требовались собственные

---

⁴⁹⁴ Кедури Э. Национализм / пер. с англ. СПб., 2010. С. 112.

⁴⁹⁵ Альтерматт У. Указ. соч. С. 54.

⁴⁹⁶ Геллнер Э. Нации и национализм / пер. с англ. М., 1991. С. 280.

элиты, для чего и рекрутировались наиболее грамотные представители сельского населения. Однако затем ротации не происходило, для доказательства чего достаточно взглянуть на биографии министров – смены политической и интеллектуальной колод не происходило, они просто раз за разом тасовались по-новому. Таким образом, если и возможно говорить о проявлении национализма на Балканах в 1912–1913 гг., то лишь о его особой, искаженной, как и почти все европейские идеи, форме, наложенной на местные реалии и уровень развития.

* * *

Как мы видим, взгляды русских очевидцев сложно назвать объективными и полностью соответствующими действительности. Возникали, говоря словами У. Липпмана, «слепые зоны», не позволяющие увидеть отвлекающие от магистрального пути образы⁴⁹⁷, способные усложнить и запутать картину. Потому большинство авторов и не задавались вопросами о реальном государственном устройстве Болгарии и Сербии, в которых можно было заметить серьезные отличия. В первую очередь в начале XX в. болгарский монарх, в отличие от сербского, являлся субъектом политики. Объясняется эта разница внеконституционными факторами. Царь Фердинанд сумел, хотя и далеко не сразу, избавиться от премьера С. Стамболова, который привел его на престол. А у короля Петра не было ни времени, ни возможности свергнуть Н. Пашича и избавиться от военных, устроивших переворот 1903 г. Как заметила сербский исследователь О. Попович-Обрадович, 1903–1914 гг. Сербия провела «либо в состоянии войны, либо в подготовке к войне», что усиливало роль армии в общественной жизни⁴⁹⁸. По окончании Балканских войн

---

⁴⁹⁷ Липпман У. Указ. соч. С. 124.

⁴⁹⁸ Поповић-Обрадовић О. Указ. соч. С. 427.

офицерство открыто вошло в конфликт с Радикальной партией, воплотившийся в так называемом «споре о приоритете» – вопросе о том, кому будет принадлежать старшинство в новоприсоединенных областях – чиновникам или военным. Как справедливо отметил отечественный историк Я.В. Вишняков, это противостояние имело более глубокие корни – борьбу за власть между Радикальной партией и офицерами во главе с полковником Драгутином Димитриевичем Аписом. И недаром во многом благодаря внешней силе – Н.Г. Гартвигу – весной 1914 г. Н. Пашич сумел сохранить власть. А король Петр, балансировавший между армией и правительством, после этого конфликта фактически передал власть сыну⁴⁹⁹.

Это очередной раз подтверждает тезис о том, что очевидцы изображали Болгарию и Сербию стереотипно. Происходило, по выражению Р.П. Гришиной, «спрямление нестандартных углов»⁵⁰⁰. Увидев наличие партий и парламента, дружеские отношения офицеров и солдат, журналисты с восхищением писали о демократии в Болгарии и Сербии, взглянув на данные статистики и законы об образовании – о просвещенности и грамотности народов.

Демократичность общения истекала из того, что социальная дифференциация общества лишь началась, и элиты не успели отделиться от основной массы населения. Как вспоминал один из приближенных к болгарскому монарху, сидевшие на торжественных приемах политики, министры, общественные деятели были «сыновьями крестьян и ремесленников»⁵⁰¹. И зачастую патриархальная иерархия оказывалась сильнее формализованной. В Сербии же и вовсе стремились

---

⁴⁹⁹ Вишняков Я.В. Военный фактор и государственное развитие Сербии начала XX века. М., 2012. С. 365–375.

⁵⁰⁰ Гришина Р.П. Конституционная монархия в Болгарии и ее подданные... С. 126.

⁵⁰¹ Ганчев Д. Спомени за княжеското време. С. 26.

к формуле «сербский народ – сообщество равных» ради сохранения единства народного духа⁵⁰².

Несколько сложнее ситуация с отношением к образованию в обеих странах. Как упоминалось, в Сербии получила распространение вторичная неграмотность, крестьяне не видели смысла отдавать своих детей в школы, где им не прививались навыки, необходимые в жизни, и, соответственно, число продолжавших обучение после первой ступени было минимальным. В Болгарии же отношение к образованию было совершенно иным. За десятилетие до Балканских войн население Болгарии было больше сербского на 47 %, а количество учеников государственных гимназий и прогимназий – в 5,7 раза⁵⁰³. Это стало результатом тенденции, сложившейся задолго до создания независимого государства.

Еще в середине XIX в. славист В.И. Григорович отмечал, что «болгары отличаются образованием и живостью характера», многие из них начитанны. Объяснение этому он видел в «порядочных училищах» и обширных торговых связях⁵⁰⁴. В 1853 г. сопровождавший Е.П. Ковалевского в поездке по Балканам Н.Д. Ступин отметил, что болгары более всего уважают зажиточных, а после них – грамотных людей⁵⁰⁵. Как представляется, причины столь разного отношения к образованию покоятся в том, как прошло

---

⁵⁰² *Шемякин А.А.* Сербское общество последней трети XIX – начала XX века глазами русских наблюдателей... С. 26; *Гришина Р.П., Шемякин А.А.* Трудный путь к европейской цивилизации... С. 30.

⁵⁰³ *Кайчев Н.* Указ. соч. С. 58.

⁵⁰⁴ *Григорович В.И.* Отчет о путешествии по Турции от 7 февраля по 20 июля 1845 года // Открытие «братьев-славян»: русские путешественники на Балканах в первой половине XIX века / сост. М.В. Белов. СПб., 2018. С. 467–468, 474.

⁵⁰⁵ *Белов М.В.* «Служебное» славяноведение в России первой половины XIX века // Славяноведение. 2012. № 4. С. 61.

XIX столетие для обоих народов. Сербь путем вооруженного восстания в начале века получили свободу, стало складываться их государство. Болгария же оставалась «подбрюшьем» Константинополя, реформы Танзимата дали болгарам ряд возможностей, но они носили ограниченный характер. Армия, политика, крупное землевладение и многие иные социальные лифты были недоступны рае. Двумя главными легальными способами самореализации стали торговля и учительство, и в обоих случаях успех мог прийти лишь к человеку образованному. И в силу этого отношение к образованию оставалось сугубо утилитарным, не подразумевающим учености или тяги к искусству⁵⁰⁶. Потому несут в себе долю истины слова Ст. Вольского о поверхностности успехов в культуре и образовании независимой Болгарии: «Хитрый болгарский селяк, который не верит никому на свете, который копит деньгу с упорством французского мужика и делает состояние с неразборчивостью американского янки, остался таким же, каким он был тридцать лет назад»⁵⁰⁷.

Тем не менее государственная политика, исходившая из того, что образование может стать локомотивом развития страны, выделить ее на фоне балканских соседей, помноженная на восприятие образования народом, давала плоды уже не номинальной грамотности. Косвенным свидетельством доли умеющих читать болгар является состояние полиграфической отрасли. В 1913 г. в стране насчитывалась 181 типография, при этом $\frac{4}{5}$ из них были разбросаны по стране, и, за исключением одной пловдивской, представляли собой мелкие предприятия, в подавляющем большинстве без механических

---

⁵⁰⁶ Гусев Н.С. Ретроспективная динамика ценностей и методика ее изучения (на примере «образования» в Болгарии в конце XIX – первой половине XX вв.) // Взгляд на славянскую аксиологию / отв. ред. И.А. Седакова. М., 2019. С. 258–260.

⁵⁰⁷ Вольский Ст. Письма с Балкан. Письмо второе. С. 168.

двигателей⁵⁰⁸. Подобная дисперсность распространения типографий свидетельствует о запросе на актуальную информацию с региональной компонентой, что, в свою очередь, говорит о широком распространении грамотности. Возможно, потому, по словам А.А. Пиленко, девять из десяти болгарских солдат знали газету «Новое время». «Знает ли один мужик из ста значение этих двух слов?»⁵⁰⁹, – с горечью добавлял он. Однако, как указала Р.П. Гришина, в сфере образования возникли диспропорции. Молодые люди в основном стремились к высшему образованию гуманитарного направления, что в «недостаточно развитом обществе приводило к перепроизводству “образованных”, которые не находили себе применения в жизни»⁵¹⁰.

Другим показателем «просвещенности» и «модерности» («двадцативековости») указанных стран можно считать отношение к чужой человеческой жизни. В Европе ей уже постепенно придавалось все большее и большее значение. Характерна здесь следующая история: воспитанный в военных традициях XIX в. (хотя ни разу и не побывавший в бою), гродненский губернатор М.М. Осоргин возмущался тем, что во время русско-японской войны капитана «Варяга» не отдали под суд за оставление корабля, а превозносили как героя. В XX в. изменилась ценность человека. Даже в считавшейся отсталой России пусть и ненадолго, но появилось сочувствие к раненым и убитым, и, как справедливо заметил С.А. Экштут, «массовые людские потери стали отождествляться образованным обществом не с героизмом погибших воинов, а с бездарностью как высшего

---

⁵⁰⁸ *Гринберг С.* Основные тенденции и особенности развития фабричной промышленности в Болгарии в начале XX века (1900–1912 гг.) // Советское славяноведение. 1975. № 3. С. 81.

⁵⁰⁹ *Пиленко А.А.* Указ. соч. С. 141.

⁵¹⁰ *Гришина Р.П.* Болгария в 1878–1920 гг. // Особенности «новой» южнославянской государственности... С. 44.

командования, так и верховной власти»⁵¹¹. На Балканах же выбывший из строя оставался «паром отработанным», о котором не заботились ни однополчане, ни руководство. Сюда же можно отнести и ту средневековую жестокость, которую проявляли союзники как к противнику, так и мирному албанскому или турецкому населению. Понятно, что военачальники напрямую не приказывали подчиненным резать турок и арнаутов, но уровень общей культуры оказывался недостаточным – сначала солдат охватывало чувство мести, а затем включалась и психология толпы. Как писал психолог С. Московичи, «взятый в отдельности, каждый из нас в конечном счете разумен; взятые же вместе, в толпе, во время политического митинга, даже в кругу друзей, мы все готовы на самые последние сумасбродства»⁵¹². В данном случае сумасбродства оказались далеко не безобидными.

Влияние местной культуры и уровня развития общества проявлялось во всех сферах, где молодые славянские страны стремились к заимствованию европейских идеалов. Как справедливо отметил словенский антрополог и социолог Б. Езерник, перемены были существенными, но внешними, прежде всего в сфере городской архитектуры и моды. «Однако, – признал он, – османское влияние оказалось весьма устойчивым в том, что касается предпочтений в еде и кофеен. Еще больше сил было затрачено при попытках очистить от османских примесей идеологическую сферу (убеждения, взаимоотношения, систему ценностей)»⁵¹³. Но, как мы старались показать выше, в духовной сфере наследие было прежде всего традиционалистским, а османский оттенок оно приобретало в силу того, что предыдущий этап развития южнославянских обществ был связан с этой

---

⁵¹¹ Эжитут С.А. Закат империи. От порядка к хаосу. М., 2012. С. 51–53.

⁵¹² Московичи С. Век толп. М., 1998. С. 21.

⁵¹³ Езерник Б. Дикая Европа. Балканы глазами западных путешественников / пер. со словен. М., 2017. С. 273.

культурой. Потому более верными и точными представляются слова сербского историка Д. Джорджича: «Балканские страны в XIX в. попытались включиться в Европу, заведя у себя европейские институты. Но то балканское “обезьянничанье” было пронизано сильнейшим традиционализмом»⁵¹⁴. В итоге мы видим сугубо традиционное общество, где сапоги заменялись опанками, дисциплина – «сознательностью», а закон – обычаем и справедливостью.

Тем не менее между двумя интересующими нас странами существовала значительная разница. В Болгарии оттягивали решение национального вопроса *manu militari*, потому в 1904 г. отказались от предложения Сербии поделить Македонию⁵¹⁵. На востоке Балкан продолжался процесс культурного и экономического развития, и известный политик Н. Генадиев в своей речи 1906 г. в Народном собрании выразил квинтэссенцию настроений страны. Он выразил гордость появившимися наукой, школами и университетом, книгоизданием, обликом Софии, развитием земледелия, армией. «Тридцать лет назад в Болгарии жил рабский народ, о котором мир узнал по зверствам в Батаке. Сегодня наше отечество населяет энергичный, передовой народ, который неимоверными усилиями стремится приблизиться к образованным государствам, который гигантскими шагами идет к прогрессу, окруженный сочувствием благородных наций и удивлением друзей и врагов. Это и есть величие Болгарии!»⁵¹⁶ – закончил он под аплодисменты депутатов. И лишь в 1911 г. был взят курс на войну⁵¹⁷.

⁵¹⁴ Цит. по: Шемякин А.А. Особенности политического процесса... С. 181.

⁵¹⁵ История на България. Т. 3: История на нова България, 1878–1944 / Е. Стателова, С. Грънчаров. София, 1999. С. 184–185.

⁵¹⁶ Илчев И. Указ. соч. С. 315–318.

⁵¹⁷ Потому нам кажется ошибочным утверждение российского историка Д.О. Лабаури, что в Болгарии был выбран мобилизационный

А в Сербии в это время перманентно поддерживалась воинственность, по праздникам салютовали боевыми патронами, что удивляло В.Н. Штрандтмана. Как ему разъяснили, это символизировало «бодрость сербского народа, всегда готового защищаться от врагов»⁵¹⁸. Там постоянно готовились к вооруженному столкновению, и даже после двух кровопролитных Балканских войн Е.И. Мартынов свидетельствовал: «Я говорил со многими сербами, начиная от высшей интеллигенции и кончая простыми поселянами, и все они смотрят на войну с Австрией как на следующую очередную задачу сербской политики»⁵¹⁹. Эти настроения, существование народа в пограничной зоне приводили к формированию «человека вечной войны», по определению П.А. Ровинского⁵²⁰, жизни по принципу «передышка между войнами»⁵²¹. Причем сложился он задолго до Балканских войн. Посетивший Сербию еще в 1830 г. А.Г. Розелион-Сашальский отметил, что в стране нет старых домов, а многие свои дома возрождали по 6–7 раз⁵²². Страна жила 18 лет

вариант модернизации, что вынудило отодвинуть на второй план модернизационные задачи в экономической, социальной и духовной сфере. В силу этого кажется необоснованным и распространение тезиса о «мобилизационном напряжении», заставлявшем жить завтрашним днем, на жителей болгарского государства (Лабаури Д.О. Евангелие и револьвер: Социальные и психологические основы болгарской национальной революции в Македонии и Фракии в конце XIX – начале XX в. СПб., 2018. С. 294–297). Представляется, что такие настроения могли быть доминирующими лишь у болгар Македонии и Фракии.

⁵¹⁸ Штрандтман В.Н. Указ. соч. С. 100.

⁵¹⁹ Мартынов Е.И. Указ. соч. С. 100.

⁵²⁰ Ровинский П.А. Указ. изд. С. 97.

⁵²¹ Гришина Р.П., Шемякин А.А. Трудный путь к европейской цивилизации... С. 27.

⁵²² Розелион-Сашальский А.Г. Статистическое описание Сербии // Открытие «братъев-славян»... С. 214.

в ожидании неизвестности, и «сия неизвестность удерживала *in status quo* способности и расположение народа вообще и в частности»⁵²³.

В итоге получалось, что на Востоке Балкан считали: «Сначала развитие, затем объединение»; а на Западе – «Сначала объединение, затем развитие». Прекрасное подтверждение тому – внешний вид Софии и Белграда, в котором, как говорили сербы русскому дипломату, незачем отстраивать большие дома, поскольку «рано или поздно они подвергнутся вражескому разрушению»⁵²⁴. Ясно это выразила газета «Русские ведомости», подводя итоги 1913 г.: «Народы импульсивные, готовые при всяком конфликте интересов лить свою и вражескую кровь на поле брани, обычно деньгами не располагают: такова связь между богатством и культурой»⁵²⁵.

Но в чем обогнала Сербия Болгарию, так это, бесспорно, в формировании национальной идеи. В последней так и не смогли ее сформулировать и «привить» населению. Однако далеко не факт, что это стоит оценивать исключительно негативно. По мнению американского социолога Э. Хоффера, обращение массового движения к идеалам прошлого исходит «из стремления показать настоящее как простой переход от прошлого к будущему»⁵²⁶. И это ге-

---

⁵²³ Там же. С. 217.

⁵²⁴ Штрандтман В.Н. Указ. соч. С. 116. И это можно сравнить с впечатлением очевидца Белграда начала 1920-х гг.: «Чувствовалось во всем стремление поднять вид столицы до уровня других европейских городов. По городу уже бегали новые чистые трамваи, наряду с одноэтажными и невзрачными домами начали строиться многоэтажные дома со всеми удобствами» (Каменский В. Воспоминания курьера генерала Врангеля. 1921–1924 годы // Русская Армия в изгнании / сост. С.В. Волков. М., 2003. С. 68).

⁵²⁵ Русские ведомости. 1914. 1 янв.

⁵²⁶ Хоффер Э. Истинноверующий: мысли о природе массовых явлений / пер. с англ. М., 2001. С. 93.

ниально подметил еще в XIX в. П.А. Кулаковский в письме Ап. А. Майкову: «Царство Душана не дает сербам спать» – недавно где-то я читал, и это правда: не было бы вредно, если бы этим историческим воспоминанием сербы поддерживали свой дух, но беда-то в том, что это историческое воспоминание заставляет их разыгрывать роль, им неподходящую, <...> заставляет больше мечтать и меньше делать»⁵²⁷.

Однако сербы все получили. Болгары же вскоре выступили на стороне Германии и пережили «вторую национальную катастрофу», вдобавок настроив против себя своих соседей. А через 20 лет повторили свой выбор, вновь оказавшийся неверным. И эти решения во многом были обусловлены гибелью в 1913 г. на полях Македонии идеи славянской взаимности. Но, как показали события конца XX в., не принесло это счастья и Сербии. Поистине был и остается мал Балканский полуостров для населяющих его народов и их желаний!

---

⁵²⁷ Кулаковский П.А. Указ. изд. С. 183.

Глава IV

ВТОРАЯ БАЛКАНСКАЯ ВОЙНА – СМЕНА НАСТРОЕНИЙ РУССКОГО ОБЩЕСТВА

Неизбежность будущей войны между союзниками прекрасно осознавалась русским обществом, да они и сами не скрывали разногласий¹. Еще в октябре 1912 г. «Вестник Европы» опасался, что «в лагере противников Турции нет единства, и кажущаяся солидарность их исчезнет при первой попытке определения последствий войны для ее участников»: сербы и болгары будут иметь конфликт по Старой Сербии и Македонии, греки станут претендовать на часть Македонии, где превалируют в населении сербы и болгары, те ответят им ненавистью. «Не вспыхнет ли взаимная вражда?»² – высказывалось опасение в журнале. Однако победы славянских армий заставили скептиков на некоторое время умолкнуть. Тем не менее в связи с развитием событий относительно раздела Македонии тревожные настроения вновь стали появляться в России.

---

¹ Одновременно И.В. Сталин предрекал даже не Межсоюзническую, а Первую мировую войну в статье «Марксизм и национальный вопрос», написанной в январе 1913 г.: «Рост империализма в Европе – не случайность. В Европе капиталу становится тесно, и он рвется в чужие страны, ища новых рынков, дешевых рабочих, новых точек приложения. Но это ведет к внешним осложнениям и войне. Никто не может сказать, что Балканская война является концом, а не началом осложнений».

² Вестник Европы. 1912. № 10. С. 416.

Во время торжеств в честь 300-летия дома Романовых, по свидетельству В.Н. Коковцова, С.Д. Сазонова не покидала озабоченность болгаро-сербским спором³. Еще в марте, на приеме в честь Р. Димитриева и С. Данева, состоявшемся после падения Адрианополя, казалось, стершего антагонизм, М.В. Родзянко произнес тост, содержащий следующие слова: «Храните мир между собой, между союзниками и соратниками. Да не ослепят вас ратные победы и да не возбудят они между вами опасной и нежелательной ревности к содеянным подвигам... Поэтому мы, ваши братья, ликующие о бранных победах славянства, молим вас все силы ума и воли направлять для предупреждения междоусобных трений, опасных для достижения блестящего конца войны»⁴.

К концу Первой балканской войны напряженность в болгаро-сербских отношениях стала очевидной для всех. В дни возобновившейся Лондонской конференции «Родина» опасалась, что «начнется еще дележ завоеванных территорий между союзниками, и на этой почве возможны недоразумения между ними»⁵. Об этом же писала газета «Волжское слово» в статье «Предостережение»⁶. Одновременно «Нива» предупреждала болгарские и сербские «горячие головы»: «Тот, кто первый поднимет оружие на брата своего, явится самым злейшим врагом всего славянского дела и России». Тут же говорилось о «болгарской жадности» и «сербской неуступчивости». При изложении аргументов

---

³ *Коковцов В.Н.* Из моего прошлого. Воспоминания 1911–1919. М., 1991. С. 229.

⁴ *Родзянко М.В.* Крушение империи. Л., 1929. С. 72–73.

⁵ Родина. 1913. 21 апр. С. 1.

⁶ *Артамонова Л.М.* Критика внешней политики правительства на Балканах и антивоенные выступления в самарской печати 1912–1913 годов // Внешнеполитические интересы России: история и современность / отв. ред. А.Н. Сквозников. Самара, 2014. С. 13.

соперников с большей долей симпатии говорилось о Сербии⁷. «Вестник Европы» в июньском номере занял, скорее, противоположную сторону. Болгарская позиция освещалась как более обоснованная. Посвященная конфликту статья заканчивалась призывом к Софии пойти навстречу Белграду в связи с тем, что Сербия сделала больше для Болгарии, чем Болгария для Сербии⁸.

До завершения войны с Турцией оставалось совсем немного, но осознавалась и вероятность нового столкновения. В сложившейся ситуации Сербия и Греция оказались естественными союзниками: на Салоники – крупнейший порт на Эгейском море – претендовали и Болгария, и Греция, на земли к северу от Салоник – и Болгария, и Сербия.

17 мая в Лондоне был подписан мирный трактат, согласно которому граница Османской империи устанавливалась по линии Энос – Мидие. Уже на следующий день Сербия и Греция заключили политический и военный союз. Опасность перерастания обсуждения распределения добычи в кровавую свалку вызывала в Петербурге тревогу. Император Николай II призвал спорящие стороны сесть за стол переговоров, но этого не произошло. Дипломатический кризис в Болгарии перерос в политический – в отставку ушло правительство И. Гешова, замененное кабинетом С. Данева. Нового премьера Генеральный штаб даже не стал предупреждать, когда 16 июня принял решение об атаке на сербские и греческие позиции. Заместителю главнокомандующего М. Савову советовали подождать ожидаемого нападения сербов, чтобы иметь моральное преимущество, но тот отмахнулся от советов политиков⁹. 17 июня началась Вторая балканская война.

Поначалу никто не понимал, кого в ней винить. Как позднее доказали и югославские, и болгарские историки, официальные

---

⁷ Нива. 1913. 1 июня. С. 440.

⁸ Вестник Европы. 1913. № 6. С. 393.

⁹ *Crampton R.J. Bulgaria 1878–1918. A history. New York, 1983. P. 421.*

София и Белград взяли курс на войну¹⁰. Чувствовало это и русское общество. Вопрос стоял лишь о том, кто первым развязал боевые действия. «Вестник Европы», по-прежнему занимая в конфликте проболгарскую позицию, встал на сторону Софии в этом вопросе: «Болгары утверждают, что зачинщиками и виновниками этих кровавых столкновений являются именно сербы, и многие внешние признаки говорят, несомненно, в пользу такого утверждения»¹¹. Но при этом автор статьи подчеркивал, что вина за междоусобицу лежит и на сербах, и на болгарях, которым вскружили голову их успехи и территориальные приращения, на которые они даже не рассчитывали¹². Кадетская «Речь» также заступалась за болгар, но, когда виновник стал известен, оказалась в затрудненном положении, что высмеял Л.Д. Троцкий. По его словам, правый кадет «Иван Кириллович» растерянно ему говорил: «Но теперь выясняется, что инициатива войны принадлежала не Сербии, а Болгарии. Ничего не понимаю»¹³. Однако большинство изданий склонялось на сторону Сербии и осуждало болгарские «шовинизм» и «империализм»¹⁴.

Межсоюзническая война явилась катастрофой для Болгарии. 21–25 июня в битве на реке Брегалнице ее армия была разгромлена, а 27-го числа на болгарскую территорию вступили войска Румынии, руководство которой по-прежнему требовало перекраивания карты Балкан в свою пользу. Они беспрепятственно продвигались по направлению к Софии и вышли к ее пригороду – селу Враждебне.

---

¹⁰ Писарев Ю.А. Тайны Первой мировой войны. Россия и Сербия в 1914–1915 гг. М., 1990. С. 130.

¹¹ Вестник Европы. 1913. № 7. С. 416.

¹² Там же. С. 418.

¹³ Троцкий Л. Перед историческим рубежом... С. 133. С. 239.

¹⁴ Котов Б.С. Межсоюзническая война лета 1913 года в восприятии русского общества (по материалам прессы) // Новая и новейшая история. 2015. № 3. С. 103.

Ситуация усугублялась тем, что следом за Румынией новую границу пересекала Турция, пытаясь вернуть утраченные территории. У болгарского руководства не оставалось иного выхода, кроме как признать поражение. Тогда в болгарской газете «Балканска трибуна» вышла статья с горьким заголовком «Завоевано за 9 месяцев, потеряно за 9 дней»¹⁵. Ставший новым премьером С. Данев, согласно свидетельству И. Фичева, верил, что Россия, заплатившая 200 тыс. жизней за освобождение Болгарии, не сможет оставить ее на произвол судьбы, и вопрошал посланника в Петербурге: «Неужели голос России столь слаб, что не слышен в Константинополе и Бухаресте? Или Россия нас оставила на произвол судьбы?»¹⁶ Но, по выражению академика И. Илчева, болгарам пришлось «на своем горбу убедиться в правоте максимы, что у побежденных нет друзей»¹⁷.

28 июля в Бухаресте был заключен мирный договор между вчерашними союзниками. Из всей Македонии Болгарии доставались Пиринский край и небольшой выход к Эгейскому морю с второстепенными портами, от нее в пользу Румынии отторгалась плодородная Южная Добруджа. 16 сентября в Константинополе была поставлена точка под противоборством Болгарии и Турции. Последней возвращалась Восточная Фракия с Лозенградом, Люле-Бургасом и Адрианополем. С.Д. Сазонов цинично признался А.П. Извольскому: «Нам, конечно, об этом не приходится жалеть: от могущественной Болгарии России нельзя ожидать ничего хорошего. Теперь же можно надеяться, что равновесие на Балканах восстановится

---

¹⁵ *Топенчаров В.* Българската журналистика 1903–1917. София, 1981. С. 558.

¹⁶ *Пешев П.* Историческите събития и деятели от навечерието на освобождението ни до днес. София, 1993. С. 418–420.

¹⁷ *Илчев Ив.* Карнегиевата анкета през 1913 г. Обстановка, извършване и международен отзвук // Исторически преглед. 1989. № 10. С. 17.

само собой»¹⁸. Однако он оказался далеко не прав. «Миром без примирения» афористично охарактеризовало Бухарестский договор «Утро России»¹⁹, а сатирическое издание «Шут» поместило карикатуру, где изображены вчерашние союзники, которые, пряча за спиной пистолеты, заявляют: «Не правда ли, милые соседи, мы снова – старые друзья»²⁰. И время показало, сколь пророческой оказалась данная шутка.

Со временем стали известны виновники и окончательные результаты. Уже в августовском номере «Вестник Европы» кардинально изменил свою точку зрения. Если до этого журнал явно симпатизировал Болгарии, хотя и не снимал с нее полностью вины, то теперь он подходил к ней с противоположными чувствами²¹. Важно отметить, что многие издания, как, например, «Нива», «Русская мысль» и другие, до сентября не освещали события на Балканах и лишь по окончании войны стали формулировать свои оценки. Тут весьма интересна одна деталь. Авторы статей пытались представить виноватой с сербской стороны скупщину. О короле Петре вновь не вспомнили. С болгарской же стороны ответственность возлагалась исключительно на царя Фердинанда и его приближенных, правда, отмечалось, что не одна Болгария показала себя «с крайне несимпатичной стороны»²². К Греции отношение было однозначно негативным. «Греки начали свои военные действия возмутительным избиением небольшого и почти беззащитного болгарского гарнизона в Салониках»²³, – сообщала «Нива».

---

¹⁸ Кострикова Е.Г. Российское общество и внешняя политика накануне Первой мировой войны 1908–1914 гг. М., 2007. С. 249.

¹⁹ Котов Б.С. Указ. изд. С. 110.

²⁰ Филиппова Т. «Прощание славянки»: Балканские войны в русской сатирической журналистике начала XX века // Родина. 2012. № 5. С. 21.

²¹ Вестник Европы. 1913. № 8. С. 389.

²² Там же. С. 389–390.

²³ Нива. 1913. 10 авг. С. 638–639.

Руководство Болгарии, или, как выразился Л.Д. Троцкий, «кучка людей, которая уверовала, что веками подготовленный разгром Турции есть дело ее собственного гения, ее силы и решительности»²⁴, всеми было признано виновным.

Лидер партии кадетов П.Н. Милюков небезосновательно утверждал, что болгарский монарх начал боевые действия летом 1913 г. вопреки мнению своих министров²⁵. Его коллега по Государственной Думе Н.В. Савич, хотя и полагал, что основная «заслуга» за разрушение Балканского союза лежит на Вене, не снимал ответственности и с Фердинанда Кобурга. Думский депутат выражал сочувствие болгарскому народу, которому придется расплачиваться за действия своего царя – «австрийца на славянском престоле», всегда ненавидевшего Россию и русского императора²⁶. А. Дорошкевич в статье уже в мае 1914 г. в «Военном сборнике» указывал, что именно правительство Болгарии, «явно склонившись на сторону Тройственного союза, искало столкновения с сербами»²⁷.

Полковник В.Н. фон Дрейер распространял информацию, которую ему якобы сообщил И. Фичев. Царь не желал и слышать об уступках Сербии, но, как всегда, старался максимально снять с себя ответственность, поэтому потребовал, чтобы присутствующие на Совете министров подписями подтвердили свое положительное мнение относительно войны²⁸.

Бывший премьер-министр сербского короля Александра Обреновича Владан Джорджевич в интервью Е.И. Мартынову упрекнул болгарского царя в мании величия и страсти к интригам. При этом он сообщил журналисту, что Фердинанд, создавая Балканский союз, заключил тайное соглашение

---

²⁴ Троцкий Л. Указ. соч. С. 246–247.

²⁵ Милюков П.Н. Воспоминания. Т. 2. М., 1990. С. 109.

²⁶ Савич Н.В. Воспоминания. СПб., 1993. С. 113.

²⁷ Дорошкевич А. Братоубийственная война // Военный сборник. 1914. № 5. С. 86.

²⁸ Штрандтман В.Н. Балканские воспоминания. М., 2014. С. 199.

с Австрией, по которому обязывался выставить в случае войны 200 тыс. солдат против России²⁹. И.П. Табурно публично обвинил руководство Болгарии в переговорах с австрийцами о разделе Сербии и Македонии, но, по его мнению, этому соглашению помешали завышенные требования дуалистической монархии³⁰. Персона царя стала объектом откровенных инсинуаций, но они ложились на благодатную почву. И одобряла ее даже не столько предшествующая политика Фердинанда Кобурга, сколько его происхождение, что в условиях набирающей оборот австрофобии играло значимую роль.

«Утро России» ответственным за развал Балканского союза называло Фердинанда, заигрывавшего с Австро-Венгрией, к которой «властно склоняли его личные симпатии, родовые традиции, голос его неславянской крови»³¹. «Нива», подводя итоги двухлетних боевых действий на Балканах, обвинила царя Фердинанда в вероломстве (за это Болгария была наказана утратой Добруджи и почти всей Македонии), в готовности к дальнейшему предательству (расплатой за что стала потеря Адрианополя и Фракии)³². В конце 1913 г. журнал, вспоминая минувшие события, даже назвал монарха «австрофильствующим правителем Болгарии»³³. Журнал «Сатирикон» свое мнение о результатах политики болгарского царя за последние два года передал карикатурой, помещенной на обложке выпуска: у разбитого корыта в наряде старухи сидит царь Фердинанд³⁴

---

²⁹ Мартынов Е.И. Сербия в войне с царем Фердинандом. Заметки очевидца. М., 1913. С. 14.

³⁰ Табурно И.П. Вопрос о распределении завоеванной у Турции территории между Болгарией и Сербией. СПб., 1913. С. 34.

³¹ Котов Б.С. Указ. изд. С. 109.

³² Нива. 1913. 14 сент. С. 737.

³³ Нива. 1913. 16 нояб. С. 919.

³⁴ Царя Фердинанда на карикатурах всегда было легко узнать по его выдающемуся носу, указывающему на родство с Бурбонами, чей размер художники подчеркивали. Эта черта его внешности

и причитает: «Давно ли я думал о том, кому поднести ключи от Царьграда?...»³⁵

«Вестник Европы», прежде вполне лояльно писавший о болгарских верхах, после Межсоюзнической войны с усердием начал очернять их, пытаясь реабилитироваться в глазах читателя. В издании появился довольно интересный мотив: противопоставление правителей Болгарии и ее народа. Приведем несколько примеров: «ослепленная своими неожиданными успехами в борьбе против Турции, болгарская военная партия сочла возможным отделиться от союзников»³⁶; «болгарские правители пользовались репутацией расчетливых, дальновидных и трезвых политиков, между тем они обнаружили такую бездну легкомыслия и самомнения, что даже лучшие друзья Болгарии ставятся в тупик»³⁷; «Болгария жестоко наказана за преступные ошибки и увлечения своих политических и военных деятелей»³⁸. В январе 1914 г. журнал констатировал, что в судьбе этой страны «начался крутой поворот судьбы, вызванный непонятым ослеплением и высокомерием болгарских правителей»³⁹.

Взгляд «Русской мысли» был аналогичным – она писала об «авантюристах, которые толкнули Болгарию на катастрофу», и сожалела о том, что за ошибки правителей «расплатился многострадальный болгарский народ»⁴⁰. «Нива» еще более явно противопоставляла болгарских правителей

настолько запомнилась в России, что в 1916 г. под Нарочью занятый немцами холм русские солдаты стали называть «нос Фердинанда» (*Айрапетов О.Р.* Генералы, либералы и предприниматели: работа на фронт и революцию. 1907–1917. М., 2003. С. 136).

³⁵ Сатирикон. 1913. 26 июля.

³⁶ Вестник Европы. 1913. № 8. С. 388.

³⁷ Там же. С. 389.

³⁸ Там же. С. 390.

³⁹ Вестник Европы. 1914. № 1. С. 423.

⁴⁰ Русская мысль. 1913. № 9. С. 2.

и народ, указывая, что болгарам «необходимо решительно и бесповоротно освободиться от тех тлетворных элементов, которые сделали болгарский народ слепым орудием антиславянской политики на Балканах»⁴¹.

Сочувствие к судьбе Болгарии все же имело место. Поражение от Сербии воспринималось как наказание, но возвращение завоеванного туркам казалось несправедливым. Как вспоминал С.Д. Сазонов, «несчастья Болгарии, явившиеся последствием ее политического греха и повергшие ее в очень тяжелое положение, вернули ей, в известной мере, сочувствие России», старавшейся помочь в адрианопольском вопросе⁴². На даче В.Н. Коковцова на Аптекарском острове проходили заседания Совета министров. По воспоминаниям заместителя министра народного просвещения М.А. Таубе, все закончилось тем, что С.Д. Сазонов признал: у России нет реальных возможностей давления на Константинополь. Тогда премьер вынес решение: «Так нечего нам зря ломать голову над этими вопросами. Турки, очевидно, отберут Адрианополь»⁴³.

Противником чрезмерного «наказания» Софии со стороны Сербии и Греции являлась газета «Русское слово», утверждавшая, что хотя русское общество и было на стороне победителей, но если они не согласятся на скорейшее примирение, то представители крупнейшего славянского народа разочаруются и изменят свое отношение. Дальше шла газета «Голос Москвы». В передовице издания утверждалось, что России необходимо поддержать Болгарию, чтобы та не стала ориентироваться на Центральные державы, а тесные отношения с Сербией могут лишь привести к серьезным осложнениям в Европе из-за австро-сербских противоречий. «Да и сможет ли разгромленная и истощенная страна

---

⁴¹ Нива. 1913. 14 сент. С. 738.

⁴² Сазонов С.Д. Воспоминания. Минск, 2002. С. 108.

⁴³ Таубе М.А. «Зарницы»: Воспоминания о трагической судьбе предреволюционной России (1900–1971). М., 2007. С. 167.

оказать нам в будущем серьезную поддержку?»⁴⁴ – спрашивал автор статьи.

Схожую позицию еще до начала Второй балканской войны занимал П.Н. Милюков. Он считал, что России выгоднее ориентироваться на Болгарию, а поощрение сербских притязаний означало бы, по его мнению, «войну в настоящем и бесконечный ряд волнений в Македонии – в будущем». Но данная точка зрения вновь не нашла поддержки внутри руководства партии⁴⁵. Впрочем, и сам лидер кадетов старался в тот момент публично дистанцироваться от Болгарии. Жена его друга И. Шишманова Лидия в ноябре 1913 г. отправила в редакцию «Речи» статью, в которой рассказывала о случайной встрече в поезде с сербским студентом. Передавая разговор и свои мысли, Лидия Драгоманова-Шишманова доказывала несправедливость распределения симпатий России – Сербия лишь пользовалась могуществом своей покровительницы, а Болгария, в которой повсеместен интерес и любовь к России, всегда зовется неблагодарной⁴⁶. Но статья, которая вполне могла бы появиться весной 1913 г., осенью того же года была нежелательна. ««Речи» как органу, который обвиняли в болгарофильстве, не совсем удобно выступать с такими статьями», – ответил редактор газеты П.Н. Милюков своему болгарскому другу⁴⁷.

В.В. Шелохаев объяснил болгарофильскую позицию П.Н. Милюкова в этом вопросе тем, что лидер кадетов рассчитывал таким образом оказать поддержку сторонникам

---

⁴⁴ Кострикова Е.Г. Указ. соч. С. 246–247.

⁴⁵ Воронкова И.Е. Партия конституционных демократов о целях и текущих задачах балканской политики Российской империи начала XX века // Славяноведение. 2009. № 5. С. 27.

⁴⁶ Гусев Н.С. Профессор Иван Шишманов на защите болгарских интересов в Петербурге в 1912–1913 гг. // Дриновски сборник / Дриновський збірник. Т. X. Харків–Софія, 2017. С. 239–241.

⁴⁷ Научен архив на Българската академия на науките (НА-БАН). Ф. 11К. Оп. 3. А. е. 968. Л. 50.

ориентации на Россию в руководстве Болгарии и не допустить ее перехода на сторону Тройственного союза. После того как в Софии одержали верх силы, настроенные на сближение с Австро-Венгрией и Германией, Милюков прекратил высказываться в пользу удовлетворения болгарских претензий⁴⁸. Но подобная сложная, по-шахматному продуманная, публичная риторика являлась, скорее, исключением в русском обществе того времени.

Резко негативное отношение к царю Фердинанду долго сохранялось в России. В первом номере болгарского журнала «Аз знам всичко» за 1914 г. была помещена фотокопия почтовой открытки, где портрет царя Фердинанда, изображенный на марке, «русские чиновники замазали кровавыми чернилами»⁴⁹.

С началом Первой мировой войны эти настроения усилились. Не единожды в прессе противопоставлялось болгарское руководство и болгарский народ, выражалась надежда-призыв, что благодарный за свое освобождение народ сбросит иго немецкого принца и присоединится в ратном подвиге к потомкам своих освободителей⁵⁰. Согласно болгарскому послан-

---

⁴⁸ Шелохаев В.В. Либеральная модель переустройства России. М., 1996. С. 210–211.

⁴⁹ Аз знам всичко. 1914. 5 януар.

⁵⁰ Об этом см.: Иванов А.А., Репников А.В. «Болгарская измена»: русские правые о вступлении Болгарии в Первую мировую войну на стороне Центральных держав // Новейшая история России / Modern history of Russia. 2014. № 3; Гусев Н.С. «Торгующим во храме»: Леонид Андреев и обвинения русскими болгар в предательстве славянства (1914–1915 гг.) // Очерки истории народов Центральной и Юго-Восточной Европы в годы Первой мировой войны. М., 2015; Он же. Полемика в русской и болгарской печати о позиции Болгарии в начальный период Первой мировой войны // Дриновский сборник / Дриновський збірник. Т. VIII. Харків; София, 2015; Он же. Леонид Андреев

нику в Лондоне М. Маджарову, С.Д. Сазонов думал схоже, «был раздражен поступком царя Фердинанда и некоторых ему угрождавших, но о болгарском народе имел высокое мнение», надеялся, что народ, заняв верную позицию, все же получит то, что он заслужил своими жертвами во время Первой балканской войны⁵¹. Лишь небольшая часть прессы негативно воспринимала и самих болгар, видя в них вечных предателей и даже не славян, а потомков монголов.

Финальным аккордом мотива противопоставления болгар и их руководства явилось «Русское правительственное сообщение в связи с разрывом дипломатических отношений с Болгарией»: «В тот роковой час, когда злосчастная Болгария поднимает свой меч против возродившей ее России и становится под немецкие и турецкие знамена, русский народ отдает на суд истории имя того, кто является истинным виновником этой беспримерной измены». В «Сообщении» подчеркивалось, что с момента своего восхождения на болгарский престол Фердинанд Кобург устанавливал в стране германское влияние. В заключительных строках документа говорилось о неизменных симпатиях русских к болгарам, а также констатировалось, что «и ныне, когда Болгария приносится в жертву германскому коварству, Россия все еще не утратила надежды, что рука верных своим историческим заветам болгар не поднимется на сыновей русских воинов, легших

во время Первой мировой войны: защитник сербов, судья болгар // Српско-руске књижевне и културне везе: епоха модерне. Нови Сад, 2018; *Он же*. Россия и Болгария в 1913–1918 гг. // Россия в системе международных отношений накануне и в годы Первой мировой войны. Т. 1. М., 2019. С. 226–236; *Маньков С.А., Михайлов А.А., Михайлов В.В.* «Великая измена». Вступление Болгарии в Первую мировую войну глазами русских офицеров и публицистов // Славянский альманах. 2018. Вып. 1–2.

⁵¹ *Маджаров М.И.* Дипломатическа подготовка на нашите войни. София, 1932. С. 227.

костью за Болгарию»⁵². Примечательно, что в этом документе Фердинанд Кобург не назван царем болгар (титул царя упоминается лишь в контексте признания его Россией), а именуется принцем, князем, причем ни разу эти слова не оказываются рядом с прилагательным «болгарский»⁵³.

Однако не все винили только Болгарию. Многие понимали, что изменения в планах союзников были обусловлены созданием Албании и уступчивостью России в этом вопросе. Такую позицию занимал, к примеру, Вас. И. Немирович-Данченко: «Смертельный удар соединенному славянству нанесла Россия, угодливо забежавшая навстречу жадной, но слабой Вене»⁵⁴. «Современное слово» и «Речь» считали, что Межсоюзническая война была вызвана поражением российской дипломатии перед лицом австрийской⁵⁵. Мягче говорили об этом «Русские ведомости». Подводя итог 1913 года, издание констатировало, что не без вины Петербурга «расстроена естественная дружба с Болгарией, правительство которой сердцем передалось Вене»⁵⁶. В связи с этим и либеральные «Русские ведомости», и умеренное правое «Новое время», и даже черносотенное «Русское знамя» оказывались солидарны – главным победителем из Второй балканской войны вышла Австро-Венгрия⁵⁷.

---

⁵² *Сенявская Е.С.* Противники России в войнах XX века: Эволюция «образа врага» в сознании армии и общества. М., 2006. С. 172–173.

⁵³ *Гусев Н.С.* Актуализация в России памяти о русско-турецкой войне 1877–1878 гг. в военных конфликтах первой половины XX в. // *Славяне и Россия: Россия, Болгария, Балканы. Проблемы войны и мира. XVIII–XXI вв. (Мифы и реальность)* / гл. ред. К.В. Никифоров. М., 2019. С. 349.

⁵⁴ *Немирович-Данченко Вас. И.* Собр. соч. Т. XIV. СПб., 1913. С. VI.

⁵⁵ *Искендеров П.А.* Балканские войны 1912–1913 гг. // В «пороховом погребке Европы». 1878–1914 / отв. ред. В.Н. Виноградов, В.И. Косик. М., 2003. С. 500.

⁵⁶ *Русские ведомости.* 1914. 1 янв.

⁵⁷ *Котов Б.С.* Указ. изд. С. 106–107.

Причины яростной антиболгарской риторики стоит искать в озлоблении, вызванном разочарованием. Казалось, идеалы объединения славянства и его расцвета так близки, что удалось осуществить неосуществимое, но тут удар по мечте нанесла Болгария. И даже в сатирических журналах, как заметила Т.А. Филиппова, весь комплекс публикаций, касавшихся последствий Балканских войн, «был проникнут прежде всего чувством горечи от несбывшегося»⁵⁸. В сентябре 1913 г. славист К.Я. Грот объяснял эту горечь и разочарование в идее славянской взаимности неподготовленностью и неосведомленностью в славянском вопросе широких кругов общества и интеллигенции⁵⁹. Это, по всей видимости, верно – русское общество традиционно пребывало и пребывает в иллюзии славянофильских фантомов, за ореолом романтизма не видя (или не желая видеть) всей сложности и неоднозначности внутри- и внешнеполитических процессов в балканских государствах, что и обуславливает частые обвинения южных славян в предательстве.

Потому неудивительно, что после кровавой Второй балканской войны сохранялись надежды на будущее примирение. «Одно лицо, хорошо осведомленное в делах на Балканском полуострове, уверяло меня, что ссора болгар и сербов ничего не значит: это дело южного темперамента»⁶⁰, – сообщал читателям «Современника» историк литературы и критик Ф.Д. Батюшков. О вере в это говорит и стихотворение «К печальной годовщине», опубликованное в июне 1914 г. в «Военном сборнике» под псевдонимом «Ч.»:

---

⁵⁸ Филиппова Т.А. Указ. изд. С. 365.

⁵⁹ Кострикова Е.Г. Геополитические интересы России и славянский вопрос: Идеиная борьба в российском обществе в начале XX века. М., 2017. С. 82.

⁶⁰ Батюшков Ф. Новый фазис славянской идеи // Современник. 1913. № 9. С. 296.

Там поле грезит...
О близком времени святого примирения,
Союзном шествии обеих братских стран...
И общем празднике сплотившихся славян⁶¹.

П.А. Лавров надеялся, что в 1916 г. на праздновании в Охриде тысячелетия со дня кончины Климента Охридского «соберутся из разных краев славянские гости»⁶². Однако и он видел в будущем опасность новой Балканской войны. Все прекрасно понимали, что перемирие на Балканах установилось зыбкое, а Бухарестский договор лишь пролог к дальнейшему кровопролитию.

---

⁶¹ Ч. К печальной годовщине // Военный сборник. 1914. № 6. С. 86.

⁶² Лавров П.А. Балканский союз и переживаемый им кризис. Петро-
заводск, 1914. С. 48.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Первая балканская война, победы православных народов полуострова над их вековым угнетателем и традиционным противником России всколыхнули русское общество. Пресса постоянно информировала население о происходящих событиях на Балканах, но нельзя сказать, что население жило почти год в непрерывном напряжении, в ожидании вестей с полей боев. Интерес проявлялся скачкообразно, в связи с информационными поводами, затмеваемый такими событиями как, например, юбилей дома Романовых. И если осенью 1912 г., в связи с началом войны, от постоянных и частых побед проявлялась радость, то весной 1913 г. успехи воспринимались с облегчением – как конец затянувшейся истории, ставшей к тому же довольно нудной. И падение Адрианополя вызвало радость не только как победа, по которым уже даже соскучились, но и как завершение всей эпопеи изгнания турок из Европы.

Общество видело в происходящих событиях не просто противостояние стран Балканского союза и Османской империи, а переломный момент в судьбе человечества. И уже не болгары, сербы, греки и черногорцы сражались с турками, а христианство – с исламом, славянство – с германизмом, прогресс – с тьмой. Причем в определенный момент Балканских войн главным врагом оказались отнюдь не подданные султана. Австрийская дипломатия оказалась на высоте, и Сербии отказали в выходе к Адриатическому морю. Над Европой нависла угроза общей войны. Тогда на первый план вышли разговоры о вековом противостоянии славянства и германизма. Примечательно, что этот мотив – мотив слабых турок, за спиной которых стоит более серьезный враг, с которым на самом деле и идет борьба, – возник не впервые. А.Н. Энгельгардт описывал, что во время

русско-турецкой войны 1877–1878 гг. в народе ходили слухи, общий смысл которых заключался в следующем: «Вся загвоздка в англичанке»¹.

Уступчивость русской дипломатии воспринималась в обществе в штыки, слышались призывы заступиться за Сербию, занять твердую и решительную позицию по отношению к Австро-Венгрии. Тогда и прозвучало слово «война». Население по-разному восприняло реальную опасность боевых действий. Записные патриоты считали, что этому настало время, но большая часть жителей страны, приветствуя победы славян и жертвуя им деньги, все-таки не желали воевать пусть из-за родственных, но не своих интересов. Большинству представителей русского общества казалось приятным пообщаться на тему Балканской войны, проявить свои «разносторонние» познания, но приносить жертвы ради славян они уже не были готовы.

Русское общество во время Балканских войн 1912–1913 гг. для южных славян стало дополнительным фронтом борьбы за территориальные приобретения. Накануне объявления Первой войны в Белграде и Софии старались переложить ответственность за несвоевременный и «неудобный» для Петербурга конфликт на Балканах друг на друга и в конечном счете представить Османскую империю виновницей боевых действий. Для этого и обосновывался тезис о безвыходности ситуации по принципу «лучше ужасный конец, чем ужас без конца», когда население Болгарии и Сербии потребовало выступить на защиту соплеменников, притесняемых турками и албанцами. При этом всячески создавался образ жестокого варвара-«чужого» и благородного-«своего».

Некоторые представители России поддерживали пространное у балканских славян представление, будто в правящих кругах существуют могущественные подводные

---

¹ *Энгельгардт А.Н.* Из деревни. 12 писем. 1872–1887. М., 1999. С. 220–221.

течения, несогласные с официальной позицией. Это привело к возложению на них надежд, которые полностью не оправдали себя. Во многом руководство Болгарии и Сербии не понимало тонкостей и особенностей российской политики. Подтверждение тому – обращение к П.Н. Милюкову Фердинанда с просьбой повлиять на императора в судьбе Родосто.

Тем не менее в Петербурге не бросили южных славян на произвол судьбы: болгарам был передан Адрианополь, на который имела виды Россия, а для Сербии сохранена часть Старой Сербии, которая, по мнению Австро-Венгрии, полагалась Албании. Таким образом, можно говорить о достижении Софией и Белградом некоторых успехов в этой борьбе. Когда же началось их взаимное противостояние, то победа сербов была безоговорочной. Четкое, направленное воздействие на русское общество дало свой результат, и то, что болгары атаковали в ночь на 17 июня 1913 г. первыми, стало лишь последним гвоздем, вколоченным в гроб русского болгарофильства, выструганный сторонниками Белграда.

К сожалению, в отличие от официальных дипломатических миссий участники борьбы за общественные симпатии не ведут делопроизводства, остающегося в архивах и способного подробно осветить их деятельность. В отношении их мемуаров приходится учитывать специфику этого типа источников – автор не всегда до конца откровенен. Но все же приведенная аргументация позволяет говорить о существовании сфокусированного на определенных моментах давления сербов и болгар на русское общественное мнение сначала в параллельных, а затем и встречных направлениях. Вдобавок донесения представителей Софии и Белграда позволяют охарактеризовать эти группы давления как инсайдеров² – их участники не только своим словом на публичных мероприятиях и в прессе отстаивали интересы Болгарии и Сербии,

---

² Хейвуд Э. Политология / пер. с англ. М., 2005. С. 337–338.

но и регулярно встречались с властями, лидерами политических и общественных организаций.

При этом сторонники Сербии оказались в лучшем положении – активных этнических болгар в русской журналистике не было заметно. К тому же деятельность сторонников Белграда выглядит довольно скоординированной и реагирующей на вызовы момента. Узловыми фигурами представляются Р. Коштутич, И.П. Табурно и Дж. Генчич, а Д.И. Семиз, А. Белич и даже Д. Попович – лишь исполнителями.

«Славянофильские настроения г[осподина] Гешова оказались совершенно несостоятельными в сравнении с ясно продуманным планом Пашича по увеличению пределов Сербии»³, – записал 6 июля 1913 г. в дневнике К. Мисирков. Уверенность болгар, что за них должны говорить их военные триумфы, не оправдала себя. Выделенные на пропаганду 50 тыс. левов не могли изменить положения⁴. Болгары действовали безынициативно, с опозданием и не имели продуманного плана.

Начавшееся XX столетие стало веком информационных войн, и на заре его Белград одержал победу, проиграв на закате. Но в 1913 г. прямого вмешательства великих держав не последовало. Пророческими, хоть и с неожиданным для автора результатом, оказались слова С. Бобчева в его обращении к русскому обществу 1889 г. Он тогда охарактеризовал македонский вопрос как «домашний спор», который когда-нибудь заинтересованные славяне решат сами»⁵.

---

³ Мисирков К.П. Дневник. София; Скопје, 2008. С. 7. URL: http://www.promacedonia.org/km_dn/index.html (дата обращения: 30.09.2019).

⁴ Илчев И. Външнополитическа пропаганда на българската национална кауза през Балканските войни (1912–1913 г.) // Военно-исторически сборник. 1982. № 4. С. 92.

⁵ Бобчев С.С. Письма о Македонии и македонском вопросе. СПб., 1889. С. 40.

И они его решили, но лишь при помощи оружия. Все это привело к тому, что отношения Софии и Белграда были безнадежно испорчены, а идея славянской взаимности обрела могилу на полях Македонии.

Балканы предстали перед русским читателем в довольно привычном и упрощенном облике. Это обуславливалось и сложившейся парадигмой восприятия народов полуострова, в рамках которой мыслили в том числе сами журналисты, и тем, что у русских очевидцев оказалось не так много времени и возможностей, чтобы всерьез разобраться в ситуации. К тому же радость за победы и успехи народов, не только близких по языку и религии, но и получивших государственность благодаря России, наблюдателям зачастую затмевала глаза.

В силу этого они, накладывая свои представления об определенных явлениях, говорили о создании вполне «модерных» государств на Балканах. Внешние атрибуты демократии позволяли ее видеть едва ли не равной британскому образцу, хотя в Сербии она являлась полуторапартийной и вдобавок испытывала давление со стороны офицерства, а в Болгарии ловко дирижировалась монархом. И это отмечали те очевидцы, которые удосуживались посмотреть на балканскую политическую жизнь повнимательнее. Законы и статистика приводили к выводам об образованности населения, хотя в западной части Балкан процветала вторичная неграмотность, а в восточной образование носило сугубо прикладной характер, ограниченный исключительно хозяйственно-экономическими потребностями. Города южнославянских государств создавали ощущение некой переходности периода. В Болгарии чистые, на немецкий манер устроенные центральные улицы соседствовали с сельскими по облику кварталами, а в Сербии обустройство откладывали на потом. И не теряло актуальности наблюдение П.А. Ровинского, что все в ней «временное, неустановившееся, все в каком-то ожидании чего-то,

что вся она живет накануне, вся в каком-то воинственном настроении»⁶.

Во многом данные особенности развития государств объясняются тем, что Болгария и Сербия являлись, по выражению Л.Д. Троцкого, «запоздалыми странами»⁷. Как он подметил, история не отвела России и странам Востока достаточно времени для нормального постепенного развития и «заставила их строить железные дороги и заводить для своих армий аэропланы – прежде чем они провели шоссейные дороги; она напаялила их имущим классам на головы лоснящиеся цилиндры – прежде чем в эти головы проникли европейские понятия; она осветила, наконец, центры городов великолепными калильными фонарями – прежде чем осушила на окраинах отвратительные лужи, очаги зловония и заразы»⁸. Попытка «перепрыгнуть» из традиционной эпохи в индустриальную вела к искажениям европейских образцов. Это, в свою очередь, рождает более глубокий и сложный вопрос: воспринимали ли на Балканах это искажениями, а потому стремились к их исправлению или же считали приспособлением чужого опыта к собственным реалиям?

В чем же действительно преуспели на полуострове, так это в применении передовых достижений в военном деле, поскольку к будущей войне готовились давно и всерьез. Однако здесь покоились глубокие различия между болгарами и сербами. У последних национальная идея была четко выражена, с малолетства в них растили «мстителей за Косово», что в то же время не давало стране нормально развиваться. У болгар же идея национального объединения не имела столь

---

⁶ *Шемякин А.А.* «Мир детства» сербов в путевых записках П.А. Ровинского // Русские о Сербии и сербах. Т. III (сербские сочинения П.А. Ровинского) / сост. А.А. Шемякин. СПб.; М., 2019. С. 395.

⁷ *Троцкий Л.* Перед историческим рубежом. Балканы и Балканская война. СПб., 2011. С. 37.

⁸ Там же. С. 158.

четкой исторической точки отсчета, и они стремились к освобождению соплеменников, хотя и не представляя конкретных границ их проживания. Балканские войны способствовали оформлению этого представления – национальным идеалом стало приобретение земель Македонии, перешедших в 1913 г. под власть Сербии. И не подбадривания со стороны Вены толкнули Софию на войну, а стремление включить спорные территории и их население в пределы болгарского государства.

По внешним признакам победителем из войны вышла Сербия – произошло значительное увеличение территории, вырос ее военный и политический авторитет, были заложены реальные основания для позиционирования себя как «югославянского Пьемонта». Но в то же время страна получила иноязычное и враждебное население в Македонии, а Старая Сербия, о которой столько говорили в конце века, станет мучкой. Как точно отметил итальянский историк хорватского происхождения Е. Иветич, «за восемьдесят лет венец побед 1912 г. внезапно превратился в кошмар»⁹.

«Фатальный 13-й год стал поворотной точкой в новой истории болгарского народа»¹⁰, – справедливо отметил болгарский историк Г. Марков, и это действительно так. Несмотря на все людские и финансовые потери, страна оказалась лишь с второстепенными портами на Эгейском море, небольшой долей Македонии и потеряла часть своей территории. Неудивительно, что уже в приказе о демобилизации армии царь Фердинанд заявил, что «истощенные и уставшие, но и не побежденные, мы должны свернуть свои славные знамена до лучших времен», и призвал своих подданных: «Рассказывайте вашим детям и внукам о доблести болгарского солдата и готовьте их к завершению в один день

---

⁹ Иветич Е. Балканските войни. София, 2012. С. 170.

¹⁰ Марков Г. Българското крушение 1913. София, 1991. С. 5.

славного дела, которое вы начали»¹¹. Приехавший после войны в эту страну журналист В.В. Водовозов заметил, что, действительно, «вся Болгария дышит мыслью о реванше»¹². Этот реваншизм в итоге сыграл роковую роль в сломе нормального внутреннего развития государства, обусловил выбор стороны в мировых войнах, хотя, как верно заметила отечественный исследователь Р.П. Гришина, 1913 год уже стал точкой невозврата в деле реализации национального идеала¹³.

Больше всех, однако, пострадала идея славянской взаимности. Это понимали в России, хотя и не хотели признавать, надеясь, что в ожидаемом столкновении с Центральными державами удастся восстановить Балканский союз. 19 декабря 1913 г. в Петербургском отделе Всероссийского национального союза оратор призывал «во что бы то ни стало примирить Болгарию с Сербией», возобновить союз и войти в него, поскольку «немец у ворот»¹⁴. Но большая часть общества понимала тщетность подобных попыток и была разочарована концом истории, начавшейся как прекрасная сказка.

---

¹¹ Цит. по: Янчев В. Армия, обществен ред и вътрешна сигурност между войните и след тях. 1913–1915. 1918–1923. София, 2004. С. 29.

¹² Водовозов В. На Балканах // Современник. 1913. № 8. С. 313.

¹³ Гришина Р.П. Власть и общество. Болгария, 1912–1913 гг. // Человек на Балканах: Власть и общество: опыт взаимодействия (конец XIX – начало XX в.) / отв. ред. Р.П. Гришина. СПб., 2009. С. 161.

¹⁴ Баженов И.Р. Наша внешняя политика на Ближнем Востоке с национальной точки зрения: Доклад, сделанный 29 декабря 1913 г. в С.-Петербургском Отделе Всероссийского Национального Союза. СПб., 1914. С. 33.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Источники

Архивы

1. Государственный архив Российской Федерации

- Ф. 63. Отделение по охране общественной безопасности и порядка в Москве (охранное отделение) при московском градоначальнике.
- Ф. 111. Отделение по охране общественной безопасности и порядка в Петрограде (охранное отделение) при петроградском градоначальнике.
- Ф. 215. Канцелярия Варшавского генерал-губернатора.
- Ф. 529. Бюро заведующего заграничной агентурой Департамента полиции в Константинополе.
- Ф. 539. Водовозов Василий Васильевич.
- Ф. 555. Гучков Александр Иванович.
- Ф. 579. Милюков Павел Николаевич.
- Ф. 593. Тимирязева Елизавета Никандровна.
- Ф. 597. Татищев Сергей Спиридонович.
- Ф. 5881. Коллекция отдельных документов и мемуаров эмигрантов.
- Ф. Р8091. Коллекция микрофотокопий документов зарубежных архивов.

2. Государственный архив Волгоградской области

- Ф. 6. Помощник начальника Саратовского жандармского управления в Царицынском уезде.

3. Российский государственный архив литературы и искусств

- Ф. 355. Немирович-Данченко Василий Иванович.

Ф. 1019. Арборе-Ралли Земфирий Константинович.

Ф. 1065. Драгоманов Михаил Петрович.

Ф. 1694. Руманов Аркадий Вениаминович.

4. Российский государственный военно-исторический архив

Ф. 409. Послужные списки, наградные листы и аттестации генералов, штаб- и обер-офицеров русской армии.

5. Санкт-Петербургский филиал Архива РАН

Ф. 1. Конференция Академии наук.

Ф. 90. Фортунатов Филипп Федорович.

Ф. 123. Ровинский Павел Аполлонович.

Ф. 284. Лавров Петр Алексеевич.

Ф. 827. Державин Николай Севастьянович.

6. Архив Србије (Сербия)

Заоставштина Николе Пашића. (Несређена грађа).

Фонд Ристе Одавића.

7. Централен държавен архив (Болгария)

Ф. 176К. Министерство на външните работи и изповеданията (МВРИ).

Ф. 284К. Министерски съвет.

8. Научен архив на Българската академия на науките

Ф. 9К. Златарски Васил Николов.

Ф. 11К. Шишманов Иван Димитров.

Периодические издания

1.   Аз знам всичко (София).

2.   Вестник Европы (С.-Петербург).

3.   Вечерна поща (София).

4.   Военный сборник (С.-Петербург).

5.   Искры (Москва).

6. Исторический вестник (С.-Петербург).
7. Мир (София).
8. Нива (С.-Петербург).
9. Нижегородский церковно-общественный вестник (Н. Новгород).
10. Новое время (С.-Петербург).
11. Петербургский листок (С.-Петербург).
12. Родина (С.-Петербург).
13. Русская мысль (Москва).
14. Русские ведомости (Москва).
15. Самарский городской вестник (Самара).
16. Сатирикон (С.-Петербург).
17. Современник (С.-Петербург).
18. Терские ведомости (Владикавказ).
19. Утро России (Москва).

Публикации источников

1. Архив Христо Матов. София, 2004.
2. Балканската война в спомените на съвременници и участници. София, 1973.
3. Балкански ратови. Фото-запис Самсона Чернова / одг. уредник М. Перишић. Београд, 2010.
4. Балканските войни по страниците на Българския печат 1912–1913 / съст. П. Кишкилова. София, 1999.
5. Българо-руски научни връзки XIX–XX век. Документи / съст. Л. Костадинова, В. Флорова, Б. Димитрова. София, 1968.
6. Военная промышленность России в начале XX века 1900–1917. М., 2004.
7. Войната такава, каквато беше. България в Първата балканска война 1912–1913 г. / съст. В. Янчев, В. Станев, С. Живков, Л. Юруков. София, 2012.
8. *Гальперина Б.Д., Перегудова З.И., Старцев В.И.* Донесения Л.К. Куманина из Министерского павильона Государственной

- думы, декабрь 1911 – февраль 1917 года // Вопросы истории. 1999. № 1–7.
9. *Георгиев В., Трифонов С.* Покръстването на българите мохамедани. 1912–1913. Документи. София, 1995.
  10. *Гусев Н.С.* «...Какие вообще высказываются соображения по вопросу желательности вмешательства России в славянский вопрос»: доклад Департамента полиции об отношении населения России к возможности общеевропейской войны в 1912 г. // Славянский альманах 2017. Вып. 1–2.
  11. *Гусев Н.С., Шемякин А.А.* «Пусть сербы будут тверды, пусть не сдаются, пусть не отступают, и все будет хорошо»: письмо русского журналиста черногорского происхождения И.П. Табурно сербскому премьеру Н. Пашичу в разгар австро-сербского кризиса 1912 г. // Славянский альманах. 2019. № 3–4.
  12. Державин Николай Севастьянович (1877–1953): к 140-летию со дня рождения: каталог выставки / авт.-сост. М.В. Колмакова, Д.Ю. Чернышенко. СПб., 2018.
  13. Золотая книга Российской империи. СПб., 1908.
  14. Красный террор в годы Гражданской войны. По материалам Особой следственной комиссии по расследованию злодеяний большевиков / ред.-сост. Ю.Г. Фельштинский. London, 1992.
  15. *Мартинов Е.И.* «Сербы удивлялись русской политике...» // Военно-исторический журнал. 1996. № 1.
  16. Международные отношения в эпоху империализма. Документы из архивов царского и временного правительств. 1878–1917. Сер. вторая. 1900–1913. Т. 20. Ч. II. 14 августа – 17 октября 1912 г. Л., 1940.
  17. Москва–Сербия, Белград–Россия: Сб. документов и материалов. Т. 3: Общественно-политические и культурные связи. 1878–1917 / авт.-сост. А.А. Шемякин, М. Перишић [и др.]. М.; Београд, 2012.
  18. Особые журналы Совета министров Российской империи. 1909–1917 гг. / 1912 год / сост. Б.Д. Гальперина. М., 2004.

19. Открытие «братьев-славян»: русские путешественники на Балканах в первой половине XIX века / сост. М.В. Белов. СПб.; М., 2019.
20. Отчет Центрального Комитета Союза 17 Октября о его деятельности с 1 сентября 1912 года по октябрь 1913 года. М., 1913.
21. Падение царского режима. Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной Следственной Комиссии Временного Правительства. Т. 6. М.; Л., 1926.
22. Первая балканская война // Красный архив. Т. 3. (16). М.; Л., 1926.
23. Письма крестьян. Сборник второй. Пг., 1914.
24. Попов А. Первая балканская война // Красный архив. Т. 2 (15). М.; Л., 1926.
25. Райчевский Ст. Българите в световните хроники. Т. 1. 1912–1925. София, 2004.
26. Русская Армия в изгнании / сост. С.В. Волков. М., 2003.
27. Русские о Сербии и сербах. Т. 1: Письма, статьи, мемуары / сост. А.Л. Шемякин. СПб., 2006.
28. Русские о Сербии и сербах. Т. II (архивные свидетельства) / сост. А.Л. Шемякин. М., 2014.
29. Русские о Сербии и сербах. Т. III (сербские сочинения П.А. Ровинского) / сост. А.Л. Шемякин. СПб.; М., 2019.
30. Сборник дипломатических документов, касающихся событий на Балканском Полуострове (август 1912 г. – июль 1913 г.). СПб., 1914.
31. Семенников В. Эпизод из истории балканской войны // Красный архив. Т. 6 (25). М.; Л., 1927.
32. Соколовская О.В. О начале Первой балканской войны 1912 г. (Несколько писем королевы эллинов Ольги) // Славянский альманах 2009. М., 2010.
33. Сръбските интриги и коварства срещу България (1804–1914). София, 2009.
34. Стенографические отчеты / Гос. дума, четвертый созыв, сессия первая. Приложения к стенографическим отчетам Государственной думы. Вып. 2 (№ 151–270). СПб., 1913.

35. Стенографические отчеты / Гос. дума, четвертый созыв, сессия первая. Заседания 1–30 (с 15 ноября 1912 г. по 20 марта 1913 г.). СПб., 1913.
36. Стенографические отчеты / Гос. дума, четвертый созыв, сессия первая. Заседания 31–54 (с 22 марта по 24 мая 1913 г.). СПб., 1913.
37. *Тер-Оганов Н.* Письмо Н.Г. Гартвига К.Н. Смирнову как ценный источник для характеристики англо-русских отношений в Иране в начале XX века // Иран. История, экономика, культура. Памяти С.М. Алиева. М., 2009.
38. *Тимофе́ев А.* Извештај о путовању митрополита београдског Димитрија на 300-годишњицу руске царске династије Романов // Годишњак за друштвену историју. 2018. № 2.

Публицистика:

1. *Balkanicus.* Сербы и болгары в Балканской войне. СПб., 1913.
2. *Амфитеатров А.* Славянское горе. М., 1912.
3. *Амфитеатров Ал.* Эхо. М., 1913.
4. *Баженов И.Р.* Наша внешняя политика на Ближнем Востоке с национальной точки зрения: Доклад, сделанный 29 декабря 1913 г. в С.-Петербургском Отделе Всероссийского Национального Союза. СПб., 1914.
5. *Балашев И.П.* Заветная мечта каждого русского. СПб., 1913.
6. *Бахметьев П.* Балканские герои. СПб., 1913.
7. *Белич А.* Сербы и болгары в Балканском союзе. СПб., 1913.
8. *Бобчев С.С.* Письма о Македонии и македонском вопросе. СПб., 1889.
9. *Бойович М.М.* Члены Государственной Думы (портреты и биографии). Четвертый созыв (1912–1917 г.) М., 1913.
10. *Брешко-Брешковский Н.Н.* Под шрапнелью. Из событий последней балканской войны // Нива. 1913. № 16–24.
11. *Везенков В.* Македония и причины Балканской войны. Б.м., б.д.
12. Война на Балканах. СПб., 1912.

13. *Вукичевич М.М., Семиз Д.И.* Сербьы и болгарьы в борьбѣ за свободу и культуру. Историческѣе параллели с XIV века до 1878 г. СПб., 1913.
14. *Державин Н.С.* Болгаро-сербскѣе взаимоотношения и македонскѣе вопрос. СПб., 1914.
15. *Дорошкевич А.* Война на Балканском полуостровѣ (От открытия военных действий до перемирия). СПб., 1913.
16. *Дрейер В.* Разгром Болгарии. Вторая Балканская война 1913 г. СПб., 1914.
17. *Дукишинскѣе Е.* Балканскѣе орлы (Историческ. очерк жизни балканских союзников в связи с балкано-турецкой войной 1912–13 гг. для армии и народа с картой и рисунками). Гродна, 1913.
18. *Евреинов Г.А.* Пределы здравого русскаго национализма. СПб., 1912.
19. *Интересы на Балканах и правительственнѣе сообщеніе.* СПб., 1913.
20. *Карпов С.* Болгария и послѣдніе Балканскѣе войны. Ярославль, 1914.
21. *Лавров П.А.* Балканскѣе союз и переживаемый им кризис. Петрозаводск, 1914.
22. *Лавров П.А.* Балканскѣе союз и Сербия. СПб., 1913.
23. *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. 5-ѣ изд. Т. 22. М., 1968.
24. *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. 5-ѣ изд. Т. 23. М., 1973.
25. *Мамонтов Н.П.* С болгарскими войсками от Балкан до Чатаалджи. М., 1913.
26. *Мартынов Е.И.* Сербьы в войнѣ с царем Фердинандом. Заметки очевидца. М., 1913.
27. *Махров П.* Балканская война 1912–13 года. (общий очерк от начала войны до перерыва мирных переговоров с 10-ю схемами). Севастополь, 1913.
28. *Милоевич М.Г.* Равновесіе на Балканах. СПб., 1913.
29. *Немирович-Данченко Вас. И.* Собр. соч. Т. XIV. СПб., 1913.
30. *Немирович-Данченко Вас. И.* Собр. соч. Т. XV. СПб., 1913.
31. *Овсяннѣе Н.Р.* Ближний Восток и славянство (сборник статей). СПб., 1913.

32. *Пиленко А.А.* Около Болгарской войны. Дневник и сорок девять любительских фотографий. СПб., 1913.
33. Письма крестьян. Сборник второй. Пг., 1914.
34. *Порицкий Е.И.* Максим Горький и его произведения. С приложением отзывов о Горьком Михайловского, Меньшикова, Скабичевского, Минского и др. и избранных из его произведений афоризмов. Составил и перевел с немецкого Н.И. Гасфельд. Варшава, 1903.
35. *Риттих П.А.* По Балканам. Путевые впечатления военного туриста. СПб., 1909.
36. *Рябинин А.А.* Балканская война. СПб., 1913.
37. *Семенов А.* Блокада и штурм Адрианополя. СПб., 1914.
38. Сербо-болгарский спор за обладание Македонией. Оценка событий, предшествовавших сербо-болгарской войне 1913 года, в изложении заинтересованных сторон и членов общества. Пг., 1915.
39. *Сиянов Х.* Сръбско-българският спор и Русия. София, 1915.
40. Славянский вопрос в его современном значении. СПб., 1913.
41. *Табурно И.П.* Вопрос о распределении завоеванной у Турции территории между Болгарией и Сербией. СПб., 1913.
42. *Табурно И.П.* О сербских битвах (впечатления очевидца войны сербов с турками 1912 г.). СПб., 1913.
43. *Тягеев Б.А.* Из македонских воспоминаний русского добровольца // Русский вестник. 1904. № 5.
44. *Тягеев Б.А.* Из македонских воспоминаний русского добровольца // Русский вестник. 1904. № 5.
45. *Троцкий А.* Перед историческим рубежом. Балканы и Балканская война. СПб., 2011.
46. *Троцкий А.Д.* Соч. Т. 6. М.; Л., 1926.
47. *Цвиич Й.* Заметки по этнографии македонских славян. СПб., 1906.
48. *Цвиич Й.* Македонские славяне. Этнографические исследования. СПб., 1906.
49. *Чириков Е.Н.* Поездка на Балканы. Заметки военного корреспондента. М., 1913.
50. *Шевалье Н.* Правда о войне на Балканах. СПб., 1913.

Мемуары, дневники, письма

1. *Абрашев П.* Дневник. София, 1995.
2. Александр Михайлович. Мемуары Великого князя. М., 2001.
3. Андрей Белый и Александр Блок. Переписка 1903–1919. М., 2001.
4. Балканската война в спомените на съвременници и участници. София, 1973.
5. Балканската война през погледа на един французин. София, 1977.
6. *Бернштейн С.Б.* Зигзаги памяти: Воспоминания. Дневниковые записи / отв. ред. В.Н. Топоров. М., 2002.
7. *Бирюзов С.С.* Советский солдат на Балканах. М., 1963.
8. *Блок А.* Дневник. М., 1989.
9. *Бобчев С.* Страници из моята дипломатическа мисия в Петроград 1912–1913. София, 1940.
10. *Брусилов А.А.* Воспоминания. М., 1963.
11. *Бурбулон Р. дьо.* Български дневници. София, 2007.
12. *Витте С.Ю.* Воспоминания. Т. 2. Л., 1924.
13. Воспоминания Сухомлинова. М.; Л., 1926.
14. *Ганчев Д.* Спомени за княжеското време. София, 1983.
15. *Ганчев Д.* Спомени. В. Търново, 2005.
16. *Гасфельд Н.* Пол века. Воспоминания бывшего офицера французской службы. Париж, 1950.
17. *Гиляровский В.А.* Собр. соч.: В 4 т. М., 1999.
18. *Данев С.* Мемоари. София, 1992.
19. *Джунковский В.Ф.* Воспоминания. Т. 2. М., 1997.
20. *Димитриев Р.* Трета армия в Балканската война. 1912 година. София, 1922.
21. Дневник Великого князя Андрея Владимировича. 1915 г. Л.; М., 1925.
22. Дневник Тотемского крестьянина А.А. Замараева. 1906–1922 год. М., 1995.
23. Дневники императора Николая II. М., 1991.
24. *Додов Н.* Дневник по Балканската война. София, 2006.

25. *Дочев И.* Записките ми по войната 1912 година. София, 2012.
26. *Дрейер В.Н.* На закате империи. Мадрид, 1965.
27. Иван Евстратиев Гешов. Лична кореспонденция / съст Р. Попов, В. Танкова. София, 1994.
28. *Иванов Н.* Спомени. Кн. 2. София, 1997.
29. *Игнатъев А.А.* Пятьдесят лет в строю. М., 1986.
30. *Карчев П.* През прозореца на едно полуустоетие (1900–1950). София, 2004.
31. *Ковалевский М.М.* Моя жизнь: воспоминания. М., 2005.
32. *Коковцов В.Н.* Из моего прошлого. Воспоминания 1911–1919. М., 1991.
33. *Куприна-Иорданская М.К.* Годы молодости. М., 1966.
34. Литературное наследство. Т. 95: Горький и русская журналистика начала XX века. Неизданная переписка / отв. ред. И.С. Зильберштейн, Н.И. Дикушина. М., 1998.
35. *Лопухин В.Б.* Записки бывшего директора департамента Министерства иностранных дел. СПб., 2008.
36. Любомир Милетич до Ватрослав Ягич. Писма 1896–1913. София, 1996.
37. *Маджаров М.И.* Дипломатическа подготовка на нашите войни. София, 1932.
38. *Матвеева И.В.* Из жизни русской эмиграции в Болгарии: отрывки воспоминаний // Славянский альманах 2003.
39. *Милев Н.* Дневници, спомени, пътеписи, писма. София, 2008.
40. *Милюков П.Н.* Воспоминания (1859–1917). Нью-Йорк, 1955.
41. *Милюков П.Н.* Воспоминания. Т. 2. М., 1990.
42. *Мисирков К.П.* Дневник. София; Скопје, 2008.
43. *Мишагин-Скрыдлов А.Н.* Россия белая, Россия красная. 1903–1927. М., 2007.
44. *Никольский Б.В.* Дневник. 1896–1918 / изд. подгот. Д.Н. Шилов, Ю.А. Кузьмин. Т. 2: 1904–1918. СПб., 2015.
45. *Ольденбург С.С.* Царствование Императора Николая II. Т. 2. Мюнхен, 1949.
46. *Оппель В.А.* Мое жизнеописание. СПб., 2002.

47. *Осоргин М.* Заметки старого книгоеда. Воспоминания / сост., примеч. О.Ю. Авдеевой. М., 2007.
48. От чужих к своим: Письма выдающихся представителей русской интеллигенции начала XX века Александру Беличу / ред. К. Ичин. Белград, 2016.
49. *Пастухов И.* Из преживяното. Спомени, статии, речи. София, 2008.
50. *Пешев П.* Историческите събития и деятели от навечерието на освобождението ни до днес. София, 1993.
51. Письма П.Б. Аксельрода и Ю.О. Мартова. Берлин, 1924.
52. *Полетика Н.П.* Виденное и пережитое. (Из воспоминаний). Тель-Авив, 1982.
53. *Поливанов А.А.* Из дневников и воспоминаний по должности военного министра и его помощника. 1907–1916. М., 1924.
54. *Поповић Д.* Балкански ратови: 1912–1913. Београд, 1993.
55. Проф. Иван Шишманов. Дневник и досиета. 1879–1927 г. / съст. И. Бурилкова, Ц.В. Билярски. София, 2015.
56. *Пуришев Б.И.* Воспоминания старого москвича. М., 1998.
57. *Пушкарев С.Г.* Воспоминания историка. 1905–1945. М., 1999.
58. *Родзянко М.В.* Крушение империи. Л., 1929.
59. *Романов К.К.* Дневники. Воспоминания. Стихи. Письма. М., 1998.
60. *Савич Н.В.* Воспоминания. СПб., 1993.
61. *Сазонов С.Д.* Воспоминания. Минск, 2002.
62. *Самойлов Ф.Н.* По следам минувшего. М., 1954.
63. *Соловьев Ю.А.* Воспоминания дипломата. 1893–1922. М., 1959.
64. *Станчев К.* 1912–1913. (из записките ми като македонско-одрински опълченец) // Камбана. 1927. 24 януар.
65. *Танеева (Вырубова) А.А.* Страницы из моей жизни. М., 2000.
66. *Таубе М.А.* «Зарницы»: воспоминания о трагической судьбе предреволюционной России (1900–1971). М., 2007.
67. *Тимошенко С.* Воспоминания. Киев, 1993.
68. *Толстой И.И.* Дневник. 1906–1916. СПб., 1997.
69. *Фидлер Ф.Ф.* Из мира литераторов: характеры и суждения. М., 2008.

70. *Фичев И.* Балканската война 1912–1913. Преживелици, бележки и документи. София, 1940.
71. *Штрандтман В.Н.* Балканские воспоминания. М., 2014.
72. *Энгельгардт А.Н.* Из деревни. 12 писем. 1872–1887. М., 1999.
73. Ю.О. Мартов и А.Н. Потресов. Письма. 1898–1913. М., 2007.
74. *Юсупов Ф.* Перед изгнанием: 1887–1919. М., 1993.
75. *Nekludoff A.* Diplomatic reminiscences before and during the World War, 1911–1917. London, 1920.

2. ЛИТЕРАТУРА

Монографии и научные статьи

1. *Агансон О.И.* Балканы накануне Первой мировой войны: на пути к новому балансу сил // Новая и новейшая история. 2014. № 4.
2. *Айрапетов О.Р.* Генералы, либералы и предприниматели: работа на фронт и революцию. 1907–1917. М., 2003.
3. *Александров Н.* «Мы сначала возьмем Краков, а потом уже Берлин». Костромская деревня в начале войны // Родина. 2014. № 6.
4. *Алексић-Пейковић Л.* Односи Србије са Француском и Енглеском, 1903–1914. Београд, 1965.
5. *Альтерматт У.* Этнонационализм в Европе / пер. с нем. М., 2000.
6. *Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш.* Сергей Юльевич Витте и его время. СПб., 1999.
7. *Андерсон Б.* Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / пер. с англ. М., 2001.
8. *Анисимов М.Ю.* Сербия в Первой балканской войне в донесениях русских дипломатов // Први балкански рат 1912/1913. године: Друштвени и цивилизацијски смисао (поводом стогодишњице ослобођења Старе Србије и Македоније 1912). Књ. I / приред. А. Растовић. Ниш, 2013.

9. *Анисков А.С.* Отношение провинциального общества к Балканским войнам 1912–1913 гг. (на материалах Калужской губернии) // История: факты и символы. 2017. № 4 (13).
10. *Арапов Д.Ю.* Мусульмане России в годы Первой мировой войны // Ислам в мультикультурном мире: Мусульманские движения и механизмы воспроизводства идеологии ислама в современном информационном пространстве. Казань, 2014.
11. *Артамонова Л.М.* Критика внешней политики правительства на Балканах и антивоенные выступления в самарской печати 1912–1913 годов // Внешнеполитические интересы России: история и современность / отв. ред. А.Н. Сквозников. Самара, 2014.
12. *Артамонова Л.М.* Организация в Самарской губернии помощи жертвам войны 1912–1913 годов на Балканах // Наука и культура России: Междунар. науч.-практ. конф. Т. 1. Самара, 2013.
13. *Ахсанов К.Г.* Балканская война 1912–1913 гг. и татарская общественно-политическая мысль // Ученые записки Казанского государственного университета. Серия «Гуманитарные науки». 2007. Т. 149. Кн. 4.
14. Балканската война 1912–1913: Илюстрирана хроника / съст. А. Въчков. София, б.д.
15. *Белов М.В.* «Славянский характер»: русские публицисты, литературные критики и путешественники первой половины XIX века в поисках народности // Диалог со временем. 2012. № 39.
16. *Белов М.В.* «Служебное» славяноведение в России первой половины XIX века // Славяноведение. 2012. № 4.
17. *Белов М.В.* Актуальность героического прошлого: история и политика в предвоенной Сербии // Модернизация vs. война. Человек на Балканах накануне и во время Балканских войн (1912–1913) / отв. ред. Р.П. Гришина, А.А. Шемякин. М., 2012.
18. *Белов М.В.* Блеск и нищета романтического воображения: ученое путешествие Ю.И. Венелина на Балканы

- в 1830–1831 гг. // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2013. Вып. 6.
19. *Белов М.В.* Варвары или братья? Балканские славяне глазами русских наблюдателей первой половины XIX в. // *Цивилизация и варварство: Парадоксы победы цивилизации над варварством.* М., 2013.
  20. *Белов М.В.* Дунайские импресии. Русские путешественники, дипломаты и военачальники в повстанческой Сербии (1804–1813) // *Родина.* 2010. № 11.
  21. *Белов М.В.* Ориентализм соревновательной вестернизации: новая книга о русском взгляде на Османскую империю // *Историческая экспертиза.* 2017. № 2.
  22. *Белов М.В.* Русские путешественники и дипломаты на Балканах в первой половине XIX века: типология и эволюция описательных стратегий // *Человек на Балканах глазами русских /* отв. ред. Р.П. Гришина, А.А. Шемякин. СПб., 2011.
  23. *Белов М.В.* Русский офицер в роли этнографа: А.Г. Розелион-Сошальский описывает Сербию // *Studia Balkanica* (к юбилею Р.П. Гришиной). М., 2010.
  24. *Белов М.В.* Славянская тема в путевом дневнике П.И. Кеппена: от сентиментализма к романтической этнографии // *Славяноведение.* 2011. № 1.
  25. *Белов М.В.* Стереотипы, ментальные карты, имагология: методологические апории // *Открытие «братьев-славян»: русские путешественники на Балканах в первой половине XIX века /* сост. М.В. Белов. СПб., 2018.
  26. *Бернштейн С.Б.* А.М. Селищев – славист-балканист. М., 1987.
  27. *Бернштейн С.Б.* Зигзаги памяти: Воспоминания. Дневниковые записи / отв. ред. В.Н. Топоров. М., 2002.
  28. *Бессонов В.А.* Три судьбы на переломе эпохи // *Московский журнал.* 2018. № 1.
  29. *Бестужев И.В.* Борьба в России по вопросам внешней политики накануне Первой мировой войны (1910–1914 гг.) // *Исторические записки.* 1965. Т. 75.

30. *Бирман М.А.* Звездный час П.Н. Милюкова-балканиста (П.Н. Милюков – член Международной комиссии Карнеги по изучению причин и последствий Балканских войн 1912–1913 гг.) // Балканские исследования. Вып. 15: Россия и славяне: Политика и дипломатия / отв. ред. Е.К. Вяземская. М., 1992.
31. *Бирман М.А.* П.М. Бицилли (1879–1953). Жизнь и творчество. М., 2018.
32. *Божич С.* Македонија као спорно питање између Српске Краљевске Академије и Бугарске Академије Наука 1913. године // Балкански ратови 1912/1913: Нова виђења и тумачења / ур. С. Рудић, М. Милкић. Београд, 2013.
33. *Буранок А.О.* Книга И.П. Табурно «Правда о войне» как исторический источник // Платоновские чтения: Материалы XI Всероссийской конференции молодых историков, г. Самара 2–3 декабря 2005 г. / отв. ред. П.С. Кабытов. Самара, 2005.
34. *Бурмов А., Косев Д., Христов Хр.* История на България: Учебник за XI кл. на общообразователни училища. София, 1955.
35. Българската армия 1877–1944. Библиография. Т. 1 (1877–1918). София, 1989.
36. В «пороховом погребѣ Европы». 1878–1914 / отв. ред. В.Н. Виноградов, В.И. Косик. М., 2003.
37. *Варивода Н.В., Мирзоева С.Г., Камбачокова М.Ю.* П.Н. Милюков о македонском вопросе в период первой Балканской войны // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 5.
38. *Велинова З., Начев И.* София и балканската модерност. София, 2016.
39. *Вишняков Я.В.* Военный фактор и государственное развитие Сербии начала XX века. М., 2012.
40. *Вишняков Я., Тимофеев А., Милорадович Г.* Армия без государства. От сербского к югославянскому добровольческому корпусу в России во время Первой мировой войны. М., 2014.

41. Во времена «Спортинг-Паласа» и борделя «Монте-Карло» // Квартальный надзиратель. № 60. Приложение к журналу спб. собака ру. 2007. № 12.
42. Войната такава, каквато беше. България в Първата балканска война 1912–1913 г. / съст. В. Янчев, В. Станев, С. Живков, Л. Юруков. София, 2012.
43. *Воронкова И.Е.* Балканы и Ближний Восток накануне Первой мировой войны в оценках официальной дипломатии и кадетской оппозиции // Вестник ОрелГИЭТ. 2008. № 3 (5).
44. *Воронкова И.Е.* Доктрина внешней политики партии конституционных демократов. М., 2010.
45. *Воронкова И.Е.* Доктрина внешней политики партии конституционных демократов (историографический аспект) // Вестник ОрелГИЭТ. 2009. № 3 (9).
46. *Воронкова И.Е.* Партия конституционных демократов о целях и текущих задачах балканской политики Российской империи начала XX века // Славяноведение. 2009. № 5.
47. *Вучетић Б.* Американци о Србији у Балканским ратовима // Балкански ратови 1912/1913: Нова виђења и тумачења / ур. С. Рудић, М. Милкић. Београд, 2013.
48. *Вучковић В.Д.* Стара Србија и Македонија: ослобођење и уређење. Ниш, 2014.
49. *Ганин А.В.* Болгарин, защитивший Россию: судьба Иордана Пехливанова // Русский сборник. Исследования по истории России. М., 2012. Т. 11.
50. *Ганин А.В.* Болгары – выпускники Николаевской военной академии в Гражданской войне в России // Славянский альманах 2012. М., 2013.
51. *Ганин А.В.* Българинът защитил Русия. Съдбата на Йордан Пехливанов. София, 2014.
52. *Ганин А.В.* Кровавые уроки шестнадцатого года. Восстание 1916 г. в Семиреченской области // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2016. № 1 (7).
53. *Геллнер Э.* Нации и национализм / пер. с англ. М., 1991.

54. *Георгиева С.* Войнишки дневник на Петър Жечев Курдо-манов за Балканската война. Силистра, 2001.
55. *Гинзбург С.* Кинематография дореволюционной России. М., 2007.
56. *Гинчев Г.* Чужденците в Българската армия през Балканската война (1912–1913 г.) // Военноисторически сборник. 1982. № 4.
57. *Голиков А.Г., Рыбаченок И.С.* Смех – дело серьезное. Россия и мир на рубеже XIX–XX веков в политической карикатуре. М., 2010.
58. *Горанов П.С.* Руските воени доставки за Българската войска през Балканската война // Балканските войни 1912–1913 (сборник статии от научна конференция, проведена през октомври 1992 г.) / отг. ред. И. Тодоров. В. Търново, 1995.
59. *Горяинов А.Н.* В.И. Пичета как поборник единства славян и сторонник идей социализма // Славянский альманах 2001. М., 2002.
60. *Горяинов А.Н.* Д.И. Семиз – сербский патриот и русский общественный деятель // Славяноведение. 2019. № 5.
61. *Горяинов А.Н.* Протоирей Иоанн Пичета и его потомки (из родственных связей Душана Семиза) // Ученский сборник. Вып. 4–5. Мышкин, 2003.
62. *Григоров Х., Топузов В.* Балканската война и Българският Червен Кръст (1912–1913 г.). София, 2005.
63. *Гринберг С.* Основные тенденции и особенности развития фабричной промышленности в Болгарии в начале XX века (1900–1912 гг.) // Советское славяноведение. 1975. № 3.
64. *Гришина Р.П.* Болгария в 1878–1920 гг. // Человек на Балканах: Особенности «новой» южнославянской государственности: Болгария, Сербия, Черногория, Королевство СХС в 1878–1920 гг. / отв. ред. А.А. Шемякин. М., 2016.
65. *Гришина Р.П.* Болгария и македонские болгары. 1878–1913 гг. // Дриновски сборник / Дриновський збірник. Т. VII. Харьков; София, 2014.
66. *Гришина Р.П.* Власть и общество. Болгария, 1912–1913 гг. // Человек на Балканах: Власть и общество: опыт взаимодействия (конец XIX – начало XX в.) / отв. ред. Р.П. Гришина. СПб., 2009.

-
67. *Гришина Р.П.* Военные корреспонденты Васил Коларов и Лев Троцкий о Балканских войнах 1912–1913 гг. // Славяне и Россия: славянские и балканские народы в периодической печати. К 90-летию со дня рождения А.А. Улуняна / отв. ред. С.И. Данченко. М., 2014.
  68. *Гришина Р.П.* Война или модернизация: Балканские войны 1912–1913 гг. в истории Болгарии // Дриновски сборник / Дриновский збірник. Т. IV. Харьков; София, 2011.
  69. *Гришина М.И.* Империалистические планы кадетской партии по вопросам внешней политики России (1907–1914 гг.) // МГПИИ им. В.И. Ленина. Ученые записки. № 286. Некоторые вопросы истории СССР. М., 1967.
  70. *Гришина Р.П.* Конституционная монархия в Болгарии и ее подданные // Человек на Балканах. Государство и его институты: гримасы политической модернизации (последняя четверть XIX – начало XX в.) / отв. ред. Р.П. Гришина. СПб., 2006.
  71. *Гришина Р.П.* Лики модернизации в Болгарии в конце XIX – начале XX века (бег трусцой по пересеченной местности). М., 2008.
  72. *Гришина Р.П.* Между Болгарией и Македонией: идеи и практика Тодора Александрова (миф о легендарном болгарском патриоте) // До и после Версаля. Политические лидеры и идея национального государства в Центральной и Юго-Восточной Европе / отв. ред. А.А. Шемякин. М., 2009.
  73. *Гришина Р.П.* Модернизация по-балкански: диктует матрица (конец XIX – середина XX века) // Славяноведение. 2004. № 3.
  74. *Гришина Р.П.* Россия и Балканский союз 1912 года // Славянство, растворенное в крови... В честь 80-летия члена-корреспондента Российской академии наук Владимира Константиновича Волкова / отв. ред. К.В. Никифоров. М., 2011.
  75. *Гришина Р.П., Шемякин А.А.* Судьба «балканских союзников» 1912–1913 годов. Взгляд из XXI столетия // Новая и новейшая история. 2013. № 4.

76. *Гришина Р.П., Шемякин А.А.* Трудный путь к европейской цивилизации: Сербия и Болгария в конце XIX – начале XX в. Приоритеты развития // Из истории Сербии и русско-сербских связей / отв. ред. К.В. Никифоров. 1812–1912–2012. М., 2014.
77. *Гудков А.* Идеологема «врага»: «Враги» как массовый синдром и механизм социокультурной интеграции // Образ врага / сост. А. Гудков. М., 2005.
78. *Гусев Н.С.* Актуализация в России памяти о русско-турецкой войне 1877–1878 гг. в военных конфликтах первой половины XX в. // Славяне и Россия: Россия, Болгария, Балканы. Проблемы войны и мира. XVIII–XXI вв. (Мифы и реальность) / гл. ред. К.В. Никифоров. М., 2019.
79. *Гусев Н.С.* Демократия и демократические ценности в Болгарии рубежа XIX–XX вв. глазами русских наблюдателей // Axiologický výskum slovanských jazykov / Axiological Investigation into the Slavic Languages / eds. И.А. Седакова, Р. Žeňuch, М. Китанова. Bratislava; М., 2019.
80. *Гусев Н.С.* Леонид Андреев во время Первой мировой войны: защитник сербов, судья болгар // Српско-руске књижевне и културне везе: епоха модерне / од. ур. К. Ичин. Нови Сад, 2018.
81. *Гусев Н.С.* Неизвестный очерк о Болгарии периода Балканских войн 1912–1913 гг. // *Bulgarica, slavica et rossica*. Научный сборник в честь заслуженного профессора Московского университета Людмилы Васильевны Гориной / отв. ред. О.А. Дубовик, П.Е. Лукин (Серия «Историки-слависты МГУ». Кн. 12). СПб., 2019.
82. *Гусев Н.С.* Образ России и русских в сознании болгар в период Балканских войн 1912–1913 гг. // Дриновски сборник / Дриновський збірник. Т. VI. Харьков; София, 2013.
83. *Гусев Н.С.* Патриарх отечественной военной журналистики Вас.И. Немирович-Данченко и его корреспонденция с Первой балканской войны // *Studia historiae Bulgariae et Europaе Orientalis*. К юбилею Т.В. Волокитиной / ред. Е.Л. Валева [и др.]. М., 2018.

-
84. *Гусев Н.С.* Первая Балканская война и русское общество // Славяноведение. 2015. № 5.
  85. *Гусев Н.С.* Пехливанова К. Биография Йордана Георгиева Пехливанова // Славянский мир в третьем тысячелетии. 2018. № 1–2.
  86. *Гусев Н.С.* По ком жужжит шредер: современные научные (псевдо)исследования по истории Болгарии и Сербии конца XIX – начала XX в. // Историческая экспертиза. 2018. № 3.
  87. *Гусев Н.С.* Полемика в русской и болгарской печати о позиции Болгарии в начальный период Первой мировой войны // Дриновски сборник / Дриновський збірник Т. VIII. Харків; София, 2015.
  88. *Гусев Н.С.* Помощь русского Красного креста в Болгарии в восприятии болгарского общества // Историки-слависты МГУ: Кн. 9: В.А. Тесемников: Исследования и материалы, посвященные 75-летию со дня рождения В.А. Тесемникова / отв. ред. Г.Ф. Матвеев, В.С. Путятин. М., 2013.
  89. *Гусев Н.С.* Профессор Иван Шишманов на защите болгарских интересов в Петербурге в 1912–1913 гг. // Дриновски сборник / Дриновський збірник. Т. X. Харків; София, 2017.
  90. *Гусев Н.С.* Публичная деятельность Н.С. Державина по македонскому вопросу в 1912–1915 гг. // Дриновски сборник / Дриновський збірник. Т. XII. Харьков-София, 2019.
  91. *Гусев Н.С.* Разгон манифестаций в поддержку славян в России весной 1913 года // Славяноведение. 2018. № 3.
  92. *Гусев Н.С.* Религиозный мотив восприятия Балканских войн 1912–1913 гг. и российские мусульмане // Новейшая история России. 2018. Т. 8. Вып. 3.
  93. *Гусев Н.С.* Ретроспективная динамика ценностей и методика ее изучения (на примере «образования» в Болгарии в конце XIX – первой половине XX в.) // Взгляд на славянскую аксиологию / отв. ред. И.А. Седакова. М., 2019.
  94. *Гусев Н.С.* Русские очевидцы рубежа XIX–XX вв. о европеизации и развитии Софии // Славянский мир в третьем тысячелетии. 2019. № 3–4.

95. *Гусев Н.С.* Русское общество и сербско-австрийский конфликт 1912–1913 гг.: хотели ли русские войны // Славянский альманах. 2018. Вып. 3–4.
96. *Гусев Н.С.* Сербь-эмигранты в России, защищавшие интересы родины в годы Балканских и Первой мировой войн. Четыре портрета: М.М. Бойович, И.П. Табурно, Д.И. Семиз, Ч.М. Иоксимович // Столетие двух эмиграций. 1919–2019: Сб. ст. / отв. ред. А.Ю. Тимофеев. М.; Београд, 2019.
97. *Гусев Н.С.* Судьба Радко Димитриева и память о нем как заложники российско-болгарских отношений конца XIX – начала XX в. // Вестник МГИМО-Университета. 2019. № 6.
98. *Гусев Н.С.* Тема славянского единства в русской периодической печати во время Балканских войн 1912–1913 годов // Историки-слависты МГУ: Кн. 8: Славянский мир: в поисках идентичности / ред. колл. Ю.А. Борисенко, А.Н. Литвинова, Г.Ф. Матвеев, З.С. Ненашева. М., 2011.
99. *Гусев Н.С.* «Торгующим во храме»: Леонид Андреев и обвинения русскими болгар в предательстве славянства (1914–1915 гг.) // Очерки истории народов Центральной и Юго-Восточной Европы в годы Первой мировой войны / отв. ред. Е.П. Серапионова. М., 2015.
100. *Гусев Н.С.* Штрихи к дореволюционной биографии академика Н.С. Державина // Архивный поиск. М., 2019. Вып. 1.
101. *Гусев Н.С.* Южные славяне в начале XX века: перспективы и сложности научного подхода // Славяноведение. 2019. № 1.
102. *Гуськова Е.Ю.* Лев Троцкий – очевидец и хроникер балканских войн // Букурешкиот мировен договор (1913) и неговите долгосрочни последици за Македонија и Југоисточна Европа. Скопје, 2017.
103. *Димитров Б.* Войните за национално обединение 1912–1913, 1915–1918. София, 2001.
104. *Димитров Б.* Истинската история на Балканската война. София, 2007.
105. *Досталь М.Ю.* Сектор славяноведения Института истории АН СССР // Славянский альманах 2002. М., 2003.

106. *Дренски И.* Генерал Радко Димитриев. София, 1962.
107. *Дьяков В.А.* Славянская идея в России в период империализма // Вопросы истории. 1987. № 3.
108. *Езерник Б.* Дикая Европа: Балканы глазами западных путешественников / пер. со словен. М., 2017.
109. *Екмечић М.* Ратни циљеви Србије 1914. Београд, 1973.
110. *Елдаров С.* Болгарские правительства и Внутренняя Македоно-Одринская Революционная организация (1893–1912) // Imagines mundi: альманах исследований всеобщей истории XVI–XX вв. № 6. Сер. Балканика. Вып. 1. Екатеринбург, 2008.
111. *Елџров С.* Забравеният юбилей: 150 години от рождението на Александр Александрович Башмаков // Македонски преглед. Т. XXXII. 2009. № 4.
112. *Елџров С.* Православието на война. Българската православна църква и войните на България 1877–1945. София, 2005.
113. *Елџров С.* Руско-турската освободителна война в славянофилската доктрина на българската православна църква (1877–1944) // Дриновски сборник / Дриновський збірник. Т. III. Харьков; София, 2009.
114. *Жебокрицкий В.А.* Болгария в период Балканских войн 1912–1913 гг. Киев, 1961.
115. *Жебокрицкий В.А.* Болгария накануне Балканских войн 1912–1913 гг. Киев, 1960.
116. *Жебокрицки В., Кулинич И.* Из историята на руско-българските отношения по време на Първата балканска война // Исторически преглед. 1962. Кн. 3.
117. *Жевахов А.* Кемаль Ататюрк. М., 2008.
118. *Зенкин С.* Небожественное сакральное. Теория и художественная практика. М., 2012.
119. *Зерубавель Я.* Динамика коллективной памяти // Империя и нация в зеркале исторической памяти / ред.-сост. И. Герасимов, М. Могильнер, А. Семенов. М., 2011.
120. *Златева А.* Дейността на Петербургския руско-български дамски благотворителен комитет през Балканската война

- 1912 г. (Щрих към руското дарителство за българските герои и сираците от войната) // Исторически преглед. 2016. Кн. 1–2.
121. *Иванов А.А.* Вызов национализма: Лозунг «Россия для русских» в дореволюционной общественной мысли. СПб., 2016.
122. *Иванов А., Кулакова И.* Русская профессура на рубеже XIX–XX веков // Российская история. 2013. № 2.
123. *Иванов А.А., Репников А.В.* «Болгарская измена»: русские правые о вступлении Болгарии в Первую мировую войну на стороне Центральных держав // Новейшая история России / Modern history of Russia. 2014. № 3.
124. *Иветич Е.* Балканските войни. София, 2012.
125. *Игнатъев А.В., Кострикова Е.Г.* Дипломатия и деятельность МИД России от окончания войны с Японией до Февральской революции // Очерки истории Министерства иностранных дел России: В 3 т. / пред. ред. колл. И.С. Иванов. Т. 1. М., 2002. С. 515–582.
126. *Илчев И.* България и Антантата през Първата световна война. София, 1990.
127. *Илчев И.* Външнополитическа пропаганда на българската национална кауза през Балканските войни (1912–1913 г.) // Военоисторически сборник. 1982. № 4.
128. *Илчев И.* Карнегиевата анкета през 1913 г. // Исторически преглед. 1989. № 10.
129. *Илчев И.* Междено време. София, 2005.
130. *Илчев И.* Родината ми – права или не! Външнополитическа пропаганда на балканските страни 1821–1923. София, 1995.
131. *Илюхин М.Ю.* «Особая позиция» П.Н. Милюкова по вопросам внешней политики в период Балканских войн 1912–1913 гг. // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2009. № 1.
132. *Исаева О.Н.* Царь болгар Фердинанд Саксен-Кобург-Готский // До и после Версаля. Политические лидеры и идея национального государства в Центральной и Юго-Восточной Европе / отв. ред. А.А. Шемякин. М., 2009.

133. *Искендеров П.А.* Балканские войны 1912–1913 гг. // В «покроховом погребѣ Европы». 1878–1914 / отв. ред. В.Н. Виноградов, В.И. Косик. М., 2003.
134. История Болгарии / под ред. П.Н. Третьякова, С.А. Никитина, Л.Б. Валева. М., 1954.
135. История на България. Т. 3: История на нова България, 1878–1944 / Е. Стателова, С. Грънчаров. София, 1999.
136. *Исхаков С.М.* Отношение российских мусульман к Первой мировой войне // Российская история. 2014. № 5.
137. *Йовков И.* Кобургът. София, 1990.
138. *Йолов И.Г.* Руски автори за България и Сърбия в македонски конфликт. 1885–1917 г. София, 1999.
139. *Кабанов В.В.* Между правдой и ложью. Отечественные мемуары XX века. М., 2004.
140. *Кайчев Н.* Македонийо, възжелана... Армията, училището и градежът на нацията в Сърбия и България (1878–1912). София, 2006.
141. *Каширин В.Б.* Высший командный состав армий стран Балканского полуострова в оценках и суждениях русских военных специалистов в начале XX века // Человек на Балканах глазами русских / отв. ред. Р.П. Гришина, А.Л. Шемякин. СПб., 2011.
142. *Каширин В.Б.* Дозорные на Балканах: Русская военная разведка в странах Балканского полуострова накануне и в годы Первой мировой войны. М., 2014.
143. *Кедури Э.* Национализм / пер. с англ. СПб., 2010.
144. *Козлов Д.Ю.* Российские планы войны на Черном море и «проблема проливов». 1907–1914 гг. // Вопросы истории. 2007. № 8.
145. *Козловцева Е.Н.* Русские сестры милосердия в Сербии и Болгарии (вторая половина XIX – начало XX в.) // Славянский альманах 2009. М., 2010.
146. *Колаковић А.М.* Француски интелектуалци и Балкански ратови (1912–1913) // Први балкански рат 1912/1913. године: Друштвени и цивилизацијски смисао (поводом стогодишњице ослобођења Старе Србије и Македоније 1912). Књ. I / приред. А. Растовић. Ниш, 2013.

147. *Конева Р.* Голямата среща на българския народ. Културата и предизвикателствата на войните 1912–1918 г. София, 1995.
148. *Констант С.* Фердинанд лисицата. Цар на България. София, 1992.
149. *Константинова Ю.* От «по пет на нож» до «един срещу пет» – политическата пропаганда в България по време на Балканските войни // Балканите – модернизация, идентичности, идеи. Сборник в чест на проф. Надя Данова / отг. ред. Ю. Константинова. Велико Търново, 2011.
150. *Королева Е., Черкезова-Савова М.* На помощ братята българи // Военноисторически сборник. 1983. № 6.
151. *Косик В.И.* Балканы: «Порвалась цепь великая...» (середина XIX – начало XXI вв.) М., 2014.
152. *Косик В.И.* Софии русский уголок. М., 2008.
153. *Кострикова Е.Г.* Геополитические интересы России и славянский вопрос: Идеиная борба в российском обществе в начале XX века. М., 2017.
154. *Кострикова Е.Г.* Источники внешнеполитической информации русских буржуазных газет (на материалах архивных фондов «Речи» и «Русского слова» // Исторические записки. 1979. Т. 103.
155. *Кострикова Е.Г.* «Мост через пропасть»: отдел печати МИД и русская пресса в начале XX века // Российская история. 2010. № 5.
156. *Кострикова Е.Г.* Организация службы зарубежной информации С.-Петербургского телеграфного агентства // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 1981. № 4.
157. *Кострикова Е.Г.* Первая Балканская война и российское общество // Вестник Университета дружбы народов. Серия «История России». 2009. № 4.
158. *Кострикова Е.Г.* Первая Балканская война и российское общество. Корреспонденты русских газет на театре военных действий // Први балкански рат 1912/1913. године: Друштвени и цивилизацијски смисао (поводом стогодишњице ослобођења Старе Србије и Македоније 1912). Књ. I / приред. А. Растовић. Ниш, 2013.

159. *Кострикова Е.Г.* Российское общество и внешняя политика накануне Первой мировой войны 1908–1914 гг. М., 2007.
160. *Кострикова Е.Г.* Русская пресса и дипломатия накануне Первой мировой войны 1907–1914. М., 1997.
161. *Котов Б.С.* Межсоюзническая война лета 1913 года в восприятии русского общества (по материалам прессы) // Новая и новейшая история. 2015. № 3.
162. *Котов Б.С.* Политика Австро-Венгрии во время Балканских войн 1912–1913 годов в оценках российской прессы // Новая и новейшая история. 2019. № 4, 5.
163. *Кочуков С.А.* «За братьев-славян»: Русско-турецкая война 1877–1878 гг. в восприятии общества, власти и армии Российской империи. Саратов, 2012.
164. *Крючков И.В.* Образ Австро-Венгрии на страницах периодической печати Дона и Северного Кавказа в начале XX в. (1900–1917). Ставрополь; Пятигорск, 2003.
165. *Кулагина А.А.* Публицистика В.И. Немировича-Данченко в русско-турецкую войну 1877–1878 годов // Век информации. 2015. № 2.
166. *Куприянов П.С.* Представления о народах у российских путешественников начала XIX в. // Этнографическое обозрение. 2004. № 2.
167. *Кутинчев С.* Санитарна служба, Червеният кръст и Балканската война. Бележки и впечатления. София, 1914.
168. *Кююмджиев Б.П.* Дипломатическа и материална подкрепа от Русия на България по време на Балканската война 1912–1913 г. Руски доброволци и проявена храброст от тях. София, 1968.
169. *Лабаври Д.О.* Евангелие и револьвер: Социальные и психологические основы болгарской национальной революции в Македонии и Фракии в конце XIX – начале XX в. СПб., 2018.
170. *Лаинович А.* Мисија Јована Цвијића у Лондону 1915. године // Врањски гласник. 1971. № VII.
171. *Лаптева Л.П.* История славяноведения в России в конце XIX – первой трети XX в. М., 2012.

172. *Лекманов О.* Русская поэзия в 1913 году. Часть вторая // Новое литературное обозрение. 2013. № 6.
173. *Липпман У.* Общественное мнение / пер. с англ. М., 2004.
174. *Лотман Ю.М.* История и типология русской культуры. СПб., 2002
175. *Лунева Ю.В.* Балканские войны 1912–1913 годов и европейские державы // Новая и новейшая история. 2013. № 1.
176. *Малиновски А.* България по време на Втората Балканска война според репортажите на вестник «Познански дневник» (юни–август 1913 година) // 110 години от Илинденско-Преображенското въстание и българската национална идея от Сан Стефано до Букурещ (1878–1913) / ред. Т. Митев. София, 2014.
177. *Маньков С.А., Михайлов А.А., Михайлов В.В.* «Великая измена». Вступление Болгарии в Первую мировую войну глазами русских офицеров и публицистов // Славянский альманах. 2018. Вып. 1–2.
178. *Марков Г.* България в Балканския съюз срещу Османската империя 1911–1913. София, 2012.
179. *Марков Г.* Българското крушение 1913. София, 1991.
180. *Мартынова-Савченко М.С.* Наше наследие // Военно-исторический журнал. 1989. № 8.
181. *Милорадовић Г.* Борба за душе: српска пропаганда у Русији 1916. године // Историјске свеске. 2015. Број 14.
182. *Милосављевић Б.* Балкански ратови // Летопис Матице српске. Књ. 491. Свеска 3. Март 2013.
183. *Мирзоева С.Г., Камбачокова М.Ю., Бунькова Ю.В.* П.Н. Милуков-политик о российских интересах на Балканах в начале XX в. // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2014. № 11.
184. *Митев Т.* Разрешаването на офицерско-емигрантския въпрос през 90-те години на XIX век // Военноисторически сборник. 1981. № 1.
185. *Михайлова М., Назарова А.* Война как пространство антижизни и антикультуры (военные корреспонденции Е.Н. Чирикова с фронтов Первой Балканской и Первой мировой войн) // Русская литература и журналистика в движении времени: Ежегодник кафедры истории русской литературы

- и журналистики факультета журналистики МГУ. М., 2013.
186. *Михайлова М., Назарова А.* Голос Е.Н. Чирикова-пацифиста // Великая война. Последние годы империи: Сб. науч. ст. XX Царскосельской конференции. СПб., 2014.
187. *Мороз Ю.М.* Русское общество и Антанта в период Балканских войн 1912–1913 гг. // Белорусский журнал международного права и международных отношений. 2004. № 4.
188. *Московичи С.* Век толп. М., 1998.
189. *Николаев Н.Ю.* Миротворческие взгляды М.М. Ковалевского в начале XX в. // Вестник ВолГУ. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2014. № 3 (27).
190. *Новикова Н.В.* Первоэлементы эстетической программы журнала «Заветы» // Известия Саратовского университета. 2009. Т. 9. Серия: Социология. Политология. Вып. 1.
191. *Нойков С.* Оценки на германския и австро-унгарския генерален щаб за българската армия в Балканската война 1912–1913 г. // Военноисторически сборник. 1983. Кн. 2.
192. *Нозль-Нойман Э.* Общественное мнение. Открытие спирали молчания. М., 1996.
193. *Нюркаева А.З.* Балканы во взглядах Троцкого. Пермь, 1994.
194. *Опрышко О.А.* Кавказская конная дивизия. 1914–1917: Возвращение из забвения. Нальчик, 2007.
195. *Пейковска П.* Спомени на унгарския дипломат Шандор Киш-Немешкейри за България и българите // Известия на държавни архиви. 1993. Кн. 66.
196. *Петкова М.* Отзвукът на Балканската война сред европейска общественност // Военноисторически сборник. 1963. № 1.
197. *Петкова М., Геновска М.* Чужденци доброволци, участници в Балканската война // Исторически преглед. 1962. № 5.
198. *Петровская О.В.* Россия и Болгария в балканской увертюре Первой мировой войны: диссонанс современной болгарской историографии // Накануне Великой войны: Россия и мир. М., 2014.
199. *Писарев Ю.А.* Великие державы и Балканы накануне Первой Мировой войны. М., 1985.

-
200. *Писарев Ю.А.* Российский посланник в Сербии Н.Г. Гартвиг (1909–1914 гг.) // История СССР. 1991. № 3.
201. *Писарев Ю.А.* Тайны Первой мировой войны. Россия и Сербия в 1914–1915 гг. М., 1990.
202. *Полетика Н.П.* Сараевское убийство. Исследование по истории австро-сербских отношений и балканской политики России в период 1903–1914 гг. Л., 1930.
203. *Поповић-Обрадовић О.* Парламентаризам у Србији. Београд, 2008.
204. *Поповкин А.А.* Деятельность славянских обществ России в контексте социального развития славянских народов (1858–1917 гг.) // Вестник Тамбовского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2012. Вып. 6 (110).
205. *Поселягин Н.* Антропологический поворот в российских гуманитарных науках // Новое литературное обозрение. № 113. (01.2012).
206. *Растович А.* Британская пресса о Балканских войнах // Модернизация vs. война. Человек на Балканах накануне и во время Балканских войн (1912–1913) / отв. ред. Р.П. Гришина, А.Л. Шемякин. М., 2012.
207. *Растовић А.* Британска штампа о успесима српске војске у Првом балканском рату // Балкански ратови 1912/1913: Нова виђења и тумачења / ур. С. Рудић, М. Милкић. Београд, 2013.
208. *Ристовски Б.* Македонската колонија во Петроград и културно-националниот идентитет и територијален интегритет на Македонија (причини за војната и последици од букурешкиот договор) // Букурешкиот мировен договор (1913) и неговите долгорочни последици за Македонија и Југоисточна Европа. Скопје, 2017.
209. *Ристовска-Јосифовска Б.* Македонија во Балканските војни низ илустрациите на руското списание «Искри» // Сто години од Балканските војни / ур. В. Камбовски, Б. Ристовски, Д. Ѓоргиев. Скопје, 2013.
210. *Ристовски Б.* Наце Димов (1876–1916) и програмата за македонската нација и држава. Скопје, 2007.

211. *Ристовский Б.* Димитрий Чуповский и македонское национальное самосознание. М., 1999.
212. *Робинсон М.А.* Изучение новой истории южных славян в русской историографии начала XX в. // Исследования по историографии славяноведения и балканистики. М., 1981.
213. *Рогов Д.К.* Из истории одной российской семьи // Опочининские чтения. Вып. 6. Мышкин, 1998.
214. *Рождественская М.В.* Душан Иванович Семиз: «Сербская Голгофа» // Опочининские чтения. Вып. 6. Мышкин, 1998.
215. *Рождественская М.В.* Из истории сербско-русских историко-культурных связей: Душан Иванович Семиз (1884–1955) и его семья: Заметки к материалам петербургских и московских архивов // Slověne. 2017. № 2.
216. *Розенберг В.* Из истории русской печати. Организация общественного мнения в России и независимая беспартийная газета «Русские ведомости». Прага, 1924.
217. *Савин С.Д.* Максим Ковалевский о Балканском вопросе накануне Первой мировой войны // Вестник СПбГУ. История. 2016. Вып. 4.
218. *Саздов Д.* Социална политика в законодателството на демократична България (1880–1912). София, 2008.
219. *Свирчевич М.* Пропаганда против Србије за време Балканских ратова и после њих 1912.–1914. године // Летопис Матице српске. 2013. Књ. 491. Св. 3.
220. *Сенюткина О.Н.* Тюркизм как историческое явление (на материалах истории Российской империи 1905–1916 гг.). Н. Новгород, 2007.
221. *Сенявская Е.С.* Противники России в войнах XX века: Эволюция «образа врага» в сознании армии и общества. М., 2006.
222. *Сенявский А.С., Сенявская Е.С.* Историческая имагология и проблема формирования «образа врага» (на материалах российской истории XX в.) // Вестник РУДН. Серия: История России. 2006. № 2 (6).

-
223. *Силкин А.А.* Король Югославии Александр Карагеоргиевич // До и после Версаля. Политические лидеры и идея национального государства в Центральной и Юго-Восточной Европе / отв. ред. А.А. Шемякин. М., 2009.
224. *Сквозников А.Н.* Македония в конце XIX – начале XX века – яблоко раздора на Балканах. Самара, 2010.
225. *Смирнов Ю.Н.* Без «всякого националистического романтизма»: отход от традиционных внешнеполитических представлений в русской провинции 1912–1913 годов // Внешнеполитические интересы России: история и современность: Сб. материалов II Всероссийской науч. конф. / отв. ред. А.Н. Сквозников. Самара, 2015.
226. *Смирнов Ю.Н.* Глобальные предупреждения провинциального журналиста: публикации Н. Северского (А.И. Свидерского) в период Балканских войн (1912–1913 гг.) // XX век и Россия: общество, реформы, революции. Вып. 2. Самара, 2014.
227. *Смирнов Ю.Н.* Либеральная провинциальная пресса о Первой балканской войне (на примере Самары) // Культура, наука, образование: проблемы и перспективы: Материалы III Всероссийской науч.-практ. конф. / отв. ред. А.В. Коричко. Нижневартовск, 2014.
228. *Смирнов Ю.Н.* Особенности восприятия Первой Балканской войны в провинциальном обществе (по материалам либеральной самарской прессы) // Наука и культура России: Международная науч.-практ. конф. Т. 1. Самара, 2013.
229. *Станојевић С.* Балкански ратови у српској историографији // Хуманизација универзитета / ур. Б. Димитријевић. Ниш, 2013.
230. *Станчев М.Г.* Болгары в Российской империи, СССР, странах Балтии и СНГ. Харьков, 2016.
231. *Станчев М., Чернявский Г. А.Д.* Троцкий, Болгария и болгары. София, 2008.
232. *Стателова Е.* Някои характерни черти на българския буржоазен партиен печат в навечерието на Балканските войни (1909–1912 гг.) // Известия на Института за история. 1970. Т. 21.

-
233. *Стоянова П.* Покръстването на българите мюсюлмани // Анамнеза. 2006. Кн. 3.
234. *Стојанов П.* Македонија во времето на Балканските и Првата световна војна (1912–1918). Скопје, 1969.
235. *Стојић Б.* Први балкански рат у очима француског јавног мњења // Први балкански рат 1912/1913. године: Друштвени и цивилизацијски смисао (поводом стогодишњице ослобођења Старе Србије и Македоније 1912). Књ. I / приред. А. Растовић. Ниш, 2013.
236. *Стојић Б.* Француска и балкански ратови (1912–1913). Београд, 2017.
237. *Струкова К.А.* К вопросу о деятельности македонской интеллигенции в России в начале XX в. // Славянский архив. М., 1963.
238. *Струнина Н.Г.* Деятельность великой княгини Милицы Николаевны Романовой по оказанию помощи Черногории во время Балканских войн // Модернизация vs. война. Человек на Балканах накануне и во время Балканских войн (1912–1913) / отв. ред. Р.П. Гришина, А.А. Шемякин. М., 2012.
239. *Телеш Д.Г.* Общественность России в «гуманном походе» периода Балканских войн 1912–1913 гг. // XX Всероссийская студенческая науч.-практ. конф. Нижневартковского государственного университета: Сб. ст. / отв. ред. А.В. Коричко. Ч. 5. История. Документоведение. Филология. Лингвистика. Журналистика. Реклама. Нижневартовск, 2018.
240. *Терзиоски Р.* Некои активности на македонски дејци во Русија за решавање на македонското прашање (1914–1918) // Македонија: Прашања од историјата и културата. Скопје, 1999.
241. *Терзич С.* Россия и Первая балканская война // Слово.ру: Балтийский акцент. 2014.
242. *Терзич С.* Старая Сербия (XIX–XX вв.). Драма одной европейской цивилизации. М., 2015.
243. *Тимофеев А.Ю., Живанович М.* «Работа комиссии провалена... потому, что один из ее членов – открытый неприятель

- Сербии и Греции». Взгляд из Белграда на пропагандистский удар по Балканам в 1913–1914 гг. и его повторение через 79 лет // Военно-исторический журнал. 2017. № 5.
244. Тимофеев А.Ю., Живанович М. Можно ли рассматривать доклад Комиссии Карнеги о причинах и ведении Балканских войн 1912–1913 гг. как исторический источник // Славянский альманах. 2017. №. 1–2.
245. Тодорова М. Балкани. Балканизъм. София, 2004.
246. Томохико У. Восприятие международной обстановки начала XX в. А. Букейханом и его современниками // Алаш мұраты және тәуелсіз Қазақстан. Астана, 2011.
247. Топенчаров В. Българската журналистика 1903–1917. София, 1981.
248. Трговчевић Љ. Научници Србије и стварање југословенске државе 1914–1920. Београд, 1986.
249. Урибес Э. Правящие круги России и балканский кризис 1911 г. // Исторические записки. Т. 105. 1980.
250. Урибес Э. Российское общество и внешняя политика // История внешней политики России. Конец XIX – начало XX века (От русско-французского союза до Октябрьской революции) / отв. ред. А.В. Игнатъев. М., 1997.
251. Усманова Д. Российские мусульмане и пропаганда в годы Первой мировой войны (1914–1916 гг.) // Acta Slavica Iaropica. Т. 37 (2016).
252. Учаева Н. Македония в период Балканских войн 1912–1913 годов глазами русских представителей // Россия и Македония: от прошлого к будущему. К 100-летию журнала «Вардар» (1905) / отв. ред. К.В. Никифоров. М., 2008.
253. Учаева Н.А. Мифы и реалии Балканских войн 1912–1913 гг. на страницах русской периодической печати // Славянский сборник. Межвузовский сборник научных трудов. Вып. 7. Саратов, 2009.
254. Ушаков А.И., Федюк В.П. Лавр Корнилов. М., 2006.
255. Филиппова Т.А. «Враг с востока»: Образы и риторика вражды в русской сатирической журналистике начала XX века. М., 2012.

-
256. *Филиппова Т.А.* «Прощание славянки»: Балканские войны в русской сатирической журналистике начала XX века // Родина. 2012. № 5.
257. *Флоринский М.Ф.* Совет министров России и Военное министерство накануне Первой мировой войны // Труды Исторического факультета СПбГУ. Т. 5: История России: экономика, политика, человек. СПб., 2011.
258. *Хейвуд Э.* Политология / пер. с англ. М., 2005.
259. *Хлебникова В.Б.* Роль династических связей России и Черногории в выстраивании политического сотрудничества на рубеже XIX–XX веков // Славяноведение. 2015. № 1.
260. *Хлебникова В.Б.* К вопросу о месте династических связей России и Черногории во внутренней и внешней политике на рубеже XIX–XX вв. // Императорский дом Романовых и Балканы / отв. ред. В.Б. Каширин. М., 2014.
261. *Хлебникова В.Б.* Скутари 1913 г.: проверка российско-черногорского союза на прочность // Модернизация vs. война. Человек на Балканах накануне и во время Балканских войн (1912–1913) / отв. ред. Р.П. Гришина, А.А. Шемякин. М., 2012.
262. *Хмара В.* Возвращение // *Немирович-Данченко Вас. И.* На кладбищах: Воспоминания. М., 2001.
263. *Хоффер Э.* Истинноверующий: мысли о природе массовых явлений / пер. с англ. М., 2001.
264. *Цаллер Дж.* Происхождение и природа общественного мнения / пер. с англ. М., 2004.
265. *Цачевски В.* Радко Димитриев. Пълководецът. София, 2018.
266. *Цветков Ж.* Книга за Цар Фердинанд и българите. София, 2010.
267. *Чернявский Г., Дубова А.* Милюков. М., 2015.
268. *Шевцова Г.И.* Русский гуманный поход на Балканы (1912–1913). М., 2012.
269. *Шелохаев В.В.* Идеология и политическая организация российской либеральной буржуазии. 1907–1914 гг. М., 1991.
270. *Шелохаев В.В.* Либеральная модель переустройства России. М., 1996.

-
271. *Шелудко Н.* Иван Николаевич Кашинцев (Калина) // Исторически преглед. 1967. Кн. 3.
272. *Шемякин А.* «Балканские воспоминания» Василия Штрандтмана // Родина. 2014. № 8.
273. *Шемякин А.А.* В плену у традиции: русские путешественники о Сербии и сербах (вторая половина XIX – начало XX в.) // Политическая культура и международные отношения в новое и новейшее время. Н. Новгород, 2009.
274. *Шемякин А.А.* Л.Д. Троцкий о Сербии и сербах (военные впечатления 1912–1913 гг.) // Историки-слависты МГУ: Кн. 9: В.А. Тесемников: Исследования и материалы, посвященные 75-летию со дня рождения В.А. Тесемникова / отв. ред. Г.Ф. Матвеев, В.С. Путятин. М., 2013.
275. *Шемякин А.А.* Народ и власть в независимой Сербии // Двести лет сербской государственности / отв. ред. В.К. Волков. СПб., 2005.
276. *Шемякин А.А.* Никола Пашич // Вопросы истории. 2002. № 2.
277. *Шемякин А.А.* Никола Пашич: на стыке унитаристских и федералистских устремлений // До и после Версаля. Политические лидеры и идея национального государства в Центральной и Юго-Восточной Европе / отв. ред. А.А. Шемякин. М., 2009.
278. *Шемякин А.А.* Особенности политического процесса в Сербии глазами русских (последняя треть XIX – начало XX века) // Славяноведение. 2010. № 5.
279. *Шемякин А.А.* Политическая культура в независимой Сербии // Человек на Балканах. Власть и общество: опыт взаимодействия (конец XIX – начало XX в.) / отв. ред. Р.П. Гришина. СПб., 2009.
280. *Шемякин А.А.* Сербия // Югославия в XX веке: Очерки политической истории / отв. ред. К.В. Никифоров. М., 2011.
281. *Шемякин А.А.* Сербия и сербы накануне Балканских войн глазами русских (к дискуссии о «современном» государстве) // Модернизация vs. война. Человек на Балканах накануне и во время Балканских войн (1912–1913) / отв. ред. Р.П. Гришина, А.А. Шемякин. М., 2012.

-
282. *Шемякин А.А.* Сербские сочинения П.А. Ровинского (первичное осмысление и перспективы исследования) // Славяноведение. 2017. № 3.
283. *Шемякин А.А.* Сербское общество последней трети XIX – начала XX века глазами русских наблюдателей // Славяноведение. 2004. № 3.
284. *Шемякин А.А.* Система народного образования в независимой Сербии: принуждение или потребность // Человек на Балканах. Социокультурные измерения процесса модернизации на Балканах (середина XIX – середина XX в.) / отв. ред. Р.П. Гришина. СПб., 2007.
285. *Шемякин А.А.* Специфика политического процесса в независимой Сербии (1878–1918): между «национальным идеалом» и «гражданским обществом» // Человек на Балканах: Особенности «новой» южнославянской государственности: Болгария, Сербия, Черногория, Королевство СХС в 1878–1920 гг. / отв. ред. А.А. Шемякин. М., 2016.
286. *Шемякин А.А.* Традиционное общество и вызовы модернизации. Сербия последней трети XIX – начала XX в. глазами русских // Человек на Балканах и процессы модернизации. Синдром отягощенной наследственности (последняя треть XIX – первая половина XX в.) / отв. ред. Р.П. Гришина. СПб., 2004.
287. *Шемякин А.А.* Лав Троцки о Србији и србима током Балканских ратова (1912–1913) // Балкански ратови 1912/1913: Нова виђења и тумачења / ур. С. Рудић, М. Милкић. Београд, 2013.
288. *Шемякин А.А.* Post scriptum // Человек на Балканах: Особенности «новой» южнославянской государственности: Болгария, Сербия, Черногория, Королевство СХС в 1878–1920 гг. / отв. ред. А.А. Шемякин. М., 2016.
289. *Шепелев А.Е.* Царизм и буржуазия в 1904–1914 гг. Проблемы торгово-промышленной политики. Л., 1987.
290. *Шер Т.* Први балкански рат у виђењима аустроугарске штампе на немачком језику // Балкански ратови 1912/1913: Нова виђења и тумачења / ур. С. Рудић, М. Милкић. Београд, 2013.

-
291. *Шешкен А.Г.* Александр Белич и «Русский Белград» // Славянский вестник. Вып. 2. М., 2004.
292. *Шипчанов И.* Вестители на бойна слава (военните кореспонденти през Балканската война от 1912–1913 г.). София, 1983.
293. *Шкундин Г.Д.* Разделяй и властвуй! Вопрос о сепаратном мире с Болгарией в политике держав Антанты (октябрь 1915 – март 1916 г.). София, 2007.
294. *Шкундин Г.Д.* Русские и болгары в годы Первой мировой войны: проблемы взаимовосприятия // Россия – Болгария: векторы взаимопонимания. XVIII–XXI вв. / отв. ред. Р.П. Гришина. М., 2010.
295. *Экштут С.А.* Закат империи. От порядка к хаосу. М., 2012.
296. *Эрлихман В.* Режиссер на театре военных действий // Родина. 2017. № 5.
297. *Якимова И.* Битката за София. Как войната преобрази столицния град // Великите сили, Балканите и България през Втората световна война / съст. А. Гребенаров. София, 2016.
298. *Ямбаев М.А.* Российские наблюдатели об этнической принадлежности населения Македонии в конце XIX – начале XX вв. // Человек на Балканах глазами русских / отв. ред. Р.П. Гришина, А.А. Шемякин. СПб., 2011.
299. *Янчев В.* Армия, обществен ред и вътрешна сигурност между войните и след тях. 1913–1915. 1918–1923. София, 2014.
300. *Alkan N.* Ve Selanik Düştü... 1912–1913 Balkan Savaşı ve Hezimet. Istanbul, 2014; 100. yılında Balkan Savaşları (1912–1913) / ihtilafı duruşlar M. Türkeş. Ankara, 2014.
301. *Boeckh K.* Die Balkankriege 1912–13 by Leo Trotzki, Hannelore Georgi, Harald Schubärth // Südost-Forschungen / Southeast-Studies / De Gruyter Oldenbourg. 1998. Bd. 57.
302. *Boeckh K.* The Rebirth of Pan-Slavism in the Russian Empire, 1912–13 // The Balkan Wars from Contemporary Perception to Historic Memory / ed. K. Boeckh, S. Rutar. Б.м., 2017.
303. *Crampton R.J.* Bulgaria 1878–1918. A history. New York, 1983.
304. *De Dobbeleer M.* Chronotopes on Wheels: Anna Karenina and the Train Episodes in Trotsky's Balkan War Reports // Balkan

- Nationalism(s) and the Ottoman Empire. Vol. 2: Political Violence and the Balkan Wars / ed. D. Stamatopoulos. Istanbul, 2015.
305. *Despot I.* Croatian public opinion toward Bulgaria during the Balkan wars // *Études balkaniques*. XLVI. 2010. No 4.
  306. *Hall R.C.* Balkan Wars // *History Today*. Vol. 62. Issue 11. November 2012.
  307. *Hall R.C.* Bulgaria's Road to the First World War. New York, 1996.
  308. *Hall R.C.* The Balkan Wars 1912–1913: Prelude to the First World War. London, 2000.
  309. *Hutchinson J.F.* The Octobrists and the Future of Imperial Russia as a Great Power // *The Slavonic and East European Review*. Vol. 50. № 119 (Apr. 1972).
  310. *Malinowski A.J.* Operation of the Serbian army during the First Balkan War (October–November 1912) in the Polish daily press // Први балкански рат 1912/1913. године: Друштвени и цивилизацијски смисао (поводом стогодишњице ослобођења Старе Србије и Македоније 1912). Књ. I / приред. А. Растовић. Ниш, 2013.
  311. *Nelson H.W.* Leon Trotsky and the Art of Insurrection 1905–1917. London. 1988.
  312. Osmanli devleti'nin dağilma sürecinde trablusgarp ve Balkan Savaşları 16–18 mayıs 2011 / yayına M. Ersan, N. Karakaş. Ankara, 2013.
  313. *Thaden E.* Public Opinion and Russian Foreign Police toward Serbia, 1908–1914 // Велике силе и Србија пред Први светски рат: Зборник радова приказаних на међународном научном скупу Српске академије наука и уметности, одржаном од 13–15. септембра 1974. године у Београду. Београд, 1975.
  314. *Thatcher I.* Trotsky and Kievskaya Mysl' // *Irish Slavonic Studies*. 1993. Iss. 14.
  315. *Todorova M.* War and Memory: Trotsky's War Correspondence from the Balkan Wars // *Perceptions: Journal of International Affairs*. Vol. XVIII. № 2 (Summer 2013).
  316. *Vovchenko D.* Containing Balkan nationalism: Imperial Russia and Ottoman Christians, 1856–1914. New York, 2016.

317. *Zvonar I.* Obzor o Prvom balkanskom ratu // Hrvati i bugari kroz stoljeća. Povijest, kultura, umjetnost i jezik / ur. D. Karbić, T. Luetić. Zagreb, 2013

Диссертации и авторефераты диссертаций:

1. *Арсланов Т.Р.* Внешнеполитические взгляды русских либералов начала и конца XX века: Сравнительный анализ: Дис. ... канд. ист. наук. М., 2005.
2. *Белянкина В.Ю.* Внешнеполитические взгляды русских правых в начале XX века (1905–1914 гг.): Дис. ... канд. ист. наук. Кострома, 2005.
3. *Богданова Е.М.* «Русские ведомости»: социально-этический аспект публицистики 1900–1918 гг. (на примере публикаций П.Д. Боборыкина и М.А. Осоргина): Дис. ... канд. филол. наук. Пенза, 2013.
4. *Воронкова И.Е.* Внешнеполитическая доктрина конституционно-демократической партии: Дис. ... д-ра ист. наук. М., 2010.
5. *Гличев И.А.* Борьба общественного мнения в России по Балканскому вопросу (1908–1913 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Львов, 1979.
6. *Котов Б.С.* Образы Германии и Австро-Венгрии в российской прессе накануне Первой мировой войны. 1912–1914 гг. (по материалам либеральной и консервативной печати): Дис. ... канд. ист. наук. М., 2014.
7. *Кустов В.А.* Конституционно-демократическая партия (партия Народной Свободы): разработка и реализация внешнеполитической доктрины (1905–1920 гг.): Дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2004.
8. *Мирзоева С.Г.* Место македонского вопроса в научной и политической деятельности П.Н. Милюкова: 1898–1917 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. Нальчик, 2003.
9. *Новиков В.В.* Борьба группировок в придворном окружении Николая II: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2005.

10. *Поповкин А.А.* Славянские благотворительные общества в Москве и Санкт-Петербурге (1858–1921 гг.): Дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2013.
11. *Ромашов Ю.В.* Образ южных славян и идея славянского единства в панславистских концепциях России второй половины XIX – начала XX в.: Дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2013.
12. *Трифорова Е.К.* Болгарская общественность и неославистское движение: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1997.
13. *Шабанов С.И.* Внешнеполитическая концепция партии кадетов (1905–1917): Дис. ... канд. ист. наук. М., 1994.
14. *Johnson W.C.* Russia and the Balkan Wars. Denton, 1969.

И М Е Н Н О Й   У К А З А Т Е Л Ь

А

Агапкин В.И. 114
Акимов В.Н. 42, 110, 329, 331
Акчура Ю. 140
Александр II 146, 149, 249, 421, 432
Александр III 249, 255
Александр Баттенберг 95
Александр Карагеоргиевич 168, 173, 320, 343–344, 379
Александр Михайлович, вел. кн. 21
Александров А.М. 97, 107
Алексеев М.М. 232
Амфитеатров А.В. 27, 39, 40, 156, 228, 255, 292, 339, 366, 417, 423
Анастасия (Стана) Николаевна, вел. кн. 242
Андраник (Озаян) 50, 413
Анненков М.Н. 212
Антим, экзарх 261
Апушкин Вл. 373
Арборе-Ралли З.К. 286
Ардов (Тардов) Т. 154
Арсеньев К. 128
Артамонов В.А. 202

Б

Багратион Д.П. 329, 334, 340
Балашев И.П. 110, 150, 151, 154
Балашев П.Н. 116, 150
Балутджич Ж. 268
Батюшков Ф.Д. 461
Баучер Дж. 320

Бауэр О. 159, 162
Башмаков А.А. 114, 116–117, 242, 264–265
Беланович 430
Белич А. 108–109, 259–260, 276, 278–279, 288, 290–294, 296–302, 307–312, 315, 318, 466
Бенкендорф П.К. 255
Бертхольд Л. 301
Бехтерев В.М. 107–108, 312, 317
Бисмарк О., фон 426
Бицилли П.М. 101
Блажиевский Г.М. 146
Блок А.А. 228
Бобринский В.А. 105–106, 116, 303
Бобчев Н. 286
Бобчев С. 94–95, 116, 118, 154, 204–205, 238, 246, 263–264, 266, 273–274, 289, 312–313, 319–320, 466
Богучарский В.Я. 286
Бойович М.М. 141, 210–211, 273
Бонди В. 264
Бояджиев 395
Бранкович В. 425
Брешко-Брешковский Н.Н. 28, 31
Брио Н.П. 211
Брусилов А.А. 132, 156–157
Брюсов В.Я. 150
Брянчинов А.Н. 100, 104–107, 118, 126, 132, 205, 282
Бубликов А.А. 234

В

- Вазов Г. 95, 331
 Васильев А.В. 103, 117
 Везенков В.С. 43, 111, 146,
 180, 309, 373, 395, 419–421
 Велчев В. 313
 Венизелос Э. 155
 Вергун Д.Н. 105, 117, 242, 365
 Вернадский В.И. 103
 Веселитский-Божидарович Г.С.
 212
 Викторов-Топоров В. 113, 172,
 188, 319, 421
 Витте С.Ю. 197–198, 216
 Водовозов В.В. 101, 131, 160,
 330, 356, 470
 Вольский Ст. 184, 259, 354,
 383, 396, 405, 408, 414–415,
 420, 439
 Вукичевич М.М. 109, 269, 276,
 304–305, 313–315
 Вырубова (Тансева) А.А. 22, 243

Г

- Гарин-Михайловский Н.Г. 214
 Гартвиг А.П. 320
 Гартвиг Н.Г. 85, 169, 172, 196–
 205, 209, 216, 258, 320–323,
 369, 437
 Гасфельд (Шевалье) Н.И. 33–
 36, 127, 140–141, 168, 176,
 184, 189, 210, 297, 347, 355,
 360, 363, 370, 372, 393–394,
 397–398, 400, 404, 408, 474
 Гедройц В.В. 379
 Генадиев Н. 174, 315, 330, 360,
 409, 442
 Генчик Дж. 189, 269, 276,
 284–285, 300, 304, 310, 312,
 315, 466

- Гешов И. 173, 190, 193–194,
 201, 205, 215, 246–247, 263,
 280, 320–321, 354, 449, 466
 Гиляровский В.А. 153, 210
 Гирс А.А. 252, 257
 Гольц Р., фон дер 152–153
 Гончаров И. 319
 Горгов Г. 275
 Горгов Й. 275
 Горчаков А.М. 104
 Горький М. (Пешков А.М.) 34,
 39, 40, 42, 112, 162, 228, 255
 Гредескул Н.А. 235
 Григорович В.И. 438
 Григорьев С.Г. 99–100, 102
 Гроздев И. 432
 Грот К.Я. 461
 Груев П.Д. 117
 Гурко В.И. 242
 Гурко И.В. 146
 Гучков А.И. 147, 168–170, 209,
 229, 398
 Гучков Н.И. 277
 Гушмазукаев (Харачоевский)
 Зелимхан 140

Д

- Данев С. 24, 129, 146, 170,
 201, 205–207, 246, 279–
 280, 284, 330, 338, 448–
 449, 451
 Данилов Ю.Н. 202
 Деренталь (Дикгоф) А. 319, 392
 Державин Н.С. 97–99, 103,
 111, 249, 272–273, 310, 312,
 315–318, 420, 428
 Джафаров М.-Ю.Г. 143
 Джордже (Георгий)
 Карагеоргиевич 344
 Джорджевич В. 223, 453

Джунковский В.Ф. 93–94
Димитриев Р. 33, 93, 96, 113,
118, 125, 168, 174–175, 186,
246–247, 279–284, 315–
317, 330–336, 386, 393, 448

Димитриевич (Апис) Д. 437
Димитрий, митрополит 262,
276–278, 289, 296, 300,
302–303, 321

Димов Н. 275, 309

Длугокенацкий Я.Я. 100

Добрович С. 23, 172

Добрынин Б.Ф. 99, 102

Долина-Горленко М.И. 115

Долобо М.Г. 310

Дорошкевич А.В. 42, 109, 153,
387, 404, 453

Досжанов М.-Ш. 139

Дочев И. 389

Дрейер В.Н., фон 23, 28–29,
33, 37–39, 112, 174–175,
177, 180, 189, 319, 330, 333,
342, 453

Дукшинский Е. 111

Дурново П.П. 96

Душан Стефан 293, 422–424,
445

Е

Евреинов Г.А. 419

Егоров Е.А. 264

Елена Петровна, кн. 124, 182,
314

Елизавета Федоровна, вел. кн.
277

Ермолов П. 114

Ж

Жилинский Я.Г. 195, 207

Жостов К. 180

З

Замараев А.А. 132–314, 228, 255

Златарский В. 97, 249, 313, 315, 317

И

Иванов Н. 90, 289, 299, 336

Игнатъев А.А. 129, 273, 376

Извольский А.П. 196–197, 207,
241, 251–252, 451

Й

Йованович Й. 322

Йованович Л. 271

Йоксимович Ч.М. 99, 107

Йэк Э. 185

К

Калина (Кашинцев) И.Н.
171–172, 319

Калитин П.П. 147

Камбон П. 209

Кареев Н.И. 103

Карими Ф. 137, 140

Карпинский В.А. 105, 107

Кассо Л.А. 100

Каульбарс А.В. 125

Кизеветтер А.А. 236

Киранов 401

Кирдецов Г. 264

Кистяковский Б. 287

Ковалевский Е.П. 438

Ковалевский М.М. 102–105,
107–109, 205–206, 220,
234, 267, 353–354

Ковалевский П.И. 105

Коковцов В.Н. 20, 37, 117, 170,
217, 225–227, 236–238, 240,
243–246, 248–250, 252, 256,
263, 277, 285, 290, 300, 302,
319, 354, 448, 456

Колюбакин А.М. 119
Комаров Г.В. 264
Кондаков Н.П. 103
Кони А.Ф. 94
Константин Константинович,
всл. кн. 94, 208
Константинович Г.К. 275
Корнилов А.Г. 37
Корш Ф.Е. 99
Косевич 406
Котляревский С. 155–156
Кошкаров С. 378
Кошутич Р. 103, 105–107, 193,
219–221, 276, 278, 285, 411,
466
Крамарж К. 174
Крыстев-Миролюбов К.
111–112
Кузьминский К.С. 99, 421
Кулагин Н.М. 102
Кулаковский П.А. 370, 445
Куприн А.И. 32
Курдоманов П. 149
Куропаткин А.Н. 39
Кутинчев В. 90, 336
Кынчов В. 292

Л

Лавров П.А. 73–74, 98, 103,
107–109, 135, 223, 260, 276,
278, 290–291, 295–296,
298, 302–304, 313, 315–
316, 341, 425, 462
Лапин С.М. 142
Ледницкий А.Р. 235
Ленин (Ульянов) В.И. 30, 45,
51, 159
Липковская Л. 115
Лопухин В.Б. 199, 282
Лысогоровский В.В. 105

Людсканов А. 194
Ляпчев А. 173
Ляцкий Е.А. 112, 228

М

Маджаров М. 190, 280, 459
Майков Ап. А. 370, 445
Мак-Гахан Я. 176
Маклаков В.А. 233, 238
Маклаков Н.А. 248
Максуди Х. 138
Малинов А. 172
Мамонтов Н.П. 23, 32–33,
96, 112–113, 125, 163,
174–175, 177, 179–180,
182–183, 189, 319, 328, 330,
333–334, 336, 340, 350,
361–365, 373–375, 377–
378, 384–385, 389–392,
394, 398, 400, 403–405, 407,
409, 412, 414
Мандль Л. 367
Маркова И. 410
Мартов Ю.О. 94
Мартынов Е.И. 36–39, 112,
273, 306, 338, 343–345,
349, 353, 355, 359, 369–371,
380–381, 383–384, 391–393,
399, 417, 424, 443, 454
Масарик Т.Г. 174
Матов Х. 285
Махров П.С. 42, 110, 329, 334,
336–337, 375
Мейендорф Ф.Е. 216
Мельников В.И. 143
Меньшиков М.О. 148, 232
Мефодий, митрополит 350
Мещерский В.П. 160
Милев Н. 279
Милетич Л. 313–314

Милица Николаевна, вел. кн.
205, 242–245
Милосевич М.Г. 289–290, 292,
295, 298, 300–304
Милюков П.Н. 67–68, 96,
99–100, 119, 122, 142, 148,
171–174, 187–188, 195,
220, 233–235, 238, 263,
266–272, 283, 286, 289, 297,
310, 321, 338, 453, 457–458,
465
Мисирков К.П. 274–275, 285,
466
Михаил, архимандрит 212, 274,
278
Михайловский В.Т. 99
Мишагин-Скрыдлов Б.Н. 21
Мишич Ж. 342
Мосолов А.А. 216
Муткуров С. 328

Н

Натадзе Ш.Я. 184
Неклюдов А.В. 169, 172–173,
195, 197–198, 202, 205, 207,
215, 280, 283, 287
Некрасов Н.В. 238
Немирович-Данченко Вас. И.
10, 23–30, 112–113,
125, 146–147, 152–153,
156–158, 162, 167–168,
176, 181–183, 189, 193,
272, 319, 330, 333, 335,
343–344, 346–347, 353,
357, 359–360, 362–363,
369, 373–375, 377–378,
380–383, 385–386, 390–
391, 394–395, 397–399,
401–402, 406–413, 417,
424, 426, 460

Нератов А.А. 215
Никаноров И.В. 105–106
Никола Негош-Петрович 92,
114, 118, 175, 205, 241,
243–244, 252, 254–255,
257, 343, 419
Николай II 118, 198–199, 205,
215–216, 225, 227, 243,
256, 265, 274, 277, 280–282,
284–285, 287, 340, 449
Николай Николаевич, вел. кн.
196, 204, 216–217, 242, 249,
256
Николич А. 257
Никольский Б.В. 161
Новицкий П. 114

О

Обилич М. 425
Овсянный Н.Р. 111, 158, 291–
292, 295–296, 300–301,
371, 379, 423
Одавич Р. 290
Ольга Константиновна,
королева 151, 407
Ольгенин Т. 264, 319
Ольденбург С.С. 94, 118, 134,
227–228, 245–246
Осоргин М.А. 18, 23, 40, 258,
319
Осоргин М.М. 440

П

Пальмов И.С. 277
Паренсов П.Д. 277
Пастухов И. 337–338
Пачу Л. 172
Пашич Н. 30, 166–167, 169–
170, 172, 174, 191, 193, 200,
202–204, 208, 210–213,

- 215–217, 221, 251, 263, 268,
270, 277–278, 284–285,
290, 300–301, 314, 320, 322,
345–348, 350, 352, 424,
436–437, 466
- Перовский-Петрово-Соловово
М.М. 309
- Петлюра С. 218
- Петр Карагеоргиевич 182, 208,
258, 298, 314, 320, 342–343,
348–349, 383, 419, 422,
436–437, 152
- Петр Николаевич, вел. кн. 205,
242–243
- Пехливанов Й.Г. 43, 110, 337,
420, 431
- Пиленко А.А. 24, 29–30, 112,
125, 127, 150, 154, 174–175,
179, 181, 183, 189, 264, 319,
363, 368, 372, 374, 380–381,
390, 394–395, 397–398,
401, 404, 409, 440
- Пичета В.И. 46, 100, 218
- Пичета Й.Х. 218
- Плетнев В.Д. 250, 310, 312
- Погодин А.А. 99, 101–102
- Поливанов А.А. 282, 314
- Полилов Г. 421
- Попович Д. 209, 212, 215, 221,
262, 273, 278, 284–285, 290,
300, 466
- Попович-Липовац И.Ю. 118,
276
- Поповы К. и С. 123
- Потресов А.Н. 94
- Привалов Н.И. 115
- Пропер С.М. 264
- Протич С. 109, 172, 210, 269,
289, 297, 299
- Протопопов Д.Д. 119
- Пуришев Б.Н. 21
- Пуришкевич В.М. 118, 126,
248
- Путник Р. 173, 342
- Пушкарев С.Г. 21–22
- Пыпин А.Н. 114
- Р**
- Радославов В. 201, 315
- Рансей Ю.И. 319
- Распутин Г.Е. 22, 243, 313
- Рид Дж. 425
- Ровинский П.А. 18, 33, 78, 103,
425, 443, 467–468
- Родзянко М.В. 168, 237, 246,
252, 281, 448
- Розелион-Сашальский А.Г. 443
- Ростовцев М.И. 103
- Рудановский К.А. 117
- Рудольф К. 400
- Рябинин А.А. 42, 110
- С**
- Саблер В.К. 262
- Савенко А.И. 97, 248
- Савич Н.В. 453
- Савов М. 23–24, 54, 91, 177,
327–332, 335–336, 338, 449
- Сазонов С.Д. 20, 29, 129, 131,
148, 154, 156, 170, 194,
196–199, 203–204, 206–
208, 216–217, 221, 227, 234,
241–242, 245, 250–253,
256, 262–263, 279, 282, 285,
320–321, 323, 448, 451, 456,
459
- Самосеев Н.К. 43–44, 110,
330, 336, 371, 384, 396, 428
- Сапунов 95
- Сахаров М.В. 369, 380–382

Семенов А. 110
Семиз Д.И. 103, 108–109,
158–159, 194, 217–219,
223, 250–251, 273, 290,
299, 301, 304–305, 308,
314–315, 466
Сергей Александрович,
вел. кн. 277
Скугаревский А.П. 117–118,
242
Смоленский О. 115
Смолин И.А. 115
Соболевский А.И. 291
Спалайкович М. 173, 205, 320
Стамболов С. 328, 331, 436
Станчев Д. 273
Станчев С. 409
Стемпковский В.И. 146
Стольпин А.А. 106, 264
Стоянович Л. 270–271, 307
Струве П.Б. 150, 235, 325
Ступин Н.Д. 438
Суворин А.С. 199, 214–215
Суворин М.А. 215, 289
Суворов А.В. 329, 334
Сулейманов Ф. 138
Султан-Крым-Гирей Н.А. 117
Сурин Н. 319
Сухомлинов В.А. 39, 205, 216,
225–227, 329

Т

Табурно И.П. 30, 109, 150, 153,
156, 166, 182, 189, 198, 209,
212–217, 219, 222–225, 273,
290, 292–295, 298–304,
306, 314, 342–344, 375–376,
378–379, 381, 389, 399–400,
402, 406, 409–413, 417, 423,
454, 466

Такев М. 409
Тальма А.Ф. 117
Таубе М.А. 456
Тевкелев К.-М.Б. 141
Теодоров Т. 282–283
Терещенко 124
Тимошенко С.Т. 21
Тодоров П. 27, 112, 187, 313
Толстой И.И. 182, 227, 249,
255
Тончев Д. 201
Топчибашев А.М. 144
Трифкович М. 346
Троцкий (Бронштейн) Л.Д.
25, 40–42, 83–87, 134,
152, 160–162, 166–167,
181–182, 186–189, 204,
209, 319, 328, 334–335, 338,
342, 345–350, 352, 355–357,
359–361, 364, 367, 370, 372,
378–379, 381–382, 389,
393, 396–397, 402–403,
405–406, 412–413, 416, 418,
420–425, 450, 453, 468
Трубецкой Г.Н. 350, 360
Тухолка С.В. 36

У

Урусов А.П. 232
Утин Я.И. 319
Ухтомский Э.Э. 274

Ф

Фердинанд Кобург 39, 54, 56,
91, 123, 162, 172–173, 191–
192, 194, 259, 263, 282–284,
302, 327, 328, 330, 332, 336,
338–343, 345, 348–352, 373,
375, 381, 393, 419, 432, 436,
452–455, 458–460, 465, 469

Фидлер Ф.Ф. 272
Фичев И. 279, 451, 453
Флоринский Т.Д. 120
Фортунатов Ф.Ф. 103, 278

Х

Хесапчиев Х. 173
Хольмсен И.А. 195
Хомяков Н.А. 209
Христов Д. 172–173

Ц

Цвиич Й. 292, 309
Цемович М.П. 270, 276

Ч

Чапрашиков С. 322
Чернов В.М. 161–162
Черняев М.Г. 26, 121, 191
Чинтулов И.Д. 43, 151, 330–331, 375, 390, 393–394, 401
Чириков Е.Н. 28, 30–32, 83, 112, 176–177, 183, 353–354, 358–364, 366–367, 370, 377–378, 381, 385, 389, 395–396, 402, 405–406, 408, 415, 417
Чубинский М.П. 103, 107, 250
Чуповский Д.Д. 275, 309
Чхенкели А.И. 143

Ш

Шахматов А.А. 103
Шацких П.Т. 151

Шелькинг Е.С. 118
Шепелев И. 151
Шингарев А.И. 119
Шишманов И. 108, 171–173, 190–191, 265, 266–268, 286–287, 308–312, 457
Шишманова-Драгоманова Л.М. 457
Штрандтман В.Н. 20, 29, 196–198, 203–204, 209, 215, 270, 320–321, 425, 443–444, 453
Штурценег К. 412
Шубинский Н.П. 237
Шукри-паша 179, 299
Шульгин В.В. 232, 237

Щ

Щеглов А.Н. 129

Э

Элеонора, царица 174
Энвер-паша 92
Энгельгардт А.Н. 463–464
Энгельгардт Н. 130–131
Эссад-паша 92, 255

Ю

Юсупов Ф.Ф. 22

Я

Язвицкий В.И. 319
Ястребов Н.В. 103
Яцимирский А.И. 103

Gusev N.S.

Bulgaria, Serbia and Russian society during the Balkan wars (1912–1913): Moscow: Indrik Publishers, 2020. – 520 pp.

ISBN 978-5-91674-592-4

DOI 10.31168/91674-592-4

The book examines the place that Bulgaria and Serbia took in the life of Russian society during the Balkan wars of 1912–1913. The war of the Orthodox peoples of the Balkans against the Ottoman Empire stirred up Russian society. The media closely monitored the events, public lectures and meetings devoted to the war were held, donations, volunteers and Red Cross infirmaries went to the Peninsula.

The Balkan states attempted use the sympathy of the Russian society to put pressure on the official Petersburg. At first, the need to remake the Balkans was justified in various ways. And then the Bulgarians and Serbs tried to prove their case in the dispute over Macedonia. The book shows the methods by which this pressure was carried out, identifies foreign and Russian subjects who participated in this propaganda campaign.

Descriptions of the Balkans and Balkan peoples interested Russian readers, and correspondents described in detail what they saw. The monograph reconstructs the existing image of Bulgaria and Serbia. On its basis, with the involvement of other sources and scientific literature, an attempt is made to restore the real picture of life in Bulgaria and Serbia on the eve of the First world war and its features, to understand the peculiarity of Westernization “in the Balkan way”.

Научное издание

Н.С. Гусев

БОЛГАРИЯ, СЕРБИЯ
и РУССКОЕ ОБЩЕСТВО
ВО ВРЕМЯ БАЛКАНСКИХ ВОЙН
1912–1913 гг.

Утверждено к печати Ученым советом Института славяноведения РАН
(Протокол № 4 заседания Ученого совета ФГБУН
Института славяноведения РАН от 29.09.2020)

Оригинал-макет *А.С. Старчеус*

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ИНДРИК»

По вопросу
приобретения книг
издательства «Индрик»
обращайтесь по тел.:
+7 (495) 938-01-00
www.indrik.ru
market@indrik.ru

INDRIK Publishers has the exceptional right to sell this book outside Russia and CIS countries. This book as well as other **INDRIK** publications may be ordered by
www.indrik.ru

Налоговая льгота —
общероссийский классификатор продукции (ОКП) — 95 3800 5

ЛР № 070644, выдан 19 декабря 1997 г.
Формат 60×90 1/16. Печать офсетная.
32,5 п. л. Тираж 300 экз.

Отпечатано в ОАО «Первая Образцовая типография»

Филиал «Чеховский печатный двор»

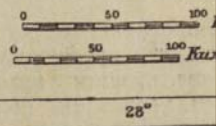
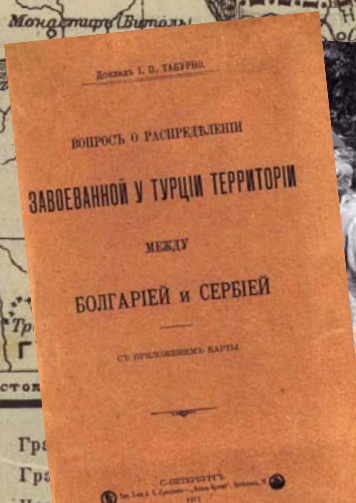
142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1
www.chpd.ru, sales@chpk.ru, 8(495)988-63-87

Никита Сергеевич Гусев родился в 1990 г. в Махачкале. В 2007 г. по окончании школы в Волгограде поступил на Исторический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова. В 2012 году окончил кафедру истории южных и западных славян (научным руководителем дипломной работы О. А. Дубовик). В том же году поступил в аспирантуру Института славяноведения РАН под научным руководством А.А. Шемякина, подготовил и в 2016 г. защитил кандидатскую диссертацию. В сфере научных интересов Н.С. Гусева – описания Балкан русскими путешественниками, модернизация и вестернизация Балкан, связи России и южных славян в конце XIX – первой половине XX в.

пейски
имаго
ой Сеу
ироват
иским
и повт
пошли

администрации. Дипломати
матьшим
их "внутренни
жертв з
родную кровь во
и Чернигов. По
и твепло

ь войсками Греции, Сербии, Румынии и
еко-албанская граница еще не определена).